

ЛАТИНСКИЙ РЕЙХ

ИСТОРИКО-БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК

Москва
2013

Эта книга представляет собой сборник выдержек и цитат из трудов различных авторов, светских историков и церковных богословов, раскрывающих суть двухтысячелетней борьбы против Православия темных сил, под каким бы видом они ни скрывались. Главная цель сборника – предостеречь православных о том, что католичество – это не церковь-сестра, а религиозно-политическая организация-агрессор, именующая себя церковью Христовой. По ходу повествования затронуты также и другие злободневные темы – об исторической роли России в мире, о глобализации, об упадке веры и нравственности в современном обществе. Книга предназначена для всех неравнодушных к сохранению Православной веры и возрождению Отечества – Святой Руси.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют ея» (Мф. 16,18) – на этом обетовании Спасителя до сего дня стоит Православная Церковь. Этим обетованием живем и мы, православные христиане, живем верой в непреложные Божии глаголы и на деле постоянно видим их исполнение.

Все восприятие происходящих в мире событий субъективно. Поэтому и подача исторического материала подвержена изменениям и компиляциям в зависимости от личности историка. Кто-то пытается быть нейтральным, кто-то, наоборот, придерживается крайних позиций. Но по-настоящему историю можно понять только с точки зрения домостроительства Божия о человечестве в целом и каждом народе и человеке в отдельности. На все надо смотреть через призму истинной веры, и тогда многие неудобопонятные моменты мировых событий очень просто разъясняются. Нужно учитывать и тот фактор, что большинство историков не ищет истины, а только своей славы и выгоды. А отдельные авторы по просьбе определенных заказчиков пытаются путать карты и переставлять все с ног на голову, чтобы люди не могли учиться на примере исторических уроков. Оценив важность знания истории для руководства человеческим сознанием и для создания общественного мнения, враги Православия с самых древних времен пишут для нас историю, которая с действительными событиями имеет мало чего общего.

Кто знает про то, что древнюю ересь стригольников, из которой потом развилась и ересь жидовствующих, запустили на Русь латинские агенты папского престола? Что поставление первого патриарха в России было связано с усилением иезуитской активности в захваченном

турками Константинополе? Что Смутное время на Руси и польско-литовское нашествие были мезью папского престола за учреждение патриаршества? Что первый же русский патриарх Иов был смещен с престола ставленником иезуитов самозванцем Игнатием с целью окатоличивания Руси? Что царевич Димитрий был убит ритуально – заколот ножом в горло, так, через отрубание головы, уничтожались христианские правители врагами, желавшими возглавить их государства... Что старообрядческий раскол на Руси в конце XVII века был организован орденом иезуитов и едва не закончился поставлением униатского патриарха над РПЦ? Что патриарх Никон в действительности был гоним не со стороны старообрядцев, а по проидам папы римского, потерявшего часть потенциальной паствы, ведь именно благодаря ходатайству патриарха Никона перед царем, Алексей Михайлович решил присоединить Малороссию к России?

Целью книги и является донести суть двухтысячелетней борьбы против Православия врагов нашего спасения – кем бы они ни были – распявшими Христа фарисеями и саддукеями, гнавшими христиан языческими правителями, предавшими и извратившими христианскую веру римскими папами, тайными сатанистами-масонами или явными богоборцами-революционерами. Именно ненависть к истинной Православной вере и ее исповедникам объединяла все эти, на первый взгляд, разнородные группы, а если копнуть поглубже, то и вскрывается их общая сатанинская сущность. Предупрежден – значит, вооружен. Церковь одна – Православная – Единая Святая Апостольская, остальные – еретики, отпавшие от нее раньше или позже. Нет никакой церкви-сестры, а пытающиеся под видом близкой родственницы обратиться в Православие, чтобы разрушать его изнутри, четко обозначены Спасителем в Евангелии: «Прелазяй инуде, той тать суть и разбойник» (Ин. 10, 1).

Еще апостол Иоанн Богослов писал, что антихрист «и теперь есть уже в мире» (1Ин. 4, 3). По одному из тол-

кований под антихристом подразумевался римский император, стремившийся к тотальному завоеванию мира и глобальному господству над человечеством. Эту эстафету, вместе с титулом архиерея «понтифик максимус», переняли римские первосвященники, и, ничтоже сумняшеся, продолжили дело покорения Риму всей остальной части вселенной.

Этим объясняется все мировое течение двухтысячелетней истории христианства: распявшие Христа и их потомки вклинились в христианскую церковь и, разложив часть ее изнутри, соделали эту разложившуюся часть, под названием папское католичество, орудием борьбы с оставшимися верными Христовой Истине народами. Отпавший апостол Иуда, продавший Христа за 30 сребренников иудеям и после сам погубивший себя, служит скорбным предупреждением для желающих совместить служение Христу со служением князю тьмы. Но пример апостола Петра, сперва отрекшегося от Христа, страха ради иудейска, а потом через искреннее раскаяние вновь принятого в число апостолов, дает шанс на покаяние всем без различия. Так что и у латинствующих еще есть возможность что-то исправить, но захотят ли последовать своему покровителю римские папы, ведь окончил жизнь апостол Петр на кресте?

Вся история Руси, России, даже СССР и РФ – история непрекращающихся войн (холодных и горячих), провоцируемых распявшим Христа иудаизмом и предавшим Христа Ватиканом. Если слегка изменить ракурс ее обозрения – открывается совершенно неожиданная подоплека известных событий, просто мы знаем историю, в основном, по советским школьным учебникам, в которых сознательно умалчивались или обходились стороной вопросы веры. Оказывается, что ничто не ново, враги у Православной Руси – все те же, что и у Христа. О том, как стояли за Истину наши предки – это повествование.

Эти заметки не претендуют на строгий научный анализ происходящего в мире. В них просто предпринята

попытка сопоставить некоторые исторические факты и даты. Конечно, при более глубоком изучении церковной и мировой истории эту цепочку взаимосвязей можно продолжить, проанализировав все досконально, сделать и другие открытия. Только это дело времени, а сейчас нельзя медлить ни минуты: католическая агрессия на РПЦ нарастает не по дням, а по часам, причем действуют латиняне своим любимым иезуитским способом – ложью и обманом.

Просим прощения за возможные неточности, и да послужит сей труд в деле укрепления Православной веры.

ЧАСТЬ I

ИЗБРАННЫЙ НАРОД И СЫНЫ ПОГИБЕЛИ

Совершившееся две тысячи лет назад Пришествие в мир Спасителя подготавливалось Божественным Промыслом и ожидалось человечеством со времен грехопадения прародителей. И чем ближе был день Боговоплощения, тем явственнее люди ощущали это – и по пророчествам ветхозаветных праведников, и по усиливавшейся в мире агрессии дьявола и его клеветов. Христос родился от Пречистой Девы Марии в предсказанный пророками срок, когда истекли знаменитые Данииловы седмины и «пришла полнота времен». Но не только ветхозаветный Израиль подготавливался к встрече с Богом. Весь сотворенный мир, хотя и лежавший во зле, оставался орудием Промысла Божия.

Так и Второе Пришествие, за которым последуют конец этого видимого мира и Страшный Суд, ожидается уже со дня Вознесения Христова. И по пророчествам святых, и по указанным в Откровении апостола Иоанна Богослова признакам, и все по той же, достигающей своего апогея агрессии темных сил, можно судить, что человечество стремительно движется к апокалиптическим временам.

Римское государство, основанное за 700 с лишним лет до Рождества Христова, к моменту Боговоплощения находилось в расцвете славы и могущества. Римские полководцы объединили своими завоеваниями большинство цивилизованных государств, подчинив единой власти части трех континентов: Европы, Азии и Африки. Римские правители руками рабов проложили по всем завоеванным странам свои дороги и наладили пути морского сообщения, которые потом послужили апостольской проповеди. Тогда же по заказу Юлия Цезаря александрийский астроном Созигмен

создал юлианский календарь. По нему и начался отсчет Новой эры – от Рождества Христова.

В течение многих веков оттачивали греческие философы и поэты остроту мысли и красоту слова, чтобы затем эллинское красноречие послужило своей службой Богу, став языком христианского богословия. И даже самое жуткое изобретение римской цивилизации – орудие казни и смерти – крест, Господь соделал символом спасения и Вечной жизни. «Римский государственный гений обогатил мировую культуру двумя блестящими достижениями: обширным сводом законов («Римское право»), который лег в основу всех европейских законодательств, и крестом – самым мучительным видом смертной казни, предназначенной для разбойников, изменников государства и взбунтовавшихся рабов.

Христос, будучи жертвой за все человечество, избрал распятие как вид страдания, совмещающего в себе все душевные и телесные муки. Кровь Христа, обагрившая Крест, искупила грехи человечества. Для нас Крест и Воскресение неразделимы. Тайну Распятого Бога не могли понять ни иудейский формализм, ни языческие аполлонизм и дионисийство, ни эллинская философия, ни римская культура, поэтому христианская Церковь сразу же стала гонимой. «Крест – для иудеев соблазн, а для еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23)» [1].

Спаситель через смерть на Кресте даровал нам жизнь, и потом, казалось бы, самые негативные для Церкви и христиан обстоятельства Господь обращал во благо. Например, мученичество первых христиан послужило их прославлению и фундаментом Церкви. Многочисленные ереси и расколы стали поводом к созыву Вселенских соборов и выработке стройной системы христианского вероучения и догматов. Все силы ада враг человеческого рода мобилизовывал на борьбу против Бога и Его творения – человека, но чтобы ни предпринимал сатана и его приспешники – последнее слово всегда остается за человеком и его свободным нравственным выбором.

«Христианское мировоззрение, – пишет митрополит Иоанн (Снычев), – давно подметило в череде исторических событий некую необъяснимую на первый взгляд стран-

ность. Походы и войны, мятежи и революции, смены династий и свержения престолов, экономические кризисы и политические интриги – эти внешне бессвязные и хаотические явления соединены между собой удивительным единством последствий. Их конечным результатом всегда является разгром национальной государственности и попрание христианских святынь. Неизбежно встает вопрос: почему? Что это – случайность или «объективная закономерность», столь любезная сердцу историков-материалистов? Особое звучание приобретают в этой связи многочисленные христианские пророчества, предсказывавшие именно такой ход истории. «Молим вас, братия, – обращается апостол Павел к народу церковному на заре христианской эры, – да не обольстит вас никто никак... Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2: 1,3,7). В этом апостольском призыве – ключ к пониманию многих загадок истории и наших сегодняшних недоумений.

Истоки «тайны беззакония» коренятся в седой древности. Ее отправной точкой являются события внешне мало значительны: в VIII и VII веках до Рождества Христова под ударами Ассирии и Вавилона пали маленькие ближневосточные царства, Израильское (в 727 году до Р.Х.) и Иудейское (в 606 году до Р.Х.). Лишившись независимости и превратно истолковав священные книги, часть религиозных сект Израиля и Иудеи связали свои надежды на восстановление государственности с пришествием Мессии – царя Израильского, который соделает их господами мира. Считая себя народом, избранным Богом якобы для господства, они ревниво оберегали свою национально-религиозную «исключительность». Закоснев в ожидании Мессии как политического и военного лидера, эти люди отвергли истинного Мессию – Иисуса Христа, пришедшего в мир с проповедью покаяния и любви. Особую ненависть вызывал у них тот факт, что, обличив заблуждения иудейских «законников» – книжников и фарисеев, Христос разрушил миф об их «богоизбранности», приобщив к Своему спасительному учению все окружающие народы. Обличая сатанинские истоки безмерной гордыни самозваных претендентов на мировое владычество, «Иисус сказал им... Ваш отец

дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 42, 44).

Простить Ему этой правды «сионские мудрецы» не могли. Христос был оклеветан и по лжесвидетельству осужден на смерть. Но распятым Он оказался для богоборцев еще страшнее. Христианство стремительно завоевывало мир, отодвигая мечту о господстве все дальше и дальше. Тогда христианской Церкви была объявлена война. Вести ее открыто христоненавистники не могли: не хватало сил. Их оружием в этой войне стали еретические учения, разрушавшие христианство изнутри, тайные общества и организации, скрывавшие за внешне благовидной деятельностью свою главную цель: низвергнуть христианство, разрушить национальные государства и подготовить таким образом «добровольное» объединение мира в рамках единой международной политической структуры под властью единого мирового правительства. Его глава и должен, по замыслу «архитекторов» этого «общемирового дома», воплотить в жизнь многовековую мечту о господстве над миром. Христиане называли этого грядущего мирового диктатора антихристом.

Под какими только личинами не скрывались «предтечи антихриста» – строители «единого мирового сообщества», основатели экуменических движений, приверженцы «всеобщих мировых вероучений» и тому подобных богоборческих начинаний. Все шло в дело: еретические секты средневековья, псевдомонашеские ордена времен крестовых походов, литературные чтения и философские кружки эпохи Просвещения, научные ассоциации и масонские ложи нашего космического века с удивительным единодушием выполняли кропотливую работу по разрушению христианского мироощущения и национальной государственности» [2].

Аналогично рассуждает и историк-исследователь Олег Платонов: «По мнению христианских богословов, тайна беззакония заключается в «ожесточенном иудействе» и «преследовании иудеями христианства». Из Нового Завета явствует, что тайна беззакония проявляется прежде всего в иудаизме и иудейских сектах, породивших ложь и испорченность в человечестве. Таким образом, тайна беззакония, над которой так деятельно трудился князь тьмы (Ин. 12, 31; 13, 2, 27), приобрела наконец в лице иудейского наро-

да самую восприимчивую почву, где могло возрастать семя грядущего антихриста. Только в этом народе, превратившемся из народа богоизбранного в народ богоотверженный, только в его безграничной ненависти ко Христу сатана мог заложить прочный фундамент для своей церкви антихриста. Об этой служебной роли иудейства в осуществлении сатанинских планов говорит и апостол Иоанн Богослов: они «говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2, 9). Они примут антихриста с великой радостью, уверуют в него, как в Мессию, обещанного пророками. Поэтому и сказал Христос: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5, 43).

Вся история человечества после Рождества Христова подтверждает, что ненависть иудеев к Спасителю была не временным событием, а постоянным ожесточенным восстанием их против Сына Божия, перешедшим в плоть и кровь ко всем последующим иудейским поколениям. «И первый на земле народ, который признал сатану своим богом и поклонился ему как Богу был Израиль, ставший чрез то из народа Божия, богоизбранного, каким он был по первородству своему среди сынов человеческих, народом-богоборцем – богоубийцей, Вавилоном – женою любодеицею» [3].

«Иудеи стремятся ... увлечь в свое революционное богоотступничество все народы, заняв в них руководящее положение». Главным орудием в претворении этого богоборческого плана стали созданные иудеями тайные центры власти, общества и секты» [4 с. 11].

Предостерегая людей от гибели, Господь часто посылает различные знамения и чудесные явления, чтобы разумить грешников. Известно, что незадолго до разрушения Иерусалимского храма было видение, как ангелы покинули его, – благодать Божия оставила это место и этот народ, распявший своего Бога.

«Тит приступил к осаде Иерусалима к пасхе 70-го года. Во все время осады голод причинял иудеям невероятные бедствия и страдания. Когда отдельные лица решались поискать для себя пищи за городом, римляне ловили их и, изуродовав, снова прогоняли за стены Иерусалима или же распинали на крестах. Но скоро уже и эта опасность не

удерживала, и число их было так велико, что иногда в один день до 500 человек погибало крестной смертью; везде вокруг стен стояли кресты с распятыми на них иудеями. Думали ли о таком исполнении своих слов иудеи, когда, требуя крестной смерти Спасителя, они необдуманно кричали: «Кровь Его на нас и на детях наших»?!..» [5].

Оценивая деяния политических и религиозных лидеров Иерусалима того времени, Иосиф Флавий писал: «Однако нет никакой возможности описать по порядку все их злодеяния, вообще же можно сказать, что еще ни один город не перенес ничего подобного и еще ни одно поколение во веки веков не производило столько зла... Они-то и ниспровергли город, хотя и принудили римлян против их воли поставить свое имя под этой безрадостной победой, и это они почти что втащили в храм медливший еще огонь! Достоверно известно, что без скорби и слез они созерцали из Верхнего города пылающий храм, скорбь же и слезы следовало искать в стане римлян. Бог давно уже обрек храм огню, но вот, наконец, настал predeterminedный во времени срок – 10-й день месяца Лоя, тот самый день, в который и прежде храм был сожжен царем вавилонян, виной и причиной огня были сами евреи».

Вскоре в Ямнии, близ побережья Средиземного моря, возникла академия, которая за отсутствием храма для жертвоприношений, первосвященника и церковного клира, исчезнувших во время бедствия, являлась хранительницей преданий Израиля. Патриарх и академия, сделавшись политическим и религиозным центрами еврейского народа, состояли из главы, совета и книжников фарисейской секты, оставшейся единственной (сплоченной) среди общего разложения государственного организма. При этом, вероятно, сейчас никому не известно, было ли разрушение Иерусалима действительной трагедией для тайного правительства Иудеи или даже подготавливалось им? Но очевидно другое: уничтожение официальной власти было на руку фарисеям, так как ликвидация легальной власти как бы узаконивала их тайную власть.

Они засылали своих гонцов во все еврейские колонии и взымали налог – дидрахмы, вносившийся исправно, несмотря на то что римский император немедленно по раз-

рушении Иерусалимского храма «евреев, где бы они ни проживали, обложил налогом, повелев каждому платить в Капитолийский храм две драхмы в год – столько же, сколько прежде они отдавали на Иерусалимский храм».

Вероятнее всего, со времени разрушения храма существовало одно и то же еврейское правительство, находившееся последовательно в Ямнии, Тивериаде и Вавилоне, которое потом было перенесено сначала в Константинополь, а затем в Салоники. Эти «князья изгнания» – тайные правители еврейства, правление которых, должно быть, не прерывалось с Вавилонского пленения и которые «обогатились» там всеми атрибутами магических ритуалов, происходят из царственного рода Иуды, как и древние князья Иудеи. Вот как описывается обряд посвящения в сан «князя изгнания»: «Он заканчивал обряд молитвою, произносимой про себя, из боязни, чтобы кто-либо не услышал и не передал другим правителям, что он желает их гибели, ибо действительно царство евреев не может возникнуть иначе, как на развалинах других государств» [6 с. 139]

«Задачей иудеев стало уничтожение ненавистного им христианства; дыша злобой, они возбуждали язычников против последователей Христа. Книга Деяний и Послания святых апостолов свидетельствуют о том, с какой злобой иудеи преследовали первых христиан. Четыре века жесточайших гонений со стороны римских властей, сотни тысяч умученных за веру, которых истязали, жгли и бросали на растерзание зверям и которые были жертвами иудейской клеветы и подстрекательства, но эти гонения привели лишь к торжеству Вечной Правды. На крови мучеников воздвиглась Церковь Христова, и над оружием клеветы воссиял Крест» [7].

«Памятники письменности первых веков христианской эры, дошедшие до нас, едва ли не единогласно свидетельствуют о том, что ненависть к Христу повсеместно составляла иудеев идти на отчаянные попытки искоренить, уничтожить Его учение. Ради этих целей они не брезговали никакой клеветой, откровенно провоцируя римские власти на организацию антихристианских гонений.

Непримиримое отношение иудаизма к христианству коренится в абсолютной несовместимости мистического,

нравственного, этического и мировоззренческого содержания этих религий. Христианство есть свидетельство о милосердии Божиим, даровавшем всем людям возможность спасения ценой добровольной жертвы, принесенной Господом Иисусом Христом, вочеловечившимся Богом, ради искупления всех грехов мира. Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной. Среди христиан установился взгляд на вражду иудаизма к христианству как на отражение в мире богоборческой ненависти сатаны, дьявола – к Иисусу Христу, Сыну Божию, разрушившему Своей крестной жертвой его державу и власть над душами людей» [2 с. 76].

Святой Иоанн Златоуст, живший в IV веке, говорил: «Если ты уважаешь все иудейское, то что у тебя общего с нами?... Если бы кто убил твоего сына, скажи мне, ужели ты мог бы смотреть на такого человека, слушать его разговор?... Иудеи умертвили Сына твоего Владыки, а ты осмеливаешься сходить с ними в одном и том же месте? Когда узнаешь, что кто-нибудь иудействует – останови, объяви о нем, чтобы тебе и самому не подвергнуться вместе с ним опасности».

Мученик Иустин Философ во II веке по Р. Х. говорил: «Иудеи послали во всю землю людей, через посредство которых везде оповестили, что возникла новая секта, которая проповедует атеизм и разрушает законы... Все клеветы, которые распускают относительно христиан, идут от этих, распространенных иудеями».

Септимий Флоренс (II–III вв. по Р. Х.), больше известный историкам под именем христианского богослова Тертуллиана, свидетельствовал: «Иудеи – первые виновники дурных представлений, какие имеют о нашей религии язычники».

«В 64 году евреи, возбуждаемые сектой фарисеев, решили, что час их торжества наступил. В Риме царствовал Нерон; этот изверг издал указ о преследовании христиан, осудивший их на мученическую смерть. Пожар Рима, послуживший Нерону предлогом начать гонения против христиан, начался в лавках около цирка, принадлежавших иудейским купцам.

Следовательно, смертная казнь угрожала прежде всего еврейскому населению. Но евреи имели во дворце императора могущественных заступников, и сама Поппея, наложница Нерона, была последовательницей еврейства. Ей не только удалось убедить цезаря пощадить евреев, но она еще обратила гонения, им угрожавшие, против христиан. Чем не Есфирь? Еврейская колония Рима могла в течение трех лет упиваться зрелищем сожжения заживо тысяч христиан или растерзания их дикими зверями. Эти события утвердили в церкви, с первых же веков, мнение, что евреи, перестав быть народом Божиим, сделались богоборцами. Рука, распявшая Учителя, истязала Его учеников». [6 с. 136]

«Вражду иудеев к «галилеянам», т.е. к христианам, использовал друг иудеев Юлиан Отступник, – писал известный советский историк Лев Гумилев. – Гонения на христиан первые 150 лет проводились либо по доносам иудеев, либо по закону Траяна о запрещении любых обществ. К христианам Траян относился без всякого интереса и даже запретил принимать на них доносы, а казнить их повелел только по личному заявлению о принадлежности к христианской общине. Поэтому христианство распространялось по всей империи, втягивая в себя алчущих и жаждущих правды» [8 с. 50].

Таким образом, пришествие Христова разделило мир на последователей Христа и гонителей Христа (под какой бы личиной они не скрывались). Отсюда будут проистекать и выводы дальнейшего повествования.

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РИМСКАЯ КУРИЯ

Бытует мнение, что сатана может принимать образ даже ангела света, но все равно в этом явлении будет просматриваться некая ущербность: или копыта будут видны, или рожки проглядывать, или еще что. В основании Рима положена легенда о двух близнецах, Ромуле и Реме, вскормленных молоком волчицы. В Евангелии не раз Господь олицетворял волков со злом, причем злом не столько материальным, а духовным. Рим же, как известно, имеет своим символом именно волчицу (символ зла), питающую чело-

веческих детенышей. Ее ядовитым молоком, вливающим отраву звериной агрессии в пьющих его, питался западный мир тысячелетия, продолжает и поныне. Вот почему истинное православное христианство не смогло укорениться на почве этого народа. Рим не смог или не захотел изжить в себе языческий демонизм, поэтому и отпал в бездну ересей и пороков, любезно предложенных иудейскими ростовщиками в обмен на власть над миром. Варварская Европа под окормлением Ватикана так и осталась языческой – «По плодам их узнаете их» (Мф. 7,16), а из-под овечьей шкурки паллиума, которой пытались прикрыть свою «непогрешимость» римские папы и их ставленники, все явственнее проглядывают волчьи лапы апокалиптического зверя.

Римский папа считает себя и «наместником Бога», и преемником римских императоров. Так не про римских ли лжепастырей, «прелазящих инуде» (Ин. 10,1), и волков, расхищающих стада Христовых овец, предупреждал Спаситель? Ведь языческие правители гнали Церковь и верующих не зная истины, а римские папы и римская курия, зная Бога, сознательно разрушают Христову Церковь. Римские первосвященники с подсказки и с помощью иудеев разложили католичество изнутри, отколов в 1054 году от спасительного древа Православия практически всех жителей Западной Европы. Они ввергли в сатанизм латинства западную половину христианства, и в течение тысячелетий добивают Православие.

Интересным исследованием истоков зла в католической религии является труд К. О. Де-Скροховского, работавшего с редчайшими источниками, в том числе извлеченными из секретных фондов Ватикана и изъятыми римской курией из обращения. «Никому, кроме Создателя, в настоящее время неизвестно, кому обязаны Греция и Италия политеизмом и идолопоклонством, но зато достоверно, что в Рим они были занесены «римской курией», обосновавшейся с 753 года до Рождества Христова в провинции Latinium, на левом берегу Тибра» [9 с. 22–23].

Есть предположение, что курия – это группа эмигрантов из зараженного языческим нечестием Израильского царства, осевших, после его разгрома в 723 г. до Р.Х., в Италии. Разница в тридцать лет говорит или о том, что специально

сдвигались даты, как это не раз делалось, чтобы запутать историю, или о том, что к израильским «первопроходцам», заблаговременно приехавшим на новые земли, при первой же возможности присоединились и другие. Особенно ярким подтверждением версии иудейского влияния на создание римского государства является позднейшее создание по аналогичной схеме Хазарского каганата.

«Одни из греческих историков считают курию римского оракула шайкой корсиканских пиратов, которая, с помощью огня и меча, проповедовала только одну веру – в силу и деньги – две основы своего будущего могущества, или же шайкой, состоявшей из трехсот человек разбойников (*про комитет 300, составляющий тайное мировое правительство и поныне, будет упомянуто далее*¹), под предводительством Силача или Ромулуса.

Ромулус, находясь во главе курии и желая господствовать единовластно, убил родного брата Рема, по примеру Каина, убившего своего брата Авеля. Вслед затем Силач-Ромулус напал со своей курией на жрецов Латиума, поубивал их всех и завел в Латиуме новые обряды, а именно, велел жителям поклоняться себе и своим ближайшим подчиненным, остальным предводителям курии. Он согнал жителей, уже в качестве своих рабов, приказал им рубить леса на семи холмах и построил между ними четырехугольный город в триста домов, окружив названные семь холмов каменной стеной, с семью окованными железом воротами, которые названы им адскими воротами.

Чтобы не допустить до всеобщего бунта, разделил своих товарищей на три части (*tribus*), каждую же трибу на десять курий со жрецом во главе, а также организовал в своих владениях теократическую администрацию. Его старые товарищи были назначены сенаторами его сената, двести человек младших сподвижников образовали его войско, т.е. ликторов, остальные же заняли места жрецов «*curiales*» в трех храмах или же были назначены предводителями его личной охраны и исполнителями его воли. Вслед затем названные трибы провозгласили своего начальника богом на Квиринале Ромы, приказывая народу приносить ему в жертву десятину своих доходов. Каждая из названных триб, состоявшая из ста человек куриалов,

образовала часть всего совета или собрания старцев, получившего отсюда название сената, в котором в то время еще соединялась мирская власть с оракулом. Впоследствии эта власть всецело перешла к жрецам. *(Все это явно похоже на подражание устройству иудейского государства с построением города, подобно Иерусалиму, на семи холмах с четырехугольной крепостью, десятина доходов, отчисляемая на содержание первосвященников и храма, вечный неугасаемый жертвенный огонь во дворе храма и др.)*

Старцы, получившие название «patres», а оттуда патрициев, являлись одновременно чем-то вроде куриального, оракульного попечительства над сенатом, над народом и над обрядами поклонения огню, постоянными хранителями которого днем и ночью были по очереди жены жрецов, прислуживавшие жене архиерея Весте и оттуда прозванные весталками.

В тоже время курия решила лишить предводителя вооруженной силы полной власти и, желая снискать себе расположение сабинян, провозгласила своим правителем, конечно, только для виду, богатого сабинянина, жителя Кум Нуму Помпилия, под условием, что он будет подчиняться всем без изъятия постановлениям курии. Та же курия заставила Нуму публично признать куриалов «отцами» (patres), родственников же их – «патрициями», а весь остальной народ – «плебеями». *(Явно смахивает на отношение «избранного» народа ко всем прочим).* Таким образом, целая тысяча сыновей и три тысячи внуков куриалов являлись мнимыми отцами горожан. Военное сословие ликторов состояло исключительно из сыновей авгуров и куриалов. Точно также и все должности замещались лишь патрициями, которые были подчинены сенату, находившемуся в полной зависимости от оракула курии. *(Чем не полная аналогия с Хазарским каганатом?)*

Жрецы, нисколько не стесняясь, прямо объявили, что курия сплошь состоит из потомков богов. Каждый римлянин, под угрозой проклятия и гнева богов (т.е. жрецов курии Ромы), должен был приносить в храмы курии подаяния под видом жертвоприношения, для каждого из богов отдельно. Всякий сенатор, не подчинявшийся ее оракулу, т.е. ауспициуму авгуров, погибал от кинжала уже не как

бунтовщик, но как безбожник. Курия оракула открыто провозгласила сама себя «господином мира и всех сенатов мира», сенат же, со своей стороны, утверждал все это и как учреждение, существующее только для вида, пожаловал оракулу титул «collegium pontificum», а Нуме – «pontifex maximus». *(Вот откуда произошел этот титул главы католической церкви, от которого с презрением откажутся православные византийские императоры. В принципе, вся структура католической иерархии была организована на этой основе. Отсюда и папа римский – верховный жрец, и кардиналы-патриции, и каста безбрачного духовенства, отделяющего себя от народа).*

Система была построена таким образом, чтоб создать непрерывную преемственность, поэтому каждый выбывший по болезни или смерти член тайной курии сразу же заменялся другим. Революции изменяют формы всякого видимого, гласного образа правления, поэтому прочное господство курии должно быть негласно, насколько возможно невидимо, тайно и таинственно. У курии будет невидимая власть над видимым сенатом, поэтому она освобождена от всякой ответственности» [9 с. 22–23].

Короче говоря, уже в VIII в. до Р.Х. существовала категория людей, которые стремились к мировому господству, хотя и представляли собой на тот момент жалкую горстку жрецов. Конечно, для мировой истории это не ново. «На картине III века провинции Рима были изображены в виде прекрасных девушек, приносящих дары Риму – Диоклетиану. Император Тиберий выразил свое негодование александрийским иудеям, узнав, что они молились за него, а не ему. Гению (духу) императора, как покровителю Рима, возводились храмы, смерть императора превращалась в апофеоз. Земные, хтонические божества, ведущие свое родословие от Нимврода – строителя Вавилонской башни, не желали разделять свою власть с Небесным Богом. Римские сатурналии, иудейский хилиазм (учение о тысячелетнем царстве изобилия), восточные мистерии внушали людям надежду, что мудрецы и мессии построят рай на земле, рай – как чашу неисчерпаемых наслаждений» [1 с. 54].

На примере покорения Греции был испробован способ, который и до сих пор служит приспешникам сатаны в борь-

бе за порабощение человечества: разделяй и властвуй. Обескровив греков междоусобными войнами (!), Рим легко победил их и покорил практически без потерь для себя. В 146 г. до Р. Х. вся Греция с Македонией слились в одну римскую провинцию Ахаия. (Спустя полторы тысячи лет греческая Византийская империя снова пала, поверженная Римом, поддавшись на соблазн Флорентийской унии.)

После того, как Юлий Цезарь вернулся победоносцем в Рим, ему пришлось столкнуться с требованием курии отдать ей на «хранение» все свои богатства, а также побежденных им Красса и Помпея. Цезарь, полагаясь на свой авторитет у армии и сената, отказался повиноваться, за что через год и расплатился жизнью. Он получил анонимное предостережение: «Вещая Сивилла предсказала, что если он не отдаст ей остальных сокровищ, то 15-го марта будущего года будет убит сенаторами», что в точности и сбылось. Этот демонический почерк можно будет потом не раз встретить в мировой истории и опознать служителей тайного правительства по кровавому следу. «Предсказания» чьей-либо смерти часто практиковались в оккультно-сатанинской средневековой среде. Желая создавать иллюзию таинственности и укреплять страх перед своей силой, жрецы предостерегали потенциальных жертв предстоящей расправой.

Удалив непокорного врага в лице Цезаря, оракул отмстил и сенату, придавая этим преследованиям и убийству окраску праведного гнева за смерть Юлия и свалив на него вину за убийство. Все было четко продумано! Этот метод тоже постоянно встречается в мировой политике. Вообще, на языческий Рим можно указать, как на образец воплощения в жизнь идеи мирового господства: Римское рабовладельческое государство явилось прообразом глобализационного мирового царства последних времен с тайным правительством во главе.

В современном мире повторяется ситуация, происходившая накануне Пришествия Христова в Римской империи – тотальная распущенность и падение нравов. «Резиденция римского управления среди покоренных народов становилась школой нравственного разложения. Римские наместники различными преступными способами выжимали у народа деньги и имущество, собирая себе почти сказочные

богатства. Целые корабли и караваны везли лакомства, напитки и различные драгоценности из отдаленнейших провинций в богатые римские дома. А что сказать о цене? Чем дороже, тем лучше!

При жизни, проводимой в чувственных удовольствиях, что-либо высшее, духовное, идеальное почти не существовало или существовало лишь для весьма немногих. «Хлеба и зрелищ!» – вот известный лозунг того мрачного времени. В Риме заботились только об обильном привозе зернового хлеба для кормления народа и о многочисленных театраль-ных представлениях и играх для доставления ему удовольствия.

Браки как прежде, так и после были также легкомысленно и поспешно заключаемы, как и расторгаемы. Были женщины, которые считали свои годы не по консулам, а по числу своих мужей. Некоторые жены начинали уже хлопотать о разводе, когда еще не завяли те зеленые ветви, которые украшали двери дома при входе новобрачных. Для мужчины брак часто был только финансовой операцией, для женщины – средством выйти из стен детской комнаты и освободиться из-под родительской опеки. А необузданные оргии с их роскошью и невоздержанностью!

Если супруги имели детей, то они вовсе не усматривали своей задачи и удовольствия в том, чтобы образовать их и воспитать в добродетели, но для воспитания они отдавали их рабам. Рождение детей для римских супругов было не радостью, а тягостью, и потому римляне не испытывали никакого страха пред детоубийством или, по крайней мере, пред подкидыванием детей и бросанием их на произвол судьбы. В высших сословиях делали еще худшее: там употребляли испробованное средство для вытравливания плода. В то время, как у христианских супругов приходится на семейство от четырех до шести детей, у римлян трое живых детей считалось признаком плодовитости, за что отцу была предоставляема полная свобода от всех личных государственных повинностей. Таким образом, в языческом Риме брак и семейная жизнь падали все ниже и ниже, и многие мужчины положительно предпочитали им свободу безбрачной жизни и охотно предавались снова чувственным страстям и всякого рода разврату, в особенности же греху

paederastia. А что сказано в Послании к Римлянам великим апостолом языков (1:24), то находило тогда повсюду полное для себя подтверждение: «Потому и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела». Лишь когда явилось христианство, вместе с ним открылся и источник, из которого для больного человечества вытекала свежая жизнь и которым древний мир преобразовался в новый» [5 с. 17–18].

Только Сам Сын Божий через Свои страдания и смерть, смог возродить человека духовно. «Аз рех бози есте и сынове Вышняго...» (Пс. 81, 6), – пророчествовал псалмопевец Давид об искупленном и спасенном через Боговоплощение человечестве. Господь открыл для всех желающих войти райские двери, т.е. дал возможность через крещение омыть первородный грех и усыновил Себе всех верных Его учению. Вот она – альтернатива, узкий путь – или идти по нему и в Царстве Небесном быть в сынах Божиих, или на земле «жить яко бози», расплачиваясь за это бессмертной душой, проданной загодя во ад. Поле битвы – сердце человеческое...

«Все события, весь ход истории, мы должны рассматривать в свете двух таин, раскрываемых в Слове Божиим: тайны благочестия, или всего Божественного домостроительства нашего спасения, и тайны беззакония, или всех сатанинских ухищрений отторжения нас от Бога и увлечения нас к вечной гибели», – поучал еще в 1938 году протоиерей Борис Молчанов.

С каждым днем все ощутимее приближение человеческой истории к той грани, за которой начинается вечность. И если еще апостол Павел наставлял первых христиан, что «конец мира близок» и «тайна беззакония уже в действии», то в середине XIX века старцы святой жизни предупреждали, что мы находимся на пороге Страшного Суда.

В начале XIX века прп. Серафим Саровский в беседе со своим учеником и сотаинником Мотовиловым говорил, что диавол (падший херувим) обладает такой силой, что может одним когтем перевернуть весь земной шар, однако Господь ему этого не попускает. Так и все мировое зло как бы ни дышало ненавистью на веру православных христиан, не сможет одолеть ее. «Аще не Господь сохранит град – всеу бде стрегий» (Пс. 126, 1) и «Аще не Господь бы был в

нас, внегда восстати человеком на ны, убо живых пожерли быша нас» (Пс.123, 2). Свидетельством этого Промысла и попечения Божия о людях и Церкви является вся история христианства.

ХРИСТИАНСТВО ПОКОРЯЕТ ИМПЕРИЮ

История Церкви, от Христа до наших дней, полностью подтверждает истинность всего, что сказано основателем Церкви и Его апостолами относительно попыток извращения веры. Мы слышали из апостольских уст, что уже им пришлось бороться с лжеучителями, с разделениями в юной Церкви и с лжехристианами (Симон волхв). А в первые три столетия, в период гонений на Церковь, появились многочисленные секты, стремившиеся растворить христианство в смеси иудейства с язычеством.

Нельзя не отметить в гонениях на христиан внушительной роли «третьей силы», стоявшей между римской властью и христианской Церковью. «Эти темные клеветники называют себя иудеями, ратующими за библейские идеалы, однако извращенное раввинистическое понимание последних сделало их антихристианскими борцами чисто сатанинского характера... В Пергаме находился «престол сатаны», который живет там, являясь организующим и заправляющим агентом... там выковывались и повелительно проводились повсюду иудаистические противохристианские интриги, там находился царственный трон антихристианского владычества... Тогдашние фанатичные иудеи способны были и на всякие языческие подделки и, например, всегда усердствовали в возбуждении языческих масс против христиан и доводили дело до кровавых катастроф», – писал толкователь Апокалипсиса проф. Н. Глубоковский.

Рассеянные к тому времени по всем городам Римской империи и даже за ее пределами иудеи представляли огромную силу, являясь уже в те времена фактически закулисным правительством. Проникнув во «святая святых» римской курии, они положили начало симбиозу христианства с иудейством и примесью откровенного язычества под названием католичество.

Уже во времена апостолов наряду с Иерусалимом выдвигаются и другие, значимые в церковном отношении города, в которых были или основанные апостолами епископские кафедры, или крупные христианские общины, созданные подвижниками-предстоятелями: Антиохия, Александрия, Рим, Ефес, Смирна, Коринф, Филиппы и пр. Но после падения Иерусалима на первый план становится Рим – как столица империи. Высокое положение Римской Церкви и Римского епископа не заключало в себе и тени тех прав и преимуществ, которые были навязаны им позднее католическими богословами. В первые века христианства еще всюду строго держалась та церковная практика, которую установили апостолы. Полное равенство епископов между собой и подчинение всех Собору, было и на западе не пустым звуком, а правилом жизни. И если бы кто-либо в то время высказал мнение о главенстве папы над Вселенской Церковью, и его непогрешимости, то это вызвало бы общее недоумение не только восточных, но и западных христиан, и даже самих Римских епископов.

Однако постепенно, шаг за шагом дух языческого Рима, властного, горделивого, проникал и в христианскую Римскую общину. Особенно замечалось это тогда, когда страхи гонений кончались, и во все права вступала обыденная мирская жизнь с ее житейскими тревогами и заботами, с ее земными удовольствиями и увлечениями. Заражалось этим духом гордости и властолюбия и высшее римское духовенство; не свободны были от него и некоторые Римские епископы: ведь и они выходили из римской среды и большей частью из римской знати, где особенную силу имели сословные предрассудки, тщеславие и суетность. Как Рим из маленького государства стал путем завоеваний владыкой всей тогдашней вселенной, так и для Римских епископов и окружающего их клира тесны стали пределы их собственной митрополии и, подстрекаемые исключительно благоприятными условиями, они простирают свои руки и на соседние области, твердо закрепляя за собой каждое завоевание [10 с. 3–7].

Учение Христово своим благодатным влиянием на сердца измученных неверием людей сильно пошатнуло могущество курии. В конце III – начале IV вв. сами жрецы понима-

ли, что язычество принадлежит прошлому и нужно что-то кардинально менять. Куриалы приняли решение стать для видимости христианской организацией...

В 312 году император Константин накануне решающей битвы с кесарем Максентием увидел на небе составившееся из света знамение креста с надписью: «Сим побеждай». Той же ночью в сновидении Господь явился ему с крестом и сказал, что этим знамением он победит врага. Сразу после видения Константин повелел сделать древко, увенчанное крестом, – так называемый лабарум и нести его впереди войска. Вскоре после одержанной императором блестящей победы, в 313 году, Миланским эдиктом Константина Великого Церковь Христова получила официальное признание и право на существование. Однако это не стало концом войны, а наоборот, явилось началом новой непрекращающейся по сей день битвы распинателей Христа по разрушению Церкви изнутри через многочисленные ереси и расколы.

Более всего своим христианским начинаниям император Константин встречал противодействие в Риме, где в особенности была сильна языческая партия. Наконец он совершенно его оставил, основав новую, собственно христианскую столицу на берегах Босфора – Константинополь [11 с. 37–38]. Неприятие Константина в Риме и интриги и заговоры против него были провоцируемы также из иудейской среды, затрагивали они и национальную гордыню римлян. Ведь никто иной, а именно Константин Великий повелел своей матери равноап. Елене ехать в Иерусалим, найти Крест Христов – орудие римской казни и сделать его главной христианской святыней, попирающей гордыню древнего змия. Иудеи объединились с латинянами не в XX веке, как это стало воочию видно после II Ватиканского собора, а еще при распятии Христове в лице Ирода и Понтия Пилата. И неспроста в католицизме сложился культ распятого Христа – некое, доходящее до исступления, культивирование страданий на кресте Богочеловека Христа. В Православии да и в общей древнехристианской религии этого нет – есть скорбь о распятом за грехи рода человеческого Спасителе, которая растворяется радостью о Его Воскресении и дарованной людям надежде на спасение. В позднем католичестве – иное, и даже праздник Пасхи – Воскресе-

ния Христова, отходит у католиков на второй план. У них главное Рождество – рождение Христа в эту жизнь, в этот временный мир со всеми его пусть временными, но благами. Отсюда, из непонимания горнего и малой веры в будущую загробную жизнь, такое, сквозящее у всех западных христиан отчаяние при виде распятого Христа. Словно с Его гибелью на Кресте умирают все надежды на сиюминутные радости, а не рождается Вечное Обетование на райские блаженства. Как писал Достоевский: «Атеизм проповедует голый нуль, а католичество – Христа оболганного». Провидя это тлетворное влияние римской курии, Константин Великий и решил создать для истинного христианства более благоприятные условия.

«Переезд Константина на Восток перенес туда центр тяжести Империи. Более он уже никогда не вернется на Запад. Ветхий Рим, при всем своем авторитете, все больше утрачивал свое значение. Его богатое языческое прошлое стало тем грузом, с которым ему было весьма трудно войти в христианскую Империю. ... город на Тибре неизбежно стал центром языческой оппозиции» [12 с. 132].

Вот как трактует К. О. Де-Скροховский эти события: «Константин Великий прекрасно понимал, какого противника он имеет в лице римской курии. Руфин, будучи по внешности христианином и оставаясь папой под именем Сильвестра, продолжал быть председателем языческой «курии Ромы», что перешло по наследству к последующим папам (ведь для него и кардиналов не составляет никакой разницы управлять верой христианской или языческой; наоборот, ставши во главе нового религиозного движения, можно извлечь гораздо больше выгоды). Но как ни старались папа и его кардиналы скрыть свою приверженность к язычеству, это вскоре обнаружилось: в христианские обряды в Риме в IV веке вкралось много остатков язычества.

Известно было, что апостола Павла считали первым римским епископом. Сильвестр-Руфин, приступив к отправлению обязанностей христианского епископа, пришел к заключению, что полезнее поставить на место первого римского епископа не ап. Павла, а ап. Петра. Куриалы составили хронологию тридцати одного предшественника своего папы Мельхиада, многие имена из которых вызывают со-

мнение – существовали ли такие люди вообще, и сочинили историю о св. Петре, который будто бы в течение 25 лет был первым христианским епископом в Риме. Где похоронены первые папы, об этом теперешняя римская курия тоже не знает, да и биографии их составлены весьма кратко. Зато гробницы позднейших пап, воздвигнутые по образцу языческих, отличаются свойственным им великолепием.

Меняя только своих членов, курия сама не уничтожалась и переживала правительства и монархов, оставаясь неизменной по своему духу и могуществу. При этом курии удалось добиться объявления Рима «столицей апостолов», хотя вернее было бы назвать его «столицей апостатов», отщепенцев, так как рыболовы-апостолы никакой столицы не имели» [9 с. 57].

Из дальнейшего развития истории христианства становится понятным, что в перенесении столицы империи из Рима в Византию, царем Константином руководило желание обезопасить Церковь Христову от латинского и иудейского влияния. Историки объясняют это так: католическая церковь есть Римская церковь. Римская не тем, что центр ее в Риме, не по языку, не по тому, что она некогда почти совпадала с Римской частью империи. Она Римская по усвоенным ей от империи воинствующему духу и мертвому праву, по лежащей в ее основе римской глобализационной идее, идее, породившей позднее и иудейский иезуитизм и немецкий фашизм. «История католичества есть история развития римско-католической идеи как духовной силы, в тайниках духа рождающейся и подчиняющей себе все – и учение, и события, и теории, и формы жизни» [13 с. 31].

В лице Римского папы, верховного первосвященника и мирового правителя, воплощалась давняя мечта иудеев о мировом господстве. Это полностью совпадало и с далеко идущими планами сатанизированной римской языческой курии. Объединившись еще в первые века христианства, эти слуги тьмы уже тогда организовали настоящее экуменическое сообщество, христианская же оболочка этой псевдорелигии лишь скрывала ядовитую сердцевину. Если даже малейшее догматическое искажение ведет к потере благодати, то современная, погрязшая в содомских грехах

Европа, служит наглядным показателем глубины духовного падения, в которую ее завело окормление латинскими «святыми отцами».

Рим был не в силах расстаться с языческими нравами, воспитанными веками, и решил сочетать несовместимое – небесное с земным. Сам Господь Иисус Христос говорил, провидя подобные искушения, что «никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16, 13). Но именно такое служение выбрала Римская церковь, предлагая миру свое видение христианства через призму язычества.

Царь Константин Великий покинул Рим не из страха перед его могуществом, а из ясного понимания, что в такой обстановке невозможно развитие новой жизни, рожденной христианством. «Никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут» (Лк. 5, 38), – предупреждал Спаситель. Император Константин не «дарил» Рим ни папе, ни Западу в его лице, как пытались это потом представить папские историографы всему миру, а просто оставил его, как непригодный для утверждения в нем истины и для процветания монархии: «И прах, прилипший от вашего города, отрясаем вам...» (Лк. 10, 11). Так некогда Авраам, призванный Богом на служение Ему во имя сохранения истинной веры, оставил благоустроенную и цивилизованную по тем временам землю халдейскую, погрязшую в нечестии, и ушел обживать Палестинские долины, начиная жизнь заново, с кочевых шатров. Так по зову Господню и Моисей из сытного и культурного Египта, насквозь пропитанного язычеством и идолопоклонством, вывел еврейский народ в пустыню, ведя всех за собой в землю обетованную, чтобы сохранить веру. Так в свое время и Давид, ведомый Господом, сделал Иерусалим столицей царства, подготавливая его для исполнения Ветхозаветных пророчеств о грядущем Спасителе мира.

В 326 году была заложена городская стена Константинополя, а 11 мая 330 г. новый город уже был освящен. Фактически это стало датой появления на свет первой христианской империи – Византийской. Она стала хранительницей

Православия до тех пор, пока не пала жертвой интриг все той же римской курии, поддавшись на соблазн Флорентийской унии 1448 года, и этой трагедией закончила свое существование. Эстафету хранительницы Православия приняла Святая Русь.

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ И ТЫЛЬНАЯ СТОРОНА ЕРЕСЕЙ

Одной из величайших заслуг императора Константина является организация и проведение **Первого Вселенского Собора**, на котором была побеждена арианская ересь, а также выработан и утвержден Православный Символ веры. Как известно из церковного предания, пресвитер Арий происходил из среды Александрийских иудеев, и арианская ересь – отрицание Божества Иисуса Христа, была придумана на потомками христораспинателей.

«Арианство было особенно тонкой и потому опасной ересью. Оно родилось из смешения двух религиозно-философских ядов, совершенно противоположных природе христианства: яда иудаистического (семитического) и эллинистического (арийского). Яд иудаизма заключался в антитроичности, в монархианском истолковании крещальной формулы Церкви. Сочетание яда гностицизма с антиринитарным ядом иудаизма было серьезным препятствием для богословия. Своей безжалостной диалектикой Арий пробудил глубокую реакцию в церковном самосознании и чрезвычайную творческую работу самых сильных и философски просвещенных умов католической Церкви. Каковы, например, Великие Каппадокийцы: Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Амфилохий Иконийский, которые и оборудовали церковный догмат о Святой Троице новой защитной философской терминологией, не допускающей перетолкования» [14 с. 9].

Составленное на Соборе изложение вошло в первые семь членов ныне употребляемого у нас Символа веры.² Собор также постановил праздновать Пасху в первый воскресный день после весеннего полнолуния. *Впоследствии католи-*

ческая церковь изменила церковный календарь, введя так называемый новый стиль – григорианский, из-за чего изменились все расчеты Пасхалии, и католичество исказило, таким образом, постановления уже I Вселенского собора.

Собор дал первенство чести пред прочими митрополитами трем – Римскому, Александрийскому и Антиохийскому и сравнивал с ними не по власти, а по чести епископа Иерусалимской Церкви. На Соборе также было решено позволять священникам вступать в брак (до рукоположения) и приняты некоторые другие правила. *Одним из нововведений Римской Церкви является «celibat» – безбрачие духовенства, что является прямым нарушением постановлений Первого Вселенского собора. Поскольку не каждому по силам подвиг девства, запрещение духовенству иметь семью породило множество противоестественных пороков в среде католических священнослужителей.*

После Первого Вселенского Собора не окончились арианские смуты. Ариане имели при дворе сильную покровительницу в лице Констанции, сестры императора Константина. Она убедила своего брата возвратить из заточения Ария и некоторых из его сообщников. Обманутый двусмысленными выражениями Ария, император повелел даже присоединить его к Церкви. Но Господь не допустил этого – суд Божий постиг Ария на самом пути в храм: пораженный внезапной болезнью, еретик умер (в отхожем месте). Между тем арианство успело разделиться на несколько сект, и среди прочих выделилась из него ересь Македония.

Второй Вселенский Собор был созван в Константинополе в 381 году императором Феодосием I для прекращения арианских споров вообще и в частности против новой македониевой или духоборческой ереси. Македоний в царствование арианина Валента был епископом в Константинополе, но по проискам самих же ариан был низложен с кафедры. Лжеучение Ария уже содержало в себе семена для развития лжеучения Македония. Отрицая Божество Второго Лица Пресвятой Троицы, ариане этим самым подрывали веру и в Божество Святого Духа. Македоний отрицал Божественную природу Святого Духа и называл Его тварью или силой, но эту силу признавал равно подчиненной как Отцу, так и Сыну.

На этом Соборе присутствовало 150 православных епископов. Здесь были знаменитые ученостью и святостью жизни святители: Григорий Богослов, Григорий Нисский, Мелетий Антиохийский, Амфилохий Иконийский, Кирилл Иерусалимский. Отцы Собора единогласно осудили все отрасли арианства и лжеучение Македония и утвердили догмат о равенстве и единосущии Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном. На Константинопольском Соборе Никейский Символ был несколько дополнен, в особенности в 8 члене, в котором ясными и определенными чертами изложено учение о Святом Духе. Кроме того, к Символу были присоединены еще четыре члена: о Церкви, о таинствах, о воскресении мертвых и о загробной жизни. Таким образом составилась Никео-Цареградский Символ веры, который и служит руководством для Церкви на все времена. *Латиняне извратили потом учение о Святом Духе, добавив свое еретическое мудрование – филиокве, согласно которому Святой Дух исходит от Отца чрез Сына. Таким образом, учение католиков умаляет Божество Святого Духа, поставляя Его в подчиненное, второстепенное по отношению к Отцу и Сыну положение, а католики подпадают под статью, по которой отцы собора анафематствовали еретика-духоборца Македония. Не зря Господь сугубо упомянул в Евангелии, что похулившему Духа Святого не простится ни в сем веке, ни в будущем. Римские папы, введя еретический догмат, унижающий Святого Духа, лишили сами себя и свою церковь благодати.*

Третьим правилом II Вселенского Собора было утверждено за архиепископом Константинополя первенство чести после Римского епископа: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что город этот есть Новый Рим». *Этот текст легко можно было понять в том смысле, что с основанием Нового Рима Ветхий Рим утратил свое значение и верховенство. Папа Дамас и его окружение приняли Собор в штыки и разорвали общение с его участниками. Вскоре в Риме появился так называемый «Декрет Геласия», написанный в окружении папы Дамаса, в котором утверждалось, что Римская Церковь Божественным изволением, а не решением какого-либо собора (имелся в виду II Вселенский Собор), есть глава всех Церквей. Так римская курия боролась за свои права.*

Третий Вселенский Собор созван был в 431 году императором Феодосием Младшим в Ефесе, по поводу лжеучения Нестория, учившего, что Пресвятая Дева Мария родила человека Христа, с Которым Бог был соединен только нравственно, обитал в Нем, как в храме, подобно тому, как прежде обитал в Моисее и других пророках. Поэтому и Самого Господа Иисуса Христа Несторий называет богоносцем, а не Богочеловеком, Пресвятую Деву Христородицей, а не Богородицей. *(Римские папы, введя позднее новый догмат о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, под благовидным предлогом умалили, как и Несторий, значение и жизненный подвиг Пресвятой Богородицы, Которая благодаря личному благочестию и непорочной жизни достигла величайшей святости, а не была заранее на это «запрограммирована» через якобы непорочное зачатие. Главным защитником учения о непорочном зачатии был францисканец Дунс Скот (XIII–XIV вв.), а потом орден иезуитов).*

Собор отверг ересь Нестория и определил исповедовать, что Господь Иисус Христос есть совершенный Бог и Человек. Поэтому Пресвятую Деву Марию, хотя Она родила Его по человечеству, признал достойным и праведным именовать Богородицей. Из других постановлений Собора особенно важно седьмое правило, которое утверждает Никео-Цареградский Символ веры и строго воспрещает делать в нем, какие бы то ни было, изменения и дополнения *(против чего позднее также прегрели католики)*.

Известно, что основоположник ереси Несторий был также выходцем из иудейской среды, и его учение – продолжение все того же арианства, своего рода ересь живодствующих Раннего Средневековья. Евфимий Великий, как сообщает житие, «правомудрствуя и святым отцам последуя», противостоял «жидомудренному» Несторию. Также и житие святого Саввы Освященного приводит такой случай. Неподалеку от его лавры еретики-несториане составили монастырь. Святому было видение, как во время воскресной литургии некие мужи жезлами изгоняли еретичествующих монахов. Святой Савва молился о них, дабы они были прощены. На что услышал ответ: «Недостойно есть им zde быти, жидове бо суть. Не исповедающе Истиннаго Бога Господа нашего Иисуса Христа и Богоро-

дицу». Милосердствуя о заблудших, святой Савва часто приходил в монастырь несториан, умоляя их отказаться от ереси. Молитвы святого оказались ненапрасны: монахи осудили учение Нестория и вернулись в Апостольскую Церковь [4 с. 56].

Сохранились последователи несторианства, иначе называемые халдейскими христианами, которые живут в горах Курдистана, в долинах Тигра и Евфрата и отчасти в Сирии. В половине XVI столетия несториане появились в Индии на Малабарском берегу под именем христиан святого Фомы. Многие заимствовано несторианами у евреев: обряды очищения после прикосновений к умершим, празднование воскресного дня подобно тому, как евреи празднуют субботу и др. К особенностям несторианства относятся также непочитание икон. В конце XIX века часть урмийских несториан (северная Персия) во главе с епископом Мар-Ионой благодаря православной миссии воссоединилась с Русской Православной Церковью.

Одним из горячих противников Нестория был Евтихий, архимандрит в Константинополе. Однако Евтихий увлекся в противоположную крайность и начал учить, что в Господе Иисусе Христе человеческое естество было поглощено Божеством, и потому в Нем следует признавать только одно Божеское естество. Это лжеучение, известное под именем монофизитства, приняло более широкое распространение, чем несторианство. В Александрии в это время патриархом был Диоскор, который принял под защиту лжеучение Евтихия. Император Маркиан созвал в 451 году в Халкидоне **Четвертый Вселенский Собор**, осудивший Евтихия, Диоскора и их единомышленников. Собор определил истинное учение Церкви, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог и истинный Человек: по Божеству Он вечно рождается от Отца, по человечеству Он родился от Пресвятой Девы и во всем подобен нам, кроме греха; при воплощении Божество и человечество соединились в Нем, как едином лице, неслиянно и неизменно (против Евтихия), нераздельно и неразлучно (против Нестория). Собор составил 30 правил, относящихся к церковному благочинию; а также окончательно определил права и указал округа пяти первенствующих епископов (патриархов).

Хотя на этом Соборе монофизитская ересь была осуждена, носители ее существуют до сего дня. Монофизитами являются коренные жители Египта – копты, а также армяне и абиссинцы. В VII веке копты, по научению иудеев, изменили православным греческим императорам и способствовали быстрому завоеванию Египта магометанами, но за это и сами потом от них пострадали. Относительно особенностей можно выделить то, что у коптов совершается обрезание, поставление в священные должности происходит не через возложение рук, а через дуновение. Абиссинцы придерживаются еврейских законов о пище, празднуют субботу наравне с воскресным днем. Во время богослужения у них допускаются священные танцы.

Интересна и роль папы Льва в христологических спорах. В письме Халкидонскому Собору, сопровождавшему его томос, говорилось, что легаты должны председательствовать на Соборе вместо самого папы и что в их обязанность входит не допускать никаких богословских споров, т.к. все, что нужно, уже содержится в томосе. Неудивительно, что легатам позволили официально зачитать это письмо лишь в конце 16-го заседания, когда все дебаты были практически завершены. Вспомним и то, что томос был принят лишь после проверки и его сравнения с учением св. Кирилла!

И после этого Собор принял свой знаменитый 28-й канон: «Ибо и престолу Древнего Рима отцы, как и подобает, дали преимущества, потому что он был царствующим городом... Такие же преимущества подобают и святейшему престолу Нового Рима... Город, получивший честь быть городом императора и сената и имеющий равные преимущества с древним императорским Римом, был бы... подобно ему возвеличен и в церковных делах и стал бы вторым после него». То есть в каноне утверждалось, что верховенство Первого Рима, так же как и Второго, было утверждено отцами, а вовсе не ап. Петром» [12 с. 268].

Так папа и не утвердил этот канон. И до сих пор он ставится в вину грекам со стороны латинян, как узурпация церковной власти. Император Маркиан 7 февраля 452 г. сам утвердил все постановления Халкидонского собора. После этого и папа утвердил их, умолчав о 28-м правиле, как бы несуществующем. *Однако после захвата латинянами Кон-*

стантинополя, когда они поставили там своего латинского патриарха, то, ничтоже сумняшеся, назначили ему второе место в списке после папы Римского [14 с. 209].

После Халкидонского собора не прекратились волнения в Церкви. Главным предметом споров были сочинения трех учителей Сирийской Церкви, которые пользовались в свое время широкой известностью и почетом, именно Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского. Они жили в первой половине V века, писали в защиту еретика Нестория и однако же не были осуждены IV Вселенским Собором. Это давало повод монофизитам упрекать этот собор в пристрастии к несторианству, а несторианам толковать определение его в свою пользу. Среди этих церковных волнений взошел на престол знаменитый император Юстиниан I. Испытав некоторые частные меры к умирению Церкви, оказавшиеся безуспешными, он в 553 году решил созвать в Константинополе **Пятый Вселенский Собор**.

Отцы Собора, рассмотрев сочинения указанных сирийских учителей, осудили одного Феодора Мопсуетского, так как до конца жизни он оставался при еретическом заблуждении, а относительно двух остальных осуждение ограничилось теми сочинениями, которые были написаны ими в духе несторианства, сами же лица были пощажены, как скончавшиеся в мире с Церковью.

И после Пятого Вселенского Собора продолжались монофизитские споры и производились бедственные разделения в империи. Император Ираклий, по совету некоторых епископов, в видах политики решился склонить православных к некоторой уступке монофизитам. Один из этих советников, епископ Кир, был возведен в сан Александрийского патриарха. К этой уступке, по настоянию императора, присоединились, хотя нерешительно, Сергей, патриарх Константинопольский, и Гонорий, папа Римский. Приверженцы нового учения получили название монофелитов.

«Византийское правительство то ли не видело, то ли не хотело видеть реального соотношения сил. Ираклий мечтал о воссоединении монофизитства с православием. Для этого он предложил компромисс – доктрину монофелитства, согласно которой у воплощенного Слова два тела – божественное и человеческое – и одна воля – божественная. Эту

доктрину не приняли ни греки, ни сирийцы с египтянами, ни персидские несториане, ни папа. Сторонников это учение обрело только в горах Ливана, но и там их было очень мало. На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил. Чем руководствовался Ираклий – непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими общинами и сторонниками нового пророка – Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам неизвестные. Однако, в любом случае, сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали» [8 с. 60].

Защитниками и изъяснителями истинного учения Церкви явились Софроний, патриарх Иерусалимский, и Константинопольский инок Максим Исповедник. Между тем церковное разделение делалось более и более опасным для государства, так как им пользовались для целей завоевания магометане. Тогда император Константин Погонат решил созвать для умиротворения Церкви **Шестой Вселенский Собор** в 680 году в Константинополе. На этом Соборе было осуждено учение монофелитов и определено признавать в Иисусе Христе два естества – Божеское и человеческое, и по этим двум естествам две воли, так, впрочем, что человеческая воля во Христе не противна, а покорна Его воле Божеской.

В 13-м правиле Шестого Вселенского Собора сказано: «Аще же кто, поступая вопреки Апостольским правилам, дерзнет кого-либо из священных, то есть пресвитеров, или диаконов, или иподиаконов, лишати союза и общения с законною женою: да будет извержен. Подобно аще кто, пресвитер, или диакон, под видом благоговения, изгонит жену свою: да будет отлучен от священнослужения, а пребывая непреклонным, да будет извержен». Таким образом, введя обязательное безбрачие для всего духовенства, католики нарушили постановление и этого Вселенского Собора.

Седьмой Вселенский Собор состоялся в 787 году в городе Никее по поводу ереси иконоборцев, которая возникла за 60 лет до Собора, при императоре Льве Исавре. Он одержал блестящие победы над магометанами и составил план обра-

тить их в христианство, для чего, по его мнению, необходимо было уничтожить почитание икон. Сначала он велел ставить иконы в церквях как можно выше, чтобы нельзя было к ним прикладываться, а потом велел выносить их из храмов и домов и жечь на площадях. Над воротами царского дворца с давнего времени находился чудотворный образ Спасителя. По приказанию Льва один воин поднялся по лестнице, чтобы снять и разрубить икону. Бывший тут народ в пылу негодования опрокинул лестницу и убил воина. Лев казнил всех заподозренных в этом убийстве и вслед за тем начал, как фанатик, преследовать православных.

«Это была ломка этнической психики и того стереотипа поведения, который поддерживал культурную традицию – сердце византийского этноса. Опираясь на малоазийскую солдатчину, императоры-исаврийцы попытались отнять у своего народа то, ради чего этот народ жил и страдал, воевал и молился. Они сделали жизнь своих подданных оскорбительно бессмысленной, а те отказали им в уважении и любви. Простые люди, не мудрствуя лукаво, приняли версию об иудейском происхождении иконоборчества. В 723 г. император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи. Этот указ был издан после победы над арабами и за год до начала борьбы против почитания икон. Зачем ему это понадобилось?

Малоазийские христиане, а также монофизиты и несториане были противниками иконопочитания и врагами арабов. Не хотел ли Лев Исавр увеличить число своих сторонников, зачислив иудеев в число христиан, дабы дать им право участвовать в будущей реформе? Это, пожалуй, наиболее вероятное толкование, так как последующие гонения обрушились не на иудеев, оставшихся в своей вере, а на православных. И наоборот, один из чиновников халифа, Иоанн Дамаскин-Мансур, писал обличение иконоборцев под покровительством Омейяда Хишама. Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию, в то время союзницу Византии.

Подобно тому как в XVII в. гонимые в испанских владениях евреи нашли приют в протестантской Голландии,

так в VIII в. они воспользовались гостеприимством хазар и освоили «прикаспийские Нидерланды», причем сходство дополнялось тем, что Итиль стал перевалочным пунктом на двух караванных путях: из Ирана в Биармию (Великую Пермь) и из Китая в Прованс. Свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а дата его примечательна – на фоне мировой истории оно особенно весомо. Это, во-первых, подтверждает нашу догадку, что императоры-иконоборцы крещения евреев не осуществили, иначе было бы некого изгонять, а во-вторых, что эти гонения на евреев совпали с Седьмым Вселенским Собором (787 г.) и последующим периодом преобладания греков над малоазиатами и примыкавшими к последним евреями» [8 с. 62].

Гонение Льва на святые иконы продолжали сын его Константин Копроним и внук Лев Хазар. «Причиной и источником иконоборческой ереси является иудаизм. Житие Феодора Студита рассказывает, что царь Лев Исавр созвал церковный Собор, призывая Церковь к отречению от святых икон. На Соборе Феодор Студит, разоблачая еретические заблуждения царя, задал ему прямой вопрос: «Откуда ты, о царю, сие умышление: ниоткуда точию от Ветхаго Закона Писании». И царь, ссылаясь на Ветхий Завет, много говорил против иконопочитания. Он доказывал, что иконопочитание неправомерно, так как Господь в законе, данном Моисею, заповедал: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия» [4 с. 55].

Позднее супруга Льва Хазара Ирина, ревностная почитательница икон, прекратила гонение и для умиротворения Церкви созвала Вселенский Собор. На этом Соборе была отвергнута иконоборческая ересь и определено поставлять и полагать в церквах вместе с изображением Честного и Животворящего Креста и святые иконы и воздавать им почитательное поклонение, возводя ум и сердце к Господу Богу и святым, которые на них изображены. Но иконоборчество снова возникло и около 25 лет волновало Церковь. «Гонимые в столице, иконопочитатели бежали на окраины: в Херсонес, Далмацию и на Дунай. Там они распространили Православие среди хазар и славян, подготовив эти этносы к будущему крещению» [8 с. 45–46].

Почитание икон окончательно было восстановлено и утверждено на поместном Константинопольском соборе в 842 году при императрице Феодоре. На этом соборе, в благодарность Господу Богу, даровавшему Церкви победу над иконоборцами и прочими еретиками, установлен праздник Торжества Православия, который совершается в первое воскресенье Великого поста.

Но если для Восточного христианства икона была принципом духовной жизни, в соответствии с которым небесный первообраз отражается в земном образе, то для католицизма такое стремление к небесному было излишним и не понималось. Поэтому, хотя на Западе иконоборческая ересь формально была осуждена за свои крайности, за разрушение святых икон, тем не менее сам догмат иконопочитания не был воспринят Западом во всей полноте и глубине.

«Римская церковь, приняв догмат об иконопочитании, не сохранила древнюю традицию иконописи и широко открыла двери своих храмов для светских художников. Икона стала картиной на религиозную тематику. В так называемой религиозной живописи эпохи Возрождения заключена методологическая ошибка. Живописцы пытаются через мимитическое искусство, т.е. насыщенную эмоциями и страстями картину, перенести небесное на земной план, но достигают обратного – невозрожденную материальность переносят в сферу неба; земным и чувственным вытесняют духовное и вечное» [15 с. 31].

«В католических иконах нет метафизического трагизма. Там трагизм земных, душевных человеческих переживаний. Эта душевная чувственность и сентиментальность католических икон воспринимается подсознанием человека как возможность примирения с Богом без покаяния, без изменения себя. Поэтому в католической мистике так много говорится о восторженной любви и так мало о покаянии, очищении сердца и повседневной жестокой борьбе со страстями. Православное сознание чувствует чужое в этих нежно-слащавых ликах. Это улыбающееся выражение иконы действует как усыпление грешника, как капитуляция и примиренчество с грехом. Грешник любит, когда сквозь пальцы смотрят на его безобразия. В некоторые католические иконы влюблялись люди. Поэтому так часто на Запа-

де поэты воспевали Деву Марию как «прекрасную даму», а рыцари называли ее королевой своего сердца, что для православного звучит как страшное кощунство и надругательство над святыней.

В православную икону влюбиться невозможно. Там гаснут страсти, там пробуждается дух. В древних иконах нет томности, жалостливости и того, что мы назвали бы убаюкиванием грешника. Кто знает ужас трансцендентного зла, тот не станет успокаивать грешника. Тот по другому будет смотреть на земные страдания, которые так мало значат по сравнению с вечностью. Общение с Богом без сердечной чистоты, вернее, без стремления к сердечной чистоте невозможно. Сердечная чистота невозможна без покаяния и борьбы с грехом» [15 с. 13].

В иконоборческих волнениях, сотрясавших Византию, был заложен и отвлекающий маневр – в это время, под шумок, римские папы в сообществе с иудеями и европейскими князьками отделяли от Православия Западную Европу и западную церковь.

ГЛАВНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ В РИМО-КАТОЛИЧЕСТВЕ³

Отпадение католицизма от истинной веры началось еще задолго до 1054 г. Одной из главных причин начавшихся догматических искажений в западном христианстве было влияние иудеев: «Противники византийских иконоборцев оказались в трудном положении. Им нужно было организовать для лиц, готовящихся в прелаты, получение теологического образования и изучение греческого и еврейского языков, а посылать своих юношей в Константинополь не хотелось. Поэтому молодых людей, готовящихся к духовной карьере, отправляли в Кордову и Севилью, где еврейские раввины, находясь под покровительством арабских халифов, преподавали желающим языки и философию.

Разумеется, учителя не привлекали учеников к иудаизму, тем более к талмудическому, однако они вселяли в своих слушателей скепсис к основным догматам христи-

анства: учению о троичности Божества и о Божестве Христовом. Те, возвращаясь домой, продолжали поддерживать дружеские связи с евреями, жившими в Южной Франции и Италии и обладавшими богатствами, достаточными для того, чтобы занимать почетное место в обществе. Вместе с тем евреи были достаточно образованны и переводили арабских авторов для своих христианских друзей. На базе этнокультурных контактов и религиозного индифферентизма возникло и распространилось мнение, что все три веры равноправны, а критерием истинности суждения является разум, т.е. обоснование тезиса на уровне науки своего времени. Это суждение легло в основу схоластики» [8 с. 45]. Как четко было сработано творцами катаклизмов – сперва ввергли византийских императоров в ересь иконоборчества, а потом отвернули от них все западное христианство, как от еретиков!

Прежде, чем говорить о католичестве, отметим, что Православие есть вера «во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Вне Церкви нет спасения, как не было спасения во дни потопа вне Ноева ковчега. Православие есть твердая вера в то, что в таинствах Церкви заключается спасительная Благодать Божия.

Православная Церковь, как «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15), как живой организм, которого даже «врата ада не одолеют» (Мф. 16:18), и который имеет Главой своей Самому Христа, пребывающего с ним «во все дни до скончания века» (Мф. 28:20) – такая Церковь в своем целом не может заблуждаться; заблуждение всей Церкви было бы равносильно ее духовной смерти, а умереть она не может в силу обетования Спасителя. Но если Православная Церковь в целом не может погрешить, то отдельные ее члены, отдельные собрания и группы и даже крупные части её могут впасть в заблуждение. Уже в апостольскую эпоху вероучительные вопросы решаются на соборах, достижением консенсуса: «Изволися Святому Духу и нам». И так как мнение всей Церкви проявляется на Вселенских Соборах, то они и есть непогрешимые хранители и истолкователи Божественного Откровения, – не потому, что члены Соборов в отдельности непогрешимы, а потому, что решения Соборов есть голос всей Церкви, руководимой Благодатью Духа Святого.

Этот взгляд на непогрешимость Вселенской Церкви, идущий от Самого Христа и Его апостолов, был общим в христианстве в течение первых веков и остался неизменным в Православной Церкви. Но на Западе, наряду с другими вопросами, он подвергся искажению.

Основные догматические нововведения западной церкви, на которых строится все здание католицизма, это: учение об исхождении Святого Духа «и от Сына» (лат. филиокве) и учение об абсолютной, единоличной власти Римского епископа – папы над Церковью (а также о его непогрешимости). Эти два пункта были основными причинами отделения римской кафедры в XI в. Логическим выводом из учения об абсолютной, единоличной власти папы над Церковью было учение об учительской непогрешимости папы, сформулированное как догмат на I Ватиканском соборе в 1870 г. Кроме того, у католиков изменилось учение о спасении, о первородном грехе, вследствие чего возникли догматы об удовлетворении Богу за грехи, о чистилище, сокровищнице заслуг и индульгенциях. В XIX и XX веках были провозглашены два новых, так называемых мариальных догмата: о непорочном зачатии Девы Марии (1854 г.) и Ее телесном вознесении на небо (1950). В 1962–1964 году на II Ватиканском соборе подверглось коренному пересмотру учение о церкви и ее роли в спасении человека.

1. Приматство и непогрешимость Римского папы

Римский епископ всегда считался одним из членов собора и подчинялся его решениям. Однако с течением времени папа Римский стал приписывать привилегию церковной непогрешимости себе одному и после долгих усилий добился наконец признания своей нелепой претензии на Ватиканском соборе 1870 года. Папе Пию тогда удалось претворить это учение в догмат, несмотря на протест многих католиков, которые даже предпочли выйти из этой церкви и основать собственную общину старокатоликов. *(О том, что принятие этого догмата было просто необходимо римской курии для дальнейшего беспрепятственного внедрения экуменизма под покровом папской вседозволенности – отдельный разговор. Подтверждением чего явля-*

ется последующий Второй Ватиканский собор, конечные постановления которого вообще имеют мало общего с христианством. Следующим шагом было заявление папы о невинности иудеев в крестной смерти Спасителя. Не для того ли и нужно было прикрытие «непогрешимостью» (своего рода депутатской неприкосновенностью), чтобы говорить ложь под видом непререкаемой истины, готовя путь мировому правителю последних времен и уводя за собой в погибель человечество?)

Вскоре после Первого Ватиканского собора Ф.М. Достоевский писал: «Теперь папство есть, может быть, самое страшное «обособление» из всех грозящих миру всего мира. А грозит миру многое. Что ж, римское католичество и не такие повороты проделывало: раз, когда надо было, оно, не задумавшись, продало Христа за земное владение. Провозгласив как догмат, «что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы», оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: «Всё сие отдам тебе, поклонися мне!» О, я слышал горячие возражения на эту мысль; мне возражали, что вера и образ Христов и поныне продолжают еще жить в сердцах множества католиков во всей прежней истине и во всей чистоте. Это, несомненно, так, но главный источник замутился и отравлен безвозвратно. К тому же Рим слишком еще недавно провозгласил свое согласие на третье дьяволово искушение в виде твердого догмата, а потому всех прямых последствий этого огромного решения нам еще заметить нельзя было. ...» [16].

Учение о главенстве папы сформировалось уже к IX веку и является главным догматом Римского исповедания и основным его отличием от Православия. В этом догмате католической церкви выделяются три главных момента: 1) учение о главенстве ап. Петра; 2) о главенстве папы, и 3) о его непогрешимости: «Он, папа, глава всей церкви, наместник Христа, единственный проводник для всей видимой Церкви всех её благодатных прав; голос его в делах веры, изрекаемый *ex cathedra* – «с кафедры», то есть официально, – непогрешим и обязателен для каждого члена церкви в отдельности и для всех вместе».

В Православии одним из важнейших условий истинного пророчествования является личная святость. Дух Истины обретается в достигшем непорочной жизнью святости подвижнике, а не в иерархическом достоинстве. Догмат о папской непогрешимости – полное противоречие Священному Писанию: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1, 21), и Священному Преданию – принципам святоотеческой аскетики [13].

Римская Церковь была основана и устроена апостолами Петром и Павлом; это подтверждает св. Ириней Лионский, Тертуллиан, Евсевий Кесарийский, и сами папы первых трех веков ссылаются на свое преемство от этих двух величайших апостолов. Но вот к началу V века имя ап. Павла как-то быстро отодвигается на второй план, Римская кафедра начинает считаться исключительно Петровой, а Римские епископы – преемниками Петра. Говорится уже не об апостольском преемстве, а о преемстве Петровом и даже о рукоположении Петровом. Зарождается известное умозаключение: ап. Петр – глава апостолов, папа – преемник Петра, следовательно, папа – глава Церкви.

В системе аргументации верховных прав папы, которая вырабатывается с V века, ап. Павел оказывается лишним – ведь, если признать, что хотя бы один из первых Римских епископов был рукоположен не ап. Петром, а ап. Павлом, то вся система теряет свою цельность и законченность. Папа Геласий, доказывая, что Римская Церковь имеет первенство над всеми Церквями в силу первенства ап. Петра, прибавляет, что она «приняла в свое общество блаженнейшего Павла». Таким образом, из основателя и устроителя Римской Церкви ап. Павел превращается в простого верующего, которого эта Церковь принимает в свое общество! Чем быстрее росли претензии римского епископа, тем необходимее становилось поставить ап. Петра в исключительное положение среди других апостолов [10 с. 11–12].

Ни один из святых отцов Церкви, посвятивших свои труды разбору Евангелий, таинств и догматом, ни слова не обмолвился о главенстве Петра. Можно с уверенностью заключить, что:

1. Власть, данная Христом апостолу Петру не отличалась от власти, данной Им другим апостолам;

2. Апостол Петр никогда не признавался апостолами наместником Христа;

3. Апостол Петр и сам никогда не считал себя таковым и не действовал как глава Церкви. На Апостольском Соборе в Иерусалиме в 51 г. председательствовал не он, а ап. Иаков, что было бы немислимо, будь Петр наместником Христа [17 с. 20–21].

«Не имеет основания и римская идея о преемственной, от апостола Петра, папской непогрешимости, ибо не мог передать апостол Петр своему «преемнику» той непогрешимости в делах Истины, которой и сам не обладал.

Характерным в развитии Ватиканом теории главенства папы является введение в римский Требник (около 1600 года) слов, согласно которым Христос якобы передал апостолу Петру царства всего мира: «Ты еси пастырь овец, тебе Бог передал все царства мира». Евангелие не знает таких слов Христа Петру, эти слова были сказаны Христу искусителем: «Все царства мира и славу их... все это дам Тебе» (Мф.4,8). Ужасом веет от всей римской теории о главенстве и непогрешимости римского епископа. Она коренится в самом Риме, в римской психологии, и покоится на ряде ложно истолкованных исторических фактов. Стремление к светской власти и участие в политической борьбе не являлось делом отдельных пап, но вытекало из всей папской системы.

В истории мы не обнаруживаем непогрешимости пап в делах веры. Она, наоборот, свидетельствует о взаимно уничтожающих противоречиях отдельных пап, облеченных в торжественную тогу вселенского учительства. Так, папа Либерий (354) в качестве епископа Рима, подписывает арианский Символ веры; папа Зосима (417–418) высказывается одно время в пользу еретика Пелагия; папа Вигилий (537–555) в споре о трех главах три раза менял свое мнение, и после заявил про себя, что «являлся, к сожалению, орудием сатаны, работающим на ниспровержение Церкви». Папа Гонорий I (625–638) высказывался в пользу монофелитской ереси, за что и был осужден уже после своей смерти в числе других еретиков на VI Вселенском Соборе (681). Папа Лев III

вопреки требованию Карла Великого запретил добавление в Никео-Цареградском Символе веры вставки «и от Сына», а папа Бенедикт VIII принял «филиокве» в Символ веры, и эта вставка становится догматом латинской Церкви; папа Сикст V под угрозой анафем объявил лично им исправленный текст Вульгаты за обязательный для верующих и имеющий достоинство подлинника, но этот текст оказался настолько кишачим ошибками, что преемнику Сикста V пришлось скорее изъять его из употребления [13 с. 31].

2. «Филиокве»

«Филиокве – это ересь, пришедшая в латинство из иудаизма. Она искажает основной догмат о Троице. Современные иудеи, в отличие от ветхозаветных, не верят во Святую Троицу. Они признают только Бога Отца, а Христа, Сына Божия и Святаго Духа отвергают. Постепенно католическое учение впитало в себя эту иудейскую доктрину, умалив Ипостась Святаго Духа, низведя его до уровня ангельского естества. Ангел – это посланник Божий. Если Святой Дух посылается Отцом и Сыном, то выходит так, что Святой Дух теряет свое Божественное начало, подчиняясь обоим Ипостасям. Образно говоря, католики приписали Святому Духу свойства бесплотных служителей. Если говорить более простым языком, то это – хула на Духа Святаго, которая, по слову Спасителя, не прощается ни в сем веке, ни в будущем. А потому мы никак не можем молчать и соглашаться с этой хулой. Мы веруем в Троицу Единую и Нераздельную, а в католическом учении мы встречаем поклонение не Троице, а идолу папизма» [18].

Вероучительная формула о взаимоотношениях Лиц Святой Троицы, что Третье Лицо Святой Троицы, Святой Дух, предвечно исходит только от Первого Лица Святой Троицы – Бога Отца, была внесена в Символ веры на Втором Вселенском Соборе (381 г.). Затем этот Собор, а также Третий и Четвертый Вселенские Соборы, подтвердив истинность Никео-Цареградского Символа веры, запретили делать к нему какие-либо добавления.

Однако в 589 году, на местном испанском соборе в Толедо было сделано добавление к Символу веры, согласно ко-

торому Святой Дух исходит не только от Отца, но также и от Сына. Поводом к этому послужило то, что на Толедском соборе было решено присоединить к Церкви вестготов, исповедовавших арианскую ересь. Так как ее основным пунктом было учение о неравенстве Сына и Отца, то, настаивая на полном равенстве Сына и Отца, испанские богословы решили поставить и Сына в то же отношение к Святому Духу, в каком находится к Нему Отец, то есть сказали, что Дух Святой исходит от Отца и Сына. В VII и VIII веках прибавка к Символу веры – филиокве – распространилась во франкских церквях.

Известно, что Испания в то время была центром иудаизма, и хула на Святую Троицу явилась одним из проявлений проникшей в западное христианство ереси жидовствующих. «В 809 году испанские епископы направили к папе Льву III триста послов с тем, чтобы он дозволил им сделать прибавление к Никейскому Символу веры – в том месте, где поется: «И в Духа Святаго, Господа Животворящего, иже от Отца исходящего», добавить: «И от Сына». Папа не удовлетворил их просьбу. Однако ересь стала быстро распространяться и утвердилась среди испанских епископов, имевших влияние на папу Льва III. Вскоре он уступил и повелел поставить в церкви св. Петра две серебряные доски, на одной из них Никейский Символ был написан по-латыни с прибавлением «и от Сына», на другой – по-гречески, без этого прибавления. Что сделал епископ Рима? Он, якобы «по любви», уступил еретикам. И вот во что обернулась его «любовь». Спустя 200 лет римская церковь полностью отпала от Православия. Он старался избежать разногласий и якобы сохранить мир в своей Поместной Церкви, а потому в угоду еретикам дозволил веровать так, как им угодно. В результате этим сподвиг к падению весь запад» [18]. В 1014 году папа Венедикт VIII окончательно внес филиокве в Символ веры.

Протопр. Иоанн Мейендорф пишет: «На общедоступном уровне реальность Св. Троицы быстро утратила смысл и превратилась в нечто вроде никому не нужного философского дописка. Многие современные западные христиане верят в Бога Отца, в Христа, а о Троице не имеют ни малейшего представления. Проблема подробно обсуждается В. Н. Лосским в терминах различий между духом восточного и западного

христианства. На Востоке царствуют первенство Духа (выражающееся, например, в евхаристии как эпиклеза), свобода, мистицизм. На Западе Дух находится в подчиненном положении: отсюда иная церковная иерархия, другое понимание таинств, боязнь мистицизма. Лосский даже настаивал, что западные взгляды на Духа Святого имеют прямое отношение к возникновению папства». **Грех папства в посягательстве на то, что принадлежит только Богу, что принадлежит Духу Святому, живущему в Церкви.**

Филиокве ставит Святого Духа в положение субординации Отцу и Сыну и искажает учение о Церкви. В западном церковном сознании Дух Святой подчинен Сыну Божию. Достаточно перелистать западные богословские тексты, чтобы убедиться в том, какое незначительное место католические богословы уделяют действию Святого Духа в мире. Из-за того, что в западной богословской мысли игнорировалось место Святого Духа в жизни Церкви и в замысле Божиим о человеке, Церковь постепенно стала восприниматься как земной институт, устрояемый и управляемый по принципам мирской власти и юридического права.

Некоторые считают, что спор вокруг прибавления к Символу веры одного слова тривиален – предмет для исследований профессиональных богословов, и никак не влияет на наше исповедание. Но ведь христианство – это и есть религия Святой Троицы. Всякое добавление или изменение в учении о Святой Троице нарушает правильность этого краеугольного догмата и меняет веру. Нельзя ничего ни убавить ни прибавить к заданным святыми отцами Церкви координатам. Надо хранить догматы, если их даже чуть изменить – собьемся с курса и потерпим катастрофу – вместо тихой пристани попадем на прибрежные рифы и погибнем.

3. Сверхдолжные дела

По римско-католическому учению добрые дела превращаются в нечто само по себе ценное, в заслугу перед Богом; спасение человек ожидает получить не по милости Божией, а как должное за свои труды. В этом сказывается наследство древнего, языческого Рима, где все понятия и отношения основывались на чёрством, бездушном праве. С исключи-

тельно правовой, внешней, судебной точки зрения католик смотрит и на свои отношения к Богу. Добрые дела для него это не плод известной настроенности души, не выражение любви ко Христу, и даже не показатель духовно-нравственного роста человека, а просто плата правосудию Божию. Они подлежат точному учету и измерению: чем больше совершит человек добрых дел, тем большую меру блаженства получит он в будущей жизни, и чем меньше у него этих дел, тем меньше права на блаженство. Это опять-таки пережитки иудаизма – своего рода фарисейство, которое обличал Спаситель: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13) и «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф. 23, 23).

По католическому учению, многие из угодников Божиих, особенно Пресвятая Дева Мария, совершили сверхдолжные добрые дела. Этот излишек образует собой сокровищницу сверхдолжных заслуг, которая находится в полном, безусловном распоряжении папы. Кто не имеет столько своих собственных подвигов, сколько нужно для удовлетворения правды Божией за свои грехи, тот может, по милости папы, воспользоваться сверхдолжными заслугами святых из церковной сокровищницы. Учение это было утверждено в 1343 г. папой Климентом VI. *(Так еще задолго до изобретения компьютеров и интернета папы придумали «виртуальную реальность».)*

Это кощунство объясняется исключительно корыстолюбием пап и католического духовенства, и всецело противоречит ясному учению Священного Писания о спасении человека. Идеал христианского совершенства настолько высок, настолько недостижим, что человек никогда не может не только совершить что-либо сверхдолжное, но и достигнуть этого идеала. Господь сказал Своим ученикам: «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17, 10). Ап. Павел говорит: «Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф. 2; 8–10).

4. Чистилище и индульгенции

Подробно учение о чистилище было разработано и развито Фомой Аквинским и окончательно принято как догмат на Флорентийском соборе в 1439 году. Католики верят, что в загробной жизни существует особенное состояние между раем и адом – чистилище. Это своего рода изолятор, в котором находятся души умерших, не успевших на земле принести Богу удовлетворение за грехи, а также не покающихся в маловажных грехах, за которые было бы жестоко посылать их на вечность в ад, но нельзя допускать и прямо в рай. В чистилище в течение определенного срока, в зависимости от важности и количества грехов, души умерших терпят разнообразные муки, горят в очищающем огне и этими мучениями платят за совершённые на земле, но еще не оплаченные грехи. Когда срок мучений оканчивается, когда долг правосудию Божию уплачен сполна, душа переходит из чистилища в рай. Чистилище будет существовать до Второго Пришествия Христа, но души грешников, попадающие туда, не будут там ждать Страшного суда. Каждая душа пробудет в чистилище столько времени, сколько необходимо для искупления грехов.

Некоторые смешивают латинское учение о чистилище с православным учением о мытарствах. Мытарства – только образные представления частного суда, неизбежного для каждого человека; путь из чистилища – в рай, путь из мытарств – и в рай, и в ад. По учению Православной Церкви, прощение грехов, облегчение мучений или даже полное освобождение от них получается душой усопшего в силу молитв и благотворений за него живых членов Церкви Христовой – его родных и знакомых. По латинскому же учению, души умерших людей получают прощение грехов в чистилище в силу самих чистилищных мучений, которыми они самолично приносят удовлетворение правосудию Божию. *Этим в корне искажается смысл христианского подвига – т.е. по католической логике получается, что можно на земле беспечно жить и грешить, а потом, «отбив срок» в чистилищном огне, заслужить райское блаженство.* Срок мучений в чистилище может быть сокращен, по учению католиков, и путем папских индульгенций.

5. Новшества в таинствах

Крещение. Римо-католики совершают крещение не через погружение, а через обливание и окропление. В пользу практики Православной Церкви – полного троекратного погружения в воду – говорит вся христианская древность. Через погружение крестился Сам Христос; через погружение крестили первые проповедники христианства (см. Деян. 8; 37–38); о погружении свидетельствуют особые, приспособленные для этой цели крещальни, которые до сих пор сохранились при некоторых древних храмах в Риме и других местах на Западе; погружение соответствует главной идее таинства: погружаясь трижды в купель, крещаемый спогребается Христу в смерть и затем совосстает с Ним в жизнь вечную (Рим. 6, 4).

Новшества в таинствах католической церкви стали появляться в ходе активной «миссионерской» работы: «Латинская церковь, в отличие от русской, добивалась в любой обращаемой стране быстрого и поголовного крещения. Методика была отработана. У епископов имелись собственные войска, а короли и князья придавали на усиление своих воинов. Отряды планомерно прочесывали деревни, сгоняли жителей округи в одно место. Делили по сотням, сопровождавшие священники торопливо читали молитвы, толпу обливали водой, давали каждой сотне одно христианское имя, и отряд двигался дальше (отсюда и пошел католический обычай крестить обливанием – с погружением конвейер занял бы больше времени и сил).

Хотя в действительности получалось так, что христианство внедрялось еще медленнее, чем на Руси. Ведь священники были немцами, молитвы и службы бормотали на исковерканной латыни, их никто не понимал. Люди воспринимали крещение как некий колдовской обряд. Именно поэтому прибалтийские славяне жестоко сопротивлялись попыткам крестить их. Население Польши, полностью окрещенное, продолжало жить вполне по-язычески. Зато оно платило десятую часть доходов церкви, и это признавалось достаточным» [19 с. 32].

При православном крещении произносятся слова: «Крещается раб Божий (имя рек) во имя Отца, аминь, и Сына,

аминь, и Святого Духа, аминь». В 15-м веке католики изменили эту формулу и с тех пор католические священники, обливая крещаемых, говорят: «Я крещая тебя... »

Миропомазание. У католиков таинство миропомазания (конфирмацию) может совершать только епископ, который возлагает руку на верующего, запечатлевает на челе его крест св. миром и говорит: «Знаменую тебя крестным знамением и утверждаю тебя миром спасения во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.» Устраняя священников от этого таинства, католики ссылаются на то, что Филипп, крестив самарян, не мог сообщить им Святого Духа, и для этого нарочно посланы были из Иерусалима ап. Петр и Иоанн (Деян. 8, 14–17); но Филипп был диакон, а не священник, и отсюда еще не видно, чтобы священники не могли совершать миропомазания. Поскольку как в древности, так и теперь в Православии, миропомазание соединилось со св. крещением, то скорее можно заключить, что оно совершалось не только епископами, но и священниками, потому что число епископов было слишком ограничено. Одно отступление неизбежно повело в католичестве к другому. Так как епископ не имел возможности физически присутствовать при крещении каждого младенца в пределах своей епархии, то таинство миропомазания отделено от крещения и совершается в возрасте отроческом (от 7 до 12 лет); епископ, объезжая свою епархию, обыкновенно останавливается в том или другом селении или городе и здесь одновременно конфирмирует всех крещенных детей. А так как многие дети могут умереть, не дождавшись конфирмации, то католические богословы, для успокоения верующих, прибегли к новому учению – будто таинство миропомазания не безусловно необходимо для спасения.

Покаяние. Великое таинство духовного очищения и благодатного врачевания грешной души приняло в католичестве характер судебного допроса и механического зачета поступков одного человека другому. Католики учат, что для удовлетворения правосудия Божия человек, хотя и прощенный в покаянии, должен понести временные наказания за свои грехи здесь на земле, в разных бедствиях, а после смерти – в чистилище. Но так как человек слаб и немощен, то, по снисхождению к нему, можно освобождать

его от этих временных наказаний, по силе переизбыточествующих заслуг Спасителя и святых, составляющих сокровищницу церкви. Право давать индульгенции принадлежит папе, как заместителю Христа на земле. На исповеди священники усердно расследуют грехи кающегося и затем вменяют ему такое количество добрых сверхдолжных дел, совершенных святыми, какое нужно для того, чтобы загладить грехи кающегося.

Корыстная раздача индульгенций послужила главным поводом к отделению от римско-католического исповедания лютеран и реформаторов. Само собой разумеется, что это средневековое учение об индульгенциях совершенно неизвестно в древней, неразделенной Церкви.

Евхаристия. Это таинство совершается у католиков, в сущности, одним священником по принадлежащему ему праву в то время, когда он, едва ли не отождествляясь с Самим Господом, произносит «установительные слова»: «приимите, ядите», «пейте от нея вси». В православном понимании эти слова также имеют большое значение, но таинство преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Господню совершается по молитве всей Церкви, в течение всей литургии, и завершается епиклезой – молитвой с призыванием Святого Духа освятить Дары.

В католической мессе вообще нет молитвы священника о призывании Святого Духа (она была выброшена после внедрения филиокве), от этого и вся их литургия теряет смысл, она безблагодатна. Как повествуют евангелисты, на Тайной Вечери Господь сначала воздал благодарение, затем благословил предложение хлеба и вина и уже после произнес слова «приимите, ядите...». Из этого ясно, что пресуществление было совершено молитвой и благословением, а слова «приимите, ядите...» означают простое обращение к апостолам приступить к принятию Святых Даров и указывают на таинственное значение Евхаристии.

Католическая доктрина пытается также излишне рационалистически объяснить само евхаристическое чудо при помощи схоластических понятий. Согласно этому объяснению, только видимость хлеба и вина остаётся неизменной, но сущность их (субстанция) превращается в Тело и Кровь Христову. Православное церковное сознание благоговейно

воздерживается от такого рационалистического проникновения в тайну. В нем преобладает убеждение, что хлеб и вино, по виду оставаясь собой, в то же время становятся Телом и Кровью Господа, подобно тому, как раскаленное железо становится огнем, и в подобие того, как Господь Иисус Христос есть одновременно Бог и человек.

У римо-католиков месса, на которой приносится бескровная жертва, совершается двояким образом: или она служится вслух, с пением и игрой на органе, или прочитывается шепотом, тайно. И так как в католических церквях бывает одновременно по несколько престолов, то так называемые «тихие» литургии совершаются часто одновременно с той, которая служится вслух, на главном престоле. Никаких «тихий» литургий в христианской древности не было и одновременного служения нескольких литургий в одном храме не допускалось.

Существенное отступление от Православия заключается также и в том, что миряне лишены святой Чаши, то есть лишены причащения пречистой Крови Христовой, вопреки прямым словам Господа: «пейте от нея ВСИ». Впервые это нововведение было допущено на Западе в XII веке, с целью показать в самом причащении превосходство духовенства над мирянами, потом оно было закреплено на Тридентском соборе. В оправдание своего отступления римско-католические богословы придумали несколько отговорок, вроде того, что «мирянам нет надобности причащаться отдельно Св. Кровью потому, что где дается Тело, там дается Кровь», или что «Св. Чашу легко при множестве причащающихся толкнуть и пролить».

Правильность православного способа совершения таинства – под обоими видами – подтверждают слова Господа: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6: 53). Учение о необходимости для всех причащаться под двумя видами ясно высказано и в апостольских посланиях. И святоотеческие творения свидетельствуют против римской практики. Св. Иоанн Златоуст (IV век) говорит: «все мы одинаково удостоиваемся Тела и Крови Христовых – не так, как бывало в Ветхом Завете: иное из жертвы вкушал священник, иное народ. Ныне не

так, но всем предлагается единое Тело и единая Чаша...». Католическое же духовенство, наоборот, под явным влиянием жидовствующих еретиков, стало выделять себя в особую касту – наподобие левитов или жрецов, причащаясь под обоими видами, а людей лишая полноты Причастия.

Так как малые дети не могут принимать твердой пищи, то католики, отняв у мирян Чашу, тем самым вовсе лишили св. причащения младенцев. Это отступление явилось не ранее XII века. Католики заградили младенцам путь к общению с Тем, Кто говорил: «Пустите детей приходите ко Мне и не препятствуйте им» (Мк. 10, 14).

Евхаристия у католиков совершается не на квасном хлебе, как у нас, а на опресноках, несмотря на то, что само слово «Артос», употребляемое в греческом тексте Евангелия при повествовании об установлении таинства, обозначает именно заквашенный, вскисший, поднявшийся хлеб. Католики ссылаются на то, что Спаситель будто бы совершил Тайную Вечерю в первый день опресноков, употреблявшихся в силу предписаний иудейского закона. Но ап. Иоанн пишет, что Христос совершил Тайную Вечерю за день до наступления иудейского праздника Пасхи (Ин. 13), иначе, как же на другой день синаедрион мог судить Его, Иосиф Аримафейский купить плащаницу и мироносицы – благовония? Так как опресноки у иудеев имели обрядовое значение, то Христос, совершив Тайную Вечерю на квасном хлебе, подчеркивает этим, что иудейский обрядовый закон Он отменяет.

«На Западе после IX в. появился обычай использовать для Евхаристии опресноки. К XI в. он уже повсеместно вошел в употребление. На Востоке, где использовался только квасной хлеб, западный обычай казался еще одной иудаистической тенденцией и, совместно с отсутствием эпиклезы и *filioque*, недозволительным принижением роли Святого Духа» [12 с. 442]. Закваска, поднимающая все тесто, символизирует Святого Духа, об этом и Сам Господь говорил в Евангелии. Но католики, умалив значение Третьего Лица Святой Троицы, лишили и церковный хлеб закваски, и простых христиан благодати.

Употребление опресноков повело к новым отступлениям от предания древней Церкви. Так как опресноки не требуют особенного приготовления на литургии, то утратилась

и проскомидия. Западные христиане лишены, таким образом, древнего церковного обычая поминать перед Жертвой Христовой всех членов Церкви, живых и мертвых, молиться, чтобы Кровью Христовой так же омыты были грехи их, как вынимаемые за них частицы просфор омываются в святой евхаристической Чаше. Когда же на католической мессе бывает причащение мирян, то священник, кроме главного опреснока, которым причащается сам, освящает еще и малые, по одному для каждого причастника. Этот обычай противоречит самому понятию об единстве евхаристической Жертвы; причащение от единого хлеба имеет, по учению Слова Божия, глубокое догматическое и нравственное значение: «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10,17).

Священство. У католиков епископ Рима почитается не только епископом и патриархом западной церкви, но и главой всей христианской церкви. Кроме известных священных степеней, у католиков существуют еще так называемые «кардиналы» – наследство римской языческой курии. Первоначально так именовались епископы ближайших к Риму церквей, как друзья и советники папы, но затем отличие это стало даваться наиболее заслуженным в католическом духовенстве лицам, и не только епископам, но и пресвитерам, и даже диаконам. Кардинальское звание особенно возвысилось с XI века, с тех пор, как кардиналам предоставлено исключительное право избирать папу из своей среды.

В римской церкви установлено безбрачие (целибат) для всех лиц священного сана; оно введено в XI веке при папе Григории VII. Главное основание для установления обязательного безбрачия этим папой заключалось в следующем положении: «церковь не может освободиться от подчинения мирянам, если клирики не освободятся от своих жен». С возвышением папской власти естественно должно было народиться стремление порвать те связи, которыми духовенство соединено с семьей, а через нее с государством; лишь совершенно свободный от всех семейных и гражданских уз и обязанностей священник мог служить в руках римских первосвященников надежным орудием к достижению их честолюбивых политических планов. Уже на эльвирском соборе в 306 году Западная Церковь решила вопрос в поль-

зу безбрачия. Этим хотели поднять нравственный уровень клириков. Целибатство привело, однако, не к улучшению жизни клира, а, наоборот, к большим падениям западного духовенства.

Когда этот вопрос обсуждался на I Вселенском Соборе, то некоторые епископы предлагали ввести правило, чтобы пресвитеры и диаконы оставляли супружество, в которое вступили до рукоположения в духовный сан, тогда Пафнутий Исповедник, сам никогда не испытывавший брачного состояния, воспротивился этому мнению. Называя брак честным и сожительство с законной женой чистым и нескверным, он убеждал отцов собора не налагать такого ига на всех священнослужителей. Собор последовал его мнению и предоставил безбрачное состояние воле каждого священнослужителя.

«Восточные клирики носили бороды, западные – брились. Вообще, на Востоке брадобритие ассоциировалось с желанием выглядеть женственно. Отсюда понятно, какие подозрения вызывали у восточных гладко выбритые западные епископы и священники» [12 с. 442]. Поскольку не каждому по силам подвиг девства, запрещение духовенству иметь семью действительно породило множество противозаконных пороков в среде католических священнослужителей. Желая положить конец такой распущенности, представители некоторых западных церквей предлагали открыто установить конкубинат для священников, лишенных возможности вступать в законный брак. Рим не мог согласиться с этими предложениями и молчаливо переносил то, чему не в силах был воспрепятствовать, тем более, что некоторые из пап XIV и XV веков нередко превосходили безнравственностью подчиненных им епископов и священников, что дало повод Савонароле проповедовать исправление нравов всей церкви, как главы ее, так и всех членов.

Несовершенны были латинские церковные каноны даже для мирян, не говоря о духовенстве: «По законам Византийской империи допускался развод, но не позволялось более трех последовательных браков. На Западе развод исключался совершенно, зато количество последовательных браков в случае смерти одного из супругов не ограничивалось вовсе». Это как раз и породило в эпоху «Возрождения»

эпидемию повального использования всевозможных ядов для решения семейных проблем [12 с. 442]. В наше время католики теряют множество священников, не выдерживающих безбрачного образа жизни.

Елеосвящение. У католиков елеосвящение совершается только над умирающими и потому называется «последним помазанием». Кроме того, по учению католиков, елей для таинства может быть освящен только епископом. То и другое учение противоречат учению апостола Иакова: «болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5, 14–15).

Учение о Непорочном зачатии Девы Марии является и вовсе возобновленной несторианской ересью. Это учение, по-видимому, имеющее целью возвысить Богоматерь, в действительности совершенно отрицает все Ее добродетели. Ведь если Дева Мария еще во чреве матери, когда не могла и пожелать чего-нибудь доброго или злого, была благодатью Божией сохранена от всякой нечистоты, потом той же благодатью сохранялась от греха и после рождения, то в чем Ее заслуга? Если Она была поставлена в невозможность согрешить и не согрешила, то за что же Ее Бог прославил? Победа без неприятеля не бывает. В том-то и проявилась праведность и святость Девы Марии, что Она, будучи «человек подобострастен нам», так возлюбила Бога и предалась Ему, что Своей чистотой высоко возвысилась над остальным человеческим родом. За то, предуведенная и предызбранная, Она и удостоилась, что Духом Святым, нашедшим на Нее, Она была освящена и родила самого Спасителя мира. Учение о благодатной безгрешности Девы Марии отрицает Ее победу над соблазнами и из Победительницы, заслуженной быть увенчанной венцами славы, делает Ее слепым орудием Божьего Промысла.

Не возвышение и большую славу, а унижение Ее представляет тот «подарок», который поднес Ей Папа Пий IX и все остальные, думающие, что могут прославить Божию Матерь отысканием новых истин. Пресвятая Мария настолько прославлена Самим Богом, так высока Своей жиз-

нью на земле и Своей славой на небе, что человеческие вымыслы ничего не могут прибавить к Ее чести и славе.

Кроме того, католическое утверждение, что Божия Матерь была сохранена от первородного и личных грехов, представляет Бога немилостивым и неправедным, так как если Бог мог сохранить Марию от греха и очистить еще до рождения, то почему же Он и других людей не очищает до рождения, но оставляет их во грехе; из этого лжедогмата выходит также, что Бог спасает людей и помимо их воли.

В католичестве имеется множество и других, **богослужебных и обрядовых отличий от Православия**: «латиняне постились по субботам, греки – нет. Для франков византийский отказ от субботнего поста казался распушенностью; а византийцы, в свою очередь, обвиняли франков в иудаистических тенденциях. *(Впрочем, латиняне компенсировали себе субботний пост вкушением в постные дни молока, яиц и даже мяса птицы)*. Латиняне совершали евхаристию в Великий пост, что для греков было совершенно недопустимым. На Западе было принято употреблять в пищу кровь. Византийцы видели в этом нарушение решения апостольского собора (Деян.15). Византийцы, бывающие на Западе, часто могли видеть клириков с оружием в руках и даже клириков, принимающих участие в битвах. Представители восточных церквей видели в этом нарушение целого ряда канонов множества соборов, в том числе и Вселенских, запрещающих клирикам не только проливать кровь, но и вообще служить в армии и брать в руки оружие. На Востоке по окончании Евхаристического канона в Чашу добавлялась теплота (зеон) – обычай, неизвестный на Западе» [12 с. 441].

Впоследствии был искажен и **православный юлианский календарь**, а введен папой Григорием XIII в конце XVI века так называемый **новый стиль, григорианский** (являющийся разновидностью древнееврейского календаря), искажающий всю систему церковных праздников и лишаящий через это христиан благодати. «Что положительного дал так называемый «новый стиль»? Григорианский календарь по отношению к космосу является провинциализмом (Солнечная система – вместо Вселенной). Он связан с земными яв-

лениями, климатическими временами года, что представляет собой главный аргумент сторонников григорианской Пасхалии. Однако не надо забывать, что следование точной календарной дате для определения Пасхи с игнорированием остальных факторов, в том числе – воскресного дня недели, было практикой некоторых малоазийских общин: они праздновали Пасху 14 нисана, стремясь к точному повторению исторической даты Воскресения Христа. Этот малоазийский обряд был осужден на I Вселенском Соборе, а его последователи с тех пор рассматривались как еретики – их называли четырехдесятники, или квадродециманы. Следовательно, точность месяца и числа в праздновании Пасхи самодовлеющей ценности не имела, а при игнорировании других библейских факторов такая практика приравнивалась даже, как сказано выше, к ереси.

Через юлианский календарь, его математико-символическую знаковую систему время воцерковляется в ритмах богослужения, особенно в Пасхалии. Воцерковленное время становится символом и образом Вечности. В григорианском календаре четырехсотлетний период на 3 дня короче, чем в юлианском, из-за превращения трех високосных годов в простые, и эта, казалось бы, незначительная разница разрушает гармонию и ритм календаря. Григорианский календарь лишен цикличности. Его периоды столь велики, что он практически прямолинеен; по отношению к лунному календарю он не симметричен, а параллелен, он учитывает меньше космических факторов, чем юлианский календарь (отсутствие звездных ориентиров; его факторы – движение Солнца через геоцентрическую ось – изменчивы). Григорианский календарь по сравнению с юлианским по своей структуре более примитивен, а его вычислительные таблицы более громоздки и неуклюжи.

Цикл дает возможность предвидеть будущее и воспроизводить прошлое. Ритм – это жизнь, всякое бытие – физическое, биологическое и психологическое протекает в определенных ритмах. Разрушение ритмов – это распад и смерть. Юлианский календарь эсхатологичен. Григорианский утилитарен и технократичен. Он лишен какого-либо мистического подтекста, и, потеряв ритмичность, стал де-структурирующей силой» [1 с. 135].

Католическая Библия была переведена на латинский язык блаженным Иеронимом с искаженных иудеями-талмудистами так называемых масоретских списков Ветхого Завета. «Папа Дамасий с жаром использовал языковые библейские знания Иеронима и засадил его за исправление старого латинского текста Библии (*Vetus Latina*). Эта личная протекция папы Иерониму, вручившая поправку привычного текста единолично одному лицу, вызвала ропот в римском священстве, в римском обществе, даже светском. По смерти папы Дамасия в 384 г. Иерониму, лишившемуся высокого покровительства, пришлось просто снова убеждать на Восток» [14 с. 118]. К тому же на этом переводе сильно отразилось влияние языческих классиков, которыми некогда в молодости восхищался суровый пустынный. Вследствие этих следов язычества и других причин римское духовенство запрещало своей пастве читать Священное Писание.

«Когда Братислав, король Богемии, обратился к папе за разрешением совершать службу по-славянски, папа ответил ему: «Поразмыслив внимательно, кажется, что Бог желал, чтобы Священное Писание оставалось в некоторых местах темным, из опасения, чтобы при ясном его понимании оно не впало бы в презрение, а худо перетолкованное не ввело бы в заблуждение людей посредственного ума». Аббат Флери по этому поводу замечает: «Мы видели, однако, что во времена самой здравомыслящей древности и в века наиболее просвещенные Св. Писание читалось и службы совершались на языке, употребляемом в каждой стране. Запрещения подобного рода начинаются с Григория VII (*т.е. все с того же XI века*)» [17 с. 77–78].

Богослужение католической церкви совершалось на непонятном простому народу мертвом латинском языке и являлось тайной. Это прямо противоречит действию Святого Духа, Который, сойдя в День Пятидесятницы на апостолов, дал им разумение говорить на разных языках для проповеди язычникам (*а не язычникам дал разумение латыни, древнееврейского и греческого*).

«В римо-католической традиции очень рано наметилось разделение всех верных на «Церковь учащую», с одной стороны, и простых верующих – с другой. «Откровения

для мирян» не поощрялись. На Востоке никогда такого не было: дух соборности всегда поддерживал убеждение, что Истина принадлежит Богу, Который открывает ее всем людям, вне зависимости от их клерикального «статуса». Знание истины не является прерогативой ни лиц, занимающих высокие административные должности, ни тех, кто успешно завершил свое высшее богословское образование. Утверждение, что существуют люди, которым недоступно знание церковного Предания, следует признать гностической ересью» [12 с. 113].

В дополнение можно сказать, что «для того, чтобы доказать виновность епископа, требуется 72 свидетеля, и качества свидетелей определялись с такой строгостью, что, конечно, имелось в виду скорее устранить всякое показание, чем обеспечить его достоверность». *(Не по образцу ли судившего Самого Христа иудейского синедриона, состоявшего из 71 человека, было поставлено судопроизводство в Ватикане?)*.

Одним из самых зловещих признаков нашего времени является систематическое и все более возрастающее сближение папства с иудаизмом. Папство, будучи по своей сущности чудовищным извращением христианства, представляет собой анахроническое возвращение от Нового Завета к Ветхому, причем смысл Ветхого Завета воспринимается в искаженном виде, в духе понимания его книжниками и фарисеями времен Христа и в духе современного иудаизма.

Сама идея папства с земной централизацией церкви, его тенденция к главенству над всем христианским миром, напоминает иудаизм с его мондиалистическими стремлениями. Ветхозаветное установление единственного храма, возглавляемого одним первосвященником по чину Аарона (Евр. 7, 11), также является отчасти олицетворением идеи земной централизации. Однако при Ветхом Завете это было лишь прообразом Христа – Единственного Первосвященника по чину Мельхиседека (Евр. 5, 10; Пс. 109, 4). Господь наш Иисус Христос упразднил навсегда земную централизацию Церкви, возводя её с Собой на небеса. Поэтому и неприемлема идея папства, претендующего в лице римского первосвященника, быть «наместником Христа» на земле. Причем прочие епископы считаются простыми помощни-

ками – викариями римского папы, что в корне подрывает принцип соборности Церкви.

Православные же епископы в этом мире являются лишь множественными отображениями, каждый в своей епархии, Единственного Первосвященника и Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, восшедшего «превыше всех небес, дабы исполнить все» (Еф. 4, 10).

Таким образом, папство готовит и открывает путь антихристу, который поставит себя на место Христа, будучи несовместим со Христом (1 Ин. 4, 3). Этот постепенный процесс «замещения» Христа земным «главой» Церкви начался ещё задолго до отпадения папства от Церкви Христовой в XI в. и продолжается без перерыва до наших дней, когда уже видимо раскрывается антихристианская сущность папства в прямом соответствии с его сближением с иудаизмом. Католичество – это, в сущности, антитринитарная иудейская ересь, оккультизм в христианской оболочке. Как писал об этом и святитель Московский Филарет: «папство подобно плоду, чья кора (оболочка) христианской церковности, унаследованной с древности, постепенно распадается, чтобы открыть его антихристианскую сердцевину».

«Стремление иудеев-талмудистов утвердить свое господство над другими народами первоначально носило преимущественно тайный характер и могло показаться просто утопией. Однако примерно с конца первого тысячелетия от Рождества Христова начинается качественная сдвигка мировой истории – созданная Спасителем христианская цивилизация, подточенная тайными иудейскими обществами и сектами, подвергается эрозии. Христианская идеология в западноевропейских странах постепенно отравляется иудейскими воззрениями на мир. И на месте христианской цивилизации Запада в течение XI–XVIII веков развивается иудейско-масонская, отрицающая духовные ценности Нового Завета, подменяя их поклонением золотому тельцу, культом насилия, порока, плотского наслаждения жизнью. На многие века Западное христианство превратилось в ширму, за которой велось масонское строительство.

На первых порах, пожалуй, самой красивой частью этой ширмы был так называемый Ренессанс, который при покровительстве римских пап и кардиналов под псевдохристи-

анской оболочкой фактически отверг духовные ценности Нового Завета, провозгласив эпоху плотского наслаждения жизнью, а главное, возрождение порочных языческих дохристианских традиций Древней Греции и Рима.

Иудейская пропаганда объявляет всю эпоху подъема христианской, духовной цивилизации периодом упадка и мракобесия, а так называемый Ренессанс – временем возрождения «лучших традиций древности», подразумеваемая под этим, по-видимому, неслыханный разврат и содомитство позднего античного общества, преуспеяние которого основывалось на жестокой эксплуатации рабов со всего мира. Греховный разрыв латинства с Православием привел к ослаблению духовной жизни европейских народов, находившихся под властью Рима. Эта ширма была отброшена с фасада иудейско-масонской цивилизации только в XX веке. В 1993 году иудеи и католики заключили между собой официальный договор о сотрудничестве» [4 с. 58].

Все вышеизложенное подтверждается на сегодняшний день самими папистами: «Ватикан выступил с предложением праздновать во всем мире «День иудаизма», – сообщает портал «Седмица.ru». «Мы призываем все Конференции католических епископов ввести такой день», – заявил секретарь Комиссии Ватикана по религиозным отношениям с евреями, салезианский священник Норберт Хофманн в своем интервью.

По его мнению, «День иудаизма» нужен, чтобы подчеркнуть еврейские корни христианства и содействовать христианско-иудейскому диалогу. В некоторых странах, включая Италию, Австрию, Нидерланды и Польшу, уже существует подобный день. Его проводят 17 января. Его мероприятия включают в себя научные конференции и дискуссии по отношениям между иудеями и христианскими церквями, семинары по традициям иудаизма, концерты еврейской национальной музыки, выставки и другое. «Особенности проведения «Дня иудаизма» в разных странах должны определить местные епископские конференции, поскольку отношения между католической церковью и иудаизмом в разных странах складываются по-разному», – пояснил Хофманн»⁴.

Итак, католичество по своей сути является и религией экуменизма, объединив в себе иудаизм и язычество вместе с христианством. В позднее средневековье многие христиане сравнивали римского папу с антихристом, который воссядет на месте святе и тогда воцарится мерзость запустения. Это суждение недалеко от истины – если и не сам папа будет антихристом, то, по крайней мере, подготовит путь и приход его...

ИСТОРИЯ ОТПАДЕНИЯ ЗАПАДА

«В апостольский период первенствующее место принадлежало Иерусалиму. Здесь жили апостолы, в Иерусалим возвращались они после тяжелых миссионерских трудов, здесь, соборно, решались ими затруднения и разногласия, вытекающие из различий практики апостолов. Предстоятель Иерусалимской Церкви, св. Иаков, а не иной из апостолов, был признан «Господином и Епископом епископов, управляющим Церковью евреев в Иерусалиме и всеми Божиим Провидением основанными Церквями» [13 с. 12].

После разрушения Иерусалима выдвигается на первое место Римская община. «Рим по своему политическому значению стоял вне всякого сравнения со всеми другими городами. Он был столицей всей империи, неся генетическую наследственность политического центра античного мира. Такое значение Рима, естественно, ставило и епископа этого города в особенно почетное положение среди иерархов всего христианского мира, поэтому все епископы христианской Церкви признавали за римским епископом преимущество чести» [22 с. 61–62].

Титул «Римский папа» был впервые усвоен римскими епископами в конце III – начале IV веков. Впервые стал именовать себя папой епископ Марцеллин (Маркеллин) (296–304), до 296 года употреблялся обычный термин «Римский епископ» или «Римский первосвященник». «Папас» – по-гречески «отец», и тогда этим титулом именовали себя и другие восточные патриархи. Постепенно везде, кроме Рима, это наименование было упразднено, сохранившись только в титуловании Александрийского патриарха, от которого и берет начало.

После переноса столицы в Константинополь, Рим остался лишь главным городом префектуры, четвертой части империи, сюда входила Италия, Испания и средиземноморское побережье Африки. В 395 году, когда скончался Римский император Феодосий I, Римская империя разделилась на Восточное и Западное государства. С этого времени пути двух частей бывшей одной империи пошли по разным направлениям. На Востоке в церковном отношении хотя и были постоянные проблемы – смуты и ереси, но благодаря тому, что установилась твердая императорская власть, удавалось регулировать эти процессы и ограждать Церковь от внешних и внутренних врагов (*греки сами шутят: где соберутся три грека, там будет четыре раскола*).

В 343 году был созван Поместный собор в г. Сардика (ныне София) для суда над арианами – по поводу апелляции св. Афанасия Александрийского к епископам Запада. В Западной Церкви Сардикийский собор имел высокий авторитет, потому что на нем было принято весьма выгодное для римских пап решение: согласно 3, 4 и 5 правилам собора, епископ, низложенный областным собором, может апеллировать к папе, который имеет право пересматривать спорный вопрос. Однако Сардикийский собор был Поместным собором западных епископов, и, согласно православному каноническому правосознанию, действие этих правил распространяется лишь на области, входящие в состав Западного Патриархата, подчиненные епископу Римскому. К тому же это было сделано временно, лишь на понтификат определенного папы, но впоследствии папы считали, что это право дано им навечно и распространяется на весь мир (*сами себе решили и постановили*). А в конце IV века правила Сардикийского собора в западных канонических сборниках ничтоже сумняшеся уже были включены под единой нумерацией в правила Никейского Вселенского Собора! Кто именно из пап благословил это сделать – неизвестно, но это отныне давало папам моральное право претендовать на исключительные полномочия во Вселенской Церкви.

«После смерти папы Либерия (366) в Риме оказалось два враждующих папы, Урсиний и Дамас (Дамасий). Каждого из них поддерживала фракция римского населения. Борьба между ними приобрела весьма ожесточенный характер.

В одной из потасовок между двумя партиями, происходившей в храме, погибли 137 человек.

В конце концов, при помощи городского префекта победил Дамас, но престиж римской кафедры сильно ослабел. Следующий префект обвинил Дамаса в человекоубийстве, и тому удалось закрыть уголовное дело лишь при помощи дорогих подарков. Его нравственный авторитет от этого не укрепился. В качестве компенсации Дамас всячески подчеркивал возвышенное духовное достоинство наследников св. Петра. Он строил и украшал многие церкви. Но самый известный памятник, оставшийся после него, – это новый латинский перевод Библии, Вульгата, заказанный им знаменитому далматскому лингвисту, экзегету и переводчику блж. Иерониму.

Возможно, именно из-за слабости позиций у себя дома Дамас писал заносчивые, с отказом от компромисса, письма св. Василию Великому, пытавшемуся восстановить церковный мир. Дамас вел роскошную жизнь. Его приемы, по мнению многих, роскошью превосходили императорские. Многие современники папы как христиане, так и язычники, критиковали его за мирское честолюбие, снобизм и жажду пробиться в высшее общество. Именно к папе Дамасу были обращены слова богатого римского аристократа Претекстата, который был жрецом многих языческих культов: «Назначьте меня римским епископом, и я завтра сделаюсь христианином» [12 с. 163].

Конечно, в период до отпадения католичества, на римском престоле порой правили и достойные люди, причисленные Вселенской Церковью к лику святых. Сщмч. Климент, свтт. Лев Великий и Григорий Двоеслов были римскими архипастырями, однако святые папы являлись скорее исключениями из общего правила. С течением времени и все усугублявшимся отступлением от истины, католическая церковь теряла благодать. Только попущением Божиим можно объяснить засилье авантюристов и открытых язычников, захвативших позднее римскую кафедру.

В довершение всего Запад стал систематически подвергаться нашествиям варваров. Так, в 410 году Рим был взят вестготами под предводительством Алариха. Император бежал. После этого нашествия римские императоры вообще

больше не возвращались в Рим, а свою новую резиденцию они основали в городе Равенна, расположенном в болотистых местах, где и отсиживались во время нашествий. В тоже время авторитет Римского папы возвышался – Иннокентий I (401–417) стал «героем дня», ведь он остался, не убоявшись варваров.

Папство, языческое по существу, из самых, казалось, неблагоприятных исторических происшествий, умело обретать свои выгоды. Так, во время разрушения Рима готами, папа обогатился, извлекая выгоду из народного несчастья. Когда Алларих появился у стен Рима, город этот насчитывал 1780 сенаторских дворцов, более миллиона жителей, а годовой доход некоторых собственников достигал 150 000 фунтов стерлингов. Отчаявшиеся граждане просили папу принести жертву забытому богу Юпитеру. Папа согласился с условием, чтобы жители доставили, какие кто может драгоценности. Пожертвования посыпались массами – папская курия не брезговала никакими способами для обогащения. Но жертвоприношения и воскуривание папой фимиама идолам не помогли: в 410 году Рим был разрушен и разграблен, зато курия обогащена, так как вандалы щадили церковные богатства. Христианский поэт Пруденций в своей поэме тогда прославил папу как спасителя Рима. Его авторитет ещё больше поднялся, когда войско Аллариха погибло во время шторма у берегов Сицилии.

В похожих условиях приходилось действовать папе Льву I (440–461). Около 452 года гунны хотели напасть на Рим, и папа решил спасти Рим от разграбления. Он вместе со своей свитой отправился к вождю гуннов Атилe – их встреча произошла неподалеку от г. Мантуя к северу от Рима. Лев I вручил Атилe многочисленные подарки и убедил его не нападать на Рим – вождь гуннов повернул обратно. Многие художники, в частности, Рафаэль, потом прославляли этот эпизод. В 455 году Лев I снова вынужден был вести переговоры, но уже с королем вандалов Гейзерихом, завершившиеся не столь удачно. За огромный выкуп папа Лев I добился того, что Гейзерих не стал устраивать резню, а лишь ограничился 14-дневным разгромом Рима и оставил в живых население, не сжигал церкви и не допускал

грабежа храмов. Заслуга Льва I была очевидна, и его имя стало благословляться по всей Западной Европе. Пользуясь своим возросшим авторитетом, Лев I попросил императора Валентиниана III издания указа о подчинении епископов папскому суду и о предании решениям папы силы закона. Всё это также способствовало превращению Римского епископа в главу Церкви на Западе.

«По мысли папы Льва, распад Империи и перенесение имперской резиденции в Константинополь, а в случае Запада – в Равенну, также было промыслительным деянием Божиим: признанием Рима седалищем наместника св. Петра, который правит Церковью. Освобождая место для его престола, императоры покинули Рим. Власть римского епископа, как наместника св. Петра, уже была сформулирована ранее предшественниками Льва, в особенности такими, как Дамас и Сириций. Но Лев – папа, чья безупречная нравственность и преданность Церкви создали ему непоколебимый авторитет во всем мире, – придал этой идее куда больше торжественности, внешнего блеска и последовательности» [12 с. 266].

Не каждый раз разные варвары разграбляли Рим, бывали и случаи, когда соседние народы принимали христианство, в частности, так произошло с воинственными франками. Эта народность жила на территории нынешней Франции, которые, перемешавшись с галлами, дали основу для французской нации. Король франков Хлодвиг (правил в 481–511 гг.) решил принять христианство по обряду Западной Церкви от папы Римского и объявил себя защитником Римской Церкви. Эту же миссию перенимали и последующие франкские короли. На этом фоне произошло окончательное падение западной части Римской империи, и последний западный император Ромул Августул был низложен германским военачальником Одоакром в 476 году. Этот год считается датой падения западной Римской империи. *(Как уже упоминалось, братья Ромул и Рем считаются основателями Рима, последним императором Римской империи стал также Ромул. Император Константин Великий был основателем Византийской империи, имя последнего императора, погибшего во время штурма Константинополя в 1453 году, тоже Константин. Подобные*

аналогии во множестве встречаются в истории и других государствах).

Со временем установилась практика, по которой все западные епископы становились викариями римского первосвященника. Епископ, назначаемый папой, носил белый шерстяной воротник с тремя вышитыми шелком крестами – это был т.н. «паллиум», символизировавший пастыря, несущего на плечах овцу. Для изготовления паллиумов выращивались специальные «благословленные» ягнята. Первый паллиум был выдан папой в 513 году епископу г. Арль во Франции, а в 707 году папой Иоанном VII этот обычай был уже повсеместно узаконен. За паллиум папа взымал определенную сумму, а епископ давал присягу ему на верность. Это стало внешним выражением той силы, какую приобретал Римский первосвященник за пределами своей территории. Если епископу приходилось менять епархию, он был обязан покупать новый паллиум (*своего рода сертификат на право оказания религиозных услуг от арендодателя*). Таким образом, папы раздачей паллиумов установили свою юрисдикцию и в тех землях, на которые их светская власть не простиралась.

У Римской кафедры появились полузависимые владения в виде экзархатов, сохранявших еще некоторую юридическую самостоятельность. Так, в IV веке к Римскому престолу был присоединен Иллирийский экзархат (морское побережье бывшей Югославии, ныне территория Хорватии), в V – Африканский и Галльский экзархаты, а в VI – Испанский. Несмотря на некоторое сопротивление со стороны африканской церкви, папам удалось сравнительно легко добиться подчинения себе этих церквей: велик был авторитет Рима в этих бывших римских провинциях. Что касается церквей, основанных миссионерами римского епископа в Британии, Германии и других странах Западной Европы, то подчинить их своей власти папам удалось тем более без всякого труда, так как в них идея о главенстве папы внедрялась одновременно с проповедью христианства.

В середине VIII века папа Стефан, чтобы склонить франкского полководца Пипина Короткого к соучастию в своих преступных намерениях, послал ему «собственноручное» письмо ап. Петра, якобы воскресшего для его написания по

молитве Стефана. Папе нужна была военная помощь, чтобы заполучить территорию Равеннского экзархата. Дело в том, что г. Равенна и прилегающие территории прежде составляли одну из частей греческой империи и управлялись экзархами из Константинополя, но во время иконоборческих смут, когда Византия была занята внутренними проблемами, Равенну под шумок завоевали лангобарды. Пипин по сговору с папой очистил эту территорию от лангобардов и подарил папам. Так папа из подданного Византийского императора превратился в самостоятельного светского государя, независимого ни от какого другого правителя, с самостоятельной территорией и с обладанием на этой территории высшей государственной властью. *(Вернее, как покажет время, полностью независимого от римской курии и тайного мирового иудейского правительства).*

Вся эта интрига с династией царей-иконоборцев и была закручена иудеями, чтобы окончательно отделить Запад от влияния Византийской империи, которой было не до лангобардов. Вскоре Пипин изменил своему королю Хильдеррику, причем попросил папу Захарию отпустить ему этот грех (т.е. разрешить его от законной присяги), а папа венчал его римским патрицием. Наследником Пипина стал его сын Карл Великий (768–814), который продолжил политику своего отца по налаживанию связей с Римом. Если папы ставили себя на место заместителей Бога на земле, то Карл стал метить на трон мирового правителя. Когда в 795 году новый папа Лев III вызвал против себя оппозицию со стороны римской знати, он бежал из Рима к Карлу Великому. Они нашли друг друга. Карл дал папе надежную охрану и сам предпринял поход на Рим – выступал в качестве благородного восстановителя справедливости. В благодарность за эту помощь Лев III в конце 800 года в базилике святого Петра в Риме возложил на Карла Великого императорскую корону. Так была фиктивно восстановлена западная Священная Римская империя. *(«Священная Римская Империя» в действительности не была священной, т.к. это было обыкновенное светское государство, не было римской, т.е. было немецкой, и, наконец, не было, в сущности, империей, т.к. это был союз немецких государств, в котором император был таковым только по имени. Этот союз*

существовал с Оттона I (962) до Франца II Австрийского (1806), когда его разбил Наполеон I.)

«Карл утвердил за папой и увеличил подарок Пипина. С сего времени вошло в обычай, чтобы каждый западный император получал порфиру и венец в Риме из рук папы» [11 с. 63–64]. Рим превратился в столицу папской области: у папы появилось своё собственное войско, и он стал необычным государем, обладавшим и светской, и духовной властью.

За всеми этими событиями стояли заинтересованные лица. «Императоры династии Каролингов на Западе получали средства для финансового обеспечения своих планов от иудеев – рахдонитов» [2 с. 9]. (*Дорога по-персидски – raḥ, корень глагола «знать» – don, знающие дороги – рахдониты. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой.*) Таким образом, выясняется, что римские папы, Карл Великий, его отец Пипин, а также иудейские купцы (и не только купцы) действовали в одной связке. Византийские императоры-иконоборцы также им подыграли: они не стали отвоевывать захваченные сперва лангобардами, затем Пипином, а потом римскими папами свои земли в районе Равенны. Даже наоборот, известно, что император Константин Копроним в знак дружественных отношений послал Пипину в подарок редкий по тем временам музыкальный инструмент – орган. (*Игра на органе после этого распространилась по всей римской церкви в качестве богослужебного сопровождения, в то время как в Византии их использовали только для светских развлечений.*)

А дальше коронованный папами новоявленный «Западный римский император» Карл, заняв узурпированный еще его отцом Пипином престол, потребовал вводить в христианскую религию иудаистические традиции! «В догматике Римская церковь допустила учение об исхождении Святого Духа и от Сына (filioque). Но сразу это учение на Западе не привилось. Его сторонник Карл Великий, лично руководивший работой Ахенского собора (809 г.), не смог добиться нового утверждения символа. Поэтому он обратился к папе Льву с просьбой утвердить это учение и внести его в восьмой член Символа Веры» [20 с. 64].

Конечно, это было волеизъявлением не императора, научившегося читать уже в сорокалетнем возрасте и слабо разбиравшегося в богословских аспектах, а его духовных руководителей, которым был нужен свой марионеточный монарх. На деньги иудейских воротил создавалась новая церковь – католичество и новая глобальная империя – Западная Европа.

«Папы не препятствовали обучению кандидатов в епископы в Кордове. Так и потянулись метастазы восточных учений через Францию в Англию. И на это роскошное здание (*восточных мистических учений*), фундамент которого уже сгнил, с восторгом смотрели жители Западной Европы, переживавшей так называемое Каролингское возрождение, во время коего малограмотные франкские короли приглашали ученых из Кордовы и Севильи, где жили ученые иудеи. Многие феодалы вообще не верили ни во что, кроме своих капризов и выгод, а среди крестьян и знати уже в IX в. процветал тайный культ сатаны. Клирики ездили в Кордову изучать древнееврейский и греческий языки у еврейских раввинов, служивших испанским халифам, заодно изучая теологию в аспектах, чуждых восточно-христианской ортодоксии» [8 с. 42].

Как раз родом из Англии происходил придворный ученый и философ императора Карла Алкуин, с именем которого связано так называемое «Каролингское возрождение» (VIII–IX вв.): «Алкуин пользовался большим влиянием на Карла во всех внутренних делах государства, и, в особенности, в вопросах об улучшении нравов духовенства и о школах, принимал большое участие в деле восстановления западной империи; он руководил иерархическими идеями и содействовал установлению власти папы над всей западной церковью. Алкуин владел греческим, латинским и еврейским языками, он участвовал и в спорах о почитании икон, сопровождал Карла на знаменитый Франкфуртский собор. Без сомнения, именно Алкуином написаны «Книги Карла» против мнений папы о почитании икон»⁵. Круг замкнулся – люди, исповедовавшие иконоборчество, продвигавшие идею о главенстве пап, внедрявшие тайный иудаизм в христианство, боровшиеся против Православия и создававшие Западную империю в противовес Византии были

заодно. Таким образом, отделение Запада в политическом и церковном плане и противопоставление его Православному Востоку было результатом плодотворной деятельности агентов тайного иудейского сообщества.

В то время, когда Восточная Церковь на Седьмом Вселенском Соборе ставила точку в победе над последней ересью – иконоборчеством, Западная уже была смертельна поражена ересью папизма, и, так и не преодолев этот недуг, в скором времени отпала от Истины. Создается впечатление, что творцы катаклизмов, не сумев одолеть Церковь Христову на Востоке, решили «попытать счастья» на Западе, и эта авантюра им вполне удалась – римская церковь, страдавшая вирусом языческого латинства, заразилась вдобавок и ересью жидовствующих.

ПАПСТВО И ПОДДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Подчиняя себе западные церкви, папы одновременно принимали меры к юридическому обоснованию своей власти. «В оправдание властолюбивых папских стремлений в начале IX века на Западе были составлены так называемые лжеисидоровы декреталии, в которых рядом вымышленных постановлений, восходящих будто бы до Римского епископа Климента, жившего в I веке, доказывалось, что высшая церковная власть во всем христианском мире всегда принадлежала папе. В то же время было придумано сказание о так называемом даре императора Константина, который, перенося столицу на берег Босфора, якобы оставил Рим в вечное владение Римскому папе» [11 с. 63–64].

Так как и имя составителя, и содержание сборника подложны, то он и получил название «Лжеисидоровых декреталий». Из 60-ти помещенных в нем папских декретов 58 сфальсифицированы полностью и только два – частично. В настоящее время даже католические богословы не признают их подлинность. Но в то же время сборник послужил главной основой для развития церковных отношений на Западе, т. к. был принят на веру и в течение всех средних веков пользовался авторитетом подлинности. Папы ссылались на декреты сборника в обосновании своих прав на главенство

во всей Церкви. *(Первым, кстати, использовал эти подлоги в своих интересах папа Николай I (858–876), главный виновник отпадения западной церкви от Православия во времена патриарха Фотия.)*

С именем папы Григория V связано начало использования еще одной знаменитой в истории фальшивки: «Дарения Константина». Этот документ, сыгравший крупную роль в истории папства и вообще всей средневековой Европы, был сфабрикован, скорее всего, при дворе папы Стефана III (768–771). Якобы император Константин Великий, ещё будучи язычником, заболел неизлечимой болезнью (чем-то вроде проказы), и когда все средства были перепробованы, ему явился во сне епископ Сильвестр и сказал, чтобы император принял крещение. Крестившись, он исцелился и в благодарность папе Сильвестру якобы подарил многие привилегии: «Мы, – «пишет» император Константин, – решили возвеличить святую Римскую Церковь и славно вознести святейший престол блаженного Петра и даровать ему почет императорский, чтобы во всём Римском мире священники признавали папу своим главой так, как слуги признают своим главой царя. И мы решили, чтобы ему принадлежало верховенство как над четырьмя главнейшими престолами, так и над всеми Церквями Божиими во всем круге земель». И здесь перечисляются четыре главных престола: Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский и Константинопольский. Далее император Константин говорит, что удаляется в город, который будет носить его имя, т.е. думает основать Константинополь, а здесь уже перечислена КП-я кафедра. *(В 1440 году итальянский гуманист Лоренцо Валла как текстолог внимательно проанализировал текст грамоты, выявил несоответствия и опубликовал трактат, в котором он камня на камне не оставил от этой «Дарственной», грамота была признана фальшивкой. После этого Римская церковь больше не настаивала на её подлинности, и грамота была сдана в архив. Тем не менее она сослужила свою службу: несколько столетий на основании этой фикции папы Римские укрепляли свой авторитет).*

«...И пусть глава Римской Церкви стоит выше всех священников и будет главой всем священникам

во всем мире. Ему передаются земли владений на Востоке, на Западе, на Севере и на Юге: в Иудее, в Греции, в Африке, в Италии и на различных островах. Пусть папы восседают на престоле блаженного Петра, и папе Мы передаем наш императорский Латеранский дворец и диадему (т.е. корону) с нашей головы. *(Корона в нашем понимании появилась лишь со времени Карла Великого, на которого ее возлагал Лев III, а до этого у императоров был лишь скромный головной убор вроде венка или повязки. Фальсификатор этого не учел.)* Передается папе тиара, а также наплечная повязка, т.е. лента, которая обычно надевается вокруг шеи императора. *(На латыни наплечная повязка передается термином *logit*, на языке вульгарной латыни VIII–XIX веков это было правильно, и всё соответствовало. Но в начале IV века словом *logit* обозначали хомут, который надевали на лошадь. Получалось, что папу запрягали в императорскую упряжь.)* Мы дарственно отдаем ему императорские скипетры, разные знамёна, украшения и т.д. *(Как атрибут власти скипетр существует только в единственном числе. Видимо, автор сборника просто перестраховался – а вдруг скипетр не один и придется еще с кем-то делиться властью?)* Мы постановляем, чтобы почтеннейшие мужи и монахи, принадлежащие к различным орденам Святой Римской Церкви, были наделены величием особой власти». *(Обращает на себя внимание несоответствие. Начало IV века – это время, когда монашеская жизнь на Западе была в зачаточном состоянии, и не было понятия «монашеский орден». Самый древний монашеский орден – бенедиктинцы – V–VI век, а здесь говорится даже не об одном ордене, а о различнейших. Далее говорится о том, что наместники монастырей, епископы были бы возвышены до уровня Сената, т.е. церковные деятели имели почет, который имеют государственные деятели, и чтобы их возвеличивать до уровня патрициев, а потом повышать до консулов. Но составитель не знал всех тонкостей и совершил ошибку, потому что патриций выше консула, а здесь наоборот. Есть детали, которые может знать только человек, который погружен в эту стихию (как у нас генерал-майор ниже генерал-лейтенанта, хотя лейтенант ниже майора).* Затем

сообщается, что папе Сильвестру передается дворец и город Рим и все провинции и города Италии и западных областей, и император Константин якобы пишет: «Поскольку мы всё папе передали, то сочли уместным перенести нашу империю и царскую власть и в наилучшем месте византийской провинции построить государство нашего имени и там основать нашу империю, ибо где первый из священников и глава христианской религии поставлен императором небесным, там не подобает иметь власть императору земному. Скрепив собственными руками страницу нашего императорского постановления, мы возложили её над досточтимым телом блаженного Петра, главы апостолов». *(Для VIII–XIX вв. уже нормален термин «страница», т.к. писали и на лицевой и на оборотной сторонах листа. Но в IV веке ещё не было такого понятия и техники, чтобы с двух сторон писать на выделанной коже. Это аналогично тому, как если бы сегодня подделывали документ столетней давности и употребили бы слово «файл».)*

В конечном итоге дарственная (как документ огромнейшей юридической важности) должна была храниться папами как зеница ока и передаваться, как драгоценная святыня. Но вместо этого ее возложили на гроб блаженного Петра, т.е. поместили в гробницу, где этот документ будет подвержен порче и сырости, заранее разъяснив, почему нет подлинника – что в силу неблагоприятных условий он был со временем утрачен – спрятали «концы в воду». *(Таким образом, если Православная Церковь основана на камне Христова учения, то католическая – на песке подложных документов, и, по слову Господа, будет велие разрушение таковой храмины, которое уже и происходит на наших глазах.)*

«Моральная несостоятельность папства в период так называемой порнокрапии (а этот ярлык прочно закрепился за X столетием) была вполне реальной, и отрицать ее нет смысла – это видно даже на примере более официальных источников той эпохи. Общая неспособность пап посткаролингского периода исполнять свои функции бесспорна, как, впрочем, бесспорны их причастность симонии и коррупции, за которую некоторых из них судили и низлагали. Ярким описаниям понтификатов X века, как достойных презрения, можно верить вполне» [21 с. 42].

Римские папы порой сменялись через короткие промежутки времени, что свидетельствует о преступности папского окружения, применявшего яд в случае несговорчивости отдельных владык. А логическим завершением антихристианских деяний дорвавшихся до светской власти римских первосвященников стало поругание женщинами римской кафедры. «Со времен Иоанна VI (с 701 г.) папские хроники до того искажены курией, которая старалась скрыть историю занимавших папский престол женщин, что наиболее ученые и добросовестные историки папства не в состоянии достоверно выяснить хронологию дальнейших пап до второй половины IX века» [9]. Характерным явлением для высшего римского клира в этот период, впрочем, как и впоследствии, было проявление безнравственности в самых извращенных формах. И не стоило бы об этом говорить, если бы сегодня не раздавались голоса лиц, без стыда утверждающих, что нас связывает с Ватиканом общее прошлое, что разногласия не так уж и велики, что их возможно было бы мирно, деликатно и «любовно» уладить и т.п. Вот только один из фактов.

«В 854 году, по смерти Льва, появилась на папском престоле женщина на 2 года 5 месяцев и 4 дня, совершающая богослужение, назначающая епископов, дающая свои ноги целовать князьям и народам. Необычное происшествие произошло во время праздника «Божье Тело», сопровождавшегося торжественными процессиями. Папа Иоанн VIII был посажен в блестящих одеждах на белого мула и, окруженный кардиналами, клиром и бесчисленным множеством народа, выехал из церкви св. Иоанна Латеранского. По прибытии на улицу, пролегающую между церковью Климента и Колизеем, папа почувствовал родовые боли, свалился с мула на мостовую и родил ребенка. Спустя мгновение он скончался, а ребенок был тут же задушен кардиналами.

Папский историк XIII века Мартин Поляк, архиепископ гнезненский, поясняет: «Эта папесса была родом англичанка из Майнца. Влюбившись в одного монаха, она переделалась в мужское платье и путешествовала с ним по Англии, Франции и Италии, изучала науки в Афинах, оттуда по смерти своего любовника отправилась в Рим. Тут она основала школу и вскоре приобрела такую известность, что

с согласия кардиналов и народа была избрана папой. После трех с половиной лет управления римской курией, вследствие неожиданных родов во время торжественной процессии, она умерла со стыда. В связи с чем папы, направляясь с крестным ходом из базилики св. Петра в церковь св. Иоанна Латеранского и обратно, обходят это злополучное место переулками». Петрарка и Боккачио говорят об этом, как о факте, не подлежащем сомнению.

В «Истории Рима» Грегоровиуса удостоверяется, что «в 1400 году бюст Иоанны в ряду изображений пап украшал стены в прекрасном соборе в Сиене. Изображение это стояло среди пап 200 лет с надписью: «Иоанн VIII, женщина из Англии», пока кардинал Бароний не настоял у папы Климента VIII, чтобы женская фигура была переделана в бюст папы Захарии» [9].

Чувственный Запад, будучи не в состоянии жить высокой духовной жизнью, искал удовлетворения своим плотским страстям. Помимо традиции написания икон, стали возвращаться и языческие обычаи изготовления статуй. «Искусство служило средством для привлечения мира в Рим, поэтому оно было ориентировано на мир. Это искусство было страстно и чувственно, как сам мир. Даже на фресках святые изображались обнаженными. Один из Римских пап, войдя в Ватикан, воскликнул: «Иисусе мой, ведь это языческие боги!» Над ним много потом смеялись в Риме; этот случай рассказывали как анекдот – про деревенщину и профана. Материальный мир был абсолютизирован. Небо – втиснуто в категории материального вещественного бытия» [1 с. 159].

Однако «трагедия римского католичества не только в грехах и личных преступлениях отдельных предстоятелей Римской Церкви, личных грехов везде было много, а в том, что в самое основание христианского вероучения и духовного строя Церкви введен дух мира сего, дух власти, дух юридического, утилитарного и земного искажения тайн Божиих. И привел этот дух к рабству, печать которого сказалась в стремлении перенести закон жизни Духа на язык внешнего механического счета, заслуги, числа и меры, что особенно сказалось в учении об индульгенциях и в казуистической морали» [13 с. 31].

«КАК ДАЛЕКО ВОСТОК ОТ ЗАПАДА...» (СГ. 102,12)

«С VIII по IX в. оба христианских мироощущения разошлись настолько, что греки и «латины» перестали видеть друг в друге единоверцев, ибо на Седьмом Вселенском Соборе Восток обрел покой, а Запад стал метаться в поисках решения» [8 с. 46].

«Английский поэт Киплинг начал свою поэму словами: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет небо с землей на Страшный Господень Суд». Здесь под Востоком и Западом мы должны подразумевать не части света, которые разделены географически Уральским и Кавказским хребтами. Скорее, под Востоком нужно понимать тот обширный регион, который занимала некогда восточная часть Римской империи, а затем – Византия и страны Ближнего Востока (сюда же можно включить и Египет, и Эфиопию), а под Западом – вообще все государства западноевропейской культуры. Святые отцы образно говорили: «Свет воссиял с Востока»; Восток символически означал Рай, Эдем, страну вечного Божественного Света.

Запад хотел Царство Небесное низвести на землю, построить рай на земле, земными же средствами. Восток всегда платил дань – кесарево кесарю – и готовил путь в Царство Небесное в сердце человека, переход в Царство не земное, а вечное. Запад ориентирован на внешнее могущество: за счет внешних средств он создавал различные организации, оказывал влияние на культуру, везде искал союзников – в мире искусства, в литературе, в политике, в социологии. А Восток говорил: «Истинное добро можно творить только в благодати Божией» и потому всегда отвергал сомнительных союзников. Для борьбы с исконным врагом рода человеческого Восток искал другую силу – это сила смирения, в котором проявляется истинная мощь духа. Восток внешне казался беднее, беспомощнее, слабее Запада, однако не искал ни силы, ни могущества мира, а искал Христа, Который победил этот мир» [1 с. 42–44].

На Востоке как будто не хотели понять, что каждое римское притязание имеет значение не только для настоящего, но и для будущего. Не нужно было владеть особенной про-

ницательностью, чтобы понять, что из своего систематического уклонения от участия во Вселенских Соборах римские епископы создают специальную привилегию апостольского престола. Каждая римская претензия, не опротестованная вовремя, входила в церковное сознание Запада и с течением времени лишь выигрывала в своем значении. Каждый изворот византийской икономии в Риме умели истолковывать в свою пользу. Следствием этой византийской тактики было то, что на Востоке о серьезной полемике против папских притязаний подумали уже слишком поздно, когда те получили авторитет освященной веками древности, и эти идеи проникли в сознание западного христианского мира, когда за папой стояла покорная ему Западная Церковь.

Важную роль в развитии идеи папского всевластия сыграл папа Николай I (858–867), виновник «фотианского раскола». В то время как папа Николай рьяно занимался на Западе реорганизацией церковной власти по Ветхозаветному образцу, 25 декабря 858 года в Константинополе вместо патриарха Игнатия, смещенного по проискам кесаря Варды, на патриаршую кафедру был возведен сенатор Фотий. Это был человек сильной воли и твердого характера, широкого житейского и административного опыта, глубокий богослов и всесторонний ученый. Фотий неохотно, под сильным давлением принял патриарший престол, предварительно убедившись, что Игнатий примирился с низложением. Пройдя в течение шести дней все ступени священства до патриаршества, собором епископов Фотий единодушно был избран на первосвятительский престол.

Но патриарх Игнатий оказался втянут в политическую борьбу. Его приверженцы собрали в 859 году собор и отлучили Фотия от Церкви. Фотий ответил на это своим собором и отлучил Игнатия. Начавшиеся волнения в Константинопольском патриархате дали повод папе Николаю I вмешаться в церковные дела на Востоке. Тонем верховного судьи папа заявил императору и Фотию, что все, случившееся в Константинополе, он не может признать законным, пока его легаты не исследуют дела. Смещения с высших государственных и церковных должностей в Византийской империи не были редкостью, но еще никто из пап не вмешивался во внутренние проблемы империи.

Собравшийся по этому поводу собор из 318 епископов признал Фотия законным патриархом. Папским легатам оставалось выразить полное согласие этому постановлению, и отвезти определения собора к папе Николаю. Вместе с тем император и патриарх отправили папе письма. В своем послании, отличавшемся высоким достоинством и силой доводов, Фотий объяснял папе, что патриархом он стал в силу определенного стечения обстоятельств и решительно заявил, что таких канонов, в нарушение которых он избран патриархом, Константинопольская церковь не знает. Постановления же поместных Церквей, пояснял он папе, если они не утверждены Вселенским Собором, не могут быть для нее обязательны. Свое быстрое возведение в сан патриарха Фотий защищал историческими примерами, указывая, что прямо из мирян были возведены на патриаршую кафедру на Востоке патриархи Тарасий, Никифор и Нектарий, а на Западе епископ Амвросий, причем последние два были избраны на епископию даже до принятия крещения. В своем ответе к папе патриарх Фотий опроверг все возводимые на него обвинения, и сам обличил папу в незаконном принятии им в общение беглых духовных лиц константинопольского патриархата, не имеющих ставленнических грамот.

Получив письмо Фотия, папа понял, что имеет дело с твердым и умным противником. В своих ответных письмах к императору и Фотию он продолжил традицию пап играть роль верховных вершителей церковных вопросов. Папа решительно не признал Фотия законным патриархом, считая таковым Игнатия. А в это время низложенный патриарх Игнатий подал официальную апелляцию к папе Николаю с просьбой расследовать его дело. Таким обращением к папе партия Игнатия фактически признавала высшую церковную юрисдикцию Рима. Папа ликовал, видя, что торжество партии Игнатия будет его торжеством. Собор 863 г. в Риме лишил Фотия не только патриаршества, но и сана церковного клирика, указав, что в случае невыполнения его постановления, Фотий отлучается от таинства евхаристии за исключением только смертного случая. Эти последствия касались и всех духовных лиц, посвященных Фотием, если они не прервут с ним общения. Игнатий восстанавливался в

правах патриарха вместе с его сторонниками, включая тех, которые обвинялись в каких-либо преступлениях.

Важным моментом в истории этого конфликта явилась политическая борьба вокруг вопроса о Болгарской Церкви, образовавшейся под влиянием и при содействии Константинопольской. Первым ее руководителем в делах веры был патриарх Фотий. После крещения царя Бориса (864 г.) он направил ему пространное послание о христианском учении и жизни, а также об обязанностях новокрещенного князя. Но по политическим мотивам царь Борис затем обратился с просьбой к папе Николаю об оказании содействия в христианизации болгарского населения и о разъяснении некоторых вопросов. Возможно, он опасался политической зависимости от Византии.

Папа ответил на это обращение посланием, пронизанным тоном высокомерных притязаний Рима и обидными суждениями о восточных патриархах. Болгарам он внушал держаться только Римской Церкви, якобы всегда пребывающей без пятна и порока. Сразу вслед за двумя епископами, которые привезли папское послание, в Болгарию прибыли латинские священники, и Церковь в Болгарии стала переориентироваться на Запад, а греческая иерархия изгоняться из страны. Естественно, что наглость Рима глубоко возмутила греков – латинские епископы и священники начали вводить свои обряды.

В 867 году Фотий собрал в Константинополе сперва поместный собор, а затем и с участием представителей Восточных Церквей, осудивший все уклонения Римской Церкви в догматах и обрядах, а равно и притязания папы Николая I на главенство в Церкви. На анафемы, произнесенные папой против Фотия, собор ответил анафемой в адрес папы Николая. Но вскоре к власти пришел новый император Василий Македонянин, возвративший на патриаршество Игнатия. Таким образом, в Константинопольской Церкви утверждалась прозападная ориентация, но признание папского главенства было делом только императора и малочисленной партии Игнатия.

Тем временем в 868 году в Риме вновь был созван собор, где относительно Фотия и его сторонников получили подтверждения постановления папы Николая I. Соборные

акты 867 года (обличающие папистов) было решено уничтожить. Сила указанных постановлений распространялась на все восточные патриархаты. Таким образом, на этом соборе папа заявил о своих вселенских правах. А в 869 году уже в самом Константинополе состоялся собор с участием папских легатов. Вернее, это было незначительное собрание, открывшееся в составе двенадцати членов, если не считать руководителей собора и представителей светской власти. Только на последнем заседании собора число его участников с трудом перевалило за сотню. Представители восточных патриархов на этом соборе, как было доказано позже, оказались самозванцами. Таким образом, собор представлял заседание правительственной партии, поэтому и все его определения, до признания главенства папы включительно, были антиканоничными.

Фотий, вызванный на собор, отвечал на поставленные вопросы мужественным гражданским молчанием. Зато сторонники Фотия энергично защищались, из чего становилось ясным, что привлечь их на сторону Игнатия – нереальная задача. На седьмом заседании был произнесен приговор Фотию и его единомышленникам. Этот приговор для большей торжественности скрепили евхаристической кровью. Акты соборов 861 и 867 годов сожгли. Папа ликовал. Бывший патриарх Фотий содержался под стражей и был лишен всякого общения с родственниками, монахами и духовенством. Ему отказывали даже в лекарствах. Собственность конфисковали, в том числе и книги. Так мстили ему враги рода человеческого за просвещение славянских народов светом Христовой веры. Римскими папами св. патриарх Фотий был предан анафеме 12 раз! В принципе, не удивительно, учитывая тот ущерб, который он принес католикам, препятствуя папам в их глобализационных планах.

Гонения обрушились также и на сподвижников Фотия, они мужественно выносили все невзгоды, отказываясь от компромисса с партией, унижившей Константинопольскую Церковь. Личность патриарха Фотия имеет для истории Православия особую важность, т.к. он своим примером стойкости и мужества в вере воспитывал сознание своей паствы и оставил потомкам, мирянам и духовенству образец поведения по отношению к латинству. «Св. Фотий, может

быть, стал первым человеком в Византии, почувствовавшим всю опасность универсалистских претензий папства и понявшим, что в этом деле отступить и идти на компромиссы нельзя. И в этом величие патриарха Фотия – так же как и в том, что он первый почувствовал всю важность распространения византийского мира в славянские земли» [12 с. 406].

В скором времени император Василий Македонянин, осознав величие и добродетели Фотия, вверил ему воспитание своих детей. В отношениях Игнатия и римского папы камнем преткновения продолжал быть вопрос о Болгарской Церкви. Преемник папы Адриана II Иоанн VIII категорически требовал от Игнатия, чтобы он в 30-дневный срок очистил Болгарию от греческого духовенства и передал Церковь этой страны в юрисдикцию папы, грозя ему лишением патриаршеского престола. Но Игнатий умер патриархом (877 г.), а с его смертью рухнули и фальшивые основы, заложенные папством для своего главенства на Востоке.

Император Василий видел, что Фотий был единственным человеком, способным положить конец церковной смуте и вновь поставил его патриархом. В 879–880 годах в Константинополе состоялся великий собор, получивший по месту своего прохождения наименование Свято-Софийского. В нем участвовало 380 епископов, три папских легата, а также представители восточных патриархов. Собор реабилитировал Фотия, чем был нанесен тяжелый удар папскому авторитету.

Святой патриарх Фотий был одаренным богословом и церковным писателем. В самом значительном своем богословском труде «Амфилохия» он разрешает догматические вопросы о Святой Троице, искуплении, воплощении, иконопочитании и т.д. Одно из его лучших догматико-полемических сочинений – против латинян о Святом Духе. Святитель Фотий был замечательным проповедником, оказал большое влияние на каноническое византийское право и является автором-составителем знаменитого сборника церковных правил «Номоканон». Постановления соборов 861 г. и 879–880 гг., включенные им в собрания канонов, постепенно также получили вселенское значение. После собора 879–880 гг. патриарх Фотий продолжал твердую и

независимую от Рима политику. Однако в 886 году Фотия низложил с первосвятительского престола новый император Лев Мудрый, и жизнь великого ревнителя чистоты Православия закончилась 6 февраля 891 года на покое в монастыре.

ЭПОХА КЛЮНИЙСКИХ РЕФОРМАТОРОВ

На Западе всего лет через 25 после смерти папы Николая I (867 г.) папство скатилось к одному из самых низких уровней нравственности за всю свою историю. В Германии династия Каролингов прекратила существование в 911 г. Империя Карла Великого распалась, и у римских понтификов не осталось сильного защитника: они стали игрушкой в руках воюющих политических фракций. Началась так называемая «папская чехарда». Между 897 и 955 гг. сменилось не менее 17 пап (не считая антипап).

«Дальнейшее развитие латинства, вплоть до его окончательного отпадения от Православия, представляло своего рода вертеп. Возглавители соперничающих партий, боровшихся за апостольский престол, считали дозволенными для себя всякие средства во имя осуществления святотатственных целей. Ради увеличения своих сторонников и получения больших шансов на успех не стыдились торговать святыней. В бесчестных сделках они продавали за золото кардинальские звания, аббатства и епископии, обещая вооруженную поддержку тем, кто путем симонии получал все это. Они не останавливались перед перспективой раскола и признавали первосвященниками антипап, которых сами выдвигали, руководствуясь своими капризами, интересами, страстью к наживе. Они избирали того, кто платил больше, каковы бы ни были его знания, нравственность и положение, будь то мирянин или клирик. Иногда человек, утром не имевший даже тонзуры, к вечеру объявлялся верховным первосвященником. Легко себе можно представить частную жизнь таких клириков, епископов или даже первосвященников. Симония и распущенность, рождавшиеся отсюда, заражали весь Запад, ибо, если больна голова, все члены подвержены болезни.

Эта мрачная картина не покажется преувеличением, если вспомнить, что в эту эпоху сын блудницы был возведен на престол святого Петра своей собственной матерью. Бесстыдная Марозия, развратная патрицианка и куртизанка высокого ранга, широко известная своей необузданностью и преступлениями, запятнавшая себя целым рядом кровосмесительных и прелюбодейных связей, получила в собственность от итальянских принцев как плату за свое бесчестье замок святого Ангела и власть над городом Римом. Достигнув верховного положения, *domna senatrix*, как ее называли, сочла себя вправе распоряжаться апостольским престолом, возводить на него и низводить по собственному усмотрению. Мужья этой развратной женщины жили недолго. Так же как и папы, они сменяли один другого с ужасающей быстротой, оправдывавшей всевозможные подозрения. Можно бы сказать, что подобных преступлений для этой новой Мессалины было мало. По ее желанию был избран папой ее сын (Иоанн XI) ... Это была настоящая мерзость запустения на месте святе. Злосчастная роль Марозии не окончилась со смертью ее сына Иоанна XI. Четыре преемника его: Лев XI (936–939), Стефан IX (939–942), Марин II (942–946), Агапит II (946–955) – были избраны или по ее влиянию, или по влиянию ее сестры Феодоры. Пятым преемником Иоанна XI был сын его брата Альбериха – следовательно, внук Марозии, молодой 19-летний мирянин, при вступлении на престол Святого Петра принявший имя Иоанна XII (955–964) ... Этот сын Альбериха и его наложницы был папой негодным, наглым и преступным. В 963 году этот папа был осужден на Соборе за чудовищный разврат» [4 с. 39–40].

«После вступления на папский престол в 1033 г. двенадцатилетнего Бенедикта IX, распущенность в римской курии дошла до небывалых размеров. Вслед за тем, после продажи с аукциона папского престола и приобретения его Григорием VI, который скоро проиграл его в кости Клименту II, курией управляли одновременно трое пап. Император Генрих III положил конец этим беспорядкам на соборе в Сутре (1046 г.), изгнав всех пап, и утвердил в звании папы Климента II в 1046 г., а по его смерти назначил папой в 1048 г. Дамаса II. После него вступил на папский престол Лев IX, а когда его

взяли в плен норманны, председателем курии стал Виктор II; в 1057 году был Стефан, а в 1058 – Бенедикт X. Этот последний был до такой степени распутен, что через девять месяцев был не только свергнут с папского престола по требованию светской власти, но даже лишен на сутрийском соборе священнического сана. В 1063 году в Германии, во время Рождественских праздников, имеющий митру аббат фульдский и епископ гильдесгеймский со шпагами в руках домогались первенства в церемонии, причем сабельные удары сыпались столь обильно, что алтарь был залит кровью, а император едва не был убит» [9 с. 88].

Эти эпизоды красноречиво говорят о той нравственной деградации, которой достигла католическая церковь в результате умело проводимой курией политики обмирщвления и иудаизации. «Гордыня и властолюбие римских пап отдаляли миллионы западных верующих от христианского образа жизни, церковного и православного мышления. Духовно ослабленный народный организм уже не мог противостоять лукавому, замаскированному натиску тайных иудейских обществ и сект. Вместо благочестия насаждались лицемерие и ханжество. Среди священников и мирян появляется масса замаскированных под христиан иудеев, откровенно враждебных заповедям Нового Завета» [4 с. 58].

Одновременно с церковными, происходили и государственные изменения в Европе, и их сочетание говорит само за себя: «Около 900 г. купеческая организация рахдонитов стала гегемоном Восточной Европы. Каролингское правительство по мере ослабления своих сил в борьбе с феодалами расширяло права евреев. В баварско-славянской таможене в Пассау в 906 г. еврейские работорговцы были уравнены в правах с христианскими купцами. Славянские юноши и девушки отправлялись отсюда через Верден, Лион и Нарбонну в Испанию к арабам на пополнение гаремов и obsługi. Ту же экономическую политику проводил Оттон, вследствие чего те славянские страны, в которых торжествовало католичество, немедленно входили в общую западноевропейскую экономическую систему. Не успел еще польский король Мешко (960–992) утвердить в своем королевстве латинскую веру, как евреи уже завели там торговлю солью,

пшеницей, мехами и венгерским вином. Простодушные поляки гостеприимно встречали иноземцев, ибо кошмар хазарской системы их не коснулся, и они не представляли последствий своего радушия. Но киевляне, успевшие понять что к чему, категорически отказались повторять хазарский эксперимент» [8 с. 120].

Конечно, находились и в среде западных христиан желающие церковных реформ и улучшения нравов. И в конце X и начале XI вв. католическая церковь провела ряд преобразований, получивших название Ключийской реформы. Но под благими намерениями скрывались преступные цели, вернее, реформированием занялись ... ставленники иудеев. «Возрождение монашества на Западе связывают с основанием на востоке Франции в 910 г. монастыря Ключи. Ключи был «ставропигиальным» монастырем, т.е. подчинялся он непосредственно папам» [12 с. 437].

«Ключийцы выступали за улучшение нравов, за грамотность духовенства. Но главное острие их борьбы было направлено против симонии (Деян. 8; 18–24) и николаитизма (Откр. 2; 6, 14–15). Под первым имелась в виду плата за рукоположение, под вторым – любое отклонение от клерикального celibата, будь то в браке или вне его. Ну и, конечно, ключийцы усмотрели симонию в императорских (западных) назначениях на церковные должности. С другой стороны, западные императоры были весьма заинтересованы в повсеместном введении клерикального celibата, т.к. celibатный клирик не мог передать своей должности по наследству, и после его смерти она возвращалась к дарителю. Благодаря этому у императора не уменьшался резерв земель и должностей и он мог быть уверен, что контроль за назначениями останется у него в руках. *(Наводит на размышления тот факт, что вскоре на Руси объявились еретики, обличающие русское духовенство в симонии, не с подачи ли латинских агентов?)* Ключийская реформа также ставила одной из своих задач унификацию литургической практики во всем Западном мире. Богослужебный образец, которого придерживались ключийцы, был северным, франкским. Именно под него ключийцы подгоняли богослужение во всех регионах, на которые распространялась их реформа *(т.е. все иудейские нововведения: филиокве,*

*служение на опресноках, отсутствие молитвы на схожде-
ние благодати Святого Духа на Святые Дары и т.п.).*

В 1009 г. папой стал Сергей IV, убежденный клянуец. В окружном послании, в котором он извещал предстоятелей поместных церквей и светских властителей о своем избрании на «кафедру святого Петра», он написал Символ веры с *filioque*. Когда это послание было получено в Константинополе, имя папы немедленно изъяли из диптихов. Тогда никто не думал, что этот эпизод станет началом разделения (*оставим слово «разделения» на совести цитируемого автора*) Церквей. Но с тех пор Римские папы в константинопольских диптихах не поминались более никогда.

В 1024 г. Константинополь предложил компромисс: папа признается патриархом Запада, первым среди равных, а Константинопольский патриарх признается занимающим точно такое же положение в своей сфере. Папа Иоанн XIX хотел было согласиться и принять эти условия, однако клянуийская партия, имевшая свои взгляды на папство, запретила ему идти на компромисс: *лишь один папа должен иметь власть вязать и решить на всей земле* [12 с. 441].

Не сумев одолеть Православие на Востоке изнутри через ереси и расколы, нейтрализованные на Вселенских Соборах, служители тьмы решили кардинально изменить тактику и начать тотальное наступление извне на хранилище Православия – Византийскую империю. Методика была испробованная – разделяй и властвуй. Причем, добившись разделения церквей, вернее сказать, отпадения от истины католической церкви, диавол глумливо ее же руками стал добивать православных христиан – для распинателей нужны иуды, это неоднократно доказано более чем двухтысячелетней историей христианства.

Как в войну предателей заставляли расстреливать своих же бывших однополчан, так и тут предавшие истину христиане были натравлены на христиан и преуспели похлеще иных язычников в разрушении святынь и уничтожении носителей православного духа. «Для многих в Западной Европе греки были еще отвратительнее турок. Например, Петрарка писал: «Турки – враги, а греки – схизматики, и значит – хуже врагов». Опыт показывал, что турки на завоеванных территориях хотя бы проявляли минимальную

терпимость и позволяли Православной Церкви существовать, в то время как латиняне начинали свое правление с попыток искоренения Православия. Фраза, приписываемая последнему премьер-министру Византии Луке Нотарасу: «Лучше чалма султана, чем тиара кардинала», на самом деле не была такой шокирующей, какой казалась сначала» [12 с. 551].

Крестовым походам предшествовали вышеописанные ключийские преобразования в католической церкви. «Стоит повторить, что все, ответственные за это глубокое нарушение преемственности (имеются ввиду григорианские реформы), были в свое время германскими епископами. Агрессивная самонадеянность, придававшая им уверенность, уходила корнями в северное движение монастырского обновления. Они были наследниками каролингского богословия и всей каролингской цивилизации» [21 с. 85].

Кто был вдохновителем и учредителем каролингской цивилизации объясняет историк Лев Гумилев: «Совершенно иной была христианская проповедь в Западной Европе при Каролингах. Там возникла идея, что христианское богословие – тайная наука, доступ к которой должен быть открыт только духовенству (*как хитро отвращали народ от христианства!*). В IX в. каролингские императоры получали средства для своей жесткой политики от иудеев-рахдонитов, покупавших у них покровительство. В 828 г. Людовик Благочестивый дал еврейским купцам охранную грамоту, защитившую их корабли от его собственных чиновников. А перевозили эти корабли славянских невольников, часто христиан. Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям и в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в.» [8 с. 119–120].

В это же время «в игру вступил новый партнер – варяги, набербованные из скандинавских викингов. И поскольку они были рассеяны по всей Европе, встреча их с иудео-хазарами была предрешена. Начиная с 800 г. все побережья Западной Европы стали подвергаться нападениям скандинавских викингов. Больше того, норманны входили в реки, проникая вглубь континента. Добыча была обильна. Но оказывается, что кроме золота и серебра, сукна и полотна, а также женских украшений и дорогого оружия,

викинги брали пленников и продавали их в рабство. У норманнов были скупщики награбленного, и, по-видимому, они были достаточно богаты, чтобы покупать пленных в надежде на будущий барыш, и достаточно влиятельны, чтобы транспортировать христианских рабов от берегов Северного моря до Испании, где кордовские халифы покупали рабов за большие деньги. Неужели это знакомые нам рахдониты?! Сопоставим факты. В 768–772 гг. евреи в Нарбонне являются крупными землевладельцами, а на полях и виноградниках работают крепостные-христиане. Через 70 лет после окончательного объединения Западной Европы Карлом Великим ту же картину мы видим в Лионе (849). Таким образом, в наиболее богатых областях Священной Римской империи евреи составляют господствующий класс, диктующий свои порядки. Так, по желанию евреев базарный день в Лионе был перенесен с субботы на воскресенье, против чего тщетно протестовали епископы, особенно знаменитый епископ Агобард. Хазарские иудеи были опасны для Франции, так как, приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследований со стороны духовенства и народа.

Галльские епископы жаловались, что иудеи покупают рабов-христиан и заставляют их исполнять иудейские обряды, что они похищают христианских детей и продают их мусульманам, что иудеи, по ненависти к своим соперникам, помогают мусульманам и норманнам, открывая им ворота осажденных городов.

В Испании еврейские купцы в 854–874 гг. торговали андалузскими девушками и для этой цели имели торговый маршрут от Марокко до Египта. В Египте при Ахмаде ибн-Тулуне царило изобилие, и испанок покупали для гаремов. Надо полагать, христиане оказывали сопротивление, где могли и как умели. Поэтому евреи, не довольствуясь административной поддержкой императоров Каролингов, использовали язычников-норманнов. Первое упоминание о евреях в Англии датируется 833 г. – сразу после успехов викингов. В 848 г. норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев, которые от викингов не пострадали. Это могло быть лишь в том случае, если меж-

ду теми и другими была налажена связь. И текст «Повести временных лет» поясняет, какова она была.

Два хищника – рахдониты и викинги – в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний, которые предстояло совершить. Русский каганат тоже должен был стать жертвой этих хищников. И действительно, все последующее столетие Киев был ареной жестокой войны, которую славяно-русы вынуждены были вынести.

Предложенный здесь вывод на первый взгляд кажется парадоксальным. Мы привыкли видеть в евреях и норманнах антагонистов, ибо они в самом деле весьма не похожи друг на друга. Но в политических коллизиях, особенно диктуемых элементарной алчностью, симпатии, основанные на сходстве психологических складов, уступают место расчету, пусть даже самому циничному. Искренность в таких случаях не только не нужна – она вредна. И поэтому рахдониты спокойно использовали викингов, оставляя тех в уверенности, что они не являются игрушкой в руках опытного партнера. Больше того, когда иудеи проиграли ставку на гегемонию в мировой торговле, норманны, напавшие на Англию, взяли с собой евреев, и те с 1100 г. держали в своих руках кредитные операции английских королей и их вассалов» [8 с. 91–92].

В то же время «еще при Гильдебранде папы сумели сблизиться с норманнами, которые превратились весьма скоро в союзников Рима и как таковые стали усердно притеснять и грабить греческие провинции южной Италии. Положение Византии резко ухудшилось с тех пор, как турки задались целью захватить их империю» [17 с. 86].

Из всего вышесказанного можно с уверенностью заключить, что иудеи явились вдохновителями практически всех церковных и политических преобразований Западной Европы и Азии в начале второго тысячелетия. В том числе им принадлежит идея папской неограниченной монархии, повлекшая за собой отпадение католической церкви, и реформация западного монашества, превратившегося из придворных Царя Небесного в прислужников папы римского.

ОТПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ

В XI веке процесс отпадения католичества от Восточной Церкви принял необратимый характер. Это событие случилось во время царствования императора Константина Мономаха (1042–1054 гг.). Константинопольскую кафедру тогда занимал патриарх Михаил Керулларий (1043–1058 гг.) – человек, по твердости характера равный Фотию. На Римской кафедре в это время был папа Лев IX, церковная политика которого направлялась поборником папского главенства кардиналом Григорием Гильдебрандом.

Папа Лев IX стал распространять свое влияние и западные обряды на некоторые церкви в южной Италии, Калабрии, Апулии и на о. Сицилии, где тогда еще были владения византийского императора и проживали колонисты-греки. Практиковалось даже совершение евхаристии на опресноках, что происходило и в самом Константинополе. Патриарх Михаил решил положить конец папским проискам и отлучил от св. причащения Аргира, начальника греческих войск в Италии, содействовавшего совершению Евхаристии на опресноках. Для прекращения соблазна православных патриарх закрыл в Константинополе латинские монастыри и церкви, и поручил (1053 г.) архиепископу Болгарскому Льву написать обличительное послание против латинских нововведений. Особенное внимание в нем было обращено на употребление в Западной Церкви в Евхаристии опресноков и соблюдение поста в субботу. Папа Лев высокомерно ответил Михаилу, упрекая его в «несказанной дерзости» учить Римскую Церковь. Однако постоянная угроза греческим колониям в Италии со стороны норманнов вынудила византийского императора искать союза с папой. Для личных переговоров от папы в Константинополь прибыло посольство.

Поведение послов было вызывающим, они держались как хозяева положения. Во главе посольства стоял кардинал Гумберт – интриган, фанатик папского всевластия. Бестактность папских легатов обнаружилась при первом же представлении патриарху. Он принял легатов, окруженный митрополитами и епископами, рассчитывая, что представители папы займут место в ряду епископов и отдадут должную честь патриарху. Но легаты вошли в собрание с

величественной гордостью представителей вселенского повелителя, не сочтя нужным даже поклониться патриарху. Они думали, что им будет предоставлено председательство на соборе. Когда же патриарх указал им место, высокомерно вручили ему папское письмо и, не сказав ни слова, вышли из собрания. Оскорбленный таким поведением легатов и, не желая делать никаких уступок притязаниям Рима, Михаил Керулларий отказался в дальнейшем вести переговоры. Император, преследуя политические цели, пытался сгладить остроту отношений, но раздраженные твердостью патриарха легаты пошли на акцию беспрецедентного характера [22 с. 69–70].

Епископ Арсений в «Летописи церковных событий» так описывает происшедшее: «15 июля легаты вошли в церковь Софийскую и, когда клир готовился к служению в третий час дня в субботу, положили на главный престол грамоту отлучения на виду присутствующих клира и народа. В ней говорилось: «Что касается столпов империи и почтенных мудрых граждан, то город Константинополь – христианнейший и православный. Что же касается Михаила, незаконно называемого патриархом, и поборников его глупости, то рассеиваются в нем бесчисленные плевелы ересей... Да будут анафема, да будут анафема, маран-афа (1Кор. 16; 22). Аминь». После этого и в присутствии императора и его вельмож, они устно произнесли: «Кто упорно станет противиться вере святого римского и апостольского престола и его жертвоприношению, да будет анафема, да будет анафема – маран-афа (да будет отлучен и погибнет в пришествие Господне) и да не считается христианином католическим, но еретиком прозимитом (не приемлющим опресноков и предпочитающим квасной хлеб). Да будет, да будет, да будет». Наглость папских легатов возбудила против них все население столицы. Только благодаря императору, который уважал в них звание послов, они могли свободно выехать».

20 июля 1054 года Михаил Керулларий собрал собор в Софии и произнес осуждение на Римскую Церковь и анафему на папских легатов. Определение собора было доведено до сведения всех восточных патриархов. С этого времени во всех восточных церквях перестали почитать папу при бо-

гослужении и западная церковь, упорно остававшаяся при своих догматических, обрядовых и канонических заблуждениях окончательно отпала от союза с Восточной.

Причины церковного раскола в IX и XI столетиях были одни и те же: неправомерные притязания пап на подчинение их власти всех поместных церквей с одновременным отступлением римских пап от Православия в вопросах догматических, канонических и обрядовых. В этом вся сущность, а те фактические события, которые послужили конкретной причиной разрыва, могли быть и иными.

Тем временем подверглось реформированию и само устройство только что отпавшей от Православия католической религии. Нововведения были узаконены папой Григорием VII (1073–1085), в прошлом – также клюнийским монахом. Вот перечень основных тезисов церковной реформы Григория VII. «Если учесть весьма скромный статус папства до 1046 года, то волевой и неприкрытый характер этих притязаний бросается в глаза»: «Папа непогрешим. Его воле, распоряжениям и суду подчиняются все государства этого мира. Он имеет право проклинать государей. Он может освободить подданных от присяги и покорности царствующим. Подданные обязаны восставать против проклятых папой правителей и воевать с ними. *(Это тот самый пункт, ради которого римской курией и был затеян весь сыр-бор – идеологическая база для намечавшихся крестовых походов и тотального завоевания мира)*. Без его разрешения ни один собор не может назваться Вселенским. Да считается, что: только Римская церковь Самим Господом основана; только римский первосвященник имеет право именоваться Вселенским; только он может низлагать или назначать епископов и его легат возглавляет всех епископов на соборе, и даже будучи ниже саном, может принимать решение об их низложении; только папа один может возлагать императорские регалии; только у папы да целуют ноги все князья; его титул – единственный во всем мире; никакая глава, а также никакая книга канонов без его разрешения не могут считаться легитимными; важнейшие дела любой церкви должны быть ему представляемы к рассмотрению; Римская церковь никогда не заблуждалась и, по свидетельству Писания, не будет заблуждаться вовеки; римский пер-

восвященник, который будет поставлен в каноническом порядке, заслугами святого Петра несомненно соделается святым... (*Вобщем, комментарии излишни.*) Никто не имеет права признать приговор папы недействительным, он же имеет право отменять всякий приговор. Судить его никто не имеет права. Проклинать его, т.е. апостольский престол, никто не может» [21 с. 74].

Кроме того, папа Григорий VII в своих письмах к императору Генриху IV заранее предначертал смысл крестовых походов. Он писал: «... Нужно притянуть схизматиков-греков к единству веры, установить родственные сношения между Римом и его дочерью Восточной Церковью... Греки должны покориться власти наместника св. Петра и признать его главенство». (*Что характерно – умер-то папа Григорий в изгнании, будучи низложен и всеми оставлен, несмотря на свою неприкосновенность и непогрешимость. Оно и понятно: мавр сделал свое дело и может уходить...*) Достоянным учеником и продолжателем дела Григория стал папа Урбан II – главный идеолог Первого крестового похода, изобретатель и распространитель скандально известных «индульгенций», кстати, также выходец из Клуни.

Как пишет протоиерей Иоанн Мейендорф: «Коренные изменения в Римской церкви, которые совершили инициаторы григорианских реформ, стали особенно дурным предзнаменованием для христианского востока. В результате преобразований само папство превратилось в независимую политическую силу. Главная перемена в Римской церкви определялась беспрецедентным фактом трансформации законного первенства в монархию. Настойчивое требование подчинения со стороны Римской церкви станет неизменной характеристикой ее отношений с Византией». Самым могущественным оружием новой папской системы стал декрет Грациана, появившийся около половины XII века. Это было собрание подделок, на основании которых весь мир становится пленником папы и итальянского духовенства. Они проводили принцип, что пытки и казни отщепенцев, сверх того конфискация их имущества – дело богоугодное, что убийство проклятого не есть убийство, что папа в своем неограниченном превосходстве над всяким нравом стоит

наравне с Сыном Божиим. До конца XII века папы назывались наместниками Петра, со времен же Иннокентия III наместниками Христа.

С течением времени римская церковь все более отдалялась от Истины, теряя последние основы своего первоначального устройства и стала, в конце концов, не более чем политической организацией. Ее секулярные тенденции убили духовную сущность веры, и от церкви осталась только одна внешняя форма. Вильгельм Ниссен, занимавший должность духовника и зав. кафедрой Кельнского университета, печально констатировал: «Здесь совсем пустыня. Кардинальный отход Запада от полноты христианской веры начался в XII веке. Уже св. Бонаventura – не то» [23 с. 223, 225]. Поэтому сейчас в Западной Европе это выхолощенное христианство оказалось невостребованным. Католичество превратилось в бесплодную смоковницу, об этом свидетельствуют и их пустующие костелы, сдающиеся в аренду под музеи и концертные залы, и содомские грехи, поразившие Европу, как проказа последних времен, и вырождение самих европейцев, вытесняемых пришлыми мусульманскими народами. Но ведь Господь и говорил: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16).

ПРЕДЫСТОРИЯ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению христианской истории, необходимо рассмотреть и с другого ракурса происходившие в мире события. Как уже говорилось, большинство тайных обществ христианской эры возникли под тайным или явным влиянием иудеев и служат орудием для достижения их целей. Все они так или иначе основаны на иудейской каббале и стремятся разрушить религиозный, семейный, а потом и государственный уклад тех народов, среди которых возникают. Целью этого является подчинение других народов сперва духовному руководству, а затем и господству иудеев⁶.

В течение 20 веков различные ереси и тайные общества ведут подкоп под христианство и христианскую цивилизацию. Франкмасонство и подобные ему – лишь последние

звенья целой цепи жидовствующих организаций, непрерывно тянущейся на протяжении всей христианской эры и даже раньше. Еще во время Вавилонского плена некоторые знатные иудеи были принимаемы в священные коллегии вавилонских жрецов. Иудеи не только многое заимствовали из тайных учений Халдеи, Египта, Вавилонии и Персии, но, соблазнившись примером неограниченного влияния, которым пользовались жрецы, благодаря своим тайным организациям, задумали сами создать такую из немногих избранных во время Вавилонского плена.

Эта секта каббалистов существует и по настоящее время. Кроме магии и астрологии, крупное место в каббале занимают алхимия и врачебное искусство. Под влиянием иудеев увлечение алхимией царило во всей Европе до XVIII века и отвлекало многие возвышенные умы от более плодотворной деятельности. Врачебное искусство в каббале представляет смесь целебных средств с заклинаниями, заговорами болезней, рецептами ядов, любовных напитков и пр. Византийский писатель IV века Руфин приводит весьма характерный факт, рисующий врачебные приемы иудеев и их жестокость, доходящую до цинизма. Некая персидская царица, будучи тяжело больна, обратилась к врачам-иудеям, прописавшим ей следующее зверское лечение: разрубить пополам нескольких христианских девственниц и пройти между висящими половинами трупов. Этот дикий совет был покорно выполнен болящей царицей.

Недаром св. Иоанн Златоуст воспрещал своей пастве пользоваться врачебным искусством иудеев: «Перетерпите мужественно вашу болезнь. Избегайте, отстраняйте от себя жидов. Они прикидываются самыми искусными врачами в мире, но все их врачебное искусство состоит из обмана, чародейства, амулетов и приемов, почерпнутых в магии».

Именно Каббала и прорастающая из нее практическая магия предписывают пользование человеческой кровью и жиром не только при лечении, но и при совершении многих магических обрядов. *(Современная медицина взяла наставления Каббалы на вооружение: можно вспомнить все более распространяемую в наше время практику переливания крови и производства из нее различных лекарств, пересадку органов и т.п. Отдельно стоит развивающаяся*

отрасль получения из плоти нерожденных младенцев омолаживающих средств. Аборты – это жертвоприношение нерожденных младенцев языческому молочу, жертвенное самоубийство народа. Современное человечество умело «подсажено» на лекарства, и магнаты фармацевтической промышленности делают на этом свои астрономические доходы, умело контролируя людскую численность.) Каббала же, почитаемая правовеерными иудеями более священной, чем Пятикнижие Моисея и Талмуд, рекомендует употребление человеческой крови как средства таинственного очищения и возрождения человека. Это факт, который бросает свет на многовековую загадку ритуальных убийств, обвинение в коих тяготеет над иудеями с древнейших времен, о чем свидетельствуют и Библия, и многочисленные судебные процессы в разных странах вплоть до наших дней.

Иудейские каббалисты, проповедуя свободу от законов и отвращая людей от заповедей Творца мира, сами поработали и души и тела совращенных ими с пути истины. Человеческие пороки и страсти являлись, таким образом, в руках сынов Иуды вернейшим орудием борьбы с христианской Церковью.

По толкованию каббалистов, правая рука обозначает необходимость и зло, а левая свободу и добро. Здесь и зачатки дуализма гностиков, и сатанизма тамплиеров, франкмасонов и мартинистов, а также косвенное объяснение того, почему все партии, руководимые иудеями, настойчиво называют себя левыми. Половой инстинкт – вот единственное божество, которым проникнута каббала. Неуклонное повиновение воле этого божества почитается правовеерными иудеями не только религиозным догматом, но и верным путем к заветной мечте избранного племени «наполнить землю и господствовать над нею».

Фундаментальный принцип азиатских, а также египетских и греко-римских мистерий – обоготворение природы. Символом этой самой себя созидающей природы является «верховное, двуполое, т.е. оплодотворяющее себя же божество. Оно в разных странах рассматривалось или как гермафродит, или же раздваивалось на пары: Ваал или Молох и нераздельная с ним Ашера или Астарта у финикийцев и евреев, Озирис-Изида у египтян, а у греков и римлян, –

«бородатая, иной раз черная и вооруженная Венера». (*Чем нынешняя половая распущенность, смена полов и искусственное оплодотворение отличаются от языческого культа беспоклонения? Человечество не осознает, что подчас кажущийся прогресс является элементарной деградацией. Но зато это хорошо знают бесы, и те, кто на них работает.*)

Почти все основатели гностических сект наружно исповедывали христианство, увлекая в свои ереси даже некоторых пастырей, чем вносили в Церковь множество расколов и ересей. Гностики, подобно каббалистам, основывали свои лжеучения на ложном толковании и извращении св. Писания. Отцом гностических сект был иудей с о. Кипра Симон Волхв, ученик александрийского философа, иудея и каббалиста Филона. Облекая иудейские идеи в греческие одежды, Филон делал их более приемлемыми для греко-римского мира и искусно подготавливал его иудаизацию. Целью инициаторов лжеучений являлось не посвятить чуждые им народы в свою тайную иудейскую премудрость, а разрушить религиозные, общественные и государственные устои этих народов и подчинить их своему влиянию.

Из учения гностиков вытекала полная свобода от нравственных законов, и безнравственность их переходила в настоящий культ распутства (*вспомним, что сексуальная распущенность стояла одним из первых пунктов всех революций*). Димиургом у гностиков назывался бог иудеев (*изменивших вере в Создателя, как сказал Спаситель фарисеям: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8, 44)*). Разврат и содомские потребности, характеризующие гностиков и им подобных, являются продолжением древнего культа Молоха и Астарты, т.е. открытого сатанизма. (*Пропагандируемая сегодня свобода нравов и гражданские браки являются средством вовлечения народа в беспоклонение. Блуд – это вызов Богу, смертный грех, за нераскаянность в нем от грешников отступает благодать, и они становятся легкой добычей диавола. Эта методика отработана тысячелетиями.*)

Творец мира занимал в гностическом культе второстепенное положение, аналогично, как и в Талмуде, где сказано, что «раввины (имеющие, подобно гностикам, «высшее

знание») обладают верховной властью над Богом: что они захотят, Он обязан исполнить непременно».

Во второй половине III века в Персии появилась каббалистическая секта мандаитов, из среды которой вышел Манес – основатель манихейства, новой разновидности гностицизма. Под учениями этих сект могли бы, не колеблясь, подписаться все революционеры. Так, в Персии в VII веке, секта мастеков (происшедшая от манихеев) проповедывала всеобщее равенство и свободу, уничтожение всех религий, отрицание собственности и брака как религиозного и государственного установления. К ней принадлежали многие влиятельные сановники и даже один из персидских царей, Кубад. (Они довели Персию до состояния полного развала и анархии и облегчили ее завоевание арабами в 652 году.)

Вместе с другими лжеучениями каббалы в тайных обществах проповедуется пантеизм. Это учение древних языческих мистерий, приспособленное иудеями для своих целей, коренным образом расходится с понятием об Истинном Боге. Подобно тому, как в масонстве, обряды и символы имеют много различных толкований и смыслов, в каббале указаны разнообразные приемы и способы для раскрытия сокровенного смысла Св. Писания, дающие полный простор фантазии и произволу ученых каббалистов. Солидарность и единство действий, характеризующая иудеев всех стран и всех времен, не могут быть объяснены ничем иным, как существованием тайного иудейского правительства, которое полновластно управляет и неустанно руководит иудеями всего мира.

После разрушения Иерусалима Титом, часть левитов и иудеев осталась в Палестине и основала здесь тайное правительство с иудейским патриархом во главе. Деятельность патриархов, в руках которых постепенно скопились огромные богатства, была более или менее явной в зависимости от отношения к иудеям римских императоров. Наконец в 429 году император Феодосий II запретил патриархам сбор налогов. С тех пор о дальнейшей их судьбе история умалчивает.

Впрочем, по свидетельству крещеного иудея, бывшего раввина Драха, патриархи были лишь исполнителями предписаний другой высшей власти – князей изгнания, проживавших в Вавилоне. После неудачного восстания

лжемессии Баркохбы против римского владычества в 135 году, когда большинство иудеев были изгнаны из Палестины, знатнейшие роды их нашли убежище в Вавилоне. Иудейские мудрецы ревностно предавались там составлению и изучению каббалы и занимали самые почетные места среди сановников персидских монархов. Здесь был восстановлен Синедрион, из членов которого и избирался князь изгнания, решались все вопросы религиозной и политической жизни нации. К началу XI века, багдадские калифы, встревоженные возраставшим могуществом князей изгнания, вооружились против иудеев. Многочисленные иудейские академии были уничтожены, ученые раввины изгнаны из Вавилонии, а князь изгнания Езекия был казнен в 1005 году. Часть иудеев укрылась в Аравии, остальные двинулись на Запад, во Францию и Испанию, где уже были обширные колонии их соплеменников.

Почувствовав почву под ногами, иудеи сумели приобрести влияние и благосклонность многих, нуждавшихся в деньгах, европейских монархов. Явная деятельность иудеев проявилась в торгашестве, ростовщичестве, всяческой эксплуатации населения, торговле рабами и в прочих махинациях. Тайная же выразилась в насаждении многочисленных противохристианских ересей. Манихейство продолжало существовать в Персии, проникло затем в Аравию, а так же в Византийскую Империю. Известны ереси евхитская и павликианская, достигшие наибольшего распространения во Фракии в X и XI веках, и ересь богомильская в Болгарии. Ереси эти из Византийской Империи распространились по всей Европе, проникли и в Россию (*уже во времена равноап. вел. кн. Владимира в Новгороде оказывали сопротивление крещению народа волхвы, на поверку оказавшиеся еретиками-богомилами!*). Учение этих ересей представляет ярко выраженный дуализм, причем творцом мира у них неизменно почиталась злая сила, называемая у богомилов сатанаилом.

В Западной Европе эти жидовствующие секты манихеев, болгар, брабансонов, альбигойцев и пр. начинают во множестве появляться с XI века. Сами они чаще называли себя кафарами, что значит «чистые». Об учении арабского историка XII века Аверроэса, тайно проповедуемого среди французских сектантов, говорилось: «Аверероизм, который так

сильно поколебал христианские верования, был создан иудеями. Руководители брабансонов и альбигойцев, прикрываясь учением Аристотеля, тайно проповедовали пантеизм Аверроэса, тонкости каббалы и вообще иудейские идеи».

В 1488 году французский король Карл VIII издал указ, согласно которому иудеям, жившим в Провансе, предлагалось принять христианство или покинуть Францию. В этих затруднительных обстоятельствах они обратились за советом к своим константинопольским единоверцам с письмом от 13-го января 1489 года. Ответ последовал в ноябре того же года: «Любезные братья о Моисее, мы получили ваше послание, сообщающее о несчастиях, постигших вас. Мы глубоко огорчены этим известием. Мнение великих сатрапов (правителей) и раввинов следующее: Вы говорите, что французский король принуждает вас принять христианство. Покоритесь и примите христианство в силу необходимости, но пусть закон Моисея сохраняется в ваших сердцах. Вы говорите, что у вас хотят отнять ваше имущество. Сделайте ваших детей купцами, чтобы они постепенно отняли у христиан их имущество. Вы говорите, что христиане покушаются на вашу жизнь. Сделайте ваших детей врачами и аптекарями, чтобы они могли покушаться на жизнь христиан. Вы говорите, что они разрушают ваши синагоги. Сделайте ваших детей христианскими священниками, чтобы они разрушали христианскую Церковь. Вы говорите, что вам причиняют много других неприятностей. Сделайте ваших детей адвокатами и нотариусами, пусть они всегда принимают участие в государственных делах, чтобы, поработив гоев, вы могли господствовать над миром и отомстить за себя. Не уклоняйтесь от этих повелений, которые мы вам даем, и на опыте увидите, что вместо того унижения, в котором теперь находитесь, вы достигнете вершины власти.

Подписано: Князь константинопольских иудеев 21-го ноября 1489 г.» *(Характерна дата написания ответа – прошло всего 36 лет со времени покорения Византии мусульманами, а, судя по письму, князь иудеев со своим правительством проживал там давно и основательно. Не их ли интриги способствовали разрушению православной империи?)*

Манихеи искусно соединили в своем учении все идеи, служащие к разрушению христианской религии, государ-

ства, семейных и общественных установлений. Единому Богу – Творцу мира, они противопоставили двойственное божество, состоявшее из света и мрака, добра и зла, духа и материи – персидский дуализм и иудейскую каббалу. Вместе с безбожием, облеченным в туманные и мистические формы, социалистическая и анархическая идеи составляли основание учения манихеев.

Манихейская ересь, которая ревностно обличалась отцами Церкви, благополучно переживала все политические потрясения и перевороты. Рухнула Западная Римская Империя под ударами варваров, меч арабов сокрушил персидскую монархию, а манихейство, охраняемое какою-то невидимой, но заботливой рукой, возрождалось, словно феникс из пепла. В Азии и Африке оно проявилось в жидовствующих сектах ислама, в Европе – в различных ересьях и тайных обществах, начиная с богомилов, альбигойцев, тамплиеров и кончая баптистами, франкмасонами, оккультистами, теософами, хлыстами и т.п., которые до сего дня продолжают свою разрушительную деятельность [24].

И в итоге, «разрушенная изнутри под влиянием иудаизма, католическая церковь приобрела черты, родственные ему. Римские папы и кардиналы в своих финансовых махинациях неразрывно и тесно переплелись с еврейскими ростовщиками и банкирами. В XII веке, например, еврейские банкиры взяли почти под полный контроль папский Рим. Банкирский род евреев Пиерлеоне стал главным финансистом высшей католической иерархии. А один из представителей этого еврейского рода занял папский престол под именем Анаклета II (1130–1138). Иудеи сыграли значительную роль в становлении и развитии католических монашеских орденов» [4 с. 40].

МАГОМЕТ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА ИСЛАМА

В конце VI века в Аравии осуществился, наконец, замысел темной силы о создании новой религии в противовес христианству. В 571 году родился Магомет, которому суждено было стать основателем мусульманства, не только огнем и мечом покорившего многие народы и страны, но и

ставшего источником величайших бедствий для христианской Церкви и христианских государств⁷.

Йемен (так называемая счастливая Аравия, лежащая вдоль Красного моря) в ту эпоху был практически полностью заселен иудеями и мать Магомета, крещеная еврейка, с детства внушила сыну почитание и ветхозаветных пророков, и Иисуса Христа. Ислам, соединивший в себе часть иудейских и христианских верований, т.е. почитание Единого Бога (в одном лице) и признание Моисея и Христа Его пророками, хотя и менее великими, чем Магомет, возник, несомненно, по инициативе иудеев. Этой новой религии, в которую почти целиком перешли иудейские верования (до обрезания включительно), предназначено было не только ослабить распространение христианства, но и покорить мир своему влиянию.

Первая часть этого плана удалась блестяще. Не считая того, что в самой Аравии возникновение ислама сразу и окончательно положило предел христианской проповеди, мусульманство именно благодаря внесенной в него иудейской идее о мировом владычестве, явилось могущественной соперницей христианства (и остается до сих пор).

Что же касается покорения мира влиянию иудеев именем Магомета, то в этой части иудейского плана избранному народу предстояло великое разочарование. Во-первых, Магомет, хотя и внес в ислам иудейскую идею о Мессии – земном царе, которому должно было принадлежать владычество над миром, но таким Мессией провозгласил самого себя и заранее объявил, что после него другого пророка не будет. Этим определением Магомета наносился удар иудейским возжеланиям о мировом господстве. Интересы иудейства и ислама становились диаметрально противоположными. Последователи ислама готовы были вести священную войну против всего мира, но не в пользу иудеев, а во имя Аллаха и Магомета. Последствия этого не замедлили проявиться.

Когда Магомет попытался обратить в ислам арабских иудеев, а те отвергли его проповедь, то созданное ими оружие обратилось против них. Не только арабские иудеи были изгнаны из пределов Аравии Магометом и его приверженцами, но и до сих пор мусульмане всех стран продолжают ненавидеть и презирать иудеев. Но, несмотря на враждебное отно-

шение арабов к иудеям, торжество ислама (как соперника христианства) было для них выгодно. Получилось положение весьма затруднительное и сложное, из которого, однако, сыны Израиля смогли выйти, если можно так выразиться, с честью. Они способствовали успехам магометанского оружия, дабы снискать благосклонность победителей или нанести ущерб христианству. Так, завоевание Персии арабами произошло при сильном содействии иудеев, позднее они же способствовали победам арабов в Испании.

С другой стороны, желая ослабить враждебный им ислам и разрушить его единство, иудеи прибегли к средству, испытанному ими в борьбе с христианством. Это был раскол, искусно внесенный в ислам, и разделивший его последователей во второй половине VII века на суннитов (или правоверных мусульман) и шиитов (или магометанских протестантов). Раскол выразился и в возникновении тайных обществ и сект, столь же враждебных исламу, как гностическая и манихейская ереси христианству. Не только учение шиитов проникнуто Каббалой, но самим его основателем был перешедший в магометанство иудей Эби-Аль-сода-Сабай. Он, введя в шиитизм догмат о вторичном пришествии Али, подготовил путь иудейскому Мессии. Но иудаизация ислама этим не ограничилась. Шииты, внося в ислам манихейские, т. е. каббалистические понятия о переселении душ, о перевоплощении и пр., прибегли к аллегорическому толкованию Корана, чтоб устранить несогласие догматов Магомета с их учениями.

Наиболее распространенной из шиитских сект стала возникшая в начале IX в. секта измаилитов, основным догматом которой была вера в пришествие Махди, якобы призванного установить на земле царство справедливости. Руководители привлекали в свою секту не только мусульман, но христиан и иудеев, причем мусульманам представляли грядущего Махди, как Измаила, потомка Али, иудеям – как истинного Мессию, а христианам – как ожидаемого Спасителя. Измаилиты хранили свое учение в глубокой тайне, и посвященные обязывались страшной клятвой не выдавать секретов секты. У них было девять степеней посвящения, измаилиты низших степеней твердо верили в грядущего Махди и готовы были сражаться до последней капли кро-

ви во имя его будущего владычества. В высших же, членам секты постепенно открывался сокровенный смысл учения, заключающийся в отрицании всякой религии, в полной свободе от всяких законов, в признании человеческого разума единственным действительным богом. Для них грядущее «царство Измаила» было лишь аллегорией, означавшей царство знания (гнозиса) и свободы. В течение более 250 лет (909–1171 гг.) тайное общество царило на севере Африки под управлением своих великих мастеров, носивших громкий титул династии Фатимидов, а на самом деле бывших потомками иудея Обайдаллаха.

Реформатором секты измаилитов стал шиит Гассан (1056–1134), родом иудей из Хорасана. Он придал ей новую мощь, введя строго продуманную организацию и железную дисциплину. Секта стала называться «Гашишим» по имени наркотика, употреблявшегося его членами. Народ переделал это название в ассасин – убийца, т.к. в течение двухсот лет они наводили ужас на всю Азию и даже Европу. Секта убийц имела все характерные черты тайных обществ, руководимых иудеями: лицемерие, потаенность высшего знания, преподавание народу вероучений, которым не верят и не придают значения сами руководители. В поразительном сходстве тайных обществ, из которых одни действуют в Азии и Африке с VII по XIV века, а другие проявляют ту же разрушительную деятельность в Европе в последующие столетия, трудно отрицать присутствие одной и той же руководящей темной силы, которая видит в разрушении религии и государственности других народов единственное средство для установления своего владычества.

Гассан привлекал к себе последователей именем невидимого Имама. В ожидании его пришествия члены секты должны были бороться за его грядущее владычество и веру. Организация и учение секты, изложенное Гассаном в особой Книге законов, были приспособлены к тому, чтобы сделать из нее могущественное слепое орудие. Руководил сектой Шейх-Уль-Джебала, получивший название «Старец с горы» – союз Ассасинов владел возвышенными частями Сирии и Персии.

Посвящаемым во 2-ю степень давалось название «федави», т.е. «жертвующие собой», и назначение их было в том,

чтобы по первому знаку своего начальника беспрекословно и не колеблясь идти на верную смерть и совершать самые дерзкие преступления во славу грядущего Имама. Организация ассасинов была приспособлена к темпераменту, нравам и понятиям пылких сынов Востока. Молодых людей, сильных, здоровых и доказавших свою решительность и мужество, до посвящения их в степень федави, опаивали гашишем и переносили в специально устроенные сады. Очнувшись от опьянения, молодые люди видели себя в настоящем раю: тенистые рощи, журчание прохладных ключей, деревья, отягощенные прекрасными плодами, беседки и залы, убранные с восточной роскошью, манящие к отдыху и неге, восхитительная мелодическая музыка, и среди всего этого – пленительные черноокие гурии, предлагающие дивное вино в драгоценных сосудах, готовые исполнить малейшие желания счастливых смертных, попавших в этот рай.

Дав будущим федави достаточно насладиться всеми описанными благами, их снова усыпляли и переносили на прежнее место. Очнувшись, они видели себя снова на земле в обществе своего наставника, который объяснял, что тело их оставалось на земле, а дух уносился в рай и там предвкушал блаженство, которое ждет всех, жертвующих своей жизнью для святого дела и повинующихся своим начальникам. С тех пор одуроченные юноши жадно искали случая пожертвовать своей земной жизнью, чтобы заслужить вечное небесное блаженство. Внешним отличительным знаком федави были белая одежда и красные шапка и пояс – цвета невинности и крови. *(Потом эти цвета будут не раз встречаться в одеяниях различных сомнительных группировок от тамплиеров до розенкрейцеров).*

О фанатичности федави и о безграничной власти над ними их властелина свидетельствует следующий пример. Султан сельджуков Мелик-шах отправил к «Старцу с горы» своего посла с предложением очистить крепости, занятые воинственной сектой. Вместо ответа глава секты приказал двум федави, своим телохранителям, немедленно покончить жизнь самоубийством. Когда один из юношей без колебания поразил себя кинжалом и мертвым упал к ногам повелителя, а другой бросился с высокой башни в глубочай-

шую пропасть, «Старец с горы» сказал испуганному послу: «Передай своему господину все, что ты видел, и скажи ему, что я повелеваю 70 тысячами человек, которые повинуются мне столь же беспрекословно, как эти юноши. Вот мой ответ». Пик деятельности Ассасинов совпал по времени с крестовыми походами, причинив немало бедствий и христианам, так как ее смертоносный кинжал не щадил никого. Что интересно, тамплиеры считали ассасинов не врагами, а сообщниками, видимо, делали они одно общее дело по заказу одних повелителей...

Секте убийц был нанесен сильный удар в 1250 году монгольским ханом Гулагу, который разрушил ее укрепления и, взяв в плен «Старца с горы», приказал его казнить, а в 1394 году завоеватель Тамерлан уничтожил большую часть ассасинов.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

«Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16,2) ... Для того, чтобы понять истинную причину и настоящую цель такого явления как крестовые походы, необходимо оценить их деятельность с точки зрения православного христианина. Потому что в светской литературе и школьной истории обычно навязывается версия немецких феодалов средневековья.

«Католицизм, – пишет проф. Зызыкин, – стремится основать общечеловеческое царство, которое соединило бы человечество в один организм с одной главой. Но при одностороннем понимании христианства, воспринятого преимущественно со стороны внешней законности, подобно иудаизму, это стремление вырождалось в тиранию, против которой восставали национальные царства. Поняв христианство как новую политическую теократию, наподобие ветхозаветной, католицизм при своей объединительной деятельности выступил не столько в качестве церковной власти, сколько в качестве могущественной империи, имеющей поглотить все народы и государства» [17 с. 77–78].

В этом стремлении католичество сходно с мусульманством, обнажая общие ветхозаветные корни именно в их иу-

дейском восприятии «священной войны» за захват земель и обращения «огнем и мечем» неверных к вере завоевателей, с целью установления единого глобального мирового царства, которым руководит один лидер, объединяющий в себе и светскую и религиозную власти.

Призывы апологета крестовых походов Бернара Клервосского явно пахнут исламским экстримизмом: «Убивая язычника, христианин прославляется, ибо прославляется Христос». поголовно истреблять язычников, населяющих территорию Земли Обетованной, Господь повелевал только ветхозаветным иудеям, и то они не особо об этом ревновали в свое время. Как и впоследствии, умело столкнув крестоносцев и мусульман в кровопролитии, от которого больше всего страдало мирное население, иудейские воротилы «грели руки», торгуя оружием, продовольствием и пленниками.

Великий русский писатель Ф. М. Достоевский, писал: «Римский католицизм даже и не вера, а решительное продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч: с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества!»

В 1059 году папский Рим заключил союз с норманнами. «Очевидно, что Рим нуждался в полезном и сильном союзнике, особенно в последующей борьбе с германским императором. Однако ключевое значение имела клятва вассальной верности, принесенная полководцем Гвискарсом, поскольку он дал согласие держать завоеванные им византийские территории (в том числе и будущие захваты имперских земель) на правах феода. Разумеется, норманны почти без промедления продолжили завоевание мусульманской Сицилии и оставшейся части Византийской Италии. Целью захватчиков, несомненно, был Константинополь, а не полуостровная часть Греции или Балканы. Норманнское наступление проливает свет на всю историческую картину, поскольку

предвосхищает франкское завоевание и последующее преднамеренное разрушение византийской столицы рыцарями IV Крестового похода» [21 с. 24].

После реформ Григория VII и отпадения католичества от Вселенского Православия интересы папской курии, пиратов-викингов, а также иудейских эмигрантов из разгромленных Хазарии и Вавилонии окончательно совпали, и все силы в утроенном размере были брошены на борьбу с Православным Востоком. Так зародилась идея знаменитых крестовых походов.

Как пишет вышеупомянутый историк Бутми: «Конец XI века ознаменовался стихийным, неуправляемым движением западноевропейских христианских народов против мусульманского мира. *(Но так ли уж стихийно возникли эти движения? У того же автора сказано, что незадолго до начала крестовых походов было спровоцировано очередное разрушение Гроба Господня в Иерусалиме.)* В 1014 году орлеанские иудеи отправили в Египет к калифу Ханему депутацию, которой было поручено уговорить калифа разрушить Гроб Господень в Иерусалиме, чтобы уничтожить самое основание христианских «суеверий». Калиф этот из династии Фатимидов, стоявшей во главе тайного мусульманского общества карматов, тоже созданного в свое время иудеями, исполнил желание орлеанской депутации: Гроб Господень был разрушен. Иудеи, конечно, не могли рассчитывать, чтобы это нанесло серьезный удар христианству. С их стороны это был скорее акт мести в отношении христианской Франции, где положение их значительно ухудшилось с воцарением династии Капетингов (987 год). Злодеяние не осталось безнаказанным – иудейские депутаты, по возвращении своем из Египта, были сожжены в Орлеане, а во Франции повсюду начались массовые избиения иудеев» [24].

Казалось бы, зачем подставлять под удар своих же собратьев? Но такой маневр неоднократно повторялся во всемирной истории – это была своего рода «затравка» перед настоящей охотой. Как убийство принца Фердинанда послужило поводом к Первой Мировой войне, последующей затем революции в России, свержению православной монархии и тотальному переделу мира, так и провокация нападения мусульманских фанатиков на Гроб Господень

явилась толчком к такому явлению как крестовые походы. Следствием чего стала ответная военная агрессия мусульман на Ближнем Востоке, повлекшая за собой практически полное завоевание древних христианских территорий мусульманами (в том числе и падение Византийской империи в недалеком будущем) и создание целой системы тайных организаций, наподобие ордена тамплиеров, последствия разрушительного действия которых христианский мир испытывает до сего дня.

Здесь следует отметить, что многие города Востока к моменту первого крестового похода оставались практически полностью христианскими, как то Иерусалим, Антиохия, Эдесса и др. Мусульмане в некоторых местностях не составляли даже и половины населения. «Интересно, что Палестина была единственной областью Халифата, где все древние святыни навсегда остались в христианских руках и где православный патриарх считался мусульманами хранителем Святых мест. И это – заслуга мудрой политики св. патриарха Софрония. Впоследствии права православных будут урезаны латинскими крестоносцами и отчасти армянами и коптами, но не мусульманами» [12 с. 353]. Агрессивное обращение христиан в ислам началось как раз после ухода крестоносцев: «С окончанием латинского присутствия в сиропалестинском регионе восточные церкви превратились в настоящую мишень для исламского фанатизма и гонений на христиан. В итоге получилось так, что дело, начатое с целью защиты христианства, почти стерло его восточное крыло с лица земли» [21 с. 162]. «Вследствие религиозного фанатизма латинян заметно возросла сила и враждебность мусульман. Наиболее губительное воздействие крестовые походы оказали на единство церкви. В конечном счете, они принесли с собой раскол» [21 с. 153].

«Долгосрочные стратегические последствия крестовых походов в большей степени связаны с Византийским государством, нежели с турками и арабами; во всяком случае, они вряд ли представляли собой серьезную военную угрозу исламу и непосредственно исламским территориям» [21 с. 110]. «Географически это движение было ограничено побережьем Сирии (не затрагивая окружавшего его обширного региона ислама). Стратегическая цель, по существу,

была узкой. Тем самым крестоносцы представляли собой лишь незначительную локальную помеху для арабов. Главной жертвой стало Византийское государство, а не исламский мир» [21 с. 127].

«Вначале не Иерусалим был целью или объектом экспедиции – разве что в далекой перспективе. Если Иерусалим и принимался во внимание, то лишь косвенно, и не обязательно в качестве военной цели. Папа провозгласил целью войны освобождение «церквей Божиих в восточных областях» [21 с. 125]. «Анна Комнина утверждала, что некоторые из руководителей латинской экспедиции не собирались поклоняться Гробу Господню. Они надеялись, что конечной целью похода станет захват самой столицы, и считали это естественным его завершением. Предложения атаковать византийскую столицу высказывались фактически в каждую крестоносную кампанию вплоть до 1204 года. В этом отношении следует уточнить роль папы Иннокентия III как подлинного инициатора крестового похода против Византии» [21 с. 148–149].

«В 1098 г. крестоносцами взята Антиохия, из которой были вывезены главные святыни в латинские страны. Папе Урбану II было послано победное извещение: «Христос дал всю Антиохию под власть Римской веры». На место патриарха Иоанна IV (1092–1098) они поставили Бернарда, принудив православного первоиерарха переехать в Константинополь. Только после изгнания латинян из Сирии в 1267 г. Антиохийский патриарх смог вернуться в свою епархию. В 1268 г. Антиохию опустошил египетский султан и патриаршей резиденцией стал город Дамаск. Крестоносцы открыли путь египтянам. Взяв Иерусалим в 1099 г., крестоносцы и там выбрали латинского патриарха вместо изгнанного Симеона II. *(Латинские псевдопатриархи стали с тех пор представителями «вселенскости» на созываемых Римом последующих соборах. Резиденцией же всех был Рим. Лишь с 1874 г. Иерусалимский псевдопатриарх проживает в Иерусалиме.)*

В Салониках, захваченных папскими воинами в 1185 г., рыцари предавались невероятным зверствам. Крестоносцы, терзая греков, производили над их голыми телами неслыханные надругательства. Трупы православных, выбро-

шенные на улицу, они перемешивали с дохлыми ослами, собаками и кошками в самых неприличных позах. Ярость латинян была таковой, что женщины и дети бросались в колдцы, чтоб избежать их насилий. «Благородные рыцари» бросали иконы на землю и топтали их ногами, танцевали на престоле, в храме св. Димитрия банками черпали миро, вытекавшее из гробницы мученика, наполняли им кастрюли с рыбой, мазали свою обувь и т.д. Врываясь в православные церкви, латиняне прерывали пение непристойными песнями, кидались на молящихся и душили их.

Латинское духовенство алчно грабило древние святыни Византии: мощи, священные реликвии и драгоценности тут же отправлялись на Запад. Так был похищен терновый венец Христа, глава св. Иоанна Крестителя, перевезенная в Амьенский собор. Крест из Животворящего Древа, мощи св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста и многое другое были увезены в Рим и различные западные города. Драгоценный престол Св. Софии, вылитый из золота, серебра и драгоценных камней, захватчики изрубили на части и поделили между собой. «Даже не считая всего бездумно уничтоженного, количество добычи, награбленной «христовыми войнами», не поддавалось описанию. Как говорил один ошеломленный крестоносец: «С сотворения мира никогда столько добычи не добывалось в одном городе».

О количестве «трофеев» говорит и такой факт: до сих пор практически во всех древних соборах и музеях Европы хранятся вещи, вывезенные из Константинополя во время IV Крестового похода. Больше всего, конечно, осело в Венеции: венецианцы лучше других разбирались в искусстве. И сегодня собор св. Марка украшает четверка коней с византийского ипподрома, а в ризнице собора туристам за деньги демонстрируют части золотого престола Св. Софии, инкрустированного драгоценными камнями и украшенного эмалевыми иконами» [12 с. 480]. *(Возможно, что Господь попустил крестоносцам расхитить христианские святыни и увезти их на Запад Европы, чтобы хоть как-то через вещественные святыни проливалась благодать на простых христиан, лишенных полноты церковных таинств из-за извращенной папистами католической веры.)* В то же время крестоносцы в Константинополе бросали мощи святых

в нечистые места, так же выбрасывали Св. Дары, и из сосудов для Причастия пили вино. Животных вводили в храмы для вывоза из них сокровищ. В довершение всего сопровождавшие войско блудницы вошли в алтарь Св. Софии и в нем плясали и пели непристойные песни.

«Следует отметить, что у всех крестовых походов Ватикана есть весьма странная особенность или, лучше сказать, закономерность: начинались они походом против неверных, а заканчивались разгромом православных святынь. И не чудо ли Божие, что беззащитный Афон устоял пред лестью и силой Запада?! Разве не очевидно, что за верность святому Православию Господь сохранил иноческое государство от руки врагов?! Этим попыткам, сопровождавшимся жестокостью, насилием и кровопролитиями, позорными спутниками истории папизма и унии, мирно и мужественно противостояли святогорские монахи, пограничные стражи и ратники Православия.

Позднее сторонники латинствующего патриарха Векка повесили в Протате предстоятеля кинота и на мраморной плите, сохранившейся до наших дней, обезглавили прочих исповедников и новомучеников числом 13, живших в разных келлиях Кареи. Их казнили за то, что они исповедали свою непреклонную верность Преданию и Православной Церкви. Равночисленные 12-ти апостолам преподобномученики Ватопедские вместе со своим игуменом, преподобномучеником Евфимием, приняли мучения за веру во время вторжения латинствующих. Двенадцать монахов были повешены в Фурквовуни, а Евфимий с цепью на шее был потоплен в море. Вместе с ними достойны упоминания и преподобномученики Иверские, также потопленные в море латинствующими Михаилом Опресночником и патриархом Иоанном» [25 с. 53–54].

«Предстательством Божией Матери и молитвами этих святых мучеников за веру Православную от католиков убиенных, и сохранил Господь Святую Гору Афон от католического прельщения. Будем же помнить слова Богоматери к афонскому старцу о приверженцах римской ереси: «Враги Мои и Сына Моего», – чтобы и нам не стать врагами Божьими, соблазнившись лукавой улыбкой папы» [26 с. 54].

ТАМПЛИЕРЫ ИЛИ ИНКАССАТОРЫ?

В ходе крестовых походов возник целый ряд военно-монашеских орденов: рыцари-храмовники (или тамплиеры), рыцари святого Иоанна (или иоанниты, или госпитальеры) и тевтонские рыцари. (*Тевтонский орден, хоть и был основан в Святой Земле (1190 г.), вскоре переместился в Пруссию, откуда ходил в крестовые походы на славян.*)

В 1118 году французский дворянин Гуго де Паейн собрал восемь своих родственников-рыцарей, которые обратились к иерусалимскому королю Бодуэну II с предложением создать специальную гвардию, своего рода «телохранительское» агентство для защиты паломников к Святым местам. Тот выделил в распоряжение новой организации участки земли, в том числе часть королевской резиденции, примыкавшей к так называемому храму Соломона (*очень недвусмысленно было выбрано место для королевской резиденции*). Возникновение ордена, по своим воинственным и благочестивым (как казалось) целям, вызвало всеобщее сочувствие. Сыграло роль и покровительство влиятельных лиц, а самую решительную поддержку тамплиерам оказал племянник одного из основателей, Бернар Клервосский – глава могущественного ордена цистерцианцев, он же разработал и устав братства.

Тайным же намерением тамплиеров, как признавался Элифас Леви (аббат Альфонс Луи Констан), было восстановить храм Соломона по образцу, указанному Иезекиилем. Посвящённый Вселенскому культу, храм должен был стать столицей мира (*для чаемого иудеями мессии-антихриста*). Тамплиеры считали своим библейским примером каменщиков Зоровавеля, работавших с мечом в одной руке и лопаткой каменщика в другой. Тамплиеры и называли себя поэтому братством каменщиков – строителей храма или храмовниками. А после них продолжателями этого дела стали масоны, перенявшие символику меча и строительных принадлежностей.

В документах 1124–25 гг. тамплиеры так и именуются – «рыцари храма Соломона» или «рыцари Иерусалимского храма». О деятельности ордена мало кто знал вплоть до Собора в Труа в 1128 г., на котором орден был признан официально. В

него стали притекать громадные пожертвования и число членов быстро увеличивалось. А 29 марта 1139 г. папа Иннокентий II издал буллу, в которой говорилось, что любой тамплиер мог свободно пересекать любую границу, освобождался от налогов и не подчинялся никому, кроме самого папы римского.

«Учение ордена тамплиеров большей частью является воспроизведением древней гностической секты офитов. Рыцари храма в Азии были посвящены в иудейские мистерии. Кроме того, Гуго де-Пайен уговорил Иерусалимского короля Балдуина II вступить в союз со «Старцем с горы», главой вышеупомянутой мусульманской секты Ассасинов. Ассасины должны были предать Дамаск в руки крестоносцев, и взамен получить город Тир. Причем, оба союза имели одинаковые степени посвящения, внутреннюю организацию и цвета одежды – белый и красный. Рыцари носили белые льняные плащи с красными крестами – символ сердечной чистоты и мученичества. Как ассасины, так и тамплиеры стремились к разрушению тех религий, которые они наружно исповедовали» [24].

Относительно мистики цвета пишет архимандрит Рафаил (Карелин): «Мистические учения и секты (розенкрейцеры, масоны, антропософы) вводят в язык живописи сложные аллегории. Сам цвет там является знаком, поэтому становится более локальным и автономным; цвет в их представлении можно рассматривать как отдельный звук, имеющий свой твердый нотный знак, выделив и изолировав его от аккорда. Масон и оккультист Гете пытался дать систему цветов-символов, которые затем в своем варианте повторил Штейнер. Врубель и Скрябин старались найти единство между цветом и музыкой – оба принадлежали к оккультной люциферианской секте» [15 с. 7–8].

Относительно главной задачи тамплиеров можно привести некоторые соображения. «Со времен плена евреи большими массами распространились по всем частям Римской империи. Поэтому и Иосиф Флавий говорит, что нелегко найти такое место, в котором бы не было иудейского народонаселения. И Филон пишет: «Иудейский народ не ограничен пределами одной страны, как все другие народы, но обитает почти по всему миру, он расселился по всем материкам и островам». В книге Деяний апостольских также

находится довольно красноречивое подтверждение этого факта. В Ассирии, Мидии, Вавилоне и Месопотамии иудеи жили десятками тысяч.

Центральными пунктами для иудеев рассеяния в этих местностях считались Низибия и Неарда, где находились богатые казнохранилища для собирания в пользу Иерусалимского храма даров, которые ежегодно были отсылаемы в Иудею под прикрытием нескольких тысяч вооруженных людей «для обороны от парфян» [5 с. 85]. *Так не были ли тамплиеры легализованными иудейскими инкассаторами средневековья, перевоза Европейские деньги в Европу для возздания Соломонова храма?*

Орден сложился в жёсткую иерархическую структуру с великим магистром во главе. Тамплиеры распределялись по четырём разрядам – рыцарей, капелланов, оруженосцев и слуг. Во времена его наибольшего могущества в ордене состояло около 20 000 членов – рыцарей и сервентов. Благодаря прочной сети командорств – в XIII веке их насчитывалось пять тысяч вместе с зависимыми замками и монастырями, покрывающей почти целиком Европу и Ближний Восток, тамплиеры могли обеспечивать под небольшие ссудные проценты не только охрану вверенных им ценностей, но и их перевозку, от заимодавца к заёмщику или от погибшего паломника к его наследникам.

«К концу XII века положение ордена достигло небывалого блеска. Монархи и папы осыпали его своими милостями и давали ему неслыханные привилегии. Щедрое пожертвования, в виде коней, оружия, десятой доли крупных имуществ (*это была как раз та возрожденная ветхозаветная десятина, которую иудеи обязаны были вносить на иерусалимский храм*) и громадных имений, позволили тамплиерам основать во всех государствах Европы свои общины, которыми управляли престарелые члены ордена. Принадлежа по большей части к знатнейшим родам Европы, рыцари храма занимали самые почетные места при французском, английском и испанском дворах.

В 1102 г. папа Александр III освободил тамплиеров от опеки католического Иерусалимского патриарха и епископов и разрешил им иметь свое духовенство. Замки рыцарей в Европе с течением времени стали оплотом древних

тайных учений. Посвящение в рыцари ордена было сродни античной мистерии и осуществлялось с соответствующей символикой. Обладая огромными богатствами и военной силой, орден мог диктовать свою волю государям Европы. Считается, что руководители ордена планировали повсеместно установить свою власть, объединить западный мир и на этой основе начать утверждение на Земле царства единения всех народов, во главе с тем, кого собирались короновать в отсроенном Соломоновом храме.

«В ордене нашли себе свободное поле действия нравственное вырождение, распущенность, религиозный индифферентизм и просвещение, шедшее против церкви». Это противорелигиозное направление Тамплиеров выразилось даже в чисто внешних признаках. Так, «крест на рыцарской мантии стал для них лишь орденским знаком и мало-помалу перешел в простое Т (тамплиер)» [24].

Интересно, что подобная знаковая интерпретация произошла некогда и в ветхозаветном Израиле – все имело сакральное значение: «Греческая «тау» произошла от финикийской буквы Т (тау) древнесемитского алфавита, которая имела Х-образную форму и означала «отметка, знак». Поскольку этот символ был последней буквой еврейского письма, в библейские времена Т стал означать: конец мира, знак Каина, а также знак спасения израильтян, стоящих в дверях, чтобы защитить свои дома, когда Ангел Смерти прошел по Египту, чтобы «уничтожить всех перворожденных в этой стране» (*т.е. на косяках своих жилищ древние израильтяне ставили знак креста, чтобы спастись, это было даже не прообразом, а наглядным предзнаменованием будущего спасения через крест, которое иудеи отвергли, и даже в последующем видоизменили саму букву из крестообразной в т-образную*). Это сделало знак общим знаком защиты. В христианских церквях его название – крест св. Антония (*крест с чуть выступающим верхним концом над перекладиной*). Также и Тертуллиан пишет: «Греческая тау, а наша латинская есть образ креста» [27 с. 222–223].

«Тамплиеры поклонялись не «высшему Богу», а низшему – «богу зла и материи», ибо от него исходили все земные блага. Тут мы уже имеем дело с чистейшим и ничем не прикрытым сатанизмом, зачатки которого таились в уче-

нии древних манихеев под покровом туманных аллегорий и философских ухищрений» [24]. «В подземельях ордена в ночное время происходили «черные мессы», на которых совершались кощунственные обряды поругания христианских святынь. Божество тамплиеров представляло собой идола Бафомета – дьявола с козлиной головой и женской грудью. Уставом ордена предписывалось мужеложство. Обряд вступления в орден включал в себя отречение от Христа и целование каждого брата в уста и «ниже пояса» [28 с. 63].

Рыцари заимствовали у гностиков оккультный образ андрогина, являвшийся символом вселенского единения. В этом отношении характерна печать ордена, представляющая собой изображение коня, на котором сидят два всадника. По официальной версии это трактуется, как символ первоначальной нищеты тамплиеров, что на двух человек у них была всего одна лошадь, а в телесном плане – намек на их нетрадиционные отношения. Андрогин (от androgynos – «двуполый») – это мифическое существо, обладающее признаками обоих полов, реже – бесполое. В прошлом было нередким изображение божеств определенного пола с особенностями противоположного. Древние греки, например, среди других божеств почитали Гермафродита, сына Гермеса и Афродиты, совмещавшего в себе женские и мужские черты. Так что современные «малые сексуальные меньшинства», искусственная смена полов и прочие содомские непристойности – это вызов Богу. Это возврат к древнему беспоклонению и сатанизированным языческим культам, навлекшим гнев Божий на древние цивилизации, следствием чего явились Всемирный потоп, разрушение Вавилонской башни, гибель Содома и Гоморры и прочие глобальные катаклизмы, нагляднейшей из которых было уже в начале XX века извержение вулкана на о. Мартиника. *(Остров, на котором находилось сатанинское капище, погиб в огненной лаве рассевшегося вулкана в считанные секунды, как грозное предупреждение богохульникам и богоборцам. Но об этом умалчивает пресса и мало кто упоминает даже из историков – слишком наглядное свидетельство об адских мучениях и возмездии за грехи мешает «устроителям нового мирового порядка» наслаждаться жизнью и одурачивать народы.)*

Тамплиеры получили у папы право заниматься финансовыми операциями. «Обычно, уходя в крестовые походы, рыцари-феодалы передавали всё своё имущество под наблюдение братьев ордена. Зная, что назад возвращался, в лучшем случае, один из десяти – остальные либо погибали, либо оставались жить в Святой земле... либо становились тамплиерами – можно понять, с какой скоростью богател орден». Именно тамплиеры являются изобретателями чеков, причём, если сумма вклада исчерпывалась, то её можно было увеличить с последующим восполнением родственниками. Дважды в год чеки посылали в комтуруию выпуска для окончательных подсчётов. **Каждый чек снабжался отпечатком пальца вкладчика.** За операции с чеками орден брал небольшой налог. Наличие чеков освобождало людей от необходимости перемещений драгоценных металлов (игравших роль денег), теперь можно было отправляться в паломничество с небольшим кусочком кожи и в любой комтуруии тамплиеров получить полновесную монету.

К концу XII века общая репутация ордена ухудшилась. Прежде всего из-за событий на Святой Земле, где храмовники, располагавшие двумя десятками мощных замков и армией в 300 рыцарей и несколько тысяч сержантов, не смогли защитить Иерусалим. Все помнили, как после падения Иерусалима победитель Саладин предложил льготные условия выкупа паломников и жителей, оставшихся в городе, но сказочно богатый орден, созданный для защиты этих людей, не дал ни гроша. Шестнадцать тысяч христиан ушли тогда в рабство! А вероломство? Вот храмовники предоставляют убежище влиятельному арабскому шейху Насреддину, претенденту на трон в Каире, даже пожелавшему принять христианство, но тут его... продают его же врагам на родине за 60 тысяч динаров. Несчастного немедленно казнили. Когда в 1199 году тамплиеры отказались вернуть положенные на хранение средства епископа Сидонского, тот в ярости предал анафеме весь орден, и скандал наделал много шума» [29].

Когда в 1187 году Иерусалим был отнят у христиан Саладином, орден тамплиеров переселился в Акру, приморскую крепость в Сирии, а затем на о. Кипр, хотя главный центр их деятельности давно был перенесен в Европу. Но

в начале XIV века французский король Филипп Красивый совместно с папой Климентом V нанес ордену решительный удар. Если вспомнить, что в жилах этого короля текла и славянская кровь – он был прямым потомком дочери Ярослава Мудрого, а, следовательно, и потомком победителя хазар – князя Святослава, то разгром ордена тамплиеров французским королем можно назвать своего рода «зовом предков».

Так или иначе, но что-то в этом есть – ведь именно с легкой руки Анны Ярославны прижилось на французской земле греческое имя Филипп, которым она назвала своего первенца, будущего короля Франции Филиппа I. На славянском Евангелии, привезенном русской княжной, присягали на верность народу все французские короли вплоть до последнего Людовика XVI, казненного в революцию. И гобелен, с изображением казненной семьи последнего французского монарха, был подарен последнему русскому царю Николаю II...

Французскому монарху ничего другого и не оставалось делать, как уничтожить с корнем властолюбивый и могущественный орден, который, занимаясь ростовщичеством и государственной изменой, держал в кабале земледельческие классы. Вооружая их против законной власти и являясь государством в государстве, орден представлял серьезнейшую опасность для всякой страны. Климент V долго не решался поднять руку на союз, пользовавшийся в течение двух веков благосклонностью пап. Наконец, побуждаемый королем, от которого он находился в известной зависимости, папа решился вызвать гроссмейстера ордена Якова Моле с о. Кипра под предлогом переговоров о новом крестовом походе. Моле прибыл во Францию со всем своим конвентом, архивом и казной. 13-го октября 1307 г. по приказанию короля все тамплиеры во Франции были внезапно арестованы. Судебное следствие во всех странах дало одинаковые результаты и выявило еретическую и преступную деятельность ордена. Буллой от 2-го мая 1312 г. папа оповестил весь христианский мир о принятом им решении уничтожить орден тамплиеров и предал его проклятию.

В результате некоторые тамплиеры были сожжены, в том числе и их гроссмейстер Яков Моле (11-го марта 1314 г.), остальные подверглись заключению, из которого

многие, по уничтожении ордена, были освобождены и примирились с властями. Некоторые бежали. Впрочем, Яков Моле, будучи уже возведен на костер, громогласно отрекся от всех своих показаний и, призывая на суд Божий короля и папу, предсказал их скорую гибель. Действительно, оба умерли в том же году в ужасных мучениях. Папа скончался 20-го апреля 1314 г., а Филипп Красивый 29-го ноября того же года, 40 лет от роду. Массонские писатели объясняют смерть обоих справедливым возмездием со стороны «высшей силы». Вероятнее всего, что Климент V и Филипп Красивый были просто отравлены сторонниками тамплиеров, сыгравшими роль темной «высшей силы», дабы оправдать пророчества Якова Моле и отомстить монарху и папе, осмелившимся освободить христианский мир от тайного союза служителей сатаны» [24].

Судьбу Филиппа разделили и три его сына, которых в народе окрестили «проклятыми королями». На протяжении 14 лет (1314–1328 гг.) они погибли один за другим при загадочных обстоятельствах, не оставив наследников. Валуа, как и Капетинги, кончили полным вырождением, при этом все последние представители династии погибли насильственной смертью. Бурбоны, сменившие Валуа в конце XVI века, продолжали испытывать на себе проклятие Жака де Моле: основатель династии Генрих IV пал от ножа убийцы, последний же её представитель Людовик XVI погиб на эшафоте в ходе революции. Перед казнью этот король был заточен в Тампльской башне, некогда бывшей твердыней тамплиеров. По словам современников, после того, как короля обезглавили на эшафоте, какой-то мужчина прыгнул на помост, окунул руку в кровь мёртвого монарха и показал её толпе, громко крикнув: «Жак де Моле, ты отмщён!» Не меньшие бедствия постигли и «проклятых» пап.

Все благие начинания отдельных деятелей римско-католической церкви и некоторых венценосных правителей Западной Европы не имели особого успеха, поскольку она вся уже была поражена раковой опухолью ереси жидовствующих. Меры, принимаемые, в основном, французскими и испанскими королями по борьбе с ее последствиями, не давали страждущей Европе полного выздоровления. Причина была в крайней истощенности ее организма (из-за

безблагодатности извращенной католической веры, которая не могла питать народ живительными соками истины), наличии множественных очагов инфекции (в лице разветвленной сети тайных обществ) и полном отсутствии духовного иммунитета – насквозь иудаизированная римская курия выдавала ложную информацию, «чужое за свое», чем путала карты и политических, и церковных сановников. В принципе, такими проявлениями духовной ВИЧ-инфекции на теле католицизма явились, например, инквизиция и орден иезуитов.

Орден рыцарей храма фактически никогда не переставал существовать, так как после его разгрома в XIV веке многие тамплиеры укрылись в Шотландии и вступили в союзы каменщиков, из которых впоследствии и возникло тайное общество франк-масонов. Тамплиеры были истреблены лишь во Франции. Английский король Эдуард II отправил рыцарей храма в монастыри, чтобы они искупили свои грехи. Германские храмовники после роспуска ордена перешли в состав Тевтонского ордена. В Португалии рыцари храма были оправданы судом и в 1318 году лишь изменили своё название, став рыцарями Христа. Под таким названием орден сохранился до XVI века. (*Корабли ордена плавали под тамплиерскими крестами. Под этими же флагами плавал в Индию Васко да Гама.*) Во всяком случае, очевидно одно: по происхождению, духу, учению, обрядам и целям, орден рыцарей храма и масонство являются детищами одной и той же темной силы – всемирного иудейства, стремящегося к разрушению христианской цивилизации, чтобы на развалинах ее воздвигнуть храм Соломонов, т.е. иудейское господство [24].

УНИЯ – ЭТО ТОЛЕРАНТНОСТЬ?

В наши дни, когда грозит опасность новой католической экспансии, надо помнить горькие исторические уроки, преподанные правителями Византийской империей, пытавшимися спасти государство ценой измены Православию.

«Вопрос соединения Церквей, ликвидация древнего раскола – чье сердце не занает в надежде?! В то же самое время

порой звучат из уст представителей Православной Церкви, часто занимающих весьма высокое положение, слова о готовности пожертвовать для этого принципами православной догматики. Постоянно мы слышим о компромиссных высказываниях, читаем статьи, предлагающие компромиссное разрешение вопросов догматического характера и полуофициальные заявления» [30].

«Папы всеми силами стремились восстановить церковное общение, понимая под восстановлением не союз Церквей, а подчинение Восточной Церкви Западной, т.е. папе. Греки по политическим расчетам со своей стороны так же желали соединения Церквей. Из многочисленного числа попыток, принципиально неудачных, следует выделить всего две, доведенные всевозможными хитростями и насилиями до конца и сопровождавшиеся печальными последствиями для Греко-Восточной Церкви. Это так называемые унии: Лионская (1274 г.) и Ферраро-Флорентийская (1438–1439 гг.)» [20 с. 79].

«В 1274 г. папа Григорий X созвал собор в Лионе. Делегация, которую смог послать туда Византийский император Михаил, была весьма жалкой: ни один порядочный человек не согласился в нее войти. Возглавлялась она скомпрометированным бывшим патриархом Германом. Кроме того, в нее входили Никейский митрополит Феофан – человек, ничем себя не проявивший, и личный представитель императора мирянин-философ Георгий Акрополит. Зато римо-католическая сторона была весьма презентабельной: на соборе присутствовал знаменитый современник Фомы Аквинского – богослов-францисканец кардинал Бонавентура.

Однако никаких богословских дебатов на соборе не было. Греческая делегация привезла с собой письмо императора, соглашавшегося на все условия папства. Иными словами, это была безоговорочная капитуляция. Условия, предложенные Григорием X и принятые греками, таковы: папа признавался главой христианского мира; греки обязывались: ввести в Символ веры *filioque*; совершать литургию не с квасным хлебом, а с опресноками; убрать из Евхаристии анафору; они признавали догматическую верность католического учения о чистилище. Кроме того, греки обя-

зывались принять еще ряд богослужебных особенностей латинской Церкви.

Все эти условия автоматически приняла греческая делегация. Через пять дней после ее прибытия была подписана уния и отслужена торжественная месса, пополам на латинском и греческом языках. Как скоро стало очевидным, принять папские условия Михаилу Палеологу оказалось гораздо легче, чем навязать их Церкви и народу. Практически вся Империя отвергла унию. Патриарх Иосиф отлучил Михаила от Церкви. Тем не менее император остался верным подписанной им унии и использовал всю мощь государственной машины, чтобы навязать ее народу» [12 с. 511–512].

«Патриарх Иосиф объявлен был низложенным, а на его место возведен был приверженец унии Иоанн Векк. В богослужении приказано было поминать Григория X как «верховного архиерея апостольской Церкви и Вселенского папу». Но уния была слишком непрочной. Только император и его партия приняли её. Греки, духовенство, монашество и миряне, не желавшие и не искавшие унии, не хотели иметь никакого общения с Римской Церковью. Стали раздаваться проклятия на униатов, с ними не хотели иметь никаких отношений, считали за осквернение прикосновение к ним и разговор с ними. Вследствие неудачных попыток Палеолога увеличить количество униатов мирными средствами в стране прокатилась волна репрессий: начались ссылки, заключения в тюрьмы, ослепления, отсечения рук, рвание ноздрей непокорным и т.п. Преследованиям подвергалось прежде всего духовенство. Император не щадил даже своих родственников. В то же время Векк старался привлечь народ к унии своими посланиями и сочинениями. Но ни карательные меры императора, ни сочинения Векка не приносили пользы – греки не принимали унии.

Вступивший на престол после смерти отлученного от Церкви императора Михаила его сын Андроник II (1283–1328 гг.) был сторонником Православия. В 1283 году в Константинополе состоялся собор, на котором обсуждался главный вопрос – учение об исхождении Святого Духа и от Сына. На нем судили и униатов, и Векка, который был низложен и сослан. Церкви, где совершалось униатское богослужение, были освяще-

ны вновь как оскверненные» [20 с. 82]. «В 1285 г. был созван новый собор во Влахернском дворце, на котором сформулирован богословский ответ Лионскому собору. На нем председательствовал патриарх Григорий II. Лионская уния была вновь отвергнута и латинская церковь обвинена в ереси. Томос этого собора – единственное православное соборное осуждение filioque» [12 с. 513].

В первой половине XV века была предпринята последняя попытка объединения христианской Церкви. К этому времени Византийская империя существовала практически в стенах одной столицы. Все ее области были уже во власти турецкого султана. «Народ Византии однозначно выступал против унии. Реалисты видели, что она не только не разрешит всех проблем, но вызовет еще больший раскол. В 1437 г. из 167 епархий Константинопольского патриархата в границах Империи насчитывалось лишь 15. Единственным связующим звеном между ними оставался сам патриарх. Было очевидно, что если он подпишет унию с Римом, епархии просто откажутся ему повиноваться. Опыт показывал, что турки на завоеванных территориях хотя бы проявляли минимальную терпимость и позволяли Православной Церкви существовать, в то время как латиняне начинали свое правление с попыток искоренения Православия. Более того, даже само единство греческой нации и православной веры было бы легче сохранить народу, объединенному под господством мусульман, нежели его небольшой части, присоединенной к окраине Западного мира» [12 с. 551].

Однако император Иоанн Палеолог решил, что единственное средство для спасения Византии – это помощь Западных держав, но получить ее можно было только через примирение с папой римским. Со стороны римского епископа также существовал интерес к объединению. В 1433 году в Базеле проходил собор Западной Церкви, на который собралось не только большинство западных епископов, но и представители светской власти во главе с германским императором Сигизмундом. Этот собор признал свою власть выше власти римского епископа, что не могло понравиться папе. Возможная уния с Восточной Церковью могла бы укрепить, по мнению папы, престиж римского престола и умалить решения Базельского собора. Но чтобы

заседавшие в Базеле не перехватили византийское посольство, папа обещал взять на себя все расходы по содержанию греков. Учитывая тяжелейшее экономическое положение Византии, император Иоанн принял предложение понтифика, ведь кроме главы Византийской империи и Константинопольского патриарха в делегацию входило более шестисот человек.

Собор открылся в начале 1438 года в итальянском портовом городе Ферраре. Позднее, в связи с начавшейся там эпидемией, был перенесен во Флоренцию. Большинство участников собора с обеих сторон стремилось удовлетворить свои политические цели и амбиции. Лишь единицы были заняты мыслью о благе христианства. Одним из таких немногих был святитель Марк, митрополит Эфесский. Святитель Марк сделал все, чтобы отстоять древнее Православие и указать на отступления римской церкви. Однако латиняне требовали от греков полного принятия латинского учения и административного подчинения Ватикану, допуская лишь некоторую самостоятельность Византийской Церкви в области богослужений и обрядов. Паписты не желали никаких вероучительных компромиссов, на которые готовы были идти греческие богословы, а добивались безусловной капитуляции Восточной Церкви.

По приказанию императора Иоанна Палеолога, святителя Марка отстранили от дебатов. Император решил в имя государственных интересов пожертвовать Православию. 5 июля 1439 года, в согласии на все условия Рима, унию подписали император, представители патриархов, митрополиты и иные предстоятели Церкви и, однако, все их подписи ничего не стоили в сравнении с одной единственной подписью, – св. Марка Ефесского. Этот смертельно больной (раком кишечника), изможденный иерарх, находящийся в опале у властей мира сего, был духовным вождем Православия и тем гигантом, который представлял Православную Церковь, сильную – в немощи, богатую – в убожестве и непобедимую – в Божественной Истине.

«Византийские гуманисты на соборе относились с большим недоверием и подозрительностью к свт. Марку Эфесскому – представителю паламитской исихастской традиции. Не любили его и те, кто хотел принять унию в обмен

на политическую выгоду. До сих пор часто можно услышать обвинения в фанатизме и ультраконсерватизме, высказываемые либеральными историками и богословами в его адрес. Современный римо-католический историк, несомненно, выразил широко распространенное мнение, когда написал следующие слова: «Если бы можно было выделить одну-единственную причину неудачи Флорентийского собора, то ей является Марк Евгеник – митрополит Эфесский» (12 стр. 569). Отсутствие его подписи папа Евгений IV оценил как полный провал. Когда понтифику с торжеством представили Акт унии, подписанный греческими представителями, он спросил: «А подписал ли Марк?», и, получив отрицательный ответ, воскликнул: «Итак, мы ничего не сделали!» Что знаменательно, папа Евгений IV во время подписания «унии» уже был низложен Базельским собором (1431–1449 гг.), который объявил Флорентийский собор недействительным.

Византийские делегаты-подписанты понимали, что *volens – nolens* они не сохранили Истину и предали Православную веру за «чечевичную похлебку» папских обещаний помощи Византии. 1 февраля 1440 г. греческая делегация вернулась из Италии в Константинополь. Современник унии, греческий историк Дука рисует нам такую картину встречи их населением Константинополя. Едва они сошли с кораблей, их стали спрашивать: «Как дела с собором, победили ли мы?» – Они же отвечали: «Продали мы веру нашу, променяли благочестие на нечестие; изменив Святым Дарам, стали азиматами-опресночника́ми». Народ спрашивал их: «Зачем вы подписали?» – «Из страха перед франками». – «Разве франки вас бичевали, заключали в тюрьму?» – «Нет». Как бы отдавая себя на суд своих соотечественников и отрекаясь от принятого соединения, они восклицали: «Да отсечется рука, подписавшая незаконное определение! Да исторгнется язык, изрекший согласие с латинянами!» Позднее один из митрополитов, бывший местоблюстителем патриарха Александрийского, Антоний Ираклийский, явившись на Собор архипастырей в Константинополе, торжественно исповедал: «Я не был согласен с одобрявшими соединение, как вы сами знаете, однако же, подписался под определением, хотя недобровольно. И с той

поры совесть меня мучит. Я отвергаю соединение и предаю себя суду Церкви как виновного».

Константинопольский Патриарх Иосиф II скончался в 1439 г. еще во Флоренции, и по возвращении императора в Константинополь место предстоятеля было предложено исповеднику Марку, но он отказался принять патриаршее достоинство на условиях унии. Патриархом был избран Митрофан II, сторонник унии. Тем не менее, народ не желал ее признавать. Византолог Г. А. Острогорский пишет: «Византийский народ был против постановлений Феррары и Флоренции со страстным фанатизмом, и в то время как все увещания сторонников унии игнорировались, пламенные проповеди Марка Евгеника везде находили восторженный отклик». Вокруг Марка сплотилась многочисленная партия непризнавших унию, многие из подписавших буллу епископов взяли свои подписи обратно. Отрицание свт. Марком унии было поддержано монастырями, имевшими большое духовное влияние на народ.

Следует подчеркнуть, что на Руси уния была сразу же отвергнута, хотя митрополит Исидор, грек, назначенный из Константинополя главой Русской Церкви, подписал унию на Соборе. Великий Князь Василий II, назвавший Исидора «ересным прелестником, лютым волком, лжепастырем, губителем душ», заточил его в темницу, откуда Исидору удалось бежать в Рим к папе.

В своём «Окружном Послании против греколатинян и постановлений Флорентийского Собора» в июле 1440 свт. Марк писал: «Итак, братие, бегите от них и от общения с ними, ибо они – лживи апостоли, делатели нечестивии, преобразующеся во апостоли Христовы...». Это вызвало крайнее недовольство униатов и гнев императора, за что святой был арестован во время своего путешествия на Афон на острове Лимносе и пробыл в заключении 2 года, страдая от болезней, жестокого климата и многочисленных лишений. Вернувшись в Константинополь, святитель Марк продолжил здесь свою борьбу с унией. Бывший в то время Константинопольским Патриархом Григорий III Мамма придерживался унии и был противником Марка. Несмотря на это, по свидетельству великого ритора Мануила, Марк добился перелома в отношении к унии: «подъявши многие

труды и из обманутых там одних вновь обративши, в том числе и самого приснопамятного царя...».

Скончался свт. Марк 23 июня 1444 г. в Константинополе после двухнедельной тяжелой болезни. Умирая, свт. Марк обратился к присутствующим с напутственным словом, записанным Георгием Схоларием, в котором даже в момент смерти проявил себя, как непримиримый борец с унией. Тогда же он напутствовал будущего патриарха Георгия Схолария как своего преемника в борьбе за веру. Святитель был погребен в Манганской обители в Константинополе.

В 1734 г. при Константинопольском Патриархе Серафиме I Марк был причислен к лику святых. А подвиг его стал ободряющим примером для многих православных подвижников во всем мире, которым также приходилось отстаивать истину Православия в одиночку, не соглашаясь на капитуляцию перед давлением заблуждающегося или приземленно-конформистского большинства [30].

Епархии Константинопольской Церкви, находившиеся вне пределов Византийской империи, одна за другой отказывались от принятия унии. Другие поместные Церкви Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская на соборе 1442 года решительно отвергли Флорентийскую унию. В 1450 г. восточные патриархи собрались на собор в Константинополе и еще раз произнесли осуждение на унию, здесь же они низложили униата – патриарха Григория Мамму, бежавшего в Рим, и возвели на патриарший престол православного Афанасия. Православие восторжествовало, но сама империя была уже обречена. Эстафета хранительницы Православной веры была передана другому народу – русскому, заблаговременно уготованному к этому Промыслом Божиим.

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Еще пророк Давид, испытавший на себе все перипетии земной жизни и прошедший путь от пастуха до царя, пророчески говорил: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (Пс.). Но поскольку

греки в большинстве своем размышляли в те прискорбные времена не над Псалтирью и Священным Писанием, а над бреднями неоплатоников и им подобных, то и получили в итоге профанацию. С Богом не может быть компромиссов: отвергающие Истину, отталкивают от себя помощь и покров Божий.

«В 1452 г. папа во всеуслышание объявил, что, наконец, направляет военную помощь Империи: в Константинополь прибыл отряд в 200 лучников во главе с кардиналом Исидором, бывшим митрополитом Московским. Он потребовал немедленной платы за свое прибытие – и 12 декабря 1452 г. уния наконец была торжественно провозглашена в Св. Софии. Как и ожидалось, после этого народ перестал посещать Великую церковь: литургия служилась там почти при полном отсутствии молящихся. Народ ходил лишь в те храмы, где служили священники, не запятнавшие себя симпатиями к унии. Церковный центр переместился в монастырь Пантократор, где находилась келья монаха Геннадия Схолария» [12 с. 578].

Геннадий вывесил у окна своей кельи листок со словами: «Несчастные ромей. Для чего вы заблуждаетесь, теряете надежду на Бога и возлагаете упование на франков? Для чего вместе с имеющим скоро пасть городом хотите погубить и свое Православие? Боже, умиласердись надо мною. Свидетельствуюсь пред лицом Твоим, что я неповинен в сем преступлении. А вы, несчастные, смотрите, что хотите делать при грозящем вам пленении? Вы дерзаете извратить веру отцов своих и покориться неправде. Никогда не оставлю тебя, любезное Православие, и не отступлю от тебя, священное предание, доколе душа моя обитает в сем теле».

Вспомним священную историю – город Ниневия был обречен на разорение за беззакония его граждан. Но благодаря проповеди пророка Ионы жители во главе с царем образумились, достаточно было трехдневного поста, искренне принесенного раскаяния и исправления жизни, чтобы Бог их простил, помиловал и оставил существовать город еще на 300 лет. Но ведь сколько раз и к стенам самого Константинополя приступали завоеватели! Чуть приближалась беда – и святители с правителями, призывая народ к покаянию, молились и выпрашивали у Бога спасение – чудесным

образом завоеватели отходили или погибали от природных стихий.

Для того, чтобы в аналогичном случае народ поступил иначе и навлек на себя гнев Божий, надо было подорвать у него веру. Собственно, этим вплотную и занялись в начале второго тысячелетия извечные враги христианства. Была найдена «Ахиллесова пята» византийцев – древнегреческая языческая философия. Попытки уловить православных в ересь не удалась, одолеть силой Византию тоже не получалось – Господь хранил и посылал талантливых императоров и военачальников. Вот, по логике христораспинателей, чтоб навлечь гнев Божий на православных, надо было развратить народ и ослабить благочестие, ввергнуть его во грех, чтобы отошла от людей и государства покрывающая и охраняющая их благодать Христова.

Так, под бдительным контролем оккультных сил возник Ренессанс – эпоха возрождения языческой философии, языческих нравов (в противовес христианской морали) и языческого распутства. Играя на национальной гордости греков и уважению к памяти предков, тайные агенты князя тьмы распространяли труды греческих дохристианских философов, основывали неоязыческие школы, проповедуя гуманизм – культ тела, развращали молодежь. Вольнодумство проникло и в церковную среду, откуда потом вышли ревнители унии – своего рода обновленцы позднего средневековья. В итоге некогда сильная и могучая империя стала с неумолимой скоростью деградировать и катиться к закату.

Продажа Истины и принятие с унией ложных католических догматов не принесли Византийской империи желаемой военной поддержки могущественных Западных государств. Да, в принципе, и как они могли помочь, если все основные финансы были уже в руках иудейских главарей тогдашнего евросоюза и сами короли зависели от своих казначеев. Как раз по плану последних и разрушалась Византийская держава. Силы, дирижирующие Возрождением в Италии, также активно действовали и в Константинополе. Они же в лице европейских банкиров делали огромные инвестиции в экономику Византии, парализовывая развитие империи.

Таким образом, причина гибели Византии кроется в глубоком духовном упадке, переживаемом обществом или проще сказать – в уклонении от Православия, отпадении от Бога. Духовное падение неминуемо ведет к физическому и политическому покорению врагами. Существование этого государства потеряло смысл – оно было создано равноап. Константином Великим с целью защиты истин веры от латинствующего запада, а теперь империя переставала быть оградой для Православия, подписав через унию с еретиками себе смертный приговор. Для православных на все века это должно было послужить живым уроком.

Все меры, принимаемые папой и императором, уже не имели никакого значения: в самом начале того же 1452 г. турецким султаном стал 19-летний талантливый и честолюбивый Мехмед II, которого с детства снедала одна страсть – взять Константинополь. Взойдя на престол, он немедленно приступил к исполнению мечты. В Светлый понедельник 2 апреля 1453 г. началась осада города. Турецкая армия, подошедшая к стенам столицы, насчитывала 150–200 тысяч воинов. Всех защитников города с несколькими отрядами успевших прибыть западных добровольцев было менее 7 тысяч.

Началась бомбардировка Константинополя. Тогдашняя турецкая артиллерия не имела себе равных в мире. Византийцы не смогли стрелять из нескольких имевшихся у них орудий, т.к. оказалось, что отдача разрушает кладку древних стен. Турецкий флот блокировал город с моря. Однако оставалась внутренняя гавань Золотой Рог, вход в которую был перегорожен тяжелой цепью и где находился византийский флот. Тогда Мехмед распорядился волоком перетаскать суда по суше (*для этого был сооружен деревянный настил, который обильно смазали жиром*) и спустить их на воду в Золотой Рог. В то время, когда их перетаскивали, Мехмед приказал поднять на них все паруса, гребцам махать веслами, а музыкантам играть устрашающие мелодии. Так сбылось древнее пророчество, что город падет, если морские суда пойдут по суше.

Константинополь оказался в полной блокаде со всех четырех сторон. Осада продолжалась почти два месяца. Защитники героически сопротивлялись. Западных союзни-

ков было считанное количество. Решающий генеральный штурм начался в ранние утренние часы 29 мая 1453 г. Защитники предвидели это, и в ночь накануне все, кто мог уйти со своих боевых постов, собрались в Св. Софии на последнюю Литургию.

Две первых волны штурма были отбиты. Лишь третьей, решающей, в которую были брошены все резервы, в том числе и личная гвардия султана, удалось прорвать оборону и пробиться в город. Когда стало ясно, что все кончено, Константин XI бросился в гущу боя и искал там смерти, не желая переживать свое царство и попадать в плен к султану. Его изуродованный труп, окруженный телами уложенных им противников, был опознан лишь по красным имперским сапожкам. Голова императора была отрублена и выставлена на высокой колонне в центре города. Потом Мехмед велел забальзамировать ее и послал для обозрения ко дворам самых могущественных владык мусульманского мира. *(Явно, что это было заказное ритуальное действие, и кому, как не врагам Христа, нужна была голова православного императора. Как известно, ту же процедуру позднее совершили и над телом последнего русского царя Николая II.)*

Итак, во вторник 29 мая 1453 г. пал Константинополь. Это одна из самых поворотных дат мировой истории. Она знаменует смену эпох: средние века завершились, началось новое время. Наступила новая эпоха и для Православной Церкви. Византийская Церковь, в течение почти тысячи лет бывшая партнером Православного государства, стала Церковью покоренного народа, зависящего от отношения к нему мусульманского владыки [12 с. 579].

«И збысться реченное: Константином создася и паки Константином и скончася», – напишет позже русский летописец. Турки устроили в Константинополе страшный разгром. В Константинопольском порту византийские и итальянские корабли спешно поднимали паруса. Тысячи горожан: женщины и дети, воины и ремесленники, аристократы и нищие, – отталкивая и давя друг друга, рвались на перегруженные суда, все еще надеясь спасти свою свободу и саму жизнь.

Беспорядок и грабеж начался в Константинополе с первого часа достопамятного 29 мая 1453 и продолжался до

восьмого часа того же дня, когда сам султан Магомет II торжественно въехал на коне в храм Святой Софии. По его приказанию этот храм, важнейшая из святынь Восточной Православной Церкви, был превращен в мечеть. Кресты были разбиты или сняты, а стены, которые были прежде покрыты живописью и мозаикой, вымыты, замазаны и оставлены без украшений» [31 с. 394–395].

«После падения Византийской Империи, положение православных на Ближнем Востоке сильно ухудшилось. Еще в 1389 году св. Лазарь, последний король Сербский, погиб со своим войском на Косовом поле, а его страна попала на четыре с лишним века под иго магометан. В 1393 году турки завоевали Болгарию, которая до середины XIX века оставалась под их властью. В 1461 году была разрушена Трапезундская Империя, а в 1464 году пала Республика Генуэзцев в Крыму, в пределах которой жило много православных. Кипр, где правили до 1489 года потомки крестоносцев, и Норманское королевство в Греции тоже попали в зависимость от султанов.

Чтобы сохранить экономическую жизнь и инфраструктуру завоеванных территорий, сразу же по взятии Константинополя в 1453 г. османский султан Магомет II аль-Фатих разрешил народу выбрать в качестве Вселенского патриарха известного противника Флорентийской унии Геннадия Схолария (1453–1456, 1458, 1462–1463). Турецкий султан желал иметь дело с одним возглавителем «райев», и константинопольский патриарх сделался благодаря этому главой христианского миллета – этнархом («вождем нации»), или миллет-баши с правом осуществлять административную и судебную власть, собирать налоги. Таким образом, при османских султанах патриарх Константинопольский стал пользоваться большей властью, нежели при византийских императорах. Турецкое правительство расширило его формальные права, привилегии и юрисдикцию как в географическом, так и в политическом отношении. Его власть из чисто канонической и духовной все более превращалась в политическую. С другой стороны Вселенские патриархи попали в зависимость от турецких властей, которые иногда возводили и низлагали их в связи с переменами в политике Османского государства. *(Особенно негативно это сказа-*

лось на судьбе православных после того, как в Константинополе появились иезуиты и стали подкупать султанов и продвигать своих ставленников на святительские места). После гибели Византийской империи единственной свободной православной страной осталась Россия, которая и приняла эстафету хранительницы Православной веры» [32].

РЕНЕССАНС

Когда, после взятия Константинополя турками, греческие ученые переселились в Италию, увлечение культурой языческой Греции приняло грандиозные размеры и распространилось на всю Западную Европу. Этот дохристианский сатанинский культ был одет в шикарные тоги под названием Возрождение, и, умело замаскировавшись, привел к падению как Византийскую империю, так и остатки христианства в Европе. Характерно, что именно после взятия столицы Византии в 1453 году начинают воздвигаться самые основные постройки Ватикана, такие как собор апостола Петра в Риме. Латинские первосвященники строили свое могущество на бедах других народов, но, видимо, не знали поговорки: «На чужом несчастье счастья не построишь». Потому что те же творцы катаклизмов, которые помогали папам против православных, помогали и средневековой европейской знати создавать протестантскую оппозицию против папства. Выдвигали на папский престол аморальных личностей, а потом натравливали против них общественность. Наглядное осуществление на практике политического принципа: разделяй и властвуй...

Итак, предтечей протестантизма послужил реанимированный сатанизм. В этом возврате к язычеству творцы катаклизмов продолжали играть видную роль: «В годы, предшествовавшие Реформации, иудей становился воспитателем, он преподает еврейский язык христианским ученым, он посвящает их в тайны каббалы, предварительно раскрыв перед ними двери арабской философии. Иудеи перевели Аверроэса и других арабов, комментаторов Аристотеля; они открыли греческую философию христианскому миру... они подготовили эпоху Возрождения» [24]. Такие

ученые из их среды, как Сонципо, Авраам Балъм и другие, переводили и печатали в своих типографиях произведения греческих философов, торговали ими. Направление лучших умов эпохи Возрождения, столь чуждое по своему духу христианству, было весьма удачно названо гуманизмом, т.е. культом обожествления человека. Преклонение перед человеком, признание законности всех стремлений его духовной и телесной природы – вот черты, характеризующие гуманистов и красной нитью проходящие в учении и жизни предшественников реформации и самого Лютера.

«Ренессанс был не только возвращением к язычеству, – он отступил от христианства дальше, чем язычество. Обожествляя космос, язычники искали потерянного ими неведомого Бога, а искусство Ренессанса, имея Христа, само отказалось от Него и, прикрываясь библейской тематикой, изображало языческие божества.

Одной из вершин западного искусства считается картина Страшного Суда в Сикстинской капелле, созданная Микеланджело. Фигуры исполнены с изумительным знанием пропорций человеческого тела и законов гармонии. По ним можно изучать анатомию. Каждое лицо имеет свою неповторимую индивидуальность и психологическую характеристику. В то же время религиозное значение этой картины равно нулю. Более того, это рецидив язычества, возникший в самом сердце католического мира. В тематике картины «Страшный Суд» воплощены языческие и иудейские традиции. Харон перевозит души умерших через воды Стикса. Образ взят из античной мифологии. Воскрешение мертвых совершается в долине Иосафата, как повествует талмудическое предание. Картина выполнена в подчеркнуто натуралистическом стиле. Микеланджело изобразил тела обнаженными. Когда папа Павел III, рассматривая живопись Сикстинской капеллы, спросил у церемониймейстера папского двора Бьяджо да Чезена, как ему нравится роспись, тот ответил: «Эти фигуры были бы уместны где-нибудь в таверне, а не в капелле». Микеланджело отомстил прямодушному вельможе тем, что нарисовал похожего на него Миноса (языческий персонаж – судья душ умерших) в своей картине. Впоследствии обнаженные фигуры задрапировал художник Даниэль де Вельтер. Ценители искусства

Микеланджело были настолько возмущены этим, что дали прозвище художнику – «изготовитель исподнего белья».

Искусство Возрождения – это апофеоз человеческой гордыни и нераскаянного греха. Жизнь, бьющая ключом в творениях художников Ренессанса – это накал страстей, который в перспективе вечности представляет собой смерть и пустоту. Труп остается трупом, какой бы косметикой не прикрывали пятен смерти на его теле» [15 с. 6].

«Эпохой Возрождения» принято называть XV и XVI века, но в действительности дух этого «возрождения» проявляется гораздо раньше, именно с XIII века, когда материалистический пантеизм жидовствующего араба Аверроэса, проникая через посредство иудеев-врачей и астрологов в христианский мир, стал оказывать пагубное влияние на правящие классы Западной Европы и даже на политику германского императора Фридриха II (1220–1245). Эпоха эта, вместе с печальным наследием либеральных пап Юлия II и Льва X, заразивших своим «просвещенным» безверием часть высшего духовенства, оставила потомству произведения Данте, Ариоста, Трессина, Рабле, Ронсарда, труды Петрарки, Леонардо-да-Винчи, Микеланджело, творения Рафаэля, Донателло, Фра-Анджелико.

А рядом с ними имена беспринципного политика Макиавелли, легкомысленных писателей итальянца Боккачио и англичанина Чоосера, шарлатана алхимика и каббалиста Парацельса, жидовствующего каббалиста из христиан Пико-де-Мирандолла, а из жидовских выкрестов болонского профессора Помпонаццо и епископа Петра Бургосского (бывшего раввина); жидовствующих ученых Эразма и Рейхлина, прямых еретиков-гуманистов и отступников от веры Муциана, Гуттена, Зиккингена, Рубиана – все это на общем фоне небывалого дотоле в христианском мире упадка веры, разложения нравов, глухого брожения и открытых восстаний низших классов населения, потерявших всякое уважение к правящим сословиям, предававшимся, наряду с «гуманитарной» философией, безудержному чревоугодию, пьянству и разврату.

В Италии ослабление религиозных верований ведет к сближению с иудеями. Поэты и ученые дружат с иудейскими философами и врачами (так, иудей Мануэлло был

другом Данте). Не только одни скептики и неверующие, эллинисты и латинисты, поклоняющиеся скорее Афродите и Зевсу, чем Христу, поддерживают дружеские сношения с иудеями, но и дворянство и буржуазия; христиане не только принимают у себя иудеев и сами бывают у них, но они посещают синагоги и относятся к религиозным обрядам иудеев с каким-то суеверным почтением» [24].

«По мере утверждения иудейско-масонской цивилизации христианство превращается в Европе в театральный фарс, в зрелище на потребу языческой, по своей сути, толпе. Оно вроде бы не отвергнуто, но и не связано с душой человека, а выступает как внешний факт, как роскошь, как формальный обряд, за которым скрывается жадный потребитель жизни – язычник или иудей» [4 с. 59].

Запрет мирянам читать Священное Писание убил в западных христианах здравую веру, порождая этим различные суеверия, а впоследствии и открытое безбожие. Не только миряне были несведущи в Св. Писании, но и само духовенство. «Известный своей ученостью Фома Линацер никогда не читал Нового Завета. Под конец своей жизни, в 1524 году он, едва раскрыв его, с проклятием отбросил в сторону, так как наткнулся на слова: «Я вам говорю: не проклинаяте». Сам же он имел слабость к проклинанию. «Или это не Евангелие, – сказал он разгневанный, – или мы не христиане». Итальянские цистерониане относились с большим презрением к Библии за ее стиль и язык, католические священники переводили сочинения святых отцов на язык Горация и Вергилия, желая сделать выражения Св. Писания доступными для ушей образованных людей. Кардинал Бембо, философствуя, писал вместо «отпустить грех» – «примирить души умерших с наивысшими богами». Когда однажды он застал благочестивого Содалета за переводом послания к римлянам, то сказал ему: «Оставь эти детские занятия, – такие басни непристойны степенному человеку» [9 с. 39].

Все эти явления оставили глубокий след в исторической памяти западного христианства, воспитывая в подданных латинской церкви правила поведения, рядом не стоявшие с Евангельскими заповедями. В результате чего римо-католицизм, с его извращенным еретическим сознанием, стал источником многих преступлений и войн.

ИНДУЛЬГЕНЦИИ И ИНКВИЗИЦИЯ

Как известно из ветхозаветной истории, древние иудеи праздновали юбилейные годы. Папская курия, изыскивая «честный способ заработать деньги» решила ввести в употребление и этот обычай. «Бонифаций VIII, самый честолюбивый и смелый после Григория VII, из римских пап, перещеголял своих предшественников. В булле, изданной в 1300 г., он распорядился объявить повсеместно, что каждые 100 лет будут удостаиваться в Риме полного прощения грехов все те, кто в этом году совершит паломничество в Рим. Толпы народа из Италии, Испании, Сицилии, Сардинии, Корсики, Франции, Германии, Угрии и Польши отправились в Рим. В течение одного месяца в Риме пребывало более 20 тысяч паломников, и все они приносили с собой обильные жертвы. Кладовые папы и римлян наполнились сокровищами.

Но всего этого было слишком мало, чтобы утолить ненасытную жажду курии, и тогда сначала каждый 50-й год, затем 33-й и наконец, 25-й год были объявлены юбилейными годами. Впоследствии юбилеи и индульгенции распространились повсеместно, куда только проникло римское христианство, как для удобства покупателей, так и для увеличения доходов продающих» [9 с. 17].

Вся жизнь папского двора умело направлялась римской курией. На должности ставились люди порочных наклонностей, на которых всегда имелся компромат и способ воздействия через роскошь и наслаждения. И насколько надо было извратить чувство совести, чтобы измыслить индульгенции и не заметить преступность и святотатство подобного обогащения. Все это явно пахнет иудиным душиком, продавшим Христа за 30 сребренников. Не про них ли говорил Спаситель: «Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21, 13).

«В 1320 году папа Иоанн XXII издал «апостольскую таксу» как наказ канонических законов. Можем составить представление об индульгенциях по одному из сохранившихся тарифов: за выдачу тайны исповеди – 7 дукатов и 3 карлина; женщина за употребление лекарства для вытравливания плода – 14 дук. и 8 карл.; за позволение употреблять

в пищу мясо в постные дни – «всего» 18 карл. и т.д. Бесстыдный римский двор продавал индульгенции не только на совершенные преступления, но и на поступки, которые кто-либо мог или хотел совершить в будущем. Дело доходило до абсурда: однажды продавца индульгенций Тецеля в лесу догнал вооруженный всадник, купил индульгенцию за намеревавшийся к совершению грех, отнял у продавца мешок с деньгами и был таков.

В архиве князя де-Жуанвиль находится выданная для кардинала де-Лоррэна и 12 особ его свиты индульгенция, в силу которой каждому из них вперед было отпущено «три греха на выбор». После смерти папы Иоанна XXII в его сундуках найдено 25 миллионов золотом. Папа Пий II в письме к Иоанну Переголе сознается, что римский двор ничего не дает без денег, что дары Св. Духа продаются и что за отпущение грехов нужно платить наличными. В Германии право торговли индульгенциями приобрел Альберт, епископ Майнцский, им же оно было уступлено за 30 тысяч дукатов банкиру Туггеру, еврею из Аугсбурга, который уже от себя продавал индульгенции латинянам» [9].

В принципе, что и требовалось доказать, – иудеи подрывали остатки веры у народа, не забывая в тоже время делать это с выгодой для себя, и одновременно действовали по утвержденному плану, готовя исподволь протестантские и революционные брожения. «Противопоставив себя Православию, паписты обрекли себя на духовно-нравственное вырождение и превращение в идеологический инструмент светской политики, в орудие иудейско-масонской власти. Жестокая диктатура, которую несло миру тоталитарное католическое сознание, вела к массовым зверствам над людьми, понимавшими лицемерие, фальшь и фактическое безбожие латинских священников и иерархов. Ни одна из религий (кроме, конечно, иудаизма) не создала такого страшного террористического учреждения, как Священная католическая инквизиция. Ни в одной из стран мира кроме находившихся под влиянием латинства не было столько фальсифицированных судебных процессов и массовых казней. Публичные сожжения и истязания использовались папистами для устрашения всех несогласных с антихристианской сущностью католицизма.

Чтобы узаконить изуверскую деятельность инквизиции, папы разрешили ей любое преступление (настоящее или мнимое) связывать с ересью. Процессы над «еретиками и ведьмами», пытки и казни над ними обосновывались ведущими католическими богословами, начиная с епископа Гильома Овернского, Фомы Аквинского, Дунса Скота и заканчивая Пьером де Палу и Габриелем Бьелем. В трудах этих столпов католицизма была разработана подробная «концепция» еретичества, ставшая основой «правового» обоснования казней сотен тысяч людей...

Приговаривая «еретика» к смерти, инквизиция конфисковывала все его имущество, дом и землю в пользу католической церкви. Деньги играли большую роль в деятельности и самой инквизиции. За взятку можно было откупиться от пытки и смерти. Растленные католические священники и инквизиторы превратили процессы над «еретиками» в выгодный источник дохода, тем самым еще более усиливая окончательное разложение католицизма» [4 с. 30–32].

ПРОТЕСТАНТИЗМ

Возвращаясь к эпохе патриарха Фотия, можно сказать, что именно тогда римскими первосвященниками и были заложены основы последующего протестантизма. Препятствуя проповеди равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, римские папы руководствовались не Божественной ревностью о просвещении славянских язычников, а банальным интересом приобретения новых земель.

Провидя последующую мировую агрессию католицизма и оберегая от папского корыстолюбия чистые души новопросвещенных славян, святые просветители Кирилл и Мефодий предупреждали: «Вы приняли бесценный дар – святое Православие. Храните его. Если вы ослабнете в Православной вере, вас одолеют враги ваши, и вы станете их рабами». Святые знали цену своим словам: они были учениками и сподвижниками патриарха Фотия, первого обвинителя ереси папизма и неустанного борца за чистоту Православия. Враги у христиан одни – те, что распяли Самого

Христа: «Мене изгнаша и вас будут гнать» (Лк. 21, 12). Не всем славянам удалось избежать участи насильного окатоличивания – Чехия и Польша являются печальным подтверждением пророчества равноапостольных братьев.

Первый храм в Праге был построен по благословию свт. Мефодия, епископа Моравского, но еще при жизни славянских просветителей латиняне стали яростно бороться с их духовным наследием. Запущенная духовная патология папистов возвращает нас к ветхозаветным временам, когда таковых обличал Сам Христос: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геены, вдвое худшим вас» (Мф. 23, 15).

Службы в Чехии стали совершаться на латыни, знать онемечилась, но в народном сознании осталась эта неутоленная жажда по чистоте и святости истинной веры, заложенная православными проповедниками, и эта подсознательная тяга вылилась в стихийное движение за возвращение к истокам христианства – в проповедь Яна Гуса. В конце XV начале XVI веков более 80 % чехов были гуситами, и страна вышла из повиновения римскому папе. Если бы не было падения Константинополя, захваченного турками, то вся Чехия была бы православной, но с падением империи уже невозможно было посылать епископов, рукополагать священников. В итоге гуситы под воздействием германизированной элиты приняли западную немецкую реформацию. Оказавшихся без вождя чешских овец прибрали к рукам иудействующие еретики, которыми была наводнена Европа.

Чехов вообще сделали крайними зачинщиками во всей протестантской эпопее, хотя в отличие от Лютера или Кальвина Ян Гус стоял на христианских позициях. Он мог бы при содействии должной поддержки со стороны православных государств обратить свой народ в Православие, потому его и подставили, и казнили... Протестантских же проповедников, наоборот, их высокопоставленные иудействующие покровители оберегали от папской инквизиции и спонсировали издание их «творений».

Чехии не могли оказать поддержку православные государства; все они на тот момент: греки, болгары, сербы, грузины – сами страдали от умело направляемых на них му-

сульманских нашествий. Ведь никого из католиков турки не покорили – уже одно это наводит тень сомнения на чистоту папских помыслов. При всем различии средств и тактики, иудеи, мусульмане, католики и протестанты стратегически действовали опять-таки заодно – на разрушение православных государств. Римским первосвященникам, как и встарь, нужны были только деньги, власть, слава и рабы...

«Весьма вероятно, что враждебное отношение к христианской Церкви, так ярко проявившееся еще в учении Виклефа, имело одним из своих источников идеи, распространявшиеся в современном ему обществе тайными последователями тамплиерской ереси.

Возникновение гуситства, или, по крайней мере, превращение его после смерти Гуса в противоцерковную и противогосударственную ересь, а также успех и широкое распространение гуситства сперва через секту таборитов, а затем через секту чешских братьев, объясняется присутствием в Западной Европе «необозримой цепи» тайных организаций, имевших «манихейский круг представлений».

Секта чешских братьев в эпоху, предшествовавшую Реформации, поддерживала деятельные сношения с родственными ей по духу жидовствующими тайными организациями Западной Европы и наряду с ними занималась широкой революционной и противоцерковной пропагандой далеко за пределами Богемии.

За спиной фанатиков, объединявших вокруг себя банды бунтовщиков, стоял обыкновенно какой-нибудь странствующий Бегард, Вальденс или «божий друг». Крестьянские восстания, беспрестанно вспыхивавшие то тут, то там, привлекавшие десятки тысяч простого люда, заливавшие кровью всю Германию, подавлялись с беспощадной суровостью; но анархия, начавшаяся в Германии с половины XV века, все разрасталась, разносимая бродившими по стране, под видом коробейников, ремесленников, музыкантов, разными жидовствующими еретиками.

Так называемая Великая крестьянская война (1525–1526 г.), окончившаяся поражением бунтовщиков, совпадает в выступлением на сцену секты анабаптистов, участие которой в революционном движении придает ему чисто еретический характер. Секта эта появилась в Германии около

1520 г., затем очень быстро проникла в Швейцарию, Францию и Нидерланды. Они не только отвергали все законы, порядки и учреждения, но учили, что именно анабаптистам предназначено свыше разрушить существовавшую церковь и государства и на их развалинах основать свое господство над миром. Духовные вожди этих сект, неоплатоники и мистики XIV века Николай Базельский, Экгард Иоганн Рюнсбрек и другие в своих мудрствованиях опирались все на тоже древнее манихейство» [24].

Гуманизм не только подготовил почву для реформации, но само возникновение и осуществление этого великого раскола в религиозной жизни западноевропейских народов произошло при деятельном участии выдающихся германских гуманистов, вдохновителями которых в данном случае были иудеи.

«Успокойтесь, – пишет Лютер доминиканцу Тецелю, – дело начато не мной, чадо это (реформация) имеет совсем другого родителя». Действительно, Лютер был не инициатором реформации, а орудием тайной организации, враждебной Церкви. «Иудей дает гуманистам страшное орудие против католичества, знакомя их с веками накопленной мудростью раввинов в толковании Библии. Протестантство, а затем рационализм с успехом пользуются этим орудием... Меланхтон и Лютер свергли иго римской теократии и тиранию догматов с помощью иудейской экзегетики, которую передал христианскому миру Николай Лира».

Флавиан Бренье говорит, что достаточно прочесть переписку главнейших германских гуманистов, конца XV и начала XVI века, чтобы убедиться в существовании такого заговора против Церкви по крайней мере за 20 лет до выступления Лютера. Этот заговор германских гуманистов накануне реформации имеет много общего с заговором французских энциклопедистов во главе с Вольтером накануне великой французской революции. Подобно французским энциклопедистам XVIII века, германские еще задолго до выступления Лютера начинают деятельно распространять литературу, направленную против церкви, государства и нравственности.

Так, сочинение «Письма темных людей» было сообще написано Ульрихом фон-Гуттем и Рубианом, друзьями Лю-

тера и выдающимися деятелями реформации. (*Ульрих фон Гуттен в 1517 году «обнаружил» трактат Лоренцо Вальды (в котором тот выявляет подложность Лжеисидоровых декреталий) в архиве г. Болоньи, перевел его с латыни на немецкий и передал в распоряжение лютеран. Он, по образному выражению одного из исследователей, вложил в руки Мартина Лютера этот трактат, как дубину, которой тот и начал сокрушать своих противников. Как четко сработано: сперва иудеи помогают составить подложный документ для базового основания папизма, а потом, спустя более 700 лет выбивают почву у пап из под ног, разоблачая подделку и разрушая остатки католицизма*).

Интересна в этом отношении история крещеного иудея Иосифа Пфефферкорна. Он, крестившись по убеждению, а не лицемерно (как большинство из них), издал в 1509 г. труд, в котором обличал враждебное христианам учение талмуда, призывая духовную и светскую власти к спасению христианского мира от распространения иудейских учений и идей. Гуманисты выставили его на посмешище, в травле Иосифа особо усердствовал бывший антисемит Рейхлин. Пфефферкорн напрасно призывал светских и духовных властей быть бдительными и остановить дерзкую антихристианскую проповедь – европейские государства уже давно жили по сценарию тайных режиссеров.

Группой германских гуманистов был составлен план религиозного переворота. Особое влияние на Лютера было оказано племянником гуманиста Рейхлина Меланхтоном. Это был человек большой учености, к тому же знаток еврейского языка. Учение Лютера в его первоначальном виде представляло собой полное извращение христианства, его даже вообще нельзя было назвать религией, оно могло привести только к политической, социальной и нравственной анархии. «Все протестантские деноминации и секты выступали под знаменем иконоборчества. Они по сути дела повторяли аргументы византийских иконоборцев, только в более примитивной и вульгарной форме. Где игнорируется догматическое содержание религии, там начинается богоискательство и богостроительство; где отсутствует твердый образ как средство выражения, там начинается религиозная фантастика, например, талмуд или протестантский пиетизм» [15 с. 25].

В учении Лютера о спасении через веру независимо от дел не было ничего нового – у древних гностиков на место веры было поставлено «знание» (гнозис), дававшее свободу от всяких моральных принципов. Это сходство с каббалистическими ересями выражено у Лютера и в отрицании всех авторитетов, кроме Св. Писания, которое каждому предоставляется толковать по собственному разумению, в почитании Христа только как Искупителя, но отнюдь не Законодателя, с вытекающей отсюда свободой от всякого нравственного закона. Вслед за Лютером появляются новые проповедники, из которых каждый, согласно своему разумению, создает собственную веру и собственного Христа. Это приводит к возникновению разнообразных сект.

Религиозная и политическая сумятица, вызванная реформацией, споры о вопросах веры, борьба с многочисленными сектами, кровопролитные религиозные войны отвлекают внимание христианского мира от иудеев. Протестантство было «торжеством иудейского духа, а большая часть протестантских сект – наполовину иудейскими», что создало благоприятные условия для дальнейшей разрушительной деятельности иудеев.

ИЕЗУИТЫ – ЭВИОНИТЫ (ИУДЕОХРИСТИАНЕ?)

Латинство породило такие с виду противоположные явления как протестантизм и иезуитизм. По официальной версии орден был создан для борьбы Римской церкви с протестантством, но в итоге стал на передовой по искоренению Православия. Вся война иезуитов против реформации закончилась тем, что они поделили с протестантами между собой сферы влияния в Европе на договорной основе. За неимением других врагов у римского престола, иезуиты практически сразу переключились на православных, а заодно «просвещали» миссионерством азиатских язычников вкупе с американскими индейцами.

«История человечества знает много чёрных страниц. И всё же в многовековой летописи насилий и злодеяний едва ли можно отыскать пример деятельности, которая была бы такой гнусной, такой вредоносной, как деятельность иезу-

итов. Начав служить католической церкви, иезуиты кончили прислуживанием американскому разбойничьему империализму» [33].

«Орден иезуитов был основан в 1534 году Игнатием (Иниго) Лойолой, который имел, как и три первых генерала ордена, еврейское происхождение» [34 с. 96–100]. Оставшись после тяжелого ранения хромым, бывший офицер Лойола направил свою нерастрченную энергию в религиозное русло. Он отправился в Иерусалим по стопам крестоносцев, якобы для миссионерской работы по обращению мусульман в христианство. Видимо, повстречавшись с потомками тамплиеров, он задался целью (или был специально уполномочен) организовать подобное братство, но с учетом прежних ошибок. Так или иначе, тестирование в Иерусалиме у нужных людей он прошел, ему сказали, что мусульмане подождают, есть более конкретные враги у папского престола, и, чтобы с ними бороться, нужно получить образование. Возвратившись на родину, Игнатий отучился в Барселоне, Саламанке, а затем в Париже, где слушал лекции в Сорбонне.

В кратчайшие сроки Игнатий сумел организовать из нескольких единомышленников общество, послужившее зародышем будущего ордена. Вот только некоторые бросающиеся в глаза аналогии: орден тамплиеров в честь храма Господня – орден иезуитов в честь имени Господня, Иерусалим – как отправная точка развития, организация, созданная для борьбы с мусульманством на поверку оказывается организацией для борьбы с Православием... Кроме того – показная защита бедных и обездоленных, тайное закрытое для посторонних братство, сугубо разработанный устав и особое покровительство папского престола также сближают тамплиеров с иезуитами. А может, последние, как и тамплиеры стали и последователями масонства и проводниками его дальнейшего внедрения в католичество и его окончательной иудаизации? Все начиналось, как и «филиокве», опять-таки с Испании (вспомним, что некогда в Кордове иудеи преподавали католическим прелатам богословие). «Испания дала св. Доминика, зажегшего костры инквизиции, она дала Лойолу, создавшего воинственный орден иезуитов, вернейших из верных слуг католической церкви» [35 с. 35].

Лойола и его товарищи в церкви дали обет нищеты и целомудрия и поклялись посвятить себя попечению о христианах в Иерусалиме и обращению неверных. Но под неверными понимались вовсе не мусульмане – с ними иезуиты как-раз таки находили общий язык, подкупая в нужных случаях султанов и визирей. Как отмечали церковные историки «миссионеры католические не заботятся обращать в христианскую веру природных турок, а стараются совращать с истинного пути православных греков и болгар, употребляя для сего всякие небогоугодные средства и ухищрения».

В 1539 они прибыли в Рим, где сразу обрели благоволение папы и массу сочувствующих. Так как члены общества предназначали себя на борьбу с царством сатаны, то они, в качестве воинства Христова, присвоили себе название Общества Иисуса или ордена иезуитов. «Папа Павел III (1534–1549), которому Игнатий представил свой проект, сразу понял, какую опору мог оказать ему «воинствующий орден». Всеобщая разруха церковных устоев по всему Западу требовала немедленного противодействия со стороны Рима. Итак, 27 сентября 1540 г. папа утвердил новый орден, а в 1541 г. Игнатий сделался первым «генералом» своих шестидесяти воинов-монахов. *(То, что Игнатий Лойола имел звание Верховного генерала, говорит о том, что перед нами не монах-проповедник: ведь Игнатий предполагал быть миссионером и заниматься апостольской деятельностью, а монах-воин. Члены братства имели право носить светскую одежду, а не монашеские одеяния. Иезуиты не только священники, они купцы, юристы, редакторы, люди любой профессии, без какого-либо внешнего знака отличия, с помощью которого они могут быть признаны. Они образованные люди, подготовленные и связанные клятвой – готовы начать действовать в любое время и в любом направлении, и для любой службы, под командованием генерала своего ордена. Они не связаны ни семьей, ни общиной, ни страной, как обычно бывают связаны люди.)*

Иезуитский устав-конституция обязывает монахов, кроме обычных трех обетов: бедности, целомудрия и послушания, произносить еще четвертый: непрестанного служения папе. Габриель Моно писал: «Общество Иисуса связало

свою судьбу с папством, желая одновременно ему повиноваться, его защищать и его направлять».

Иезуиты снабжаются для своего служения солидным обучением: они должны быть в курсе современной науки, политики, литературы, языков и т.д. Находясь на передовых позициях Римской церкви, будучи ее разведчиками и защитниками одновременно, иезуиты должны знать, что их задача – побеждать врагов Рима, а враги – это все, отрицающие папский авторитет. Кроме того, врагами считаются и те, кто в прежние века оспаривали папский принцип. Поэтому ученые ордена прилагали все усилия, чтобы «исправить церковную историю» путем сокращений и просто уничтожения документов, бросающих тень на папство и его непогрешимость. Даже постановления соборов, затрагивающие авторитет папы, как, например, Констанцского, подверглись их усердным, хотя и запоздалым, поправкам. В настоящем очерке не поместился бы даже кратчайший перечень инициатив, предпринятых иезуитами в этой области, дабы затушевать некоторые наиболее скандальные страницы папской истории (например, царствование Александра Борджиа). В Богемии, желая искоренить окончательно память о древних православных традициях чехов, иезуиты уничтожили все старинные памятники письменности.

Для защиты ложных учений, привившихся в Римской церкви, иезуиты выработали особую систему диалектики, искусно перемешивающую ложь с истиной. Это так называемая «казуистика», справедливо названная православными писателями языческой, которая оправдывает всякое злодеяние, если оно служит на благо Римской церкви. Орденский девиз: «К наибольшей славе Бога!» противостоит естественно совмещается с принципом: «Цель оправдывает средства». Сам Игнатий писал: «Если начальник прикажет, то иезуит, во имя Христа, или как послушание, может совершать даже смертный грех». Иезуитский богослов о. Бусенхаук не менее ясно формулировал это: «Если цель дозволена, то и средства дозволены» (17 стр. 129–131).

В соответствии с этим принципом было приемлемо все, в зависимости от потребностей и ситуации: управление людьми путем конфессиональных злоупотреблений, убийства

королей, шпионаж, воспитание детей в иезуитском духе, массовые казни, зверства инквизиции и вооруженное насилие. С той же моральной установкой и отсутствием угрызений совести, орден начал совершать выгодные финансовые сделки. Под видом миссионерской деятельности иезуиты колонизировали заморские территории. Темные махинации иезуитов на экономическом и политическом поле сразу вызвали жесткую критику даже в тех странах, где католицизм был государственной религией.

Иезуиты прибегали еще к т.н. «мысленной оговорке», на основании которой разрешалось давать ложные клятвы и обещания, при этом нужно было лишь держать в уме ограничение или отрицание клятвы или обещания. «Приемы эти поражают своим сходством с учением талмуда, разрешающего евреям безнаказанно обманывать неверных и нечистых гоев, т.е. неиудеев. Иудео-языческие методы отцов заслужили им, даже на Западе, репутацию ловких обманщиков, как это доказывает привившийся в Европе глагол «иезуитничать». В какой-то мере орден ответственен и за общее понижение нравственности европейских народов» [17 с. 141].

Создавая больницы и приюты, иезуиты приобретали расположение низших классов. Иезуитские колледжи, в которых обучались дети из богатых семей, были созданы по всей Европе. Учреждая школы и коллегии, иезуиты прибирали к своим рукам образование и воспитывали подрастающее поколение в своем духе. Посредством крайне снисходительной исповеди, они привлекали к себе народ и покоряли совесть кающихся, после чего управляли ими по своему усмотрению. Дворы католических королей и князей, у которых иезуиты старались занять места духовников и даже советников, были главным поприщем их деятельности со всеми интригами и происками.

«Орден иезуитов стал воинствующим католическим тайным обществом, с секретными ритуалами, символикой и степенями посвящения» [34 с. 53–54]. Четвертый, высший, класс составляли профессы, которые давали главный обет – безусловного повиновения папе. В этот класс из третьего выбирались только особо отличившиеся способностями, знаниями, верностью и опытом. *(Известный сатанист Адам Вайсхаупт был воспитанником в иезуитском монастыре,*

и успел получить высшую степень професса и каноника.) Профессам поручали все важнейшие должности по ордену, разнообразные миссии и посольства. Во главе ордена стоял его генерал (*так называемый «черный папа»*), избираемый пожизненно профессами из своей среды. Он пользовался неограниченной властью в управлении орденом, и все члены ордена были обязаны ему безусловным повиновением. Сам генерал кроме папы ни от кого не был зависим. Члены ордена и их учреждения, где бы они ни находились, не подчинялись никаким другим духовным властям.

Таким образом, орден во главе с генералом, пребывавшим в Риме, представлял собой особую церковь в церкви. Орден, по мере его распространения в разных странах, разделялся на провинции, во главе которых стояли назначенные генералом профессы со званием провинциалов. В ордене от генерала до последнего слуги все было организовано в строжайшем порядке подчиненности низших членов высшим. Этот порядок поддерживался системой шпионства одних членов ордена за другими. Провинциалы в известные сроки доносили генералу о положении дел. Об их же действиях тайно доносили состоявшие при них ассистенты. Генерал, имея все данные в своем распоряжении и никому не давая отчета, распоряжался всем и всеми. Он карал, миловал, назначал на должности и отрешал. Сам генерал тоже находился под надзором ордена. При нем неотступно были четыре ассистента и один адмонитор (духовник) из профессов, которые также избирались профессами. Первоначальным назначением их было только наблюдать, чтобы генералы не уклонялись от целей и задач ордена. В случае необходимости, ассистенты имели право созвать конгрегацию профессов для суда над ним (чего, однако, за все время существования ордена не было), но затем они сделались просто министрами всемогущего генерала ордена. *(Все это очень напоминает структуру органов ВЧК-НКВД, основание которой заложил воспитанный на иезуитских принципах Вильнюсской гимназии поляк Ф.Э. Дзержинский.)*

«Общество Иисуса» стремительно вошло в политику и быстро распространилось по всему миру. На рубеже 16-го века появилась первая обеспокоенность тем, что воинствующий религиозный орден присутствует во всех като-

лических странах, крупных деловых финансовых сферах и имеет реальное политическое влияние в Индии (с 1542), Японии (с 1549), Китае (с 1563), Филиппинах (с 1594) и ряде других стран. *(В те же годы иезуиты повадились наведываться на Русь и в Константинополь. Иоанн Грозный дал им от ворот поворот, и до Смутного времени они не могли развернуть своей деятельности, а вот в захваченном турками Константинополе иезуиты обосновались всерьез и надолго.)*

В начале XVII века иезуиты появились и на американском континенте: во Флориде, Мексике, Парагвае, Перу и Бразилии. «Не вдаваясь в подробности, следует заметить, что отцы иезуиты, присутствуя при покорении и бесчеловечном уничтожении индейских племен белыми, в большинстве случаев не оправдывали своей миссии Христовых воинов, прибегая к самым грубым и неблагоприятным способам прозелитизма. В Парагвае, например, находящемся всецело в руках иезуитских миссионеров, где непокорных индейцев засыпали заживо землей, был введен монастырский порядок во всей стране и жители принуждались подчиняться иезуитскому уставу. В силу этого и произошли там настоящие бунты, вызвавшие изгнание ордена королем.

Франциск-Ксавер – друг и соратник Игнатия Лойолы – посвятил себя миссионерской деятельности в Индии. Некоторые иезуиты отправились в неведомый Китай. Там они прибегли к весьма любопытной и доселе неслыханной тактике прозелитизма: отцы прикинулись чрезвычайно заинтересованными доктринами философов Конфуция и Лао-Цзы и изучили их досконально, наряду с китайским языком. Затем они объявили, что готовы сами принять китайскую религию, стали носить одежду жрецов и совершать службы. Однако, преклоняясь перед идолами, иезуиты незаметно для посторонних рисовали на полу крестик... Благодаря этой уловке, этим псевдоконфуцианцам правительство разрешило остаться в стране, и отцы составили даже китайский катехизис, приводящий все языческие верования, но с прибавлением к ним папы. Окончательно обманув мандаринов, иезуиты положили, таким образом, основы миссионерской деятельности и им удалось обратить кое-кого в латинскую веру... Но их миссии удержались недолгое время.

Особенно отличался своим искусством на этом поприще иезуит Матфей Риччи (1552–1610), префект Римского колледжа Общества Иисуса. Он убеждал китайцев, что доктрина Конфуция во многом сходится с христианством и заимствовал у язычников их обряды приседаний пред идолами, каждение и т.д. Ученые-конфуцианцы сочли его достойным принадлежать к их касте и даровали ему прозвище «Ли Матеу» [17 с. 132].

Во второй половине XVI века иезуиты успели в одних германских владениях остановить дальнейшее распространение протестантства, а в некоторых даже восстановить католичество. Особенно ярко проявилась их деятельность в Литве и частично в Польше. Иезуитские школы воспитывали горячих ревнителей католичества. Оно не только победило протестантизм, но сделало из Польши свою прочную опору на все последовавшие века. С самого момента своего возникновения иезуиты проявляли особый интерес и к Православной Руси.

Одолов протестантов, иезуиты начали борьбу против Православия. Их ученик, польский король Сигизмунд III, был душой Брестской унии и пытался в Смутное время начала XVII века насадить католичество в России. Там, где нельзя было обойтись обыкновенными средствами, иезуиты применяли силу оружия. Особенной настойчивостью отличался папа Григорий XIII (1572–1585). Нелишним будет напомнить, что отпадение римской церкви от Православия произошло в XI веке также благодаря папе Григорию. Выбирая себе имя при поставлении на папство, римские первосвященники проводят аналогию с тезками-предшественниками, кто какую вел политику, поэтому Григорианские реформы не случайны.

«В нравственные правила папы Григория XIII входило «насилие во имя добра». Это был тот период, когда католичество вело ожесточенную борьбу с протестантизмом, переходя от защиты к контрнаступлению. Григорий XIII начал свое правление с организации Варфоломеевской ночи, так как считал гугенотов врагами Бога, подлежащими уничтожению. Он *(без тени сомнения)* принял голову вождя гугенотов как символ победы католицизма и приказал выбить по этому случаю медаль, как император после блистательной

победы. *(Вспомним, что это сатанинский ритуальный обряд, не раз повторяемый в мировой истории различными агрессорами и поработителями, но никак не христианскими епископами. Впрочем, папы сами утверждают, что они, в первую очередь, верховные жрецы...)* Григорий XIII отлучил от церкви английскую королеву Елизавету, чтобы снять с ее подданных присягу верности. Он помогал Филиппу Испанскому потопить в крови восстание в Нидерландах, боясь, что власть перейдет к протестантам. Он засылал иезуитов в протестантские страны – Англию и Нидерланды – под видом учителей и воспитателей. Он заложил основы унии на Западной Украине через привлечение православных в католические семинарии, которыми руководили иезуиты. При этом в тайных циркулярах запрещалось поощрять переход православных в католичество – более выгодным считалось иметь сторонников католичества среди самих православных, так шла подготовка к унии.

Правление папы Григория XIII ознаменовалось и введением григорианского календаря (вместо юлианского). «Самое деятельное участие в работе над григорианским календарем принимал орден иезуитов. Комиссию возглавлял иезуит Христов Клавдий. Работы были окончены в 1582 году. По этому случаю в Риме изготовили медаль с изображением папы Григория и надписью «Григорий – лучший из верховных жрецов». Но календарь вызвал бурную полемику внутри самого католического мира. Ведущие ученые XVI века, в частности Виет, которого называют отцом современной алгебры, утверждали, что григорианский календарь астрономически не обоснован. К числу противников нового календаря принадлежал знаменитый Скалигер – основоположник научной хронологии. Многие выдающиеся астрономы выступали против реформы или предлагали взамен свои системы. Чтобы прекратить опасные споры, папа Григорий издал указ, в котором угрожал церковным отлучением тем, кто откажется принять новый календарь. *(Не вся Западная Европа покорилась. В Англии решили, что это очередная папистская провокация, и англичане ввели его лишь в XVIII веке.)*

«Римская церковь была канонически оторвана, а теперь и мистически отключена от Церкви Вселенской. В новом ка-

лендаре солнечно-планетарная система выделена и исключена из космоса. Римская церковь, ориентируясь на мирскую цивилизацию и культуру, эволюционировала и менялась. В григорианском календаре истинный год, космическое время подменено меняющимся земным временем, зависящим от движения точек равноденствия и от ускорения этого движения. Для церкви-государства нужен земной календарь. Уже на Базельском соборе вопрос об изменении календарной системы поднял Николай, епископ Кузанский, предшественник Джордано Бруно, который самой католической церковью не без основания подозревался в пантеизме.

От симфонии юлианского календаря в григорианском остались только два цикла: день и год, остальные созвучия были разрушены. Многим людям кажется, что чередование простых и високосных годов сохранилось, но это не так. Из четырех столетий выпали три високосных года. Пульс календаря стал аритмичен. Юлианский календарь в отношении астрономической масштабности и библейского осмысления времени стоит неизмеримо выше григорианского. Следует сказать, что григорианский календарь изначально был воспринят Православной Церковью вовсе не как научное достижение, а как культовый папистский календарь, как новое средство агрессии для проникновения папизма в государственные и церковные структуры. Он был осужден в 1583 году на Константинопольском Соборе, где присутствовали все восточные патриархи. Употребление его в Православной Церкви было запрещено навсегда. Неоднократно повторялось это решение и на последующих Соборах. Поэтому те, кто сегодня выступает за принятие григорианского календаря, выступают, по сути, против самой Церкви, против ее постановлений» [1 с. 135].

«Разница между юлианским календарным и тропическим годами – одни сутки в 128 лет – ко времени введения григорианского календаря составляла около 11 суток. В новом календаре это время было аннулировано. Современные критики юлианского календаря говорят о неточности календаря как о его ошибке или несовершенстве. Однако они упускают тот очевидный факт, что ошибка не может создать гармонию, что из несовершенства не может произойти целый ряд временных циклов, составляющих необычайную

по красоте среди других календарей картину времени. Время – неуловимая субстанция, время – тайна, и как тайна оно может быть выражено и зафиксировано через символы. Юлианский календарь – это иконографическое выражение времени, это священная икона времени» [1 с. 151].

«В 1792 году Франция была объявлена республикой. Победила революция, но требовались еще другие реформы, чтобы создать «нового человека», порвавшего со своим прошлым. Одной из них явилась реформа календарная. Ее осуществил революционер и астроном Ромм, впоследствии окончивший жизнь самоубийством. В революционном календаре семидневная (библейская) неделя была заменена десятидневной декадой. Началом эры было объявлено не Рождество Христово, а провозглашение Французской Республики. Календарь был лишен законченности и гармонии; в каждом году оставалось несколько дней, которые не входили в число месяцев. Они были объявлены праздничными днями и получили имена, напоминающие о революции. Это мертворожденное дитя просуществовало десять лет. Так же и в России – к числу первых декретов Ленина относится принятие григорианского календаря, так называемого «нового стиля». С 1923 по 1940 год предпринимались неоднократные попытки замены семидневной недели на пятидневную и шестидневную. В 1921 году революция победила в Турции. В Церкви подняло голову движение, которое принято называть обновленчеством. Наряду с этим был поставлен вопрос о новом календарном стиле. Новое время революций и потрясений, расшатавшее церковные традиции, не укладывалось в рамки календаря, который закреплял и оберегал эти традиции. Да, именно так: обычно календарная реформа происходит при насильственной ломке народного сознания» [1 с. 160–161].

С целью пропаганды тот же папа Григорий, специально для греческих юношей, создал в 1577 г. в Риме коллегий, а в 1581 г. открыл при нем церковь во имя святителя Афанасия для совершения богослужений на греческом языке. Коллегий имел большие средства, поэтому обучение и содержание его воспитанников было бесплатное. От них не требовалось принятие латинства, им предоставлялась свобода веры, но все воспитание велось в католическом духе.

Часто из-за этого, греческие юноши оставались православными только по имени, а некоторые открыто становились униатами или католиками. По возвращении на родину они пропагандировали латинство.

Из патриархов, боровшихся с иезуитской деятельностью, особенно замечательны константинопольский Иеремия II и Александрийский Мелетий Пигас. В двадцатых годах XVII века ревностным борцом против иезуитов выступил знаменитый патриарх Кирилл Лукарис, еще по западной Руси знавший происки иезуитов. Он стал рассылать пастырские послания, в которых разоблачал латинян и призывал не иметь с ними общения. Озлобленным иезуитам удалось дважды с помощью больших денег подкупить визиря и добиться низложения Кирилла (1623 г.), а затем его ссылки и казни. Такой же участи, по интригам иезуитов, подверглись патриархи Парфений I, брошенный в море, и Парфений III – удушенный.

Орден иезуитов к XVIII столетию достиг наибольшего развития. Он распространился по всему свету и везде прибрал к своим рукам воспитание юношества и исповедь. Вместе с тем он приобрел громадные богатства, источником которых служили частью пожертвования, которые иезуиты умели искусно привлекать, частью обширные коммерческие предприятия ордена в Европе и других частях света. Главная цель их деятельности теперь заключалась не в обращении еретиков, а в господстве над всеми христианскими обществами. Своими интригами они опутывали все, начиная с высших придворных сфер, откуда они стремились руководить управлением государствами и политикой.

В период с 1616 по 1749 количество членов ордена выросло с 13 112 до 22 589 000. Несмотря на успешную миссионерскую деятельность иезуитов, папа Климент XIV был вынужден под давлением общественности и оппозиции со стороны монархов Испании, Португалии и Франции упразднить орден в 1773 году. Только в России иезуиты нашли прибежище при Екатерине II (*снискав ее расположение показным подчинением и лояльностью к императрице в присоединенной к России Польше*). О деятельности этого папского спецподразделения в России будет сказано в своем месте.

Но мораль папства имеет двойное дно. Когда после Французской революции начался период восстановления политической реакции, орден иезуитов в качестве инструмента понадобился снова. И спустя сорок лет, 7 августа 1814 года папа Пий VII восстановил орден, существующий до сего дня.

На совести этого иудаизированного ордена не только реформы католической церкви, начиная с Тридентского собора, но и слияние с масонскими организациями. «В Ватикан многие годы внедрялись иллюминаты. Пьер Комптон в своей книге «Сломанный Крест» прослеживает внедрение иллюминатов в католическую церковь. Он обнаружил использование знака «всевидящего ока в треугольнике» лидерами католиков и иезуитов. Символ присутствовал на печати Филадельфийского Евхаристического Конгресса в 1976 году. Этот же символ присутствовал и на штампах Ватикана предназначенных для издания, датированного 1978 годом, объявляющего окончательную победу иллюминатов в мире. Мистер Комптон заявил, что этот знак был на кресте папы Иоанна VIII. Комптон тверд во мнении, что несколько сотен ведущих католических священников, кардиналов являются членами тайных обществ. Он цитирует статью в *Italian Journal*, в которой приводится список более семидесяти деятелей Ватикана, включая личного секретаря папы Павла VI, генерального директора «Радио Ватикан», евросвященника Флоренции, помощника редактора Ватиканской газеты, нескольких священников и аббатов ордена святого Бенедикта. Это только те, кто известны в Италии.

Широко распространено мнение, что нынешний Папа Иоанн Павел II – член иллюминатов. Лучшим показателем внедрения иллюминатов в Ватикан является то, что 27 ноября 1983 года папа отменил все папские указы против вольномасонов и разрешил католикам, спустя несколько сотен лет запрета, становиться членами тайных обществ без страха отлучения. Как указывает другой исследователь масонства Й. В. Хельзинг: «То, что сегодняшней папа знаком с секретным языком вольных каменщиков, не только «очевидно» доказывается «рукопожатием вольных каменщиков» (специальное рукопожатие, посредством которого посвященные опознают друг друга), но также и его речью

в одной из генеральных аудиенций 15 сентября 1982 г. Во время нее он говорил о смерти ливанского президента Джемейля, об Иерусалиме как о городе Бога (месте, где проповедовал, принял смерть и воскрес Иисус Христос), и сказал буквально следующее: «Иерусалим может также стать «городом человека». «Город человека» – одно из ключевых определений иллюминатов относительно всемирной диктатуры. 18 апреля 1983 года папа принял полный состав «Трехсторонней комиссии», приблизительно 200 человек на открытой аудиенции. Данная тайная организация была основана в июне 1973 Дэвидом Рокфеллером и Збигневом Бжезинским, по той причине, что такие структурированные организации, как, например, ООН, оказалось, работали слишком медленно над установлением «Мирового правительства». Эта элитарная организация поставила перед собой задачу объединить воедино все основные силы экономических и промышленных гигантов, так называемых трехсторонних наций – Соединенных Штатов, Японии и Западной Европы - для форсирования окончательного установления «нового мирового порядка» [34 с. 53–54].

И сегодня Ватикан замешан во всех бедствиях человеческого общества. Легион бесов не дает покоя западу, как гадаринскому бесноватому, а гонит его неотступно в наступление на Православие, желая, если не одолеть духовно, то хотя бы физически уничтожить его носителей. Мир уже у последней черты. И выбор сегодня у каждого в отдельности и народа в целом один – быть с Богом или не быть человечеству. Получается, что или мы выбираем Бога и служим Ему чрез святое Православие, или признаем новый мировой порядок с извращенной иезуитами-папистами религией, прямо подводящей к отцу лжи и воцарению антихриста.

МАСОНСТВО

С самого начала христианской эры существовали тайные общества, секты, ереси, объединенные общей идеей достижения мирового господства. Деятельность этих тайных обществ заключалось в напряженной и не прекращающейся борьбе против Бога и монархических государств. «Иудаизация хри-

стианства и расшатывание христианских монархий Западной Европы создали благоприятную почву для существования тайных обществ и религиозных сект иудейско-талмудического толка. Организации, которые ранее существовали тайно, начинают расширять сферу своего влияния. Потерявший истинную веру европейский человек становится легкой добычей иудеев, сатанистов и сектантов.

Умственная и нравственная анархия, возникшая в Европе на почве Реформации, создала благоприятные условия для того чрезвычайного размножения тайных союзов неоплатоников и натурфилософов, которое наблюдается именно в XVII веке. Тамплиеры, после разгрома их ордена в 1314 г., основали во Франции тайный орден розенкрейцеров, распространившийся в XV веке в Богемии и Германии. «Христианское братство», в котором «членам братства, в качестве отличительного знака, присваивалась эмблема страдания в любви – роза с крестом внутри», существовало и под названием «божиих друзей». Так называлась махейская секта, имевшая широкое распространение во всей Европе в эпоху, предшествовавшую Реформации. Преобразователями ремесленного союза каменщиков в тайное философское общество франкмасонов были именно члены ордена розенкрейцеров.

И союз чешских братьев, и еретические тайные академии Италии и Германии были ветвями одного дерева, корни которого следует искать в иудейской каббале. Общие черты этих союзов – то, что они «скрывали от посторонних всю свою символику, имена членов, свою организацию и цели, придавая им официально невинный и национальный характер». Многие члены тайных германских академий состояли одновременно членами таких же сообществ Италии, Англии и других стран, что указывает на их космополитическую направленность.

У средневековых каменотесов существовали такие обряды, предания и символы, иудейское происхождение которых не подлежит сомнению. Так, в строительных союзах Франции, имевших «тайный устав и мистические обряды», было в большом ходу предание о Хираме, строителе Соломонова храма. В английских союзах каменщиков при приеме нового члена, он должен был произнести установленную

ритуалом фразу, которая начиналась словами: «Я был посвящен в каменщики, Воаза и Иахима я видел...». Именами «Воаз» и «Иахим» обозначались, как известно, два столба, приставленные к притвору Соломонова храма. Появление этих имен в обрядах строительных союзов тем более странно, что католическая церковь запрещала мирянам чтение Библии. Но гораздо больше значения имеет враждебное отношение к христианству, существовавшее среди отдельных членов цеха каменщиков, которое нашло себе выражение во многих памятниках строительного искусства» [24].

«Так, в церкви св. Зебальда в Нюрнберге изображены были монах и монахиня в неприличной позе. В Страсбурге в верхней галерее собора против кафедры изображены были свинья и козел, которые несли, как святыню, спящую лисицу; за свиньей шла собака, а впереди шествия – медведь с крестом и волк с горящей свечой... В доберанской церкви в Менленбурге до сих пор еще сохранилось следующее запрестольное изображение: на первом плане три священника вертят мельницу, в которой мелется догматика, сверху над ними Пресвятая Дева с младенцем Иисусом, на чреве ее пылающая звезда (один из символов масонства), внизу – Тайная Вечера, на которой изображены апостолы в известной всем масонам позе. В бранденбургской церкви лисица в священнической одежде проповедует стаду гусей...

В этих кощунственных изображениях, которыми прокрававшиеся в строительные союзы враги христианства осмелились осквернить высокопрекрасные произведения искусства, масонские писатели усматривают не стремление унижить Церковь, не поругание святыни, не издевательство над верованиями и догматами христиан, а «суровую критику злоупотреблений и невежества тогдашнего духовенства...» [1].

Именно тамплиеры были либо архитекторами-проектировщиками, либо строителями, либо спонсорами при возведении католических храмов. Менее чем за сто лет они построили 80 соборов и 70 храмов поменьше. Отсюда и эти готические шпили-пики вместо куполов, словно стрелы, нацеленные ввысь, бросающие вызов небу.

Во Франции государственная власть строго следила за строительными союзами и не раз упраздняла их. В Англии,

несмотря на то, что между великими мастерами насчитывалось много покровителей из высшего духовенства и королевского дома, уже с 1360 года запрещаются строительным союзам их конгрегации и капитулы, им нельзя издавать распоряжения, принимать присягу и проч., а в 1425 году они были поставлены вне закона и парламентским актом.

В 1561 г. английская королева Елизавета послала вооруженный отряд, чтобы разогнать собрание вольных каменщиков, происходившее в Йорке. Однако руководители союза нашли средство привлечь на свою сторону предводителей отряда, так эти последние не только не исполнили поручения королевы, но представили ей такой благоприятный доклад о деятельности каменщиков, что Елизавета с тех пор стала оказывать им особенное покровительство. Наконец, не подлежит сомнению участие вольных каменщиков в кровавой смуте, возникшей в Англии около половины XVII века, ознаменовавшейся казнью короля Карла I (1649 г.) и учреждением английской республики под управлением предателя Кромвеля.

Именно в эпоху негласного существования масонства с 1646–1717 гг. иудеям, которых король Эдуард I изгнал из Англии в 1287 году, было вновь разрешено (предателем и цареубийцей Кромвелем) селиться в этой стране. А незадолго до официального выступления масонства похититель престола Стюартов король Вильгельм III обнародовал акт о веротерпимости. Во время тридцатилетней войны Англия являлась едва ли не единственным вполне надежным убежищем для всякого рода еретиков и сектантов, нахлынувших сюда со всех концов Европы в начале XVII в.

Эти представители «истинного просвещения» успели подготовить почву, распространить свои воззрения и даже приобрести сочувствие в среде английского правительства, о чем свидетельствует известное сочинение канцлера Фрэнсиса Бэкона, написанное в 1621 г. и озаглавленное именем современного ему тайного общества – «Новая Атлантида». *(Как установлено современными учеными, «старая Атлантида» погибла в водах Всемирного потопы за разврат и богоборчество.)* В этом сочинении изложен в фантастической форме план государства, находящегося на некоем острове Бензалеме и стремящегося к владычеству над ми-

ром. Причем управляет государством тайное общество «Соломонова храма», скрывающее свое истинное назначение под видом научного союза. *(Чем не прозрачный намек на Англию, давшую приют тамплиерам и их преемникам, комитет 300 и глобальное антихристово царство?)*.

Мысль о мировом преобладании Англии при содействии тайного общества, преданного ее интересам, по-видимому, крепко засела в умах предприимчивых островитян, ибо франкмасонство с самого своего возникновения встретило в Англии сочувствие общества и покровительство монархов. Сегодня все тайные и явные враждебные государству и Церкви элементы примыкают ко всемирному союзу франкмасонов, целью которого является созидание символического храма, именуемого иудейским владычеством и воздвигаемого трудами христианских зодчих, в большинстве случаев, не ведающих ни основного плана, ни конечной цели этого мистического строительства» [24].

«Масонство – тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на основе иудаистского учения об избранном народе, в XVIII веке становится самой массовой организацией такого типа. Масонство возникло как своеобразная версия иудаизма, как новая псевдорелигия, призванная подменить традиционные христианские воззрения. Символика и обряды масонства базировались на основе иудаизма (прежде всего каббалы) и изуверских воззрениях иудаистских и сатанинских сект» [4 с. 108].

Так, в частности, они подготовили и осуществили английские революции 1649 и 1688 гг., а затем и французскую революцию 1789 года. «Во французской революции большую роль играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, в масонских ложах, клубах и секциях. «Малый народ» среди «большого народа», или «антинарод» среди этноса – он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире. Как следствие – убеждение, что все следует заимствовать извне (во Франции XVIII в. – из Англии, в России – из Франции) ... Будучи отрезан от духовной связи с народом, он смотрит на него как на материал, а на его обработку – как на техническую проблему. Это выражено в символе масонского движения – в

образе построения храма, где люди – камни, прикладываемые друг к другу по чертежам архитектора» [8 с. 136–137].

«Лондон стал центром мирового масонства, откуда это пагубное учение распространилось везде. После 1688 года сторонники сверженного английского короля Иакова II в поисках защиты прибыли во Францию, где организовали масонские ложи по примеру английских. Активную роль в заговоре против французской монархии играли иллюминаты, чей орден был организован в 1776 году в Германии Адамом Вейсгауптом. Программа деятельности иллюминатов заключалась в следующем: «Все члены этого общества, заветную цель которого составляет всемирная революция, должны незаметно и без видимой настойчивости распространять свое влияние на людей всех классов, всех национальностей и всех религий; должны воспитывать ум в одном известном направлении, но делать это надлежит в глубокой тишине и со всей возможной энергией».

В 1784 году в Вильгельмсбаде состоялся всеевропейский масонский конгресс, на котором иллюминаты играли выдающуюся роль. На конгрессе среди других решений была предпрещена смерть Людовика XVI и Густава III Шведского». (Иллюминаты и в наши дни имеют первенство в масонском мире, занимая видное место среди руководителей нового мирового порядка.) Масоны настолько искусно действовали вовне, что ни у кого не возникало никаких подозрений относительно их истинных намерений. Король и королева Мария Антуанетта, не зная внутренней сущности масонства, покровительствовали ему и брали под свою защиту от обвинений. 27 февраля 1781 года королева писала своей сестре Марии Христине: «Мне кажется, вы придаете слишком много значения масонству во Франции». Но спустя девять лет Мария Антуанетта писала 17 августа 1790 года своему брату, императору Леопольду II: «Прощайте, дорогой брат, верьте нежности вашей несчастной сестры. Главное, остерегайтесь всякого масонского сообщества. Этим путем все здешние чудовища стремятся во всех странах к достижению одной и той же цели». Общество, «существующее для развлечения и благотворения», убило 2 сентября 1792 года прин-

цессу де Ламбаль, а 16 октября 1793 – саму королеву» [36 с. 79].

Ненавистная Бастилия рухнула под ударами «восставшего народа», глазам которого представилось удивительное зрелище: семь находившихся там уголовных преступников – этих несчастных жертв «кровавого деспотизма короля». 10 августа 1792 года пала монархия, король Людовик XVI был заключен под стражу и, преданный министрами и окружением, казнен. А может быть, сам народ, соблазненный вольнодумцами, стал недостойн своего правителя?

История правления Наполеона была периодом настоящего процветания масонства, которое возвысило его как орудие пропаганды своих принципов. Масонство потом его и низвергло, когда он перестал исполнять заданную программу. Предводимая Наполеоном армия повторила крестовый поход своих предков на твердыню Православия – в XIII веке европейские варвары разграбили и осквернили святыни Константинополя, а в XIX – сердце Святой Руси – Москву. Почерк был один, что у предводимых римским папой крестоносцев, что у руководимых масонами-революционерами завоевателей. По плодам их познаете их...

Католичество же и в наши дни является проводником масонских идей. По словам современного сербского старца-подвижника: «В католической церкви каждый епископ вынужден стать масоном. Этим охвачено и Православие, особенно греческая церковь, да и в нашей сербской церкви есть масоны. Масоны готовятся к тому, чтобы подчинить весь мир власти Организации Объединенных Наций, под предводительством одного человека – антихриста, которого они хотят поставить на должность председателя ООН» [37].

В принципе, еще и до ООН, и даже до масонов, римская курия уже действовала в тесном тандеме с иудейством по захвату власти над миром и разрушению Православия. Так как после падения Византии Русское государство являлось единственной Православной Державной, удерживающей движение иудаизма к мировой диктатуре, то мировое зло обрушило все свои силы на сокрушение Православной твердыни.

ЧАСТЬ II

ТРИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

«Ранним утром Хозяин мира, Бог Слово, призвал в виноградник Свой сначала евреев. В третий час он призвал греков и других язычников Римской империи. В шестой час, в полдень, когда зной мира и господства расслабил Рим и Византию, призвал Он скифов: русских, сербов и всех остальных славян» [38 с. 79]. До падения Византии оставалось еще 500 лет, но Господь уже призвал к Себе новый народ, который должен был духовно возрасти и окрепнуть, чтобы стать хранителем Истины.

«Счастье, что на таком огромном пространстве не было прежде насаждено иной культуры: ни римской или греческой, ни персидской или индийской – ничего закосневшего, все подвижно, все гибко. Существовала только культура народного рукоделия, семьи и племенного строя. Новая вера не разрушила ничего того, о чем бы скорбел народ. Побила она глиняных и деревянных идолов, вот и все. Там не было роскошных храмов, подобных храмам Минервы или Дианы, Осириса или Юпитера, не было пагод или пирамид, не было мраморных или золотых статуй, не было ничего того, чем архитекторы, скульпторы и золотых дел мастера опозорили себя, прославляя своими руками ложных богов из народных мифов») [38 с. 73–74].

Римляне хоть и приняли христианство, но оказались неспособными сохранить эту высшую истину в чистоте по причине своего неизжитого прошлого и тяге к материальному. Византия хранила Православие в течение пятнадцати веков, но так и не сумела побороть ностальгию по язычеству, ослабела, отравленная ядом эллинизма и пала. Славяне же были новым народом, без глубоких языческих корней, своего рода духовными младенцами. Это была та

земля, на которой Евангельские семена принесли плоды «во сто крат».

Что промышлительно, во II и III вв. по Р.Х. римские императоры неоднократно воевали против славян, но эти войны так и не увенчались успехом. В 238 году император Максимиан в походе против славян потерпел поражение, из-за чего и был казнен по приговору римской курии. Та же участь постигла и Гордиана, который после поражения в войне со славянами был убит в 244 году своим преемником Филиппом. Только после смерти Деция, погибшего в 251 году в войне с южными славянами, курия перестала с ними бороться. Эти поражения победоносной римской армии в битвах со славянскими племенами служили прообразом будущих духовных битв, в которых языческому Западу не суждено будет одолеть славянскую землю и ее народ, призванный быть хранителем истинной христианской веры. Латинству не одолеть Православия.

По церковному преданию благодать Христова благовестия озарила языческие народы русских пределов еще в I веке. Святой ап. Андрей Первозванный (†62) дошел до гор Киевских и на одной из них водрузил крест, пророчествуя о грядущем величии будущего здесь города и об обращении в христианство народов, населяющих эти земли. Стопы апостола обошли земли Причерноморья и Закавказья, в том числе части Боспорского царства на Таманском полуострове.

Уже во II веке знаменитый писатель и философ Тертуллиан писал о сщмч. Клименте, папе Римском (†101): «Когда святой прибыл в изгнание, то нашел в Херсонесе Таврическом до 2000 христиан». В IV в. блж. Иероним сообщал: «Скифия согревается огнем веры истинной». (Под Скифией подразумевалась земля от левого берега Дуная до Дона, где еще с I в. по Р.Х. обитали славяне). О распространении веры между скифами более всех заботился свт. Иоанн Златоуст. Он посылал миссионеров, живших за Дунаем. Но гунны, авары, болгары, одни за другими опустошали эти земли, и еще неокрепшее здесь христианство искоренялось войнами, а также по причине недостатка в пастырях и учителях.

Первым славянским государством стало княжество Болгарское, образовавшееся около 650 г. В 750 г. хорваты

отделились от болгар и образовали свое княжество. После долгой борьбы с аvaraми в 700 г. образовали независимое государство чехи, также и польские племена образовали Польшу.

«Летопись свидетельствует, что первыми русскими князьями стали братья Рюрик, Синеус и Трувор, правившие соответственно в Новгороде, Белозере и Изборске. 862 год по Рождеству Христову принято считать годом рождения русской государственности. Рюрик, старший из братьев, пережил их и, присоединив области родственников к своей, стал основателем единого княжества и родоначальником династии. На протяжении более 700 лет Рюриковичи под покровом Божиим вели Россию путем исповеднического служения. Хотя сам Рюрик и был, вероятно, язычником, но первое крещение Руси состоялось еще при его жизни» [2 с. 7]. «Совместная жизнь сплотила русов и славян в единый этнос, хотя процесс взаимной ассимиляции был нелегким и занял больше ста лет, весьма беспокойных, так как соседями славяно-россов были хитрые хазары и хищные варяги. К 866 г. относится первое латинское упоминание иудаизма в Хазарии» [8 с. 82]. Почему именно латинское упоминание? Как раз в эти годы разгорелся конфликт между папским Римом и патриархом Фотием, и католические агенты были посланы в южные страны, чтобы спровоцировать (да и проспонсировать) нападение на Византию. Хазары и наняли славянских воинов-язычников в поход на Константинополь. Но то, что было задумано врагами Христа с целью уничтожения Православия, послужило к его распространению и Славе Божией.

В том же 866 г. киевские князья Аскольд и Дир, собрав дружину, на двухстах ладьях по Днепру вышли в Черное море, опустошили на своем пути побережье и осадили Константинополь. Императора Михаила III тогда в городе не было: он возглавлял армию в войне с мусульманами. Царьград спасся чудом: после молебна патриарх Фотий погрузил в море одну из главных святынь города – ризу Божией Матери, хранившуюся во Влахернской церкви. Налетевший после этого шторм разметал корабли русов, уничтожив большую часть флота и сделав дальнейшую осаду невозможной. (После этого случая было составлено осо-

бое песнопение Божией Матери, названное Акафистом, и с тех же пор во время Всенощной поется первая песнь этого акафиста – кондак «Взбранной Воеводе», где под «злыми» подразумевались наши предки – славяне.)

Пораженные князья прислали в Константинополь посольство с просьбой о крещении. Это и было первое, «Аскольдово» крещение Руси (в 867 г.), которое, скорее всего, совершили апостолы славянского просвещения свв. Кирилл и Мефодий. Св. Кирилл составил славянскую грамоту. И когда в южных русских областях он крестил 200 семейств, то нашел у них Евангелие и Псалтирь своего же перевода.

Таким образом, патриарх Фотий, водимый промыслом Божиим, был первым крестителем Руси, и в то же время он был и первым обличителем католической ереси в истории Православия. Народная мудрость гласит, что крестник перенимает качества своего крестного отца, так и Русь от рождения в святой купели переняла Фотиевскую ревность о чистоте Православия и его антикатолический иммунитет, которых не смогли поколебать позднейшие колебания самих греков.

Для обращенных был послан митрополит Михаил, крестивший все племя во главе со старейшинами. И этому крещению предшествовало чудо – брошенное по требованию язычников в костер Евангелие не сгорело. Но и это, второе крещение Руси, не оказало влияния на ее судьбу. Аскольд построил церковь прор. Божия Илии. А над могилой Аскольда св. равноап. Ольга воздвигла церковь свт. Николая Чудотворца. Сохранилось предание, согласно которому Аскольд и Дир, принявшие христианство, по возвращении в Киев вызвали недовольство горожан-язычников и были убиты захватившим власть язычником Олегом.

При князьях Киевских Олеге (882–912) и Игоре (913–945) стали активно налаживаться политические и торговые связи Киевской Руси с Византией, и византийцы, заинтересованные в обращении русских к христианству, использовали для этого любую возможность. Например, когда послы князя Олега прибыли в Константинополь, то по приказу императора Льва Мудрого их познакомили с христианской верой, показывали храмы и священные реликвии. Многие крестились в Православие.

Наконец, третий раз Русь была крещена в 957 году в лице св. равноап. княгини Ольги. «Расположенная к христианству беседами с киевскими священниками, (выходцами из единоплеменных славянских земель – Моравии и Болгарии) она своим светлым умом познала превосходство святой веры и решилась принять крещение в 954 году. Древнее сказание говорит, что для принятия крещения княгиня Ольга ездила в Константинополь, где святое таинство крещения совершил над ней патриарх Полиевкт, а восприемником стал сам император Константин Багрянородный» [11 с. 75].

В 945 году на Киевский престол взошел молодой Святослав. Пока он был ребенком, за него правила мать – мудрая Ольга, жестоко покаравшая древлян за убийство мужа. Ольга убеждала креститься своего сына Святослава, но он опасался протеста со стороны своей языческой дружины, что не мешало ему позволять креститься своим подданным. Бог внял материнской мольбе. Дело обернулось так, что ревностный язычник и непримиримый враг христианства Святослав, как никто другой, способствовал разрушению самого главного внешнего препятствия на пути христианизации Руси. Суровый и жестокий воин, Святослав своими дерзкими походами уничтожил Хазарию и сохранил единство Руси, защитив ее от внешних врагов, угрожавших молодому государству с юго-востока. Ольга удержала нарождающееся русское христианство от растлевающего еретического влияния католицизма, грозившего ему с северо-западного направления. Святослав спас государственное тело России. Ольга не дала смутить ее неискушенную юную душу. Такое сочетание, вопреки всякому человеческому предвидению, готовило Русь к христианскому прозрению, хотя временами казалось, что новое государство умрет, едва успев родиться.

БОРЬБА С ХАЗАРИЕЙ

С самого своего возникновения русскому государству довелось идти Христовым путем, терпя нападки соседней Хазарии. «Хазарский каганат встал на пути молодой рус-

ской державы в IX веке, когда еврейская община Хазарии добилась господствующего политического и экономического положения в стране. Оставаясь чуждыми коренному населению, иудеи с помощью наемных мусульманских войск сумели подавить всякое сопротивление и сделать Хазарию опорным пунктом своего экономического могущества. Еще в самом начале IX века власть в Хазарском каганате захватил некий влиятельный иудей Обадия. Он превратил хана из династии Ашина в марионетку и сделал талмудический иудаизм государственной религией. Политика каганата осуществлялась в интересах торговой еврейской диаспоры, извлекавшей огромные прибыли из работоторговли и Великого шелкового пути, пролежавшего через земли Хазарии.

Начавшийся в VIII веке развал арабского халифата открыл торговые пути с Запада на Восток, и этим не замедлили воспользоваться иудейские дельцы, видевшие в финансовом могуществе первый шаг на пути создания вождя всемирного еврейского государства, о котором учили талмудисты-раввины. Основу этого торгового клана составили выходцы из Вавилонской общины, покинувшие Иран после того, как халиф Абд ал-Мелик в конце VII века предпринял ряд мер, направленных на ограничение вмешательства иудеев в дела страны. К ним в VIII веке присоединились евреи из Византии, и это объединение завершило создание мощной международной торговой организации, оказывавшей в своих религиозно-национальных интересах сильнейшее влияние на всю мировую политику» [2 с. 9].

Одно время славянские племена полян, северян, радимичей и вятичей подчинялись хазарам и платили им дань. Под властью хазарского кагана соединялись люди разных племен и религий. Только высшее сословие хазарского царства, во главе с каганом приняло иудейскую веру, остальная часть населения исповедовала частью ислам, частью христианство или продолжала держаться язычества. Столицей хазарского царства в эпоху его расцвета был город Итиль на Волге.

Евреи освоили не только восточный путь, по которому шелк обменивался на золото, но и северный – из Ирана на Каму, по которому меха обменивались на серебро. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей. Богатство дава-

ло возможность подкупать союзников и нанимать воинов. Все это было брошено к достижению заветной цели: уничтожению или ослаблению ненавистного оплота Вселенского Православия – Византийской империи. Славянские земли стали для иудейских купцов источником «живого товара». Конечным итогом должно было стать разрушение Киевского славянского княжества с последующим включением его земель в состав каганата или создание еще одного иудаизированного, подобно Хазарии, государства на торговом пути «из варяг в греки». Такой исход сделал бы евреев финансовыми и торговыми господами всего евроазиатского пространства – от границ Китая до Пиренейского полуострова.

В 939 году войну против Византии развязал хазарский царь Иосиф, завоевал также русские земли и подчинил себе киевского князя Игоря. Тот обещал «платить дань кровью», то есть в войне Хазарии с Византией выставить свою дружину на стороне каганата. Этим объясняются два его похода на Царьград, следовавшие один за другим в 941 и 944 гг. Подчинение Хазарии сыграло роковую роль и в жизни самого Игоря. Общеизвестно, что он был убит древлянами при сборе дани, размер которой пришлось увеличить для оплаты хазарам.

Итак, в X веке иудеям казалось, что «избранный народ» через 1000 лет после сокрушительного военного поражения, нанесенного ему легионерами Рима, и не менее сокрушительной духовной катастрофы, вызванной страшным преступлением богоубийства, осуществит все же свою вековую мечту о мировом господстве. Дело было за малым – уничтожить нарождавшуюся молодую и неопытную Русь. В это тревожное время у кормила Русской земли оказались два человека, чья деятельность и определила неудачный исход всемирного еврейского предприятия. Это были язычник – князь Святослав и его мать – христианка княгиня Ольга.

В 961 году в Киев прибыл римский епископ Адальберт со свитой. Однако вероотступничество католиков и их политические амбиции были так очевидны, что миссия римского прелата провалилась с треском. Уже в следующем, 962 году он был вынужден уехать назад, более того, его отъезд напоминал скорее бегство. Ольга быстро поняла: Адальберт предлагает ей вовсе не ту веру, благодатные плоды которой она

узнала после крещения в Царьграде. В конце X в. Киевская Русь приняла христианство в кирилло-мефодиевской традиции. Последователи этой традиции во множестве оказались в Киеве в числе эмигрантов из Великой Моравии, бежавших от преследований папистов. И не случайно в 60-х годах X в. из Киева был изгнан католический посол – христиане из Моравии хорошо отличали латинизм от Православия.

Вернемся к Святославу... Война с Хазарией за освобождение от вассальной зависимости началась почти сразу после смерти князя Игоря в 945 году. Она шла, то вспыхивая, то затухая, с переменным успехом. В 964 году князь Святослав совершил свой первый поход – на север, на Оку – в земли вятичей, освободив их от власти хазар и подчинив Киеву. Воспользовавшись победой, князь с помощью вятичей там же, на Оке, срубил для дружины лады и весной следующего, 965 года спустился речным путем по Волге к Итилю – главному городу иудейской Хазарии. «И бывши брани, одоле Святослав козаром, и град их... взял», – свидетельствует летописец. Эта победа решила судьбу войны и определила распад Хазарии.

Еврейская община разбежалась, исчез центр сложной торговой, политической и военной системы, вдохновлявшейся религиозными интересами иудеев. Гибель талмудистов Итиля освободила как самих хазар, так и все окрестные народы, входившие в сферу влияния каганата. На обратном пути Святослав завладел крепостью Саркел (Белая Вежа) – столицей Хазарии на Дону, и благополучно вернулся домой, в Киев, не встречая особого сопротивления, ибо местное население вовсе не собиралось воевать за чуждые ему интересы разбежавшихся иудеев.

Крушение опорного пункта еврейских интересов на Востоке немедленно повлекло за собой цепь следствий – религиозных, экономических, политических и этнических. Утратили поддержку те, кто опирался на помощь агрессивного талмудического иудаизма. «Во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонию национальным князьям и феодалам, халифат в Багдаде ослабел и потерял контроль даже над Египтом, не говоря уже о «прочей Африке» и Аравии; дезорганизация разъедала Саманидский эмират. Удар, нанесенный Святос-

лавом в низовьях Волги, откликнулся гулким эхом по всему миру. Годом позже Святослав подчинил волжско-кавказских болгар и мордовские племена, повторно разгромив остатки хазарского войска. Выйдя к Северному Кавказу, князь осадил и взял крепость Семендер, победил племена аланов, ясов и касогов, союзников каганата, тревоживших набегами юго-восточные рубежи Руси. Выйдя к Азовскому морю, он основал в районе Кубани крепость Тмутаракань, ставшую впоследствии столицей русского Тмутараканского княжества» [2 с. 12].

Стоит отметить интересный факт: «папа Иоанн XIII (965–972) в 967 г. запретил богослужение на «русском или славянском языке». В этом запрещении трудно было усмотреть благожелательство к русским, но то, что запрещение было обнародовано через год после похода Святослава на Хазарию и падения Итиля, невольно бросается в глаза. Может быть, рахдониты и у папы нашли поддержку» [8 с. 144–145].

В результате этих восточных походов совершилось объединение восточнославянских племен в единое государство, Русь установила контроль за торговыми путями по Волге и Дону, обезопасила свои южные границы и заявила о себе как об одном из сильнейших государств Европы. Но неотомимый князь не думал о мире. Война была его жизнью, его ремеслом. Святослав двинул свою дружину в земли Византии. Но его победоносный меч, не знавший поражений в войне с иудейским каганатом, не принес ему славы в боях с православными воинами.

Весной 971 года войска Иоанна Цимисхия взяли Переяславец и осадил дружину Святослава в Доростоле. Голод и болезни заставили князя заключить мир в обмен на обещание императора беспрепятственно выпустить на родину остатки дружины. Осенью 971 года русы покинули Болгарию. Летописец так повествует о кончине князя: «В год 972-й, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него».

Здесь описан особый сатанинский ритуал: уже мертвому князю отрубили голову, и она была в поругании его врагов.

Так же поступил позднее и турецкий султан Мехмед II, захвативший Константинополь и отрубивший голову с мертвого тела императора Константина VIII, эту голову он затем послал на показ всем знатнейшим правителям Европы. Аналогичным образом сделали и ритуальные убийцы последнего русского царя Николая II: его заспиртованную в сосуде голову привезли в Кремль, и после того, как Ленин, Троцкий, Дзержинский и прочие творцы революции засвидетельствовали царскую казнь, голову замуровали где-то в кремлевской стене (по другим сведениям – под мавзолеем). Так Ирод казнил Иоанна Крестителя, так ироды расправляются с главами христианских держав – все это имеет определенный мистический смысл. Как уже говорилось, в этой компании «патологоанатомов» оказался и римский папа Григорий: после Варфоломеевской ночи ему принесли голову вождя гугенотов. По этому почерку и определяются главные заказчики всех царубийств, стремящиеся **возглавить** мир, только Господь все равно козни лукавого и его клеветов обращает в прах...

«Примечательно, что на языке еврейских писателей X века славяне называются обыкновенно хананеями. Хананеи в древних представлениях был народ, осужденный на уничтожение и рабство Израилю, наследовавшему их землю. Надо ли говорить, что потомки Эсфири и Мардохея надолго запомнили военные победы Святослава. Если мы встречаем в истории примеры талмудической мести со стороны иудеев тем народам, которые не сделали им никакого зла, но лишь сопротивлялись их непосильному гнету, то несомненно, что дальнейшая история разгромленных хазар должна проходить под знаком талмудической мести потомкам Святослава» [6 с. 164].

РОЖДЕНИЕ В КУПЕЛИ

Чудо сопровождает Россию сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна

IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это – вопреки обстоятельствам, условиям, выгоде, расчету.

С этого «вопреки» и начинается русская история. Ибо угодно было Господу явить здесь чудо крещения, положившего начало тысячелетнему служению соборного и державного православного народа тогда, когда это казалось невозможным и невыполнимым [39].

Святитель Димитрий, архиепископ Херсонский, писал: «Откуда все, что есть лучшего в нашем Отечестве? От веры Православной, которую принес нам равноапостольный князь наш Владимир. Она соединила воедино разрозненные племена славянские, уничтожила племенные их отличия, поставлявшие преграду их общению, и образовала один многочисленный, сильный и единоклюнный народ русский. Она очистила, осватила и укрепила в нас любовь к Отечеству, сообщив ей высшее значение и силу в любви к вере и Церкви. Она одушевляла героев Донских и Невских, воздвигала Авраамиев и Гермогенов, Мининых и Пожарских. Она вдыхала и вдыхает воинам нашим непоколебимое мужество во бранях и освящает самую брань за Отечество как святой подвиг за веру Христову».

Князь Владимир для Руси явился вторым Константином Великим. Если Москву позднее назовут третьим Римом, то Киев в свое время был вторым Константинополем. Летописец образно повествует, как в 986 году князь Владимир пытался разрешить судьбоносный для народа вопрос о выборе веры. Снять многочисленные противоречия, существующие внутри языческих народов, населявших Киевскую Русь, могла только универсальная монотеистическая религия. Находясь на перекрестке дорог, там, где переплетались и сталкивались интересы мусульманского Юга, православного Востока, католического Запада и хищного иудейского Хазарского каганата, Русь должна была бы ради спасения своей целостности хранить и свою религиозную самобытность. Кажется, ей предназначена судьба языческой империи. Любые уступки соседям должны были бы привести к неминуемому разделу Руси на «зоны влияния» мусульманства, иудаизма и христианства с последующей утерей государственного, религиозного и национального

единства. История южных славян подтверждает это – когда-то единый народ разделился на православных сербов, католиков-хорватов и даже славянских мусульман, ожесточенно враждующих ныне между собой.

Не менее поучителен и пример Золотой Орды. Основанная Батыем в 40-х годах XIII в. после набега на Европу, завершившегося выходом татарской конницы к побережью Адриатического моря, Орда два столетия являлась одним из самых мощных государств мира. Внутреннее единство поддерживалось религиозной самобытностью, основывавшейся на совокупности многочисленных племенных культов. Это позволило Орде не только покорить огромные территории, но и благополучно пережить целую серию гражданских войн. Но когда в 1313 году хан Узбек принял ислам и объявил его государственной религией, это стоило Орде существования. Ее распад показывает, какова была бы судьба России, если бы все текло «естественным» образом.

Итак, летописец повествует, что пришли к Владимиру сначала волжские болгары, похваляя свое магометанство, затем немцы от римского папы, затем хазарские евреи с проповедью своего закона и, наконец, греческий философ с православным учением. Все они хотели привлечь Владимира к своей вере. Он же выслушал их и всех отослал прочь, кроме грека. Согласно рассказу «Повести временных лет», именно слова греческого философа о грядущем всеобщем воскресении, подкрепленные демонстрацией полотнища с изображением Страшного суда, во многом предопределили выбор киевского князя в пользу христианской веры. Сам этот выбор был непрост: ведь в тот период христианство находилось в стадии разделения на восточно-православное и римско-католическое. К тому же существовали и многочисленные другие церкви и направления.

С греком Владимир беседовал долго, отпустил его с дарами и почестями, но пока не крестился. В следующем году (987) созвал Владимир своих советников и рассказал им о приходе к нему проповедников, прибавив, что более всего его поразили рассказы греческого философа о православной вере. Советники дали мысль князю послать в разные страны своих послов посмотреть: «кто как служит Богу?». «Противоестественный для самого кн. Владимира «выбор»

религии мог иметь значение для его дружины. Их нужно было толкнуть, заставить «посмотреть, сравнить и подумать», хотя бы и без полного понимания, «в кредит» последовать за своим смелым князем» [40 с. 61].

Вернувшись, послы рассказали князю, что ни мусульманство, ни католичество им не приглянулись: «пришедше, видеша скверныя их дела». Иное дело Православие: «приидохом же в греки... не вемы на небе ли есмы были, или на земле...». Рассудивши дело, княжеские советники-бояре решили, что креститься стоит, говоря Владимиру, что если бы плох был закон греческий, бабка его Ольга, «иже бе мудрейши всех людей», не стала бы православной. И князь, наконец, решился. Но он пока оставался язычником.

Когда греческие императоры Константин и Василий обратились к Владимиру с просьбой помочь подавить бунт своего мятежного воеводы Фоки, князь согласился, но поставил условие, для империи неслыханное – руку сестры императоров, царевны Анны. Блестящая Византия никогда не отдавала своих царевен в жены варварам – и лишь безвыходная ситуация заставила Константина и Василия согласиться с условием дерзкого руса. Впрочем, выполнять договоренность они не спешили, особенно после того, как русский отряд помог разгромить легионы Фоки.

Тогда князь осадил и взял Корсунь. Василий и Константин вынуждены были выполнить свое обещание и отправили в варварскую Скифию сестру Анну с пресвитерами и сановниками. Ожидавший в Корсунь прибытия невесты Владимир внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Прибывшая Анна потребовала его крещения, без чего не могло быть и речи о браке. Князь согласился и, приняв святое крещение с именем Василий, в момент совершения Таинства в купели – прозрел, телесно и духовно.

В противовес «официальной» греческой версии есть и другая. С греками на тот момент князь действительно воевал, а невеста Анна была дочерью болгарского царя Самуила, рожденные после крещения сыновья князя Владимира носили имена Бориса и Глеба, в крещении Романа и Давида – так звали и наследников болгарского престола. Прибывшие с царевной священники были болгары, говорившие на

понятном киевлянам наречии. «Обычай брать имена своих политических друзей и крестителей был тогда общим. Болгарский князь Борис взял крещальное имя импер. Михаила III, с которым он подписал мирный договор. Ольга взяла имя императрицы Елены, жены Константина Порфирогенита. Владимир – имя императора Василия в момент заключения с ним союзного договора 987 г. По-видимому, духовенство, крестившее новых сыновей Владимира, было канонически связано с болгарской юрисдикцией» [40 с. 113]. Быстрому и сознательному воцерковлению всей Руси способствовало наличие Священного Писания, богослужебных книг и духовной литературы, переведенное на славянский язык самими свв. Кириллом и Мефодием и их последователями. Славяне слушали Евангельскую проповедь на родном славянском языке, поэтому сразу и проникались учением новой веры. Христианство входило в плоть и кровь русского народа, в его генофонд, создавая неповторимый русский менталитет, неразрывно связанный с Православием.

«После изгнания латино-немцами Кирилло-Мефодиевского славянского христианства из Моравии, Паннонии и Далмации, оно быстро укоренилось и процвело на территории новоустроенной славянской Болгарии, в союзе с которой Владимир как раз воевал против греков. Киевский князь не мог не понимать простейшим здравым смыслом, что христианизовать свой славянский народ легче и естественнее всего можно и должно, конечно, не загоняя его в рамки чужого непонятного языка – греческого. Как князь славянского народа, он при всех условиях, даже и при греческой юрисдикции, все равно потребовал бы принятой на Балканах славянской языковой оболочки культа» [40 с. 81].

В 988 г. князь Владимир крестил в Киеве народ на берегу Днепра и его притока Почайны. Кумиры старых богов были повергнуты наземь и брошены в реку. На их местах были поставлены церкви. Так было и в других городах, где христианство водворяли княжеские наместники. «В купель входили поляне, северяне, кривичи и... переставали ими быть. Ведь по языческим понятиям, полянином являлся лишь тот, кто отправлял родовые культы полян, северянином – исполнявший родовые обряды северян. А люди, выходявшие из купели, порывали со старыми куклами. От-

ныне они принадлежали к другой общности. Все – к одной, ее должно было связать одно, православное мировоззрение, одна система ценностей. Эту общность называли русскими. В купели крещения из многочисленных племен рождался новый народ» [19 с. 257].

По преданию, новая вера распространялась мирно, за исключением немногих мест. Так, в Новгороде пришлось применить силу: «Новгород Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». Одновременно с проповедью христианства, разносимой на окраины Руси княжескими посланцами и духовенством, появлялись и антихристианские настроения. Но оппозицию составляли не столько простые язычники, сколько умело подготовленные, а то и подкупленные иудеями-provокаторами бунтовщики.

В 991 г. крестить новгородцев прибыл епископ Иоаким. Поначалу Новгород встал на дыбы против христианства. Причем организовал группировку сопротивления «волхв» Богомил, проповедник богумильской ереси – манихейского еретического учения. Объединиться с язычниками оказывалось для еретиков ничуть не зазорно, главное – не допустить утверждения Православия. В глухих углах (например, у вятичей) язычество держалось, не уступая христианской проповеди, еще до XIII в., да и по всей стране старые верования не сразу были забыты народом и сплетались с новым вероучением в пеструю смесь веры и суеверия.

Православие позволило включить само бытие Киевской Руси во всемирно-историческую традицию. Осмысление этого нового места Руси ярко представлено уже в «Повести временных лет». И этим показывалось русским князьям и всему народу, что Сам Господь покровительствует Руси, раз Он даровал ей такое могущество. Принятие христианской религии знаменовало, фактически, рождение нового государства, на иных началах, вступление в новый исторический период развития. Поэтому сразу же перед «новыми людьми» христианство сформулировало и новый смысл бытия как всего Русского государства, так и всякого отдельного человека. И этот новый смысл был связан с христианской идеей посмертного спасения и воскресения, т.е. что все земное – это только средства к достижению небесного, в противовес оземленному католичеству.

В Православии была явлена Божия сила, способная объединить разные народы, живущие на территории Киевской Руси, в единый «новый» христианский народ. И это объединение происходило вплоть до конца XIX века – на свет Истинной веры тянулись все окрестные народы. (Когда Россия утратила эту духовную мощь в 1991 году – все от нее и отпало, как железо от обесточенного электромагнита.)

«Из всех возглавителей древней и старой Руси эпическая память народа исключительно выделила только двух вождей: св. Владимира, которого наименовала «ласковым князем и Красным Солнышком», любившим бедный люд и любимым им, и – грозного царя Ивана, справедливого судью, беспощадно казнившего обидчиков народа» [40 с. 81]. И эти-то правители, душу свою положившие за Русь, оказались более всего оболганными в русской истории.

Владимир был носителем типичного для русского темперамента, от одной крайности кидаящегося в другую. В этом отношении сказочные черты официального летописного жития князя до безмерности подчеркивают и его сладострастие, превосходящее гаремы Соломоновы, и его жестокость по отношению к врагам и соперникам, и страсть к пьянству... Оставим это все на совести летописцев. Что-то, конечно, можно списать на буйную натуру князя и языческие нравы, а что-то ни в какие рамки не входит, и явно было подтасовано греческими историографами. «Грекам были неприятны все нестираемые памятники церковной грекофобии и болгарофильства кн. Владимира. Память об этом осталась в фактах, самих по себе незначительных, но показательных» [19 с. 28]. Ведь, как известно, Византийские иерархи впоследствии даже не хотели соглашаться на канонизацию князя, мотивируя тем, что якобы у его гробницы не происходило чудес. Греческие императоры обижались на князя и за взятие Корсуни, и за поддержку болгар, не хотели признавать Русь отдельным государством – в списке Византийских митрополий русская была на последнем, 64-м месте... В народе возникло глубокое и живучее убеждение, что веру мы взяли не от греков, а от Бога. То есть крещение Руси привело ее не к присоединению к Византии, а к развитию самостоятельности. Впрочем, Византия чинила препятствия Руси, как Саул Давиду – еще могучая империя была в расцвете сил, но уже

миропомазывался ей преемник в лице юного славянского народа.

«За канонизацию крестителя Руси русские богословы боролись с греческим саботажем целых два столетия. Лишь в момент почти бегства греческой власти от татарского нашествия, русская Церковь свободно и дерзновенно канонизовала своего крестного отца» [40 с. 87]. К слову сказать, царь Иоанн Грозный не канонизирован до сего дня. Но если канонизации князя Владимира противилось греческое духовенство в силу вышеприведенных обстоятельств, то кто же противится канонизации царя Иоанна, искоренявшего остатки жидовствующих еретиков и боровшегося с католической агрессией латинского запада и орденом иезуитов?

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Римский престол зорко следил за всеми происходившими на Руси событиями. Уже была проведена латинизация Польши, чему способствовали иудеи, и папские агенты искали любую возможность приобрести новых подданных и в Киевской Руси.

«Появление евреев в Польше относится к IX столетию. Сохранились сведения о еврейской делегации из Германии к польскому князю Лешку, с просьбой разрешить иудеям поселиться в его стране, дозволив заниматься «науками и ремеслами». Делегаты убедили малограмотного, необразованного князя в веротерпимости иудеев. Разрешение было получено. Продажные польские короли предоставляют евреям полное право заниматься ростовщичеством под залог имущества (с правом присвоения этого имущества, если должник задерживал оплату). Иудеи получают право повсеместно торговать и бесконтрольно эксплуатировать русских крестьян. В привилегии 1264 года, данной иудеям польским князем Болеславом, проводился взгляд на евреев как на княжеских людей, от которых князь получает материальную выгоду и за это берет их под свою защиту. Привилегия Болеслава делала иудеев особым классом, подчиняющимся непосредственно княжеской власти и суду» [4 с. 139].

«Известны попытки Рима использовать женитьбу Святополка Окаянного на дочери польского короля Болеслава для насаждения латинства на Руси. Немецкий летописец Дитмар, современник событий, говорит, что Святополк, будучи правителем Туровской области, хотел по наущению Болеслава отложиться от державы святого Владимира. Великий князь узнал об этом и велел заключить Святополка под стражу вместе с женой и католическим епископом Рейнберном, состоявшим при ней и бывшим, по всей видимости, активным участником заговора» [39 с. 182–183].

После смерти князя Владимира в 1015 году «сразу же выпустили из темницы Святополка, и он объявил себя государем. Святополк первым делом раскрыл богатейшую казну, накопленную приемным отцом, принялся раздаривать сокровища – расплачивался с теми, кто посадил его на престол, покупал других сторонников. Его поддержали и евреи. Ведь он был зятем Болеслава Храброго, а польские короли очень благоволили евреям. Кто же организовал переворот Святополка Окаянного?» [19 с. 28].

Тут сошлись воедино интересы всех разноплеменных врагов зарождающегося Русского государства. Князя Борис и Глеб были вероломно убиты. Господь принял эту непорочную жертву от древа св. князя Владимира (как знать, может и во искупление вины убиенных по его повелению русских первомучеников Феодора и Иоанна) и положил в краеугольное основание Русской Церкви и русского государства. Подвиг святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба стал прообразом и символом всей младенчески чистой и незлобивой Святой Руси.

«Как раз перед этим, в сентябре 1014 г., греки разбили и ослепили болгарскую армию, скончался царь Самуил. На Балканах покатила целая серия убийств претендентов на престол Болгарии. А святые Борис и Глеб, умерщвленные в 1015 г., были детьми болгарской царевны. Они тоже могли бы предъявить претензии на корону погибшего Болгарского царства. Случайное ли совпадение?» [19 с. 32]

Однако во всей этой войне православных греков с православными же славянами оставался в тени главный заказчик и руководитель – разгромленная Хазария. Умелой рукой иудейские князья направляли ход политических

амбиций греков. И вместо того, чтобы защищать исконные Византийские земли от мусульманской экспансии на Ближнем Востоке, силы и средства империи были брошены на погубление единоверцев Балканского полуострова и подкуп печенежских вожаков. Причем, все это делалось под флагом борьбы за интересы Православия! В итоге, греки сами лишили себя потенциальных союзников, и попали в финансовую кабалу от заполонивших империю еврейских купцов и хазарских эмигрантов, из которой они уже так и не смогли выбраться.

При очередном кризисе «спасти Византийскую империю попытался энергичный и талантливый военачальник Исаак Комнин. Он совершил переворот, взялся восстанавливать армию. Нет, ему не позволили! На него ополчилась вся столичная знать, вынудила отречься от престола и уйти в монастырь. А корону вручила полному ничтожеству, Константину Дуке, и все вернулось на круги своя. Император и его окружение сосредоточились только на том, как бы добыть побольше денег. Налоги стали сдавать на откуп, с торгов. Еврейские, армянские, сирийские купцы и ростовщики платили в казну наличными, а с населения собирали сами. По закону они получили право брать в свою пользу 14 % сверх установленной суммы, а фактически обдирали людей подчистую. Выжатые такой ценой деньги пускались на ветер, утекали в кошельки придворного синклита, а печенеги и сельджуки разоряли византийские провинции» [19 с. 32].

А Русская земля еще при кн. Владимире стала расцветать и покрываться сетью миссионерских епархий, при церквях открывались школы, и уже следующее поколение – современников князя Ярослава – училось родной грамоте по псалмам.

На Западе христианизация заключалась в подчинении всех «оглашенных» римскому престолу и латинизации народов (что подразумевало под собой культ насилия, денег, наживы, беспринципности, распущенности нравов и прочих зол римской цивилизации, которую несли с собой католические миссионеры). Крещение же Руси привело к образованию особого славянского православного сознания – менталитета.

«Как губка воду, легко впитал в себя греческую веру русский народ. Крещенный по приказу сверху, «не только волею, но и страхом повелевшего», русский народ тем не менее с величайшей легкостью и быстротой по всем концам еще слабо объединенной русской земли стал народом «крестьяньским – христиаеньским» и стал технически именно так называться. Воспринятую греческую веру русские домонгольского времени не называли православием, а просто «верой крестьяньской», и как таковую противопоставляли ее всем «верам поганьским» и даже «латыньской». И чем упорнее было сопротивление христианской миссии в среде окраинных инородцев (финнов), тем быстрее и характернее в сознании именно русского, колонизирующего, «державного» населения его «крестьяньство» – христианство сливается с его русскостью. Власть к XIII в. подчеркнуто называла свое коренное, крещеное население «к (х) рествьяньством» в отличие от некрещеного, от всякой чуди; причем и «чудь» крестившаяся приобщалась к «крестьяньству», ибо через это русела. Церковное влияние в новых законах, обрядах и быте, требовательно отделяя «хрествьян» от всех иноверцев как «поганых», тем закрепляло это отождествление юного национального сознания с принадлежностью к «вере крестьяньской».

Россия, найдя свой идеал, употребила великие и добросовестные усилия, чтобы стать его достойной. И если падала, изнемогала и грешила, то подымалась, вдохновляемая им же. А главным образом, им, и единственно им, спасалась в страшные минуты своей истории, когда жизнь ставила ее на край опасности или гибели» [41].

В 1036 году на Киевском княжении сел, одолев братоубийцу Святослава (действовавшего в интересах и на средства иудеев и папистов) достойный продолжатель дел своего отца – великий князь Ярослав Владимирович. «В свое время князь Владимир из-за невыполненных греками договорных условий не ввел русскую Церковь в юрисдикцию Константинопольского патриархата. Владимир в этом упорствовал до конца своей жизни, т.е. до 1015 г., и передал по инерции это положение дел и сыну Ярославу. Ярослав не раз воевал с греками, но в конце концов, после захвата греками Болгарского царства и упразднения авто-

кефальных привилегий Ахридской кафедры, должен был в 1037 г. признать юрисдикцию Константинополя. Но этот конфуз для греческой амбиции требовалось как-то затушевать в русской летописи. Действительно, имена первых русских киевских митрополитов Ахридской юрисдикции отсутствуют в нашей летописи. Сведений об этом не осталось ни в одной летописи. Потому что в них с 997 г. следует... обрыв на целых 17 лет! Вся вторая половина княжения св. Владимира оказалась из них удалена. Последующие греческие митрополиты Киева постарались напрочь изъять этот период. Исторические события данных лет приходится восстанавливать по крупицам» [41].

Ярослав также одержал победу и над печенегам (которых натравливали на Русь Византийские императоры с подачи иудейских советников), чем окончательно освободил Русь от их набегов. «Попытки Ярослава выдвигать национальные кадры вызывали трения с Константинополем. Но в том-то и дело, что греки не считали Русь суверенной. Силились включать в число своих подданных: пусть и номинально, через церковную зависимость. Уступать великому князю они никак не собирались. В 1036 г. освободилось место епископа в Новгороде, и Ярослав Мудрый, преодолев сопротивление византийцев, настоял на собственной кандидатуре. Впервые провел в епископы русского богослова Луку Жидяту. Но когда повез нового владыку к новгородцам, случился самый массивный удар печенегов на Киев. Случайно ли так совпало?» [19 с. 51].

Православный русский народ некоторые церковные писатели называют Новым Израилем. Если продолжить аналогии с ветхозаветной историей, то князя Владимира можно сравнить с библейским царем Давидом, а Ярослава Мудрого – с Соломоном. В действительности, его так и прозвали летописцы за построение двух храмов в честь Софии, Премудрости Божией, в северной и южной столицах Руси – Киеве и Новгороде. Это было дерзновенное подражание Константинопольскому собору, но новокрещенная Русь имела на то полное право, и никто не осмелился его оспорить. Князь Ярослав становился не только правителем возникшей из небытия мощной славянской державы, но и негласным лидером всей христианской Европы.

Князь был женат на дочери короля Швеции Олафа Шётконунга Ингигерде, получившей в православном крещении имя Ирина, с которой они прожили долгую и счастливую жизнь. Сыновья Ярослава Мудрого были женаты на европейских принцессах, а дочери разъехались практически во все главные государства Европы. Изяслав (1025–1078) женился на сестре польского короля Казимира I Гертруде, Святослав (1027–1076) – князь черниговский – на австрийской принцессе Оде, дочери графа Леопольда, Всеволод (1030–1093) – на греческой царевне (дочери византийского императора Константина IX Мономаха), от брака с которой родился князь Владимир Мономах, Игорь (1036–1060) – на германской принцессе Кунигунде, графине Орламюнде. Кроме того были еще сыновья: старший Владимир (1020–1052, князь Новгородский, ходивший в поход на Византию и скончавшийся еще при жизни отца, и Вячеслав (1033–1057), князь Смоленский.

Дочери князя Ярослава достойны отдельного упоминания. Елизавета стала женой норвежского короля Харальда Сурового, помогавшего князю Ярославу в борьбе против Святополка Окаянного. Анастасия – женой короля Венгрии Андраша I (*в городе Тихонь, на берегу озера Балатон, в честь них названа церковь и установлен памятник*). Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I. Во Франции она стала известна как Анна Русская или Анна Киевская (*в г. Санлис ей тоже установлен памятник*).

«Приданое Анны показалось французам сказочными богатствами, ее наряды – немыслимой роскошью. Но саму ее Франция разочаровала. Она писала отцу: «В какую варварскую страну ты меня послал: здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны». Действительно, сравнить с Русью было трудновато. Сохранились документы, где красуется аккуратная подпись Анны на латыни, а рядом крест, поставленный мужем, он был неграмотным. А уж таких книг, как на Руси, здесь отродясь не видели. Великолепное Евангелие поместили в Реймском соборе, на нем стали давать присягу короли. Семь веков спустя, в 1715 г. книгу показали Петру I. Благоговейно пояснили, что это самое древнее Священное Писание, написанное исчезнувшим языком, которого уже никто не знает. Петр пригляделся,

засмеялся и начал читать по-славянски. Это было Евангелие Анны Ярославны. Королева родила четверых детей. А когда в 1060 г. Генрих I умер, она стала править Францией в качестве регентши при сыне, Филиппе I» [19 с. 54].

Все династические браки были заключены не по инициативе князя, как это пытаются представить позднейшие западные историки, а наоборот, европейские правители почитали для себя честью породниться с могучим и справедливым правителем Руси. Раз он навел у себя в стране порядок – вдруг и новым родственникам подсобит. Ведь враги-то у всех христианских монархов были одни – те, что и у Христа... Как знать, может быть, и история Западной Европы сложилась бы по другому, и Православная вера распространилась через русских князей. Но римская курия не на шутку испугалась такой перспективы и развернула ответную войну на церковном фронте. Что бы ни говорили, но год смерти князя Ярослава неспроста совпал с годом отпадения римской церкви от Православия – 1054...

Но вернемся на Русь. Конечно, князь Ярослав в первую очередь заботился о благе своего народа, об укреплении государства и Церкви. При Ярославе возникли первые русские монастыри. В 1030 году он в честь своего святого, вмч. Георгия, основал Георгиевский монастырь в Киеве и Юрьев монастырь в Новгороде. В Киеве был также основан женский монастырь в честь покровительницы княгини мученицы Ирины и положено основание Киево-Печерской Лавре. Тогда же князь повелел по всей Руси «творити праздник» святого Георгия 26 ноября – «Юрьев день». При дворе князя Ярослава открылась целая духовная академия: десятки писцов переписывали Священное Писание, богослужебные книги, творения отцов Церкви. Развернулась интенсивная работа по переводу византийских и иных книг на церковнославянский, сам князь любил читать духовную литературу и побуждал к этому все свое окружение. Подобным же образом действовал позднее и Владимир Мономах. В итоге плодотворной деятельности Ярослав Мудрый издал Церковный устав и «Русскую правду» – свод законов древнерусского феодального права.

«В это время появляются первые письменные пастырские поучения, на века определившие самосознание наро-

да. Особое место в их ряду занимает «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона. Первый русский (по происхождению) предстоятель нашей Церкви Иларион был поставлен на митрополию в 1051 году собором архиереев по воле великого князя Ярослава. «Муж благ, книжен и постник», по выражению летописца, Иларион был давно известен киевлянам как пресвитер княжеской церкви святых Апостолов в местечке Берестове под Киевом. Там, возможно, и написал он свое знаменитое «Слово», ставшее одной из первых попыток христианского осмысления русской истории» [2 с. 16–17].

«Это было и блестящее богословское произведение, и шедевр литературы, и взрывной политической трактат. Иларион разобрал суть иудаизма, основанного на законе, и противопоставил ему христианство. «Слово» было гимном св. Владимиру, гимном всей Руси. Иларион указывал, что Русская земля «не худая, не неведомая», а «известна и слышима во всех четырех концах земли», воспевал Киев, «величием сияющий», «церкви процветающие», «христианство возрастающее». А св. Владимира сравнивал с апостолами, со св. равноапостольным императором Константином, принесшим свет Веры Римскому царству. Славил и предков Владимира великих князей Игоря, Святослава, их мужество в битвах, победы, могущество» [19 с. 51].

«Само «Слово» является едва ли не единственным памятником XI века, в котором употреблено словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля». В этом стремлении к христианской святине как к национальному идеалу – истоки русской соборности, «собранности» вокруг Церкви, сознания духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Соборность – это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании, в стремлении посылить приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия. Общность территории и происхождения соединялись с общностью религиозной судьбы – так было положено начало образованию русской православной государственности» [2 с. 18].

Княжение Ярослава Мудрого продолжалось 37 лет. Умер он 20 февраля 1054 года в Вышгороде в праздник Тор-

жества Православия. Заканчивая повествование о князе Ярославе, нужно упомянуть и о его завещании сыновьям: «Если будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли её трудом своим великим...»⁸. Но не так-то просто было устоять от соблазнов и страна была ввержена в водоворот междоусобной войны. Только укрепившаяся к тому времени на Русской земле Христова Церковь оставалась цементирующим нацию началом.

ВОИНЫ ХРИСТОВЫ

В 1051 году преподобный Антоний Печерский принес на Русь традиции афонского монашества, основав знаменитый Киево-Печерский монастырь, ставший центром религиозной жизни. Роль монастырей на Руси трудно переоценить. И главная их заслуга перед русским народом, не говоря о чисто духовной, в том, что они были крупнейшими центрами просвещения и миссионерства. «Основанная преподобным Антонием и устроенная преподобным Феодосием, обитель сделалась образцом для всех других обителей и имела великое значение в Церкви. Из стен ее выходили знаменитые архипастыри, ревностные проповедники веры и замечательные писатели» [11 с. 80]. В монастырях велись летописи, процветали иконопись и искусство книжного писания, выполнялись переводы на русский язык богословских, исторических и литературных произведений. Широкая благотворительная деятельность монашеских обителей способствовала воспитанию в народе духа благочестия, милосердия и сострадательности.

Наряду с подвигами постнического жития уже первым русским инокам сразу довелось вступить в борьбу с ополчившимися на Православие католицизмом и иудаизмом. Причем действовали враги как всегда синхронно и сообща. «Будучи верным князю Изяславу Ярославовичу, Феодосий боролся против «латинства», приравнивая католичество к антиринитарной ереси Савелия (III в.) и арианства. Верность князю не мешала игумену отстаивать свою идеологическую линию. По сути, Феодосий стал главой особой поли-

тической линии, время которой пришло только в XIV в.» [8 с. 168].

Известно, что «с предложением о «соединении» с Римом обращался к русским князьям папа Климент III в 1080 году» [39 с. 182–183]. Такие попытки предпринимались и раньше, поэтому в своем «Завещании» великому князю Изяславу, когда того пытались совратить в католичество посланцы папы, прп. Феодосий писал: «Вере латинской не приобщайтесь, обычаев их не придерживайтесь, Причастия их бегайте и всякого учения их избегайте и нравов их гнушайтесь. Берегитесь, чада, кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земля наполнилась ими. Если кто и спасет свою душу, то только живя в Православной вере, ибо нет иной веры лучшей, чем наша чистая и святая вера Православная. Живя в этой вере, не только избавишься от грехов и вечной муки, но и станешь причастником вечной жизни и без конца будешь радоваться со святыми. А живущие в иной вере – в католической или мусульманской, или армянской – не увидят жизни вечной.

Не подобает также, чадо, хвалить чужую веру. Хвалящий чужую веру – всё равно что свою хулит. Если кто начнёт хвалить и свою, и чужую, то он двоевер, близок к ереси. Ты же, чадо, блюдишь таковых, и свою веру непрестанно хвали. Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего, – будет ли то жид или турок, или латинянин, – ко всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости Свои не на христиан только, но и на неверных. О язычниках и иноверцах Бог в этом веке печется, но в будущем они будут чужды вечных благ.

Если скажет тебе кто из противящихся: «Ваша вера и наша вера от Бога», то ты, чадо, ответь так: «Кривовер! Или ты и Бога считаешь двоеверным? Не слышишь ли ты, развращенный от злой веры, как говорит Писание: «Един Бог, едина вера, едино Крещение» (Еф. 4, 5). Вы же, латиняне, отринувшие проповеданье апостольское и святых отец, восприняли неправую и развращенную веру, полную погибели. Поэтому и отвергнуты вы нами. Поэтому не подобает нам с вами служить и к Божественным Тайнам вместе при-

ступать, ни вам к нашим, ни нам к вашим, потому что вы мертвы и мертвую жертву приносите, а мы живому Богу чистую, непорочную, чтобы жизнь вечную наследовать. Тако бо написано: «Воздастся комуждо по делом его» о Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава. Аминь».

Была и вторая напасть, с которой также неустанно боролся преподобный. «Древнерусский источник сообщает, что в Киеве евреи многих тогда прельстили в свой закон. Сам факт наличия религиозных споров и дискредитации Православия подтверждается древним автором – Феодосием Печерским, который имел обыкновение спорить с евреями в частных беседах, «поелику желал быть убитым за исповедание Христа». Что его надежды были небезосновательны, мы увидим позже, но его роль в поддержке Изяслава и уважение народа спасли Феодосия от мученического венца» [8 с. 162].

«Среди русских (даже и среди монахов Киево-Печерского монастыря) находились соблазненные иудейской диалектикой, ибо, по свидетельству Патерика, «преп. Феодосий ходил ночью в жидовские кварталы, укорял иудеев за их веру, называл отметниками и беззаконниками» [40 с. 201].

Безнаказанная в то время деятельность иудеев в Киеве была следствием политики князя Изяслава. Ставленник патриотической партии, князь Святослав в 1073 году отнял Киевский стол у Изяслава (*последний вместе с сыновьями отправился за границу в поисках военной помощи против брата и вернулся на Русь только через три года после его смерти*). Святослав был ревнителем Православия и близок самому преподобному Феодосию, в предсмертной беседе вверившему попечение о своей обители великому князю. Святослав вместе с сыном Глебом пытался бороться с тайными иудейскими кознями, творимыми как в Киеве, так и в других городах Руси – Тьмутаракани, где Глеб княжил некоторое время, а потом и Новгороде. Князь Глеб также духовно окормлялся в Печерском монастыре, и у прп. Феодосия, и у прп. Никона Печерского, ученика свт. Илариона. Именно Глеб Святославович, уже будучи на княжении в Новгороде, в 1071 году защитил епископа Леонтия (*также постриженника Печерского монастыря*) и усмирил проти-

вохристианский бунт. Князь Глеб на глазах у бесчинствующей толпы убил волхва спрятанным под полой топором. Расправился и с другими волхвами, хулившими христианскую веру и смущавшими народ мнимыми чудесами. Как выясняется из летописи, под «волхвами» скрывались жидовствующие еретики, свившие себе основательное гнездо в Великом Новгороде, откуда в течение русской истории они периодически и «вылуплялись».

«Во время деятельности св. Леонтия в 1071 г. волхвы по случаю голода подняли, особенно на севере, брожение в народе, которое попутно принимало и форму реакции против христианства. Ярославские волхвы ограничились только положительной проповедью своих суеверий, а одновременно с ними восставший в Киеве волхв вел, по-видимому, какую-то проповедь отрицания существующих порядков, за что и был схвачен гражданской властью. Он предсказывал наступление через пять лет катастрофы для русской земли, и, может быть, в темной массе кудесников этот пятый после 1071-го год имел какой-то смысл, если чрез этот промежуток времени (1076) в Новгороде явился новый энергичный волхв, который уже прямо хулил православную христианскую веру и, к стыду новгородцев, чуть не столетие проживших в ограде церкви, увлек их всех к отступлению от греческой веры. Но волхв, появившийся в 1091 г. в Ростове, уже не имел успеха. В этом сказались плоды только что с честью оконченного миссионерского подвига преемника Леонтия по кафедре, св. Исаии, также постриженника Печерского монастыря» [40 с. 102]. Деятельность волхвов в разных точках Руси явно координировалась из одного центра. Вскоре все выяснилось трагическим образом.

«Преподобный Феодосий был далек от мысли переубедить иудеев, но ходил в еверейские кварталы, чтобы спасти от обольщения доверчивых киевлян. В послании Поликарпа к Акиндину содержится рассказ о Никите Затворнике, который поступил в монастырь за несколько лет до кончины Феодосия. Несмотря на уговоры игумена, Никита стал проситься в затворничество, и там, в одиночестве, его посетил искушитель в образе ангела. «Ты больше не молись, – говорил он Никите, – а только читай книги, причем «вся книги жидовския», я же буду молиться за тебя». В то

же время книги Нового Завета Никита никак не хотел слушать, ни беседовать по ним. Полного собрания библейских книг в Древней Руси не было до издания так называемой Геннадиевской Библии. Эти знания «книг жидовских» мог передать Никите лишь хазарский либо таврический иудей, живущий в Киеве». *(В библиотеке Ватикана сохранился список иудейского комментария на Пятикнижие, писанный в 1094 г. на Руси!)*.

Впоследствии Никита был спасен от наваждения братией монастыря, вернулся в общежитие и достиг высших добродетелей, был епископом Новгородским и стал почитаем как святой. Между тем, пока Никита был посещаем в затворе «ангелом», он предсказал Великому князю Изяславу совершившееся вскоре убийство Новгородского князя Глеба. Это предсказание и сделало Никиту объектом всеобщего интереса и внимания. Весть о том, что Глеб Святославич будет вскоре убит, была желанной для великого князя Изяслава и сына его Святополка. Ведь они считали Святослава виновником своих несчастий, и теперь, отнимая уделы у его сыновей, Изяслав никак не мог вытеснить из Новгорода Глеба. В своих странствиях Изяслав был дважды ограблен, один раз киевлянами, другой – ляхами в Польше и, следовательно, очень нуждался в деньгах. Вероятно, он их получил, но на определенных условиях. Во всяком случае, вернув себе Киевский стол, «Изяслав же изгна торг на гору», то есть закрыл рынок на Подоле и вынудил всех торговать в нагорной части города, где жили и держали торг евреи и где с ними нелегко было состязаться славянам. Помимо этого Иаков Мних (в послании к Изяславу) дает понять, что князь этот, кроме промахов и неудач в политике, известен был еще разными погрешностями в частной жизни: запоями и блудом.

Таким образом, истоки последующих ересей стригольников и жидовствующих, а также прочие новгородские нестроения и бунты, крылись еще со времен крещения Руси в существовавшей в тех краях иудейской общине (или общине иудействующих еретиков, постоянно всплывающих в летописях под именами «волхвов» и богомилов). Понятно, что этот контингент недолюбливал ревностного благочестивого князя Глеба Святославича, смело боровшегося с тайными врагами Православия.

Заговор против Глеба был начат в Новгороде, а завершен в Чуди Заволоцкой. Обстоятельства его смерти неизвестны, летопись лишь сообщает, что этому предшествовал очередной бунт в Новгороде. В Киеве о предстоящем убийстве иудеи знали заранее и предупредили князя Изяслава через управляемого «ангелом» Никиту Затворника, чтобы Великий князь успел вовремя послать в Новгород своего сына Святополка для спешного захвата Новгородского стола.

Успех мистификации с прозорливостью и иудейской мудростью Никиты мог иметь далеко идущие последствия. В случае укрепления «духовного» авторитета Никиты при дворе великого князя и в Киево-Печерской обители могло возникнуть явление, подобное которому случилось 400 лет спустя в Новгороде, десятки лет волновавшее не только Новгород, но и столицу, и известное под названием «ересь жидовствующих». Но мистификация не совсем удалась. В том же 1078 году Изяслав был убит в войне с братом Глеба Олегом Святославичем и соперником его Борисом Вячеславичем. Этого события, как видно, не предсказал «прозорливец», зато оно послужило толчком к выяснению источника «духовной» силы затворника Никиты [6 с. 174].

«Крещение Руси лишь увеличило неприязнь иудеев к русским. История донесла до нас достоверные отголоски этой жгучей религиозной ненависти. В 1096 году в Корсуни местным иудеем был замучен инок разоренного половцами Киево-Печерского монастыря Евстратий Постник. Еврей купил его у половцев, принуждал отречься от Христа, мори́л голодом, а в день Святой Пасхи распял его на кресте в присутствии других членов иудейской религиозной общины. Православная Церковь празднует память преподобного мученика Евстратия 28 марта по старому стилю. Со временем мартиролог «умученных от жидов» православных христиан рос, и это тоже не могло вызывать на Руси никаких симпатий» [2 с. 24]. Несмотря на вражьи происки, Церковь и государство продолжали жить насыщенной новым смыслом жизнью. В 1072 году произошло знаменательное событие – канонизация первых русских святых – благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

Следуя хронологическому изложению событий, следует отдельно остановиться на одном малоизвестном эпизоде

в княжение сына Ярослава Мудрого Всеволода. Постоянная угроза со стороны Польши (и связанных с ней сыновей Изяслава) и сложившаяся политическая обстановка подтолкнула князя к сближению с Германией. Всеволод выдал свою дочь Евпраксию за маркграфа Генриха Длинного Штаденского. В 1083 г. юная княжна прибыла в Германию «с пышным посольством и верблюдами, нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством», отпраздновали пышную свадьбу, но супруг ее вскоре скончался. В 1088 г. в молодую вдову влюбился император Генрих IV и женился на ней. Княжна Евпраксия превратилась в императрицу Адельгейду, но брак этот не был счастливым: Генрих IV принадлежал к сатанинской секте николаитов, мистерии которой, как у всех сатанистов, заключались в надругательстве над церковными обрядами и таинствами. Он вовлек свою жену в участие в мистериях: на ее обнаженном теле служили кощунственную мессу. Она не выдержала немецких безобразий и сбежала от мужа (со многими перипетиями) через Венгрию на Русь, где окончила свои дни в монастыре 9 июля 1109 г.

Эта история, включая брак православной княжны с католиком, который оказался извращенцем и сатанистом, скомпрометировала политику Всеволода и толкнула многих русских людей в ряды патриотической (антигерманской) партии. Митрополит Иоанн II Продром категорически осудил связи с Римом. Сила общественного мнения, в котором кристаллизовалось этническое самоощущение, оказалась мощнее политических расчетов и сломала их. Не то было в Германии. Казалось бы, разоблачение императора как преступного сатаниста должно было оттолкнуть от него всех христианских подданных, но этого не произошло. Генрих IV продолжал бороться со своими политическими врагами силами своих политических сторонников, а проблема совести, столь важная для Руси, не имела для участников этих событий существенного значения [8 с. 171–172].

Все происшедшее говорит о духовном разложении Западной Европы, из которого она так и не выбралась. Кроме того, горький урок надолго отбил у русских князей желание выдавать дочерей в католические страны и искать поддержку у «немцев».

ПОГРОМ ПЯТОЙ КОЛОННЫ КИЄВА

Прочно обосновавшиеся в районе киевского подола потомки хазар попытались взять реванш и прибрать к рукам только вставшее на ноги Русское государство. Умело разжигая междоусобицу, иудейские дельцы грели руки на прибыли от непрекращающихся военных действий. «Была в Киеве и еще одна реальная сила, дававшая Святополку деньги на оплату дружины и подкуп других князей. Это была еврейская колония, состоявшая из хитрых ростовщиков, приехавших через Польшу из Германии. Пользуясь покровительством князей-западников, эти евреи приобрели в Киеве вес и значение. После «перемещения» Олега в Новгород-Северский и разгрома половцев последним противником евреев на Руси оставалась Православная Церковь – Киевская митрополия.

Казалось, что на берегах Днепра воскресла убитая химера Иудео-Хазарии, в жилы которой влилась обновленная кровь, принесенная с берегов Рейна и Роны. Западные евреи не повторили ошибок иранских и византийских иудеев. Они не захватили власть, а просто помогли законному великому князю в его предприятиях. Старая знать осталась на своих местах, но потеряла милость князя и влияние на государственные дела. Торговля и ремесла постепенно переходили в руки евреев, так как каждому из них помогала община, тогда как русские купцы и ремесленники действовали каждый на свой страх и риск. Вместе с тем приток евреев из Германии был мотивирован тем, что там крестоносцы устраивали дикие погромы, которых не могли обуздать феодалы – правители прирейнских городов. А в Киеве Святополк II (сын упомянутого Изяслава) крепко держал власть при помощи «молодых». Так, во главе войска стоял тысяцкий Путята Вышатич, который сделал, без особых талантов, блестящую карьеру. Заметим, что сотоварищем его в походе 1106 г. был воевода Казарин, т.е. Хазарин, упомянутый и в летописи, и в эпосе. Поскольку на характер социальных взаимоотношений деятельность еврейской общины не влияла, она осталась вне поля зрения большинства историков.

Политическая линия при Святополке была нацелена на личный подбор кадров. Князь старался избавиться от «смыс-

ленных», т.е. пассионарных, людей, обладавших совестью, способностями и энергией. Для этой цели он пускал в ход даже ослепление после крестоцелования, т.е. предательство, как было с Васильком Ростиславичем, и опалы, как с Владимиром Мономахом и Яном Вышатичем. Механизм управления стал крайне прост: еврейские ростовщики получали доходы с киевлян и делились с князем, который на эти деньги содержал войско и обеспечивал дальнейшее получение доходов. Недовольные этим порядком лишились вождей и казались правительству безопасными. В самом деле, что могли сделать разрозненные удельные князья, безоружные смерды и горожане, находившиеся под присмотром? Новый порядок казался крепким, несмотря на его непопулярность.

В 1113 г. Святополк II умер. В Киеве после смерти великого князя начались народные волнения под лозунгом: «Святославичев не хотим!». Сначала был разграблен дом Путяты, тысяцкого (командующего ратью), и дома его друзей, потом гнев народный обратился на еврейскую колонию, обласканную покойным князем» [8 с. 179]. Новым великим князем, избранным всенародно на Киевский стол, был Владимир Мономах. Он не стал заигрывать с иудейской общиной.

«... Тако прият Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста. Однако ж просили его всенародно о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили в их закон и поселились домами между христианы, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить» [42 с. 129].

Владимир не стал решать вопрос единолично, а призвал на совет князей. «По предложению великого князя евреи были эвакуированы из Русской земли без конфискации имущества, но без права возвращения назад. Зато в Польше и Венгрии евреи обрели симпатии королей. Но поле их деятельности заметно сузилось» [8 с. 179]. Надо сказать, что с той поры Польша и Венгрия стали главными очагами оппозиции и Руси, как государству, и Русской Православной Церкви.

Были и еще пути отхода: «гонимым из Руси иудеям естественно было переселяться в города у берегов Черно-

го и Азовского морей – Тавриды, где во все времена была значительная еврейская диаспора, активно велась торговля. Одним из таких городов-убежищ был Тмутаракань, тем более что он теперь ушел из-под власти Руси и попал под влияние половцев. Иудейская община в Киеве сохранилась – сюда приезжают известные иудеи-путешественники Вениамин Тудельский (ок. 1170 года) и раввин Петахия (ок. 1180 года), которые странствовали с целью описания рассеянных по всему свету иудейских общин. Вероятно, некоторая часть изгнанных в 1113 году из Киева иудеев, пользуясь незлобием русских людей, смогла со свойственной иудеям изворотливостью проникнуть в Киев вначале на временное, а потом и на постоянное жительство. Некоторые из них, особенно давние старожилы, вообще не выезжали. Тем не менее после событий 1113 года иудеи вплоть до начала XX века уже не достигали в Киеве прежнего влияния. Потеряны были льготы, какими они пользовались при Святополке, установлены жесткие ограничения на любимый их промысел – ростовщичество. При Владимире Мономахе и сыне его Мстиславе невысказана была выгоднейшая для них торговля русскими невольниками. Порядки, установленные Владимиром Мономахом, стали примером для киевских князей последующих поколений, да и сам народ, особенно в Киеве, стал не таким доверчивым, и обмануть его было уже не так-то легко» [6 с. 180–181].

«Народное возмущение привело на золотой стол киевский Владимира Мономаха, который был не только талантливым полководцем, но и прозорливым политиком. Он понял, что лучше и легче жить в согласии со своим народом, нежели вечно запугивать его силой дружинников и богатством иностранцев. Поэтому политика Киевской державы сменилась на обратную. Война с половцами, тяжелая и бесперспективная для обеих сторон, угасла, так как западный половецкий союз вошел в состав Русской земли, сохранив автономию. В дальнейшем они выступают союзниками сугдальских князей.

Когда Владимир предложил массам программу союза с Византией, мира с половцами и неприятия Запада, она была принята общественным мнением соборно, т.е. как нечто самоочевидное. Венгрия упустила время для удара,

древнерусские западники рассыпались розно, а Православие спасло Русь от оккупации, попытки которой повторились лишь через 100 лет. Именно за это Русь должна быть благодарна Владимиру Мономаху» [8 с. 183–184].

Этот великий князь, одолевший и изгнавший из Руси иудеев, становится основоположником династии московских царей. Дальнейший путь русских правителей к самодержавию прокладывался по намеченному им направлению. «Летопись рисует нам Владимира Мономаха идеалом русского князя: он мирит враждующих; свято соблюдает крестное целование; подает пример набожности, правосудия, гостеприимства и превосходит всех воинскими доблестями. После Ярослава это был первый из его преемников, который закрепил представление о великокняжеской власти; младшие родичи повиновались ему как отцу; а тех, которые пытались завести распри, он наказывал отнятием уделов; внешние враги присмирели. На его заботы о правосудии указывает «Русская Правда», которую он дополнил новыми статьями.

«Владимира Мономаха, сына греческой царевны, окружал ореол царственности. Сохранилось известие, что император Алексей Комнин послал в 1116 году к Владимиру Мономаху с мирными предложениями митрополита Эфесского Неофита и других знатных людей, которые поднесли ему богатые дары: крест из Животворящего Древа, венец царский, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотые цепи и др. При этом Неофит возложил венец на главу Владимира и назвал его царем. Царем называют Владимира и некоторые исследователи новейшего времени» [6 с. 181–182].

Впрочем, у историков на этот счет мнения противоречивы: «19 апреля 1125 г. Владимир II скончался. Позже родилась легенда, что он предвидел хаос и гибель страны, передал Юрию Долгорукому греческие царские регалии и велел хранить их в тайне, передавать из рода в род до тех пор, пока Русь снова не объединится. Конечно, это была всего лишь легенда. Шапка Мономаха, которую через три с лишним века оденут русские цари, была вовсе не византийским императорским венцом. А Юрий не был любимцем отца. При Мономахе гремели Мстислав, Ярополк, Вячеслав. Суз-

дальский князь оставался в сторонке, сам по себе. Но он унаследовал нечто иное – идею ... сильной самодержавной Руси. Ее-то и сберег Юрий Долгорукий, в отличие от своих братьев. Ее-то и передал потомкам – от поколения к поколению...» [19 стр. 107].

В то время, когда римские папы и католические прелаты были одержимы жаждой денег и власти, под видом крестовых походов организовывая новые иудейские гонения на христиан, великий государственный муж Руси, ее правитель – князь Владимир Мономах составлял завещание потомкам:

«Первое дело – ради Бога и ради спасения души своей имейте страх Божий в сердце своем и творите милостыню щедрой рукой: она – начало всякому добру. Вы, юноши, будьте душою чисты, непорочны, в беседе кротки, за столом скромны, при старых людях молчите, умных людей слушайте, старшим повинуйтесь, с равными себе и с младшими обходитесь с любовью; беседу ведите без лукавства, больше вникайте в дело, не горячитесь на словах, не бранитесь, не предавайтесь безрассудному смеху; старших уважайте, с потерявшими стыд женщинами в беседу не вступайте.

Подумайте, дети мои, как милостив к нам Человеколюбец Бог и премилостив. Мы вот люди грешные и смертные, а все же, если кто причинит нам зло, мы готовы, кажется, тут же приколоть его и отомстить; а Господь наш, Владыка живота и смерти, терпит нам грехи наши, хотя они превышают главы наши, и во всю жизнь нашу, как Отец, любящий свое дитя, и наказывает, и опять привлекает нас к Себе. Он указал нам, как избавиться от врага и победить его, – тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостыней. И не тяжела, дети мои, сия заповедь Божия, чтобы сими тремя добродетелями избавиться от грехов и не лишиться Царства Небесного. И Бога ради не ленитесь, дети, умоляю вас, не забывайте вы этих трех добродетелей: они вовсе не так тяжки, как одинокая жизнь, монашество, строгие посты, которые иные благочестивые люди налагают на себя, – не трудное дело эти добродетели, а милость Божию получишь за них...

И если Бог смягчит ваше сердце, то плачьте о грехах ваших и скажите: Господи! Якоже блудницу и разбойника, и

мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй! И в церкви так делайте, и дома, ложась в постель. Не грешите, не забывайте никогда на ночь класть земные поклоны, а если занеможете, то хотя бы трижды поклонитесь. Сими ночными поклонами и пением человек побеждает диавола, и что согрешит днем – ими избавляется от греха. Даже и в дороге, на коне сидя, если ни с кем не разговариваете, то, чем думать пустое, повторяйте втайне молитву: Господи помилуй, – если уж других молитв не знаете. Эта молитва легче всякой другой. А паче всего убогих не забывайте, а по силе кормите их, помогайте сироте; защищайте вдовицу и не допускайте людям сильным губить слабого человека.

В разговорах о добром и худом не клянитесь именем Божиим, не творите при этом крестного знамения, в этом нет никакой нужды. А когда придется крест целовать – присягу принимать, то целуйте только в том случае, когда можете устоять в этой присяге, и когда поцелуете крест, то смотрите, чтобы нарушением клятвы не загубить вам душ своих. Епископов, священников и весь духовный чин, чтите и любите, с любовью принимайте от них благословение, не сторонитесь от них, и доставляйте им потребное, а они будут молиться за вас Богу. А паче всего берегитесь гордости и в сердце, и в уме. Так себе будем говорить: мы – люди смертные, сегодня мы живы, а завтра ляжем в гроб; все, что Ты, Господи, дал нам – не наше, а Твое; Ты поручил это нам лишь в несколько дней... Берегитесь лжи, пьянства и блуда: во всем этом погибнет и душа, и тело. Куда пойдете, и где остановитесь, напоите, накормите бедняка. Что знаете доброго, того не забывайте, чего не знаете – учитесь. А леньность – всему злу мать. Ленивый, что и знает, то забудет, а чего не знает, тому никогда не научится.

Смотрите, чтобы солнце не заставало вас в постели. Так делал отец мой и все добрые старые люди. Он встречал солнце с молитвой и славил Бога с радостью. Читая грамотицу эту, потщитесь, дети, на добрые дела, славя Бога и святых Его. Смерти не бойтесь, дети: кто может вам повредить, если Бог не попустит? А если судил Бог умереть – никто не убережет тебя. Божие хранение лучше человеческого...»

Надо отдать должное потомкам князя Владимира – все они по мере сил старались выполнять его заветы, и этим

держалась Русь. «Мономаховичи впоследствии заслонили все старшие роды. Из 18 Великих князей, от Мономаха до Ивана Калиты, только трое, и то недолговременно, были не Мономаховичи. Остальные 15 принадлежали к «Владимирову племени». В XIII веке история Русской государственности – история Мономаховичей. Вся остальная Русь – Галицкая, Киевская, Тверская, Суздальская – собралась в руках Мономаховичей, в среде которых хотя и продолжало жить старое родовое начало, мешавшее объединению земли и государства, но развивалось также и монархическое начало, которое от Мономаха, через суздальских князей, особенно его внука Андрея Боголюбского, Александра Невского и князей московских дошло до создания царского Самодержавия» [6 с. 181–182].

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

Отстояв свою независимость в войне с Хазарией, в кровопролитных сражениях с печенегами и половцами, преодолев противостояние Византийской империи, желавшей сделать Русь своим окраинным вассальным княжеством, Русь устояла. Она была непобедима в войне с внешними врагами, но едва не погибла в результате внутренних мятежей и нестроений. И этот цикл – внешняя война – внутренняя смута преследует Русское государство на всем протяжении тысячелетней истории вплоть до сего дня. Став на путь исповедничества Православия, русский народ уже не мог свернуть, неся вслед за Спасителем свой крест сквозь мглу столетий, через бури ересей и штормы напастей, освещая спасительным сиянием веры и освящая благодатью всех, притекающих к нему.

«Феодалный распад Западной Европы был стремительным – уже в первом поколении после Карла Великого она раскололась на кусочки, а во втором превратилась в пыль мелких владений. Распад Руси св. Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого растянулся на 200 лет. Одна за другой выступали исторические фигуры, мешавшие этому процессу. Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Юрий и Ярослав Всеволодовичи, Алек-

сандр Невский. Они были совершенно разными, не похожими друг на друга. Но имелось и нечто общее. Все они были «не от мира сего». Они шли против течения, наперекор господствующим тенденциям. В каждую эпоху находилась лишь одна-две таких фигуры, но вместе они составили единую цепочку. Это было от Бога. Всего семь человек уберегли Русь на два столетия. Позволили ей сформировать мощную культуру, традиции, фундамент исторической памяти. Каждый из них силится сплотить и объединить страну» [19 с. 253].

«Но в условиях феодальной раздробленности многие княжества начинают тяготеть к связям не только с другими русскими уделами, но и с западными соседями, что случилось со Смоленским, Полоцким и Галицко-Волынским княжествами» [39 с. 180]. Не стоит забывать, что у этих западных соседей обосновались и изгнанные Мономахом из Киева иудеи и (не оставлявшие своих попыток подчинить Русь католическому влиянию) папские агенты. Как раз в эти столетия формировалась папская авторитарная монархия и шла борьба за передел территории. Поэтому и от Руси в месиве междоусобиц постепенно откалывали по кусочку, а в итоге ее древнюю часть сделали придатком Западной Европы. Зачастую подставные проплаченные зачинщики провоцировали средневековую политику, натравливая князей друг на друга, и все больше обескровливали Русь в братоубийственной войне.

«Особняком от остальных князей-современников высилась фигура Юрия Долгорукого. Он был вне свар, вне взаимных счетов. Он жил идеалом Руси. Православие, единство князей, подчинение младших старшему, твердый порядок наследования, строгое выполнение законов и договоров – на этих принципах Юрий устраивал собственную Суздальскую землю, на них он воспитывал детей» [19 с. 123].

«Пока на юге шли княжеские усобицы, Юрий Долгорукий, не теряя времени, как заботливый хозяин начал обустривать и заселять свой удел – Залесскую землю. По Промыслу Божию князь Юрий основал и будущую столицу, хотя и сам этого не предполагал: «Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла» (Мф. 21, 42). И лишь в конце столетия Москва становится самостоятельным маленьким княжеством, родоначальником династии

которого явился младший сын благоверного князя Александра Невского – святой Даниил. Так преемственно от одного благоверного князя к другому передано было и святое дело собирания Руси» [2 с. 66].

В то время Киев становился вполне «европейским» городом: князья-западники развращали народ через хлеб и зрелища, частыми гостями там бывали католики, жили в Киеве венгерские и польские рыцари, развлекая народ зрелищными турнирами. Народ охладевал к благочестию, привыкал к запанибратскому общению с латынцами, в любой момент в город могли нагрянуть полчища крестоносцев – и многие бы даже не стали противиться, а добровольно отдались бы «просвещенным западным завоевателям». «Еще в 1147 году папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». С IX века, со времен Карла Великого германские племена непрерывно теснили славян к востоку. Первыми попали под иго франкской монархии иллирийские славяне, обитатели восточных склонов Альп и северного побережья Адриатики. Ожесточенно и упорно в течение нескольких веков сопротивлялись германскому натиску славяне Балтийского приморья (полабы и другие), почти полностью уничтоженные и онемеченные в ходе этой борьбы» [39 с. 182–183].

Когда Юрий Долгорукий в конечном итоге достиг своей заветной мечты – Киевского княжения, он попытался навести порядок. Но недолго продержался на золотом киевском столе благородный князь – этот идеалист всем мешал. Мешал быть такими, как есть. Мешал Киевской Руси разлагаться и погибать» [19 с. 123, 129]. В 1157 году он скоропостижно скончался: был отравлен на пиру у боярина Петрилы. «Как только князь Юрий умер, городская верхушка устроила погром, бросила своих подручных и чернь на дворцы, на дома «суздальцев». Известия о трагедии докатились и до Залесья. Но его сын Андрей не стал поднимать рать. Он поступил так, как до него не поступал никто. Созвал первый в истории Земский собор: духовенство, бояр, представителей Ростова, Суздаля, Владимира и других городов. А на соборе от всей своей земли он принял титул великого князя. На Руси великое княжение однозначно означало об-

ладание Киевом – Андрей одним махом перечеркнул традицию. Киевляне сажают на престол великих князей, так и пусть живут с ними. Андрей Боголюбский демонстративно отмежевался и от прежней столицы, и от всей прежней государственной системы. Он провозглашал рождение новой Руси – Северной» [19 с. 136].

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Свою историю Владимиро-Суздальское княжество ведет с 1157 г., когда занявший Суздальский престол Андрей Боголюбский (ок. 1110–1174) обосновался во Владимире и расположенной поблизости от него резиденции Боголюбове. «В противовес разделению он пришел к идее собирания русских земель. Его отец пытался реанимировать Киевскую Русь и погиб. Князь Андрей первым понял, что реанимировать ее нельзя. Надо обособиться от нее. Но обособиться не так, как это сделали Полоцк, Галич, Рязань, не мельчать, замкнувшись в собственном уделе, а поставить великую цель на будущее. Создавать на севере здоровое и жизнеспособное ядро, которое будет объединять вокруг себя распавшиеся русские осколки. Пристраивать их к себе, но уже на новых традициях, новых принципах. Основами этих принципов Боголюбский видел Православие и Самодержавие» [19 с. 138].

Избранник Божий, за веру и благочестие наименованный Боголюбским, князь Андрей стал орудием Промысла Божия не только о Русском государстве, но и о самом главном – Русской Православной Церкви. Князю Андрею выпала миссия быть русским Константином Великим. В середине XII века столица древней Руси Киев был одним из крупнейших в Европе городов. Новопостроенные храмы, Киево-Печерский монастырь, прославленный его основателями и первыми подвижниками, древние христианские святыни, привезенные с Востока. Но с другой стороны, – западные латинские веяния, множество иностранцев, целые языческие и инородческие кварталы, неизжитое до конца язычество и разбалованное частой сменой князей,

богатейшее на междоусобных войнах за Киевский престол местное население... *(По имеющимся историческим сведениям, князь Андрей предпринял в молодости путешествие на восток – был в Иерусалиме, Константинополе, общался даже с императором Фридрихом Барбароссой. Воочию видел последствия крестовых походов и непонаслышке узнал их истинную цель.)*

Итак, оказавшись с отцом в Киеве, куда Юрий Долгорукий прибыл в 1155 году, чтобы наконец занять Великое княжение, князь Андрей сразу оценил обстановку: «Уйдем отсюда, батюшка, затепло», – говорил он ему. Юрий Долгорукий, как личность незаурядная, с одной стороны понимал, что надо менять уклад вещей, и политический строй не соответствует этическим нормам, но с другой, как человек «старой закалки», он чисто психологически не мог представить великого князя без Киевского престола. Это, в сущности, его и погубило.

Князь же Андрей в том же 1155 году стал воплощать в жизнь Божий Промысел по спасению Руси и Православной веры. Подобно тому, как оставаясь сакральной точкой отсчета мирового христианства, ветхий Рим утратил свое мистическое значение, древний Киев – мать городов русских переставал быть церковным центром Руси, оставаясь исторически местом ее духовного рождения. В Киевском Вышгороде, терзаясь сомнениями и ища указания свыше, князь Андрей молился ночами пред чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, написанной по преданию евангелистом Лукой на доске от стола, за которым трапезовало Святое семейство. *(По одной из версий эта икона была привезена из Византии в благословение на брак прадеду князя Андрея, князю Всеволоду, с греческой царевной – дочерью византийского императора Константина IX Мономаха).* Божия Мать не посрамила княжеского упования – в ответ на молитвы было послано знамение. Икона трижды невидимой силой сдвигалась с места по направлению к выходу из храма и зависала в воздухе: Богородица явно благословляла князя на уход из Киевской Руси, позволяя взять святыню с собой. Не останавливаясь на подробностях длительного пути, можно упомянуть, что множество происходивших по дороге чудес было описано по повелению князя

в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Пресвятой Богородицы».

Когда Моисей выводил еврейский народ из Египта, пред ними по пути шел Архангел Гавриил в виде облачного столпа днем и огненного – ночью. Князь Андрей впереди своего походного стана всегда направлял повозку с походной церковью, в которой везли чудотворную икону Божией Матери и небольшой иконостас. Княжеское шествие поистине напоминало исход. Непроходимые лесные дебри Новгородского севера и плодородные нивы Суздальского ополья становились воистину Землей Обетованной – рождалась Святая Русь.

На десятой версте от Владимира, на том самом месте, где стоит ныне древний Боголюбский монастырь, лошади, везшие икону, встали. Князь повелел разбить шатры, и ночью, во время молитвы, ему явилась Сама Пресвятая Богородица, повелевая выстроить здесь храм и обитель для иноков, а чудотворную икону поставить во Владимире, избрав его таким образом, в новую столицу. Божия Мать обещала князю быть Хранительницей этого места и подвизающихся на нем. Что бы ни писали потом различные исследователи, пытаясь обвинить князя Андрея в политических амбициях и в том, что он специально сочинил красивую легенду, чтобы выстроить замок в стратегически удобном месте, история подтверждает обратное. «Если это предприятие и это дело – от человека, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5, 38–39), – говорил некогда фарисеям мудрый законоучитель Гамалиил.

«Именно благодаря Православию окрепла и возвысилась Владимирская, а затем и Московская Русь. Здесь, в спокойной обстановке созидательных трудов по строительству новых городов и храмов укрепились нравственные идеалы народа, переместился подальше от мятежного запада на северо-восток центр политической тяжести и стала малодоступной для католического влияния церковная жизнь. «Христианская вера освящала русскому человеку все его отношения – личные, семейные, общественные и политические» [6 с. 181–182].

«Столь ревностное стремление к объединению народа не могло остаться без противления со стороны антиправослав-

ных сил. Знаменательна, с этой точки зрения, мученическая кончина князя в 1174 году. Летопись недвусмысленно подчеркивает религиозный характер кончины святого Андрея. Главное лицо среди «начальников убийства» – ключник Анбал Ясин – иудей (*как и казначей Ефрем Мойзич*). Совет злоумышленников летописец уподобляет совещанию «Иуды с жидами» перед предательством Спасителя.

Летопись приводит и непосредственную причину преступления – это активная просветительская деятельность князя среди иноверных купцов, в результате которой увеличилось число иудеев, принимавших православие. Оплакивая своего господина, верный слуга Кузьма говорит: «Бывало, придет гость какой из Царьграда... или латынин... даже поганин какой если придет, князь сейчас скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видят истинное христианство и крестятся; так и случалось; болгары и жиды и всякая погань, видя славу Божию и украшение церковное, крестились и теперь горько плачут по тебе...» Согласно воззрениям Талмуда, гой, «совративший» еврея в христианство, заслуживает безусловной смерти.

Узнав об убийстве князя, владимирцы взбунтовались, и лишь крестные ходы по улицам города с чудотворной иконой Богородицы Владимирской предотвратили дальнейшие кровопролития. Церковь, свидетельствуя богоугодность трудов великого князя, прославила его святым. В памяти потомков он остался русским властителем, почувствовавшим себя не владельцем земли, а Божьим слугой, попытавшимся воплотить в жизнь идеал христианской государственности» [2 с. 63].

Владимирской иконой Пресвятой Богородицы через князя Андрея Господь благословил все ключевые моменты русской истории, включая спасение Москвы от полчищ Тамерлана в 1395 году и кончая спасением от немцев в Великую Отечественную. Избрание патриархов Московских и всея Руси также происходило перед древней святыней во исполнение сокровенных чаяний благоверного князя. Ведь Андрей Боголюбский в свое время тщетно добивался от Константинополя независимой Владимирской кафедры и русского митрополита. Но великие начинания князя превратили в жизнь его потомки.

Младший брат князя Андрея – Всеволод Большое Гнездо – продолжил укрепление Владимиро-Суздальского княжества, куда стремительно перемещался духовный и политический центр Руси, и уже последующее татаро-монгольское нашествие не смогло разрушить мощь зарождающейся державы.

Киев тем временем в ходе междоусобиц подвергался жесточайшим разорениям. Особо тяжелые случились в 1169 и 1202 гг. И после разгрома 1169 года Киев уже не представлял реальной силы. Но мало кто знает, что виной падения первой русской столицы было все то же католическое и иудейское влияние. Так, например, в начале 1169 г. в Киев торжественно прибыла латинская делегация. О том, что подобные визиты имели место, прозрачно намекается и в знаменитом «Слове о полку Игореве». Безымянным автором достаточно ясно осуждается галицкий князь Ярослав Осмомысл, который, вместо того, чтобы озаботиться идеей единства Руси, вроде бы собирается отправить свою дружину вместе с западноевропейским рыцарством в очередной крестовый поход.

«Посольство прибыло в Киев по очень важному делу, русским предстояло послать воинов на запад, влезть в войну против германского императора Фридриха Барбароссы. Но столь многообещающие переговоры пришлось срочно свернуть. На Киев шло войско Боголюбского... Владимирский государь был очень сдержанным человеком. В свое время он оставил без ответа убийство отца, истребление суздальцев в Киеве. Но вызывающего убийства Феодора (кандидата на Владимирскую епископскую кафедру), поругания Русской церкви, он не стерпел.

На третий день осады, 8 марта 1169 г., отборный отряд дружинников неожиданным броском ворвался в город и открыл ворота. Войско хлынуло в столицу. Летописцы признавали, что Киев пострадал справедливо, за грехи его жителей и «митрополичью неправду». Победивший в войне Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский унизил Киев и иным образом: не оставил в Киеве даже своего сына Мстислава, а сделал киевским князем младшего брата – Глеба Юрьевича. Поставил как своего подручного, а государь на Руси отныне был один – во Владимире» [19 с. 152].

С тех пор Киев окончательно перестал играть роль символа единого государства и более уже не считался общерусским центром. Фактически, с середины 80-х годов XII века титул великого князя окончательно перемещается из Киева в Северо-Восточную Русь. Наибольшего расцвета княжество достигло при правлении князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212).

Князь Юрий (Георгий) Всеволодович (1188–1238) продолжил дело своих предшественников. Главные вехи русской политики: централизация власти с целью прекращения междоусобных войн, т.е. курс на самодержавие, противостояние агрессии латинствующего запада и продвижение на северо-восток в освоении новых земель с миссионерской проповедью Православия. Как раз во исполнение этих стратегических планов князем Георгием и был основан Нижний Новгород. Юрий Всеволодович воевал с Волжской Булгарией, чтобы оградить жителей княжества от болгарских набегов, во время которых народ тысячами уводился в плен для перепродажи на восточных базарах. Не прошло и века, как под благодатным правлением Владимирских князей бывшая северная окраина Руси возросла и окрепла в могучее государство. Но плодотворная созидательная деятельность была прервана татарским нашествием.

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ВАТИКАНА

«В начале XIII века католическая агрессия усиливается. Папский престол занимал к этому времени Иннокентий III, один из самых могущественных римских первосвященников за всю историю Римской кафедры. Распоряжаясь по своему произволу царскими венцами почти по всей Европе, он с полным правом мог считать себя верховным владыкой Запада» [2 с. 52].

Из сопоставления фактов выстраивается логическая связь событий. В 1202 году папа Иннокентий III благословляет основание епископом Альбертом ордена меченосцев в Прибалтике. 1204 – год взятия Константинополя и основания на месте Православной Византии латинской империи. Отправным моментом монгольского движения на Запад

стал 1206 год – год избрания местного князька Темучина самодержцем племен Великой степи. Странствующие по странам Востока рахдониты вполне могли подсказать монгольским вождям нужное направление, чтобы выплеснуть необузданную энергию диких племен в нужное русло – на борьбу с христианской Церковью, в особенности, с православными государствами.

«Утвердив после падения Константинополя свою власть на православном Востоке, папа, в случае победы над Россией, становился полновластным хозяином всего христианского мира. Иннокентий спешил воспользоваться взятием Византийской столицы, чтобы подчинить себе Русскую Церковь. В 1204 году он отправил торжественное посольство к князю Роману Галицкому» [2 с. 52]. «Убеждая принять католичество, он обещал Роману королевский титул. Однако галицко-волынский князь Роман отказался от такой сомнительной чести, сохранив верность Православию, за что и погиб в 1205 году в войне с Польшей» [39 с. 182–183].

«В 1207 году папа Иннокентий в послании к русскому народу и князьям писал, что он «не может подавить в себе отеческих чувств к ним и зовет их к себе». Все еще надеясь соблазнить или обольстить Русь, папа отправляет новое пышное посольство ко всем русским архипастырям, священникам и народу. «Теперь греческая империя и церковь почти вся покорилась, – писал Иннокентий, – и униженно приемлет повеления. Посему, любезнейшие братья и чада, желая вам избежать временных и вечных бед, посылаем к вам возлюбленного сына нашего, кардинала-пресвитера Виталиса, мужа благородного и просвещенного... и убеждаем вас принять его... как нас самих, и беспрекословно повиноваться его спасительным советам и наставлениям». Однако все посольства и увещевания остались тщетными. Православие пребывало непоколебимым, поставление католиками своего «патриарха» в Константинополе признавалось на Руси незаконным, и митрополиты наши посвящались в Никее, где пребывали православные патриархи до изгнания латинян из Константинополя.

Нашествие монголо-татар и разорение ими г. Владимира произошло ни раньше, ни позже, а как раз после того, как «великий князь Юрий II запретил доминиканским мо-

нахам проповедовать католичество и зимой 1237–1238 г. изгнал их из своей земли. Эта принципиальная политическая линия поддерживалась не только народными массами суздальцев, не желавшими менять исповедание и терять усвоенную и воспринятую культуру, но и крупными деятелями» [8 с. 297–298].

«В конце 1237 года Батый напал на Северо-Восточную Русь. 21 декабря в результате шестидесятидневного штурма была взята и полностью разрушена Рязань. Разорив рязанские земли, орда Батыея последовательно захватила и разрушила Коломну, Москву, Владимир и Суздаль. 4 марта 1238 года на реке Сить потерпело поражение объединенное войско владими́ро-суздальских князей. В этой битве был убит и столь дерзновенно противостоявший католической экспансии князь Георгий, а большинство членов княжеской семьи вместе с Владимирским епископом погибли в огне и дыме Успенского собора г. Владимира.

Не дойдя до Новгорода 100 километров, татары вернулись в приволжские степи. *(Вопрос о сохранении Новгорода от завоевания татарами частично остается исторической загадкой и до сего дня. Но если предположить, что монголо-татарское нашествие было организовано тайным мировым иудейским правительством, а в Новгороде во все века проживали общины иудействующих еретиков (богомилы, стригольники, жидовствующие и т.д.), то возможно заказчики просто попросили «своих» не трогать.)*

«9 декабря 1237 года папа повелел упсальскому архиепископу возвестить крестовый поход против русских «схизматиков» и язычников-финнов. Именем Всевышнего Григорий IX обещал прощение грехов всем его участникам, а павшим в бою – вечное блаженство. В 1240 году шведский король отправил в русские земли многочисленное войско под командованием своего зятя ярла Биргера. При войске состояли священники, предназначенные для «крещения» русских «дикарей». Летом шведские отряды на ладьях вошли в Неву, к устью Ижоры, и стали станом. Святой Александр вышел навстречу с малой дружиной, но с твердой надеждой на Бога. Битве предшествовало чудесное видение мчч. Бориса и Глеба, вселившее надежду на победу. Шведы не ожидали близкого отпора, и победа русских была полной

и решительной. Лишь наступившая ночь спасла пришельцев от полного разгрома – нагрузивши телами павших ладьи, враги под покровом тьмы ушли вниз по Неве в море» [2 с. 54].

«В княжеском войске потери оказались ничтожными, погибло лишь 20 человек. А на Русской земле в этот день появился новый великий полководец. Александру исполнилось всего двадцать лет, но его имя загремело по стране, и молва присвоила ему прозвище, звучавшее, как титул – Александр Невский. Впрочем, молодой князь проявил себя и борцом за русское Православие, мудрым государственным деятелем. Он обратил внимание, что битва состоялась 15 июля, в день преставления Владимира Крестителя. Это был ответ на греческие возражения, что Господь не прославил Владимира посмертными чудесами. Разве победа малой кровью над многократно превосходящим врагом не была чудом? Александр указал, что Владимир был в свое время новгородским князем и добился его признания хотя бы местночтимым новгородским святым. Общерусской канонизации св. равноапостольного Владимира сумеет добиться лишь далекий потомок св. Александра Невского – благоверный царь Иван Грозный. Но тогда уже и Русская держава будет другой, и от Византии останутся одни воспоминания...» [19 с. 227].

В 1239 году Батый обрушился на Южную Русь. В 1240 году татарами взят и стерт с лица земли Киев. В результате двухлетней ожесточенной борьбы Батый взял и разграбил Переяславль, Чернигов, Киев, Владимир-Волынский и другие южнорусские города. «... Бог смирил Русскую землю нашествием безбожных иноплеменников, – заключает летописец» [2 с. 52].

Творцы катаклизмов с нечеловеческой жестокостью и цинизмом использовали любую возможность покорить и уничтожить Православные страны. Остатки меченосцев вскоре соединились с прибалтийским отделением Тевтонского ордена, образовав новый, Ливонский орден, продолживший попытки завоевать русские земли. В 1240 году немцы изменой взяли Псков, но святой Александр освободил город внезапным походом. Немецкие наместники были закованы в цепи и отправлены в Новгород. Весть об осво-

бождении Пскова поразила ливонских немцев, понимавших, что борьба приближается к решительному моменту. В поход выступили главные силы ордена. Их-то и разбил святой Александр в знаменитой битве, состоявшейся 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера и получившей название Ледового побоища.

«Рыцарей погибло по одним источникам 400, по другим 500, а пеших ландскнехтов никто не считал, их тела валялись «на семи верстах». Это был невиданный по масштабам разгром. Каждый рыцарь сам по себе являлся сильной боевой единицей, командиром отряда. Для сравнения можно отметить, что в 1214 г. в битве с французами при Бувине пало 70 германских рыцарей, и вся Европа заговорила о тяжелом поражении немцев. На Чудском озере произошло именно «побоище». 400–500 рыцарей, да еще 50 попало в плен! Князь Александр подвел красноречивый итог: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская» [43 с. 234].

А благоверному князю в благодарность за победу 1240 года пришлось пережить организованное «пятой колонной» предательство новгородцев. Князь был изгнан с новгородского престола оппозиционной верхушкой, раздасадованной, что им не удалось войти в состав «культурной Европы». Но князь не озлобился, и еще не раз спасал свой народ и от внешних, и от внутренних врагов.

В 1243 году Батый назначил в русские города своих надзирателей – баскаков, а князьям приказал являться к нему для подтверждения их прав на владение своими княжествами.

«В 1245 г. «в папской курии был выработан план, в соответствии с которым решено вести переговоры в двух диаметрально противоположных направлениях: и с русскими, и с татарами»⁹. Цель заключалась в том, чтобы подчинить Русь Риму, уговорив татар согласиться на такую сделку. Доказательства – переговоры, которые папские послы вели в Каракоруме в 1246 и 1253 гг. Таким образом, заслуга Александра Невского заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, «от зачатия до рождения». А после рождения в 1380 г. на Куликовом

поле новой России ей никакой враг уже не был страшен» [8 с. 312].

«Не брезгует Рим и антирусскими интригами при дворе Батгя – не случайно одним из советников хана являлся рыцарь Святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен. В 1245 году ездил в Великую Монголию с поручением от папы Иннокентия IV к самому Великому хану минорит Иоанн де Плано Карпини, в сопровождении двух доминиканских монахов: Асцелина и Симона де Сен-Кента. *(Проезжая через Южную Русь в 1246 году, он насчитал в некогда цветущем Киеве менее двухсот домов, а «бесчисленные головы и кости мертвых людей» так и лежали без погребения даже шесть лет спустя после татарского погрома.)* Голландский монах Рюисброк был послан в Каракорум к хану Менгу католическим владыкой Франции Людовиком IX» [2 с. 50]. Таким образом, политикой Золотой Орды пытались руководить агенты папского престола. Ватиканские посланцы умело разжигали кровавую рознь между родовыми кланами монгольских вождей.

«Монголы имели квалифицированную разведку из числа иноплеменников, принятых в войско. Венгерский монах Юлиан рассказывает о татарском после, знавшем венгерский, русский, куманский (тюркский), тевтонский (немецкий), сарацинский (арабский) и, естественно, татарский (монгольский) языки. Татарский предводитель, взятый в плен чехами при Ольмюце, оказался английским тамплиером (...!) по имени Питер» [8 с. 299].

«Католикам было выгодно поднять русских против татар, чтобы вести войну на русской территории и русскими руками. Поэтому ясно, что заинтересованы в гибели князей от рук татар были именно папские дипломаты. А потом можно было расправиться с проклятыми «схизматиками» и построить на Русской земле вторую Латинскую империю. Так и случилось в XIV в. во всей Западной Руси, а Восточная Русь уцелела благодаря оригинальной расстановке сил, которая обеспечила Руси полувековую передышку. Этого оказалось достаточно для спасения самого ценного наследия – культурной традиции» [8 с. 297].

В 1246 году в Каракоруме на торжествах по избранию нового хана Гуюка (по словам историка Л. Гумилева – дру-

га Православия и врага папизма) был отравлен князь Ярослав – отец Александра Невского. Это было делом рук вышеупомянутого папского агента Платона Карпини. Затем у него хватило наглости поехать к детям убитого им князя с заявлением, что перед смертью князь Ярослав якобы хотел подчинить Русь папе Иннокентию IV, да не успел и просил через него передать свою волю. Князья Александр и Андрей возмутились такой ложью и убили доносчика.

В 1247 году, после смерти отца, впервые пришлось ехать на поклон в Орду и святому Александру. Великий хан утвердил его на престоле Владимирском, поручив всю Южную Русь и Киев. Возможно, именно в это время святой князь обратился ко Христу сына всемогущего Батые, царевича Сартака, став его побратимом. *(О переходе в христианство Сартака есть показания арабского историка аль-Джауздани, современника событий. По некоторым известиям, ордынский царевич даже был впоследствии рукоположен в сан дьякона.)* От него Александр Невский получил старшинство над всеми русскими князьями, и это открывало перед ним широкие возможности в деле объединения Руси под единой властью великого князя. Так был заложен фундамент будущего Московского государства: *возрастание Русского Православного царства совершилось на почве, уготованной мудрой политикой князя»* [2 с. 56–57].

«Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической, и два подвига Александра Невского – его борьба с Западом и его смирение перед Востоком – имели единственную цель – сбережение Православия как источника нравственной и политической силы русского народа», – писал в 1925 г. академик Г. В. Вернадский. Этот вывод был опубликован на седьмой год коммунистической власти в полуразрушенной России, когда католики внаглую лезли в друзья к большевистскому правительству. Историк подал прозрачный намек русскому духовенству – лучше потерпеть ущемление в материальном, но сохранить веру, примеры предков у всех на памяти.

«Когда же провалились попытки вновь натравить на Русь татар, папа, ничтоже сумняшеся, предложил в 1248 году святому Александру Невскому помощь западных

народов против хана – с условием, конечно, что князь признает главенство Ватикана.

Оставшиеся без ответа «отеческие чувства» Ватикана проявили себя в организации мощного военного давления на западные рубежи Руси. Ловкостью и политическими интригами сосредоточив в своих руках духовную и светскую власть над Западной Европой, папы в XIII столетии всеми силами стараются воспользоваться несчастным положением разоренной монголами Руси: против православной страны они последовательно направляют оружие датчан, венгров, военизированных монашеских католических орденов, шведов и немцев» [2 с. 50].

В промежуток между 1216 и 1240 годами можно насчитать до сорока папских посланий, выражающих большую «заботливость» о тех, кто шел воевать в «святой земле, вновь приобретенной в Ливонии». «Конечной целью всех устремлений пап продолжала оставаться мечта о порабощении русской Церкви, а завоевание Ливонии рассматривалось лишь как первый шаг на этом пути. В своих посланиях папы называют русских нарушителями католической веры, повелевают не слагать оружия до полной победы, требуют принуждать русских к принятию католичества и, наконец, объявляют всю Русскую землю на вечные времена собственностью, грозно предписывая рыцарям искоренять «проклятый греческий закон и присоединять Русь к римской церкви».

Потеряв надежду взять Россию силой, папы не оставили попыток обольстить ее хитростью и ложью. В 1251 году Иннокентий IV прислал к святому Александру двух кардиналов – Гальда и Гемонта. Папа представлял выгоды, которые получит князь от союза с Западом и подчинения папе, предлагал в помощь против татар тех самых рыцарей, от которых святой Александр лишь недавно очищал русские земли. Посольство латинян было безоговорочно отвергнуто.

Подвижническую короткую жизнь Александра Невского венчала достойная кончина: возвращаясь в очередной раз из Орды князь тяжело заболел (скорее всего был отравлен медленно действующим ядом) и принял перед смертью монашеский постриг с именем Алексей. Вся последующая политика русских князей основывалась на примере бла-

говерного князя – перед татарами смиряться, государство крепить, Православную веру хранить, от Запада что есть сил отбиваться.

МОНГОЛО-ТАТАРЫ – КАРА ИЛИ БЛАГО?

Татары были не только наказанием за междоусобицы, но и своевременным хирургическим вмешательством, не допустившим латинской болезни заразить Русь. В условиях, когда тело народа страдало от внешнего порабощения, дух мужал, и общая беда сплачивала нацию. Князья, правившие в Северо-Восточной Руси, выбрали путь смирения перед телесными поработителями, чтобы сохранить в чистоте душу народа – Православие. От соблазна подчиниться западным «братьям по вере» надежно предохранял горький пример оскверненного крестоносцами Константинополя.

«В Ростово-Суздальской земле к татарам отнеслись положительно. Удельные князья поехали в ставку Батыя, где их пожаловали их же владениями и с миром отпустили по домам. В Великороссии согласились с тем, что Русская земля стала земля «Канови и Батыева», т.е. признали сюзеренитет монгольского хана. Такое решение было оправдано внешнеполитической обстановкой. На западной границе шла жестокая война, и ливонцы вешали русских пленников. Сила была на стороне крестоносцев, имевших неограниченные ресурсы в европейском рыцарстве, снабжаемом купеческой Ганзой и руководимом опытными политиками – прелатами католической церкви. Подчинение папскому престолу было обязательным условием мира. Для Владимирского княжества второй фронт в этих обстоятельствах был бы этническим самоубийством. И наоборот, Батый хотел установить с русскими князьями искреннюю дружбу. Русские князья за вносимую ими дань требовали и получали военную помощь против Запада и имели крепкий барьер, защищавший их от готовящихся ударов с Востока» [8 с. 300].

«Современник святого Александра Даниил Романович, князь Галицкий, избрал иной путь. Он совершил попытку воспользоваться силами христианского Запада в стремлении

отстоять от татар независимость своих земель. Во владении галицкого князя была почти вся Западная Русь. В 1250 году, когда Батый прислал сказать ему: «Дай Галич», Даниил, не чувствуя себя в силах бороться, вынужден был подчиниться и приехал в Орду на поклон. Против ожидания, встречен он был ласково, пробыл в ставке хана почти месяц и цели своей достиг: Батый оставил за ним все его земли.

Однако оскорбленное самолюбие князя заставило его искать путей освобождения от монгольской зависимости (*дело было даже и не в князе, а в его иудейском окружении, с которым он был не в силах бороться*). Чтобы рассчитывать на помощь Запада, нужно было подчиниться папской власти, и Даниил вступил в переговоры с папой Иннокентием IV о соединении церквей. Папа, склонявший Даниила к латинству еще до поездки князя в Орду (при посредничестве вездесущего Плано Карпини), был донельзя рад, и в 1255 году в городе Дрогичине Даниил короновался присланной ему от папы короной с титулом Галицкого короля. Но для борьбы с татарами нужна была не корона – военная помощь. А та не приходила. Даниил порвал с ним все отношения и, видя, что не в силах справиться с военной угрозой, уступил татарам. В 1264 году Даниил умер, и последствия его недалёковидности не заставили себя долго ждать» [2 с. 56].

«Галиция превратилась из цитадели Православия в небольшое европейское королевство, в вассала папского престола. Союз с Западом привел Галицию и ее народ к катастрофе. Через 80 лет, т.е. в 1339 г., польский король Казимир Великий «без единого выстрела» присоединил Галицию к Польше» [8 с. 301]. Галицкая земля стала с тех пор яблоком раздора и плацдармом всякого рода диверсантов, выпускаемых на Русь.

Именно после монголо-татарского нашествия западные и юго-западные русские княжества окончательно оказались в орбите притязаний западных соседей. Так, в 1262 году на полоцком княжении находился уже литовский князь Товтивил. Окончательно подчинил Полоцкую землю Великому княжеству Литовскому в конце XIV в. князь Витовт. Вот только один пример латинского миссионерства в литовских землях: «Витовт, чтобы наладить хорошие отношения с немцами, от-

дал им жмудь, упорно противящуюся латинской проповеди. В 1399 г. великий магистр тевтонского ордена, усиленный прибытием западных крестоносцев во главе с Карлом, герцогом Латорингским, напал на это племя. Крестоносцы стали крестить язычников насильно, своими методами, одновременно обращая их в немецкое подданство. Жмудины послали к Витовту делегатов, прося его заступничества: «Орден ищет не душ, а земель наших. Кто хочет других умыть, должен быть сам чист. Сжальтесь над нами, мы просим крещения, но вспомните, что мы люди тоже, сотворенные по образу и подобию Божию, а не звери какие... От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровию». Однако польское духовенство не было мягче рыцарей и несчастные жмудины оказались между молотом и наковальней» [17 с. 194]. С начала XIV в. и территория Смоленского княжества быстро уменьшается, урезаемая Литвой.

Конечно, и на западе бывшей Руси сохранялось Православие. Но с каждым годом существование его продолжалось не благодаря, а вопреки правительственной линии. Так в XIII веке было положено начало Почаевской Лавре. Эта обитель и ее игумен преподобный Иов многое сделали для утверждения Православия в западнорусских землях.

А Русь в это время в пламени народных страданий переплавляла себя для Царства Божия. Было явлено Божественное промышление о Руси, как о том месте, где предопределено храниться истинной Христовой вере, для которой создавался надежный щит и ограда. В горниле искушений рождалась Православная Держава.

«Государственные основы, заложенные Киевскими князьями на Руси, оказались жизненными, потому что источником русского закона стало в X в. церковное право. Гражданский закон, таким образом, возник из православных церковных канонов. Когда под ударами татар нарушился государственный порядок, Церковь Русская, оставшаяся единым цельным организмом страны, стала естественным стержнем национальной жизни и залогом возрождения Руси» [17 с. 197].

ТВЕРЬ И ЛИОНСКАЯ УНИЯ

Митрополит Кирилл, бывший канцлер князя Даниила Галицкого, как никто другой, понимал, чем грозит католичество России. Святитель Кирилл III управлял Церковью при самом начале монгольского ига, в 1243–1280 годах. За невозможностью жить в разгромленном Киеве митрополит, поездив по разоренным селам и весям, остановился во Владимире. Это он вдохновлял благоверного князя Александра Невского на борьбу с латинством и смирение перед южными поработителями.

«Неизвестно, был ли митрополит Кирилл в Орде, но он получил в 1267 году от хана Менгу-Темира ярлык в пользу Церкви и духовенства, в котором хан освобождал духовенство от дани и других поборов. «Пусть, – писал он, – беспечно молятся за него и его ханово племя». Здесь же хан воспрещал хулить Православную веру: «Кто будет хулить веру русских или ругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертью». Сожалея о тех несчастных русских, которые целыми тысячами были отводимы из России в Орду, митрополит Кирилл, с дозволения хана, основал в самом Сарае православную епархию» [11 с. 81].

Таким образом, православные подвижники даже татарское завоевание претворяли во благо, просвещая светом Христова учения и своих поработителей, – многие из монголо-татар охотно и искренне принимали крещение. Сила Божия в немощи совершается – так и покоренный телесно русский народ оказался морально и духовно сильнее своих победителей, что в конечном итоге и предредило освобождение Руси от их ига.

Теперь ясно, почему католики и иудеи, путем интриг и подкупа постарались за каких-то полвека произвести массу переворотов в самой Орде. Их устраивала какая угодно развязка, но не новая Православная держава на месте кочующих монгольских племен. Католические прелаты и купеческие караваны рахдонитов постоянно сновали с «дипломатическими» миссиями в ханскую ставку. Итогом их активной деятельности явилось то, что вместо язычества государственной религией Орды вскоре стало мусульманство.

Кроме того, через Литву стали просачиваться еретические диверсанты. Казалось бы, как связаны между собой открытие Православной епархии в ханской ставке, возникающая на Руси ересь стригольников и Лионская уния? Самым непосредственным образом: они были очередными провокациями иудействующих и латинствующих врагов русского государства. Римские папы, как всегда, «ловили рыбку в мутной воде». Время возникновения еретических брожений «удивительным образом» совпало с очередной попыткой подчинить Православную церковь Византии папскому престолу в Лионской унии. Полностью учение жидовствующих еретиков, получивших сперва название стригольников, сформировалось к XIV веку. Но уже свт. Кириллу пришлось столкнуться с главным пунктом еретического учения, подрывающего основу Православной иерархии – русским святителям инкриминировалось «поставление на мзде». Это была тонкая хитрость врагов Христа – под благовидным предлогом борьбы с симонией обезглавить Русскую Церковь. (Одним из детищ этой ереси явилось позднее старообрядческое «беспоповство».)

«Проведение Владимиро-Суздальского Церковного Собора в год Лионской Унии – 1274 – говорит о том, что митр. Кирилл, всю жизнь ведший антилатинскую линию, был обеспокоен циничным поворотом на унию Византийского императора Михаила Палеолога. Святитель Кирилл поспешил закрепить все задуманные улучшения и исправления в Русской Церкви и православную позицию всего русского епископата» [40 с. 217]. Ревностный архипастырь достал из Болгарии славянский список церковных правил (Кормчую) и начал его переписывать и рассылать по всей Руси, препятствуя распространению еретических учений.

Преемник митрополита Кирилла митрополит Максим в 1299 году окончательно перенес центр русской митрополии во Владимир. Но мало кто знает, что последующему возвышению Москвы едва не предшествовало присоединение Руси к Литве.

Едва на Владимирскую кафедру по кончине митрополита Максима заступил святитель Петр (1308–1326 гг.), как

город Владимир лишился значения великокняжеского. Ярлык на Великое княжение перекупил у хана тверской князь Михаил Ярославич. В этом ему помогли вездесущие латинские агенты, взамен чего он должен был заключить союз с Литвой. Вслед за своим князем и с его поддержки стал добиваться первенства в Русской Церкви и Тверской епископ Андрей. Чтобы занять митрополичье место, он банально оклеветал святителя Петра перед Константинопольским патриархом. «Доносы были самые обычные: бессребреника и аскета обвиняли в грехе симонии, торговле церковными должностями» [8 с. 318]. Литовской стороне нужна была кандидатура епископа, согласного на унию с католиками – ведь незадолго до этого из Рима велось усиленное давление на Константинопольскую патриархию с требованием принять условия Лионской унии, в этом отношении Андрей их вполне устраивал.

Процесс над митрополитом Петром явился особо показательным. Клеветниками-еретиками подрывался авторитет православного епископата и сеялись сомнения относительно легитимности священства и благодатности церковных таинств. Переводя на современный язык, еретики сознательно путали понятия законной зарплаты и премиальных с незаконной взяткой, и на этой лжеоснове строили свои обвинения.

Патриарх прислал клирика, который нашел, что митрополит не берет ничего лишнего, а только то, что ему полагается по обычаю. Еще митрополит Кирилл утвердил обычай, чтобы платили «по 7 гривен за поповство и дьяконство» – это был своего рода подоходный налог, ведь Русская Церковь зависела от Византии и исправно платила туда налоги со всех епархий. И князь, и его придворный епископ прекрасно знали этот порядок вещей, просто нужен был повод убрать с кафедры неугодного святителя, который не хотел идти на сближение с Литвой, а возвышал Православную Русь.

«В Переяславле-Залесском был открыт собор, на котором тверской епископ Андрей и ростовский епископ Симеон выступили с обвинениями в адрес митрополита Петра. На собор явились игумены, монахи, священники и даже светские лица. Последние проявили наибольшую активность. Пререкания были бурными и кончились полным оправда-

нием Петра. Обвинители потеряли свои кафедры, а великий князь – авторитет. Это оказалось для него роковым, ибо через год, в 1312 г., умер его покровитель – хан Тохта, а царевич Узбек, фанатичный мусульманин, захватил престол Орды. Михаил Ярославич оказался в немилости, а его соперник, Юрий Данилович Московский, женившийся на сестре Узбека – Кончаке (в крещении Агафье), стал близким другом хана» [8 с. 318]. Правда восторжествовала, святитель был оправдан, однако насаждаемое с Запада еретическое учение продолжало беречь умы.

«За это время литовский князь Гедимин (1316–1341) подчинил Полоцк, Туров, Пинск и Витебск, а Киев сделал зависимым владением. Литва стала противовесом Орде, а Тверь с 1327 г. стала ориентироваться на Литву. Так создались две коалиции: московско-татарская и литовско-тверская. Золотая Орда неуклонно слабела, Литовское княжество усиливалось. Преемник Гедимины, Ольгерд, захватил Северскую Русь, Новгород-Северский, Киев и поддерживал Тверь против Москвы. Даже в Новгороде сложилась пролитовская партия. Казалось, что Гедиминовичи, заменив Рюриковичей, возродят Древнюю Русь. Для этого им надо было только взять Москву» [8 с. 319].

Но Москве была уготована иная участь – Третьего Рима. «Святой митрополит Петр не пожелал перейти из Владимира в Тверь, а выбрал для своего жительства малый и незначительный городок Москву. Здесь был умный и милосердный к бедным князь Иоанн Данилович Калита. Окончательно переселившись сюда в 1325 году, святой Петр просил князя устроить храм в честь Пречистой Богоматери для своего погребения и при этом произнес замечательное пророчество о будущем величии Москвы» [11 с. 82–83].

ЛИТВА, ОРДА И РУСЬ

«XIV в. стал временем неслыханного культурного расцвета в Восточной Европе. Это век торжества исихазма, век напряженной интеллектуальной жизни в Византии. В Сербии это было время Милютинской школы в иконописи, а в Болгарии – Тырновской литературной школы.

В России это был век небывалого расцвета монашества, век свв. Сергия Радонежского, Стефана Пермского и всей Северной Фиваиды. Это был век освоения новых северо-восточных рубежей и миссионерского распространения Православия среди новых народов, вошедших в русскую сферу влияния, век бесчисленных переводов с греческого и развития литературного стиля «плетения словес». Это был век Епифания Премудрого, Феофана Грека и Андрея Рублева» [12 с. 515–516].

На пути творцов катаклизмов встало Православие: еще не истекли миру сему времена и сроки, история перешла на новый виток, а враги сменили тактику, оставив в силе стратегические планы. В отличие от Западной Европы, управляемой из Ватикана и иудейского рассеяния, Русь управлялась и устроилась святителями и преподобными, налагавшими особую благодатность на все становление русского самосознания.

«Как отмечает историк Ключевский, укреплению Москвы немало содействовали в XIV в. три монаха: сын черниговского боярина Алексей, представлявший старый Киевский юг, сын устюжского причетника Стефан, представлявший север, и Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, представлявший Великороссию. Эти три святые, каждый в своей отрасли, действительно оказали решающее влияние на возрождение национальной государственности: Алексей – как митрополит и ближайший советник трех великих князей; Стефан – как апостол Пермской земли, и Сергей – как основатель нового великорусского центра монашества» [17 с. 198].

В 1355 г. Киевскую митрополию получил «сын тверского боярина» Роман, сторонник Ольгерда и противник святителя Алексия, поставленного в 1354 г. митрополитом «всея Руси». Фактически Константинопольская патриархия, т.е. Византия, этим назначением разделила Русскую Церковь и поддержала Литву. Митрополит Алексей не признал разделения митрополии, но и не порвал с Константинополем, благодаря чему обошелся без церковного раскола. Однако различия греческого и русского мироощущения, порождающего оригинальный тип культуры, углубились.

Союз митрополии с Московским княжеством, управлявшимся «старыми боярами» – родственниками владыки

Алексия, был равно необходим им обоим. Церковь посредничала между Владимирской землей и Золотой Ордой в те страшные годы, когда Ольгерд захватывал город за городом. Тонкая церковная дипломатия установила союз православной Руси с мусульманской Ордой, оговорив взаимные обязательства, исключавшие военные конфликты. Зато на западной границе было неспокойно.

Молниеносные удары Гедимины и Ольгерда нанесли русичам больший урон, чем поход Батыея. Хуже всего было то, что в отличие от татар литовцы оккупировали завоевываемые ими территории и к концу XIV в. овладели всеми землями Киевской Руси, за исключением Новгорода, но и там создавалась антимосковская, значит – пролитовская, партия. Связь Новгородской земли с Великороссией слабела. Идея православной теократии была в Новгороде отвергнута полностью. И наконец, не все русские княжества стремились к объединению ценой потери своей самостоятельности. Тверь и Рязань предпочитали союз с Литвой подчинению Москве. Суздаль готов был оспаривать право на Великий стол. Даже нижегородский князь Борис женился на дочери Ольгерда, уповая на помощь тестя. И вдруг на Русскую землю навалилась «черная смерть» – чума...

На Русь чума пришла с Балтики, появившись в 1351 г. во Пскове. В 1353 г. от этой болезни умер великий князь Симеон Гордый со всей семьей, за исключением младшего брата – Ивана Ивановича Красного. Симеон завещал бразды правления не ему, а митрополиту Алексею (крестнику его отца – Ивана I Калиты). Святитель возглавлял правительство до самой своей смерти в 1378 г. Такие деятели замечательны тем, что они умели найти выход из безнадежной ситуации, не погрешив ни против своей страны, ни против своей совести [8 с. 323].

Святитель Алексей воспитал благоверного князя Дмитрия Донского. Он, как позднее и святитель митрополит Иона Московский (1448–1471), силой своего авторитета помогал московскому князю в прекращении феодальных смут и сохранении государственного единства. По слову историка, Русь являла собой «здание православной теократии, воздвигнутое митрополитом Алексием при помощи игумена Троицкой лавры Сергия Радонежского». Заботясь о благе

Церкви и Отечества, святитель Алексий три раза путешествовал в Орду, укрощая ярость «накручиваемых» врагами Руси ханов. В одну из поездок он и совершил известное чудо исцеления ослепшей ханше Тайдулы» [11 с. 83].

Крупнейшим событием в истории древнерусского монашества было основание около 1334 года преподобным Сергием Радонежским Троице-Сергиева монастыря. Монастыри содействовали сохранению национального самосознания и культуры русского народа. Там шла непрекращающаяся молитва за страждущую Русь и главная подготовка к решающим действиям. Всего с XIV до половины XV века было основано до 180 новых монашеских обителей.

«Преп. Сергий со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в оживлении монастырской жизни. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам. До половины XIV века масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и Верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу, но то был глухой, непроходимый край, кое-где занятый дикарями-финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пускаться в эти бездорожные дебри.

Монах-пустынный и пошел туда смелым разведчиком. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV в. до конца XV в. возникло среди лесов Костромского, Ярославского и Вологодского Заволжья: этот Волжско-Двинский водораздел стал северной Фиваидой Православного Востока. Сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской Церкви и русской народности.

Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами христианской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из

мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество преподобный Сергей» [44].

В то же время в продолжение всего XIV в. не прекращались соперничество и борьба между двумя центрами двух Русей – Москвой и Вильно. И только в конце века Литва, объединившись с Польшей, окончательно вступила в западную орбиту, а Москва, возглавив объединенное русское войско на Куликовом поле, в первый раз нанесла крупное поражение татарам, став, таким образом, признанным лидером русских земель в борьбе за национальную независимость и единство.

«Во время татарского ига бедой ... особенно для князей малых и бедных княжеств, были ростовщики. Иудеи появляются на Руси в обличье мытарей – сборщиков дани, которую они собирали с присущей им жестокостью. Не в силах собрать средства в своей земле, князья вынуждены были брать деньги для выплаты дани у ростовщиков в рост. Одно из таких сообщений имеется под 1321 годом: «Приидя из Орды в Кашин Таянчар, татарин с жидовином, и многу тягость учинили нашим». За 200 лет только Московским княжеством в виде дани было выплачено в Золотую Орду несколько сот тонн чистого серебра. Злоупотребления при сборе дани были чудовищны и вызывали справедливый ропот населения. К даням – «выходам» надо добавить расходы на содержание ханских послов, баскаков, на подарки хану и его приближенным во время пребывания князей в Орде. Много денежных средств шло на выкуп пленных, восстановление разрушенного после ордынских погромов» [6 с. 201].

Вместе с тем русские святители и князья сумели облегчить тяжесть ордынского ига, завоевывая доверие ордынских правителей, многих начали обращать в Православие. Поэтому мировым закулисным силам нужен был предводитель, который бы смог одолеть Православную Русь – им и стал темник Мамай (своего рода ордынский революционер) в союзе с Литвой и генуэзцами. Последние уже давно отработывали иудейские сребренники, разрушая Православную Византию. Так в Мамаевом сорище объявился генуэзский полк.

К 1376 г. под началом Мамаю были почти исключительно антиордынские улусы и этносы – половцы, ясы, касоги, крымские евреи, но особенно ценным для него был союз с Генуей, имевшей колонии в Крыму. Считать Мамаю ордынцем или даже союзником Орды никак нельзя. Он был мятежником, хотя и не демонстрировал этого, предпочитая изображать верноподданного, чтобы легче убивать тех царевичей, которые ему доверялись. А русские князья продолжали возить дань в Сарай, ибо ценили союз с государством, спасшим их от литовского натиска».

В эти же годы вспыхнул конфликт русской церкви с Мамаем. В Нижнем Новгороде по инициативе Дионисия Суздальского были убиты послы Мамаю. Возникла война, шедшая с переменным успехом, закончившаяся Куликовской битвой и возвращением в Орду Чингисиды Тохтамыша. В этой войне, которую навязала церковь, участвовали две коалиции: химерная держава Мамаю, Генуя и Великое княжество Литовское, т.е. Запад, и блок Москвы с Белой Ордой – традиционный союз, начало которому положил еще Александр Невский. Гораздо напряженнее был контакт с католиками. Его в полной мере ощутили западные русские спустя два века, хотя и в конце XIV в. им было несладко. Иначе к их числу присоединились бы Новгород, Тверь, Рязань и Суздальско-Нижегородское княжество, но этого ведь не произошло! [8 с. 323–325].

Москва оказалась между двух огней – с запада наступала Литва при поддержке всех католических держав Европы, а с юго-востока – монгольские войска под предводительством Мамаю, который был в союзе с Литвой. В довершение всего, враги действовали и изнутри: в доверие к великому князю Дмитрию втерся некий Митяй, метивший на митрополицию кафедру – новый претендент на унию с католическим Западом.

«Первая литовщина» произошла в 1368 г. Ольгерд и Михаил Тверской так разорили Московскую землю, что «такого зла и от татар не бывало». Даже удивительно, что до сих пор никто не сравнил число литовских и татарских набегов!

Многие считали, что куда проще было подчиниться Мамаю и платить дань ему, а не ханам в Сарае, пустить на Русь генуэзцев, предоставив им концессии, и, в конце концов,

договориться с папой о восстановлении церковного единства. Тогда был бы установлен долгий и надежный мир. Любопытно, что эту платформу разделяли не только некоторые бояре, но и церковники, например духовник князя Дмитрия Митяй, претендовавший на престол митрополита. Мамай пропустил Митяя через свои владения в Константинополь, чтобы тот получил посвящение от патриарха. Но Митяй в дороге внезапно умер.

После гибели Митяя и ссылки другого члена великокняжеской группы, Пимена, Сергей и Дионисий вернули свое влияние, и сила вещей толкнула Дмитрия на Куликово поле, а Мамай – в лапы предателей-генуэзцев, отравивших ненужного друга. У генуэзцев была иная этика. Они считали, что главное в жизни – выгода, что монголы и турки почти не люди, а объект для коммерческих операций. Когда они сильны, их надо использовать, когда ослабли – выкинуть. По сути, это была психология зарождавшегося капитализма» [8 с. 306–312]. Дополняя историка можно сказать, что это была психология иудаизированного латинизма, наиболее ярко выразившаяся впоследствии в деятельности ордена иезуитов.

На страже Руси стояли воины Христовы – святители и преподобные. «Великороссия, чтобы не погибнуть, вынуждена была стать военным лагерем, причем былой симбиоз с татарами превратился в военный союз с Ордой, который продержался более полувека – от Узбека до Мамай. Тогда и долго после говорили: «Московиты, тверичи, рязанцы, смоляне, новгородцы», и только в 1380 г. на Куликово поле пошли русские. И хотя Москва, присоединив к своим владениям Великое княжество Владимирское в 1362 г., стала признанной столицей России, для того чтобы население ощутило себя этносом, понадобился подвиг, ставший моментом рождения и государства, и народности, и культуры, и воинского духа, позволившего потомкам витязей XIV в. жить и побеждать, ориентирясь на самих себя. Итак, не Москва, не Тверь, не Новгород, а Русская Православная Церковь как общественный институт стала выразительницей надежд и чаяний всех русских людей независимо от их симпатий к отдельным князьям.

На Русь стекались и татары, не желавшие принимать ислам под угрозой казни, и литовцы, не симпатизировавшие

католицизму, и крещеные половцы, и меряне, и мурома, и даже мордва. Но для того, чтобы это скопище людей, живущих в мире и согласии, стало единым этносом, не хватало одной детали – общей исторической судьбы, которая воплощается в коллективном подвиге, в свершении, требующем сверхнапряжения. Когда же народу стала ясна цель защиты не просто территории, а принципа, на котором надо было строить быт и этику, мировоззрение и эстетику – короче, все, что ныне называется оригинальным культурным типом, то все, кому это было доступно, взяли оружие и пошли биться с иноверцами: половцами, литовцами, касогами, генуэзцами и с отступниками – западными русскими, служившими литвину Ягайло.

Только новгородцы уклонились от участия в общерусском деле. Они больше ценили выгодные сделки, контакты с Ганзой, несмотря на то, что немцы не признали новгородцев равноправными членами этой корпорации. Этим поступком Новгород выделил себя из Русской земли и через 100 лет подвергся завоеванию как враждебное государство. Но будем последовательны: Новгород сохранил черты культуры, присущие древнерусским городам, и, подобно им, пал жертвой отработанного близорукого эгоизма. А вокруг Москвы собралась Русь преобразованная, способная к подвигам. Благодаря этим качествам Москва устояла против разноплеменных скопищ Мамай и Ягайло» [8 с. 351–352].

«Великий князь Димитрий, решившись на неслыханную доселе дерзость – поход против татар, – предварительно испросил благословения и совета преп. Сергия. Игумен ответил ему: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь», а кроме того, чтобы особенно отметить важность для России предстоящей битвы, отправил Димитрию двух своих иноков, в миру бывших воинов, – Пересвета и Осляба, погибших на Куликовском поле в 1380 г. Этим актом преподобный от лица Церкви желал как бы лишний раз подчеркнуть смысл борьбы, предпринятой для Православного и национального возрождения Руси. Куликовская битва явилась первым толчком к окончательному освобождению от ига [17 с. 198–199].

«После того как вел. князь Димитрий Иванович разбил татар в Рязанских землях на реке Воже (1378), Мамай стал

собирать свои войска, чтобы наказать его за подобную дерзость и выступил в поход на Москву. Узнав об этом, Ягайло поспешил войти в сношения с ханом и заверил его в содействии литовского войска против русских. Обе рати должны были соединиться 1 сентября 1380 г. Мамай обрадовался столь неожиданной подмоге и, вместо того, чтобы идти на Москву через Рязань, двинулся сперва на запад, дабы соединиться с литовцами. Однако о коварном замысле Литвы успели вовремя предупредить Дмитрия Ивановича, который поспешил настичь татар до их соединения с Ягайлой. Этот маневр ему удалось провести блестяще, и на Куликовом поле Мамай потерпел полное поражение; неизвестно, каков бы был исход битвы, если бы Ягайло, находившийся всего в одном дне пути от поля сражения, успел примкнуть к татарам...» [17 с. 201].

«Разгром полчищ Мамаея русскими дружинами послужил темой целого ряда произведений, образующих так называемый Куликовский цикл, свидетельствующий, что Русь впервые одолела татар, лишь поднявшись на защиту святынь Православия, а не политических или земельных интересов» [2 с. 67].

Но не успели еще залечить раны герои Куликовской битвы, как последовала новая напасть. На потерявшую бдительность Москву последовал внезапный набег Тохтамыша. Когда и этот поход закончился изгнанием завоевателей из русских пределов, антихристианские силы применили новую тактику.

На Западе произошло событие, изменившее соотношение сил, – уния Литвы с Польшей. Русские подданные Литвы оказались в подчинении у католиков, что повело за собой ряд правовых ограничений. Еще в 1370 г. смоленский князь Святослав подчинился Литве. Литовская угроза нависла и над Москвой, которой неоткуда было ждать помощи, ибо Византия, естественный союзник Московской митрополии, сама еле держалась против турок-османов и итальянских купцов. Казалось, что к моменту кончины Дмитрия Донского у его государства нет никаких шансов выжить, однако Москва не только победила, но и объединила вокруг себя Великую Русь.

«Витовт, ставший Великим князем Литовским в 1392 г., в свою очередь задумал подчинить себе Москву. Несмотря

на то, что Василий Дмитриевич был женат на его дочери Софии, Витовт воспользовался походом на Русь Тамерлана, чтобы присвоить Смоленское княжество (1395 г.). Этот разбойничий акт был совершен в момент, когда вся Русь была объята ужасом и ожидала своей окончательной гибели. Василий Дмитриевич решил защищаться до последней капли крови и стал готовиться к обороне. Митрополит Киприан совершил перенесение в Москву Владимирской иконы Божией Матери. По преданию, в тот самый день, когда москвичи встречали крестный ход с иконой, Тамерлан, не доходя до Оки, неожиданно повернул от Ельца назад, и Москва оказалась чудом спасенной от монголов» [17 с. 202].

«Витовт, возведший свое государство на небывалую высоту, мог бы стать соперником Московских государей и объединить вокруг себя русские земли, если бы он придерживался православно-русской политики и опирался на сильнейшую часть своего населения, исповедавшую Православие. Не смея прямо атаковать православное население, латиняне придумывали разные способы, дабы ослабить Церковь. Так была задумана уния с Римом. Препятствовало полякам подчинение Западно – Русской Церкви митрополиту, жившему в Москве, решительному противнику всякого сближения с Римом. Следовало непременно добиться отделения Литвы от русской юрисдикции путем создания своей, западнорусской митрополии.

Под влиянием своих католических советников Ягайло обратился в Константинополь к патриарху Матфею I (1397–1410), прося поставить для Литвы митрополита. Патриарх отказал, и в 1408 г. поставил общерусским митрополитом грека Фотия (1408–1431), вместо умершего в Москве св. Киприана. В 1410 г. Фотий прибыл в Москву и совершил в 1411–1412 гг. окружное путешествие по южным епархиям, посетив Киев, Галич, Луцк и т.д., повсюду укрепляя Православие. Разумеется, это очень разгневало латинское духовенство, и польская партия стала влиять на Витовта, чтобы непременно добиться отдельной митрополии.

В 1413 г. на польско-литовском съезде в Городле были провозглашены условия государственной унии, причем литовским подданным дарованы были те же права и привилегии, что и польским, но взамен принятия ими католичества.

На новые должности по этим правилам могли назначаться только католики, и польская партия в Литве усилилась честолюбцами, изменявшими вере ради выгод. Пользуясь этим, латинское духовенство стало внедряться в литовско-русскую среду и распространять польское влияние.

Витовту удалось устроить собор в Новогрудке, где в 1414 г. южнорусские епископы в противовес Москве избрали митрополитом Киевским болгарина Григория Цамблак. Узнав об этом, патриарх Евфимий II (1410–1416) поспешил объявить избрание незаконным, а Григория лишил священнического сана. Цамблак, проживавший в Вильне, остался верен Православию, хотя и не отказался от неканонично принятого им звания. В летописях упоминается, что Цамблак запрашивал даже Витовта: почему тот католик, а не православный? И будто бы Витовт ответил ему, что если Григорий поедет в Рим и оспорит папу и его мудрецов, то он со всем народом тотчас же перейдут в Православие» [17 с. 203]. *(Участь его современника Яна Гуса удержала Григория Цамблака от такого опрометчивого шага как поездка в Ватикан...)*

«Стремительный взлет Литвы кончился... присоединением ее к Польше, благодаря чему Литва была введена в западноевропейский суперэтнос. Борьба внуков Гедимины за престол Литвы – это цепь убийств, предательств, измен принципам и симпатиям. Русские хотели видеть на престоле своей страны православного князя, пусть литвина. Поляки готовы были уравнивать права литовцев со своей шляхтой, но настаивали на католичестве как государственной религии, что обеспечивало Польше контакты с Западом, а русских они рассматривали как объект завоевания» [8 с. 361].

Витовт желал унии под главенством папы. Узнав про учение Гуса, он решил использовать его как приемлемую для обеих сторон базу для соединения. С этой мечтой он уговорил Григория и нескольких епископов отправиться на знаменитый Констанцкий Собор (1414–1418), провозгласивший, превосходство соборов над папами. Однако литовское посольство с митрополитом прибыло на собор уже после свержения Гуса и план Витовта оказался невыполнимым, тем более, что отцы собора отвергли для мирян древний обычай причащения под обоими видами.

Собор подтвердил право совершать богослужения по иным обрядам, кроме латинского, однако, несмотря на доводы чешских делегатов, решено было в Чехии служить только по-латыни. Это было принято под давлением немецких государей, владельцев чешских земель, насильно веками искоренявших у несчастных славян обряды и традиции древнего Православия, насажденные свв. Кириллом и Мефодием и столь мужественно защищенные в Констанце Гусом. Интересно, что сожженный в Констанце его ученик Иероним Пражский был, кроме ереси, этим собором обвинен также и в общении с русскими «схизматиками» во время его пребывания в Витебске. То, что литовские послы узрели на Западе: скандальные распри, порожденные двоепапством, недостойное поведение и распущенность духовенства и т. д., убедили Витовта, что о соединении церквей нечего было и мыслить.

В 1412 г., польское духовенство отняло у православного архиерея собор в Перемышле. Из древних склепов с позором и поношением были выброшены в мусорные ямы останки русских князей и иерархов, погребенных в соборе, что усугубило ненависть против латинства среди православно-го населения.

После смерти Цамблака (1420 г.) Литва снова признала юрисдикцию проживавшего в Москве митрополита всея Руси Фотия. В то время правители Литвы и Польши еще не до конца определились с вероисповеданием для своего государства, и большинству симпатизировало именно Православие, но в угоду политической карьере и под давлением Рима пересилило католичество. Так, в 1427 году на съезде в Луцке император Сигизмунд сказал следующее: «Я понуждаю папу, чтобы он созвал собор для примирения с гуситами и для преобразования Церкви, отправляюсь туда сам, если он согласится; если же не согласится, созову собор собственной властью. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну веру, отличаясь от нас только бородами, да тем, что священники у них женатые. Однако это не порок, потому что греческие священники довольствуются одной женой, а латинские держат их по десять и больше» [17]. Но это были лишь слова, а на деле агрессия против Православия и России нарастала.

ЕРЕСЬ СТРИГОЛЬНИКОВ

В XIV веке на Руси заявили о себе первые «официальные» еретики – стригольники. Еретические мудрования занесены были латинскими поветриями. Приграничные и подверженные западному влиянию города Псков и Новгород еще со времен князя Владимира являлись центрами оппозиции, где гнездились как древние языческие пережитки, так и новые европейские ереси.

В Европе еще не родился основоположник реформационных идей Виклиф, а в Новгороде новоявленные еретики-стригольники всю обличали «продажность» церковной иерархии и отвращали народ от Церкви. Но благодаря как мудрости и святости обличаемых еретиками церковных иерархов, так и благочестию простого люда, эта ересь прошла стороной, в принципе, как и все другие. Здоровый церковный иммунитет русского православного народа пережил этот фурункулез, который благополучно прорвался, хотя и оставил в церковном организме вялотекущую инфекцию, вылившуюся потом в воспалительный процесс ереси жидовствующих и старообрядческий раскол.

«Н. М. Никольский впервые предложил рассматривать ересь стригольников в качестве протестантски-реформационного движения, аналогичного лютеранству. В западной литературе широко распространено мнение о том, что «стригольничество» – это своеобразная вариация богомилства на русской почве. *(Можно вспомнить в связи с этим активную деятельность «волхвов-богомиллов» в Великом Новгороде и других городах Руси в X–XI вв.)*

Этимологизация термина «стригольник» позволяла жестко связать первую русскую ересь со средой городского ремесленного плебса. *(Подобным образом сеял в среде городского простонародья свое еретическое учение и ересе-начальник Арий, а позднее на Руси – раскольники-старообрядцы).* Здесь впору вспомнить одного из самых загадочных персонажей русского языческого пантеона – Стрибога у балтийских славян. Стрибог считался олицетворением злого начала, враждебного плодородию» [45].

По рассказу летописи, в 1376 году, новгородцы бросили в воду трех «развратителей веры христианской»: диакона

Никиту, диакона Карпа и одного неизвестного простеца. То были руководители секты стригольников. Отвергая всю современную иерархию, как поставленную на мзде, стригольники отвергали и всю прежнюю, которая также ставилась на мзде, а вместе с этим и все предания этой иерархии. Они пришли к выводу, что только апостольская церковь есть истинная христианская церковь, только апостолы были истинными пастырями и учителями, и только их писания должны служить руководством в вере.

Так, уже в XIV веке мы имели своих доморожденных евангелических христиан. Богослужение стригольников было упрощено до минимума. Храмы они вообще не признавали, толкуя по-своему слова Священного Писания: «Всевышний не в рукотворенных храмах живет». Можно думать, что у них было свое крещение, остальные же таинства они или отрицали, или понимали по-своему: Евхаристии у них не было, они подразумевали ее в духовном смысле, покаяние же совершали по-язычески – припадая к земле.

«После казни основателей секты ересь не только не исчезла, но стала усиливаться. Патриарх Антоний прислал в Москву вифлеемского митрополита Михаила, который вместе с московским митрополитом Киприаном и духовенством составили в Новгороде собор, где огласили патриаршие увещательные грамоты и свои собственные наставления. Некоторые сектанты после того вернулись в лоно Церкви, а другие, боясь преследований, убежали в Галицию. *(Возьмем на заметку это географическое место – там, в непосредственной близости от Ватикана, возник незатухающий очаг, подпитываемый латинством и разжигающий все ереси и расколы в РПЦ. Стригольники, живущие, старообрядцы, униаты и даже советские диссиденты и им подобные имели в тех краях «стартовый плацдарм» и «запасные аэродромы». Печатная, рукописная, самиздатовская литература, денежные пособия, поддельные документы, «политические убежища» – все было предоставляемо там врагам РПЦ во все века щедрыми папскими агентами).*

В Пскове ересь удержалась, и митрополит Фотий не раз посылал туда поучительные грамоты, в которых просил

православных не смущаться еретиками, вразумлять их, а в случае упорства изгонять от себя. Стригольники в то время уже разбились на два толка. Последователи одного, умеренного, удержали основное учение секты и даже старались не порывать связей с господствующей Церковью, участвовали в богослужении, делали поминки и приношения. Последователи другого, крайнего, отрицали все внешнее в христианстве; перестали признавать всякие писания, даже апостольские, отвергали воскресение мертвых и будущую жизнь и даже утратили веру в Спасителя, полагая, что достаточно молиться Отцу Небесному. (*Отрицание Спасителя, как и отказ поминовения усопших, выявляют иудейскую, а, конкретнее, саддукейскую сущность ереси.*). Это разложение секты вместе с преследованиями ее адептов, привело к ее вырождению и уничтожению» [46]. Интересно, что позднее аналогичным образом раскололись и старообрядцы.

«О связи стригольников с иудеями-караимами и о близком к ним учении сообщает Стефан Пермский в 1386 году. «Стригольники, – писал в 1427 году митрополит Фотий, – саддукеем о нем проклятым подражающе суть, яко и воскресению не надеюще быти мняху» [4 с. 53]. Позднее многие черты «исчезнувшей» секты стригольников вдруг всплыли у жидовствующих еретиков, а затем и у ревнителей старообрядческого раскола.

«В 1470-х годах при митр. Геронтии мы видим шумный эпизод обрядового спора о посолонном хождении. Но подспудно живет не только в чистом сектантстве, но и среди церковных книжных людей некая тревога, питаемая сектантскими низами, а именно – внутренняя критика нравов церковных. Возникает вопрос: чисто ли оно оригинальное, имеет ли что-нибудь от тайного богомильского предания, или в нем можно усмотреть какое-то внешнее еретическое влияние, какую-то новую пропаганду западного происхождения?» [41 с. 316]. При подробном изучении богомильских нестроений и проявлений стригольнической ереси, вырабатывается новый подход к главной драме Русской Православной Церкви – расколу XVII века. За его спиной стоит многовековая подспудная работа тайных и явных агентов иудаизированного латинства.

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ И АВТОКЕФАЛИЯ РПЦ

Историки подсчитали, что Россия, со времени своего основания и до второй половины XX века воевала каждый третий день своей истории. Но никто не подсчитывал, сколько довелось воевать Русской Православной Церкви и русским правителям по защите Православия от всевозможных ересей и расколов, от внутренних и внешних врагов, действовавших на идеологическом фронте. А эти враги были пострашнее физических, и с завидным постоянством и упорством лезли на Русь. Арифметически регулярно слуги тьмы придумывали что-нибудь новое или облекали в другие ризы что-нибудь старое и шли в атаку. Все менялось: и границы государства, и династии, и правители, только неповрежденной сохранялась душа народа – Русская Православная Церковь, да одинаковыми оставались два врага – иудеи и католики, которые при всех режимах, во все времена использовали любую возможность лишить народ истинной веры и покорить Русь. И при татарах, и при Иоанне Грозном, и при советской власти, папы римские слали своих агентов к русским властям с предложениями подчиниться ватиканскому престолу. *(Не лезли же с навязчивой любовью каждый раз к русским царям мусульмане или монофизиты, им и своих проблем хватало).*

Были моменты, когда казалось, что захватят власть живодствующие еретики, и превратится Русь в Хазарию, но Господь уберег. И поляки в Кремле сидели, и французы потом, но не стала Святая Русь окраиной Речи Посполитой, а стала потом Польша в повиновении у русских царей. В наши дни повторяются все те же процессы – Россия отбивается от внешних и внутренних врагов, а католические и иудейские вожди объединяют усилия по пропаганде глобализационного единения.

«Не раз составляли враги России хитроумные планы ее порабощения. Вот лишь несколько примеров того, как предполагалось уничтожить ненавистную, непокорную страну. Самым верным способом для этого сочли лишить Россию ее религиозной самобытности, ее православных святынь, «растворив» их в западном католичестве» [47 с. 7–8].

Настоящее бедствие постигло Русь со смертью великого князя Василия Дмитриевича в 1425 г.: началась «Шемякина смута», обострились отношения с Ордой, в 1428 г. Псков перешел под власть литовского князя. В 1430 г. образуется независимое Крымское ханство, а в 1436 г. создается Казанское ханство. С тех пор даже и года не проходило без нашествия – и это когда страна была разорена междуусобицами.

«После смерти митрополита Герасима великий князь Московский Василий отправил в Константинополь для поставления первосвятителем Иону, епископа Рязанского. Однако у Константинополя были свои соображения. Русским митрополитом был поставлен болгарин Исидор, и поставлен не случайно, а с определенной целью.

Император Мануил Палеолог и патриарх Иосиф решились просить помощи у папы против турок. Условием получения помощи было поставлено примирение с католицизмом – в действительности это означало признание его «правоты» и отречение от Православия. Склонить русских к участию в лжесоборе и должен был митрополит Исидор. Император знал его с давних пор: еще в сане игумена тот ездил в Базель для переговоров о «соединении церквей», которые велись там с 1433 года. *(По свидетельству историка-византиста Регеля, издавшего в 1891 г. письма Исидора к итальянскому гуманисту Гуарино Гуарини, Исидор и сам принадлежал к этому экуменическому сатанинскому сообществу предшественников масонства.)*

Тотчас по прибытии в Москву Исидор стал готовиться на «собор», несмотря на возражения великого князя. Василий уступил настойчивости митрополита, но предупредил: «Нового и чуждого не приноси нам – мы того не примем». Исидор поклялся стоять за Православие, и, взяв с собой Суздальского епископа Авраамия и других духовных и светских лиц, отправился в Италию» [2 с. 70].

«Греки отлагали прения до прибытия «великого философа» Исидора. Он характеризуется как «интеллектуал ренессансного типа, чуждый православной духовности» и «близкий идеалам западноевропейского гуманизма в духе «Возрождения», и приверженцем западной ориентации зарекомендовал себя еще до того, как стал митрополитом

всёя Руси» [48]. «В состоявшемся акте Флорентийской унии русскому митр. Исидору принадлежит первостепенная роль инициатора и главного его устроителя. Исидор первый начал доказывать необходимость принятия унии на условиях, предложенных папой, и решительно повлиял в этом смысле на самого императора Мануила. Насколько велик был авторитет Исидора, видно из того, что его прочли в преемники скончавшемуся на соборе Константинопольскому патриарху Иосифу. Симеон Суздалец в своем «Слове о составлении осьмаго собора» всю вину унии возлагает на Исидора, обращаясь к нему с укоризнами: «царя обольстил еси, патриарха смутил еси и царствующий град погибели исполнил еси». За что «ни единого возлюби папа митрополита, якоже Исидора». Под актом унии Исидор подписывается с особым сочувствием. Он, в отличие от всех, написал: «Подписуюсь с любовью и одобрением» [40 с. 270].

«Совершенно ясно, что втайне Исидор был сторонником унии задолго до своего назначения в Москву и являлся тайным сторонником Рима в той же мере, как и пресловутый Паисий Лигарид, митрополит Газский, два века спустя отправленный папой и иезуитами к легковерному царю Алексею Михайловичу, чтобы возмутить в Москве церковно-государственную гармонию» [17 с. 210].

Исидор получил от папы сан кардинала-пресвитера и звание легата от ребра апостольского для провинций: Литвы, Ливонии, всей России и Польши. В конце 1439 г. Исидор отправился на Русь из Венеции, проехал через Загреб, Будапешт и Краков в Литву. Из Будапешта в начале 1440 г. он отправил в область своего легатства окружное послание, в котором с торжеством провозгласил о состоявшемся соединении церквей. Православных митрополит убеждал без всякого сомнения ходить в латинские церкви и приобретаться от опресноков, а латинян наоборот. Не доезжая до Кракова, митрополит Исидор был гостеприимно встречен латинским епископом краковским; в самом Кракове имел свидание с польским королем; здесь же он совершал греческую литургию в католическом соборе, а по соседству с Краковом в г. Терновце участвовал вместе с одним польским епископом в освящении костела. Отсюда Исидор отпра-

вился уже в города собственной митрополии: Перемышль, Львов, Галич, Холм и т. д. до Вильны, куда прибыл в августе 1440 г. Из Вильны он еще раз возвращался в южную Русь (был в начале 1441 г. в Киеве) и только в марте этого года приехал в Москву.

Принесенная митр. Исидором на польско-литовскую Русь уния, о которой так давно мечтали тамошние государственные политики, казалось бы, должна была отныне утвердиться в Западно-Русской Церкви. Но на деле из-за политически неблагоприятной обстановки этого не случилось. Пока Исидор медлил в Литве, желая подготовить Москву к мысли о принятии унии, Москва, наоборот, успела за это время добыть сведения о состоявшемся во Флоренции соборном акте, определить свое отношение к нему и наметить способ противодействия. Боярин великого князя Фома и Симеон Суздалец, рассорившись с митр. Исидором в Венеции, поспешили в Москву ранее других и поведали обо всем. Вслед за ними, в сентябре 1440 г. возвратились и некоторые другие спутники митрополита Исидора, во главе с епископом Суздальским Авраамием. Пред москвичами все же еще оставался крайне недоуменный факт вероотступничества всей греческой иерархии, начиная с царя и патриарха. Но и тут истинную сторону дела, т. е. фактическое неприятие унии народом и духовенством, успели уяснить русским в своем послании твердые защитники отеческой веры – святогорские иноки.

Митр. Исидор приехал в Москву 19 марта 1441 г. в третьем воскресеньи Великого поста. По обряду папского легата, он въехал в город с преднесением латинского креста и проследовал прямо в Успенский собор для богослужения. На литургии митр. Исидор велел поминать на первом месте не имя Константинопольского патриарха, а имя папы Евгения IV. После литургии митрополит приказал своему протодиакону прочесть во всеуслышание с амвона соборный акт 5 июля 1439 г. об унии. Затем передал великому князю послание от папы, в котором Василий Васильевич приглашался быть усердным помощником митрополиту в деле введения унии [40 с. 268].

«Василий II стал гневно обличать изменника и назвал его «латинским ересным прелестником» и «волком в овечь-

ей шкуре». Митрополита посадили в Чудов монастырь под стражу. В Москве был созван Собор в 1441 г., из епископов, архимандритов, игуменов и монахов; Русская Церковь первая клеймила Флорентийскую псевдоунию и лишила сана Исидора, справедливо рассудив, что случившееся в Италии отвергается как дело рук папы и несогласное с православным вероучением. Исидор бежал из монастыря в Тверь (*видимо, там все еще сильна была пролитовская партия!*), думая там интриговать против Москвы, но в марте 1442 г. проехал в Литву, а оттуда в Рим, где и поселился у папы» [17 с. 212].

«Всю ответственность и тяжесть трудов по низложению Исидора великий князь берет на себя. Не будет преувеличением сказать, что автокефалия Русской церкви была достигнута благодаря уму и таланту Василия Васильевича. Шесть русских архиереев и великий князь сохранили миру истину Православия. Именно они были выбраны орудиями Промысла Божия и сделали то, чего не смогли сделать греки. Власть избирать, поставлять и судить митрополита стала достоянием Собора русских иерархов, подданных русского государя» [48].

«Пресловутая уния так искусно истолкована Римом, что до наших дней на нее ссылаются латинские писатели и богословы как на знаменитейшее событие. Уния пагубно отразилась и на русско-польских взаимоотношениях. За два года до Иерусалимского Собора, созванного против унии вселенскими патриархами, Московский поместный Собор 1441 г. смело проклинает совершенный произвол, и Василий Темный обличает предателя. Велика заслуга перед Церковью русских иерархов 1441 г., единодушно ее отвергнувших! Велика слава и несчастного слепца, Василия Темного, испытавшего и 20-летнюю борьбу со своими родичами за Московский престол, и татарский плен, и увечье от Шемяки и, несмотря на это, мудро и блестяще содействовавшего Русской Церкви достойно выйти из труднейшего канонического положения. Единодушные русских иерархов в стоянии за истину, несмотря на измену своих духовных вождей, свидетельствует о высоком нравственном уровне, на который взошла Русская Церковь, вскормленная с Киевских времен своими первоиерархами и в татарское страш-

ное время одухотворенная преп. Сергием Радонежским» [17 с. 212–213].

Итак, в 1448 году, незадолго до падения Византийской империи, Русская Церковь стала независимой от Константинопольского Патриархата. Митрополит Иона, поставленный Собором русских епископов в 1448 году, получил титул Митрополита Московского и всея Руси. В дальнейшем возрастающая мощь Русского государства содействовала и росту авторитета Автокефальной Русской Церкви.

ГОСУДАРЬ ИВАН III И ЕГО ЭПОХА

«С 1380 по 1452 г. Московское княжество стало Россией, а бывшая (Киевская) Русь – окраиной Литвы, которой руководила Польша. Москва сумела возглавить обновленную пассионарным толчком Россию и вывести ее из состояния вассала Орды на широкий путь самоутверждения, чему весьма способствовала широкая терпимость к аборигенам и твердая позиция неприятия иноплеменных воздействий» [8 с. 286].

«Умный и энергичный Иван III Васильевич (1462–1505) добился независимости Руси от Золотой Орды и прогнал в 1480 г. ханских послов, требовавших уплаты дани хану Ахмету. Все это свершилось при мудрой поддержке святителей РПЦ. Когда государь не решался из чрезмерной осторожности сразиться с татарами, духовные пастыри смело обличили его. Московский митрополит Геронтий, игумен Троицкий Паисий и другие даже пристыдили Ивана III, а архиепископ Ростовский Вассиан сказал: «Вся кровь падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними. Или боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный. А без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю». По молитвам Церкви, посланные разгневанным ханом войска, простояв против московских на реке Угре, без боя покинули пределы России 23 июня 1480 г.

Иван потребовал от Литвы возвращения земель, отошедших к ней во времена Гедемина: там начались преследования православных. В Юрьеве (немецком Дерпте) латиняне

напали на русский крестный ход в день Богоявления и схватили священника Исидора Нового и 72 верующих. Немцы потребовали, чтобы они перешли в латинство, и за отказ их утопили в реке Омовже» [17 с. 218]. *(Они были канонизированы при царе Николае II. В начале XX века гонения на православных в цивилизованной Австро-Венгрии мало отличались от зверств латинян XV столетия.)*

В присоединенных к Литве землях Западной Руси царил упадок нравов, простой народ тысячами угонялся в турецкий плен. «В Московии, – писал автор XVI века литвин Михалон, – князь Иоанн III обратил свой народ к трезвости, запретив везде кабаки, у них не только простолюдины, но и вельможи довольствовались грубой солью, горчицей, чесноком, луком и плодами своей земли... Древние литовцы отличались некогда мужеством и воинской доблестью, а теперь предаются роскоши и праздности. Вместо того, чтобы самим идти в неприятельские земли, оберегать свои пределы или упражняться в воинском искусстве, обязанные военной службой молодые литовские шляхтичи сидят в корчмах, пьянствуют и, ссорясь, убивают друг друга. Перекопскому хану государство платит ежегодную дань, но тем, однако, от татарских набегов не избавляется.

Корабли, часто приходящие с другой стороны моря и из Азии, привозят татарам оружие, одежды и лошадей, а отходят от них, нагруженные рабами. Все их рынки знамениты только этим товаром, который у них всегда под руками и для продажи, и для залога, и для подарка. Так, всегда имеют они в запасе рабов не только для торговли с другими народами, но и для потехи своих домашних, и для удовлетворения своей злости. Наиболее сильные из этих несчастных часто, если не делаются кастратами, лишаются ушей и ноздрей, клеймятся на лбу и на щеках и, связанные или скованные, мучаются днем на работе, ночью в заключении, жизнь их поддерживается небольшим количеством пищи из гнилой падали, покрытой червями, отвратительной даже для собак... Это бывает во всех городах полуострова, особенно в Кафе» [6 с. 228].

Папское государство с его портами центральной Италии, морские державы Венеция и Генуя, орден иезуитов не могли существовать без так называемой «левантийской» (ближне-

восточной) торговли. А ее основу составляла работоторговля, дававшая огромные средства для афер в Османской империи – «миссионерства» и сопутствующих ему взяток.

Даже советские историки приводили пример венецианского купца XV века Джакомо Бадоера. Он покупал в Кафе (генуэзской колонии в Крыму) русских пленниц, угнанных татарами, и продавал их в Малой Азии туркам. После вычета накладных и транспортных расходов, средняя норма прибыли Бадоера составляла 24 %.

Проф. Ламанский насчитывал до 5 миллионов человек, уведенных в турецкий плен с XV по XVIII век. Он писал: «Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь... Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи. Кольбер особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта»... По замечанию историков, это были плоды присоединения Литвы к «просвещенной Европе». Та же участь готовилась и Руси.

В Риме сильно досадовали на неудачу Флорентийской унии, но римская курия вовсе не думала унывать и сидеть сложа руки. Не прошло и четверти века, как использовалась новая возможность идеологической диверсии.

«Возникшая у русских после Флорентийской унии и падения Константинополя идея о переходе прав и привилегий византийских императоров на московского князя нашла себе реальное основание и поддержку в браке великого князя Ивана III Васильевича (1462–1505) с племянницей последнего греческого царя Зоей Палеолог, переименованной в России в Софию. После императора Константина XII Палеолога, погибшего в 1453 г., в живых остались два его брата, Дмитрий и Фома, княживших в Пелопоннесе. Дмитрий, попавший в плен к туркам, умер в монашестве, не оставив после себя детей. Фома, не находя возможным держаться против турок в Морее, покинул свое княжество (деспотию) и искал защиты у Венецианской республики и в Риме; в Венеции он скоро скончался. Четверых его детей: Андрея, Мануила, Елену и Зою папа взял на свое попечение. Из них

Мануил, спустя некоторое время, бежал к султану и перешел в мусульманство, Елена умерла, а Зоя и Андрей получили воспитание в Риме под руководством известного кардинала Виссариона, конечно, в совершенно униональном духе.

Таким образом, наследниками византийской императорской власти оказались царевич Андрей и царевна Зоя. Зоя была уже сосватана за одного знатного венецианца, когда началось ее сватовство за князя московского – самой ли Москвы или по предложению кардинала Виссариона. В конце 1472 г. этот брак состоялся, а в 1473 г. венецианская сеньория писала Ивану III, что восточная империя, «за прекращением императорского рода в мужском колене должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучнейшего брака». Такое прямое признание наследнических прав за московским князем только по женской стороне, в то время как был жив брат Зои Андрей, представляет некоторую странность и больше походит на лесть, особенно в устах пап и их агентов, увлекавших этим Россию к крестовому походу против турок» [40 с. 300].

Скорее всего, это была очередная провокация с тем, чтобы втянуть еще не до конца освободившуюся от татарского ига Россию в войну с Турцией. Римская курия надеялась на выигрыш в любом случае: захватят турки Россию – ослабленная Церковь будет вынуждена принять унию; освободит Россия Константинополь – посадит там курия своего воспитанника и законного наследника Андрея – брата Софии Палеолог, а не русского князя; да если и не пойдет князь Василий воевать, воспитанная католиками греческая царевна поможет в насаждении унии. Только не зря царевну переименовали в честь Премудрости Божией – на русской земле она стала ревностной православной, несолонохлебавшие католические сваты были отправлены восвояси, а царица впоследствии еще помогла князю разоблачить и другой заговор – жидовствующих.

«Попытка Рима повлиять на Москву посредством этого брака провалилась еще потому, что София оказалась преданной Православию. Князь Иоанн теперь стал считать себя наследником Византийских императоров, принимал в сношении с иностранцами титул царя, ввел обряд царского

венчания и московский герб, изображающий св. Георгия, поражающего дракона, соединил с византийским – белым двуглавым орлом.

От Литвы тем временем постоянно отделялись русские князья, не желавшие служить полякам и латинянам. Поступая на службу к Московскому князю, они рассказывали, что Литовский князь Александр Казимирович присылал к ним ренегата Иосифа, латинского епископа Виленского и монахов-бернардинцев, заставляя переходить в латинство. Так как вотчины многих из них входили в Литовское государство, то Иван III потребовал их от Александра Казимировича, но получил только после войны с Литвой. Заключив мир, русский государь согласился выдать свою дочь Елену за Александра, предварительно заручившись его обещанием дать своей супруге полную свободу исповедовать «греческую» веру.

Вопреки своим уверениям тестю, Александр исподтишка продолжал преследования православных, да и римский папа уверил его в том, что он не должен считать себя связанным обещанием, данным тестю-схизматику, а наоборот, обязан приложить все силы для обращения жены. Тогда Александр запретил строить для Елены церковь и удалил из ее окружения православных. Кроме того, новый митрополит Киевский Иосиф II Белгаринович (1498–1503), бывший епископ Смоленский, проявил себя как ярый сторонник унии с Римом. Он написал папе Александру VI Борджия, что признает Флорентийский собор и свою церковь отдает под папское покровительство.

В 1499 году Вяземский наместник кн. Оболенский получил донесение: «Здесь у нас, – писал подъячий Шестаков, – смута большая между латинами и нашим христианством; в нашего владыку Смоленского дьявол вселился, да в Сапегу тоже: восстали на Православную веру. Великий князь неволит великую княгиню Елену в латинскую проклятую веру. Но государыню нашу Бог научил, да помнила науку государя-отца». Узнав об этом, Иван III послал в Литву Ивана Мамонова к дочери, приказывая ей, скорее до смерти пострадать, чем изменить вере.

Разгневанный Иван III начал против зятя войну (1500–1503) и русские войска разбили литовцев и их союзников, ливонских рыцарей, на Ведреше и под Мстиславлем. Через

короля Венгрии Владислава Литва запросила мира, и Иван III согласился. Подписывая мирный договор, государь потребовал, чтобы зять больше не смел принуждать Елену Ивановну к своей вере, построил бы для нее церковь и окружил православными слугами, добавив: «А начнет дочь нашу принуждать к римскому закону, то пусть знает, что мы ему этого не спустим, будем за это стоять, сколько нам Бог пособит».

Наконец в 1505 г. папа Юлий II (1503–1513) позволил Александру жить с «иноверной» супругой «в ожидании смерти ее отца, уже очень старого, или какого-нибудь другого обстоятельства». Такова была причина второй Литовской войны. В договоре с ливонским орденом Иван III также внес непременным условием неприкосновенность православных церквей в Ливонии. Защита Православия всегда стояла на первом месте в сношениях Москвы с иностранными государствами» [17 с. 222].

Тем временем продолжалась миссионерская работа на Руси: епископ Пермский Иона завершал христианизацию Великой Перми, а на пустынном острове в Белом море прпп. Зосимой и Савватием был основан новый форпост Православия – Соловецкий монастырь. «Географическое положение страны, запертой среди мощных соседей, враждебное иноверческое окружение, внутренние неурядицы, тяжелые природные и климатические условия, экономическая изолированность – все, казалось бы, исключало становление России как мощной централизованной державы. Но Русь веровала, молилась и надеялась. А «надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живой во Иерусалиме (Пс. 124, 1)» [2 с. 70].

ЄРЕЄЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ

Ни одно столетие не обходилось без войн и государственных потрясений, но все они служили для Руси лишь вехами на крестоносном пути служения Истине.

«Превращение России в духовный центр христианской цивилизации по времени почти совпало с установлением тайного иудейского талмудического центра на западнорусских землях, оккупированных тогда Польшей и Литвой.

Хотя въезд иудеев в Россию был перекрыт временной границей, их постепенное тайное наступление против оплота христианского мира осуществлялось неуклонно через появление разных иудейских еретических движений» [4 с. 52].

«Можно с уверенностью сказать, что в течение тридцати четырех лет с момента рождения ереси и до ее разгрома в 1504 году дальнейшая судьба России и само ее существование находились под вопросом. Дело в том, что ересь жидовствующих не была «обычной» ересью. Она больше напоминала идеологию государственного разрушения. Западная Европа к этому времени была уже хорошо знакома с жидовствующими ересями. Все их учения в большей или меньшей степени были основаны на каббалистической и сатанинской мистике, истоки которой теряются в глубине ветхозаветных времен. Целью жидовствующих сект было разрушение религиозного, семейного и государственного уклада христианских обществ. После отпадения от полноты Православия западный мир столкнулся со взрывообразным распространением этих ересей, иногда становившихся господствующими воззрениями в целых районах.

«Странности» ереси проявлялись с самого начала. Ее приверженцы вовсе не заботились о распространении нового учения в народе. Наоборот, еретики тщательно выбирали кандидатуры для вербовки в среде высшего духовенства и административных структур. Организация еретического общества сохранялась в тайне, хотя Россия никогда не знала карательных религиозных органов типа католической инквизиции. И что самое странное, приверженцам ереси предписывалось «держать жидовство тайно, явно же христианство». Именно показное благочестие стало причиной возвышения многих из них.

Таким образом, внешняя деятельность еретиков была направлена на внедрение в аппарат властей – светской и духовной, имея конечной целью влияние и контроль над их действиями. Проще сказать, целью еретиков являлся захват власти. И они едва не преуспели в этом. В борьбе с христианской государственностью иудеи опирались на огромную денежную мощь диаспоры, традиционно контролировавшей всю финансовую жизнь континента. Их интриги в немалой степени способствовали падению Византии в

1453 году, а потом неизбежно были перенесены в Россию, оставшуюся единственным оплотом чистого апостольского Православия.

В 1470 году в Новгород из Киева прибыл еврей Схария с несколькими единоверцами под видом купцов в свите брата Киевского князя Симеона – Михаила Александровича (Олельковича), приглашенного новгородцами. Вероятнее всего, Схария не был купцом – для купца он был слишком разносторонне образован. «Он был научен всякому изобретению злодейства, чародейству и чернокнижию, звездозаконию и астрологии. Сначала он прельстил попа Дионисия и обратил его к жидовству. Дионисий привел к нему попа Алексея», – повествует преподобный Иосиф. Увидев, что дело идет успешно, Схария пригласил в Новгород еще двух жидов – Шмойла Скарявого и Моисея Хапуша. Совращенные в ересь хотели было обрезать, но их иудейские учителя запретили им это, велев хранить иудейство в тайне, а явно прикидываться христианами. Сделавши все для основания тайной еретической организации, евреи бесследно исчезли – то ли уехали из города, то ли скрылись так ловко, что перестали привлекать к себе внимание народа и властей» [2 с. 76–77].

«В ряде работ получила развитие идея о еврейском заговоре. В соответствии с этой концепцией «жидовствующие» действовали таким образом, чтобы внушить широким народным массам определенный нигилизм по отношению к национальным святыням и тем самым подорвать основы веры. Можно предположить, что схема деятельности Схарии в Новгороде напоминала ту, которая некогда имела место в Хазарии: обратить, в первую очередь, представителей элиты общества, дабы через них получить влияние на политическую и экономическую жизнь Новгорода. Складывается впечатление, что Схария действовал отнюдь не по собственному почину, а был послан какими-то иудейскими религиозными структурами... Антиправославная пропаганда велась тайно и очень умело, профессионально, на высочайшем уровне конспирации... у Схарии был какой-то свой, малоизвестный нам план. Мы видим лишь верхушку этого тайного айсберга.

Схария (Заккария) имел итальянские корни, а также титул и положение князя Таманского. Его дед Симоне

де Гизольфи был знатным и богатым генуэзцем, занимавшимся торговой деятельностью на Таманском полуострове, расположенном между Черным и Азовским морями, в генуэзской «колонии» Матрега. Матрегой в IX–X вв. именовался Самкерц – один из важнейших городов Хазарского каганата. Причем этот город уцелел во время похода князя Святослава в Хазарию, уцелело и его еврейское население. В источниках имеются сведения о существенном влиянии евреев на Таманском полуострове вплоть до XV века. Заккария Гизольфи был образованным человеком, знал итальянский, черкесский, русский, латинский, татарский, еврейский языки. В 1482 г. полуостров захватили турки, и Заккария был лишен власти, но сохранил ранг главы государства. В грамоте, адресованной в 1484 г. в Кафу, и в послании, отправленном в 1487 г. с послом Шеиным, Иван III именуется Заккарию «евреянином» или «жидовином», приглашая его (*с подачи жидовствующих советчиков*) на русскую службу, однако тот приглашения не принял и осел в Крыму при дворе Менгли-Гирея.

Заккария впитал многое из иудейской премудрости, в результате чего приобрел на Руси репутацию «жидовина», хотя официально и исповедовал католицизм. (*Что и требовалось доказать – даже ересь жидовствующих внедрялась латинскими агентами!*) Князь Таманский имел тесные контакты с главой другого причерноморского государства, Великого княжества Молдавского, – господарем Стефаном Великим. Дочь последнего Елена Волошанка в 1483 г. стала супругой сына Ивана III, наследника русского престола Ивана Молодого и была одной из главных действующих фигур ереси. Кроме того, Федор Курицин (*министр иностранных дел Руси и тайный еретик*) в 1482–1486 гг. был в Причерноморье и вполне мог быть знаком с князем Таманским» [49]. В отношении ересеначальника Схарии мнения историков расходятся в частности, но едины в главном.

«Этот хорошо образованный и обладавший большими международными связями жидовин принадлежал к иудейской секте караимов, имевшей широкую сеть своих организаций в Европе и на Ближнем Востоке. Караимы относились к одному из течений иудаизма, выполнявшему почти все его установления, но признававшему Иисуса Пророком.

Караимство возникло в VIII веке в Вавилонии, вобрав в себя мелкие иудейские секты и традиции саддукеев. В XIV–XV веках караимы активизировались в Византии, Турции, Болгарии и на Руси. Как писал Г. М. Прохоров, «когда обнаруживается, что византийско-турецкие жидовствующие были «сионитами», ревностнейшими из караимов, большие расстояния – географические и временные – между Малой Азией и Балканами XIV века и Великой Русью XIV–XVI веков оказываются преодоленными цепью взаимосвязанных караимских общин – в Крыму, Литве и Западной Руси. Караимы обитали на Крымском полуострове и прилегающих к нему землях задолго до XIV века». В XII–XIII веках через Русь сочинения караимов переправлялись для немецких раввинов в Регенсбург. Крымская и киевская общины постоянно получали религиозную литературу и сведущих в ней людей из Вавилонии, Палестины и Константинополя.

До возникновения ереси жидовствующих иудейская секта караимов уже предпринимала свое антихристианское наступление на Русь в XIV–XV веках. Это наступление можно усмотреть в секте стригольников, действовавшей в Пскове, от которого рукой подать до Трок в Литве – средоточия караимов. Создавая секту жидовствующих в Новгороде, караим Схария, по-видимому, выполнял задание одного из международных иудейских центров. В короткий срок этому иудейскому конспиратору удалось сколотить тайное общество, численностью по меньшей мере в 33 человека, из которых 27 составляли священники, их ближайшие родственники, дьяконы и клирики» [4 с. 53].

«Ересь в Новгороде продолжала распространяться. В числе зараженных оказался даже настоятель Софийского собора протопоп Гавриил. В 1480 году великий князь Московский Иоанн III взял Алексея и Дионисия (тайных еретиков) в Москву. Их образованность и внешнее благочестие обеспечили им высокие назначения. Одному – протопопом в Успенский собор, другому – священником в Архангельский. Ревностным сторонником ереси стал всеильный дьяк посольского приказа Феодор Курицын с братом Иоанном Волком. Так ересь начала распространяться и в Москве, ее приверженцы находились во все более высоких кругах. Протопоп Алексей и Курицын имели свободный доступ к Иоанну III. В 90-х годах

бороться с Курицыным стало делом совсем непосильным. Ходили слухи, что его власть над Иоанном III основывается на чародействе и колдовстве» [2 с. 80].

Но в это время (в 1484 г.) на новгородскую кафедру был поставлен архимандрит Московского Чудова монастыря, ревностный поборник Православия, святитель Геннадий. Вскоре по прибытии к пастве он открыл существование тайного общества еретиков и донес о нем великому князю и митрополиту, а сам «приступил к розыску».

«За 6 лет до того Новгород был насильственно присоединен к Москве. Новгородская республика во главе с вече прекратила свое существование. Сюда пришли московские порядки. Новгородские и псковские священники свободно критиковали некоторые московские церковные установления. Не избежал обвинений в назначении «за взятку» и сам Геннадий: Псковский «старец Захарий» из Немцова монастыря обвинил архиепископа в ереси, причем с таким рвением, что во все епархии слал письмо за письмом с обвинениями в адрес Геннадия. В конечном итоге выяснилось, что еретиком был сам Захарий, который уже более трех лет не причащался.

В 1487 г. свт. Геннадий начинает процесс против ереси, в связи с чем возникла необходимость подробного изучения духовенством книг Ветхого Завета. Одной из его величайших заслуг является создание первого полного кодекса всех книг Библии на славянском языке.

Складывается любопытная ситуация: высшие иерархи Церкви не имели значительной части священных книг Ветхого Завета, имевшихся у еретиков (*конечно, в их искаженном, масоретском изложении*). Наиболее вероятный книжный поставщик – евреи из Великого княжества Литовского, чьи контакты именно с новгородцами выглядят логичными, принимая во внимание географическое положение и нюансы политической ситуации в Новгороде второй половины XV века. Кроме того, еврейское происхождение имеют «Шестокрыл», «Космография» и другие книги гадательной и астрологической литературы, имевшие хождение в стане еретиков.

На основании обвинений свт. Геннадия в 1490 г. состоялся первый собор против еретиков. Противостояние Нов-

города и Москвы, еретиков и ортодоксов приводило к критике порядков, существующих в Православной Церкви, к попытке создания еретиками собственной иерархии. Имело место «поставление» мирянами мирян же на должности диаконов и священников, что противоречило церковным порядкам» [49].

«В организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства; ритуал, включающий «обряд» поругания святыни; формирование системы «учитель-ученик» вне традиционных православных представлений. Жидовствующие возбуждали в малодушных и маловерных сомнение в некоторых местах Священного Писания, и прежде всего, Нового Завета. Соблазняли и с помощью распространяемых ими осужденных Церковью книг – пособий по тайным наукам, и искаженных списков Священного Писания; пользовались и всем доступным им арсеналом иудейского чернокнижия и колдовства» [4 с. 53].

«В Новгороде еретики присмирели, но в Москве ересь продолжала укрепляться – «с диким нечестием и страшными мерзостями разврата», по словам церковного историка. Поп Дионисий, взятый Иоанном в Москву с Алексеем, во время богослужения плясал за престолом, богохульничал и ругался над крестом. Еретики ругались над святыми иконами: сидели на них, спали, жгли, бросали в выгребные ямы. Есть свидетельства и о противоестественных плотских склонностях самых высокопоставленных еретиков, подробно рассматривать которые не позволяет природная человеческая брезгливость. *(Таким образом, и современные поругатели христианских святынь: хоть скандально-известные по своим выставкам художники-авангардисты, хоть полуголые танцовщицы в православном храме или пыльщики православных крестов, подпадают под статью «жидовствующие еретики» и анафему, наложенную на них Русской Православной Церковью.)*

В 1491 году митрополитом Московским стал Зосима, тайный приверженец ереси. Еретики заприметили его давно, еще когда он был архимандритом Симоновского монастыря: протопоп Алексей, втершийся в доверие государю,

указал Иоанну III на Зосиму как на самого «достойного» преемника почившего митрополита Геронтия. Новый еретичествующий митрополит был предан обжорству и плотским страстям. Когда вино делало его откровенным, он высказывал мысли соблазнительные и богохульные. В эти годы защитники Православия претерпели многие преследования – оковы, тюрьмы, разграбление имущества. Митрополит Зосима отлучал священников и диаконов от сана за осуждение еретиков и отступников» [2 с. 78].

«Поставление в 1491 году митрополитом еретика Зосимы привело тайное общество жидовствующих в господствующее положение не только в сфере административно-государственной, но и в области церковного управления» [2 с. 80–81].

Против нечестивого митрополита Зосимы восстал со святой ревностью преподобный Иосиф Волоцкий. Еще в конце 70-х годов, будучи насельником Боровского монастыря, Иосиф написал послание против еретиков, отрицавших иконописные изображения Троицы. Иосиф не остановился перед публичным обличением ересиарха, называя Зосиму в своих письмах «антихристовым предтечей» и «сосудом сатаниным», не отступая в обличениях до тех пор, пока собор не осудил митрополита. Верность истине святой поставил выше правил внешней дисциплины. Обличения Иосифом еретика-митрополита и труды архиепископа Геннадия сделали свое дело. На соборе 1494 года стараниями двух этих святых подвижников Зосима был лишен кафедры за ересь жидовства, разврат, пьянство и кощунство. Но до искоренения самой ереси было еще далеко.

Партии еретиков в 1497 году удалось убедить великого князя, что его вторая жена София (Палеолог) готовит заговор в пользу своего сына Василия. 4 февраля 1498 года наследником был объявлен Димитрий (внук Иоанна III, сын Иоанна Молодого, умершего в 1490 году). Особый вес получила в этой ситуации мать наследника – Елена, склонявшаяся к ереси и удерживавшая великого князя от крутых мер против нее. Впрочем, недоразумение вскоре объяснилось, и уже со следующего, 1499 года, начались гонения на сторонников Дмитрия, закончившиеся опалой для него и его матери. Но в течение двух лет еретики нахо-

дились на волосок от того, чтобы получить «своего» великого князя.

Преподобным Иосифом против ереси было написано шестнадцать «Слов», известных под общим названием «Промисветитель». Со временем его подвижническая деятельность начала приносить плоды. Иоанн III вызвал к себе святого и много беседовал с ним о церковных делах, признаваясь, что еретики и его старались привлечь на свою сторону. Чаша весов стала постепенно склоняться в пользу ревнителей благочестия. В 1500 году опала постигла Феодора Курицына. В 1502 году Иоанн III положил опалу и на княгиню Елену с Дмитрием, посадив их под стражу. Наконец в 1504 году состоялся собор, на котором ересь была окончательно разгромлена, а главные еретики осуждены на казнь. Столь суровое наказание было связано с чрезвычайной опасностью ситуации. Еретики позволяли для себя ложные клятвы, поэтому искренности их раскаяния верить было нельзя. Но и в этом случае традиционное русское милосердие взяло верх. Казнены были лишь несколько самых закоренелых еретиков – остальным предоставили возможность делом доказать свое исправление. Время показало справедливость опасений: разбежавшиеся по окраинам еретики не только не исправились, но положили начало новой секте «иудействующих».

Вероятно, не без влияния преподобного Иосифа или единомысленных ему иерархов в предисловии к новой Пасхалии, изданной после 1492 года, засвидетельствовано признание Русской Церковью своего преемственного по отношению к Византии служения. Дерзновенно истолковывая слова Господа Иисуса Христа: «И будут первии последнии и последнии первии», – авторы предисловия провозглашают ту важнейшую основу русского религиозного сознания, которая позже выльется в чеканную формулу «Москва – третий Рим». «Первые», говорится в предисловии, это греки, имевшие первенство чести в хранении истин веры. Ныне же, когда Константинополь пал, наказанный за маловерие и вероотступничество, греки стали «последними», и служение византийских императоров переходит к «государю и самодержцу всея Руси», а роль Византии – «к новому граду Константинову – Москве, и всей Русской земле...»

Таким образом, окончательный разгром ереси совпадает со вступлением русского народа в служение «народа-богоносца», преемственного хранителя святынь веры, и с утверждением взглядов на взаимозависимость и взаимную ответственность светских и духовных властей [2].

МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ

В каждую эпоху Господь воздвигал Своих праведников – святителей и преподобных, благоверных правителей и блаженных юродивых, которые Промыслом Божиим вели русский народ сквозь тернии земного пути к Царству Небесному. Их задачей стояло сохранение русского государства, как ограды для Православной Церкви, в недрах которой спасались ее пасомые. Рука Господня явно хранила Русь, временами казалось, что она на волосок от гибели, но каждый раз ищущии «прежде Царства Небесного», обретали и «яже на потребу суть» – спасение от неминуемой гибели и благоприятные условия для существования.

«Как результат преодоления эсхатологического кризиса можно рассматривать и формирование в кон. XV – нач. XVI в. знаменитой концепции «Москва – Третий Рим». До 1492 г. *(в котором истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира и ожидался конец света)* данная идея не могла быть сформулирована, поскольку история рода человеческого подходила к концу. Русское централизованное государство находилось лишь в состоянии формирования и традиционные представления, основой для которых служило, в частности, «Откровение Мефодия Патарского», отводили роль последнего великого царства греческому – Византии. Когда роковой рубеж был преодолен, ситуация в корне изменилась. В XVI в. Россия являлась единственным независимым могущественным Православным государством» [49].

«Василий III (1505–1533), последний собиратель Русской Земли, соединил все уделы под своей единодержавной властью и прославился присоединением к Москве Смоленска, более 100 лет пробывшего литовским, и вольного города Пскова. Этим Василий окончил дело своего отца.

При нем Московское государство уже совершенно впитало в себя идеал царя – наследника Византии; в этом сказывалось влияние матери Василия Софии и приехавших в Россию многочисленных греков.

Таким образом, сын Василия Иван IV Грозный действительно был вправе говорить, что он «и родился на царстве». В глазах народа окончательное уничтожение удельных княжеств, конец татарского ига, присоединение русских вольных городов – все это должно было увенчаться царским венцом, что сделал Иван IV» [17 с. 224].

Ни на один год не прекращалась злоба «миродержителей века сего», никогда не было на Руси легкого времени – в каждый период возникали свои сложности и проблемы. С поворотом политики на самодержавие начались боярские брожения внутри самого государства. Как стало известно, и государь Василий Иоаннович, и его жена Елена Глинская были отравлены. Но враги России в пылу борьбы у подножия трона малолетнего Иоанна IV упустили момент, когда «к счастью для русской митрополии, в это время на ней очутился человек выдающийся, который среди всех политических превратностей сумел не только сохранить в течение 21 года, до самой своей смерти, занятое им положение, но еще и поднять поколебленный авторитет первосвященника русской церкви на подобающую ему высоту. Это был знаменитый всероссийский митрополит Макарий (1542–1563 гг.)» [40 с. 332].

Святитель был ученым человеком своего времени. Ученик и последователь прп. Иосифа Волоцкого, он достиг поста архиепископа Великого Новгорода, откуда позднее и был призван на Московскую кафедру. Ему принадлежит грандиозный труд по составлению великих Четьи-Миней – собрания книг, в которые входит весь годичный богослужебный круг житий святых, сведения из общей церковной истории, различные церковные сочинения, послания, поучения. Подобно Киевскому митрополиту Иллариону, он сформировал целый «издательский отдел», сотрудники которого собирали по монастырям древние рукописи, переводили с греческого и других языков творения святых отцов, обрабатывали и сортировали в нужном порядке собранный материал, переписывали старые книги и составляли новые сборники.

Именно митрополит Макарий (посланный отроку Иоанну, как два века назад святитель Алексий юному Димитрию Донскому), стал его главным воспитателем, учителем и хранителем. Свт. Макарий, поставленный во главе Русской Церкви, стал соответственно готовить и главу Русского государства. Как современники, так и потомки отмечали необычайную разносторонность и глубину познаний царя Иоанна Грозного. Он цитировал по памяти целые абзацы из Ветхого и Нового Заветов, знал наизусть не только Псалтирь, но и постановления Вселенских Соборов, апостольские правила, многие творения святых отцов Церкви. Царь прекрасно разбирался в отечественной и зарубежной истории, географии, математике, поэзии, музыке, архитектуре. Знание военного дела не раз подтвердил на практике, сам возглавляя походы и планируя ответственные операции.

Царь Иоанн, благодаря своему святому учителю, с отроческой чистотой на всю жизнь впитал в себя глубину Православной веры и проникся ее духом. Он прекрасно изучил церковный и богослужебный устав, овладев искусством гимнотворчества, участвовал в составлении служб новопрославленным русским святым, писал хвалебные песнопения. Благодаря привитому с детства благочестию, царь мужественно преодолевал житейские трудности, в молитвах и богомольях находя отраду и успокоение.

Именно святитель Макарий, знаток Византийской истории, умудрил 16-летнего юношу-князя венчаться на русское царство и сам миропомазал его, как правопреемника Византийской монархии, излив сугубую благодать и на юного царя, и на всю Русскую державу. Святитель Макарий поистине является крестным отцом русского самодержавия. Его перу принадлежит составление первого чина венчания на царство. Взяв за основу Византийский образец, святитель немного видоизменил его применительно к русским условиям, в чин были также включены поучения его наставника прп. Иосифа Волоцкого о самодержавной власти.

Это событие стало одним из поворотных, ключевых моментов Русской истории. Официальное принятие царского титула возлагало на русского правителя и дополнительные обязанности: принятие на себя груза ответственности верховного хранителя и покровителя всех православных на всей

территории их проживания. Нужно сказать, что это с честью выполняли и последующие русские монархи вплоть до царя-мученика Николая II. По благословению митрополита Макария, который сам и венчал царственную чету, была избрана и супруга царю Иоанну – Анастасия Романова, навеки скрепившая между собой две царские династии Руси.

Святитель Макарий был и инициатором созыва общероссийского церковного собора, в котором царь Иоанн принимал самое деятельное участие, а позднее и сам неоднократно созывал и церковные и земские соборы для совместного обсуждения духовных и государственных вопросов. В ходе работ над Четьи-Минеями святитель собрал множество материала об отечественных подвижниках благочестия для их последующей канонизации. Первым в списке из 23 новопрославленных святых стоял благоверный князь Александр Невский.

«Акт церковного венчания, совершенный митрополитом Макарием над Иваном IV 16 января 1547 г., представляет знаменательный момент в нашей церковной истории» [40 с. 337]. Русский царь официально стал тем «Удерживающим», который мешает антихристианским, иудейским тайным силам завоевывать мир.

Середина XVI века была эпохой величайшего церковно-государственного торжества на Руси. Были собраны воедино исконно-русские земли, присоединены Казанское и Астраханское царства, открыт путь на восток – в Сибирь и Среднюю Азию. На очереди стояло открытие западных ворот державы – через Ливонию. Вся русская жизнь проходила под знаком благоговейной церковности и внутренней религиозной сосредоточенности.

«Вообще царствование Грозного ознаменовалось неустанной проповедью Православия в далеких краях государства. Новгородские архипастыри продолжили проповедь среди язычников финского севера. Завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем и его казаками и взятие им столицы Сибири Искера положили начало обращения тамошних инородцев: войска Ермака сопровождали два священника и иеромонах.

В покоренную Казань отправили в 1555 г. первым архиепископом Гурия, снабдив его утварью, книгами и день-

гами для построения храмов и основания школ и приютов; ему был дан строгий наказ: никого не обращать насильем, а действовать в духе евангельском, как веками проповедовалась Православная вера на Востоке и на Руси. Кроме того, Гурию вменялось в обязанность всегда заступаться за своих пасомых пред воеводами и всячески содействовать водворению среди татар мира и справедливости. Нечего и повторять, насколько прозелитизм эпохи Грозного царя отличался от тогдашних методов латинского миссионерства в Западной Европе, Литве, Южной Америке и т. д.

После покорения Астрахани русское влияние стало простираться до Кавказа. В 1559 г. князья Пятигорские и Черкасские просили Ивана IV прислать им отряд для защиты против набегов крымских татар и священников для поддержания веры; царь послал им двух воевод и священников, которые обновили павшие древние церкви, а в Кабарде проявили широкую миссионерскую деятельность, крестив многих в Православие» [17 с. 226].

За что должны почитать царя Иоанна враги РПЦ, если он более полувека сдерживал католическую агрессию на Русь, добывая остатки ереси жидовствующих, и крепко держал бразды правления в своих руках, заботясь о благе своей страны и подавляя всякие попытки государственной измены.

«Одно из основных, но самых безосновательных обвинений, предъявляемых к Грозному царю, является обвинение в беспрецедентной «кровожадности» и массовых убийствах. Между тем, объективные и компетентные историки думают иначе: «Обычному, несведущему в истории человеку, может показаться, что опричники Ивана Грозного перебили половину населения страны. Между тем число жертв политических репрессий 50-летнего царствования хорошо известно по достоверным историческим источникам. Подавляющее большинство погибших названо в них поименно: казненные принадлежали к высшим сословиям и были виновны во вполне реальных, а не в мифических заговорах и изменах: почти все они ранее бывали прощаемы под крестоцеловальные клятвы, то есть являлись клятвopреступниками, политическими рецидивистами».

К смертной казни за полвека были приговорены 4–5 тысяч человек. При этом законность этих приговоров, вы-

несенных государственным преступникам, вполне обоснована. Обвинять правителя государства в вынесении смертного приговора и лицемерно рассуждать о ценности каждой человеческой жизни, делая вид, что речь идет о невинных жертвах, недостойно объективного историка. Во времена царствования Иоанна IV закон карал смертной казнью за убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма и государственную измену. Для сравнения скажем, что во время правления царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, смертной казнью карались уже 80 видов преступлений, а при Петре I – более 120! При этом во время царствования Иоанна IV каждый смертный приговор выносился только в Москве и утверждался лично царем.

Справедливости ради стоит отметить, что в том же XVI веке в других государствах правительства совершали действительно чудовищные беззакония. В 1572 г. во время Варфоломеевской ночи во Франции было перебито свыше 30 000 протестантов. В Англии за первую половину XVI века только за бродяжничество было повешено 70.000 человек! В Германии, при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100.000 человек. Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8.000 и в Гарлеме 20.000 человек, а всего в Нидерландах испанцы убили около 100.000. И таких примеров множество. Но символом деспотизма сделали почему-то именно Грозного...

Если взглянуть на фактические итоги царствования Иоанна IV, то мы увидим, что Царь правил 51 год и за это время прирост нашей государственной территории составил почти 100% (с 2,8 млн кв. км до 5,4 млн кв. км). К России были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское, а также Ногаи и часть Северного Кавказа. Русская Держава по своим размерам стала больше всей остальной Европы! А прирост населения составил 30–50%. По распоряжению государя основано 155 городов и крепостей, построено 40 церквей и 60 монастырей. Создана государственная почта (ямская служба), основано около 300 почтовых станций. Положено начало регулярному созыву Поместных церковных и Земских соборов. Началось книгопечатание, были созданы две типографии, собрана книж-

ная сокровищница царя, придан государственный характер летописанию, создан «Лицевой свод», организована сеть общеобразовательных школ» [50 с. 48–49].

И все это происходило несмотря на многочисленные войны и 20-летнюю борьбу с европейскими странами. В войне против России объединились тогда Ватикан, Франция, Германия, Валахия, Турция, Крым, Дания, Венгрия – все они поддерживали Польшу, Литву и Швецию кто деньгами, кто солдатами, кто дипломатическими интригами. Вопреки наветам, Грозный царь оставил своим наследникам мощное государство и боеспособную армию, позволившие его наследникам одержать победу в войне над Швецией и выставлять в поле пятисоттысячное войско (в 1598 г.). В разоренном государстве такое невозможно!

Первыми стали разносить слухи о жестокости Ивана IV англичане. Источником этой клеветы были осевшие во множестве на британских землях иудеи и тамплиеры, которые к этому времени успели напоить оккультной отравой все высшее английское общество.

«Правление Елизаветы принято считать «золотым веком» Англии, но это была одна из самых жестоких правительниц. За время ее правления казнено 90 тыс. чел. Состоятельным гражданам она позволяла делать все, что вздумается. Смотрела сквозь пальцы на нарушения законов и указов против огораживания. Принудительно обязав трудиться всех людей от 20 до 60 лет, обеспечила приток дешевой рабочей силы для мануфактур. А антииспанская политика способствовала развитию пиратства. На пиратстве кормились сотни комиссионеров, хозяев кабаков и борделей. Процветала и торговля людьми. В Дувре был рынок, где продавали испанцев, за знатного идальго с возможностью получить выкуп платили до 100 фунтов. И если мелких воришек вешали за украденный носовой платок, то пиратов уважали, они получали дворянство и важные назначения» [43 с. 21–22].

Сугубую обиду на царя Иоанна Грозного затаили и римский папа с орденом иезуитов. Еще в 1561 г. Грозный отказал папе Пию IV отправить русское посольство на Тридентский Собор. Затем царь начал войну с Баторием для возврата старых русских земель, захваченных Литвой. Когда папа

Григорий XIII убедился, что перевес оказался на стороне Батория, то поспешил отправить в Москву в качестве своего посла иезуита Антония Поссевина с задачей склонить Грозного к латинству взамен мира с Польшей. Послу была дана следующая инструкция: «Приобретая расположение и доверие государя Московского ... наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать митрополита Константинопольского, который не есть законный пастырь, но симониан (этим выявляется, что именно из Ватикана исходило еретическое учение стригольников и их последователей, рьяно обвинявших православное духовенство в симонии и поставлении за «взятки») и раб турок; что гораздо лучше и славнее, если он, вместе с другими государями христианскими, признает главою Церкви первосвященника Римского и т. п.».

Иван IV, зная коварство латинян, приказал приставу, отправленному навстречу Поссевину: «Если посол станет задирать и говорить о вере греческой и римской, отвечать: «грамоте не учился!», чтобы ничего не говорить про веру.

Грозный провел с Поссевином три беседы: 21 февраля, 24 февраля и 4 марта 1582 г. Иезуит поразился его твердости, а папа убедился, что никакими царствами и посулами не склонить русских государей к измене истинной вере, как было и в древности. После спора царь отказал просьбе посла разрешить сооружение латинской церкви в Москве и отпустить несколько молодых людей в Рим, дабы изучить латынь. Иоанн Васильевич ответил иезуиту твердо и грозно: «Ты говоришь, Антоний, что ваша вера римская – одна с греческою вера? И мы носим веру истинно христианскую, но не греческую. Греки нам не Евангелие. У нас не греческая, а Русская вера».

Миссия потерпела полный провал, и взбешенный Поссевин, сочинил миф о том, что Иоанн Грозный в порыве гнева убил своего сына и наследника престола царевича Иоанна Иоанновича. (На самом деле царевич умер, отравленный ртутным ядом – сулемой.) Подхватил и развил версию о «сыноубийстве» и еще один проходимец – немец Генрих Штаден, прибывший в Москву с задачами разведывательного характера. Придумав другую тактику, Поссевин писал папе Григорию XIII 5 ноября 1582 г. предложение восполь-

зоваться оторванностью от Русской Церкви и русского государства крупных православных центров бывшей Западной Руси для совращения их в латинство, используя политическое господство над ними польских государей-католиков.

«Самая большая «заслуга» в искажении образа Иоанна Васильевича принадлежит Н. Карамзину, который по заказу масонов создал образ «кровожадного царя, убийцы своего сына», извратив историческую правду до такой степени, что ему поверили не только простые читатели, но даже и ученые мужи. Литературный карамзинский образ облекся в реальную личность через знаменитую картину Е. И. Репина, из-за которой его справедливо называют «цареубийцей» [51].

«Усилиями специалистов в настоящее время установлены факты отравления матери царя Иоанна IV, трех жен, двух из оставшихся в живых трех сыновей (наследника престола и царя), одной дочери, наконец, его самого. Убит был и последний младший царский сын царевич Димитрий. Тут уж от вывода о хладнокровном планомерном уничтожении правящей царской династии (не отдельного царя!) не отвертеться любым – пусть даже самым хитроумным фальсификаторам русской истории» [51].

«И Россия покатила к Смутному времени, в период которого из 15 миллионов человек потеряла 7 миллионов, а спасена была от полной гибели и превращения в польско-литовскую колонию лишь благодаря тому гениальному изобретению Иоанна Грозного, о котором мы незаслуженно забыли. Именно Земский собор, созданный в 1613 году по законам и правилам, внедренным Иоанном Грозным, смог возродить самодержавное правление» [52].

В 1903 году Е. Голубинский в книге «Канонизация святых в Русской Церкви» отметил, что 10 июня по ст. стилю отмечался день обретения телеси великомученика царя Ивана. Известный подвижник благочестия отец Валентин Амфитеатров показывал в Архангельском соборе Кремля царю Николаю II книгу с записями чудес по молитвам царя Иоанна Грозного. Император тогда сказал: «Немедленно внести в список на канонизацию на соборе вместе с Павлом I». Об этом есть материал в Отделе рукописей Публичной библиотеки».

Писатель Александр Николаевич Стрижев сообщает, что, когда он работал в отделе рукописей ГБЛ с документами фондов Святейшего Синода за 1910-е гг. – накануне Собора 1917–1918 годов, он обнаружил там приготовленный на канонизацию список. Там были и блаженная Ксения Петербургская, и святители Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Филарет Московский, и праведный Иоанн Кронштадтский, и ... царь Иоанн Васильевич Грозный. Всего же в списке было более 25 имён» [53].

«Среди чтителей царя Иоанна IV Васильевича, императора Павла Первого и старца Феодора Козьмича был и потомок святителя Иоанна Тобольского – святитель Иоанн Шанхайский, о чем свидетельствовал русский церковный историк Н. Д. Тальберг» [54]. Подводя итоги, можно уверенно сказать, что обвинения в адрес царя Иоанна Грозного являются преднамеренной иезуитской клеветой, сочиненной, поддержанной и распространяемой врагами Православной России.

ИЕЗУИТСКИЙ ПЛАЦДАРМ

В то время как Россия крепла и расширялась под могучей рукой царя Иоанна, на Западе уже строились очередные планы ее порабощения... опять же папскому престолу. «Захватив русский Галич и овладев древними русскими княжествами путем своего соединения с Литвой, Польша, послушная латинским пастырям, задалась целью вытравить из этих земель православную культуру. Под ударами Реформы Рим потерял больше половины своей паствы в Европе. Когда протестантизм, захватив Прибалтику, стал распространяться в Литве, папа Пий IV (1559–1565) поспешил отправить туда иезуитов. Кардинал Станислав Гозиуш заявил на Тридентском Соборе: «Защита католицизма должна быть разделена на два фронта: протестантский, с одной стороны, и православный – с другой. Быстрое подчинение протестантизму Руси (западной) может неожиданно привести к объединению двух противников в очень грозную для церкви силу» [35 с. 88].

Став ближайшими соратниками польского двора, иезуиты правильно рассудили, что для успешной борьбы со

«схизмой» в Литве следовало как можно скорее добиться полной зависимости Великого княжества Литовского от польской короны. Люблинская уния состоялась 1 июля 1569 г. – слились воедино сенат, войско, финансы, и т.д. Сразу же после съезда латинское духовенство приступило ко всемерному проведению унии церковной.

Иезуиты отправились в Вильну по приглашению латинского епископа – бискупа Валентина Проташевича, где в 1569 г. основали свой первый колледж под управлением Станислава Варшевицкого с целью перевоспитания лучшей молодежи в духе латинской веры. Вскоре в нем прославились своим рвением и хитростью иезуиты Антоний Поссевин и Петр Скарга. Сразу усилились притеснения русских должностных лиц в Литве и преследования православных пастырей, терявших все гражданские права.

Поссевин убедившись, что «московиты непоколебимы в их вере», выработал принятый курией план разрушения Православия на юго-западе. С той поры силы латинства, олицетворенные орденом иезуитов, сосредоточились сперва не на Москве, которая для них была еще недосягаема, а на подневольных православных центрах – Киеве и Вильне. Иезуиты забрали в свои руки школы и в детях русских бояр воспитывали отвращение к православному духовенству и русской вере, называя ее холопской, т.е. простонародной. Плоды такого воспитания скоро дали плоды – большая часть русских бояр и князей перешла в латинство.

Присоединенный Сигизмундом-Августом к Польше вместе с Вильно и Подольским краем, древний Киев после Люблинской унии получил своего первого латинского епископа. В то же время он превратился и в центр православного сопротивления латинским преследованиям – верующие срочно стали организовываться для самозащиты. Православная Церковь многим обязана апостольской самоотверженной деятельности князя Константина Ивановича Острожского (1460–1530), а также его сына – Константина Константиновича (1526–1608). Они являлись прямыми потомками св. Владимира через вел. кн. Святополка (†1113 г.). Кн. Константин Острожский основал в 1580 г. в Остроге училище, поставив его на уровне образцовых иезуитских колледжей, при котором была устроена типо-

графия. Там в 1581 г. им была издана полная славянская Библия (Острожская). Князь готовился к ее изданию в течение десяти лет, лично отправляя для проверки текста посыльных на остров Крит, в греческие, сербские и болгарские обители, к патриарху Иеремии II в Константинополь и т.д. Такую же православную школу основал в Слуцке потомок Ольгерда кн. Юрий Юрьевич Олелькович.

Для противодействия влиянию иезуитов во многих городах заводились братства, которые от восточных патриархов получили важные права; так, например, львовское братство имело право обличать в неправомыслии самих епископов и даже отлучать их от Церкви. Вышли новые затруднения, которыми опять ловко воспользовались иезуиты. Они вооружали епископов против братств и против патриархов (рабов султановых), указывая им на великолепную обстановку католических епископов, из которых многие заседают в сенате, пользуются значением, богатством, властью. Польское правительство всячески помогало иезуитам и епископские места предоставляло по их указанию тайным иезуитским ставленникам.

В 1576 г. на польский престол был избран Стефан Баторий. Под влиянием иезуитов король присвоил право самому избирать и назначать епископов. С тех пор короли стали избирать на православные кафедры лиц, заведомо недостойных или неспособных, даже иногда... католиков, дабы дискредитировать иерархию «греческой веры» одновременно в глазах паствы и правительства!

Вслед за этим мирянам было дано право патроната, т.е. контроля и даже администрации церковных имуществ, монастырских хозяйств и т.д. Право церковного патроната узаконило неслыханные вмешательства в церковную жизнь: польские паны – католики стали избирать на должность приходских священников угодных им лиц часто вопреки епископам и без их благословения. Бывало, что такие священники не получали даже рукоположения! (Когда Киевский митрополит Петр Могила начал проверять каноничность сана пастырей, выяснилось, что псевдосвященники не были редкостью.)

Паны и шляхта стали поручать дела подвластных им православных приходов арендаторам, которыми являлись

их старосты и урядники, бывшие католиками, а иногда и евреями! Можно себе представить, как эти поверенные паннов распоряжались «схизматическим» имуществом. Они, пользуясь полной безнаказанностью, судили, выгоняли из приходов священников, сажали их в тюрьмы, разводили браки, присваивали церковные сборы, доходы и т.д. Все протесты и жалобы королю и сейму веками оставались тщетными. Лишь актом 1861 года (!) Россия положила конец этому феодальному произволу панских помещиков и раскрепостила сельское духовенство.

Увлечшись перспективой пополнения уменьшенных Реформой латинских кадров за счет православных, папа Григорий XIII (1572–1585), реформатор западного календаря, основал в Риме в 1577 г. униатскую «Греческую коллегию». При ней была им основана церковь (в 1581 г.) во имя св. Афанасия, где стали служить согласно греческому уставу и на греческом языке.

В 1577 г. иезуит Петр Скарга издал книгу, в которой обвинял Русскую Церковь в дозволении женитьбы священников, в употреблении славянского языка при богослужении и наконец, во вмешательстве светских лиц в дела церковные (видимо, подразумевались русские цари и князья). Попутно Скарга хвалил унию. Свой труд он переиздал в 1590 г., посвятив его ученику иезуитов – королю Сигизмунду III, с дарственной надписью: «Дай Боже соединить всех еретиков, которых уже не очень много остается и каждый бы день убывало, если бы светская власть могла свободно пользоваться своим могуществом и правами. Труднее обратить русских, которые отзываются предками и стариною».

Стефан Баторий в 1583 г. поспешил угодить Риму, отняв у всех полоцких церквей и монастырей (кроме владычных) земли, которые были переданы... иезуитам. Кроме того, Григорий XIII велел королю декретом ввести в Польше изобретенный им календарь. Это вызвало крупные беспорядки, т.к. православное население взбунтовалось, особенно во Львове. Новое римское летоисчисление было осуждено в Константинополе Синодом патриарха Иеремии II в 1582 г. В 1583 г. им же был созван Собор с участием восточных патриархов, угрожавший анафемой всем, приемлющим новый стиль. Баторий, боясь восстаний, приказал чинов-

никам не принуждать православных к григорианскому календарю. Но накануне Рождества 1584 г. во Львове польский архиепископ натравил своих людей на православные храмы и обители; латиняне стали грубо хватать священников и выволакивать их из алтарей, некоторых уже после освящения Св. Даров! Церкви были опечатаны и службы в них запрещены.

К тому же, страдал народ и от евреев, как пишет современник: «В страну нашу собрался отовсюду самый дурной из всех народов – иудейский, распространившийся по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей. Народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы» [17 с. 237]. «Фактически в XV–XVII веках духовное главенство над еврейским миром сосредоточивается в немецко-польском еврействе. Все гонения на православных на оккупированных западнорусских землях иудеи и католики осуществляли вместе. Отдав русские церкви в руки иудеев, близкая им по духу польская шляхта со смехом наблюдала за поруганием христианских святынь, которое совершали иудеи. Католические ксендзы и униаты даже подстрекали на это иудеев, рассчитывая таким образом отвратить русских от Православия.

Как сообщает архиепископ Филарет, «те храмы, прихожане которых никаким насилием не могли быть обращены в унию, отданы были в аренду жидам; ключи храмов и колоколен перешли в жидовские корчмы. Нужно совершать требу – иди торговаться с жидом, для которого золото – идол, а вера Христова – предмет злобных насмешек и ругательств. Приходилось платить до пяти талеров за каждую литургию, то же самое за крещение и погребение. Униат свободно получал, где и как хотел, пасхальный хлеб, а православный не мог печь его сам и покупал не иначе, как у жида и по жидовской цене. На просфоре, купленной для поминовения за здравие или упокой, жид делал знак углем – и только тогда она могла быть принята к жертвеннику». Средневековые источники Западной Руси изобилуют примерами жестокого произвола иудеев-талмудистов в

отношении православного населения. Причем совершенно очевидно, что имела место не только безжалостная эксплуатация русских крестьян еврейскими арендаторами, но и воинственное антихристианское поведение.

В Россию же после суда над жидовствующими еретиками, въезд иудеев был запрещен. Этот запрет был подтвержден и царем Иоанном Грозным: «Жидам ездити в Россию с торгами не пригоже для того, что от них многие лиха делаются, что отварные зелья (яды) привозили в Россию и христиан от христианства отводили». Как сообщает Псковская летопись, при взятии Полоцка в 1563 году Иван Грозный приказал всем евреям креститься, а тех, кто отказался, утопил в Двине. Преступный союз польских королей, шляхетства и иудеев против православного населения западнорусских земель стал главной причиной постоянных восстаний русских людей против ненавистных эксплуататоров» [4 с. 139].

УСТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА НА РУСИ

Самым главным деянием недолгого, но славного правления царя Феодора Иоанновича было установление патриаршества на Руси. Можно сказать, что католики своей агрессивной политикой сами подтолкнули РПЦ на этот шаг. Ради сохранения чистоты Православия решилась Русь ввести у себя самостоятельное патриаршее управление. «Когда царь Феодор заботился об учреждении патриаршества, он желал возвеличить Русскую Церковь, а Промысл Божий приготавливал для Русской Церкви и народа в лице патриархов хранителей и поборников Православной веры и общественного блага на тяжкие времена боярских смут и нестроений» [11 с. 100].

«Иезуиты и другие латинские ордена агитировали против Православия, всеми средствами действуя на султана и его советников, часто прибегая к подкупу для поставления на греческую кафедру недостойных кандидатов; позже в таковые латиняне старались провести своих приверженцев либо воспитанников пресловутого «Греческого колледжа», основанного в Риме Григорием XIII. Та же такти-

ка применялась Римом во всех православных землях, где господствовали турки, которым взаимная вражда между христианами приносила крупные барыши, одновременно способствуя проповеди ислама на Балканах и островах Греческого архипелага. В то же время, латиняне, полемизируя с православными, укоряли их в зависимости от плененных турками Восточных патриархов!

Иезуиты настолько укрепились в Константинополе, что уже к 1600 г. там открылся их великолепный колледж, тогда как до их появления в 1580 г. в столице насчитывалось лишь 15 семейств, исповавших латинство. Римское золото, расточаемое отцами, оказывало свое действие на Оттоманский двор. Благодаря усердию французского посла, действовавшего по приказанию закулисного агента кардинала Ришелье – отца Иосифа, патриарх Кирилл (Лукарис) был впервые смещен в апреле 1623 г. и заменен сперва другим иезуитом Григорием, затем Анфимом. После этого папа Урбан VIII отметил услуги посла следующим к нему письмом: «Дела твои – великие подвиги, совершенные тобой в Константинополе, обрадовали Церковь Римскую. Мы с удовольствием узнали о бедствиях, постигших того сына тьмы и адского борца Кирилла, и об ударе, нанесенном ереси, когда ты постарался сделать представителем Константинопольской Церкви почтенного отца Анфима. Мы уверены, что, пока ты находишься на Востоке, Церковь Римская будет иметь там усердного защитника» [17 с. 239–240].

«В XVII в. – одном из самых мрачных периодов истории Константинопольской Церкви – обладатель патриаршего престола сменился шестьдесят один раз, причем сорок восемь перемен произошло за 63 года. Правда, многие патриархи правили по два-три раза. Лишь святые могли оставаться верными идеалам своего служения в подобных условиях, и поэтому факт, что греческая Церковь выжила под властью турок в течение четырех долгих веков, является настоящим чудом» [12 с. 603].

«Однако отделенной от Византии русской митрополии становилось все труднее прибегать к греческой кафедре, что мешало правильному решению многих сложных вопросов. Усилившиеся в Польско-Литовском государстве гонения на Православие и коварные происки иезуитов были хоро-

шо известны в Москве и немало кручинили благочестивого царя Феодора. Аргументом в пользу патриаршества было и то, что глаза православных в Литве могли бы обратиться на патриарха Всероссийского, как на общерусского архипастыря. Все это объясняет, с какой осторожностью и осмотрительностью царь Феодор Иванович (1584–1598) и шурин его Борис Годунов приступили к вопросу учреждения патриаршества в единственном свободном от ислама Русском царстве.

Летом 1586 г. в Москву приехал Антиохийский патриарх Иоаким VI (1586–1587). Пользуясь этим, во время заседания в Боярской думе, царь поднял вопрос об учреждении патриаршества. Духовенство и бояре выразили свое одобрение, прибавив, что следовало бы испросить согласие всей Восточной Церкви, «да не скажут пишущие на святую нашу веру латиняне и прочие еретики, что в Москве патриарший престол устроился одной царской властью».

Патриарх Иоаким согласился предложить этот проект собору Греческой Церкви. В 1587 г. в Москве узнали о согласии патриархов Константинопольского и Антиохийского, но ожидалось еще ответы от патриархов Александрийского и Иерусалимского. В 1588 г. Иеремия II, патриарх Константинопольский, приехал в свою очередь в Москву, где поднялся вопрос о переселении его самого во Владимир в качестве патриарха Всероссийского. Проекту этому помешали незнание языка и русских обычаев. Наконец, 26 января 1589 г. из трех кандидатов: митрополита Иова, архиепископов Новгородского Александра и Ростовского Варлаама, собором выбранный Иов был посвящен в патриархи. Только в июне 1591 г. митрополит Терновский привез Иову утвержденную всеми патриархами грамоту на Московское патриаршество, в которой Москве отводилось пятое место, после Иерусалима, вместо папы Римского» [17 с. 241].

Итак, в 1589 году московский митрополит Иов стал первым русским Патриархом. Восточные патриархи признали за ним пятое по чести место. Какими же глазами должен был смотреть на все это папа римский! Так падшие ангелы восстают на людей, препятствуя роду человеческому становиться наследниками Царства Небесного, навеки потерянного диаволом и его клеветами за свою гордыню. Почему

и подняты были потом все силы ада на борьбу с Православной Русью, закрутило ее в вихре Смутного времени, царь Феодор Иоаннович многими промасонскими историками назван неполноценным в психическом отношении, а царь Борис (во время правления Феодора его первый советник и помощник) навеки оклеветан даже в русской истории, как якобы главный заговорщик, узурпатор и цареубийца. За патриарший престол было сполна заплачено русской кровью, и в борьбе с силами антихриста, которые материализовались в польско-литовском нашествии, Русь выстояла только благодаря Православию.

Русское государство, его цари и патриархи оставались вселенскими покровителями Православия в мировом масштабе и, фактически, единственной серьезной оппозицией латинскому Ватикану. Как раз в эти годы (1586) Константинопольский патриарх лишился зданий патриаршего храма и подворья, отобранных султаном под мечеть (конечно, и тут не обошлось без иезуитских происков). Несколько лет патриархат был бездомным, пока патриарх Иеремия II не получил разрешения у султана построить церковь св. Георгия в самом сердце Фанара. Она была воздвигнута на пожертвования из казны русского царя и является собором Вселенского Патриарха до сегодняшнего дня.

«Латинская пропаганда на Востоке все усиливалась и все чаще оборачивалась настоящим «уловлением душ». Были двинуты целые армии специально подготовленных проповедников. Сеть римских епархий покрыла весь православный Восток. К XVIII в. относится мощное наступление иезуитов, которые за взятки «брали на откуп» у Порты целые острова и заменяли там православное священство на свое, но «восточного обряда», так что население незаметно для самого себя оказывалось униатским» [12 с. 615].

«В 1591 году мирное царствование Феодора было омрачено страшным преступлением – в Угличе злодеи умертвили царевича Димитрия, наследника Российского престола, последнего отпрыска царствующего рода Рюриковичей. Смерть царевича могла быть выгодна только тому, кто стремился уничтожить саму Россию, нанося удар в наиболее чувствительное место ее церковно-государственного организма, провоцируя гражданскую войну и распад страны.

В 1594 году крымский хан Кази-Гирей сделал коварный набег на русские земли. Неожиданно, в то самое время, когда его послы вели лицемерные переговоры о мире, он вторгся в Россию и почти беспрепятственно дошел до подмосковного села Коломенское. Лишь под самыми стенами Москвы наспех собранное русское войско вступило в бой с татарскими отрядами. Чествуя Годунова, как победителя над погаными, царь Феодор во время праздничной трапезы, в виду собравшихся бояр, духовенства и синклита снял с себя золотую царскую гривну и надел ее на Бориса. Четыре года спустя, по успении Феодора, на Земском соборе преподобный Иов – первый русский патриарх, свидетельствуя о Божием избрании Годунова на царское служение, раскрыл присутствующим тайный, прообразовательный смысл давнего поступка Феодора» [2 стр. 125].

Но далеко не все были в восторге от поставления Бориса на царство. Анализируя последующий ход событий, а также современные выводы археологов о целенаправленном уничтожении царской династии ядом и другими средствами, становится очевидным, что часть боярской знати была замешанной в антирусском заговоре. «Совершенно очевидно, что адский замысел против Московского государства – замысел, плодом которого явилось самозванство – возник и осуществился в среде враждебной нам польской и ополяченной западнорусской аристократии. Хотя и стал результатом крупной международной религиозно-политической кампании, незримо направляемой Римом. Когда в 1569 году завершилась политическая уния Литовской Руси с Польшей, а в Западной Руси утвердились иезуиты, немедленно принявшиеся хлопотать о церковной унии православной Руси с католической Польшей, вопрос о будущей Смуте на Руси был лишь делом времени» [55].

«Увы! Дерзким планам Ватикана способствовали некоторые политически близорукие члены русского общества. Боярские интриги, круто пресеченные Грозным, явились попыткой бывших удельных князей – «княжат» – повернуть колесо истории назад. Дело в том, что земские реформы Грозного, оказавшегося «демократичнее» многих бояр и политически дальновиднее своих современников, вызвали сильную оппозицию. Царь пожелал фактически уравнивать

своих подданных перед законом, привлекая к управлению годных, способных людей, независимо от их родовитости.

Уже Ивана III некоторые из бояр упрекали за то, что он часто советовался с людьми не родовитыми. А Грозный, в юности своей убедившийся в стремлениях олигархов урезать царскую власть, разделив ее между собой, решил ослабить правительство притоком новых сил, базируясь, прежде всего, на их пользе для государства. Олигархи, недовольные отменой кормленщиков, стали саботировать новые законы «Судебника» или изменнически отъезжать, например, в Литву! Это возбудило расправу царя с крамольниками. Опричнина, созданная им из «служебной мелкоты», заселила крупные вотчины «княжат», разделенные на мелкие участки, а прежних владельцев, если они были в числе противников царских, переселяли в области, где они не могли вредить государству. Так была разорвана связь княжеских родов с их удельными поместьями и предотвращена олигархическая революция, погубившая в свое время Галицкое княжество» [17 с. 298–299].

В свое время, инструктируя создателей фильма «Иван Грозный», Сталин сказал: «Иоанн Грозный был очень жестким. Показывать, что он был жестким, можно. Но нужно показать, почему нужно быть жестким. Одна из ошибок Иоанна Грозного состояла в том, что он не уничтожил пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять крупных семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени». Усилиями врагов Православной России была создана пятая колонна, которая потом и отворила настежь двери московского кремля латинствующим оккупантам.

БРЕСТСКАЯ УНИЯ

«В XV–XVI вв. Польско-Литовское государство, имевшее свои границы в каких-нибудь 150 верстах от Москвы, несколько раз действительно покушалось на покорение России, а в Смутное время поляки имели все шансы это победно завершить. Эта страница нашей истории на Западе старательно затушевывается, зато на первый план выставляются зверства русских казаков, алчная политика императоров и

т.д. Принято считать, что виной всех русско-польских настроений был вековой политический антагонизм, тогда как истинная причина вовсе не политическая, а религиозная, позже породившая и политические.

Константинопольский патриарх Иеремия, во время проезда по югу России в Москву, лишил Киевского митрополита Онисифора кафедры за двоеженство, назначил на его место Михаила Рагозу и велел ему к своему возвращению созвать собор для рассуждения о другом двоеженце, обвиняемом во многих преступлениях, Кирилле Терлецком. Боясь назначения нового суда со стороны патриарха, Кирилл поспешил действовать в пользу унии и привлек в свои сообщники одолженного им Ипатия. *(Кирилл Терлецкий, родом дворянин, в сане епископа вел жизнь разгульного польского пана. Соседи жаловались на его буйство и наезды, сопровождавшиеся иногда убийствами. Воспитанник иезуитов Ипатий Поцей, также дворянин, вообще три раза менял веру: сначала был католиком, потом протестантом, наконец стал православным. В монашество он пошел от долгов, какие наделал, живя в миру. Кирилл постриг его и выхлопотал ему богатую епископию Владимирскую-на-Волыни. Оба они тяготились зависимостью от патриарха, панов, братств и мечтали о независимости и почете заседавших в сенате латинских епископов.)*

В 1593 году Кирилл и Ипатий открыто предложили прочим юго-западным епископам унию для освобождения от власти патриарха и от вмешательства мирян в дела церковного управления. В декабре 1595 года они были уже в Риме и целовали туфлю папы Климента VIII. Папа принял их с восторгом, назначил в честь состоявшегося соединения с русскими большое торжество и велел вычеканить монету. На ней были изображены папа и россиянин, припадавший к его ногам, и вырезаны слова: «В память восприятия русских». *(Вот почему впоследствии император Николай I после воссоединения униатов с РПЦ, повелел отчеканить медаль с надписью на одной стороне: «Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)», с другой – под ликом Спасителя на убрuse: «Такова и мамы Первосвященника».)*

Дело подготовки унии велось, по обычаю иезуитов, с разными подлогами и обманами. Так, например, от двух

епископов взяли подписи на чистых бланках, будто бы на случай непредвиденных ходатайств перед королем за православных, а между тем на этих именно листах и была написана просьба об унии. Еще не успели Терлецкий и Поцей возвратиться из Рима, как эти подлоги были обнаружены, что вызвало сильное негодование против них со стороны некоторых епископов, православных князей и народа.

В начале октября 1596 г. в Бресте был созван Собор для церковного решения вопроса об унии. Прибыли туда: экзарх Константинопольского патриарха Никифор; экзарх Александрийского патриарха Кирилл Лукарис; митрополит Михаил (Рагоза) с семьей западно-русскими епископами и духовенством; Макарий, архимандрит Афонского Симонопетрского монастыря, делегат епископа Паисия Венчацкого (Сербского); Матфей, архимандрит Пантелеимонова Афонского монастыря; делегат Амфилохия Мукачевского (русского архиерея Венгрии). Всех было больше ста человек. К архиереям следует еще причислить Луку, митрополита Белградского, бежавшего от турецких гонений. Из мирян прибыли кн. Острожский с сыном и многочисленные дворяне с вооруженной свитой. Брест, окруженный шатрами и пушками, имел вид военного лагеря, ожидающего нападения.

Среди делегатов-католиков выделялись Петр Скарга с тремя иезуитами и три вельможи, королевские послы. Православные представляли большинство, что очень испугало приверженцев унии. Князь Острожский торжественно обещал, что спокойствие в Бресте не будет нарушено, и сдержал свое слово. Первое заседание было назначено на 6 октября, но Собор сразу же разделился на два лагеря: православных и униатов, что помешало устройству одного общего собрания в церкви, как было принято. Митрополит Михаил, на которого рассчитывали как на хозяина съезда, в это время вообще скрылся.

Униаты стали заседать под председательством католического Львовского архиепископа Соликовского в городском соборе; православным же Поцей, к епархии которого принадлежал Брест, запретил доступ в городские храмы и им пришлось расположиться в частном доме. Председательствовал на Соборе экзарх Никифор. После обычных мо-

литв еп. Гедеон Львовский произнес речь по-русски, которую переводил на греческий язык иеродиакон Киприан. Он сказал, что все собравшиеся намерены до смерти стоять за Православную веру и что отрекшиеся от нее и изменившие Константинопольскому патриарху поступили незаконно. На четвертый день, 9 октября, Собор, отвергнув и проклявши унию, объявил лишенными сана митрополита Михаила Рагозу и пятерых епископов за самовольное отступление от веры и отказ явиться на Собор. По инициативе экзарха Никифора, Собор, доведя до сведения ренегатов свои решения, попросил Сигизмунда III назначить на их кафедры других епископов, а в грамоте от 11 октября 1596 г., разосланной повсюду, Никифор повелел поминать, до избрания нового Киевского митрополита, патриарха Константинопольского Гавриила.

Униатский Собор, со своей стороны, выдал декрет о лишении сана и проклятии епископов Львовского и Перемышльского, прося короля низложить их с кафедр и утвердить унию. Король, игнорируя Православный Собор, утвердил унию, окрещенную Брестской, и с тех пор Православная вера стала для правительства вне закона и как таковая подверглась уже официальным гонениям, а храмы – грабежам» [17 с. 248].

Таким образом, никакого торжества унии не получилось. Епископы-униаты не обладали ни духовно-нравственным авторитетом, ни значительным числом сторонников. Для поддержки унии король прибег к грубому политическому давлению на ее противников. Александрийскому экзарху Кириллу Лукарису и другим, прибывшим на собор православным, пришлось, по приказу короля, спешно уезжать. «Один Никифор не испугался угроз. Обосновавшись у князя Константина, он преподавал в Острожской академии и одновременно с удивительной смелостью продолжал борьбу против унии, рассылал письма с призывами стоять в Православии, принимал священников в качестве экзарха. Все это вызвало против него сильнейшую ненависть латинян. Дело было только в предлоге для его ареста. В конце концов Никифору было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу султана. Особенно преследовал экзарха коварный Замойский, недавно спасенный им от турок. На после-

довавшем судебном разбирательстве под председательством самого короля, Никифор проявил полное хладнокровие, убедительно отвергнув абсурдные обвинения: помимо шпионажа он обвинялся в убийстве, чернокнижии и даже ... в преступной связи с матерью султана.

Весь этот злостный вздор был направлен против человека, известного исключительно чистым образом жизни. Не добившись его осуждения на формально законном основании, король велел задержать Никифора под предлогом продолжения расследования. Вскоре защитник Православия был отправлен в Мариенбургский замок. Через два года, в 1599 году, экзарх был уморен голодом. Так, в полном забвении и безвестии, в неведомом людям молитвенном предстоянии, закончилась подвижническая жизнь удивительного воина Христова, который ценой своей жизни вместе с другими исповедниками отстоял Православие в Западной Руси. Смерть Никифора держалась в тайне: врагам Православия его имя было опасным даже после его кончины. Но память о мученике благоговейно хранилась свидетелями его борьбы за веру в Бресте» [56].

«Провозглашение Брестской унии, совершенное в обстановке насилия и лжи, открыло двери правительственным гонениям. Наверху король и иезуиты всячески стесняли оставшихся верными православных иерархов; внизу русские крестьяне – рабы польских шляхтичей – силой загонялись в костелы после разрушения и осквернения их храмов. Все это иногда прикрывалось личиной защиты против «москалей», якобы покушавшихся на польское государство. В это время Польша подходила к зениту своей политической мощи, тогда как после смерти царя Феодора Ивановича, Руси предстоял длительный период бесправия, вызванный пресечением династии Калиты. Не случайно этот период совпал с разнузданным произволом, творимым в Польше латинянами» [17 с. 249].

«Проекты подчинения Руси Риму становились еще более насущными. За них теперь цеплялась проблема торжества унии в Польше. Да и православные церкви балканских стран, покоренных турками, сильно зависели от материального и дипломатического покровительства царя. И усилия в данном направлении предпринимались неоднократно. К

Федору Иоанновичу папа Климент VIII направил прелата Комулео, иллирийского славянина, изучившего русский язык. Целью посольства было склонить русских к войне с Турцией в союзе с Габсбургами, и Москву даже соглашались признать «Третьим Римом», обещали ей отдать Константинополь, подсказывали, что присоединение «единоплеменных и единоверных» славянских народов Балкан – не только право, но и «прямое назначение» Москвы. Но вот только для этого... надо бы признать церковную власть папы, который обеспечит все победы и вознаградит царя императорской короной.

В 1601 г. с аналогичными целями послы Рима Коста и Миранда отправились через Россию в Персию и подъезжали с переговорами к Борису Годунову. Успеха не было. И иезуиты в своих донесениях сетовали: «И при таком изобилии духовной рыбы (т.е. потенциальных обращенных) нельзя протянуть рук, чтобы взять ее... О, если бы наши отцы с самого начала пришли в эту страну не под своим, а под чужим именем! Многое тогда было бы в лучшем положении». Вскоре такая возможность им предоставилась» [43 с. 24].

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

На Русском государстве видимо исполнялось обетование Божие: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам» (Мф. 6, 33). Несмотря на беды и нестроения все прилагалось: русский народ и его святители и правители хранили Православие, как могли и как умели, со всей искренностью и простосердечием, и Господь преумножал и плодородие земли, и территорию государства (которое до сих пор сколько ни кромсают враги, а все равно больше всех), и земные блага. Враги-завистники только и могли, что нападать, разорять, воровать, клеветать, интриговать и т.п. против Руси вместо того, чтобы наводить порядок в своих государствах.

Следующим этапом борьбы Ватикана с русским Православием стало поползновение к узурпации царской власти на Руси специально подготовленным агентом латинских спецслужб Лжедмитрием и самое главное, на чем мало ак-

центрируют внимание светские историки, захват русского патриаршего престола ставленником иезуитов лжепатриархом Игнатием.

Еще «в 1564 году в Россию приехал попытать счастья на русской службе некто Генрих Штаден, сын бюргера из небольшого вестфальского городка. Он пробыл в «стране московитов» 13 лет, нужды не знал, занимался в Москве шинкарством, водил обширные знакомства и в 1576 году беспрепятственно вернулся на родину. Тут-то и началось самое интересное.

Два следующих года Штаден провел в эльзасском замке Люцельштейн, принадлежавшем пфальцграфу Георгу Гансу, где терпеливо и тщательно разрабатывал... план захвата и уничтожения русского государства. План этот – надо отдать ему должное – задуман был смело и широко, с глобальным политическим размахом. В антирусскую коалицию предполагалось вовлечь Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию и Священную Римскую Империю. На аудиенциях у императора и заседаниях рейхстага воинственный пфальцграф добивался создания могучего флота в Балтийских водах с целью нападения на русские владения. Генрих Штаден привлекался к проекту в качестве советника, эксперта и консультанта «по русским вопросам».

«Ваше римско-кесарское величество, – писал он папе римскому, – должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну (*Россию*) и управлял бы ею... Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей...». Далее Штаден разрабатывает подробный план захвата и оккупации Руси при движении на Москву с севера. «Отправляйся дальше и грабь Александровскую слободу, – рекомендует автор, – заняв ее отрядом в 2000 человек... За ней грабь Троицкий монастырь». Затем, по его мнению, окруженная «Москва может быть взята без единого выстрела». Чтобы закрепить победу и лишить русских людей традиционного харизматического руководства, царя Иоанна «вместе с сыновьями, связанных как пленников, необходимо увезти» подальше от родной земли. Не правда ли, у создателей плана «Барбаросса» были весьма достойные предшественники?» [57 с. 38].

«Католицизм грезил проектами «мировой империи», чем активно занялся орден иезуитов. В католических странах его члены старались устроиться духовниками к монархам и вельможам, направлять их политику. В протестантских становились шпионами, организовывали подрывные акции. А в нехристианских развернули миссионерскую работу. В Восточной Европе эпицентром подобной деятельности стала Польша. Коснулись данные процессы и России. Относительно нее в Риме вызрел особый план. Считалось, что при традициях русского самодержавия будет достаточно обратиться к католицизму царя, и народ автоматически последует за ним. Все, что происходило в нашей стране, внимательно отслеживалось при папском дворе и в руководстве иезуитского ордена» [58 с. 6].

«Смутное время – XVII век представляет собой классический азбучный пример обострения межцивилизационного конфликта. Эта Смута развивалась в «иезуитско-католической оболочке», поскольку была опасность порабощения нашего Отечества западно-христианской церковью с ее новой социальной организацией – иезуитами. В то время католический Рим в течение нескольких веков соперничал со Вторым Римом – Константинополем совсем не для того, чтобы безучастно созерцать политическое возвышение и духовно-религиозное укрепление Москвы – Третьего Рима. Русская смута разворачивалась по иезуитскому сценарию. Идея самозванства вытекала почти сама собой из тех обстоятельств, в которых находилась Московская Русь. Эта идея уже носилась в воздухе со времени злодейского убийства царевича Димитрия. Убийства, которое порождало в народе разнообразные толки и пересуды» [59].

«Наверное, Смутного времени и не было бы, если бы царская Россия при царе Иване Грозном не присоединила Сибирь. Монопольные права у русских – это невыносимо для иностранцев. При царе Борисе Годунове русские прочно обосновались на реках Обь, Иртыш и Тара, продвигались к Енисею. В 1604 году, когда иезуиты предъявили «чудесно спасшегося» Лжедмитрия I, русские войска построили город-крепость Томск. Царь Борис Годунов в 1604 году нанёс сильный удар по Кавказу, что обеспокоило даже не ленивого султана с его гаремом, а турецких кредиторов – бан-

киров Венеции, Генуи, Флоренции, Марселя. Вот почему для западных «профессоров» Смутное время – эпоха, как они говорят, «упущенных возможностей». Ведь спустя век после Смуты возникла мощная Российская империя Петра Великого. В числе «упущенных возможностей» Смуты было окатоличивание Русской Церкви, тайная уния под внешне православной личиной» [58].

«Существовал план иезуита Поссевина и польского короля Стефана Батория – подчинить и окатоличить Россию, взяв займы у папы, дожа Венеции и банкиров Медичи, правивших Флоренцией, заключить военный союз с Персией. Подробный проект был разработан ещё в 1581 году при правлении Рюриковичей – был жив царь Иван Грозный. Затем рассчитывали на слабое здоровье его наследника царя Феодора Иоанновича. План «... не умер вместе с его виновником Баторием. Достаточно сослаться на историю Смутного времени... с первым самозванцем Польша осуществила знаменитый проект Стефана Батория в той части, которая предусматривала католического государя на московском престоле» [60 стр. 675–681, 695].

Русский историк Н. Бицын писал: «Пресечь династию Рюриковичей стремились иезуиты, а вовсе не боярин Борис Годунов. На Руси царя никогда не избирали, а в родстве с Рюриковичами были многие княжеские роды, но не Борис Годунов. Он не мог предвидеть созыв в 1598 году Земского Собора и своё избрание на царство. Бориса Годунова, верного царю Ивану Грозному, нет оснований подозревать в умысле против царевича Димитрия, хотя именно такой слух и был сразу пущен, скрывая зачинщиков будущей Смуты. Царь Борис Годунов отверг «иезуитами придуманный план религиозного и государственного соединения России с Польшей». С этим планом приехал литовский канцлер Лев Сапега – «с октября 1600 по август 1601 года всё высматривал, что в Москве делается». Невыполнимые требования и надменное поведение затянули пребывание посольской миссии в составе до 900 человек почти на девять месяцев. Надо ли говорить, что все это время гости не бездействовали. К тому же есть полное основание полагать, что будущий самозванец сам состоял в огромной польской свите. Предполагаю, что во время приезда Сапеги или позже иезуиты склонили

ряд русских воевод к измене. Поэтому самозванец добился успеха» [61].

Далее события разворачивались по намеченному. В 1602 или 1603 году агент Ватикана иезуит Игнатий под видом греческого митрополита, оставшегося без кафедры, просил русского царя и иерархов приискать ему место для служения. Ему удалось занять Рязанскую кафедру, в состав которой тогда входила огромная территория, в том числе и г. Тула. Именно там, на западной окраине огромной епархии, им была создана некая перевалочная материальная база для польско-литовского войска и последующих самозванцев Смутного времени. Все это говорит о масштабности и продуманности заговора. Даже Наполеон, шедший наудачу и расчитывавший в основном на масонскую пятую колонну, не мог похвастаться такой продуманностью действий, как спецоперации Ватикана на территории Руси в начале XVII века. Спустя два года, когда в октябре 1604 года войска Лжедмитрия вероломно пересекли русско-польскую границу, они напрямиком направились в Тулу, где их уже ждал Игнатий.

Приняв на себя титул «патриарха» (скорее всего, он и был посвящен на эту должность папой римским, как представлялись латинские патриархи во время захвата крестоносцами Константинополя), Игнатий стал добровольно-принудительно приводить население к присяге самозванцу при живом законном царе Борисе Годунове! Самозванец «... взял с собою двух краковских иезуитов, которые и оставались при нём постоянно в качестве его духовных наставников и руководителей. Едва только начались успехи Лжедмитрия, едва покорились ему несколько украинских городов, как в январе 1605 г. новый папа Павел V величал его государем всей России...».

Наконец «под Добрыничами близ Севска 21 января 1605 года польско-литовские войска самозванца были наголову разгромлены русскими под командованием боярина Василия Ивановича Шуйского. Лжедмитрий I отступил к Рыльску, затем ещё южнее – к Путивлю». Пока происходили все эти события на пограничной территории, в Кремле вовсю орудовали предатели и диверсанты. Вскоре царь Борис был отравлен. «13 апреля 1605 года сразу после обеда в Кремле у царя Бориса Годунова началась внезапная крова-

вая рвота, кровотечение из носа и ушей, и вскоре он скончался. Немецкий иезуит Пирлинг цинично написал: «Впрочем, в Кракове, по-видимому, уже давно ждали подобной развязки». У царя Бориса был присланный австрийскими Габсбургами врач-католик Эразм, позднее, при самозванце, подаривший свою библиотеку иезуитам.

Новый царь Фёдор II Годунов совершил ошибку. Он отозвал Шуйского и назначил новым командующим Басманова. Под Кромами Басманов изменил, арестовав верных царю воевод. Самозванец соединился с Басмановым, выпустил его армию, не доверяя ей, и продолжил наступление на Москву через Орёл и Тулу. По приказу Лжедмитрия царь Феодор Годунов был убит «двумя отъявленными негодьями» – Молчановым и Шерефединовым. «Именно царевубийство, совершённое 10 июня 1605 года, ликвидировало последнее препятствие для безудержного распространения смуты» [59 стр. 43–44].

«Старый иезуит Поссевин, ненавидевший царя Ивана Грозного, в начале Смутного времени жил в Венеции и считал «... что Димитрий (т.е. самозванец) может явиться новым Соломоном. Он воздвигнет храм лучше Иерусалимского святилища. То будет храм духовный, где найдут себе спасение все, имеющие быть обращёнными к истинной Церкви». *А это уже попахивает новым вариантом ереси жидовствующих или ... ватиканский агент, наконец, называет вещи своими именами?*

«Приверженцы Лжедмитрия, овладев Москвой, прежде всего приступили к свержению патриарха. Они ворвались в Успенский собор во время литургии и сорвали с него святительскую одежду, облекли его в простую монашескую рясу и в телеге отвезли в Старицкую обитель» [11 с. 100]. Церковный историк М. В. Толстой собрал живые подробности тех дней: «Едва успел воцариться самозванец, как все лучшие люди с ужасом увидели в пришельце орудие ляхов и иезуитов, а не сына Иоаннова. На кафедру низверженного Патриарха возведён, без соборного избрания, Рязанский архиепископ Игнатий, хитрый грек, живший долго в Риме. Такой пастырь нужен был самозванцу и ляхам. Когда Игнатий для приличия просил благословения у Иова, старец свободно отвечал: «по ватаге атаман, по овцам пастух».

21 июля 1605 года в Успенском соборе Игнатий венчал на царство Лжедмитрия, а иезуит-ксендз Черниковский приветствовал самозванца по латыни. 21 июля по русскому старому стилю – это тогда 31 июля по папскому новому стилю. И самозванец «... высказывал свою радость по тому поводу, что венчание его на царство состоялось в праздник Игнатия Лойолы, т.е. 31-го июля». Получается, что Лжедмитрий был фанатичным иезуитом, а не новичком, которого-де иезуиты случайно встретили в Польше и познакомили с католичеством. Лойола был канонизирован внутри ордена иезуитов, а папство объявило Лойолу «святым» много позже – в 1621 году. Знать эту тайну могли только посвящённые в высокие степени...

Иезуиты в Кремле – это было немыслимо при настоящих русских царях и иерархах, но стало нормой при самозванце и лжепатриархе. Став патриархом «без священного собора русских пастырей», Игнатий «... согласился на поселение иезуитов в Москве, на постройку римо-католического коллегиума и церкви». Игнатий короновал, причастил и миропомазал 8 мая 1606 года Лжедмитрия I и Марину Мнишек.

Игнатий помогал самозванцу обманывать русских людей. Церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) писал о лицемерии Лжедмитрия: «... Он в душе был латинянин, но казался православным и посещал православные церкви; держал при себе иезуитов, как своих духовных руководителей, но избрал себе и православного духовника – архимандрита Владимирского Рождественского монастыря. Он подарил иезуитам в Кремле, неподалеку от своего дворца, огромный дом, и они завели здесь костёл, начали совершать богослужение с пышностью, при звуках органа...».

Оказывается, латинский рейх готовил православным москвичам участь французских гугенотов, коварно перебитых фанатиками-католиками. Границы были открыты, и польское вторжение, начатое в октябре 1604 года, продолжалось и в мае 1606 года. Арсений Елассонский писал, что тогда с Мнишками приехали в Москву многие польские знатные мужчины и женщины, всего более шести тысяч, конных и пеших, с оружием (в том числе пять новых иезуитов). Истребление русской знати было намечено Лже-

дмитрием и поляками на 18 мая, воскресенье, об этом самозванец говорил польскому магнату Константину Вишневецкому в присутствии двух своих секретарей Бучинских.

Самозванец хотел «избавиться от всех бояр». То есть папство и шляхта готовили в Москве резню по типу Варфоломеевской ночи. Так, на воскресенье 24 августа 1572 года, во Франции с согласия папы, итальянка Екатерина Медичи, французская королева, пригласила врагов Рима – французских протестантов – на свадьбу своей дочери Маргариты с принцем Генрихом Бурбоном. Сыграв свадьбу, протестантов закололи и ограбили, их жён и дочерей изнасиловали. Вождя протестантов адмирала Колиньи убил польский наёмник Яновиц. Кроважностью отличились войска сына Екатерины Медичи – Генриха Анжуйского, в 1573–1574 годах – выборного короля Речи Посполитой, в 1574–1589 годах – короля Франции Генриха III. Наивно думать, что «рецепт» Варфоломеевской ночи полякам был незнаком.

Свадьба Лжедмитрия и Марины Мнишек состоялась 8 мая 1606 года. Их венчал, миропомазал и причастил Игнатий. Итак, истребление русской знати и купечества должно было произойти через десять дней после свадьбы – 18 мая. Документ со списком русских, которых следовало убить, был найден после смерти Лжедмитрия и зачитан народу. Сначала в рукописи речь шла о захвате престола Лжедмитрием в 1605 году: «... венчан бысть царем от сквернословца и пьяницы патриарха Игнатия». Затем о точной «рописи» самозванца в мае 1606 года, какому польскому пану и ротмистру убить того или иного русского князя, боярина, дворянина, а остальных бояр и дворян, вместе с купцами, «... перевязав, свести в Польшу к королю Литовскому» [62 с. 156]. Император Рудольф II Габсбург, как и Рим, поддерживал самозванца. Вероятно, существовал план разрушить Россию, создав на её руинах зависимые «государства» во главе с самозванцами – под присмотром Речи Посполитой и Габсбургов. В 1606 году Запад подготовил нового самозванца – «Лжепетра», шедшего к Москве с юга под видом мнимого сына царя Фёдора Иоанновича.

Колокольный звон к заутрени в субботу, 17 мая 1606 года, не сразу пробудил загулявших иноземцев. Бо-

яре во главе с Василием Шуйским, вооружённые дворяне, наконец, простой народ с топорами ждали лишь удара колокола. Немцев-наёмников смели. Лжедмитрия избили, допрашивая, кто он на самом деле, наконец и застрелили и зарубили. Позже тело сожгли, пепел зарядили в пушку и выстрелили в сторону Польши.

Вскоре после гибели Лжедмитрия, 17 или 18 мая 1606 года, собором русских епископов Игнатий был лишён кафедры и сана (в том числе и «за увольнение Марины от перекрещивания»), и его, «облича в ереси папезской» отправили под начало в Чудов монастырь». *(Однако уже в 1611 году Игнатий, вновь смещая законного патриарха Гермогена, опять занимает патриаршую кафедру. А в конце 1616 года королевич Владислав, выступая в поход, обратился к русским людям с грамотой, в которой упоминал о том, что с ним будет Игнатий снова как кандидат на патриарший престол.)* Царём стал боярин князь Василий Иванович Шуйский, Рюрикович, прямой потомок великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо [61].

ПОКАЯНИЕ РУСИ

Законным предстоятелем Русской Церкви был избран патриарх Гермоген, бывший до того митрополитом Казанским, известный твердостью в вере и духовным разумением. 31 июня 1606 года при его непосредственном участии было совершено прославление нетленных мощей убиенного царевича Димитрия, «дабы утешить верующих и сомкнуть уста неверным». Царствование прежней династии пресеклось насильственно, и акт прославления державного отрока стал одновременно актом всенародного покаяния в этом злодействе. Новый государь, Василий Шуйский, нес раку с мощами лично, «как бы желая усердием и смирением очистить себя», по словам летописца, от прежних прегрешений. Некогда Шуйский, будучи послан в Углич для расследования дела о смерти отрока, поддержал версию о «случайном самоубийстве» царевича. Новая московская святыня, несомненно, подействовала на умы и воображение столичных жителей и способствовала успеху последую-

щей обороны москвичей от второго Лжедмитрия, но полностью устранить надвигавшуюся катастрофу Шуйский уже не смог.

«Но еще не довольно смирился перед Богом царь Василий, – написал позже церковный историк, – чтобы погасить гнев Божий на Россию за нечистоты сердечные, за клятвопреступления и цареубийство. Повсюду начались волнения: сначала только потому, что Василий избран одной Москвой; далее стали говорить, что... Дмитрий спасся из Москвы во время восстания народного; появились и новые самозванцы».

Всем стало ясно, что для укрощения Смуты необходимы меры не только административные, государственные, но, прежде всего, религиозно-нравственные, духовные. Тогда царь и собор положили принести всенародное покаяние. В связи с этим патриарх Гермоген пригласил в столицу своего славного предшественника – святителя Иова. Казалось, к людям вернулось понимание того, как должны решаться вопросы и укрощаться нестроения в Православном Царстве Русском. Казалось, что понимание это готово претвориться в деяния, которые положат конец усобице на Руси. Казалось, что народ прозрел и желает лишь одного – искупить свой грех.

Иов приехал и 20 февраля 1607 года явился в соборном храме Успения, извне окруженном и внутри наполненном несметным количеством людей. Он стоял у патриаршего места в виде простого инока, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его знаменитости и страданий за истину, смирением и святостью, отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с небом. В глубокой тишине общего безмолвия и внимания поднесли Иову бумагу и велели патриаршему архидиакону читать ее на амвоне. В сей бумаге народ молил Иова отпустить ему, именем Божиим, все его грехи перед законом, строптивость, ослепление, вероломство; клялся впредь не нарушать присяги, быть верным государю; требовал прощения живым и мертвым, дабы успокоить души клятвопреступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию.

Иов отвечал грамотой, писанной известным его слогом, умилительно и красноречиво. Исчислив все клят-

вопреступления, не исключая и данной Лжедмитрию присяги, Иов именем небесного милосердия, своим и всего духовенства объявил народу разрешение и прощение, в надежде, что он не изменит снова царю законному, и добродетель верности, плодом чистого раскаяния, умилюет Всевышнего, да победят врагов и возвратят государству мир и тишину.

Действие было неописанное. Народу казалось, что тяжкие узы клятвы спали с него и что Сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались, и тем сильнее тронуты были вестью, что Иов, едва успев доехать из Москвы в Старицу, и преставился. Мысль, что он, уже стоя на пороге вечности, беседовал с Москвой, умиляла сердца. Сперва показалось, что начали сбываться благие надежды, что чаша гнева Господня источает свои последние скорбные капли, но Смута разбушевалась с новой силой.

17 июля 1610 года в Москве мятежники свели с престола царя Василия. Напрасно патриарх Гермоген с жаром и твердостью защищал законного государя, напрасно изъяснял народу, что нет спасения там, где нет благословения свыше, что измена царю есть богоборчество, что новое клятвопреступление не избавит, но лишь глубже погрузит Россию в пучину безначалия. Забылось в народе недавнее соборное раскаяние, в боярах проснулись всегдашние властные междоусобные счеты – и Москва оказалась во власти произвола и зависти, властолюбия и тщеславия, лицемерия и вражды [2 с. 135].

НОВЫЕ ДИВЕРСАНТЫ ВАТИКАНА

«В 1605–1621 годах папой был Павел V Боргезе. Он и иезуиты, потерпев неудачу с Лжедмитрием I, разожгли новые, связанные друг с другом, мятежи Лжепетра и Болотникова. «Царевич» Лжепётр, мнимый сын царя Фёдора Иоанновича, объявился в Астрахани примерно в начале 1606 года. Его ватаги зверствовали, идя на подмогу Лжедмитрию I.

Лжепётр, грабя города по Волге, успел дойти до Свяжска, когда узнал о свержении и убийстве в Москве Лжедмитрия I.

трия I. Лжепётр вернулся на юг, сжёг Царицын (в 1615 году город основали заново). Затем опустошил низовья Дона и, резко повернув, разорил Царёв-Борисов, мощную крепость, построенную царём Борисом Годуновым у впадения реки Оскол в Северский Донец. Царёв-Борисов защищал Русь от набегов крымских татар, но из-за Смуты, видимо, остался без гарнизона. От Царёва-Борисова Лжепётр направился на северо-запад, к Путивлю, к князю Шаховскому, сообщнику ещё Лжедмитрия I. Пограничный юг России пришёл в запустение, что облегчило крымцам и полякам будущие вторжения. Не слишком ли велики стратегические познания у Лжепетра? Князь Григорий Шаховской, давний друг Рима, поддержал Лжепетра в Путивле в декабре 1606 года и в 1607 году соединил с Болотниковым. Шаховской признал Лжепетра «... как племянника и наместника Димитриева в его отсутствие, и даже не усомнился обещать ему царство, если Димитрий, ими ожидаемый, не явится.

Кем был Лжепётр? Костомаров, внимательный к казачьим делам, писал о многих «бездомных и безымянных людях» у Лжепетра. У них была мысль «служить шаху кизилбашскому». Кизилбаши («красноголовые») – прозвище персов и кавказских племён, носивших чалмы с красными повязками. Правившая в Персии династия Сефевидов вышла из города Ардебиль, на границе Ирана с современным Азербайджаном, – из кизилбашей. «Шах кизилбашский» – шах Персии (Ирана) Аббас I, сблизившийся с Западом, католиками и протестантами. И, возможно, выходцы из Персии и Кавказа были в ватагах Лжепетра. Вспомним ещё раз римско-польский план 1580-х годов – свергнуть царя Фёдора Иоанновича, заключив союз с Венецией, Флоренцией и Персией. Лжепетра, закованного в кандалы, допрашивали царские судьи в октябре 1607 года. Известно, что в Путивле Лжепётр в начале 1607 года распял и расстрелял из пищалей (ружей) князя Андрея Бахтеярова, чью дочь взял в наложницы... он – иностранный лазутчик, как Лжедмитрий I, и, разумеется, не христианин.

Советский историк профессор Р.Г. Скрынников, пришёл к выводу относительно и другого участника смуты: «Движение Болотникова не было крестьянской войной». Тёмное прошлое Болотникова в духе его подмётных писем,

разжигавших самые низменные инстинкты – русских бояр убивать, их жён и дочерей брать себе, грабить торговых людей и купцов. Превратить Россию в дикую пустыню – разве не того же хотели поляки, иезуиты, шведы, турки? Предполагаю, что зачинщик бунта – не Ивашка (Иван Исаевич) Болотников, а богатый иностранец, знавший русский язык, типа Лжедмитрия I и Лжепетра. Кстати, князь Андрей Андреевич Телятевский «служил» у Болотникова. Если тот и вправду был его холоп, такое «подчинение» трудно вообразить. Болотников создавал отряды разбойников, порой побеждал царских воевод, разбирался в военно-инженерном деле, конных атаках, искусстве манёвра, знал, как и чем гасить зажигательные ядра. Познания Болотникова вновь опровергают не только начало его легендарной биографии – беглый-де холоп, но даже и середину «жизненного пути» – гребца на турецкой галере. Гребцов никогда не подпускали к пушкам, да и бой галер – чаще всего абордаж, рукопашные схватки, а не артиллерийская дуэль. Арсений Еласонский в мемуарах назвал Болотникова «достойнейшим мужем и сведущим в военном деле». Но, может быть, «достойнейший муж» надо понимать иначе – из венецианской знати?

Орды Болотникова в 1606 году не дали России передохнуть после только что свергнутого режима Лжедмитрия I, грабили русские города и сёла, быстро передвигаясь к Москве. Построили укрепленный лагерь в Коломенском, начав осаду столицы в октябре – ноябре 1606 года. Разгром князя Мосальского вынудил Болотникова бежать из Калуги к Туле, которая уже к марту 1607 года была захвачена ватагами Лжепетра.

Обратим внимание, именно в Туле за два года до этого, в 1605 году, стоял Лжедмитрий I, к которому присоединился Игнатий, тогда ещё архиепископ рязанский. Если Болотников – «холоп», давно не бывший в России, а Лжепетр – «простой казак», тогда почему они в точности повторили манёвр польских наёмников Лжедмитрия I, избрав Тулу опорой движения к Москве? Из Тулы через Каширу Болотников и его «воевода» князь Телятевский пытались вновь прорваться к Москве, но были наголову разбиты войсками царя Василия в июне 1607 года в двух сражениях: на реке

Восме, западнее Каширы, и затем, уже гораздо южнее, на реке Вороньей близ Тулы. Болотников, действовавший от имени «царя Димитрия», Лжепётр, князя Телятевский и Шаховской вновь укрылись в Туле с её мощным кремлём.

Возьми мятежники Москву в 1606 или 1607 году, сообщник Лжедмитрия I – лжепатриарх Игнатий, томившийся в Чудовом монастыре в Кремле, пригодился бы для «венчания на царство» нового самозванца. Взяв Тулу 10 октября 1607 года, царь Василий выиграл многое. Избежал долгой и трудной зимней осады, а главное – не допустил соединения вражеских сил. Ведь в октябре 1607 года Лжедмитрий II был не далее 50 км южнее Тулы, но, узнав о падении города, начал поспешно отступать на юг и запад. Лжепетра повесили, Болотникова и многих его сообщников утопили, их немецких советников отправили в Сибирь. Два изменника – князя Телятевский и Шаховской были сосланы и взяты под стражу.

Казалось, ненавистной смуте – конец. Но в Риме и Варшаве думали иначе. Иезуиты решили использовать Лжедмитрия II, ему вновь дали польские эскадроны и уже в ноябре 1607 года он, точнее – они – начали новый поход в Россию со стороны Брянска и Карачева, где завязались ожесточённые бои с царскими войсками.

Поляки умалчивают о самом важном для них вопросе – денежном. 1 июня 1612 года, 14 мая 1613 года и 7 марта 1614 года Павел V разрешил ксёндзам собирать деньги на «крестовый поход» против «схизматиков». И в 1616–1618 годах королевич Владислав, наняв конницу – немецких рейтар и гусар-шляхтичей, вновь пошёл на Россию. Это уже пятое открытое вторжение – после четырёх прежних с 1604 по 1612 год. В нынешней Польше войне 1616–1618 годов посвящены фанфарные военно-исторические монографии. И непонятно «благородное негодование» ныне здравствующего отставного польского политика: зачем в России вспоминают Смутное время?» [61].

К слову сказать, «число иудеев в России увеличивается в Смутное время. В грамоте об избрании на царство династии Романовых говорилось о том, что Лжедмитрий I привел с собой не только многих «злых еретиков, колвинцев, новокшенцев, ариян, люторей и римлян», но также и «бого-

убийц-жидов». Официальные документы свидетельствовали, что Лжедмитрий II был «родом жидовин». Для русского человека такое свидетельство являлось самым уничтожающим. В XVII веке проникновение иудеев в Россию осуществлялось гораздо быстрее, чем прежде» [4 с. 140].

«Кем на самом деле был Лжедмитрий II, исследователи спорят по сей день. Но мы едва ли будем далеки от истины, если предположим, что круг лиц, принимавших здесь решение, не изменился. Самозванство в это время было не ново. Три самозванца захватывали престол Молдавии, два самозванца действовали в Турции, о чем в Польше, конечно, знали. И Лжедмитрий являлся либо авантюристом-одиночкой, либо... «тройанской лошадкой», специально подготовленной иезуитами. Разные «нестандартные ходы» были вполне в их стиле. Папа Павел V в 1606 г., после крушения авантюры, сетовал, что «надежда приведения великого княжества Московского к святому престолу исчезла». А на польском сейме в 1611 г. было сказано: «Источник этого дела, из которого потекли последующие ручьи, по правде, заключается в тайных умышлениях, старательно скрываемых, и не следует делать известным того, что может на будущее время предостеречь неприятеля».

Важнейшим опорным пунктом, центром сопротивления против иноверцев и иноплеменников в те годы стала знаменитая Троице-Сергиева лавра: обложенная врагами, она представляла тогда спасительный оазис посреди областей, охваченных изменой, разбоем и мятежом. Литовский воевода Ян Петр Сапега подошел к Троицкой лавре 23 сентября 1608 года с 30-тысячным войском, состоявшим из поляков, казаков и русских изменников, осада была снята лишь 12 января 1610 года с приходом главных сил князя Скопина-Шуйского. Наступил черед освобождения от тушинцев и самой столицы. Безуспешная осада Троице-Сергиевой лавры поставила под угрозу успех всего польского предприятия и вынудила, наконец, вмешаться в эту кровавую интригу непосредственно польского короля.

16 сентября 1610 года Сигизмунд III с главными силами прибыл под Смоленск, и началась знаменитая осада этого города. Сигизмунд пока решил сам возглавить войско, а не посылать королевича, чтобы не торопиться определять

свою позицию, а прежде всего отвоевать как можно больше областей у Московского государства для Речи Посполитой, и затем, смотря по обстоятельствам, то ли посадить сына на Московский престол, то ли, еще лучше, самому занять его и таким образом под одной короной соединить Польшу, Литву и Москву, а потом объединенными усилиями добывать наследственную Швецию. Такой план вполне удовлетворял притязаниям иезуитов и вообще римской курии» [61].

«Падение Смоленска пышно праздновалось всем католическим миром. В Кракове трое суток играла музыка, шли балы и представления, где «еретическую» Москву поражали... почему-то языческие юпитеры и марсы с полунагими минервами и венерами. Папа объявил отпущение грехов не только участникам кампании, но и всем, кто в назначенный день посетит иезуитскую церковь св. Станислава в Кампидолио. Там тоже происходили представления с фейерверками, а богослужение вел сам генерал иезуитов Аквила, провозглашая: «О, даруй, Боже, яснейшему королю польскому, для блага христианской церкви уничтожить коварных врагов москвитян». Но звезда самозванца клонилась к закату, и вскоре он был убит своим охранником» [55].

«Еще почти три года страданий и мук понадобилось Руси, чтобы вновь вернуться к мысли о том, что лишь покаяние в совершенных беззакониях и всеобщее, соборное избрание нового монарха, благословленное Церковью и принятое всем народом, могут спасти положение. Дважды за это время ходили русские полки освобождать столицу. Первое (рязанское) ополчение под предводительством Прокопия Ляпунова оказалось безуспешным, но на второй раз войско князя Пожарского добилось своего – Москву очистили от поляков. 27 октября 1612 года капитулировал последний польский гарнизон в Кремле.

В числе других знатных пленников тогда был освобожден и отрок Михаил Романов-Юрьев, будущий Самодержец Всероссийский, основатель и первенец новой династии Русских Православных Государей. Опасаясь поляков (да и своих мятежников), он с матерью, инокиней Марфой, тут же покинул Москву, уехав в свою костромскую вотчину. В столице же тем временем собирался Великий Собор, Совет Всея Земли, который должен был решить, как жить России

далее. На этот раз духовный разум и здравый смысл взяли верх. Несмотря на первоначальные волнения и несогласия, порешили «Литовского и Шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не Православной веры на Московское государство не избирать», а «быти на всех великих преславных Российских государствах Государем всей Руси Самодержцем, Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву... служить и прямить ему во всем, против его всяких недругов и изменников стояти крепко и неподвижно, и биться до смерти».

21 февраля 1613 года Михаил Феодорович был торжественно провозглашен Государем и Великим Князем Всея Руси Самодержцем. Благодарственное молебствие о здравии Богом избранного Государя, совершившееся во всех церквях с колокольным звоном, и всенародная присяга заключили это достопамятное событие. Дело было за малым. Сам новоизбранный царь ничего еще не ведал о своем державном достоинстве, хоронясь в костромской глубинке. Потому для испрошения его согласия было отправлено особое посольство из духовных и светских чинов, с инструкциями и грамотами. Можно долго рассказывать о том, как отказывался от высокого избрания юный государь, как упорно не давала сыну своего материнского благословения старица Марфа. Казалось, уговоры бессмысленны. Тогда послы и народ прибегли к последнему средству, испытанному уже однажды при избрании на царство Бориса Годунова. Они решили поколебать благочестивые сердца Михаила и Марфы напоминанием о великой ответственности за все могущие последовать для Отечества бедствия. «То ли угодно вам, – спросили они, – чтобы наши недруги торжествовали, попирали нашу православную веру, чтобы православные христиане были в расхищении и пленении? Все это: и поругание веры, и осквернение церквей, и гибель бесчисленного безгосударного народа, и междоусобные брани, и неповинную кровь взыщет Бог на вас в день Страшного и праведного Своего Суда...». И согласие на царство было, наконец, получено. 1 июля 1613 года в Москве состоялось и Таинство Венчания: Россия вновь обрела законного и богоданного Государя.

Особенно ярко понимание религиозного смысла произошедшего проявляется в заключительных словах соборной

клятвы, данной народом на Совете Всея Земли. Преступление против государства и государя признается в ней равно преступлением церковным, религиозным, направленным против промыслительного устройства земли Русской и достойного самых тяжких духовных кар. Не под этими ли клятвами ходим мы и до сей поры, люди русские? Ужели водовороты страшной смуты XX века не заставят нас оглянуться на века минувшие, дабы усвоить их уроки? Дай нам Бог силы и разума, веру и жажду истины и праведности, которые не раз помогали уже предкам нашим выходить из самых затруднительных положений!..» [2 с. 137]

ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ

Как в минуту Смуты решающее значение в спасении России принимали первосвятители РПЦ, так и в последующее время становления русской державы после разрухи польского нашествия именно святители разделяли с царями всю тяжесть державного служения. Патриарх Иов, страдалец и молитвенник за Святую Русь, сверженный с престола ставленниками иезуитов и разрешивший в чине Всенародного покаяния русский народ от тяготевших грехов цареубийства, богоотступничества и клятвопреступления. Патриарх Гермоген, вдохновивший Русь на подвиг борьбы за Православное Отечество и мученически скончавшийся в польских застенках. Патриарх Филарет, отец первого царя из рода Романовых, по возвращении из польского плена до последнего вздоха неустанно трудившийся над возрождением из руин Церкви и Державы. Затем и патриарх Никон, пытавшийся оградить РПЦ от тлетворного западного влияния, оказавший решающую роль в присоединении Малороссии к России. Все они были главными объектами для нападения папских агентов-иезуитов лишь за свою верность Истине святого Православия.

Проникновенно звучат об этом слова митрополита Иоанна (Снычева): «Кто на протяжении тысячи лет ковал и пестовал несгибаемый державный дух русского патриотизма? – Церковь Православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных, освящая дело защиты Отечества

как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным – без лести, мужественным – без жестокости, щедрым – без расточительства, стойким – без фанатизма, сильным – без гордости, милосердным – без тщеславия, ревностным – без гнева и злобы? – Церковь Православная!» [57 с. 14–15].

Миссия патриарха Филарета, которую он выполнял, будучи несколько лет в польском плену состояла в помощи православным в Польше, гонимым от униатов и католиков. Была и еще одна задача – наставление казачества на путь истинный. Казачество, до того времени воевавшее на стороне поляков и промышлявшее разбоем на русских границах, вдруг объединилось, сделавшись опорой Православного населения в Западной Руси, что в конечном итоге привело и к воссоединению Малороссии с Россией. Казаки стали главными охранителями династии Романовых, недаром после революции казачество уничтожалось под корень наравне с духовенством, как фундамент русского самодержавия.

Патриарх был высокообразованным человеком, знавшим и богословие, и иностранные языки, в том числе латынь. Его знаменитый диспут с польским канцлером Львом Сапегой в присутствии Сигизмунда III привел в изумление всех поляков и их духовенство: Филарет поставил своего противника в тупик, разрушив латинский догмат «филио-кве». Проживая в польском плену, Филарет лично ознакомился с бедственным положением Православной Церкви, притесняемой католиками и униатами. Одной из первых его задач по возвращении из плена было оказание помощи православным в Западной Руси. Когда в Москву на Собор 1619 г. прибыл Иерусалимский патриарх Феофан IV (1608–1644), Филарет вместе с царем Михаилом Феодоровичем снабдили его необходимыми средствами и помогли тайно проехать в захваченный униатами Киев для восстановления там православного епископата.

В Польше в 1623 году вышли постановления сейма о послаблении православным, но, к сожалению, ими не удалось воспользоваться. Виной всему было убийство папского провокатора епископа Иоасафата Кунцевича. «Незадолго до своей «мученической» кончины, последовавшей 12 ноября 1623 года в Витебске, Кунцевич сделал распоряжение

выкапывать тела умерших православных и бросать их собакам. По всей своей полоцкой епархии, в Могилеве, в Орше наводил он террор на православных, закрывал и сжигал церкви. Но самой убедительной характеристикой Кунцевича можно считать письмо, написанное 12 марта 1622 года, католиком, литовским канцлером Львом Сапегой:

«Необдуманно насильями притесняете Вы русский народ и толкаете его на бунт ... Вам известны нарекания простого народа, что ему лучше быть в турецкой неволе, нежели терпеть такие страшные преследования за веру и благочестие ... Вы пишете, «что Вам свободно топить православных и рубить им головы, что надо отдать их церкви на поругание». Вы запираете церкви, чтобы люди без благочестия и христианских обрядов умирали, как нехристи. Вместо радости, Ваша льстивая уния принесла нам только горе, непокой и нестроения, так что предпочитаем быть без неё. Вот плоды Вашей унии».

С большой пронизательностью в том же письме Лев Сапега пишет: «Лучше было бы не отдавать нас всенародному гневу и ненависти, а самому себя беречь от всенародного суда». Когда 12 ноября 1623 года Кунцевич с шайкой приспешников прибыл в Витебск и разгромил шалаши, в которых скрывались православные для богослужений, один из его диаконов накинулся на православного священника. Выведенный из терпения народ бросился тогда на Кунцевича и камнями и палками избил его до смерти. Искалеченное тело было положено в мешок и выброшено в реку Двину. Таков был бесславный конец земной жизни якобы «апостола единения», как смел бессовестно называть его папа Иоанн Павел II. *(Но еще до него, 29 июня 1867 года Пий IX прославил Иосафата Кунцевича со святыми. 25 ноября 1963 года, при Павле VI, останки его были перевезены в Рим в папскую базилику св. Петра, где они теперь «почивают» под престолом св. Василия Великого, рядом с мощами св. Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Без малейших угрызений совести, презирая историческую правду в угоду своих мелких интересов борьбы с Православием Иоанн Павел II не побоялся говорить о «благородной личности» Иосафата, чья пролитая кровь навеки скрепила великое дело унии)*» [63 с. 60–62].

Легко понять, как это убийство повредило Православной Церкви. 10 витебских граждан были преданы смертной казни; город лишен Магдебургского права; по всей Белоруссии запрещено было строить и даже чинить православные храмы. Гонение на православных распространилось повсюду, не исключая и Малороссии, защитник которой Сагайдачный уже умер († 1622). Киев едва спасся от запечатания в нем всех церквей, и то лишь благодаря решительному протесту казацкого войска. Православная иерархия так и не была признана правительством. Митрополит Иов в 1625 году задумал даже проситься вместе со своей Малороссией в московское подданство, но царь Михаил отказал ему, т.к. Россия еще не окрепла тогда после разрухи Смутного времени и не вынесла бы нового противостояния с Польшей.

Заступивший после смерти Сигизмунда Владислав хотя и был справедливее своего предшественника, однако оказался не в состоянии оградить православных от бесчинств распоясавшейся шляхты и разбойных нападений иезуитских школяров на храмы и монастыри. В ответ на зверства католиков и униатов вспыхнули казацкие бунты, которые подавлялись польским правительством с еще большей жестокостью. «Нескольким пьяным шляхтичам ничего не стоило напасть на православную церковь, варварски избить ее духовенство, взять церковные сосуды или оклады с икон и пропить в шинке у жида. Жидовки щеголяли в нагрудниках из церковных облачений. Православные монахи и казаки стали массами переселяться в Великороссию, куда обращены были теперь взоры всех патриотов. Подготавливалось славное дело Богдана Хмельницкого» [64 с. 178].

На самой Руси тем временем было неспокойно – латинские агенты заронили во многих семена смуты. Например, князь Иван Андреевич Хворостинин открыто объявил себя католиком. «Князь этот в смутное время сошелся с поляками и стал после этого бранить все русское, говорил, что на Москве и жить ему не с кем – все народ глупый, и собирался бежать в Польшу; при царе Василии Шуйском, побывав за это в монастырском заточении, он озлобился и против церкви, ни сам не ходил к богослужению, ни людей своих не пускал, начал пить, пропил всю страстную неделю, весь

пост ел мясо, к пасхальной заутрене не ходил и опять попал в монастырь» [64 с. 224].

В связи с вышеизложенным, патриарх Филарет прибег к усилению религиозной строгости. «На соборе 1620 года он провел крайне суровое определение: католиков, униатов и протестантов, желающих присоединиться к Православной Церкви, присоединять не иначе как через второе крещение, перекрещивать даже православных западного края, если они крещены не через погружение, а через обливание, не исключая особ, имевших священный сан.

Католических храмов вообще не разрешалось строить в России; протестантам же дозволялось иметь кирхи только в Немецкой слободе. Но в Москве недаром уже существовала эта слобода – это была передовая колония, которую запад вдвинул в самое средоточие русской жизни и с помощью которой знакомил русских с особенностями, обстановкой и культурными приманками» [64 с. 224].

С именем Филарета связано и культурное возрождение России. Одним из первых его распоряжений стало восстановление разрушенного Печатного двора и некогда огромнейшей царской библиотеки, сожженной «цивилизованными» оккупантами. В монастыри рассылались указания присылать в Москву книги, имеющиеся в нескольких экземплярах, а с уникальных требовалось делать копии. Назревала необходимость церковной реформы по устранению накопившихся в них неточностей и искажений. Что-то было допущено по небрежению, а многое было сознательно искажено жидовствующими еретиками в предыдущие столетия.

Патриарх Филарет создал в Москве специальную школу языков, где преподавали славянский, греческий и латынь, особо следил за развитием Заиконоспасской духовной академии, находившейся при Чудовом монастыре, сам подбирал преподавательский состав. Филарет заботился о проповеди Православия в новоосвоенных землях Сибири, для чего была открыта архиерейская кафедра в Тобольске, составлена летопись освоения сибирских земель и синодик с именами погибших первопроходцев-казаков. Верный своей практике выдвигать людей, проявивших себя в годы Смуты, патриарх поставил первым Тобольским архиепископом архимандритом

та Хутынского монастыря Киприана, пострадавшего в свое время за патриотическую агитацию от шведов.

«Советский исследователь освоения Сибири А. А. Преображенский писал: «Остается историческим парадоксом, что цивилизованные западноевропейские державы того времени уже всю вели истребительные войны, очищая от «дикарей» целые континенты, загоняя в резервации уцелевших туземных жителей. А варварски-азиатский российский царизм в отсталой стране к присоединяемым народам старался не применять насильственных методов». К ясным строгаише запрещалось применять смертную казнь – даже в случае восстаний! Ну что ж, если заведомо вешать ярлыки, на западные державы – «цивилизованных», на Россию – «варварски-азиатская», «отсталая», то и впрямь парадокс получится» [43 с. 161–162].

РОССИЯ, МАЛОРОССИЯ И РПЦ

Если причиной Смутного времени и польско-литовской интервенции послужила агрессивная реакция Рима на установление патриаршества в России, то и причиной старообрядческого раскола стало... присоединение Украины к России. Папский Рим просто не мог перенести тяжесть утраты части своей канонической территории. Жертвой иезуитских интриг стал и главный инициатор присоединения Малороссии патриарх Никон.

Создать новую смуту, на этот раз не государственную, а церковную для отцов-иезуитов было делом техники. Подключились продолжавшие тайное существование жидовствующие еретики, были подкуплены определенные лица в боярской верхушке, работали умелые агитаторы в среде простого некнижного народа, не обошлось и без латинских диверсантов, действовавших под видом греков...

«В Польше в правление Владислава православным было позволено иметь своего митрополита в Киеве. Им стал ревностный деятель митрополит Петр Могила (1633–1646 гг.). Он возвратил от униатов Киево-Софийский собор, обновил и вновь освятил его, украсил Киево-Печерскую Лавру и возобновил один придел Десятинного храма,

причем обретенны были мощи святого равноапостольного князя Владимира; преобразовал Богоявленную братскую школу, выпросил для нее у расположенного к нему короля разные привилегии и переименовал ее в коллегию. Эта коллегия, названная Могилянскою, сделалась впоследствии Киевскою академиею и рассадником духовного просвещения для всей России» [11 с. 120]. Но вскоре после кончины митрополита Петра ситуация в Малороссии вновь обострилась. «Со всех сторон возмущались жестокостями униатов. Игумен Брестского монастыря Афанасий Филиппович, твердый защитник веры, был схвачен иезуитами 5 сентября 1648 г., подвергнут страшным истязаниям огнем и обезглавлен. Главная вина Афанасия состояла в том, что он обличал самозванство Лубы, мнимого сына Марины Мнишек, которого отцы иезуиты выставляли кандидатом на Московский престол!

По примеру Петра Могилы, новый Киевский митрополит Сильвестр Коссов (1649–1657), поддерживал православных в их тяжелой борьбе с унией. В 1648 г. Богдан Хмельницкий одержал ряд блестящих побед над поляками, которые вынуждены были заключить с гетманом Зборовский договор. Хмельницкий был принят в Киеве Иерусалимским патриархом Паисием I, благословившим его на продолжение борьбы с Польшею.

Полякам запрещалось вводить в Малороссию войска, а евреям – селиться в городах, где жили казаки (дабы не были бы они «державцами, откупщиками и закупщиками христианами»). В сенате предоставлялось особое место Киевскому митрополиту, чтобы иезуиты не имели права открывать своих школ в Киеве, а в других местах, рядом с иезуитами, могли бы существовать и православные школы; наконец, уния – «причина несчастий» – должна была быть совершенно уничтожена. Поляки отказались исполнить условия договора, считая их унижительною. Новая война, начатая в 1650 г., оказалась неудачною для гетмана, которому изменили его случайные союзники – крымские татары.

Для победы над казаками в Польше пришлось произвести общее вооружение шляхты, а легат папы Иннокентия X (1664–1655) привез полякам (как некогда крестоносцам!) благословение и отпущение грехов, а королю Яну-Казими-

ру – мантию, освященный папой меч и титул «Защитника веры!»» [17 с. 313].

А в это время на Руси свершалось правление царя Алексея Михайловича. «Чутко уловив главное содержание характера государя – тишину и безмятежие его духовного мира, всепроникающую религиозную осмысленность жизни, народ именно эти черты отразил в прозвище царя, минуя, как несущественные частности, человеческие слабости Алексея Михайловича» [2 с. 157]. «Царствование Алексея Михайловича, проходившее под знаком возвышения России как духовного центра христианства, не обошлось без конфликтов русских людей с иудеями. За это царь неоднократно изгонял евреев из Москвы и других городов. В Могилеве в 1654 году он даже приказал не только выселить евреев, но и конфисковать все «жидовские дворы». Алексей Михайлович ввел смертную казнь за соращение евреями православных в иудейскую, «басурманскую» веру» [4 с. 141]. Конечно, не удивительно, что после таких поступков царь подвергся агрессии со стороны жидовствующих еретиков и был оболган в истории их последователями.

«Хмельницкий, опасаясь нового польского ига для Малороссии, не надеясь больше на татар, решил просить царя принять запорожское войско «под свою высокую руку», как православных братьев. В декабре 1652 к царю прибыл посол гетмана, а затем в 1653 г. еще два посла, посетившие и Никона с той же просьбой. Патриарх, хотя и предвидел нелегкую войну за освобождение Малороссии, но приложил все усилия, чтобы еще колебавшийся Алексей Михайлович смилостивился над просителями. Для войны с Польшей, опять же благодаря патриарху, было особо отменено местничество (*что больше всего настроило олигархов против Никона*), о чем заявил царь в своей речи в Успенском соборе 23 октября 1653 г.» [17 с. 314].

«В январе 1654 г., в Переяславле, войсковой круг выслушал речь гетмана Хмельницкого: «... Едино мы тело церковное с Православием Великой России, главу имея Иисуса Христа. ... кроме царской высокой руки благодатишайшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет, – вольная дорога». Народ единодушно закричал на это: «Волим под царя Восточного, православ-

ного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову поганому достаться! Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы во веки все едино были!» [65 с. 1635]. Такова была тяга к Православию и она воссоединила Великую и Малую Русь.

«По Андрусовскому миру (1667 г.), заключенному после десятилетней русско-польской войны, шедшей с переменным успехом из-за внутриказачьих смут, Россия наконец вернула себе древний Киев, Смоленск и Северскую землю, оставив за собой левобережную Украину. Окончательное освобождение Малороссии последовало лишь при царице Софии в 1686 г., при заключении Московского, так называемого «Вечного мира». Согласно ему, Россия получала право заступаться за православных в Речи Посполитой, однако это право оставалось лишь на бумаге» [17 с. 317].

Была и обратная сторона медали. «Много иудеев осели в России после заключения мира 1667 года. Они постепенно растворились в окружающем населении, приняв христианство. Некоторые из пленных явились родоначальниками русских дворянских фамилий. Правда, после заключения договора с поляками в 1678 году отношение к евреям стало более суровым – евреи, в отличие от прочих польско-литовских торговых людей, не имели права приезжать в Москву. Однако в последние десятилетия XVII века в Левобережной Малороссии, вернувшейся после польской оккупации в состав России, образовалось оседлое еврейское население – потомки хазарских иудеев, занимавшиеся на этих землях кормчеством, арендой помещичьих усадеб и безжалостной эксплуатацией русских крестьян» [4 с. 140].

После Андрусовского договора латинская партия в Польше усилила агитацию. Ее вдохновителем стал Полоцкий униатский архиепископ Гавриил Коленда, а его друг и приспешник Михаил Вишневецкий занял королевский трон. Этот тандем вынес постановление: «Ариане и отступники от католической веры, равно, как и от унии, перешедшие в другое исповедание, не должны пользоваться покровительством сеймовых конституций, обеспечивающих свободу исповедания. Отступников должно наказывать изгнанием из отечества, если вина их будет доказана судебным порядком». Гонения продолжались.

Летом 1657 г. в Киеве скончался митрополит Сильвестр. В Москве патриарха Никона стали со всех сторон убеждать посвятить нового митрополита, т.е. принять Киев в свою юрисдикцию, но он отказался, так как Киев находился еще под Константинопольскими патриархами и вмешательство его было бы неканонично. Запомним этот высокий пример деликатности, данный Никоном, хотя он имел и власть и случай воспользоваться политической мощью Москвы, но для него авторитет Вселенских патриархов стоял выше личных успехов. Киев вышел из юрисдикции Константинополя лишь при царевне Софии.

ПАТРИАРХ НИКОН

Патриарх Никон был призван на Всероссийский патриарший престол в 1652 году с кафедры Новгородского митрополита. Надо сказать, что она многократно поставляла Москве святых первосвятителей РПЦ. Причем именно в Новгороде архипастыри вживую сталкивались с тайными еретиками и явной оппозицией московскому правительству, познавая на опыте агрессию темных сил против Православия. Не избежал этого и сам Никон: во время очередного новгородского бунта он был избит бушующим народом до полусмерти, тем выше он старался нести честь патриаршего звания, чтобы воспитать в пастве уважение не к себе, а первосвятительскому сану.

Провидя всю тяжесть возлагаемого креста, Никон всячески упрашивал духовенство и царя не ставить его патриархом. Он реально оценивал обстановку и понимал, что закрывать глаза на творившиеся беззакония он не сможет, а изменить все к лучшему ему не дадут. Царя окружали многочисленные родственники и именитые бояре, которым безбедно жилось за счет царской казны. Эта группа стала в своих корыстолюбивых целях злоупотреблять властью. Увеличилось и число воевод в ущерб местному самоуправлению; Мстиславские обложили народ тяжкими налогами (напр., на соль), а их ставленники и приказные своим лихоимством вызвали ряд мятежей. Земский Собор 1649 г. решил составить новый свод законов – «Уложение». К со-

жалению, его главными авторами стали некоторые бояре во главе с князем Одоевским, тайные сторонники обузданной Грозным ретроградной олигархии.

«Уложение» отменяло местное самоуправление, а суд передавало полностью в руки боярских ставленников – воевод. Отныне челобитные стали подаваться не царю, а в особый приказ, где чиновники произвольно поступали с просителями, а обиженных просто выдавали воеводам. Эти новшества укрепляли в населении ненависть к бюрократии, и отдаляли царя от народа. Кроме того, «Уложение», вопреки уставам князей Владимира и Ярослава, впервые в русской истории накладывало руку светской власти на Церковь! Таков был удар, нанесенный Церкви, который по существу первый понял и правильно охарактеризовал мудрый Никон.

Он приложил все старания, чтобы оградить Церковь от проведения в жизнь этих антиканонических мер, чем навлек на себя злобу авторов «Уложения», рассчитывавших увеличить свои поместья за счет церковных земель и ставших заклятыми врагами патриарха. Олигархам нужен был слабый царь, послушный их коварным замыслам, и немой патриарх. Никон же, остававшийся в душе смиренным иноком, требовал подобающего почтения к патриаршему сану. Величие первосвятительского двора напоминало изумленным грекам и иностранцам, приезжавшим в столицу, лучшие времена Византийской империи. Патриарху Русская Церковь обязана укреплением того богослужебного чина, который употребляется до наших дней.

В 1649 г. в Москве был проездом Иерусалимский патриарх Паисий I (1645–1661), заметивший некоторые неточности в обрядах и книгах. Никон тогда отправил на Восток келаря Троице-Сергиевой Лавры Арсения Суханова для сличения книг с греческими подлинниками и покупки рукописей. Кроме книжных сокровищ, он привез в Москву макеты исторических зданий Иерусалима, по которым стал строиться Новоиерусалимский монастырь. Арсением было собрано около пятисот рукописей, и сличением их занялся сам патриарх при помощи знатоков греческого языка – ученых монахов, вызванных из Киева. Патриарх стал энер-

гично устранять все чины и обряды, не соответствовавшие греческим и восточным. Его помощники без устали исправляли старые книги согласно источникам и печатали ими просмотренные.

Благодаря близости Никона к царю, население получило в его лице постоянного защитника и ходатая, а царь – ценного советника в различных делах. Никон участвовал в заседаниях боярской Думы, с чем не могли примириться те, которые прощали это Филарету, но не крестьянскому сыну, ставшему вторым лицом в государстве. Патриарху на время отсутствия царя в столице поручалось все управление страной, а также попечение над семьей государя. Когда в 1654 году в Москве разразилась страшная эпидемия чумы, буквально обезлюдившая большую часть столицы, патриарх спас царскую семью, оперативно организовав ее переезд из зараженной Москвы в Калязинский монастырь.

Как государственный регент патриарх поражал всех, даже врагов, своим большим умом, работоспособностью и умением разбираться в людях. Павел Алеппский, архидиакон Антиохийского патриарха, в своих записках, восхищаясь красотой и порядком отстроенной Москвы, описал чин приемов Никона как регента и величавое обращение его с боярами, никому не позволявшему обижать народ или злоупотреблять властью. В то же время иподиакон патриарха Шуперин, в своих воспоминаниях о Никоне свидетельствует, насколько в домашнем обиходе он отличался скромностью и нестяжанием, а пища его – монашеской скудостью.

Помимо государственных и церковных забот Никон содействовал развитию народного просвещения, искусства, промышленности и всех отраслей экономики. В то время усилилось среди русской знати западное польское влияние: многие бояре стали заводить у себя католические обычаи, пытались повернуть само государственное устройство на западный манер. «Никон насильно истреблял у бояр немецкие органы, ливреи для слуг и картины» [64 с. 224]. Конечно, все это раздражало придворную знать, и в итоге ловко проведенных интриг царя удалось настроить против патриарха. Затем и вовсе Никон, ратовавший за чистоту отеческой веры, был заклеимен в истории как «латинствующий» и противящийся «древнему благочестию».

История старообрядческого раскола намеренно запутана позднейшими исследователями, чтобы нельзя было докопаться до истины. Эта многовековая язва на теле РПЦ не заживает, поскольку искусственно подпитывается с Запада врагами Руси и нашего спасения. Изначально старообрядческий раскол и свержение законного патриарха Никона были делом рук Ватиканского агента иезуита Паисия Лигарида, труды которого по развалу РПЦ едва не окончились унией с Римом и ни много ни мало поставлением иезуита Паисия в русские патриархи!

ИСТОКИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

«По мнению либеральных историков, так называемая церковная реформа, непродуманная и политически тенденциозная, явилась главной причиной раскола. Однако, как показали исследования, церковной реформы не было! Была лишь чистка испорченных еретиками богослужебных книг и отмена нововведенных ими обрядов, проведенная Русской Церковью при патриархе Никоне, и послужившая поводом для начала мятежа. Основными же причинами раскола явились попытка реформации Русской Православной Церкви тайными богоборческими силами, а также невежество широких слоев церковного общества, следовавшего за ересиархами и восставших против Матери-Церкви.

Идеологические предпосылки для возникновения раскола стали формироваться еще задолго до его начала, когда в недрах Церкви выросла и окрепла партия мятежных еретиков, так называемых «боголюбцев», включающая московских протопопов Вонифатьева, Неронова, Аввакума, и др. Все они были тесно связаны с ересиархом Капитоном и являлись прямыми продолжателями дела новгородско-московских еретиков, осужденных за ересь жидовствующих еще при Василии III.

По странному стечению обстоятельств или же по чьей-то воле большинство «боголюбцев» были выходцами с Нижней Волги. Из Нижегородского края, где проповедовал Неронов, вышло большинство деятелей русского реформационного движения XVII века. Жизнь Неронова и другого

главного вождя боголюбцев – Аввакума... странно переплеталась в их детские и молодые годы.

Однако главным инструментом новых еретиков при подготовке и осуществлении раскола становятся новоисправленные богослужебные книги и новые книги еретического содержания. С их помощью расколоучители возбуждали апокалипсический психоз среди верующих, создавая атмосферу неуверенности и сомнения в отношении церковной иерархии, церковных книг и вообще Церкви, которая, якобы, оскудела и была захвачена силами зла. Еще в первое десятилетие после Смуты, задолго до начала раскола, эта работа уже осуществлялась группой жидовствующих справщиков, проникших в Печатный двор, в числе которых был головщик Логгин и его подельник, уставщик Филарет. Новые книги печатались с рукописных и печатных образцов, завезенных с Литвы, и тайно распространяемых в Московском царстве.

Правка богослужебных книг осуществлялась в Русской Церкви на протяжении всей ее истории. Для этой работы приглашались благочестивые ученые монахи, такие как Максим Грек, Иван Наседка, Епифаний Смотрицкий. Однако нередко в число справщиков попадали и люди еретического склада мышления. Усилиями «боголюбцев» среди справщиков книг, бывших при патриархе Иосифе, появляются новые лица. Некоторые из них будут соборно осуждены за раскол и извергнуты из Церкви как нераскаившиеся еретики.

«К сожалению, – пишет в своей истории митрополит Макарий, – эти справщики, может быть, и лучшие грамотеи, и начетчики своего времени, были недостаточно подготовлены к своему делу и при всем усердии исправлять книги наполнили их при печатании множеством ошибок, в которых и сами сознавались, прося себе прощения. Еще более прискорбно, что они, может быть, и под давлением других, более сильных лиц, пользовавшихся доверием престарелого патриарха, привнесли в печатные книги несколько неправых мнений, послуживших впоследствии поводом к расколу...».

К этим неправым мнениям относилось двуперстие, сугубая аллилуйя, символ веры и др. Чрез все эти книги, и особенно чрез Псалтирь, по которой обучалось молодое по-

коление, учение о двуперстии начало распространяться с необычайной быстротой, так что с наступлением 2-й половины XVII в. одни только люди престарелые продолжали еще держаться древнего, троеперстного крестного знамения и не хотели принимать нового, двуперстного. Во всех книгах, изданных в Москве до патриарха Иосифа, в которых только говорится об употреблении аллилуйи, обыкновенно печаталось: «Аллилуиа, трижды» или: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа», но издатели книг при Иосифе начали печатать: «Аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже» или: «Аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже, дважды».

Вот почему первым и важнейшим из дел патриарха Никона при вступлении его на патриарший престол было исправление богослужебных книг и церковных обрядов, пострадавших от еретических мудрований «боголюбцев». И если в предыдущие годы исправления такого рода носили ограниченный характер, так как повреждения богослужебных текстов встречались не столь часто, то теперь все обстояло иначе: в Церкви выросла влиятельная партия жидовствующих, которые, без страха себе пасущие (Иуд. 1, 4–11), не только правили богослужебные книги на свое усмотрение, но печатали в Печатном дворе откровенно еретические книги, запрещенные еще указом царя Михаила Федоровича. Совершая безнаказанно свои преступления при престарелом патриархе Иосифе, они опасались молодого и благочестивого его приемника.

Решение царя о передаче Печатного двора в ведение патриарха лишило ересиархов главного их оружия – порчи богослужебных книг, благодаря которым их ересь беспрепятственно могла распространяться. В ответ «боголюбцы» во главе со Стефаном Вонифатьевым объявили открытую войну патриарху Никону. А началась она с мятежной речи протопопа Неронова на ступенях вологодского собора.

Патриарх Никон, как заботливый архипастырь, желая дать православным не только исправленные книги, но и толкование на церковные священнодействия и обряды, чтобы верующие могли лучше понимать таинственный их смысл приказал перевести с греческого книгу «Скрижаль». По его просьбе она была прислана в 1653 г. от Вселенского

патриарха Паисия. В приложении к ней Никон велел напечатать послание патриарха Паисия с ответами Константинопольского Собора относительно церковных книг и обрядов и несколько статей по двум вопросам, считавшимся наиболее важными: о крестном знамении и о Символе веры.

Важно отметить, что правка книг и обрядов, начатая патриархом Никоном и поддержанная всем преосвященным собором Русской Церкви проводилась осторожно и взвешенно на основании соборных решений Церкви. Эпоха «просвещения», начатая «боголюбцами» в тридцатых годах XVII века, удивительно напоминает «просвещение», начатое масонами на Западе за три столетия до того. Это является лучшим свидетельством того, что раскол Русской Церкви – явление не спонтанное, а тщательно спланированная акция тайных богоборческих сил, неусыпно воюющих против Русской Православной Державы» [66].

Чтобы узаконить церковную реформу, было создано в Москве несколько Соборов с участием Восточных патриархов и их представителей. Так как противники реформы стали в самой резкой форме поносить патриарха Никона и возбуждать народ, пришлось сослать членов «Вонифатьевского кружка» – протопопов Ивана Неронова и Аввакума Петрова. На Соборе 1656 г. Антиохийский патриарх Макарий вступил в оживленные прения с русскими епископами по вопросу о перекрещивании принимавших Православие латинян, как было определено Собором 1620 г., созванном патр. Филаретом. Макарий, в конце концов, сумел убедить русских в действительности латинского таинства крещения и Собор принял соответствующее решение: впредь латинян не принуждать ко второму крещению.

Тем временем волнения, вызываемые «старообрядцами», наконец вынудили наложение на них церковной кары. Так как патриарх тогда уже удалился в Воскресенский монастырь, Собор 1666 г. был созван в Москве по инициативе самого царя. На первом заседании в крестовой патриаршей палате присутствовали только архиереи. На тройной вопрос: как думать о греческих патриархах, о греческих книгах и о Московском Соборе 1654 г., они ответили, что следует признавать чистоту их Православия, что и засвидетельствовал каждый своей подписью.

Следующие заседания были посвящены расколу. Раскаившиеся «старообрядцы» – еп. Александр Вятский, Ефрем Потемкин, иеромонах Сергей, старец Серапион и другие были Собором прощены; другие же, как протопоп Аввакум, священник Никита и диакон Феодор, были преданы анафеме, лишены сана и сосланы. Предписывалось пользоваться исключительно лишь новоисправленными книгами, напечатанными при Никоне, и перечислялись все вышеуказанные раскольничьи заблуждения, представленные как противные православной практике. Против раскола была издана Собором книга «Жезл правления», поясняющая смысл Никоновской реформы. Заметим, что вследствие соборного осуждения, старообрядцы остались без иерархии и без священников, и вскоре потеряли свое единство, разделившись на разные секты, вплоть до изуверов-«хлыстов» [17 с. 312].

Как только Церковь была очищена от еретических плевел, а Малороссия присоединена к Руси, все силы ада с новой силой ополчились на патриарха, царя и державу. Поскольку в открытой борьбе русский народ непобедим, избрана была другая тактика – лжи, клеветы, подкупа и обмана, на которую прельстились многие из царского окружения.

ЛАТИНСКИЕ КОРНИ РУССКОГО РАСКОЛА

«Риму нужно было подорвать мощь России, чтобы присоединение к ней Малороссии не закончилось бы разгромом Польши и исчезновением унии. Олигархам требовалось отстранить от царя чересчур пронизательного советника, мешавшего их узкородовым замыслам. Никон прекрасно понимал, чье влияние отдаляло от него царя и кому это должно стать выгодным. Сделав несколько попыток открыть глаза Алексею Михайловичу на замысел олигархов и ущерб, наносимый церковной жизни их «Уложением», он прибег к единственному средству, могущему, по его мнению, заставить царя одуматься.

Отслужив обедню в Успенском соборе, патриарх, к общему смущению, объявил, что оставляет столицу и пересе-

ляется в выстроенный им Воскресенский монастырь – «Новый Иерусалим». Своим викарием он оставил митрополита Питирима Крутицкого. Можно усмотреть в уходе Никона сходство с отъездом Иоанна Грозного в Александровскую Слободу в 1564 г., чтобы заставить одуматься строптивых бояр. Как бы то ни было, факт назначения Никоном местоблюстителя и вышеприведенные его заявления ясно доказывают, что уход он предпринял как временную меру» [17 с. 320–321].

«В Никоне с совершенной полнотой отразилось самосознание Русской Церкви, самосознание духовной власти, твердо разумеющей свое высочайшее призвание и величайшую ответственность; отвергающей возможность каких-либо уступок и послаблений в святой области ее пастырских попечений; тщательно хранящей Божественный авторитет священноначалия и готовой исповеднически защищать его перед лицом любых искушений и скорбей. Разумея промыслительность происходящего, памятуя изречение Священного Писания о том, что «сердце цареве в руке Божией», первосвятитель с определенного момента отстранился от придворной борьбы, полагая свою личную судьбу и будущее Отечества и Церкви полностью на усмотрение Божие» [2 с. 152].

«Враждебная Никону группа, предводимая кн. Одоевским, кн. Трубецким, дядей царя Семеном Стрешневым и Мстиславскими, приняла меры, чтобы удержать царя от сближения с его прежним другом и советником. Понимая опасность для их замыслов возвращения Никона, они решили добиться снятия с него сана и ссылки.

Уходом Никона несказанно обрадовались старообрядцы, ставшие повсюду поносить отсутствующего первоиерарха и приобретать себе новых приверженцев, даже среди царской фамилии (например, царицу Марию Ильиничну). Сразу же между боярами возобновились местнические счеты. В результате, предводительствуемые неспособными, но родовитыми вождями, русские войска потерпели ряд тяжких поражений. Россия принуждена была отказаться от Белоруссии и от правобережной Малороссии, и только внутренние раздоры и крайнее ослабление самой Польши после 13-летней кампании помешали ей воспользоваться

бестолковостью московских воевод. Со Швецией тоже пришлось заключить в 1661 г. невыгодный мир, уступая ей города, приобретенные Россией в 1658 г. Царь Алексей умер до окончания войны с турками, угрожавшими Киеву! Воеводы повсеместно воспользовались отсутствием проницательного царского советника, чтобы более чем когда-либо, угнетать население. Из-за этого возобновились с новой силой разбои и мятежи. Совпадение отдаления от дел Никола с этими печальными событиями настолько разительно, что вряд ли стоит подчеркивать, насколько преступны перед царем и государством оказались непримиримые враги оклеветанного патриарха. Все это отразилось вскоре и на делах церковных» [17 с. 322–323].

Если бы не вмешательство извне, Церковь во главе с патриархом так же бы справилась со старообрядческим расколом, как в свое время с еретиками стригольниками и жидовствующими. Но сам переход старообрядчества из религиозного в политическое противостояние, уже говорит о том, что за этим движением стояли не «ревнители старины» и не «собиратели антиквариата», а мировые антихристианские силы, заинтересованные в подрыве церковной и государственной мощи России.

Тут выступает на первый план Паисий Лигарид, о котором нужно рассказать особо. Пантелеймон Лигарид – грек, уроженец острова Хиоса, крещеный православным, с 14-летнего возраста воспитывался в Риме. Став католиком, он был принят в знаменитую Греческую (иезуитскую) коллегию св. Афанасия в Риме. Богато одаренный от природы, Лигарид скоро выделился среди других учеников. Он удостоился звания доктора философии и богословия и был рукоположен в священники восточного обряда в 1639 г. Еще в Риме Пантелеймон издал «Апологию Петра Аркудия» (*идеолога всех самозванцев Смутного времени*), восхваляя этого ярого борца за унию. Курия и иезуиты обратили особое внимание на столь ревностного питомца. В 1642 г. Лигарид был отправлен на средства «Конгрегации Пропаганды веры» в командировку в Константинополь.

Приезд Лигарида совпал с беззастенчивым хозяйничаньем там латинян. Только что благодаря интригам иезуитов был низложен с кафедры патриарх Кирилл Лукарис.

Лигарид прикинулся ярым православным и некоторое время учительствовал в Яссах, а затем завоевал доверие Иерусалимского патриарха Паисия I, бывшего недолгое время на Константинопольской кафедре, и отправился вместе с ним на Восток. В Иерусалиме он постригся в монашество тоже под именем Паисия 16 ноября 1651 г., а уже 14 сентября 1652 г. был наречен митрополитом Газским.

Все это время Лигарид субсидировался из Рима для своей тайной работы. Восточные патриархаты тогда бедствовали и кормились преимущественно щедротами, получаемыми из Москвы. Лигарид же свободно разъезжал с Востока на Запад, не стесняясь в средствах. В 1660 г. Паисий проживал в Молдавии, затем – в Польше, потворствуя латинству и служа в костелах. Лигарид всячески расшатывал православные обычаи в Молдавии, вдовым священникам разрешал вступать во второй брак, монашествующим – жениться, есть мясо и т.д. Кроме того, Лигарид выпустил в то время книгу «Комментарии на величание», свидетельствующую о его принадлежности к латинской ереси.

Обо всем этом митрополит Молдавский донес Восточным патриархам, но Лигарид умел выкручиваться. Однако преемник Паисия I, умершего в 1661 г., Нектарий Иерусалимский, человек более пронизательный, на основании этих жалоб, отлучил Лигарида от Церкви «за многие и великие согрешения»: противоестественные пороки, незаконное оставление своей Газской митрополии и тенденциозные сочинения против Церкви, бросающие тень на св. патриарха Фотия и восхвалявшие римских пап.

В Польше Паисий сошелся с папским нунцием доминиканским монахом о. Ширецким и крупными униатскими деятелями. Получив от них новое задание и соответствующие инструкции, Паисий в феврале 1662 г. прибыл в Москву, имея с собой поддельные документы – под видом делегата Восточных патриархов. Видный и представительный, «митрополит Газский» без труда сумел обворожить доверчивого Алексея Михайловича (*между делом истолковал ему пророчество Андрея Юродивого, что «белокурый народ, которому суждено овладеть Константинополем», это – народ русский*). Паисий Лигарид сразу стал поддерживать партию врагов Никона. Скорее всего, этого латинского

агента, скрытого под мантией православного митрополита, уже ждали, так как почва для духовного самозванца была тщательно подготовлена боярской оппозицией и ситуация для диверсанта складывалась настораживающе удачно.

Изучив обстановку, Лигарид начал действовать открыто. Уже 29 декабря 1662 г. мы его находим на первом месте во время соборного заседания по делу патриарха. Митрополит Газский объявил, что он разделяет мнение покойного врага Никона кн. Трубецкого, согласно которому патриарха следовало считать самовольно отказавшимся. 10 мая 1663 г. Лигарид – председатель всего архиерейского Собора, которому он доказал, что Никона нужно предать суду. Одновременно Паисий пустил слух, будто Никон в гордыне своей уподобляет себя римскому папе, и даже якобы жаловался на царя в Ватикан (!). С бессовестной ловкостью Лигарид стал внушать царю и боярам, что идея симфонии, верным поборником которой являлся Никон, в корне неправильна. Что патриарх ей маскировался в ущерб царского достоинства в целях возвеличить себя наподобие римского папы (!). Враги Никона ликовали, в частности боярин Стрешнев, научивший своего пса благословлять наподобие ненавистного патриарха! Обвинив первосвященника в покушении на царскую власть, Лигарид дал повод законно добиваться его низложения, чего так и не смог выполнить Собор 1660 г., да и сам еще колебавшийся Алексей Михайлович.

Лигарид составил ряд лукавых вопросов, содержащих в себе будущие обвинения против патриарха. Вопросы эти он представил якобы от имени боярина Стрешнева, но Никон сразу раскусил обман и клеймил Лигаридово учение как ложное и человекоугодническое. Блестящие ответы патриарха, предостерегавшие царя, оказались ловко передернуты Лигаридом, извращены и представлены на суде как теории гордеца Никона, опасные для Церкви и престола.

Став полным хозяином положения, Паисий в 1663 г. использовал и другой козырь в борьбе против Никона, выступив также и лидером старообрядцев. Вместе с Семеном Стрешневым «Газский митрополит» принял участие в составлении петиции старообрядцев против Собора 1660 г. Бояре, хотевшие использовать в свою пользу всякого врага Никона, вернули из ссылки протопопа Аввакума, позволив

ему приобретать себе новых сторонников. Только задуматься – иезуит Паисий Лигарид объединил бояр и старообрядцев в стремлении свергнуть православного патриарха!

После неудачной попытки Никона вернуться в Москву в 1664 г., с ведома царя враги лишили патриарха свободы общения с внешним миром и наказали его сторонников. Лигарид имел наглость сам произвести следствие в Воскресенском монастыре касательно ухода Никона. А царь весной 1664 г. переведя назначенного еще Никоном местоблюстителя патриаршего престола митрополита Питирима в Новгород, назначил на его место Паисия, а также утвердил его председателем Собора!

В декабре 1665 г. Никон, видя, что Лигарид укоренился в Москве, решил написать о нем патриарху Константинопольскому Парфению IV (1665–1668) следующее: «Я писал царскому величеству, что недопустимо принимать таких лиц без удостоверения, но на это не было обращено внимания, и царь следовал ему во всем... Он слушает его, как пророка Божьего, о котором знающие его говорят, что он раскольник... Посвящен в дьяконы и священники папским авторитетом. Здесь ничего не делает, подобающего епископу, ест мясо и пьет перед литургией и совершает содомию. Но всех лиц, так свидетельствующих о Паисии, царь сослал в разные места». Письмо это было перехвачено, вызвавши ярость Лигарида. И в других перехваченных письмах к Восточным патриархам Никон обличал Лигарида, как тайного латинянина, задавшего целью извратить по-своему русское Православие! Пытался донести это и до царя...

Сообщники Лигарида монахи Мелетий (*о котором Никон предупреждал царя, как о мастере подделывать чужие подписи и почерки!*) и Стефан привезли в Москву грамоту о назначении Паисия экзархом Константинопольского патриарха и представителем его для разбора дела Никона. В 1666 г. царь все же секретно послал клирика Савву в Константинополь проверить это, и оказалось, что грамота была подложной. Парфений сообщил царю в ответ, что «Лигарид и не лоза Константинопольского престола». Однако и это не побудило Алексея Михайловича прогнать Паисия! Относительно осуждения Никона Нектарий Иерусалимский прямо написал царю,

что основывать суждение на одном свидетельском показании является противно канонам.

Но в ноябре 1666 г. стараниями царя и Лигарида в Москве открылся так называемый «Большой Собор» (который продолжался до мая 1667 г.). По канонам, судить патриарха мог лишь Собор других патриархов. В Москву же приехали только Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Первый уже год, как не находился на своей кафедре, которую занимал Иоаким I (1665–1667), а истинную причину своего отъезда в Москву он скрыл от Парфения IV, объяснив его обычной поездкой за милостыней. Макария, находившегося в Грузии, куда он тоже ездил за милостыней, уговорил ехать в Москву Мелетий по совету Лигарида от имени Алексея Михайловича.

Лигарид поспешил ввести обоих патриархов в заблуждение своим подложным титулом экзарха и представителя Вселенского патриарха Парфения, а также заверив их, что и Константинопольский патриарх осуждает Никона, что было вымыслом. Судить Никона эти патриархи могли только при согласии двух других, чего не имелось. Следовательно, вся процедура суда была незаконной, как и его приговор. Заметим, что патриарх Нектарий Иерусалимский высказал свое мнение о деле Никона царю еще в 1664 г., посоветовав ему позвать Никона обратно на кафедру, которую тот оставил «за непослушание некоторых». Так же и Парфений IV и Дионисий III Константинопольские стояли за примирение царя с патриархом и никогда не уполномочивали Паисия и Макария представлять Константинопольский и Иерусалимский престолы в Москве!

12 декабря 1666 г. судебный приговор был прочитан Никону в Чудовом монастыре. Никон судом был лишен патриаршего и архиерейского сана и простым монахом отправлен в заточение в Ферапонтов монастырь. Совершившееся беззаконие он оценил по достоинству, возложив ответственность за приговор на Алексея Михайловича, а главную вину за все на враждебную государству боярскую фракцию. После многократных просьб царя Никон послал ему благословение и прощение лично за себя, т.е. за обиды, нанесенные ему как человеку, но как патриарх полное прощение царю он обещал при условии аннулирования приговора не-

честивого суда. Он повторил ему страшное проклятие, брошенное при последнем их свидании во дворце: «Кровь моя и грех тех буди на твоей голове!» Мы уже знаем теперь, кто были те главные виновники смуты, потрясшей Церковь и основы русской государственности. *(Не от хорошей жизни позднее царь Петр не стал опираться на родовую русскую знать, в большинстве своем запятнавшую себя участием в иезуитском антицерковном заговоре, да и боярам резал бороды – чтобы умерить их пыл и спесь.)* В 1668 г. даже гетман Брюховецкий в своем воззвании казакам объяснил истинную причину заточения Никона злобой бояр.

На место сосланного Никона был избран 31 января 1667 г. архимандрит Троице-Сергиева монастыря – Иоасаф II (1667–1672). Относительно же старообрядческого раскола Собор вынес решение: «... наше соборное повеление и заветание о новоисправленных книгах и обрядах повелеваем всем хранить неизменно и покоряться Святой Восточной Церкви».

Лигарид торжествовал и на радостях попросил царя... повысить его жалование. Нектарий Иерусалимский, услышав о действиях Лигарида в Москве, крайне встревожился такими вестями. Он написал Парфению IV, что митрополит Газский, неканонично отсутствующий из своей митрополии, – латинский еретик, которого «следовало бы держать взаперти, чтобы он не ушел к своему старому господину – Римскому папе, выдав ему государственные секреты». Кроме того, оба патриарха разобрали старое сочинение, написанное Лигаридом еще в Иерусалиме, «Историю Иерусалимских патриархов». Оказалось, что тайный униат сумел пропитать и эту книгу латинским духом. В 1668 г. патриархи Константинопольский и Иерусалимский торжественно анафематствовали Паисия как врага Церкви, и Нектарий написал Алексею Михайловичу: «Даем подлинную ведомость, что Паисий Лигарид отнюдь не митрополит, не архиерей, не учитель, не владыка, не пастырь, потому что столько лет, как покинул свою епархию, и, по правилам св. отец, архиерейского чина лишен. Он с православными православен, а латины называют его своим, и папа Римский берет от него ежегодно по двести ефимков; а что он, Паисий, брал милостыню для престола Апостольской Соборной

Церкви, то, лютый волк, послал с племянником своим на остров Хиос».

Лигарид пожаловался на патриарха Нектария логофету Константинопольской Церкви, что тот его оклеветал, и просил заступничества перед царем, который действительно написал в Константинополь и в Иерусалим, что «Лигарид принес много пользы и довел царство до доброго конца» (!) ... Однако патриарх Иоасаф II получил в 1670 г. от Досифея Иерусалимского (преемника Нектария) сообщение, что Лигарид окончательно отлучен от Церкви не только за латинство, но и за противоестественные пороки. Тут, несмотря на все усилия царя реабилитировать Лигарида, пришлось считаться с фактами. Запрещенный Паисий был удален в Киев.

Таким образом, послание патриарха Нектария царю сорвало планы римской курии. Сразу же после осуждения Никона польские собратья писали Лигариду восторженные письма, поощряя на новые успехи против схизматиков. Письма эти исходят не только от его старых друзей-доминиканцев, поздравлявших Лигарида от имени нунция папы Климента IX, но и от самого короля Яна-Казимира. Все восхищены были «службой» Паисия в Москве! В ответ митрополит Газский, всю жизнь любивший наживу, прежде всего, просит нунция выхлопотать ему от «Конгрегации Пропagанды веры» ежегодную пенсию в размере 200 дукатов.

В письме нунция от июля 1668 г. к кардиналу Роспильози, содержится просьба о поощрении митрополита Газского, «который все более и более почитается всеми за делание столь священного дела». Ширецкий рассказал нунцию о работе, проводимой Паисием в Москве, о его ратности «за истинную веру», а также о стараниях его соединить Греческую Церковь с Римской! В своем письме от 25 сентября 1668 г. Лигарид ответил Ширецкому: «Никто здесь не слушает на такие темы (об унии). Я сам – единственное лицо, которое могло бы проводить это дело, и который воспламенен самым горячим усердием видеть успех его. Я подавлен несчастьями, преследуем заговорами, окружен клеветами (*это было написано после того, как царю сообщили о нетрадиционной ориентации Паисия*). Нунция я прошу

повлиять в этом деле, помня, что патриарх Московский Иосаф II сделает все, что может, чтобы лишить меня всякого места в рядах духовенства, выталкивая меня и отсекая всякую нить моей надежды **быть выбранным в патриархи (!)**. Прошу тебя, как отца, не оставить ни одного камня не перевернутым, чтобы сделать что-либо для меня».

(Таким образом, главной целью иезуита Паусия Лигарида был захват патриаршего престола, чтобы стать, подобно Исидору, во главе Русской Церкви и заключить унию с Римом. Это явилось бы неожиданным финалом всего дела Никона. Интересно, чью бы сторону приняли тогда старообрядцы?) В следующих письмах Лигарид жалуется на то, что Нектарий смог написать царю послание, положившее предел его мечтам сделать в Москве столь необыкновенную карьеру. Он умоляет своего друга выхлопотать в Риме пенсию для него, попавшего в беду, хотя на самом деле он не бедствовал, получая пособие еще и из царской казны. Удивительно, что составление характеристики Никона и всей истории его дела, в котором Лигарид сыграл столь роковую роль, были поручены именно ему. Анафематствованному дважды, обличенному латинянину, царь не погнушался поручить такую ответственную задачу! Поэтому не следует особенно удивляться, что наши историки Карамзин, Соловьев, Каптерев, Костомаров и Ключевский основывали свои суждения о Никоне ошибочно: их источником была правительственная официальная реляция о сем деле, главным автором которой был Паисий Газский. «Разорение» же, сочиненное Никоном, оставалось до определенных пор лежать неизвестным в Воскресенском монастыре.

Умерший в Киеве в 1678 г. Лигарид вряд ли особенно тяготился тем, что патриарх Иерусалимский так и не снял с него запрещения. Какое значение это могло иметь для латинского «троянского коня», преуспевшего там, где в течение стольких веков разбивались хитрейшие папские планы?! Цель была достигнута, а что касается средств...

Великая неправда осуждения и ссылки патриарха Никона, совершенная агентом Ватикана в угоду ослепленным ненавистью и жаждой власти олигархам, тяжело отразилась на народе. За исключением непримиримых врагов – старообрядцев, видевших в Никоне антихриста, монашество и

простонародье инстинктивно понимали, что пострадал невинный. Архидиакон Павел Аллепский свидетельствует: «Мы видели во всех воеводах и других вельможах, во всем духовенстве и во всех светских людях московских постоянное выявление молитвы о благоденствии их патриарха, похвалы за его добрые качества, большую благодарность за его щедроты и самое доверчивое упование на его отеческое отношение».

Изображение Никона на знаменах Стеньки Разина показывает, что этим разбойник рассчитывал повлиять на народ, любивший патриарха. Во все время проживания в Воскресенском монастыре Никон постоянно принимал преданных ему людей. После низвержения его из сана судьи побоялись взять у Никона мантию и посох «страха ради всенародного», а на другой день обманули толпу, что повезут патриарха через Спасские ворота, но во избежание беспорядков повезли через другие. Разделять суровую ссылку Никона добровольно отправилась целая группа монахов Воскресенского монастыря, откуда многократно братия присылала ему провизию. Кроме них в Ферапонтовом монастыре пришлось принять до десяти «келейных старцев», пожелавших пожизненно служить Никону в будничном быту.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ И ЛАТИНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Против Православия борьба велась одновременно со всех направлений. Во дворец был заслан диверсант: царь Алексей Михайлович и его семья тщательно обрабатывались агентом папских спецслужб тайным католиком Симеоном Полоцким. Именно его влиянием можно объяснить непримиримую позицию как самого царя, так и воцарившегося после него Феодора Алексеевича к обличавшему латинство патриарху Никону. «В 1664 году, по приглашению царя (*кто-то из латинствующих придворных вроде Голицына и надоумил его пригласить*) в Москву явился выдающийся воспитанник киевской школы уже ее нового, латинского направления, Симеон Ситнианович-Петровский или, как он больше назы-

вался, Полоцкий, бывший до того учителем братской школы в Полоцке. Греческого языка он уже не знал и принес в Москву исключительно латинское образование. По характеру он был не кабинетный, а общественный деятель, ловкий придворный монах, неутомимый борзописец, готовый во всякое время писать и перевод, и проповедь, и ученый трактат, и стихи на чье-нибудь рождение или смерть, и комедию для придворного театра. Вскоре по приезде в Москву он сделался учителем царских детей, поселен был во дворце и стал на виду и у правительства, и у иерархии.

Ему поручено было преподавать латинский язык молодым людям, которые готовились в переводчики; его спасская школа, где он учил их латыни, была параллельной чудовской греческой школе Епифания Славинецкого. Между этими представителями разных направлений юго-западного образования с самого начала обнаружилось столкновение, в котором московская иерархия приняла сторону Славинецкого и его авторитетом старалась ослабить авторитет Полоцкого. Епифаний обличал Симеона, указывая на то, что в основу «Венца Веры» тот принял католический мнимоапостольский символ, что неправильно учил о времени пресуществления даров в Евхаристии, что вообще в последнее время в Киеве читают одни латинские книги, и оттого иногда истины не знают.

После смерти Епифания, оставшись без соперников, Симеон начал держать себя крайне заносчиво, не хотел знать ни патриарха, ни других духовных властей, даже сочинения свои печатал без благословения патриарха в дворцовой типографии. Патриарх Иоаким обвинял гордого монаха в «хлебопоклоннической ереси» (так как он учил поклоняться хлебу в Евхаристии раньше пресуществления), книги его «Венец Веры» называл венцом, из западного терния сплетенным, а «Обед душевный» исполненным душевных бед и хотел совсем запретить ему церковную проповедь. Но Полоцкий был недоступен для его власти, потому что находил себе сильную поддержку при дворе. Царь Феодор, брат его Иоанн и сестра Софья – все учились у Полоцкого и получили от него польско-латинское образование, сделавшееся тогда вообще модным и во всем русском высшем обществе.

Симеон умер в 1680 году. Но в правление Софьи латинское влияние еще более усилилось в Москве. Его проводни-

ком в правительственных сферах явился любимец царевны князь В. В. Голицын, друг иностранцев-католиков и покровитель иезуитов. Последние ловко сумели пробраться в Москву с австрийским посольством под видом посольских и торговых людей, приобрели себе в Немецкой слободе дом, завели в нем латинское богослужение и школу и занялись деятельной пропагандой. Современные споры из-за латинских мнений были как нельзя более им на руку, и они тайно, но всем своим влиянием, принялись поддерживать учеников Полоцкого.

Во главе последних стоял строитель Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев, муж, по отзыву современников, великого ума и остроты, такой же придворный монах, как и его учитель, опиравшийся на силу главных временщиков при Софии, Голицына и Шакловитого, близкий и к самой царевне. Он знал польский и латинский языки и был человеком многосведущим еще до знакомства с Полоцким, когда был подьячим в Курске и затем монахом в Путивле – пограничных тогда местах с Польшей. По своей даровитости и красноречию он стоял даже выше Полоцкого и возбуждал еще большие опасения в среде ревнителей греческого образования и Православия, а назначение его строителем Заиконоспасского монастыря грозило полным торжеством латинского образования и на будущее время» [64 с. 242–243].

Таким образом, и Паисий Лигарид, и Симеон Полоцкий, и прозападно настроенные олигархи из русской знати действовали заодно, разрушая православные устои и подготавливая почву для унии с католиками. В то время «в боярских домах западнорусские и польские шляхтичи играли тогда такую же роль, какую в XVIII веке играли французские гувернеры. Высшее общество ходило в польских кунтушах и говорило какой-то смесью польского языка с русским» [64 с. 346]. Интеллигенция сама потянулась к псевдокультуре развращенного Запада. Но жить по-западному, значило порвать с Православием – Заповеди Божии никак не согласуются с иезуитской моралью.

Простой народ тем временем впадал в крайности раскола, причем расколуучители и старообрядческие вожди на самом деле мало ратовали за благочестие народа. Скорее,

наоборот, они преследовали определенную цель: лишив народ веры и нравственных ориентиров, подорвав в глазах простых людей авторитет церковной иерархии и царской власти, окончательно свести людей в погибель и развалить государство. Творцами катаклизмов на рубеже веков подготавливалось новое Смутное время и предпринималась очередная попытка создания из Руси католической провинции всемирного папско-иудейского царства.

БОРЦЫ ЗА ВЕРУ ИЛИ ИЗВЕРЫ?

Когда воцарился 14-летний Феодор Алексеевич (1676–1682), к нему со всех сторон стали посылаться челобитные об освобождении ссыльного Никона. Однако царя окружали старые враги патриарха – Мстиславские, и только в 1681 г. (после смерти в 1680 г. Симеона Полоцкого) монахи Воскресенского монастыря получили желаемое разрешение. Но было уже поздно. Пока Никона везли на большой лодке-струге по Волге, измученный 15-летней ссылкой старец скончался близ Ярославля под стенами Спасского монастыря. В Москве Никона отпевали по патриаршему чину, причем сам царь читал у гроба Апостола; затем совершенно было торжественное перенесение останков в Воскресенский монастырь, который так любил покойный. При гробе Никона начались чудесные знамения и исцеления, которые вместе с последующими внесены были в особую книгу. Чудеса эти повлияли на многих раскольников и вызвали их возврат к Церкви. Константинопольский патриарх Иаков (1679–1682) послал грамоту от 5 мая 1682 г., восстанавливающую Никона в патриаршем сане.

И в это же время, 14 апреля 1682 года, «за великия на царский дом хулы» Аввакум и его сподвижники Епифаний, Лазарь и Федор были осуждены на смерть и сожжены в срубе». Аввакум перед казнью предсказал царю скорую кончину. Не прошло и двух недель, как 27 апреля царь Феодор Алексеевич скоропостижно скончался в возрасте 20-ти лет. Напрашивается необычное сравнение: как французского короля Филиппа отравили сообщники казненного главы ордена тамплиеров Якова де Моле, так и русского

царя умертвили те же жидовствующие латинские еретики, имевшие сильных покровителей при царском дворе и мочившие головы простому люду под видом ревнования за старые обряды.

Духовный разброд на Руси, на борьбу с которым патриарх Никон положил всю жизнь, был опасен тем, что многие теряли истину – не сохраняли веру, а наоборот, отпадали от веры и от тела Церкви. В этом была хитроумная задумка еретиков, так была завершена многовековая подпольная работа стригольников и жидовствующих внутри государства и католического мира снаружи. И до сего дня до конца не распознаны эти коварные планы, построенные на русских слезах и крови. Еретики нарушали не только единство веры. Пропаганда старообрядческих агитаторов работала и против государства: разрушив его, как ограду Церкви, можно было бы потом брать ее «голыми» (иезуитскими) руками. Раскольники не поминали царя, не платили податей, пугали народ якобы уже воцарившимся на Москве антихристом. Особо активные стремились раздуть новую смуту. «Распространяли «хулу» на царский дом и Церковь, завязывали отношения с кочевниками. По стране рассылались «чернецы» с «прелестными письмами»: «Аще же какой опал будет с Москвы, то тогда идите к нам. За нас многие орды и калмыки, не покинет нас и Чаган Богатур, и Ногай-мурза, как пойдем на Москву, замутиим всеми...» Тут «неповрежденная вера» была только знаменем, ничуть не препятствуя объединяться с мусульманами или буддистами – абы «замутить». Возникла опасность рецидива «разинщины». Большая толпа раскольников явилась в Черкасск, подбивая казаков восстать за «старую веру». Их прогнали, и они ушли на Кубань, отдавшись под власть турецкого султана» [58 с. 434].

В довершение всего, народ стал уничтожаться провокаторами с помощью ритуала самосожжений. «Вопреки распространенным мнениям, они не были реакцией на гонения со стороны властей. Впервые «гари» зафиксированы в 1672 г., когда никаких экспедиций по поимке раскольников еще не высылалось. Самосожжения не имели ничего общего и со «старой верой»! Ни одна христианская конфессия не приемлет самоубийства. По христианским канонам, это самый страшный грех, страшнее убийства ближнего.

Ученые пришли к выводу, что теория самосожжения, сохранив христианскую терминологию, была ближе к манихейству. В Тобольском уезде с неким чернецом Данилой сожглись 1700 человек, «добродетельные мужие, девы и отрочата». Подобные секты стали возникать и в других местах. Отметим, что нравы в таких сектах далеко не всегда были «добродетельными». Почему бы и нет, если «крещение огненное» все смоеет? А из самих «учителей» далеко не все стремились погибнуть вместе с «обращенными». *Агенты сокрушались, что они бы рады, но обязаны еще побыть на земле для «спасения» других.* Что же касается основоположников старообрядчества, то, например, Аввакум, позже в полной мере поддержал изуверов. Всего в конце XVII в. в огне погибло около 9 тыс. человек. И именно «гари» заставили правительство серьезно взяться за раскольников, высылать против них экспедиции. А не наоборот. А пойманных расколуучителей начали карать очень строго. Ситуация в стране была накалена до предела» [58 с. 434].

В разгар старообрядческой смуты папские агенты «ловили рыбку в мутной воде» и вовсе не собирались останавливаться на достигнутом. Причем, они редко действовали в одиночку. В тени, в стороне, но рядом с иезуитами всегда оказывались «братья по оружию».

Еще в 1659 г., за три года до приезда в Москву пресловутого иезуита Паисия, «Конгрегация Пропаганды» папы Александра VII (1655–1667) делегировала туда же под личиной православного ученого хорвата Юрия Крижанича. Он был посвящен в сан каноника римской церкви и являлся выпускником той же римской коллегии св. Афанасия, что и Лигарид. Крижанич приехал с заданием войти в высшие круги русского общества, чтоб приобрести в них влияние на увлекающуюся Западом элиту. Крижанич, как и Лигарид, быстро втерся к Алексею Михайловичу. Играя роль ученого «сербянина», жертвы «поганых» турок, и ловко скрывая свою веру, он стал доказывать царю, что все угнетаемые славяне видят в нем единственного государя, могущего их освободить и объединить.

Обольщенный им царь немедленно определил Крижаничу жалование, и он удобно устроился в Москве в качестве придворного ученого. «Юрий Сербянин» написал ряд

сочинений, проповедуя в них разные реформы московского быта, утрируя отсталость народа, а также возбуждая ненависть против немцев, в чем и заключалась одна из его задач: отдалить русское общество от конкурирующего с латинством протестантизма, который исповедовали многочисленные немцы-специалисты, заселявшие Немецкую слободу. Также он принялся всячески чернить в глазах русского общества греков, перейдя всякую границу приличия и представляя их в своих писаниях наряду с евреями и цыганами! Не пропускал он и случая поглумиться над делегатами несчастных Восточных патриархов, приезжавших за милостыней в Москву. Наконец, совершенно разнахалившийся, воображая себя пророком «невежественных» русских, Крижанич стал критиковать все сочинения, в которых находились осуждения латинской церкви, например «Житие прп. Сергия».

Он вздумал утверждать, будто поражения русских войск против Польши были вызваны тем, что «русские грешнее поляков», что «Православие разрушает в Церкви монархию, установленную Христом, как лучшее правление, а вместо этого вводит в Церковь многих вселенских первосвященников» и т.д. Такое бесстыдство вынудило, наконец царя сослать Крижанича в Тобольск, где он подружился с протопопом Аввакумом (!). Вернувшись из ссылки при царе Феодоре, он сумел благополучно выехать к себе на родину в 1677 г., внося известную смуту в мозги некоторых «передовых» людей.

В связи с тем, что многие стали нанимать учителей-поляков, которые отвращали своих учеников от Православия, по проекту царя Феодора в 1686 была открыта Московская Академия, куда перевели учеников типографского училища. Но в то же время официальное введение изучения в России латыни вызвало различные толки. Многие опасались, как бы с Великой Россией не повторилось то же, что и с малой: «Прослышав о принятии этого учения в Москве, лукавые иезуиты подкрадутся со своими неудобопознаваемыми силлогизмами и душегубительными аргументами» [64 с. 247].

Влияние группы олигархов, столь пагубно отразившееся на внешней и внутренней политике царя Алексея Михай-

ловича, не ослабилось и при Феодоре, несмотря на распри Мстиславских с Нарышкиными. Победив Никона, олигархи решительно повели атаку против самодержавия. Царю был предложен ими проект учреждения по областям наместников из высших боярских родов. Они собирались поделить Россию на отдельные части, причем назначались бы наместники пожизненно («навечно»), нося титулы: казанского, астраханского и др. К счастью, в момент, когда Феодор Алексеевич уже подписывал соответствующий приказ, к нему явился патриарх Иоаким, выразивший опасение, «как бы по прошествии нескольких лет, обогатясь и пренебрегши московских царей самодержавством, они не отступили и единовластия не разорили». Феодор приказа не подписал: опять святители стояли на страже и Церкви, и государства.

ВРЕМЯ СОФИИ И... ИЕЗУИТОВ

«При Софии (1682–1689) следует отметить распространение по Москве иезуитов и католической пропаганды. В 1687 г. приехали два польских иезуита с рекомендательным письмом от императора. Они представились ей как опытные педагоги, наслышанные о культурной деятельности царевны, приобщившей Россию к западной цивилизации и т.д. Блеснув перед очарованной Софией своей ученостью, отцы с помощью Сильвестра Медведева и кн. В. В. Голицына доказали ей необходимость устроить в Москве образцовое училище на западный манер. Вместо того, чтобы ответить, что царь Феодор уже позаботился об этом, учредив академию, София согласилась и разрешила иезуитам купить дом в Немецкой Слободе, где открылось их училище для детей! Более того, царевна и Голицын обещали им свое содействие для соединения Церквей» [17 с. 337].

«Софья и Голицын, не считаясь с мнением патриарха, разрешили в стране католическое богослужение – в Немецкой слободе была построена первая католическая церковь. В Россию допустили иезуитов. И канцлер принимал их даже в частном порядке, у себя дома, «часто беседовал с ними». Что же еще могло привлекать иезуитов в Россию, кроме надежды склонить православие к ногам папы римского? А из

факта, что фаворит привечал их, следует, по крайней мере, что такой надежды он у них не отнимал. Невиль уверял, что Софья этот план одобрила, но и Голицын имел «камень за пазухой». Надеялся пережить правительницу и самому стать царем, тем более что происходил из знатного рода Гедиминовичей. «Он не сомневался, что после совершенного им присоединения московитян к римской церкви папа назначит его законного сына наследником престола вместо тех детей, которых он прижил бы с царевною»...

Новым стало и то, что Голицын начал отправлять русских юношей для обучения в Польшу, в основном, в Краковский Ягеллонский университет. Это же было не техническое и военное образование, для которого отправлял молодежь Петр. В Кракове учили латыни, богословию, юриспруденции. Такое образование могло пригодиться в России разве что для гипотетических «гражданских» преобразований или... унии. То ли фаворит готовил кадры на будущее, то ли просто бездумно отдавал дань преклонению перед Западом. Ну а русским вельможам он внушал, чтобы нанимали для своих чад польских гувернеров. Не белорусских, украинских или греческих, как раньше, а именно польских» [58 с. 409].

Что характерно, склонность к католицизму у представителей элиты во все века шла в тандеме с занятиями оккультизмом, то ли одно другому не мешало, то ли одно другое дополняло... «При царе Феодоре Алексеевиче встречаем обвинение в ведовстве и ссылку в Пустозерск образованного боярина Матвеева. При Софье к помощи колдунов прибегал ее любимец, князь Голицын (*искавший коренья приворотного зелья, чтоб снискать себе любовь царевны Софии*), один из самых образованных людей своего времени, восхваляемый всеми имевшими с ним дела иностранцами. Одного поляка – Силина Голицын заставлял лазить на Ивановскую колокольню, чтобы узнать по звездам, сбудутся ли дерзкие планы Софьи и ее приверженцев» [64 с. 226]. И опять католичество, старообрядчество, колдовство и ересь жидовствующих оказываются переплетенными в один неразрывный узел. Скажи мне, кто твой друг...

Сильвестр Медведев стал серьезно готовиться к патриаршеству, чтобы вслед за тем завершить унию с Римом! Рас-

крытие заговора Шакловитого в августе 1689 г., помешало этим замыслам. София была заключена в монастырь, Голицын сослан, Медведев наказан, а иезуитов по требованию патриарха изгнали. Однако в результате их деятельности появилась, введенная еще Симеоном Полоцким и Крижаничем ересь «хлебопоклонников», считавших, что евхаристическое пресуществление происходит без призывания Св. Духа на Дары, как у латинян, при произнесении слов: «Сие есть Тело Мое» и «Сия есть Кровь Моя». Во главе «хлебопоклонников» оказались киевские ученые монахи и вышеупомянутый Медведев.

После падения их главной покровительницы Софии, еретики были торжественно осуждены на Соборе 1690 г., созванном патриархом Иоакимом. Медведев был лишен сана, книги его сожжены, а еретики прокляты как «папешники». Тогда были запрещены многие сочинения западнорусских ученых, как «имеющие единоумие с папой и западным костелом». Главными противниками латинствующих стали ученик Епифания Славинецкого монах Евфимий и преподаватели академии греки братья Лихуды.

В 1697 г. объявился в Москве еще один разлагатель Православия – диакон Петр Артемьев. Отправившись учиться за границу, он в Венеции попал под влияние иезуитов и принял латинство. Вернувшись в Москву, стал диаконом Петропавловской церкви. Священник этой церкви многократно жаловался на него престарелому патриарху Адриану (1690–1700), что Артемьев открыто восхвалял латинскую веру, «Отче наш» читал по-латыни, говел у иезуитов, а когда тех изгнали из Москвы, сильно горевал, всячески бранил и поносил Православную Церковь и ее традиции. Только в июне 1698 г. созванный патриархом Собор постановил расстричь Петра и сослать в Важский монастырь к Холмогорскому архиепископу Афанасию, где он все же продолжал свои интриги. Настолько предки наши были терпеливы и умеренны в наказаниях!

Тем временем с Польшей был заключен «вечный мир», как называли русско-польский договор апреля 1686 г., прекративший долголетнюю войну за Малороссию. Незадолго до этого в 1683 г., король пригрозил твердому защитнику

Православия еп. Гедеону Луцкому, (в миру – князь Святополк Четвертинский), что заточит его за противление унии в Мариинбургскую крепость. Гедеон бежал к казакам в Батурин, а оттуда в Москву, где в 1685 г. был посвящен патриархом Иоакимом в Киевские митрополиты. При нем патриарх Константинопольский официально разрешил Московскому принять древний Киев в свою юрисдикцию.

Польский король обязался не принуждать своих православных подданных к принятию унии и оставить неприкосновенными их епархии. Кроме того, Россия получила официальное право заступничества за православных перед польским правительством. Это было поручено русским посланникам (резидентам) в Польше. Однако на практике выходило иначе. Из четырех православных епархий три возглавлялись униатами. Единственной православной кафедрой оставалась Могилевская. Еще на Варшавском сейме 1676 г. король Ян Собеский добился уничтожения привилегий церковных братств, поставленных, таким образом, вне закона и подлежащих упразднению. В 1688 г. Семиградское княжество с венгерскими провинциями подпало под власть Австрии и кардинал Коллонич в апреле 1690 г. дал Мукачевскую кафедру взятому из Рима Иосифу де Камиллис. Иосиф ловкостью и обманом перевел в унию более 300 приходов, требуя лишь формального признания главенства папы. Но в народе росло недовольство, и он покинул Мукачево и стал жить в доминиканском монастыре в г. Унгваре. Епископ же Мефодий, перейдя в униаты, сделался игуменом Мукачевского монастыря.

В 1692 г. председатель православного братства Попара писал из Львова: «Когда Россия заключила с Польшей вечный мир, в Москве разрешено было распространять латинскую веру, а в Польше католики усилили гонение на Православие, чего не было при Михаиле Феодоровиче. Больше 700 церквей были насильно обращены в униатские и теперь последнюю епархию – Львовскую, принуждают к унии. Нас, православных, здесь поляки не в чем не слушают и за скотов считают. Нынче призвал меня к себе епископ Иосиф Шумлянский и говорил, что прислан королевский указ о присоединении к унии. Я один и без братства сказал епископу, чтобы он объявил королю нашу русскую раду: ни-

когда мы добровольно в унии быть не захотим. По милости Божьей, у нас вера добрая и никогда мы о вере королевскому величеству не докучали; изволил бы король оборонять нас от татар, а не от веры.

Я в преклонной старости и кончину свою вижу при дверях, так объявляю для христианской веры саму истину, что Львовская епархия в благочестии не устоит. Если не в этом году, так все же скоро будет в унии, потому что Шумлянский на епископство водворен силой, обороной и желанием нынешнего короля, когда тот был еще гетманом и при поставлении обещался непременно приступить к унии. Перемышльского епископа ставил Шумлянский при том же обещании, и прошлого года Перемышльский епископ унию принял. И Шумлянский втайне униат, а явно не присягает, потому что братство еще крепко стоит.

А вся эта слабость сделалась от того, что позволено быть католикам в Москве (*отголосок разрешения, данного Софией иезуитам*): все государство иезуиты вызнали, описали все города и обычаи; и трое французов были недавно в Москве для того же. У папы, цезаря, королей французского и польского положено: если война с турками и у цезаря с французами прекратится, то всем сообща войной и всякими вымыслами ввести в Московское государство католическую веру; многие иезуиты, которые в Москве были, предложили к тому способы, и многие охотники собираются о том радеть и присягают, что это дело могут в Московском государстве свершить в краткое время. Нам, православным, от этого великая опасность. Верно знаю, что поляки, через иезуитов, папу, цезаря и француза уговорили вводить в Москву католическую веру».

Могилевское духовенство извещало русского резидента – стольника Бориса Михайлова, что польские пань-комиссары, приехав из Вильны в Могилев, по настоянию иезуитов разорили церковь святых Петра и Павла в Езере и отдали на грабеж близ живущим татарам! Оставшись без церкви, народ стал клониться к унии. Такие же беззакония новой волной прокатились по всем епархиям – отбирались храмы, избивалось православное духовенство и народ.

С конца XVII в. в иезуитских школах Львова русских учеников стали принуждать к унии и присяге, а те, которые

хотели учиться дальше (философии и богословию), должны были ее принимать в обязательном порядке. Обо всем этом русские резиденты извещали Москву, но, к сожалению, политическое положение не позволяло вступить за Православие, что означало бы новую войну с Польшей в то время как Украина подвергалась крымским набегам. Так 40.000 татар напали на Украину в начале 1693 г. вместе с «сепаратистом» Петриком, желавшим отделить Малороссию от России. Но огромное большинство в Малороссии крепко стояло за единство с Землей Русской, т.е. за союз с Москвой во имя Православия [17].

К просветленной и свободной России, сила которой с каждым днем становилась все ощутимей, стала тянуться Грузия (Кахетинское царство), надеясь на ее покровительство и защиту от мусульманской угрозы. Благодать Православия привлекала к себе взоры и других народов, вошедших потом в состав Русской державы.

«Быть русским автоматически значило быть православным. А человек другой национальности, принявший православие, воспринимался уже, как «свой». Когда кабардинский князь Урускан Куденетович в 1624 г. приехал на службу к царю и принял крещение, он стал князем Борисом Куденетовичем Черкасским, впоследствии дослужился до боярина, стал видным военачальником. Вера во многом определяла и стереотипы поведения. Как подметил О. А. Платонов, на Западе с эпохи Возрождения люди стали ориентироваться сугубо на «сесветное житие», а на Руси «угождали на будущее житие» [58 с. 409].

Католик Кампензе писал о русских папе Клименту VII: «Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением; прелюбодеяние, насилие и публичное распутство также весьма редки; противоестественные пороки совершенно неизвестны; а о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и святых Его и всюду, где только встретят образ Распятого, немедленно падают ниц... В церквях не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного, напротив, все, преклонив колена или простершись ниц, молятся с искренним усердием. Отец мой и многие другие почтенные особы, проживавшие некоторое время в Москве, говорили,

что московитяне были бы гораздо праведнее нас, если бы не препятствовал тому раскол наших церквей» ...

ЦАРЬ ПЕТР

Время Петра – это было время реакции на раскол. Поскольку жидовствующие еретики связали себя с ревнителями старины и древних обычаев, то новая патриотическая партия, как любая реакция, стала противопоставлять себя этим еретикам и порой впадала в крайности, близкие к протестантизму. Но это вовсе не означает, что царь Петр или Феофан Прокопович были неправославны. Наоборот, ими руководила именно ревность о сохранении веры и стермление оградить Церковь от влияния иудаизированного католицизма, просачивающегося с Запада во все щели и форточки. Весь этот латинско-старообрядческий узел и был разрублен царем Петром, взявшим под полный самодержавный контроль Церковь и духовенство.

«В известной борьбе Нарышкиных с Милославскими из-за престола, патриарх Иоаким был постоянно на стороне Петра, действовал в его пользу и при первом избрании его на царство по смерти царя Феодора в 1682 году, и при свержении владычества царевны Софьи в 1689 году, явившись к Петру в Троицкую лавру одним из первых влиятельных лиц. Но он сильно разошелся с молодым царем во взглядах на значение для России иноземцев. Старшие дети царя Алексея от Милославской, Феодор и Софья, получили образование в польско-киевском направлении, поэтому патриарху во время их господства приходилось бороться против польско-католических соблазнов среди православного общества; при Петре, получившем образование совсем в другом направлении, на первый план выступили другие сильные соблазны – немецкие» [64 с. 214].

Но при всех личных пороках и недостатках, царь Петр оставался верующим православным человеком, и эта вера без всякого наносного католического влияния была заложена ему в младенчестве его благочестивой матерью. Царь порой пел на клиросе и читал Апостол, служил благодар-

ственные молитвы после одержанных побед и лично корректировал архиерейские проповеди.

Эпоха Петровских реформ – это век искания новых форм бытия Руси в катастрофически и апокалиптически меняющемся мире. Именно жестким неприятием католицизма, оккультизма и иудаизма характеризуется время правления царя Петра. «Выросши, Петр столкнулся лицом к лицу с потомками тех бояр-олигархов, которые покушались на самодержавие Ивана Грозного, с теми именитыми царедворцами, которые чуть было не поделили Россию при брате его – Феодоре Алексеевиче. Олигархи эти мечтали и ему навязать свою власть, как навязывали они ее Алексею Михайловичу. С результатами их долголетнего правления, приказной волокитой и хищениями их ставленников-воевод Петр также не замедлил ознакомиться. Правильно учел он и военную опасность, грозившую России со стороны Швеции, что требовало скорейшего устранения внутренних недостатков» [17 с. 340]. Олигархи из русской знати, доведшие Русь до трагедии Смутного времени, открыли двери и католической пропаганде при Алексее Михайловиче. Они вызывали резкую неприязнь Петра, поскольку были связаны со всеми разлагающими Русь изнутри течениями. Поэтому он и отверг все это разом, с юношеским максимализмом, решив строить государство заново, с новой столицей, и с опорой не на родовитую знать, а на наемников-иноземцев, которые во всем были обязаны царю и полностью зависели от его милости. Так некогда поступил и князь Андрей Боголюбский (причисленный к лику святых в царствование Петра), перенося столицу из Киева во Владимир.

Напрашиваются интересные аналогии. Петр I принял титул императора – он строил новую Православную империю, по аналогии с Константином Великим. Именно император Константин взял христианство под контроль и опеку самодержавной императорской власти. В свое время именно император Константин созвал I Вселенский Собор для защиты Православия от иудейской ереси – арианства. Именно Константин Великий, чтобы оградить Церковь Христову основал новую столицу – Константинополь. Вспомним, что князь Андрей начал строительство Святой Руси с основания новой столицы – с перенесения чудотворной иконы Бо-

жией Матери в г. Владимир. Так и император Петр, пыта-
ясь отгородиться от влияния «заматеревшей» олигархии
и развращенного польским влиянием царского двора, от
старообрядческого кликушества и скрывавшихся под ма-
ской «ревнителем благочестия» жидовствующих еретиков,
перенес столицу на север и основал Санкт-Петербург. При-
чем основание города тоже было положено перенесением
туда святыни из Владимира – древней духовной столицы
Руси – мощей благоверного князя Александра Невского и
основанием Александро-Невской Лавры. Царь Петр, отда-
ляясь от родовой знати, делал ставку на иноземцев, не от
хорошей жизни, а от безысходности, выбирая меньшее из
зол (большим была прокатолически настроенная дворян-
ская оппозиция, буквально развалившая Россию в Смут-
ное время и продолжавшая свою разлагающую работу и
впоследствии). Вызовом агрессивному латинству был и сам
Санкт-Петербург – теперь у России была своя «Петрова»
кафедра, своя империя, а во избежание соблазна, раскола
и ересей под контролем императора был организован и со-
зван постоянно действующий Собор духовенства. О том, что
царь непонаслышке знал отечественную историю говорит и
тот факт, что в Высокопетровском монастыре Москвы над
гробницами своих родственников Нарышкиных, убитых
во время стрелецкого бунта, им был построен храм в честь
Боголюбской иконы Божией Матери. Как известно, князь
Андрей Боголюбский тоже был убит разъяренной толпой
своих приближенных.

«Известное нам противопоставление «реформатора»
Петра и «сторонницы старины» Софьи – дичайший аб-
сурд. В 1689 г. расклад выглядел с точностью до наоборот.
Огульная «перестройка» и пренебрежение в угоду Западу
национальными интересами всех достали. И Петр являл-
ся ставленником русской патриотической партии. Отсюда,
кстати, и противоречивость его натуры. С одной стороны,
он был горячим патриотом, а с другой – он ведь от случай-
ных наставников вроде Тиммермана и Лефорта нахватался
по верхам отрывочных знаний и наслушался ностальгиче-
ских приукрашенных баек о Европе.

И политика сразу повернулась в национальное русло.
Уже на следующий день после установления в Москве но-

вой власти иезуитам было предписано в двухнедельный срок покинуть страну. А императору и польскому королю объявили – отныне и навсегда представителям этого ордена возбраняется приезжать в Россию. Было запрещено католическое богослужение, а шведам и полякам прикрыли транзитную торговлю через нашу территорию. Сильвестра Медведева поймали по дороге в Польшу и после долгого следствия казнили. Ну а изгнанные иезуиты очередной раз ославили русских как «варваров». А Невиль оказался настолько «прозорлив», что писал – мол, с воцарением Петра погибнут все начинания «европеизации», и Россия вернется к патриархальщине столетней давности. И советовал Людовику XIV после того, как он разгромит Аугсбургскую лигу, «применить силу» против русских. Иначе, мол, с ними нельзя, они «незнакомы с правилами вежливости» и «чтобы достигнуть каких-либо результатов, с ними не должно обращаться учтиво» [58 с. 434].

Избирая политику противления существующим порядкам, царь Петр, как хирург, иссекал из тела государства и Церкви еретическую заразу. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, но, как знать, если бы не Петровская ломка всех устоев, может Россия развалилась бы на части намного раньше 1917 года, разлагаемая изнутри жидовствующими старообрядцами разных толков и армией папских иезуитов, а также и снаружи одолеваемая врагами всех мастей. Возможно, поэтому Петр ввел единоличное правление и подчиненный ему Святейший Синод, как крайнюю меру для централизации власти, чтобы патриарх в сложившейся обстановке не мог быть подвержен ни католическому влиянию ни старообрядческому соблазну и не стал бы центральной фигурой оппозиции.

Что эта угроза была реальной, а не мифической, видно и из печальной истории царевича Алексея, искавшего политического убежища на католическом Западе, ставшего разменной монетой католических и старообрядческих лидеров, которого поддерживал местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. Если иезуиты за XVII век дважды захватывали патриарший престол (Игнатий успел побыть «лжепатриархом», а Паисий Лигарид – местоблюстителем), а еще раньше флорентийский отступник митро-

полит Исидор числился главой РПЦ, то кто мог дать гарантию, что они не попытаются еще раз?

Кроме того, обстановка, царившая в России на рубеже веков, оставляла желать лучшего. Папский Рим, теряя присоединяемые к России части Речи Посполитой, стремился внести смуту и нестроения как в среду духовенства и высшего общества, так и простонародья. Причем везде иезуиты действовали по-разному. «Более всех видов сектантства в народе распространялся (*усилиями тайных еретиков – врагов РПЦ и самой Руси*) раскол старообрядства, более понятный и сродный обрядовому направлению народной религиозности. Все действия Петра раскольники толковали применительно к разным признакам пришествия антихриста; в титуле императора (читали: император) усмотрели число 666, доказывали, что с учреждением Синода он принял на себя власть не только царскую, но и святительскую и Божию, стал истреблять остатки православия и учинил всенародное описание (ревизию), исчисляя живых и мертвых, дабы никто не мог укрыться от руки его. Раскол принимал окончательно противогосударственное направление.

Но царь Петр довольно скоро разобрался в этом смешении религиозных понятий с политическими. Царь не стал преследовать раскольников за их религиозные мнения, а только за противогосударственные движения и выходки. Он первый из русских государей дал им право гражданства, под условием открытой записи в раскол и, в отличие от православных, лишения некоторых гражданских прав и двойного платежа подушного оклада» [64 с. 352–353].

Православный народ подставил уши под прелестные учения еретиков – тело церковное подверглось реорганизации и секуляризации, а дух закалялся в испытаниях – это было своего рода отделение пшеницы от плевел. Перед лицом общей беды и явного гонения на Церковь верующие, дотоле разобщенные мелкими обрядовыми дразгами, стали сплачиваться, все лишнее и напускное отошло на второй план. Так во времена ордынского ига – внешней опасности, Господь сплачивал разобщенный русский народ. Как бы то ни было Русь смогла пережить этот болезненный кризис и Православная Церковь вышла из него очищенной и обнов-

ленной в горниле искушений, о чем свидетельствует ее небывалый духовный расцвет в XIX веке.

Русская Церковь, несмотря ни на что, продолжала и свою тысячелетнюю проповедническую миссию. «В Ростове митрополит Димитрий на свои собственные средства основал в 1703 г. духовное училище для детей причта, причем сам занялся в нем преподаванием. Одновременно такое же училище открыл архиепископ Иоанн Черниговский. Эти две школы явились после Киевских и Московских старейшими русскими высшими церковными училищами; к ним в 1706 г. причислилась еще Новгородская школа, основанная митрополитом Иовом. Русские миссионеры продолжали свою деятельность на Востоке. В 1714 г. Сибирский митрополит Феодор отправился для проповеди в землю Вогульскую, к татарам, тунгусам и якутам, где скоро были основаны приходы и школы. В Казанской губернии особо потрудился на миссионерской работе среди татар архиерейский казначей иеромонах Алексей. В 1715 г. неожиданно пришло прошение от китайского императора «прислать в Китай искусного учителя для наставления христиан». Филофей, митрополит Тобольский, благословил якутского архимандрита Иллариона отправиться с целым причтом в Пекин, где была основана православная миссия» [17 с. 344]. Иезуиты потом приложили немалые усилия к ее упразднению.

Когда Воронеж превратился в главный центр кораблестроения, св. Митрофан принял в этом деле живейшее участие. Он поощрял лично «кумпанства» по постройке судов и даже непосредственно содействовал сооружению двух кораблей и трех галер. Однако, увидев, что дворец Петра в Воронеже украшен был, по иностранному обычаю, статуями языческих богов, епископ отказался в него войти, несмотря на угрозу смертной казни, брошенную ему царем. Петр, пораженный его стойкостью, велел, убрать статуи и проникся еще большим уважением к святителю.

«Укоренилось на Западе исключительно черное представление о синодальном периоде русской Церкви. Подчеркнуто отрицательно его характеризовало римо-католическое богословие. Упрощенно повторялось из уст в уста, будто русская Церковь со времени Петра лишена

была всякой свободы (*вот в чем вся и загвоздка – не было свободы для католической агитации!*). Субъективно русские иерархи и церковно-сознательные миряне действительно переживали каноническую реформу Петра I, как реформу «нечестивую», противную православной традиции. От каждого поколения выдающихся иерархов сохранились воспоминания об их воздыханиях и томительных ожиданиях освобождения от уз синодальной конституции. Но нам пора определить уже и прочную и широкую базу для переоценки в положительном духе всего Синодального периода. Русская Церковь, в силу тесной связи ее с государством и нацией, несет в себе и тот парадокс всей русской истории, который осмелились формулировать Пушкин и Ключевский:

*Но в искушеньях долгой кары,
Претерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат [67 с. 198–199].*

Были на Руси времена, когда русские святители хранили русское государство и оберегали от внешних и внутренних врагов князей и царей своего народа. А Синодальный период – это время, когда русские цари оберегали русскую Церковь от внешних и внутренних врагов, она была на, своего рода, карантине, под физической зависимостью от светских возглавителей Синода.

«Овладев за синодальное время техникой и методикой научно-богословского знания, русская Церковь быстро стала самой высокой, самой сильной частью, можно сказать, даже гегемоном всего Восточного Православия. С этой точки зрения слишком крутая, до болезненности революционная реформа Петра Великого была благодетельным страданием для Русской Церкви, стимулировавшим ее творческие силы. Перифразируя известное изречение «Петр бросил вызов России, и через 100 лет она ответила ему явлением Пушкина», мы прибавим от себя: «а в Церкви – явлением Филарета». Как за спиной Пушкина мыслится весь чудесный Олимп русской литературы, так и за спиной Филарета высится иконостас блестящих иерархических светил, богословов, проповедников и писателей русской церкви XVIII–XIX вв.» [67 с. 200].

Конечно, многое свершилось не благодаря, а вопреки реформам Петра и свой вклад в подрыв национальных особенностей и патриархального быта государства он внес немалый, но умер император, примирившись с совестью и Церковью. Не нам судить, что и как могло быть иначе. Просто против России, исповедующей истинную веру и служащей оплотом спасения православных христиан, постоянно борются враги нашего спасения. Закрыв царь Петр границу на въезд исконных противников Православия иезуитов и иудеев – враги пролезли в окно под видом масонов, облекшись в благородную личину европейски образованных специалистов всех мастей.

«Последовательную, твердую и принципиальную позицию в отношении иудеев занимал Петр I. Привлекая в страну множество иностранцев, он полностью запретил въезд в Россию евреев, видя в них людей порочных и вредных в общегражданском и политическом смысле. «Я хочу видеть у себя, – говорил он, – лучше народ магометанской и языческой веры, нежели жидов: они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложая его. Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о сем ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают.

Вряд ли Москва когда-нибудь нуждалась в моральном примере «культурного» Запада. Как раз до Петра, в 1666 г., некий судья Карпцов в одной лишь Саксонии казнил около 20.000. Мы не говорим уже о повсеместном терроре «святой инквизиции», вплоть до XIX в. жегшей еретиков и ведьм; последнее аутодафе (публичное сожжение еретика) относится к 1826 г. Современная Петру Франция в «золотой век» Людовика XIV, по свидетельству писателя Жан Клода, Эли Бенуа и других, не отличалась гуманностью. Поощряемые иезуитами жестокие преследования гугенотов королевскими войсками («драгоннады») в 1685 г. терроризировали целые провинции: еретиков рвали щипцами, сажали на пики, поджаривали, душили, обваривали, вешали за нос и т.д. Перед этим бледнеют всякие русские застенки и даже стрелецкие казни. Мы уже не говорим о повальном пьянстве, никогда не виданном доселе на Руси, которому предавались в то время высшие круги Европы, начиная с королей и принцев» [4].

Коренные изменения, начиненные европейским «либерализмом» или точнее «демонизмом», столкнули русский народ в духовную смуту, которая оказалась страшнее предыдущей. Плоды этого отступления сказались сугубо в трагедии 1917 года, да и последующего периода русской истории вплоть до наших дней. Только отступление от веры и благочестивых обычаев предков среди русского народа и аристократии началось не при Петре I, а подготавливалось и совершалось во все течение XVII века. Петровские реформы и принятие светским обществом новых принципов бытия, были лишь логическим завершением начатого пути к западной псевдокультуре и мнимым свободам.

Долголетняя война, лихорадочное строительство государства, тяжкий и напряженный труд не давали возможности Петру разобраться в той паутине, которую плели вокруг него масоны-иностранцы. Но царь Петр велик потому, что сделал все возможное, чтобы сохранить и упрочить государство, служившее оградой для Православной Церкви. Ему, как и его преемникам, удалось отсрочить гибель России, которую так чаяли узреть враги всех мастей.

В течение недели предсмертной болезни царь исповедовался и причащался три раза, будучи соборован, проявил большое душевное сокрушение и несколько раз повторял: «Я верю, я надеюсь!» и в своей кончине обнаружил самые лучшие черты истинно православного человека – смирение и преклонение перед волей Божией.

ВЕК ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Пути Господни неисповедимы, Он ведет этими путями Русь, хранящую истинную веру, и часто самые отчаянные обстоятельства оборачиваются во благо. Яркий пример тому – вся история существования РПЦ в XVIII веке, любое человеческое начинание при таких условиях давно бы прекратило существование, но не Православная Церковь, устроенная Божиим Промыслом, которую не одолеть врагам до скончания века.

Сразу после кончины императора Петра активизировались давние враги государства и Церкви. На западных гра-

ницах Руси было беспокойно. «Екатерина I продолжала линию на недопущение евреев в Россию. В ее царствование в 1727 году был издан Указ Верховного тайного совета, отнявший у крупного международного афериста Боруха Лейбы откупа в Смоленском уезде, полученные им в результате обмана и подкупа должностных лиц. Этот иудей добился разрешения собирать за государство таможенные и кабацкие сборы. Борух и другие связанные с ним аферисты были немедленно высланы за границу» [4 с. 107].

Все усиливалась агрессия со стороны католиков и иудеев на православных, в особенности, в подвластных Польше западно-русских землях, лишенных сильного покровительства. Так, вскоре после отъезда из Польши русского резидента, Виленский бискуп Чернявский постановил, чтобы православные храмы не строились выше школ еврейских! Политика Римской церкви явилась причиной противоположной, искусственно насажденной ненависти между двумя братскими народами – русским и польским.

В период цариц на трагические донесения русских резидентов в Польше почти не обращалось внимания, вследствие чего с 1732 по 1743 гг. было захвачено насилием в унию 128 православных обитателей, причем, пытавшиеся противиться католическим бесчинствам монашествующие предавались всевозможным истязаниям! Тогда же попала в руки униатов и знаменитая Почаевская Лавра, возвращенная только через 100 лет усилиями императора Николая I. Множество других монастырей прождали и дольше. А сотни храмов, отобранных посредством вооруженных нападений, а земли и церковные имения, отнятые королевскими судами! Можно ли после этого говорить о жестоких несправедливостях русского правительства в отношении униатов? [17 с. 340].

В то же время и на самой Руси ситуация стала выходить из-под контроля. Так, «непродолжительное царствование Петра II характеризовалось немалыми послаблениями иудеям в ущерб интересам русского народа. Иудеям разрешили въезд в Малороссию. Значительное число евреев сумели проникнуть в центральные города России, организовав там целый ряд торгово-финансовых афер» [4 с. 107]. И тут же рука об руку стали действовать и иезуиты.

«При кратковременном царствовании Петра II отметим внедрение латинства в высшие слои русского общества. В Смоленской области католические миссионеры переодевались православными священниками и монахами для практики «восточного обряда» и смущали умы. Особенно отличался некий русский ренегат Ларин Лярский, в конце концов уехавший в Польшу и ставший ксендзом. В Смоленской епархии предписано было латинскому духовенству «не носить другого платья, как того, которое носят ксендзы» и письменно обязаться «не исповедовать и не причащать русских»! [17 с. 353]

«Завязав связи с Европой, Россия сделалась заманчивой добычей для западного прозелитизма. Зная религию в формах только своих вероисповеданий, католичества или протестантства, запад не мог себе и представить, чтобы новая европейская держава могла оставаться при своем, неевропейском христианстве; там писались особые сочинения о том, к католичеству или протестантству пристанет Россия, и собирались всякие сведения о ходе ее религиозных дел и о характерах церковных деятелей. Католики рассчитывали на Стефана (Яворского), протестанты на Феофана (Прокоповича)» [64 с. 326].

При всей глобальности петровской церковной реформы, она, в отличие от западной реформации, не затронула собственно православного учения. Жесткой церковной организацией и государственным контролем император вместе с его доверенным иерархом Феофаном Прокоповичем, пресекли любую возможность как унии с католичеством, так и уклонения в раскол. Самые основы веры – догматика, богослужебный устав, церковный календарь оставались без изменения. Страдало лишениями только церковное тело. Насколько реальны были внешние угрозы для существования РПЦ, показали последующие события.

«В 1717 г. католические богословы парижской Сорбонны предложили царю соединение церквей. Ответы на это предложение, конечно отрицательные, по поручению царя писали Стефан и Феофан; отправлен был ответ Феофана, и неудачу свою католики приписали именно тому, что дело это попало в его руки, а не Стефана. По учреждении Синода с таким же предложением к Русской церкви обратились

епископы церкви Англиканской, потерпевшие еще раньше неудачу на востоке; узнав об этом, восточные патриархи, слышавшие о господстве в России протестантских симпатий, поспешили прислать в 1723 г. в Св. Синод грамоты с приложением изложения веры в 18 пунктах патриарха Досифея и с увещанием непоколебимо пребывать в Православии. Попытка Англиканской церкви кончилась так же неудачно, как и попытка Сорбонны» [64 с. 326]. Известна переписка архиепископа Феофана с английским пастором Миллардом, которого он обратил в Православие.

Однако агенты Ватикана вели атаку за атакой. «Римо-католический мир через посольства своих держав в Москве и Петербурге не спускал своих ревнивых взглядов с русской Церкви и с правящих кругов русского общества. Как и в XVII веке, продолжалось состязание за захват и культурного и конфессионального влияния на Россию. И как повелось с тех пор, некоторые русские фамилии заразились как бы модой и воплощали свои западнические симпатии в форме личного конвертизма в римо-католичество. В этот момент такой конвертиткой была княгиня Долгорукова, урожденная Голицына, принявшая католичество в атмосфере янсенизма в Голландии в то время, как ее муж состоял там посланником.

Парижские сорбоннские богословы, еще недавно пытавшиеся начать лично с Петром Великим переговоры об унии, взяли под свое попечение кн. Долгорукову, теперь возвращающуюся в Россию. В роли личного духовника поехал с ней аббат Жак Жюбэ. Утрехтский янсенистский епископ в 1721 г., при возвращении семейства Долгоруких в Россию, писал к Жюбэ: «Смею просить Вас ... сопровождать кн. Долгорукову в ее отечество, чтобы служить ей руководителем в духовной жизни, а также обратиться к Богу (!) ее семейство. Наконец, следовать во всем откровению, которое Богу угодно будет ниспослать Вам в Московии, для соединения этой великой церкви с латинской. Знаю, что риск огромен, но мне известна вера, дарованная Вам от Бога, которой Вы воодушевлены».

Парижская Сорбонна в данном случае формально уполномочивала Жюбэ на продолжение униональной миссии: «Мы не сомневаемся, монсеньор, что Вы употребите все средства для возбуждения в уважаемых епископах

русской церкви желая уделить внимание этому важному делу». Испанский посланник Дюк де Лирия причислил Жюбе к духовенству своего посольства и помогал ему в его пропагандных сношениях с соответствующими русскими кругами. Семьи Долгоруковых и Голицыных устроили на загородной даче Голицыных под Москвой довольно удобное место, где Жюбе был познакомлен с русскими иерархами: с Феофилактом (Лопатинским) Тверским, Сильвестром Рязанским, с Варлаамом (Вонатовичем), будущим Киевским, с Чудовским архимандритом Феофилом (Кроликом) и Новоспасским архимандритом греком Евфимием (Колетти). Рибейра также был с ними знаком. Евфимий, в частности, перевел книгу Рибейры с латинского на русский. Общим для всех их языком был латинский богословский язык» [67 с. 283]. Падение Долгоруких разрушило все замыслы Жюбе; он был выслан за границу. Рибейра уехал еще раньше. Вскоре все, общавшиеся с католическими агентами духовные лица, подверглись репрессиям.

АННА ИОАННОВНА

Крайне сложно разобраться во всех хитросплетениях придворных интриг XVIII века. Но ясно одно – Господь вел корабль РПЦ через все житейские бури и вражьи козни, сохраняя престол русского самодержавия, как материальную опору и ограду для Православной Церкви. Люди – это лишь орудия Промысла Божия. Так, какими бы личными недостатками ни обладал Феофан, но именно он сыграл решающую роль в защите самодержавия от заговорщиков, пожелавших установить при воцарении Анны Иоанновны конституционную монархию.

Душой заговора были князя Голицыны, постоянно являвшиеся проводниками прозападной политики – многие представители этого рода были склонны к католицизму, а при воцарении Анны Иоанновны с их подачи была предпринята попытка ограничения царской власти. «Задумано было, по примеру соседней Польши, ограничение монаршего абсолютизма в конституционной форме некоторым аристократическим меньшинством. Верховный тайный совет

постановил впредь «самодержавию не быть». Д. М. Голицын предложил пригласить по старшинству царского рода Анну Ивановну. При этом он выдвинул и реальный интерес: «Ваша воля, кого изволите, только надобно себе полегчить». На запрос Головкина: «Как именно?» – Голицын ответил: «Так полегчить, чтобы воли себе прибавить». На это откликов и рассуждений не было. Видимо, обдуманно было заранее. За избрание Анны Ивановны проголосовали все члены тайного совета [67 с. 264].

Итак, было решено пригласить на престол дочь царя Ивана с тем условием, что она подпишет документ об ограничении самодержавной власти. Долгорукие и Голицыны принадлежали к латинствующей партии, поэтому и желали шляхетских свобод. В первую очередь это требовалось для усиления католического влияния и возможности заключения унии, что было доказано печальным опытом интриг предшествующего столетия. Эти идеи Голицыными и «К» неуклонно продвигались и в Смутное время, и при царевне Софии, и в дни правления Петрова внука.

«Опыт Верховного тайного совета показывал, что начавшееся при них унижение и ограничение церковной свободы, при грозившем ограничении самой монаршей власти, станет окончательно разрушением всей идеологии, ради которой Феофан помогал Петру произвести реформу церковного управления.

Патриотически настроенная оппозиция одновременно направила в Митаву свое посольство. С церковной стороны двигателем посольства был Феофан, а с гражданской – Ягужинский, зять канцлера Головкина, задавшего в тайном совещании Голицыну искусительный вопрос: «Как же именно полегчить?» Через Феофана императрице секретно передан был план как нужно без слов лаконически действовать. Выслушав краткую просьбу дворянства сохранить самодержавие, Анна молча приказала на глазах всех разорвать подписанный ею в Митаве акт самоограничения. Феофан, сыгравший столь удачную для себя роль при воцарении новой императрицы, имел все основания лично, идейно торжествовать» [67 с. 265].

Часто мы смотрим на историю отрывочно, без логических связей. А ведь тогда, как и сейчас люди грешили, ка-

ялись, расплачивались при жизни кто за свои грехи, кто за проступки родных. Не такая уж недалекая была и царица Анна, как ее пытаются оболгать беллетристы. Об этом свидетельствует и нижеприведенная история.

«При Анне Иоанновне позиция правительства по отношению к иудеям ужесточилась. Хотя временщик государыни Бирон пытался заниматься махинациями с иудеями, сама царица по отношению к ним была настроена здравомысляще. В ее царствование открылись возмутительные преступления иудеев против русских людей, которые потрясли все общество. Виновником стал еврейский финансовый аферист Борух Лейба, в правление Екатерины I изгнанный из России, но вскоре посредством подкупа чиновников вернувшийся назад.

Дело Боруха Лейбы началось еще в 1722 году. В Синод сообщили, что при потворстве смоленского губернатора иудеи чинят в простом народе смуты и прельщения, «выхваляя свою веру», порицая Православие и стремясь обратить православных «в жидовство». При этом иудеи заставляли русских людей чествовать «жидовские субботы», относились пренебрежительно к христианским праздникам, принуждая своих наемников работать и в эти дни. Борух Лейба построил в дворцовом селе Зверовичи синагогу близ церкви Николая Чудотворца и когда священник того села стал «басурманской вере укоризны чинить, то обнаглевший жид бил его смертно, и голову испроломил, и, оковав, держал в железгах. От жидовского мучения священник заболел и умер».

Священный Синод, разобравшись в этом деле, приказал: 1) построенную Борухом синагогу, противную христианской вере, разорить до основания, а обретающиеся в ней книги «прелестного содержания» собрать и сжечь «без остатку»; 2) о вице-губернаторе князе Гагарине и о жиде Борухе доложить в Сенате, чтобы он наказал преступного иудея и «учинил ко изгнанию из оной смоленской провинции всех тамо обретающихся жидов за границы российские», а также чтобы «кабацкие и прочие сборы от жидов отняты и российским благочестивым жителям вручены были».

В ходе следствия открылось участие Боруха в ритуальных изуверствах. Так, например, супруги Борух накануне

Богоявления Господня подвесили за «переводный брус» служившую у них деревенскую девушку Матрену Емельянову и, держа ее в таком положении «с вечера до утреннего звона» с завешенной головой, «булавками, иглами испуцали из нее кровь» и освободили ее только тогда, когда на крик ее пришел мещанин Никифор Петров и своим появлением избавил ее от смерти. Следствие также установило факты бесчеловечной эксплуатации Борухом своих служащих, продажи им всякой мертвечины и мяса издохших коров вместо здоровой пищи. Расследование продолжалось почти 16 лет (оно тормозилось взятками, которые Борух давал судейским чиновникам). Однако по мере продолжения следствия выявлялись все более возмутительные факты.

Оказалось, что Борух совращал в «жидовскую веру» русских людей и приказывал им совершать обрезание. В частности, он убедил сделать это отставного капитан-лейтенанта флота Александра Возницына (по этому случаю привлекался и зять Боруха Шмерль). Возницына и по-видимому, других не установленных следствием людей иудейские «миссионеры» возили в Польшу для «лучшего познания жидовского закона», окружали раввинами «для увещаний и наставлений», и эти наставления быстро сказались. Следствие установило, что Возницын начал «поносить имя Христа и Его учение». Борух в 1738 году был казнен вместе с жертвой совращения Возницыным» [4 с. 107].

И это было возможно в разгар Бироновщины! Спустя менее 200 лет, в начале XX века, по делу Бейлиса не удалось не то что наказать ритуальных убийц отрока Андрея Ющинского, но и просто доказать их виновность.

Анна Иоанновна с помощью архиепископа Феофана Прокоповича строго преследовала всякую католическую пропаганду. Выгнала за рубеж польских ксендзов, выгнала Жюбе, заставила отречься от католичества княгиню Долгорукую, одного из князей Голицыных за принятие католичества сделала придворным шутом и обвенчала с придворной дурой калмычкой. *(Это была та самая свадьба в ледяном дворце, поучительно устроенная вероотступнику. Где у светских историков сказано об истинной причине столь неординарного поступка царицы?)* В это время в Польше творился беспредел: «В 1733 г. русский посол Неплюев до-

носил Анне Иоанновне о неслыханных зверствах, происходивших безнаказанно в Западном крае: православным стали в некоторых местах резать уши и носы за противление унии!»

Феофан Прокопович до последнего оставался жарким полемистом против католиков и раскольников; против последних написал сочинение об антихристе, в котором по примеру протестантов доказывал, что антихрист есть папа. Архиепископ Феофан сугубо ходатайствовал перед Анной Иоанновной о защите православных сербов, преследуемых со стороны австрийцев, принуждавших православных к унии с католиками.

В октябре 1740 г. императрица Анна скончалась. Вследствие несчастной слабости к Бирону эта государыня, сама по себе простая и добрая русская душа, не лишенная даже своего рода благочестия и привязанности к церкви, усердно строившая и украшавшая храмы Божии, вылившая знаменитый Царь-колокол в 10 000 пудов, сделалась участницей и поддержкой ужасов Бироновщины. Бироновщина пережила ее только на несколько недель» [64 с. 438].

В царствование Анны Иоанновны масонство крепко укоренилось в России, благодаря Бирону и другим иностранцам, занимавшим все ключевые посты в государственном аппарате. Террор в отношении духовенства, чинимые произвол и насилия, внесли страшные опустошения в православную среду. Во многих епархиях не хватало священников, храмы оставались без пастырей, духовенство было лишено средств к существованию. Монашество переживало тяжелый период и крайне оскудело.

«Протестантские насмешки над русской верой действовали на общество тем сильнее, что его религиозность доселе страдала крайне обрядовым направлением и множеством суеверий, которые падали при встрече с самой поверхностной цивилизацией, но, падая, роняли за собою и самую веру. Началось с пренебрежения постами, обрядами, с насмешек над духовенством, крестными ходами, сорокоустами, почитанием св. икон и т.д. Типичным выражением такого вольнодумства была ересь Тверитинова.

Преследуя суеверия народа, само правительство нередко не могло удержаться при этом в должных границах:

поднимало слишком строгие расследования о чудотворных иконах и мощах, наказывало галерами с вырезанием ноздрей и плетьюми разгласителей чудес, разоряло часовни, снимало с икон привесы, запрещало ходить с образами по улицам и прочее, чтобы не было, объясняли указы, порицания на православие от иноверных – старую простодушную религиозность, очевидно, старались прятать от посторонних глаз, стыдились ее. Образованное общество выбилось из рамок своей прежней благочестивой жизни и распустилось, причем распущенность эта простерлась преимущественно на его нравственную жизнь. Этот первый период его религиозной порчи продолжался в течение всей первой половины XVIII в., и все это время пастырям церкви почти невозможно было и противодействовать этой порче, потому что она постоянно становилась под знаменем реформы, просвещения, соединялась даже с политикой и на слишком смелые обличения отвечала через застенки тайной канцелярии» [64].

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

«С восшествием на престол императрицы Елизаветы началось строгое преследование всяких противцерковных явлений. Благочестивое настроение нового правительства выразилось и в истреблении мечетей в восточном крае, и указе сломать все армянские церкви, оставив только одну в Астрахани, потому что армяне уличены были в совращении православных (в Астрахани ими совращено было 114 человек). Из Малороссии и из Риги велено было выслать всех евреев. Возобновлен был старый закон не отпускать из России иностранцев, принявших православие; на этом основании оставлено в России множество выходцев из Лифляндии, даже таких, которые хотя и не были сами православными, но женились на православных девицах и имели от них детей. Для ограждения Православия с 1743 г. начались цензурные меры против вредных для него книг.

Неоднократно издавались указы о том, чтобы в воскресные и праздничные дни все православные ходили к богослужению и ежегодно бывали у исповеди под опасением штрафа.

Постановлено, чтобы в праздники до окончания литургии не было торговли и питейной продажи. Отменено запрещение священнослужителям носить иконы в дома прихожан для молебствий. За нарушение благочиния во время богослужения с виновных велено брать по 1 рублю, не выпуская из церкви (*хорошо бы возобновить его для тех, у кого звонят мобильники во время церковной службы*). Издано распоряжение о приличном содержании самих церквей и снабжении их иконами, облачением и сосудами, неискусно написанные иконы велено отбирать» [64 с. 462–463].

Наряду с другими вставала и извечная проблема: «Еще более последовательной в отношении иудеев была дочь Петра Великого Елизавета. В ее царствование издаются три Указа по еврейскому вопросу – все они касались систематического удаления евреев за пределы государства: «... и впредь оных ни под каким видом в нашу империю ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в Христианской вере греческого исповедания, то, таковых крестя, жить им позволить, только из государства уже не выпускать». Указ этот вызвал возражения у некоторых сенаторов, которые пытались убедить императрицу в «неудобстве этой меры для торговли». В ответ на возражения, высказанные в специальном докладе, Елизавета написала свою резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли» [4 с. 108].

В это же время, несмотря на тяжелое материальное положение и организационную неразбериху, русское духовенство не оставляло своей миссионерской проповеди и продолжало нести свет христового учения коренным народам в осваиваемых землях Сибири и Дальнего Востока. Но когда на востоке Православная церковь успешно приобретала новых чад, на западе она все сильнее страдала от гонений католичества.

При Елизавете Петровне сообщения о притеснениях православных писал посол Кейзерлинг, причем в 1744 г. в ответ на его жалобы, польский король признался, что «прекращение преследований не в его силе и власти», ясно намекая на всемогущество агентов Ватикана. Оставались без следствия такие же доклады резидента Голембовского и послов Бестужева и Гросса. «В конце 1749 г. в Москву

прибыл из Трансильвании (находившейся под властью Австрийской императрицы Марии-Терезы) протопоп Николай Баломии и подал в Синод прошение о защите народа от гонений и бед за непринятие унии с Римом. С самого царствования имп. Леопольда православные пользовались там религиозной свободой, имея своих епископов и священников, но вдруг явились от папы духовные особы, сделавшие распоряжения о приведении народа в унию» [17 с. 354]. До поры до времени эти притеснения православных оставались безнаказанными да еще и усиливались провокациями со стороны депортируемых туда проблемных жителей и их покровителей.

«Посол в Вене – гр. Михаил Петрович Бестужев-Рюмин – должен был произвести об этом следствие. В июне 1750 г. он сообщил, что в Вену приезжали в 1749 г. депутаты из Трансильвании с жалобами на гонения и вернулись назад ни с чем; затем оттуда же приезжали монах и священник, подавшие жалобу императрице Марии-Терезии на притеснения от униатов: не желающих унии бьют, поносят, отнимают имущество, сажают безвинно в тюрьмы, берут двойные подати, на церковь налагают оброки, запрещают службы и таинства. Оттого уже 6 лет, как имеются некрещенные дети, люди остаются без исповеди и причастия, умирающие – без отпевания и т. д. До сих пор никаких решений от императрицы Марии-Терезии. Австрийский канцлер опроверг все это, уверяя, что в Трансильвании царит полная свобода вероисповедания, так как православных там больше, чем католиков. *(Прямо как во времена Хрущевских гонений в СССР!)*

Бестужев писал императрице, что единственный способ прекратить гонения на православных, это пригрозить австрийскому послу ген. Бернесу военными действиями: «Мои же домогательства здесь никакого успеха иметь не могут. В Сербской, Хорватской и местами Венгерской землях, где живет множество православного народа, оказавшего в последнюю войну великую верность и заслуги больше других подданных, римское духовенство делает разные обиды, но православные и просить здесь не смеют, зная наперед, что никакой справедливости показано не будет». Чтоб хоть как-то помочь православным, Бестужев просил у Елизаветы

ты разрешения на устройство в Вене при русском посольстве церкви, службы в которой совершал бы серб – священник Михаил.

В апреле 1756 г. вице-канцлер гр. Воронцов получил письмо от черногорского митрополита Василия Петровича, что в 1755 г. турки и венециане напали с двух сторон на Черную Гору. Митрополит писал: «Мы ни откуда не чаем помощи, кроме Бога и сильного Российского скипетра. Плачет бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, чтоб не пала Черная Гора; уже Далмация пала и благочестия лишается, будучи напоена униатством; Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черная Гора будет освобождена, то все к нам пристанут; если же турки Черной Горой завладеют, то христианство во всех упомянутых землях конечно исчезнет».

В Хорватии и других областях в 1754 г. было опубликовано постановление, чтобы все исповедующие греческий закон оставили его и приняли римско-католическую веру, не то будут осуждены на виселицу и четвертование. Русский посол докладывал: «Во время освящения Св. Евхаристии католики влезают на алтарь, делают всякие непристойности и в кадило кладут неблагоговонные вещи, приходят в церковь с заряженными ружьями, стреляют и заставляют прихожан покидать храмы, службы останавливаются. Оскверняют церкви, позволяя себе в них такие дела, которые и в законных супружествах не дозволяются. Всемерно стараются привлечь православных к унии. У несогласных отнимаются жены, дети, имение или они подвергаются смертной казни как государственные преступники».

Австрийский канцлер нагло объявил русскому послу, что все эти жалобы – выдумки! Такими методами в Австрийской империи, покорной Риму, искоренялось Православие среди национальных меньшинств, уже претерпевших вековые гонения от ислама. Однако, несмотря на все усилия врагов Церкви, все их старания разбивались о крепкий народный дух. *(Следует отметить, что за последующие 200 лет в католической внешней политике практически ничего не изменилось и сатанинско-языческий стиль папистов проявился с еще большей силой в гонениях на православных сербов во время II Мировой войны).*

В 1745 г. в Новгороде скончался архиеп. Амвросий, воспитанник и профессор Киевской академии. Этот выдающийся ученый монах был сперва игуменом Свято-Духова монастыря в Вильне, где претерпел не только гонения, но и мучения от униатов.

В 1759 г. императрица через кн. Волконского переслала польскому королю энергичный протест на непрерывные обиды, чинимые православным, у которых было захвачено около тысячи квадратных верст земель! Посол в Варшаве ген. – поручик Федор Матвеевич Воейков, когда все его жалобы остались без ответа, писал в С. – Петербург: «Духовенство католическое здесь в Польше великую имеет силу, отчего надуту такой гордостью, что не только не смотрит на министров, но и королевских повелений мало слушает» [17 с. 356].

«Гонения, какие православные претерпевали в Польше в конце XVII и первой половине XVIII веков, напоминают первые времена Церкви, гонимой от иудеев и язычников. Во время богослужения поляки врываются толпой в храм, били народ и выгоняли из храма. Православных, как овец, силой гоняли в костел или униатский храм, заковывали в железные ошейники, морили голодом. Священников привязывали к столбам, травили собаками, отрубали им пальцы, ломали руки и ноги. Постановлением сейма 1733 года положено было устранить православных и лиц других исповеданий, кроме католического, от всех общественных должностей. Из четырех православных епархий, признанных по трактату между Россией и Польшей в 1676 году, в половине XVIII века осталась одна только Могилевская, или Белорусская. Могилевский епископ Сильвестр не раз обрекаем был на смерть. Знаменитый богослов и оратор, архиепископ Георгий Конисский в 1759 году едва не был убит в храме в Орше; в другой раз, в 1761 году, вооруженная толпа иезуитских студентов напала на архиерейский дом и семинарию, разломала ворота, била и ломала все, что попадало под руку, изувечила монахов, учеников и служителей» [11 с. 128].

«Однажды в Орше епископ Георгий едва спасся от католического изуверства, выехав из города в телеге, прикрытой навозом; в другое время при нападении на его дом

иезуитских школяров должен был спрятаться от них в углу сырого подвала. Паны под пьяную руку, а то даже и в трезвом виде апостольствовали над своими холопами и попами – неистово их истязали. Православные процессии подвергались уличным нападениям, так что покойников нужно было хоронить по ночам. Приказчик пана во время православного богослужения входил в церковь с плетью и гнал оттуда и народ, и духовенство, как скот из хлева. Белоруссия и Украина слыли под именем *partes infidelium*. Туда снаряжались целые миссии базилиан и доминиканов обращать народ в унию, миссия шла с конвоем жолнеров, загоняла народ плетями в костел или униатский храм и записывала его в числе обращенных, после чего, если кто исполнял православную требу, наказывался как отступник.

По милости иезуитов католический и православный Бог сделались двумя разными богами: в Дрогичине в 1742 г. толпа студентов иезуитской коллегии вместе со своим начальством, разбив похоронную процессию, ругалась над православным крестом, топтала его ногами и приговаривала: «Что же ты не сердишься и не мстишь, схизматицкий Боже?» Православные братства, так могущественно защищавшие родную веру в прежние времена, закрылись почти повсеместно от усилившегося латинского и униатского фанатизма.

Надежды православных на заступление благочестивой императрицы Елизаветы были обмануты; Россия с необыкновенным долготерпением соблюдала свой мир с Польшей. Прусский король Фридрих Великий, с которым Россия тогда вела войну, решительнее действовал в пользу своих единоверцев-протестантов и много способствовал улучшению их участи в Польше. Православные хотели добиться для себя такой же поддержки у России, даже представляли русскому правительству, что если оно не окажет им более деятельного покровительства, то они вынуждены будут искать защиты у Пруссии. Но важность такого представления надлежащим образом понята была уже при Екатерине II» [64 с. 455].

МАСОНСТВО В РОССИИ

Первая ложа в России возникла в конце XVII века (1698) и масоном называли генерала Лефорта. Несомненно, семена масонства посеяли в России еще «якобиты», сторонники английского короля Иакова II. Выброшенные революцией из своей страны они нашли гостеприимный прием при дворе царя Алексея Михайловича, заражая в благодарность за пристанище своим злочестием русскую знать. Немецкая слобода служила тогда рассадником всякой скверны. Если опыт открытого противостояния католикам в России хоть какой-то имелся, то вот зарождающееся масонство-то и проглядели. Вернее, благочестивые люди все это духом чувствовали и били тревогу, но желающая жить по страстям аристократия пребывала «в эйфории». Братья-каменщики – строители нового мирового порядка принялись исподволь расшатывать устои Русского государства, чтобы на его развалинах строить свое. Они стали изнутри разлагать все нравственные основы общества, проникали и во власть, практически весь век дворцовых переворотов пытались воздействовать на политику государства. Масоны стали и главными проводниками проникновения новой волны католической экспансии, оказывая помощь и покровительство братьям по оружию – отцам-иезуитам.

Конечно, и помимо этого русские имели возможность познакомиться с тайными обществами во время зарубежных путешествий, как например Борис Петрович Шереметев, которого на острове Мальте встретили с особым торжеством и наградили золотым с бриллиантами мальтийским крестом. В одном из источников говорится, что царь Петр был принят в шотландскую степень св. Андрея, причем «дал обязательство, что сей орден восстановит в России», что и исполнил – учредил орден св. Андрея Первозванного в 1698 году. Конечно, царю масонство преподносилось под видом «европейского просвещения», а не как организация, имеющая конечной целью мировое господство и подготовку к встрече антихриста, для чего требовалось уничтожение самодержавных монархий и христианства. После свидания в Пирмонте с Лейбницем Петр решил учредить высшее ученое учреждение – «Академию наук» в Петербурге. В ее устройстве боль-

шую роль играл ученик Лейбница Вольф, также принадлежавший к масонству. Знатные юноши стали отправляться на учебу на Запад, откуда возвращались русскими только по имени. Вскормленные свинными рожцами чуждой Православии западной культуры, интеллигенты стали развращать народное сознание, разбавляя мед благочестивых русских устоев своей ложкой заграничного дегтя.

«Катастрофа России – явление слишком грандиозное, чтобы его обойти молчанием. В России играла ведущую роль интеллигенция, которая в продолжение последних двухсот с лишком лет связала свою судьбу идеологически преимущественно с масонством. И может быть, нигде, как в России, роль масонства не оказалась столь губительной, столь страшной, потому что европейское общество не могло отдаться этим идеям с той честностью, страстностью, верой и горячностью неопита, с которой отдалась этому течению русская интеллигенция.

Ведущие слои Англии, Франции и Германии, намеренно питая масонство в России, преследовали свои собственные интересы, в то время как Россия, веря их проповедям, преследовала цели общечеловеческие. Вот это одно и дает нам утешение в скорби, которую приходится испытывать, ниспровергая многое из того, чему привыкли поклоняться, чтить, уважать. Русские интеллигенты искали искренне в нем Правду Божию и тем были сведены с правильных путей. Они действовали не из меркантильных расчетов, как действовала Европа, – они открывали свои сердца. И нужно сказать прямо, что русские были уловлены на это свое добросердечие. И теперь пора вместе с другими нациями предъявить международному масонству счета об убытках» [68].

Россию же все больше начинало кренить в другую сторону. Протестантизм своей вседозволенностью развратил высшие слои русского общества, проложив торную дорогу масонству, под прикрытием которого продолжали свои козни и извечные враги РПЦ – католики и иудеи. Ставка была сделана на молодежь. «Уже ко времени императрицы Елизаветы воспитание молодого поколения дворян переходит в руки немцев, англичан и французов. А нередко в качестве гувернеров выступали и евреи, выдающие себя за фран-

пузов или немцев, как о том пишет Вигель: «При сестрах моих являлись по временам какие-то мамзели, немки или француженки, а может быть, крещенные жидовки, которые за таковых себя выдавали, но доказанное невежество или безнравственность скоро заставляли отсылать их». Куртуазные нравы дворянства становятся идеалом тогда же и появившейся интеллигенции. Теперь все как там у них – в Европе: и классовые бои, и бунтари, и парадизы, и масонские ложи. Одним словом, все как у людей.

Можно наугад открыть биографию любого деятеля культуры и политики XVIII или XIX столетий и посмотреть, кто их воспитывал. «В высшем кругу московского общества обучение и образование юношества исключительно поручалось иностранным домашним наставникам, которых преимущественно выписывали из Женевы, Монбельяра и Страсбурга», – пишет о периоде правления Екатерины II Д. П. Рунич. Болотов оставил схожую картину своего воспитания, протекавшего под руководством немца, нещадно бившего мальчика» [69 с. 41].

Еще в первой половине XVIII века реформа образования состояла в том, что правительство открывало только специализированные: цифирные, навигационные, артиллерийские и другие школы, где не было место Закону Божию. А для детей духовенства – школы с углубленным религиозным образованием, которое отмежевывалось от светского. «Во второй половине XVIII столетия осознана была потребность общего гуманитарного образования, заговорили о воспитании, о создании «новой породы людей». При Елизавете в 1743 г. вышли распоряжения о том, чтобы родители обучали детей катехизису под опасением штрафа в 10 руб., и чтобы при определении на службу молодые люди были испытываемы в знании краткого катехизиса. Дело религиозного обучения, таким образом, целиком отдавалось на попечение семейств. В новых общеобразовательных школах нашлось, наконец, место и Закону Божию; но было уже поздно, взгляд на него, как на предмет «поповский», специальный, так и остался. Сами инструкции и уставы ослабляли его изучение, чтобы не заразить детей суеверием и фанатизмом: законоучителям не рекомендовалось распространяться пред

учениками о чудесах, о ветхозаветных казнях Божиих, о страшном суде, о вечных муках и подобных предметах, а рекомендовалось внушать им преимущественно правила морали и естественной религии, да толковать побольше о веротерпимости» [64 с. 465].

«Находились родители, которые принципиально не давали детям религиозного воспитания, запрещали у себя даже говорить о религии, а духовенство не пускали и на порог. Для дальнейшего образования молодых людей принято было посылать за границу, в Париж, где они еще более укоренялись в своем безрелигиозном и противонациональном развращении. Путешествия за границу и личные знакомства с представителями модной философии вошли между дворянством даже в обязательную моду. Многие вельможи вели с философами переписку. Так, например, «будущего декабриста Никиту Муравьева «идеям религиозным» учил аббат Шокель. Надо ли говорить, что и преподавание всех учебных предметов велось на французском языке, «не исключая и родного русского языка» (!). Муравьев хорошо изучил латинский и греческий и мог самостоятельно переводить Тацита, постигая всем сердцем республиканские доблести и ненависть к тиранам. То ли эта ненависть к тиранам, то ли уроки аббата, то ли просто природные способности и склонности, но составитель первой русской конституции прекрасно овладел искусством добывания денег, искусством делать гешефт, следуя в этом по стопам таких духовных наставников, как Вольтер, Бенжамен Констан, Руссо и прочих защитников «вольности и прав» [69 с. 42–43].

Вольнодумство начало широко распространяться в светском обществе, начиная с обеих столиц и кончая глухими провинциями. Больше всего им было заражено дворянство, и, особенно, высший свет Петербурга. Отсюда оно проникло в низшие классы чиновников, даже купцов, мещан и прислуги. Кто не вольтерьянствовал (вольнодумствовал), тот считался отсталым и необразованным. Молодежь – ученики гимназий и университета – принялись искать свежего материала для переводов в популярных произведениях заграничной литературы. Бесчисленное множество сочинений разного рода переводилось, печата-

лось и переписывалось людьми всякого звания. Все, что было тогда сколько-нибудь замечательного в числе произведений французской или немецкой литературы, можно смело искать в русском переводе. Воспитанники шляхетского (кадетского) корпуса и всесловного университета живо усваивали масонскую премудрость и создавали кадры для борьбы против самодержавия. Отсюда вышли представители передовой литературы, проникнутой масонскими идеалами: писатели-масоны Сумароков, Болтин и князь Щербатов, а их работу продолжили Новиков, Радищев, Грибоедов, Рылеев и др.

«В России масонство на первых порах получило характер забавы от нечего делать, стало просто модным развлечением, которым увлекалось общество. В масонских собраниях люди высшего круга, в котором прежде других распространилось масонство, видели лишь занимательные сборища с оригинальными обрядами, сборища, в которых можно было время провести и людей повстречать. Людей иных, неаристократических кругов, привлекала к масонству, с одной стороны, возможность попасть в одно общество с аристократами и с сильными и влиятельными вельможами, с другой – надежда получить через масонские ложи повышение по службе, устроить свои дела. Словом, одних масонство привлекало потому, что оно было модным учением и интересной забавой, а других толкали в масонские ложи расчет и тщеславие.

В пятидесятых годах XVIII века собрания масонов в России носили характер клубов с бильярдом, карточной игрой и веселыми ужинами в столовых ложах. Только торжественные приемы новичков и посвящения из степени в степень напоминали о масонстве. Тем не менее масонство делало большие успехи, потому что у кормила государственного корабля становились масоны или люди, связанные с ним идейно. Большое содействие развитию масонства оказал Иван Иванович Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы. При Шувалове находился и руководил им известный масон 60-х годов Генри Чуди.

Но в большей части елизаветинского общества масонство считалось делом безбожным и законопреступным. Масоны – это, по меткому выражению современников той эпохи, «анти-

христовы рабы». Известны и рукописные стихотворные обличения, вероятно вышедшие из духовной среды:

*Полны лжи ваши законы
Оказались, франкмасоны,
И в том тайность ваша есть,
Счет шестьсот шестьдесят шесть.*

Масоны приобрели репутацию еретиков и отступников. Слово «фармазоны» стало символом безбожия и вольнодумства:

*Появились недавно в России франкмасоны
И творят почти явно демонские законы,
Нудятся коварно плеть различны манеры,
Чтоб к антихристу привести от Христа веры...*

В 1763 году Державин решил ехать учиться за границу и хотел обратиться к И. И. Шувалову, «но как дело сие дошло до тетки его, жившей тогда в Москве в своем доме, женщины по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку «непросвещенной», считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, «то она ему, как племяннику своему, порученному от матери, и дала страшную нагайку, запрета накрепко ходить к Шувалову». Ф. С. Блудова считала масонов «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу».

Православное духовенство и проповедники при дворе обличали своими проповедями «скотоподобных и безбожных атеистов», людей «нрава и ума эпикурейского и франкмасонского». Проповеди Гедеона Антонского, Кирилла Флоринского, Арсения Мациевича, Кирилла Ляшевецкого и других отражают духовное противостояние тех времен.

К концу царствования Елизаветы Петровны масонство уже открыто обнаружило свою истинную сущность. В это время на Западе завязалась упорная борьба между Австрией и Пруссией за австрийское наследство. В 1756 году началась Семилетняя война, в которой Россия приняла деятельное участие. Пятая колонна обещала Фридриху II победу над русской армией – ему помогали и русские масоны, и немцы, занимавшие высокие административные и военные

посты в России. Так, знаменитый Джеймс Кейт, будучи фельдмаршалом русской армии фактически выполнял роль шпиона Фридриха II, а в 1747 году и вовсе перебежал к нему на службу, но вскоре был убит в сражении. В русской армии кишели прусские шпионы и русские масоны-предатели: армия умышленно не подготавливалась, в артиллерии не хватало лошадей, интендантство находилось в упадке, порой солдаты не имели даже сапог. *(Вспомним Сталина, который накануне ВОВ раскрыл аналогичный заговор по «подготовке» к войне. Если бы он вовремя не ликвидировал пятую колонну, то картина мира сегодня была бы другая, а может, его бы уже и вообще не было).*

Главкомандующий Апраксин предал русскую армию, но с его точки зрения это не являлось изменой: он был обязан масонской клятвой выручить из беды своего брата по ложе: Фридриха II. *(Во время войны 1812 года это встречалось неоднократно – крестьяне брали в плен французских офицеров, приводили в наш военный лагерь, а там русские офицеры-масоны опознавали «своих» и выпускали на волю).* Но этим не ограничилась помощь русских масонов Пруссии. В 1758 году вместо отданного под суд Апраксина главнокомандующим был назначен Фермор, также высокопоставленный масон и сторонник Фридриха II. Фермор действовал аналогично – проявлял полное бездействие, а в сражении при Цорндорфе вообще скрылся с поля битвы. Предоставленная самой себе, отданная во власть нападающих, русская армия продолжала сражаться. «Видя, что у пленника, русского калмыка, на груди висит образок, генерал хотел до него дотронуться палкой. Пленник, думая, что у него собираются отнять его святыню, закрыл его обеими руками. Тогда генерал рассвирепел, принялся бить его палкой по рукам с такой яростью, что они вспухли и почернели. Но калмык не отнимал рук, оберегая своего святого, и печально смотрел на истязавшего его генерала. Тот начал наносить ему удары по лицу и всего залил кровью», – писал очевидец. Такова была нравственная сила православных солдат, что немецкие генералы выглядели по сравнению с ними средневековыми варварами.

Фридрих II подвел итог: «Русских солдат можно всех до единого перебить, но не победить. А после поражения

под Кюнерсдорфом сокрушался: «Неужели не найдется ни одного ядра на мою долю?» Ядра на долю Фридриха не нашлось, но из отчаянного положения его в последний раз спасает его величество случай. *(Есть версия, что спас не случай, а те же братья-масоны, отравившие императрицу. Как в ту войну русские взяли Берлин, а масоны его вернули своим, так и в ВОВ повторилась та же история, только сроки возвращения Берлина были подольше)*. Неожиданная смерть Елизаветы Петровны 24 декабря 1761 года в расцвете сил и здоровья, спасает Фридриха II от неминуемой гибели.

Вступивший на российский престол Петр III и немецкая принцесса-полупруссачка, ставленница Фридриха II, немедленно объявили ему о своих дружественных намерениях и прекратили затянувшуюся войну. «С переменой на русском престоле вследствие смерти Елизаветы, – пишет Вернадский, – развитие русского масонства получило сильный толчок. Новый император, по-видимому, сам был масоном. «Повсеместная молва» об участии Петра Феодоровича в масонстве ходила еще при Елизавете, побуждая, по словам Болотова, весьма многих вступать в сей орден» [68 с. 170].

Так мировые антихристианские силы не мытьем так катаньем пытались известить Россию.

ПЕТР III И СЦЕНАРИЙ 1917-ГО

После неожиданной смерти Елизаветы Петровны, воцарился Петр III. Ставший вскоре жертвой масонского заговора, он лишился престола, а потом и жизни. В царствование Петра III, пользуясь подходящим моментом, масон граф Р. Л. Воронцов ускоренно подготовил и провел в жизнь манифест о вольности дворянства, подписанный Петром III 18 февраля 1762 года.

По свойству своего характера Петр не мог быть деятельным масоном и извлечь из своего положения какую-либо для себя пользу. Никакой партии и видных единомышленников он не имел, его использовали и потом убрали. Его убийство масонами же – не подлежащий никакому сомне-

нию факт. Вдохновителем заговора был Панин, а главным участником переворота – Григорий Орлов. Панин ставил целью заговора свержение императора Петра III (*которого масоны до конца не смогли прибрать к рукам*) и возложение короны на женщину с ограничением ее власти – очередная попытка установления конституционной монархии! Будущая императрица как будто бы изъявляла свое согласие. Орловы преследовали своекорыстные цели: они стремились захватить власть и управлять государством. Фридрих II сочувствовал очередному дворцовому перевороту в России, так как возлагал на Екатерину как на свою избранницу большие надежды. Несчастный император был, таким образом, в полном одиночестве. Переворот 28 июня 1762 года – одно из самых лживых и гнусных преступлений в мировой истории. Темная масонская сила торжествовала полную победу [68 с. 177].

Обращает на себя внимание сценарий происшедшего. Седьмой год шла война с Германией, явный успех был на стороне России. В разгар победных боевых действий умирает императрица Елизавета и воцаряется Петр, заключивший мир на невыгодных в данной политической ситуации условиях. Сам император Петр в скором времени отрекается от престола (сам ли?), затем народ заставляют присягнуть «временному правительству» во главе с фиктивной (по замыслу заговорщиков) правительницей Екатериной, затем убивается и «отрекшийся» император как представляющий потенциальную опасность для незаконно захвативших власть преступников и, якобы при попытке к бегству, устраняется и еще один законный наследник трона – заключенный Иоанн Антонович. А в скором времени разгорается гражданская война – «пугачевщина».

Таким образом, сценарий 1917 года уже прорабатывался в Российской истории, новое – это хорошо забытое старое, только мы плохо усваиваем исторические уроки. На тот момент развязка событий была другая, потому что основная масса народа были верующие благочестивые люди, и Русь оправдывала свое предназначение.

Обращают на себя внимание принятые Петром в спешном порядке указы. «Указом Сенату 29 января 1762 года Петр III разрешил раскольникам, бежавшим в Польшу и в

другие страны, возвратиться в Россию» [68 с. 176]. «За три месяца до своего низвержения, 21 марта 1762 года, Петр III подписывает (*еще один роковой*) указ – о полной секуляризации недвижимых церковных имуществ с передачей ведавшей их синодальной «Коллегии Экономии» в ведомство Сената. (*Между этими указами прослеживается четкая взаимосвязь: государственным и церковным преступникам даруется амнистия, и они свободно возвращаются в страну, а у РПЦ отбираются церковные земли, храмы и монастыри лишаются средств к существованию.*) Обрабатываемые участки земли фактически отдаются крестьянам в собственность. Их зависимость от прежних церковно-монастырских владельцев ограничивается только рублевым окладом за один год в синодскую казну. Не без издевательства в указе цитируется обобраным церковным владельцам слово Евангельское: «Взгляните на птиц небесных... и на полевые лилии».

Землероб с волнением почувал, что плотину прорвало сверху, и начал хищничество. Крестьяне рубили леса, увозили сено, угоняли скот, птицу, вылавливали рыбу из прудов... Протестовать было трудно, потому что офицеры, производившие для государственного учета описи церковных имений, сами угоняли часть лошадей и инвентаря, якобы «в казну». Даже иностранные наблюдатели увидели, что творится что-то неладное, что развязывается смута» [67 с. 310]. Вскоре и наступила «пугачевщина».

Участники переворота, возводя Екатерину II на российский престол, надеялись достичь ограничения самодержавия через проект масона Панина. 28 декабря 1762 года Екатерина II подписала составленный им Указ об учреждении Совета, состав которого был из братьев-масонов. Но он так и не был учрежден. Масонская затея не удалась. Императрица Екатерина II стала решительно бороться за сохранение самодержавия. Осознав, что она не будет игрушкой в их руках, масоны затеяли новый заговор с целью совершить другой переворот, уже для ее свержения. Однако авантюра не удалась. Влияние масонской партии временно поколебалось, но враги не терялись, ища выход из положения.

ЕКАТЕРИНА II И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

В начале царствования Екатерины II была предпринята попытка отменить прежние ограничения на проживание иудеев в России. Это дело оказалось в числе самых первых в Сенатском списке. Растерявшейся императрице сенатор князь И. В. Одоевский подсказал посмотреть в журнале, что по этому поводу ответила Елисавета Петровна: «От врагов Христовых не желаю прибыли»... Екатерина с облегчением решила: «Я желаю, чтобы это дело было отложено до другого времени». Разрешение иудеям селиться в центральных губерниях России Екатерина II так и не дала.

Через 10 лет после восшествия на престол в переписке с известным французским философом-космополитом Д. Дидро, считавшим иудеев «гонимым племенем», Екатерина II ответила: «Впуск их в Россию мог бы принести большой вред нашим мелким торговцам, так как эти люди все притягивают к себе, и могло бы стать, что при их возвращении было бы больше жалоб, чем пользы». Новый этап отношений Православной цивилизации с иудейским миром начинается в период возвращения в состав России западных земель, оккупированных Польшей. Продажные и растленные польские короли и шляхта использовали иудеев на этих землях как агентов оккупационного режима. В свою очередь, иудейские правители, пользуясь случаем, превратили эти исторические русские территории в центры иудаизма, плотно заселенные евреями» [4 с. 109].

В царствование Екатерины сдвинулся наконец с мертвой точки вопрос по защите поработенного папистами православного населения. «На торжестве коронации императрицы Екатерины II присутствовал архиепископ Георгий Конисский. В трогательной речи он изобразил пред ней крайне бедственное положение православных в пределах Польши и Литвы, и она тогда же решила положить конец их страданиям. Через своих посланников она потребовала, чтобы положение православных в Польше было облегчено. Польский сейм не исполнил требований императрицы, ими вызван был только взрыв злобы со стороны католиков, и снова начались страшные гонения на православных. В ответ выступила народная расправа в гай-

дамацком восстании. Эти внутренние беспорядки в Польше дали императрице Екатерине повод решительно вмешаться в ее дела» [11 с. 129].

В 1769 г. польские конфедераты предложили туркам заключить с Польшей договор, направленный против России. Султану была предложена вся Киевская область взамен уступки Польше Смоленска, Стародуба, Чернигова и Ливонии. Туркам уступались все крестьяне русской веры с их женами и детьми и имуществом. Узнав об этом, императрица Екатерина II писала: «Смешной смысл крестовых походов не помешал польскому духовенству, под влиянием папского нунция, проповедовать крестовый поход против меня, и эти безумные, для опустошения собственных провинций, обещанных ими Порте, одной рукой взяли крест, а другой подписали союз с турками».

Однако турки ответили одному из конфедератских вождей – Иоахиму Потоцкому, что сначала поляки должны принять магометанство, а затем турки им охотно помогут! Русские войска начали борьбу с «конфедератами», бродившими повсюду, грабившими и без того обездоленное население. Под влиянием Ватикана их поддерживала Франция, а Австрия Марии-Терезии давала им приют. И вот внутренние смуты в Польше и победы Суворова положили конец польской независимости. Пруссия и Австрия ввели в Польшу свои войска и воспользовались русскими победами в своих интересах за счет Речи Посполитой. Фридрих Великий присоединил к Пруссии Померанию и часть Великой Польши, а Австрия взяла искони русский край – Галицию. Вследствие этого первого раздела Польши в 1773 г., наконец воссоединилась с Россией Белоруссия, что вполне отвечало самым сокровенным желанием ее несчастного населения и исторической справедливости [17 с. 359]. В царствование Екатерины около двух миллионов униатов и католиков присоединились к Православию.

Однако сразу начались и другие проблемы: «Уже при первом разделе Польши, в 1772 году, гражданами России стали свыше 100 тыс. иудеев. При последующих разделах Польши, в 1793 и 1795 годах, а также с присоединением Новороссии число иудеев в России, по меньшей мере, удвоилось. Как писала встревоженная Екатерина II: «то, что

казалось детской игрой, становится серьезнейшим делом. Русское государство столкнулось с самыми многочисленными еврейскими массами, бывшими в Европе». Чтобы остановить поток иудеев, уже было хлынувший в центральные губернии России, Екатерина II установила «черту оседлости», т.е. определенную территорию, за пределы которой иудеи не имели права выезжать» [4 с. 109].

Несмотря на неприязнь императрицы к католицизму, иезуитам удалось втереться к ней в доверие. «В екатерининскую эпоху орден иезуитов укрепил свои позиции и пополнил свои ряды. Гонимые на Западе, иезуиты нашли защиту у русской императрицы, которая отказалась признать декрет папы Климента XIV от 21 июля 1773 г. о роспуске ордена. Французский парламент Людовика XV еще в 1764 г. обнародовал целый обвинительный акт против антихристианской деятельности иезуитов, что повлекло их изгнание из королевства. Португалия выгнала орден еще в 1759 г.; Испания – в 1764 г.; Парма – в 1768 г. Король Испании Карл III, возмущенный жестокосердой политикой иезуитов в своих Южно-Американских владениях, изгнал их оттуда в 1767 г. по просьбе своих губернаторов и епископов, а также вождей истребляемых иезуитами индейских племен. В 1773 г. орден насчитывал около 23.000 человек.

Екатерина II, гордившаяся своим либерализмом не менее чем дружбой с Вольтером и энциклопедистами, не замедлила оказать ордену свое покровительство, следуя советам Фридриха Великого. Пуская иезуитов в Россию, где они вскоре избрали своего «генерала-викария», Екатерина тем самым открывала путь их антирусской и антиправославной деятельности в обеих столицах. Вряд ли ей был известен секретный рапорт иезуита о. Фавста, папского агента при короле Станиславе Понятовском, писавшего о ней следующее: «Пока она (имп. Екатерина II) жива, все будет удаваться россиянам, и самые их ошибки будут обращаться в пользу, а для противников победы будут равняться поражениям. Когда же Екатерина отойдет в вечность и в ее наследнике не окажется ни ее прозорливости, ни стойкости убеждений, ни умения выбирать себе помощников, ничего такого, что нужно России, а так как возрождение Польши зависит от ошибок и заблуждений России, а благоденствие свое она может

почерпнуть только в ослеплении своей вековой соперницы, то наш долг терпеливо ждать перемены и по мере возможности, подготавливать почву к восприятию того, что пошлет нам судьба». Судьба (*судьба ли?*) послала иезуитам в России некоторое число горячих приверженцев среди придворных и аристократических кругов» [17 с. 362].

В дозволении иезуитам беспрепятственно существовать в Российском государстве видится не просто наивность императрицы, но далеко идущие планы. «Сложилась парадоксальная ситуация. Поскольку пути Рима и иезуитов разошлись (кое-кто надеялся, что «навек и совершенно», как было сказано в папском бреве), Фридрих и Екатерина могли себе позволить покровительствовать им и пользоваться их услугами, избегая при этом прямой зависимости от Рима. По мнению Ю. Самарина, Екатерина покровительствовала иезуитам как раз для того, чтобы продемонстрировать свою независимость от Рима в управлении делами католической епархии внутри Российской империи, в чем была нужда, поскольку в пределах России оказалось так много католиков» [70].

«Своим покровительством иезуитам Екатерина II преследовала две цели. Первая – использовать их в своих интересах в момент конфликта иезуитов с Римом. Она активно проповедовала тезис – католицизм не есть папизм. Вторая – через иезуитов государыня стремилась утвердить свою власть в новоприсоединенных западных областях, на что последние охотно шли, т.к. не имели другого выхода» [71].

В 1793 г. к России вернулись старорусские земли: области Подольская, Минская и Витебская; оставалась еще оторванной Галиция, занятая католической Австрией, а при третьем разделе в 1795 г., после взятия Варшавы Суворовым, были присоединены Литва и Курляндия. Король Понятовский, отказавшийся от престола, переехал на жительство в Петербург, где и умер. В то же время освобожденный от латинского плена еп. Виктор был назначен в 1794 г. епископом Минским, пробыв некоторое время викарием Киевского митрополита.

Либеральная политика императрицы не позволила уничтожения пресловутой униатской церкви, хотя момент для этого казался тем более подходящим, что в Риме стали

холодно относиться к униатам и добиваться их латинизации. Ввиду массовых переходов из унии в 1794 г. Екатерина издала указ, разрешавший свободное присоединение к Русской Церкви всех униатов, одновременно гарантируя законом повсеместную полную неприкосновенность православным, латинянам и униатам. Не в пример полякам, гарантия эта строго соблюдалась русским правительством [17 с. 362].

«После трех разделов Речи Посполитой огромное количество католиков оказалось российскими подданными, причем в присоединенных землях они составляли в ряде регионов западного края до 95 % населения. Поэтому уже нельзя было ограничиться только внешним надзором за ними, как практиковалось ранее, а возникла настоятельная необходимость выработки иной государственной политики. К этому подталкивала и позиция римского престола, который не желал иметь своих подданных, каковыми он считал католиков, под управлением православного государя.

Перед российским правительством стояло две задачи. Первая – организовать управление католиками на своей территории. Вторая – оградить их от влияния папы римского, позиции которого по данному вопросу не соответствовали государственным интересам России. В итоге, в январе 1782 г. была открыта Белорусская (Могилевская) католическая архиепископия и консистория, которыми управлял архиепископ С. Сестренцевич, также управлявший монастырями и церквями и назначавший священников. Папа римский первоначально не утвердил назначение С. Сестренцевича в сане архиепископа. Однако Екатерина II объявила о лишении католиков России своего покровительства. В итоге понтифик вынужден был отступить.

Влияние Рима осуществлялось через монастыри, т.к. они не подчинялись епископу, а только начальнику ордена, который находился за пределами России. Екатерина II дала предписание губернаторам новых западных земель взять в казенное управление деревни заграничных монастырей и тех, монахи которых отказались присягнуть государыне. 3 февраля 1784 г. вышла грамота о власти С. Сестренцевича над монахами римско-католического исповедания на территории России. Это нарушало католические каноны,

но ставило монастыри под контроль «российской» католической власти, подконтрольной правительству Российской Империи.

Манифестом 30 октября 1794 г. Екатерина II объявила за католиками право на неограниченное публичное вероисповедание и законное владение своим имуществом. Католические священники вновь присоединенных областей не должны были быть зависимы от какой-либо заграничной духовной власти и ее распоряжений. Священники до приведения к службе должны давать присягу на верность и подданническое повиновение. Католические монахи обязаны были работать и быть причисленными к какому-либо монастырю, житие в праздности и прошение милостыни запрещалось.

Екатерина II не отрицала для российских католиков духовного главенства папы, но старалась предупредить возможность использования Римом своего духовного влияния в исключительно римских интересах. В итоге ограничивались отношения католиков-русскоподданных с заграничными духовными властями и был сведен до минимума допуск иностранных духовных лиц в Россию. В конце царствования Екатерины II папа римский предпринял попытки учредить в России своего представителя для влияния на дела русских католиков, но эти попытки закончились неудачей» [71].

На смену успешной внешней политике активизировалось внутреннее разложение государства тайными врагами. «В 1773 году поднимается грозное народное движение во главе с Емельяном Пугачевым, которое захватило нижнее и среднее Поволжье, Приуралье и юго-западную часть Сибири. Пугачев объявляет себя Петром III, народ этому верит и бежит толпами к своему царю. В Пугачеве народ видит желанного православного законного царя. В этом и заключалась сила пугачевского движения. Половина империи была объята мятежным духом. Замученный Петр Федорович как бы вышел из могилы своим мстителем и заставил трепетать дворянство, которое даже в Москве ждало Пугачева и считало себя обреченным» [68 с. 182].

Можно высказать и иные соображения по поводу Пугачевского бунта. Мало кто обращает внимание на связь Пугачевщины со спешно изданным в свое время указом Петра III о дозволении возвратиться из-за границы всем старооб-

рядцам. Вряд ли Петр сам был его инициатором – скорее всего, это была очередная интрига его масонского окружения. Из тех же краев поставлялись вожди для ереси стригольников и жидовствующих, да и трудно представить, что истинные ревнители русской старины могли искать приюта у «еретиков-папешников», как на древней Руси именовали католиков.

Запад заблаговременно подготовил новую почву для потенциальной оппозиции. А потом все шло по плану. Только Екатерина дерзнула приступить к первому разделу Речи Посполитой (Петербургская конвенция 25 июля 1772 года), как спустя полгода разгорелось народное восстание под предводительством Пугачева, который именовал себя ни много ни мало – покойным мужем императрицы Петром Феодоровичем и вербовал народ на бунт под прикрытием возрождения старины. Инициаторами выдвижения самозванцев всегда были враги Руси, а враги были все те же...

«Лозунг пугачевского движения: «Свобода Православной веры». В своих манифестах Пугачев жалуется старообрядцев «крестом и бородою». Он обещает, что в его новом царстве, после того как будет уничтожен Петербург, все будут «держат старую веру, будет строго запрещено брить бороду и носить немецкое платье». Нынешние церкви, гласит молва, будут сломаны, будут построены семиглавые, будут креститься не трехперстным, а двухперстным сложением» [68 с. 181]. Зверские расправы пугачевской ватаги над людьми мало сочетались с древним обрядовым благочестием, которое Пугачев собирался возрождать. Просто определенные силы умело дестабилизировали обстановку в стране, подрывая мощь империи и используя народное горе. Последующие репрессивные меры против старообрядцев были связаны именно с их ролью в Пугачевском бунте.

БЕДЫ И ПОБЕДЫ ИМПЕРИИ

Общество тем временем забавлялось либеральными идеями, продолжая мечтать о западных новшествах. Умеют творцы катаклизмов придумывать игрушки для взрослых – во все века свои! «На смену немецкому влиянию явилось фран-

цузское, а во Франции господствовала модная философия просвещения, проповедовавшая полную безрелигиозность и сенсуализм. Русское образованное общество стало воспитывать своих детей на французском языке с помощью французских гувернеров и разумеется, в самоновейших идеях этой модной философии. Такое воспитание лишало человека не только любви к родине, к которой французские гувернеры внушали ему глубокое презрение, и благоговения к религии, которую представляли достоянием одной невежественной черни, но часто даже родного русского языка. Так что и после, если бы он вздумал снова обратиться к церкви, он уже не в состоянии был понимать ни русской церковной службы, ни религиозных книг, ни проповеди русского духовенства, не умевшего говорить по-французски, и для удовлетворения своих религиозных потребностей должен был обращаться к книгам французским, к духовенству католическому, к иезуитам и, возвращаясь к христианству, вступал уже не в православную церковь, а в католичество [69 с. 42–43].

Сочинения Вольтера, Дидро, Д'Аламбера и других были распространены во всех домах, претендовавших на образованность. На безумную роскошь проматывались целые состояния; пошли незаконные браки, похищения женщин, жизнь супругов в разделе, разводы. Разврат, слегка прикрытый условными светскими приличиями, являлся в обществе без стыда, как такая принадлежность цивилизованной жизни, которой никто не стыдится в самом Париже.

Смиранных проповедников слова Божия никто не желал и слушать, да если бы кто и послушал, то для них же было бы хуже. Однажды за очень деликатное и кроткое увещание вольнодумца-дворянина получил пощечину даже архиерей – Тихон Воронежский. Святитель пал тогда в ноги обидчику, и этим так сильно на него подействовал, что тот бросил свое вольтерьянство и сделался хорошим христианином. Дела о хуле на священные предметы и на религию правительство изъяло из ведомства духовного суда и передало светскому. Опровержений вольнодумства в печати не допускала цензура [64 с. 342].

«При Екатерине II практически все русские дворянские фамилии имели представителей в масонстве. Дело дошло до такой крайности, что императрица не один раз видела себя

покинутой, и когда она спрашивала, где тот или другой, даже из обязанных присутствовать лиц, она получала в ответ: «В ложе!»

Широкая распространенность масонства и захват ими в русском государстве высших должностей самым тяжелым образом отразились на положении Православной Церкви. «В 1764 году были изъяты церковные земли, а монастырские крестьяне получили именование «экономических крестьян», для церковных служителей были установлены штатные оклады, выплачиваемые из государственной казны. В результате в России резко сократилось число монастырей и монашествующих: из 1072 монастырей в 1762 году, осталось 452 в 1764, а число монашествующих уменьшилось с 12 444 человек до 5 105» [39 с. 439].

В глазах народа это было кощунственным посягательством на то, чем церковь владела веками по завещаниям благочестивых христиан. Кроме того, указ не был вызван государственной необходимостью, а единственно масонскими происками и желанием поживиться за счет конфискованных церковных земель. И если монастырские хозяева умело распоряжались своими вотчинами, берегли подведомственных крестьян и разумно распределяли доходы, давая возможность развиваться крестьянским хозяйствам, то новые светские владельцы стали выжимать из народа последние соки, развозя кровные народные деньги по заграницам и увеселительным учреждениям. Указ о секуляризации был запущен околоправительственным масонским окружением, т.к. первоначально был принят еще при Петре III, а затем еще раз уже при Екатерине II. Возможно, что императрица по ряду причин просто была не в силах этому воспрепятствовать.

По поводу изъятия церковных имений и антиправославной политики активно выступал Ростовский митрополит Арсений (Мациевич). Его проповеди и протесты не прошли незамеченными – он претерпел лишения, ссылку в отдаленный монастырь, и скончался в тюремном заключении. С него сняли не только святительский, но впоследствии даже и монашеский сан. По мнению В.Ф. Иванова митрополит Арсений стал жертвой масонской расправы. Народ еще при жизни почитал Арсения святым за его неукротимую ревность о

вере. На стене одиночной камеры Ревельского каземата сохранилась надпись святого узника, выцарапанная гвоздем: «Благо, яко смирил мя еси» [67 с. 325].

Наука, литература, публицистика екатерининского периода были проникнуты масонскими идеями. Про театр и говорить нечего. При Екатерине II преподавание Закона Божия в школах было значительно затруднено, а издание наиболее почитаемой русским народом житийной литературы и вовсе практически запрещено. Зато только с 1780 до 1801 года произведения одного Вольтера выходили 69 раз, а Руссо, а Дидро... Отвечая запросам времени, Екатерина II писала свои произведения, в которых пропагандировала просветительские взгляды Вольтера и подобных ему. От нее не отставали Фонвизин, Радищев и Херасков. О пагубном значении этих «просветителей» можно судить по «потерянным поколениям» русской интеллигенции. Как французские энциклопедисты сгубили Францию, так и русские – Россию. Произведения масонских писателей и сбитых с толку литераторов являлись тем ядом, которым постоянно отравлялось русское общество, дойдя в конечном итоге до умоисступления 1917 года.

Что показательно, с приходом к власти большевиков, была уничтожена под корень практически вся русская интеллигенция – кто успел эмигрировать, растворившись в западной цивилизации, кто погиб в гражданскую, кто был расстрелян позднее. В России остались, в основном, потомки простого крестьянского сословия, как носителя славянской харизмы и православного духа. Конечно, это сравнение только приблизительное, но когда Господь вывел израильский народ в пустыню, Он продержал их там сорок лет, пока не вымерли все те, кто вкусил жизни в языческом Египте. В землю Обетованную вошло новое поколение, не познавшее языческих прелестей. СССР не был, конечно, землей Обетованной, но для сохранения нации и веры нужно было произвести естественный отбор, чтобы в жестких условиях безбожной власти народ сумел пронести и сохранить Православие для своих потомков. На это было способно, большей частью, одно крестьянство, привыкшее жить и веровать не благодаря, а вопреки хоть панскому гнету католической шляхты, хоть масонскому самодурству велико-

российских помещиков. Конечно, во всех слоях общества были исключения, но они таковыми и оставались.

«Екатерина II была крайне обеспокоена началом революции во Франции в 1789 году. Казнь Людовика XVI вызвала ее открытое возмущение. Императрица разрешила въезд в Россию французским эмигрантам и оказывала им открытую финансовую поддержку. Все торговые и дипломатические отношения с Францией были разорваны. Началась подготовка к войне с ней, прерванная только смертью императрицы в 1796 году» [39 с. 439].

Французская масонская революция вызвала бурную активность своих русских братьев. Они собирались организовать нечто подобное в России – убить Екатерину II, с тем, чтобы затянуть в свой заговор и посадить на престол Павла I. Масоны хотели сделать с Павлом то, что впоследствии они сделали с Александром, то есть сначала связать Павла с убийством его матери и потом управлять им по своему усмотрению. Благородный Павел не принял этого гнусного предложения.

Несмотря на расплотившихся внутренних врагов, «именно в царствование Екатерины II Российская империя в полной мере обрела статус великой державы. В результате двух успешных русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. к России был присоединен Крымский полуостров и вся территория Северного Причерноморья. В этих войнах взошли звезды великих русских полководцев – фельдмаршала Александра Васильевича Суворова и адмирала Федора Федоровича Ушакова. В 1772–1795 гг. Россия приняла участие в трех разделах Речи Посполитой, в результате которых получила территории Белоруссии, Западной Украины, Литвы и Курляндии. В состав Российской империи вошла и Русская Америка – Аляска и Западное побережье Североамериканского континента (нынешний штат Калифорния).

Во многом вся внешняя и внутренняя политика определялась усилиями и трудами одного легендарного человека – друга и тайного супруга императрицы Григория Александровича Потемкина (1742–1791). (*«Эра Потемкина» в годы правления Екатерины II началась с 1774 года, когда Петербург облетела новость – Потемкин и Екатерина*

тайно венчались.) Это он присоединил к России Крым, обустроил Новороссию, основал Севастополь, Николаев, Херсон, создал Черноморский флот, провел реформу армии и казацких войск, одержал выдающиеся победы в войнах с Турцией, усмирил Запорожскую Сечь и положил начало Черноморскому (Кубанскому) казачеству...

В отличие от многих вельмож екатерининского времени, да и вообще сановников XVIII столетия, Потемкин обладал одной неожиданной для того времени чертой – он имел не только прекрасное светское образование, но и был глубоко верующим православным человеком. Его духовником был митрополит Платон (Левшин). «Осознав истинное место России в Европе, Потемкин начертал огромный план действий – «Греческий проект». В его основе лежала давняя русская идея освобождения православных христианских народов от османского владычества, восходящая своим истоком к идее «Вселенского православного царства». Во исполнение ее 8 августа 1789 года Екатерина II направила австрийскому императору Иосифу II, тогдашнему союзнику России в войне с Турцией, меморандум о разделе Османской империи. В нем российская императрица предложила освободить от турок Юго-Восточную Европу и создать там «Греческую империю», на трон которой должен был взойти второй внук Екатерины Константин Павлович.

Но этому плану не суждено было осуществиться. В 1790 году умер император Австрии Иосиф, вступивший на престол император Леопольд II не считал целесообразным продолжать войну. А 5 октября 1791 года, по дороге в Николаев, в 40 верстах от Ясс, скончался и главный вдохновитель «Греческого проекта» Григорий Александрович Потемкин... *(его неожиданная смерть вызвала подозрение, что он был отравлен)*. Так идея спасения православного христианства от турецкого засилья и осталась пока только идеей...» [39 с. 440–446]. Позднее и Екатерина умирает при крайне загадочных обстоятельствах. *(Попросту тоже была отравлена, как и многие представители царской династии и до, и после нее)*. «Смерть Екатерины, которая уже приняла было решение ликвидировать масонскую революцию на Западе и поручила привести это решение в исполнение гениальному Суворову, прежде всего нужна была ма-

сонам. Императрицы Екатерины II не стало, масоны могли торжествовать» [68 с. 217].

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I

В освещении Российской истории существует целый набор штампов, которые, как правило, никто не пытается оспаривать. Они воспринимаются словно аксиома. Митрополит Иоанн (Снычев) считал, что «решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений «исторической науки» оказали свидетельства иностранцев». О том же говорил и выдающийся исследователь древности Сергей Парамонов в книге «Откуда ты, Русь?», которую он издал под псевдонимом Сергей Лесной: «Нашу историю писали немцы, которые вообще не знали или плохо знали русский язык». Примером того являются лживая норманнская теория, миф о призвании варягов и прочие. На то, что авторами трудов по русской истории являлись иноземцы, указывал и советский академик Б. А. Рыбаков: «Национальная история пишется обыкновенно друзьями. История России писалась ее врагами». Так сугубо черной краской рисуется и царствование императора Павла I (6.11.1796–12.3.1801). Однако большинство законов, разработанных и введенных Павлом в употребление, просуществовало вплоть до 1917 года, а некоторые военные распоряжения – и до сего дня!

Русским няням, которыми в свое время окружила Павла императрица Елизавета Петровна, обязан он живой верой в Бога, знанием русского языка и уважением к своему народу. Его благочестие не смогли поколебать масонские воззрения окружающих. Он жил Россией и пострадал за нее. То, что Павел I взялся исправлять внутренние недуги страны, пришлось не по вкусу зараженной неверием разнузданной знати. Реформы Павла в первую очередь коснулись облегчения участи крестьянского сословия – лишнее доказательство того, как близко император знал нужды народа. Крестьяне получили освобождение от работы в воскресный день, была отменена хлебная повинность и заменена ничтожным налогом, барщина сокращена до трех дней в не-

делю, заложены основы законодательства, принятого уже внуком императора Павла Александром II об отмене крепостного права.

Век правления женщин пагубно сказался и на состоянии вооруженных сил империи. Как писал современник: «Прощает масса злоупотреблений, вкравшихся во все отрасли управления войсками. Большинство высших генералов постоянно находятся в столице, оставивши войска на свои штабы. Многие офицеры живут в своих имениях, отдавая за это свое жалованье своим командирам. Солдаты, знающие ремесла, работают в имениях своих начальников». Знакомая по советским временам картина!

«При Екатерине II сложился обычай записывать новорожденных дворянских сыновей солдатами в гвардейские полки. Эти недоросли, не служа ни единого дня в строю, к 16–17 годам получали звания гвардейских поручиков. Что же изменил в армии Павел I? Вот только несколько неоспоримых фактов, говорящих о многом. Ввел реальную дисциплинарную и уголовную ответственность офицеров за сохранение жизни и здоровья солдат. Император ввел понятие «беспорочная служба» для нижних чинов – за выслугу 20 лет они навсегда освобождались от телесных наказаний. Уволил со службы всех нижних чинов из дворян, числившихся при полках, но находящихся в длительных отпусках. Приказал офицерские вакансии занимать только выпускниками военно-учебных заведений или опытными унтер-офицерами из дворян, сдавшими экзамены на грамотность и знание устава. Запретил офицерам и генералам отпуска более одного месяца в году. Ввел отпуска нижним чинам по 28 дней в году. Ввел для нижних чинов как предмет формы суконную шинель с рукавами для зимнего и холодного времени (до этого времени солдаты имели на все сезоны только мундир, под который они поддевали кто что мог). Этот предмет военной одежды солдаты носят и по сей день! Ввел для часовых караульные овчинные шубы и валенки, причем в караульном помещении валенок должно быть столько, сколько требуется для того, чтобы каждая смена часовых надевала сухие валенки. Это правило караульной службы существует и сегодня! Уволил со службы 333 генерала и 2261 офицера, не сумевших ответить на

элементарно простые вопросы по военному делу и т.д. Кто оставил нам письменные свидетельства эпохи Павла I, на основе коих мы сегодня хаем императора, так много сделавшего для простых солдат и незнатных офицеров? Не те ли генералы и офицеры, которых по непригодности Павел выгнал со службы? Павел, как и Петр I, потребовал от дворян службы своему государству. Мог ли оставаться в живых царь, покусившийся на вольности дворянства, взваливший на хрупкие плечи дворянских детей все тяготы армейской службы?» [72].

«Павел был рациональный геополитик и озабочен только одним – интересами Российской империи. Реже вспоминают превращение клира в служилое сословие и возрождение геральдической знати, запрет Павла лифляндцам и курляндцам отправлять детей учиться в Германию, отзыв российских студентов из западных университетов, запрет иностранцам бесконтрольно въезжать в Россию» [70].

Павел I приказал перелить в монету дворцовые серебряные сервизы, чтоб поддержать совершенно истощенную в правление Екатерины казну. Император значительно улучшил материальное положение духовенства, всемерно способствуя поднятию его нравственного уровня и авторитета в народе. Павел не задумывался над крутыми мерами, чтобы обуздать светское общество. Поэтому все мероприятия его, как бы хороши и полезны они ни были, подвергались резкой критике и осуждению. Зачастую ему доносилось одно, а делалось его именем совершенно другое – все, чтоб вызвать недовольство и нарекания.

«Серьезное изучение иудейского религиозного и общественного быта в России началось при императоре Павле I. Он поручил замечательному русскому поэту и государственному деятелю Г.Р. Державину провести специальное исследование и по итогам подготовить записку. В ней Державин «первый начертил стройную, цельную программу для решения еврейского вопроса в русском государственном духе, имея в виду объединение на общей почве всех русских подданных». Павел I, ознакомившись с запиской, согласился со многими ее положениями и наградил автора. Однако трагическая смерть царя в результате международного масонского заговора разрушила возможность решения

еврейского вопроса в духе, благоприятном для русского народа.

Новый император – Александр I, находившийся под влиянием масонского окружения, занял либеральную позицию. В 1802 году он создает особый Комитет о благоустройстве евреев, душой которого был масон Сперанский, тесно связанный с иудейским миром через известного купщика Переца.

Членом этого комитета также стал Г.Р. Державин. Как генерал-губернатор, он подготовил записку «Об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного, обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем». Новая записка Державина, по мнению специалистов, представляла собой в «высшей степени замечательный документ, не только как работа честного, проницательного государственного человека, но и как верное изложение всех существенных сторон еврейского быта, препятствующего слиянию этого племени с прочим населением».

Из частной записки, доставленной Державину одним белорусским помещиком, стало известно, что евреи наложили и на генерал-прокурора свой херем, соединенный с проклятием по всем кагалам, «яко на гонителя». Кроме того, они собрали «на подарки» по этому делу огромную по тем временам сумму в миллион рублей и послали в Петербург, прося «приложить старание о смене его, Державина, с должности, а ежели того не можно, то хотя посягнуть на его жизнь» [4 с. 111–112].

4 января 1797 года император Павел Первый, как известно, принял под свое покровительство орден Мальтийских рыцарей. Россия твердой ногой становилась на Средиземном море, где уже господствовал блистательный Павловский флот под флагом адмирала Ушакова. Определенные планы были у императора Павла относительно распространения Православия на Западе – он хотел вернуть Европу к истинной вере. «Сами иезуиты свидетельствуют о твердой православной позиции императора. Например, в своем донесении неаполитанский посланник в Петербурге герцог А. Серракаприола рассказывает, что Павел просил показать ему донесение, в котором говорилось о желании императора стать католиком. Павел

не согласился с этим, сказав: «Вы хотите сделать из меня отступника» [70].

Павлу удалось заполучить великие христианские святыни – десницу святого Иоанна Предтечи, частицу Креста Христова и чудотворную Филермскую икону Божией Матери, подаренные султаном Баязедом II в 1484 году мальтийским рыцарям, захватившим о. Родос. По приказу Австрийского императора святыни были конфискованы у бывшего орденского магистра и по просьбе императора Павла в августе 1799 года доставлены в Петербург. Сопровождавший торжественную процессию граф Джулио Литта (1765–1839) принял позднее Православие и имя Юлия Помпеевича. В память перенесения священных реликвий была составлена особая служба. После революции эти святыни из Гатчинской церкви были вывезены русским духовенством в Черногорию и там хранятся в православном Цетинском монастыре. Весь XIX век – это история присоединения к Православию многочисленных племен, народов и государств, как ранее отпадших, так и впервые пришедших. Не является ли это видимой благодатной помощью Свыше за возвращенную из католического плена десницу Крестителя Господня Иоанна?

«Что касается взаимоотношений Церкви и престола, необходимо особо отметить значительную поправку, внесенную Павлом Петровичем в закон о церковном устройстве. Новая формула приблизилась уже к византийскому древнему принципу, канонически допустимому, согласно которому царь является высшим стражем или «епискимонархом» Православной Церкви. Принцип этот лег в основу главных мероприятий всех последующих императоров Всероссийских, вплоть до восстановления в 1917 г. церковного канонического строя» [17 с. 368]. Император Павел дал направление русской государственной жизни на столетия вперед и в последующее время при Александре I и Николае I, Россия управлялась «по-гатчински».

Цареубийству предшествовала обработка общества через распространяемые ложь и клевету. «Сколько английского золота перешло в карманы заговорщиков нигде не приводится, но Лопухин свидетельствует о двух миллионах, розданных через Жеребцову участникам кровавого действия в

ночь на 12 марта» [73]. Путем интриг глава заговорщиков Пален вывел из окружения царя всех преданных ему лиц, были удалены и верные царю Аракчеев и Растопчин. Так перед своей мученической кончиной Павел I остался один среди врагов и вполне мог сказать, как и его праправнук спустя сто лет: «Кругом трусость, предательство и обман». Определенная роль в этом была и у Михаила Илларионовича Кутузова, который, «как злостный масон, играл видную роль в убийстве Павла – помогал убийцам, как лично сам, так и его жена и дочь, бывшая фрейлиной при дворе императора Павла» [68 с. 235].

«11-го марта 1801 года совершилось злодеяние, по гнусности и отвратительности, которое превосходит лишь то, что было совершено 17-го июля 1918 года в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Иллюминаты торжествовали победу и на другой день после убийства круглые шляпы и фражки появились на улицах Санкт-Петербурга. Народ, говоря словами Пушкина, безмолствовал. Август Коцебу рассказывает, что когда офицеры говорили солдатам: «радуйтесь братцы, тиран умер» – то они отвечали: «для нас он был не тиран, а отец» [74].

«Идеалом государыни Александры Феодоровны (супруги императора Николая II) был царь, любящий народ. Государыня считала, что царем-народолюбцем, который пал жертвой любви своей к крестьянству, царем-великомучеником, достойным сопричтения к лику официальных святых Православной Церкви, был император Павел Первый. Государыня была главным инициатором начавшегося еще перед войной культа императора Павла Петровича. Инициатива государыни нашла горячий отклик в среде верующих, которые вместе с императрицей Александрой Феодоровной считали Павла «мужицким царем» и великомучеником, убитым за свой народ»¹⁰.

«Убийством имп. Павла закончилась серия дворцовых переворотов болезненного и казалось бы, опасного для системы монархии XVIII в. Но биологически нужная имперски растущему организму обширного и разноплеменного государства русская военно-монархическая власть, устояла и обеспечила России и Русской Церкви еще новый век неудержимого развития и даже расцвета, несмотря на ги-

гантские трудности преодоления таких органических дефектов, как крепостное рабство и сословное неравенство» [67 с. 391].

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I

« – Что ждет преемника моего, цесаревича Александра? – спрашивал некогда у прозорливого монаха Авеля император Павел.

– Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и благословенным наречется. Но невоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет в очах Божиих... » [73].

Можно сказать, что история царствования Александра I – это история пребывания пророка Даниила во рву со львами и змеями, когда он был охраняем ангелами Божьими. Царь был храним молитвами праведников Церкви и думал о возвеличивании русской державы, а большинство царского окружения в это время составляло планы по окатоличиванию и развалу страны. Враги работали с завидной энергией и энтузиазмом во всех направлениях. Воспитанное французами-католиками и масонами поколение вступало в силу, внося смуту и нестроения во все слои общества.

Но процесс революционных брожений на Руси шел не так быстро, как того хотелось творцам катаклизмов, да и папа римский во многом был недоволен ограничением своего влияния на потенциальную русскую паству, хотелось ускорить процесс. Катализатором стал Наполеон, собравший «дванадесять языков» и двинувший их в привычном западу направлении – на восток. Однако тут-то враги Руси и просчитались, война дала обратный эффект, духовенство подвигло русский народ на защиту Церкви и Отечества, часть интеллигенции прозрела, часть погибла, искупая кровью грехи юности, и Русь возродилась, вновь почувствовав опору в Православной вере и ее неодолимости.

Однако торжествовать победу было еще рано: император воевал непереставая с внутренними врагами и в самой стране, и за рубежом, и в самом госаппарате – не так про-

сто было одолеть засилье латинян в умах и сердцах доброй половины русской знати, воспитанной французскими гувернерами. Масоны были на службе у папы римского, или католицизм работал на масонов, но однозначно – именно из Ватикана шли нити всех заговоров и интриг против России...

Как уже говорилось, еще в правление Екатерины II иезуиты сумели расширить свою пропаганду в Петербурге, а в 1801 г. они основали там училище с храмом св. Екатерины. Латинству потребовалось более ста лет кропотливой подпольной работы, чтобы вновь проникнуть на Русь, делая подкоп под Православие.

«В начале 1803 г. при Петербургской коллегии в новостроенном Иезуитском доме был открыт Благородный пансион для воспитания детей русской аристократии. В 1805 г. в пансионе было 56 воспитанников – Голицыны, Толстые, Гагарины, Пушкины, Ростопчины, Шуваловы, Кутузовы, Вяземские, Северины, Строгановы, Новосильцевы, Одоевские, Рюмины, Каменские, Глинки.

С середины 1810-х годов начинаются конфликты руководства страны с иезуитами. Усилились протесты и православного духовенства против деятельности иезуитов в России. Большой толчок к этому сделал указ 12 января 1812 г., который возвел Полоцкую коллегию иезуитов в степень академии. Все преимущества положения иезуитов были ими употреблены для той пропаганды католичества, которая им воспрещалась. Проводимая в разных местностях и различных кругах общества, эта пропаганда имела наибольший успех в высшем петербургском и московском обществе, где целый ряд лиц был обращен иезуитами в католичество (например, кн. Одоевский, кн. А. Ф. Голицын, кн. Голицына, гр. Ростопчина, Ек. Толстая и другие). Обратило на себя внимание правительства и активное миссионерство иезуитов в Белоруссии и Польше. Указом 20 декабря 1815 г., после обращения в католичество племянника А. Ф. Голицына, был издан указ «О высылках всех иезуитского ордена монахов из Санкт-Петербурга» [71].

«Развитие латинской пропаганды вынудило Александра I удалить в 1815 г. орден иезуитов из С. – Петербурга в Белоруссию. Там, в Полоцке, иезуиты имели свою ака-

демию, а кроме того, немалое число школ и монастырей в Орше, Витебске и Динабурге, где велась их антирусская работа. Александр I упорно и великодушно мечтал о восстановлении Польши как суверенного государства. *(И это не удивительно: присоединив Польшу, Россия подцепила раковую опухоль папизма и иудаизма, которая стала расползаться метастазами по всеу телу государства, несмотря на решительные меры правительства. Подорванный вековым масонским просвещением иммунитет народного организма России практически не сопротивлялся. Это была мина замедленного действия, взрыв которой удалось оттянуть еще на сто лет. Жители черты оседлости всеми правдами и неправдами стали распространяться по стране, налаживая агентурную сеть для будущих революционеров и организовывая новый российский криминал. До этого времени Россия не знала проблемы «организованной преступности», соловьи-разбойники и грабежи на больших дорогах были достоянием смутных времен.)*

Главным доверенным Александра Павловича в польских делах долгое время был поляк – кн. Адам Чарторийский. Долголетний друг государя, он сделался даже русским министром иностранных дел и, наконец, попечителем Виленского учебного округа для западных русских губерний! Однако Чарторийский использовал доверие государя в интересах польских шовинистов и латинства. В порученных его попечению округах он сумел не только подготовить почву для восстания 1830 г., но и втайне всячески поощрять униатство в ущерб Православию» [17 с. 363].

«Александр I стремился в отношениях с Римом примирить и согласовать противоположные начала и сталкивающиеся интересы: «Важно установить для римского эгоизма твердые пределы, т.к. Ватикан создает разного рода учреждения и правила, которые часто не допускают примирений с другими началами. Поэтому государь должен сам исходить из понятия, что полезно для его подчиненных, не спрашивая одобрения у Рима».

С августа 1804 г. архиепископу могилевскому предписывалось управлять российскими католиками без каких-либо отношений с папой римским. Ватикан стремился сохранить влияние на российских католиков через мона-

стыри. Российская власть стремилась создать и собственную систему образования католиков, отдельную от Рима. В 1816 г. российские власти издали распоряжение о статусе римско-католического духовенства: «Переписка римско-католического духовенства с папой возможна только через правительство; папские бумаги не могут быть обнародованы без разрешения правительства; католическое духовенство может пользоваться той земельной собственностью, которая у него была до присоединения к России». Также оговаривались условия поступления в монашество. «Каждый монастырь должен иметь не менее 12 монахов и достаточное количество средств на свое содержание; каждый желающий стать монахом обязан был выдержать испытание у епископа на знание канонов; новициев (послушников) могли принимать только с 24 лет».

6 марта 1817 г. Главным управлением духовных дел разных исповеданий учреждается комиссия для надзора за римско-католическим духовенством и его имуществом. Католическое духовенство впервые подчинили судебной, административной и полицейской власти. Все назначения и отчеты о финансово-хозяйственной деятельности должны были проходить через комиссию для надзора.

Римско-католическое духовенство всячески препятствовало введению в силу указа 1817 г., настаивая на том, что данный документ не внесен в реестр законов и поэтому не имеет обязательной силы; монашеские обеты по решению Тридентского собора можно исполнять с 16 лет; епископы могут вмешиваться в дела монашескующей братии только в качестве делегатов римского престола – иначе они подвергались проклятию согласно булле папы Пия IV от 1564 г. В ответ МВД выпустило постановление, по которому любое перемещение монахов из монастырей можно было производить только после согласования с МВД, а назначения настоятелей монастырей должны были проводить епархиальные начальники, а не руководители ордена. После чего сопротивление указу 1817 г. со стороны римско-католического духовенства в России прекратилось» [71].

Хотя в царствование Александра Павловича в отношении католиков и принимались сдерживающие меры, зато масонство переживало свой расцвет. Подавленный семей-

ной трагедией Александр I в начале своего правления находился в тяжелом положении. Конечно, главные убийцы императора Павла были удалены от царского двора сторонниками императрицы-матери, которая неумолимо преследовала виновников смерти мужа, но в окружении царя оставались другие масоны, творившие беззакония за его спиной.

Многие из представителей интеллигенции жили весьма недурно, печатали противоположительственные сочинения и бесконечно жаловались на тиранию царизма, на деспотию власти. Сами же при этом со спокойной совестью планировали зарезать в случае прихода к власти кто 100 000 человек, кто больше. Даже Белинский бредил гильотиной и горой отрубленных голов. Хотя на деле масоны, из числа приближенных царю, постоянно представляли ему масонство как безобидное и необходимое государству общество.

Насколько деятельны были масоны в распространении своего учения, можно судить по тому влиянию, которое они оказывали даже на некоторых лиц из духовного сословия. Ярким примером такой обработки умов является жизнь и деятельность М. М. Сперанского. Именно в Духовной Академии Сперанский от преподавателей-масонов и познакомился с пагубными идеями французских безбожников и стал злейшим врагом Православия и Самодержавия, вполне оправдав надежды своих воспитателей. Масонская паутина постепенно опутывала все высшее русское общество...

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

В 1812 году наступил черед новой кампании темных сил – нашествие двенадцати языков хлынуло саранчой на Святую Русь. Ночью 12.06.1812 года (по новому стилю – 25.06) войска Наполеона переправились через р. Неман, началась Отечественная война. Так спустя 129 лет Гитлер спланировал нападение на Россию буквально день в день – видимо, творцам катаклизмов нужно было соблюсти мистический ритуал, магия цифр имеет свое значение в каббале. Тут-то враги и просчитались, наступив на те же грабли, как Наполеона погнали наши с Божией помощью, так по-

том и Гитлера. Господь попускает войны для оздоровления общества, когда народ сплачивается перед лицом общей беды, люди вспоминают о Боге, начинают каяться, молиться, прощать друг другу, в боях пролитием крови очищаются грехи...

Главным союзником Наполеона в борьбе с Европой и Россией было масонство, которое создало и его, и революцию. Он одерживал победы в европейских странах не потому, что был «гениальный» полководец, а потому, что везде имел преданных союзников. Деятельную и энергичную помощь Наполеону оказывали братья-каменщики. Революционным армиям Наполеона сдавались без единого выстрела крепости с вооруженными до зубов гарнизонами. Французская революционная армия приходила на готовое: общество не сопротивлялось, а ждало и приветствовало. «Нам казалось, что, перейдя границу, мы не покидали родины», – писали комиссары Конвента.

Но Россия не Европа, и глава Церкви не папа римский, а Христос Господь. Не сильны были в богословии ни Бонапарт, ни Фридрих Прусский, ни Гитлер – это-то их и сгубило. Зная, что Господь оставил обетование о том, что и врата адовы не одолеют Православной Церкви, а поэтому и носитель этой истинной веры – русский народ – неодолим, завоевателям можно было не тратить силы напрасно. Но, конечно, враги шли на Русь не сами – их гнал на это хозяин из преисподней, которому они загодя продали свои души за славу и богатства тленного мира. (Можно сомневаться за давностью лет разным таинственным легендам про Наполеона, но вот что Гитлер подписал собственной кровью договор с сатаной, – об этом писали даже советские историки, недаром он из множества покушений выходил невредимым: бесы берегли его до окончания договорных сроков).

«Что такое история Запада, начавшаяся с Карла Великого и завершающаяся на наших глазах? Это история узурпированной империи. Папа, восстав против Вселенской Церкви, узурпировал права империи, которые поделил, как добычу, с так называемым императором Запада... Наполеон ознаменовал последнюю отчаянную попытку Запада создать себе местную власть; попытка эта провалилась, ибо невозможно было извлечь власть из революционного

принципа. Впрочем, в ходе своих завоеваний, в которых Наполеон как масонский лидер играл роль «еврейского мессии», он решил захватить именно духовную столицу Третьего Рима – Москву, а не Санкт-Петербург, намереваясь в ней короноваться как «император Вселенной»¹¹.

«... Русские якобинцы ждали Наполеона как силу, которая сломит остатки самодержавной власти Александра I и утвердит конституционный образ правления, о котором русская аристократия не переставала мечтать со времени смерти Петра I. Русские масоны и «прогрессивно» мыслящие военные еще во время нашествия Наполеона готовы были изменить русскому царю, как это они сделали спустя сто лет в 1917 году во время войны с Германией. В. И. Бакунина во время Отечественной войны пишет своей подруге, что есть немало лиц, ждущих победы Наполеона: «Наполеон слишком хорошо обо всем осведомлен. Вот еще несчастье для России – иметь столько предателей. Их подозревают, но боятся еще называть».

Она же сообщает о генерал-губернаторе Москвы графе Ростопчине: «Не могу не сказать вам несколько слов о гр. Ростопчине, который замечательно ведет себя в Москве. Все обожают его за его популярность, он так умело и так умно себя ведет, что не оставляет ничего желать. Однажды ему доложили, что одна известная владелица модного магазина держала весьма вольные речи и не говорила ни о чем ином, как о предстоящем приходе Бонапарта, о свободе, которую он дарует всем, и пр. Эти слова были доложены гр. Ростопчину, который с трудом поверил им, так как эта женщина, всем известная и очень богатая, рисковала все потерять. Тем не менее он ее вызвал, спросил ее, неужели она держала подобные речи. Она, ничуть не смущаясь, подтвердила. Он тогда спросил ее, раз она так уверена в его приходе в Москву, какой дорогой придет он. «Можайской, граф». «Можайской? Хорошо же, чтобы достойно принять его, сударыня, будьте так добры поддерживать ее в порядке и чистоте». Она попробовала было сопротивляться, но он присудил ее к неделе работы. Она попросила у него позволения переодеться. Он сказал: «Нет, сударыня, я слишком вежлив, чтобы заставить вас снять ваше нарядное платье и причинить вам это затруднение. Именно в этом наряде,

в сопровождении двух драгун, вы отправитесь на шоссе». Когда кн. Голицына явилась к нему просить за эту женщину, он сказал ей, что это невозможно, но что, раз княгиня так уж за нее заступается, он разрешит ей присоединиться к ней».

Наполеон хотел разбить поодиночке русские армии и остановиться на зимовку в Москве. В ней Наполеон нашел бы нужное ему количество предателей из числа русских масонов и якобинцев, из которых смог бы создать правительство для захваченной им территории. Граф Ростопчин, также несправедливо оклеветанный историками, как и граф Аракчеев, писал: «Трудно найти в России половину Пожарского, но целые сотни есть готовых идти по стопам Робеспьера и Сантера».

Масонам французской ориентации необходимо было во что бы то ни стало удалить Барклая. Дело было в том, что «немец» Барклай, принадлежавший к давно уже обрусевшей немецкой семье, примыкал к... «русской партии», возглавляемой Аракчеевым. Барклая необходимо было оклеветать, и во что бы то ни стало, добиться его удаления с поста главнокомандующего и поставить «своего». Этого удалось добиться. Барклай был смещен и на его место назначен Кутузов. «Бородинское сражение, – утверждает Керсновский в «Истории русской армии», – оказалось преждевременным. С ним поторопились на два месяца. Его следовало дать в конце октября, когда французская армия была в достаточной степени подточена изнутри. Имей Кутузов тогда в строю те десятки тысяч, что погибли бесцельно в бородинском бою, будь жив Багратион – генеральное сражение было дано где-нибудь под Вязьмой – и тогда не ушел бы ни один француз, а Наполеон отдал бы свою шпагу Платову...».

Масоны Александровской эпохи в своих воспоминаниях всячески стараются очернить действия Ростопчина. Издеваются над издаваемыми им листовками для народа, которыми он старался поднять патриотический дух, подчеркивают непоследовательность его действий. Но никто из современников не желает установить связь между «непоследовательностью» Ростопчина и непоследовательностью Кутузова. Кутузов сначала сообщил Ростопчину, что будет защищать Москву, а потом решил ее сдать без боя.

«Граф Ростопчин получил уведомление о намерении Кутузова отдать Москву без боя за несколько часов до появления французов в виду города». «Если вы Москву оставите, она запылает за вами, – сказал Ростопчин Ермолову незадолго до ее оставления русскими войсками». И Ростопчин сдержал свое слово.

Москву необходимо было сдать в таком состоянии, чтобы Наполеон не смог найти ни продовольствия, ни жилищ, ни населения, среди которых он мог бы обрести «бояр» для создания угодливого ему «русского правительства». Должна быть сдана не Москва, а развалины Москвы. Это понимали многие. Должен бы, казалось, понимать это и Кутузов, но из-за его странного поведения, Москва чуть не досталась Наполеону целой и невредимой. Принудив жителей Москвы покинуть ее, Ростопчин устранил опасность превращения ее в очаг измены и предательства – Москва должна стать могилой для Наполеоновской армии. Если бы не решительность Ростопчина, заставившего покинуть большинство населения Москвы и поджегшего ее, то Наполеон получил бы в свое распоряжение нетронутую Москву, с большим количеством запасов. Вот Наполеон входит в Москву, к нему являются русские масоны и якобинцы и он создает из них покорное «побежденное русское правительство», но благодаря героическим мерам, предпринятым графом Ростопчиным, разгадавшим политический замысел Наполеона и русских масонов, им не удалось выполнить свой план» [75].

«Русское купечество в 1812 году выявило себя верными сынами родины. Многие купцы жертвовали на национальное дело защиты отечества целые состояния. Лучшая часть дворянства, не зараженная масонством, сохранила верность Государю и Родине. Пожар Москвы и издевательства французов над русским народом, особенно превращение Успенского собора в конюшню, и остальные кощунства породили самое сильное негодование в сердцах всех достойных русских людей. Война стала народной» [68 с. 269].

«Расставив по Арбату виселицы, разместив в церквях конюшни, взорвав восемь башен Кремля, евроцивилизаторы ограбили город буквально до нитки, сняв не только старинные колокола, но и сорвав позолоченные кресты с

куполов. К французскому императору и его мародёрской швали подошло 3 тыс. кавалеристов. Их лошади позже оказались единственным продуктом питания. В это время, как и в Великую Отечественную, к Москве подтянулись наши многочисленные регулярные и иррегулярные полки. Когда захватчики плавил в наших храмах золото и серебро в слитках, установив тигли прямо в церквях, можно было легко устроить им сценарий 1612 года (поляки так же были среди оккупантов наполеоновской армии, разграбив всю Таганку, Рогожку и Симоновку), т.е. блокаду. Но Кутузов в это время настаивал на отходе даже не в Тарутинский лагерь, а строго на юго-восток, только его начальник штаба с патриотами-генералами (которые в Филях голосовали против оставления Москвы и даже за атаку) сделали все так, чтобы предатель не мешал.

Из почти полностью сожжённой и осквернённой Москвы, по оценкам разных источников, было вывезено драгоценных металлов и камней по весу (в современных ценах) на сумму порядка 20 млрд долларов. Но можно ли по весу оценить переплавленный скипетр Рюриковичей? В сегодняшней Оружейной палате от периода Рюриковичей практически ничего не осталось... С Благовещенского собора сняли покрытия куполов из чистого золота толщиной почти в сантиметр и переплавили в слитки прямо в Успенском соборе, ободрали весь Кремль (утраты задокументированы до грамма) – и собрали так называемый 1-й Золотой обоз. Всего Золотых было два, один был Железный, в котором были такие уникальные недргоценные артефакты нашей Русской истории, как настоящие доспехи Александра Невского, первый Новый завет в России и прочие. Всё, что собирала Православная Русь, оккупанты утратили при своём жалком бегстве.

Кутузов долго тянулся параллельно чуть южнее с войсками числом свыше 150 тысяч, разрешив лишь казакам в нескольких десятках человек пощипывать полумёртвых от холода и тяжести награбленного представителей европейской цивилизации. Войска на марше имеют слабую развёртываемость для боя. Мы имели шанс прекратить войну разом и вернуть большую часть украденного. И тогда бы русские войска не теряли бы наших солдат и офицеров при

взятии Парижа, а потом не выбирались оттуда морем (!), продав всех лошадей, чтобы оплатить дорогу назад.

В масонском обществе Кутузов занимал высокое место у кормила ордена и постоянно был его опорой. Не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства в свой черед способствовала назначению кн. Кутузова предводителем наших вооруженных сил». Чрезвычайно подзрительна масонская панихида устроенная масонами после смерти Кутузова. Подобные устраиваются только после смерти масонов, оказавших большие услуги ордену. Разве это русский обычай – вынимать из человека сердце, похоронив его отдельно, а тело отвезти в имение, где и провести погребальный обряд? А с Кутузовым так и случилось. По их обряду» [75].

«Восстановив справедливость в Европе, Россия тогда не воспользовалась своей победой для грабежа европейских стран и отторжения их территорий, а всячески способствовала созданию «Священного Союза» для защиты европейских монархий. Внутри же России воздействие этой войны было очень благотворным, повлияв на национальное сплочение общества, а также на охлаждение высших слоев к европейскому «прогрессивному» духу и масонству. Западнические воззрения стали изживаться, вскоре возникло и стало крепнуть течение «славянофилов». Как точно позже сказал о значении этой войны свт. Феофан Затворник: «Припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и помиловал Бог ее»¹².

В конечном итоге более всех подмоченной оказалась репутация римского папы, благословившего этот новый крестовый поход. Причем, как оказалось, на папу работали и сатанисты-масоны, и «независимые» от него англикане, и протестантские правители. И всему этому сброду русские императоры бросили вызов – объединенная Европа под контролем могучего православного монарха и проповедь истинной веры, любви и всепрощения. Русский император Александр, достойный своего имени и великого предшественника Александра Невского, как защитник и освободитель Православия въехал в Париж, на центральной пло-

щади которого был отслужен православным духовенством благодарственный победный молебен.

Государи наши жили и руководствовались теми же идеалами Православия, что и глубоко верующий их народ, с древних лет прежде всего искавший Правды Божьей на земле. Особенно ощущалось это духовное единение в дни тяжких испытаний для России, когда, минуя всякое вредное средостение, русский царь имел возможность непосредственно соприкасаться с народом. Способствовали этому столь ценному контакту и походы, в которых царь не раз принимал участие вместе с войсками. Ведь в солдатских массах жил тот же дух, что в народе.

Суворов лучше других своих современников понял и оценил те несравнимые ни с какими другими народами качества русского воина. Гениальный полководец, победам которого завидовал сам Наполеон, был прежде всего ревностным и искренним верующим. Все его заветы и лозунги, столь родные для русского воинства, были проникнуты горячей верой. В отличие от многих европейских войск, христолюбивое воинство русское, воспитанное Суворовым, славилось также своим милосердием к гражданскому населению вражеских стран, своим добродушием и отзывчивостью.

Не забудем, что среди корифеев Конвента находились и такие ренегаты из латинского духовенства, как еп. Талейран, с которым так сблизился Наполеон, иезуит Серутти, монах-сулпцианец Фушэ — долголетний наполеоновский министр полиции и др. Оставаясь в душе сыном революции, Наполеон приказал папе себя короновать в Нотр-Дам, в подражание Карлу Великому. Это не помешало ему цинично заявлять впоследствии: «Став католиком, я выиграл в Вандее; став мусульманином, я завладел Египтом, а если бы я царствовал над евреями, то я бы отстроил заново храм Соломона». Император Запада созвал в Париже в феврале 1807 г. «великий синедрион», впервые (о котором мы знаем) за 15 веков, из виднейших еврейских законоучителей, рассчитывая благодаря этому приобрести влияние на мировое еврейство.

Победитель его, Александр I, отнесся к побежденному и его государству с христианским благородством. Встречен-

ный в Париже как избавитель, русский царь приказал своим войскам не только не обижать населения, но и довольствоваться походной кухней. Благодаря ему Франция избежала расчленения. Тут же, в центре Парижа, пораженные короли и союзные принцы с изумлением присутствовали при необыкновенном для них зрелище: могущественный царь после парада своих победоносных войск горячо молился вместе с солдатами на молебне, а затем, подойдя ко кресту, он поцеловал руку скромного полкового священника.

Александр I стал единственным заступником перед Европой за семью Бонапарта, выхлопотав пенсию ее членам, а Наполеону предложив достойное убежище в России. Ему же, несмотря на резкую оппозицию всех государей и самого Талейрана, Наполеон был обязан своей почетной и незаслуженно милостивой ссылкой на остров Эльбу. Не довольствуясь, однако, умиротворением столь обязанной ему Европы, Александр I пожелал закрепить еще этот мир навеки. Какие бы ни были влияния на русского государя, ставшего кумиром Европы и арбитром ее судеб, в душе он оставался тем же глубоко верующим христианином, какого воспитали Павел Петрович и его мудрый наставник – Московский митрополит Платон (Левшин). Государь счел своим долгом утвердить мир в Европе единственно верным путем – по-христиански.

Так, недавно вовлеченная Петром I в европейскую политику, Российская империя – духовная наследница Византийских традиций – в начале XIX в. дошла до принципа христианизации международных отношений. Другими словами, через Александра I впервые Западная Европа соприкоснулась с православным мировоззрением на организацию общества, ищущим, прежде всего, правды Божьей. Таким образом, принцип «Священного союза», задуманного государем еще в 1804 г., явился антитезой губительной материалистической утопии революции 1789 г., соблазнившей современный мир ложью мишурного равенства и псевдосвободы. Еще больше, конечно, разнится «Священный союз» от последующих Лиг Наций, УНО и пр. говорилен, основанных на принципах так называемого «естественного права», или юридического равенства людей, как это провозгласил Версальский пакт Лиги Наций, исходящий из

идей все той же Французской революции. Не абсолютизм, а отеческое правление христианских государей должно было стать принципом внутренней и внешней государственной политики европейских стран.

Отметим, что благородный почин русского государя встретил подобающий западной психологии отклик: австрийский император Франц-Иосиф отнесся к Акту скептически, заявив: «Если это документ религиозный, то это дело моего духовника; если политический – то Меттерниха». Бесстрастный формалист – Фридрих-Вильгельм подписал «акт», дабы доставить удовольствие Александру, воскресителю Пруссии; а вольнодумец Людовик XVIII – чтобы поставить Францию на уровень стран-победительниц.

Таким образом, только русские императоры Александр I и Николай I, одни в поглощенной чисто материалистическими интересами Европе, сочли себя обязанными руководствоваться этим Актом! Оставив в стороне вытекшие из этого политические последствия, невыгодные для России, подчеркнем высокий идеализм этих государей, достойных сынов Павла Петровича и, волею судеб, последних палладинов Европы... Благодаря им «Священный Союз» не превратился для России в «клочок бумаги», подобно стольким последующим пактам и договорам, и память о нем для грядущих поколений останется, как о честной попытке оградить мир от нависших над ним темных сил именем Пресвятой и Нераздельной Троицы. Акт «Священного Союза» выразил непреклонную веру Русской Православной державы в Божественную Правду, возвещенную Евангелием, без которой не может созидаться ничего прочного на земле. На бескорыстный идеализм этих государей союзники и прочие западные правители не замедлили ответить черствейшей неблагодарностью и ненавистью. Это вполне соответствовало планам темных сил, для которых русский император – помазанник Божий – являлся главной помехой на путях дезорганизации и ослабления христианского мира [17 с. 373].

Наступала эпоха русских императоров Александров – защитников и Николаев – победителей, эпоха небывалого победного шествия Православия и небывалых гонений на его последователей, эпоха, предшествующая апокалиптическому Армагеддону. И полем этой битвы была Россия.

БОРЬБА ЗА ДУШИ

Итак, Отечественная война окончилась блестящей победой. Однако внутренние враги не сложили оружия – вместо того, чтобы покаяться в предательстве, высшее общество продолжило свою преступную подрывную деятельность. Еще во время войны стали открываться новые ложи, масонов становилось все больше, особенно среди иностранцев, нахлынувших в Россию из Франции, Германии, Англии. В ряды масонства помимо аристократии стали приниматься купцы, чиновники, врачи, артисты и служащие.

Сам император находился в постоянном давлении со стороны масонского окружения, которое представляло многие вещи в своей интерпретации. Так, например, по ходатайству князя Голицына Александр I разрешил открытие в 1814 году Библейского общества. (Библейское Общество, основанное в 1804 году в Англии методистами и масонами, проникло и в Россию, где к 1823 году существовало уже 300 таких обществ). Царь откликнулся на это дело с чувством глубокой веры и желанием содействовать духовному просвещению народа. Но истиной целью этого общества было богоборчество и развал государства. Ничто не ново – именно так, с книгопечатания и кружка «боголюбцев», начинали за 200 лет до этого раскол Русской Церкви жидовствующие еретики.

Издание Библии было лишь удобной ширмой для конспирации и выкачивания на «благие нужды» государственных денег. Библейские общества стали вести устную проповедь и издавать книги, направленные против религии и государственного порядка. В 1824 году появилось «богохульное толкование Евангелия», которое открыто призывало к бунту против Церкви и престола. Кроме издания книг, через общество шла иноземная религиозная пропаганда. По вызову масона Сперанского приехал сам папа масонства Фесслер, который и руководил работой по разрушению Православной Церкви, кроме него активно вели проповедь два католических священника из Южной Германии, да и прочих агентов латинства хватало.

«Мистицизм в лице сильных библейских деятелей покровительствовал всевозможным сектам и являвшимся

из Европы учителям. Русские мистики совершали умную молитву с приезжавшими в Россию квакерами, окружали кафедры приезжих проповедников Линдля и Госнера, слушали мистическую пророчицу, остзейскую баронессу Кюрднер, восторгались учением духоборцев, братались и с хлыстами, распевая их песни и отплясывая на радениях в странном обществе некоей г-жи Татариновой. Мистическое увлечение сделалось какой-то повальной болезнью русского общества, отражалось и в литературе, и в искусстве, проникло в учебные заведения, в университеты, где своей враждой к «лжеименному разуму» едва не убило первых зародышей русской науки, отразилось даже в духовной литературе, например, в статьях Христианского чтения 1821–1823 гг.

В некоторых салонах Москвы и Петербурга, у кн. С. Мещерской, известной изданием множества мистических брошюр, кн. А. Голицыной и других приверженцы мистицизма открыли собрания для «умной» молитвы и слушания разных экзальтированных проповедников. Большинство этого люда вовсе не понимало мистицизма, сумасшестввовало из одного подражания и от нечего делать, но это нисколько не мешало ему питать самое гордое презрение к «внешней церкви» и относиться с грубым фанатизмом ко всем несогласным, и особенно к своим обличителям. Во время двойного министерства Голицына за противодействие мистицизму был лишен должности некто Смирнов, переводчик медицинской академии, обратившийся к государю с просьбой о дозволении печатать опровержения на мистические книги.

В 1818 г. духовный цензор, ректор петербургской семинарии Иннокентий восстал против Сионского Вестника и добился-таки его прекращения, затем пропустил в печать противомистическое сочинение; министр Голицын страшно рассердился на него за такую дерзость. Иннокентий был удален из Петербурга епископом в Пензу. Жертвой мистицизма был, как известно, и сам митр. Амвросий. Преемник его Михаил не сделался жертвой лишь потому, что после своей жалобы «на слепотствующего министра» вскоре скончался. Господство мистицизма прекратилось вместе с господством Голицына и библейского общества» [64 с. 345].

Несмотря на положение государственной религии, Православие в начале века было притесняемо со стороны светского общества. Император был практически недоступен, находясь в плотной масонской блокаде, умело изолировавшей его от простого народа и духовенства. Когда многие церковные иерархи не могли донести до царя всю горькую правду происходящего, Господь воздвиг на защиту веры простого чернеца. По благословению митрополита Филарета, посвященный им архимандрит Фотий, пламенный ревнитель благочестия, которого либеральная история охарактеризовала позднее в самом отрицательном свете, сумел добиться аудиенции у императора и открыть ему глаза на творимые за его спиной беззакония. Архимандрита Фотия поддерживала графиня Анна Орлова, с помощью которой он неоднократно встречался лично с царем, предупреждая об опасности, грозившей России со стороны масонов.

Особенно Фотий противился Библейскому Обществу, обличая перед царем его пагубное влияние и настаивая на закрытии этого масонского детища. Под влиянием Фотия появился рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея от 1 августа 1822 года, которым было повелено закрыть все тайные общества, в том числе и масонские ложи, и не позволять их открытия вновь. После секретной встречи 20 апреля 1824 года императора Александра с архимандритом Фотием, последовало упразднение министерства духовных дел, столь вредного для Православной Церкви. В конечном итоге Фотия оклеветали, и ревностный архимандрит был переведен из Петербурга на должность настоятеля древнего Юрьева монастыря в Великом Новгороде, который благодаря ему получил свое второе рождение. Также влиянием архимандрита Фотия и через него митрополита Филарета объясняются затем и дальнейшие поступки императора Александра, в том числе, его тайный уход с престола и подвижническая жизнь в Сибири.

«Незадолго до своей, во многом загадочной, смерти император Александр Первый побывал и в Саровской Пустыни у преподобного Серафима. Они пробыли вдвоем в уединенной беседе часа два-три. Когда они вместе вышли из кельи, и посетитель отошел уже от крыльца, старец сказал ему вслед: «Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил».

Император еще задолго до своего удаления в Таганрог не чувствовал себя счастливым на престоле и тяготился своим положением, и нет ничего невероятного, что он исполнил свое давнишнее намерение и оставил престол. Но удалился он не в какой-нибудь уголок Европы, чтобы безмятежно наслаждаться добром, утвержденным в Отечестве, как мечтал в юности, а в далекую, холодную, неприютную Сибирь, чтобы долгим тяжелым подвигом добровольного отшельничества искупить свои вольные и невольные прегрешения. Приходят на память слова, сказанные Александром Павловичем после вторжения в Россию полчищ Наполеона: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подпишу стыд моего Отечества и добрых моих подданных» [73].

ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ

«... Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его. Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся со своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа. И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» [76] – писал великий русский писатель Николай Гоголь, которого масонствующие современники посчитали сумасшедшим за эти письма...

В начале XIX века последовал «переход знатных масонов в католицизм» [77 с. 154]. И это было неспроста: именно католицизм характеризуется той оккультной атмосферой, которой насыщено все масонское сообщество, они служат одному богу – маммоне. Поэтому именно воинствующее латинство отвечало нравственным запросам масонских революционеров, жаждавших жертв и крови. Православная вера имеет вложенный от Бога иммунитет против ересей и расколов – те, кто хотят идти легким широким путем – сами от нее отпадают, а Истина остается неоскверненной. Так и

многие представители русской аристократии, вступив в масонство (т.е. принеся присягу сатане) сами не выдерживали Божественной благодати, пребывающей в Православии и уходили кто в католицизм, кто в протестантизм, кто вообще в открытое сектантство и оккультизм. Благодать по-паляет все нечистое и скверное, поэтому масонствующая интеллигенция и отпадала от истинной Христовой Церкви, оправдывая себя в глазах общества «поисками разума».

Декабрьские события 1825 года являлись хорошо подготовленным актом, плодом неутомимой деятельности внешних и внутренних врагов нашей державы. Обид у них накопилось немало – и окончательная высылка иезуитов из России в 1820 году, и запрет на деятельность масонских организации в 1822, и закрытие Библейского общества в 1824 – куда уж дальше, все долголетние плоды летели под откос, поэтому было решено действовать незамедлительно. Всеми событиями руководил тайный масонский центр из Англии, которая была заинтересована в ослаблении политического роста России. След английских интриг прослеживается еще со времен Иоанна IV.

«Если бы декабристы победили, Пестель так же неизбежно победил бы Муравьева-Апостола, как в октябре 1917 года Ленин победил Керенского. Один из иностранных дипломатов – Сен-Приест, писал, что подавив восстание декабристов, Николай спас не только Россию, но и Европу, еще не изжившую страшные последствия французской революции: «Революция здесь была бы ужасна. Вопрос не в замене одного императора другим, но переворот всего социального строя, от которого вся Европа покрылась бы развалинами». И это совершенно верный вывод. Пестель, Каховский, Якубович, были не единственные из декабристов, готовые пойти на убийство царской семьи.

Большевики, расстреляв в Екатеринбурге всю царскую семью привели в исполнение только «наиболее гуманный способ цареубийства», который замыслили декабристы. Декабрист Н. Оржицкий «выражал желание особым способом расправиться с царствующим домом – во избежание излишних затрат на многие виселицы возвести одну «экономическую», достаточно высокую, на которой повесить царя и великих князей «одного к ногам другого». Вариан-

том этого предложения было – повесить всех на высокой корабельной мачте».

Заговорщики Второй армии с ноября 1825 года вели пропаганду среди солдат о необходимости похода на Москву, убийства всей царской семьи и даровании воли всему народу. Солдаты полка, который вел Муравьев, за сутки в Василькове выпили 184 ведра вина (на 1.000 человек). «Я имел случай, – пишет граф Буальконт, – видеть список русских масонов: в нем было около десяти тысяч имен, принадлежащих к десяти-двенадцати ложам Петербурга. В громадном большинстве это были офицеры.

Если бы это восстание не было подавлено, декабристы, как и большевики пролили бы реки русской крови. В результате разгрома декабристского восстания мы имели только пять трупов и несколько десятков сосланных. А если бы победили декабристы, а затем бар-декабристов смела бы разбушевавшаяся народная стихия, то мы в 1825 году имели бы не пять трупов, а может быть, и пять миллионов, в Смутное время XVII-го столетия погибла ведь половина населения России» [77 с. 254].

«И тут впервые проявилось благородство государя, столь оклеветанного перед историей. Вместо примерной, суровой казни, заслуженной этими изуверами только пять человек были казнены. Другие были отправлены на поселение в Сибирь, где их житье поражает нас своим комфортом, если сравнить его с тогдашними французскими острогами на Острове дьявола или английской каторгой на Гвиане, не говоря уже о немецких и советских концлагерях. Несмотря на это, интеллигенция и западные писатели сделали из них... мучеников!» [17 с. 373].

Налицо была сатанинская вакханалия, в которую пытались втянуть страну, но жив был тогда прп. Серафим Саровский и множество других ведомых и неведомых подвижников, молившихся за государя и Русь. Не вышли тогда еще времена и сроки. Творцы катаклизмов взяли свое спустя столетие, при другом императоре Николае... Масоны хотели принести царя в жертву своей революции, но русский царь – император Александр опередил их – он сам принес себя в жертву за народ, тайно уйдя с престола молиться за Русь. Не эта ли богоугодная жертва была причиной провала

всех масонских начинаний и бурного возрождения патриотизма и духовности в царствование императора Николая I?

ЦАРСТВЕННОЕ МИССИОНЕРСТВО

Возвращаясь немного назад, следует отметить, что Россия никогда, несмотря на свои внутренние и внешние проблемы, не забывала о своих православных единоверцах. Только в силу обстоятельств не всегда удавалось оказывать материальную или военную помощь, но постоянно – молитвенное предстательство. «В XVIII в., в эпоху Петра I, грузинскому царю Вахтангу VI удалось перейти в Православие, пользуясь внутренними беспорядками в Персии и рассчитывая на поддержку России. Однако, узнав об этом, на Грузию напали мусульмане-лезгины и царь со своим семейством принужден был спастись в Россию, где он и умер. Тогда начался длительный период анархии. Грузией владели воюющие между собой Турция и Персия, а Тифлис раздирался грузинскими же князьями, соперничавшими друг с другом за свои земли.

Победы Румянцева и Алексея Орлова над турками нанесли первый удар Порте: на Бухарестовском конгрессе в 1772 г. одним из условий мира Россия выставила полную амнистию грузинам и прочим христианским народам, принявшим участие в русско-турецкой войне, а также оказание покровительства православным церквям, находящимся в турецких областях. Кроме того, Россия требовала немедленного избавления Грузии от подати христианскими девицами и детьми, взимаемой турецкими пашами. Вследствие русских побед в 1783 г. состоялось присоединение к России Крыма под именем Тавриды, благодаря чему юг империи навсегда избавился, после стольких веков, от нашествий диких орд и граница наша дошла до Кубани и Терека.

Желая обезопасить свои земли от постоянной угрозы персов и турок, цари Ираклий II Грузинский и Соломон Имеретинский приняли русское подданство и попросили у Екатерины II оказать им содействие. В том же 1783 г. императрица согласилась взять Грузию под покровительство империи. Мир царил в ней, покуда русские войска находи-

лись в Тифлисе. Лишь только в 1795 г. они из него вышли, свирепый персидский шах Ага-Магомет-хан, бывший евнух шаха Надира, напал на Грузию, и несчастная столица была им разрушена и сожжена. В течение 6 дней персы грабили Тифлис, наполняя Куру трупами, рубя пополам христианских детей для пробы остроты своих сабель. Современники нашли в одной из башен до 1000 тел, разрубленных персами. После такого погрома в Тифлисе и его окрестностях разразилась страшная эпидемия чумы. Тем временем, горцы-мусульмане всячески теснили жителей Карталинии и Кахетии.

Видя, что не может быть жизни для Грузии без постоянной поддержки единой России, царь Георгий XIII (сын Ираклия II), наследник тысячелетней династии Багратидов, в 1800 г. завещал свое царство русскому императору. Манифест о присоединении Грузии к империи был подписан Павлом I 18 декабря 1800 г. После смерти царя Георгия 8 мая 1802 г. духовенство Грузии, царевичи, князья, дворяне и весь народ принесли присягу верности государю. С тех пор грузины не только показали себя достойными наследниками своей многовековой православной культуры, но и вернейшими сынами России, где, начиная с бессмертного героя Отечественной войны Багратиона, они заняли почетное место среди ее народов, беззаветно и стойко служа Православию и престолу. (Как русские цари спасли Грузию от порабощения мусульманами, так позднее из грузинского народа вышел Сталин – правитель, посланный, чтобы спасти и сохранить Русь от разорения ее троцкистами-революционерами.)

Со своей стороны, русские государи приняли к сердцу завещание последнего царя Грузии и приложили все силы, чтоб обеспечить этой многострадальной нации мирное существование, новый культурный расцвет и благоденствие. Для полного усмирения их врагов – диких горцев, за которыми стояли Турция и Англия, потребовалось немало русской крови. Война с ними не прекращалась во время почти всего царствования Николая I, и лишь при Александре II удалось сломить сопротивление «мюридов» имама Шамиля после взятия неприступного аула Гуниба.

России было суждено спасти от ислама восточных единоверцев и почти одновременно своих западных братьев,

преодолевших тяжелую борьбу с унией. Политически вынужденное вмешательство России в восточные дела возбудило против нее зависть европейских империалистов, эксплуататоров так называемых «колоний». Зато справедливое христианское отношение русских к инородцам, в имперской семье народов не стесняемых в своих верованиях и культурных традициях, завоевало навсегда «Белому царю» совершенно исключительный во всех странах Востока престиж, коего не имел ни один западный государь. Бдительное отношение русских государей к вере, которой, как и встарь, жило подавляющее большинство подданных, возымело огромное значение в этот судьбоносный XIX век. Отличительными чертами внешней политики русских государей являются благородство и идеализм. Это поражает еще больше на фоне царствовавшего в Европе умственного и политического эгоизма.

«Николай Павлович искренно любил свой народ и неоднократно для него рисковал своей жизнью. Так было во время петербургских наводнений, когда он спасал погибших; в Москве, во время страшной холеры 1830 г., и во многих других случаях. Кроме того, государь, подобно московским царям, любил лично разбирать прошения на Высочайшее имя и многим, попавшим в беду, оказывал широкое содействие. Не следует забывать, что почти все реформы Александра II, начиная с уничтожения крепостного права, были задуманы и всесторонне рассмотрены по его инициативе, но смерть помешала Николаю Павловичу привести их в исполнение» [17 с. 373].

«В отношении религии, – писал в 1847 году Николай I барону М. А. Корфу, – моим детям лучше было, чем нам, которых учили только креститься в известное время обедни, да говорить наизусть некоторые молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе». Несмотря на отсутствие настоящего религиозного воспитания, Николай I был очень религиозным человеком и верным сыном Православной Церкви. Его религиозность отмечали многие современники.

«Знаете ли, что всего более поразило меня в первый раз за обедней в дворцовой церкви, – говорил Пушкин А. О. Смирновой, – это, что государь молился за этой официальной

обедней, как и императрица, и всякий раз, что я видел его за обедней, он молился; он тогда забывает все, что его окружает. Он также несет свое иго и тяжкое бремя, свою страшную ответственность и чувствует ее более, чем думают. Я много раз наблюдал за царской семьей, присутствуя на службе; мне казалось, что только они и молились...» Часто встречавшаяся с царской семьей Е. Н. Львова в своих мемуарах вспоминает: «Он говаривал, что, когда он у обедни, то стоит перед Богом и ни о чем земном не думает. Надо было его видеть у обедни, чтобы убедиться в этих словах: закон был твердо запечатлен в его душе и в действиях его, это было и видно, без всякого ханжества и фанатизма; какое почтение он имел к святине, как требовал, чтобы дети и внуки, без всякого развлечения, слушали обедню».

Император Николай I всю жизнь глубоко верил, что все, что случается с человеком, целиком зависит от воли Бога. Узнав о военном заговоре 12 декабря 1825 года, он писал кн. П. Н. Волконскому в Таганрог: «14 числа я буду государь или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя. Вы наверное надо мною сжалитесь, да, мы все несчастные, но нет несчастнее меня. Да будет воля Божия». «Я была одна в моем маленьком кабинете и плакала, – вспоминает Императрица Александра Федоровна ночь накануне восстания декабристов, – когда я увидела вошедшего мужа. Он встал на колени и долго молился. «Мы не знаем, что нас ждет, – сказал он мне потом, – обещаю быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать». Во время восстания «Оставшись один, – вспоминает Николай I, – я спросил себя, что мне делать? И, перекрестясь, отдался в руки Божии и решил идти, где угрожала опасность». Все свое царствование Николай I, чувствовал себя, как цари Московской Руси, только слугой Бога. В день, когда исполнилось 25 лет царствования Николая I, министрами были поднесены ему отчеты, в которых были подведены итоги деятельности отдельных министерств. Николай I был растроган этим знаком внимания. «Видя его умиление, – писала графиня А. Д. Блудова, – дочь его подошла тихонько к нему из-за спины, обняла его шею руками. «Ты счастлив теперь? – спросила она, – ты доволен собою?» – «Собою? – ответил он и, показывая рукою на небо, прибавил, – Я былинка» [77 с. 257].

«Граф Сергей Семенович Уваров, министр народного просвещения в правительстве Николая I, гениально сформулировал основы русской жизни в знаменитом трехсоставном лозунге: «Православие, Самодержавие, Народность». Уходящая Русь оставила его России грядущей как духовное и политическое завещание, но как мало оказалось людей, способных правильно понять и верно оценить всю необходимость строгого и бережного соблюдения именно такой последовательности русских зиждительных начал» [2 с. 164].

Россия под твердой рукой Николая Павловича расцвела в славе и могуществе, являя собой воскресшую в ином облиции Православную Византийскую империю. В 1830 г. была учреждена Алтайская миссия для просвещения калмыков и татар, в которой трудился архимандрит Макарий (Глухарев), переведший на алтайское наречие Евангелие и богослужбные книги. В 1840 г. был посвящен во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского миссионер Сибири и Аляски архимандрит Иннокентий (Вениаминов), который также перевел службы и священные книги на якутский язык и содействовал крещению более 300.000 якутов, не считая прочих коренных жителей этих земель!

В 1841 г. Рижские епископы Иринарх и Филарет обратили в православную веру множество ливонских латышей, которых потом стойко защищали от притеснений немцев-протестантов. Были приложены немалые усилия на проповедь в Прибалтийском крае и в Финляндии, где крестьяне из лютеран тысячами крестились в Православие, повсюду строились новые храмы, были основаны знаменитые Пюхтицкий и Рижский женские монастыри. Архиепископ Иннокентий Херсонский, ревностный сберегатель древних христианских памятников Крыма, содействовал в 1850 г. учреждению обители около Бахчисарая, на Успенской Скале, а также постройке церквей и часовен святым, прославившим Крым. Николай I говорил, что он спокоен за судьбы Русской Церкви пока в ней находятся такие святители, как два митрополита Филарета, его современники: благочестивый – в Киеве (Амфитеатров) и мудрый – в Москве (Дроздов).

Страна переживала бурное развитие в духовной, политической, экономической, научной и культурной сфе-

рах. Государь пользовался взаимностью со стороны всех благочестивых русских людей. Масонам пришлось уйти в подполье и тщательно конспирироваться. Так, например, известный деятель той эпохи Бенкендорф, лицемерно доказывал царю свою ревность по борьбе с заговорщиками, а на самом деле тайно им покровительствовал, ведя борьбу с вредными идеями часто только на словах и бумаге. (Зато Бенкендорф поедом съедал гения русской литературы А. С. Пушкина, давно порвавшего с юношескими заблуждениями и ставшего ревностным защитником самодержавия.)

«С Николая I начинается возрождение монархического мировоззрения у русских царей. Как и цари Московской Руси, Николай I понимает доставшуюся ему царскую власть, которую он не искал и не добивался, как цареве служение Богу и русскому народу. Фрейлина А. Ф. Тютчева пишет, что император Николай «был глубоко и религиозно убежден в том, что всю жизнь свою он посвящает благу родины, который проводил за работой восемнадцать часов в сутки из двадцати четырех, трудился до поздней ночи, вставал на заре, спал на твердом ложе, ел с величайшим воздержанием, ничем не жертвовал ради удовольствия, и всем ради долга, и принимал на себя более труда и забот, чем последний поденщик из его подданных» [78].

«В свое время гибель Византийской империи и порабощение греков, а затем захват турками древних балканских государств встречены были латинянами чуть ли не со злорадством. Преследуя выгодную экономическую политику на Востоке, налаженную еще с крестовых походов, западные государства завязали дружеские сношения с султанами, извлекая максимальную пользу из исчезновения своих греческих конкурентов. Одновременно проникшее в Константинополь латинское духовенство, с ведома и благословения пап, лицемерно старалось всячески унижить и ослабить зависящую от турок православную иерархию. Интригуя в Константинополе, романизм приложил все старания для искоренения Православия также в центральной Европе. Тут послушным орудием курии стала Вена. Зажатые в тиски ислама и Рима, славянские народы Европы прошли поистине крестный путь. Уже говорилось о том,

каково было их положение в империи в конце XVIII в. при царствовании «благочестивейшей» Марии-Терезии!..

Естественно, эти народы, как и греки, взирали на Россию, как на единственное государство, способное вернуть им свободу. Этим святым делом и занялись русские цари, побуждаемые не «империалистическими» интересами, каковыми руководствовались западные «колонизаторы», а защитой правды. То, к чему веками взывали поработанные балканские народы, в XIX в. наконец стало возможным исключительно благодаря жертвенности русских государей.

Среди клеветнических сочинений западных историков о политике царей исключение составляет англичанин Чарльз Саролеа: «Английские публицисты, критикующие «агрессивность» русской монархии на Ближнем Востоке, ставят себя в смешное положение: им не следует забывать того, что в продолжение ста лет британская политика (проводниками ее были Гладстон и еврей Дизраэли – лорд Биконсфильд) способствовала порабощению турецкими тиранами беззащитных балканских народов. Русская же политика принесла свободу Греции, Румынии, Болгарии и Сербии. Следовательно, «тираническое» московское государство освободило четыре нации. Что могло быть лучше этого!»¹³ Наконец, тем же духом самопожертвования руководствовался и царь-мученик Николай II, в 1914 г. вступивший в явно невыгодную для России войну, чтобы спасти Сербию от уничтожения австро-германской коалицией.

В Московской империи поддержка подневольных Восточных патриархов стала традицией; без нее эти апостольские кафедры давно бы прекратили свое существование. Цари рассматривали эту помощь как обязанность, присущую их сану, вытекавшую из их основной миссии, унаследованной от Византии: защиты и покровительства православных.

В русском договоре с Турцией 1774 г., содержится обязательство Порты защищать христианский закон и церкви, признавая за Россией право заступничества за храмы и священнослужителей в Турции и в святых местах. Подобными правами уже двести лет пользовалась римская церковь в ущерб Православию!

Договоры в Яссах (1791 г.) и в Бухаресте (1812 г.), подтвердившие права России, вызвали недовольство Франции, давно укрепившейся при дворе султанов, и Англии, напуганной победами русского оружия и расширением русского престижа на Востоке. Персия не могла примириться с присоединением Грузии к империи, что лишало ее выгодного и доступного источника человеческого товара. Первая война с шахом произошла при Александре I и закончилась укреплением России на Кавказе и на западном побережье Каспийского моря. При Николае I в Тегеране персы напали на русское посольство и вырезали почти весь его состав, во главе с послом – писателем Грибоедовым. Возникла вторая война с Персией (1826–1828), закончившаяся новым окончательным поражением шаха, с тех пор не дерзавшего более нападать на Кавказ. Зато почти сразу же началась жестокая сорокалетняя борьба с горскими племенами, которых поддерживали турки и персы, а финансировала Англия.

Кроме того, обострилась ситуация в Афинах. В день Святой Пасхи 1821 г., турки повесили над воротами Вселенского патриарха Григория V, обвинив его в поддержке греческого восстания. Кровавые зверства Турции вынудили русского императора в союзе с Англией и Францией послать султану Махмуду IV ультиматум о прекращении истязаний греков. Турция оставила ультиматум без внимания и разразилась новая война.

«Русские приняли деятельное участие в Наваринской битве в 1827 году и в последующих событиях, приведших к освобождению православной Греции. Но самую заветную мечту – освободить Константинополь – осуществить, увы, не удалось. В этом печальном деле человечество во многом обязано Ватикану» [63]. В 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор, дававший внутреннюю автономию Сербии, Валахии и Молдавии и независимость Греции. Так было положено начало освобождению от турецкого ига Балканских государств.

«ОТТОРЖЕННЫЕ НАСИЛИЕМ ВОССОЕДИНЕННЫ ЛЮБОВЬЮ»

При императоре Николае I состоялось наконец и официальное возвращение униатов в лоно Православия. Всю подготовку и проведение этой «православной спецоперации» царь Николай курировал лично. Даже изложенная вкратце эта история впечатляет продуманностью и четко разработанной стратегией ее совершения. «В 1827 г. униат Иосиф Семашко, ассессор коллегии Луцкой епархии, направил русскому министерству записку о трудном положении униатов, всячески притесняемых их собратьями латинского обряда. 22 апреля 1828 г. учреждена была особая «Греко-униатская коллегия» для разбора униатских дел. Сам Семашко принял Православие и был хиротонисан во епископа в 1829 г. «Зная всю закулисную сторону католического управления униатской церковью и в то же время ознакомившись в Петербурге с православной обрядностью и русской духовной литературой, – пишет Знаменский, – Иосиф Семашко принял решение выступить спасителем своей церкви и народа и от Рима, и от Польши. Семашко представил для государя записку, в которой изложил историю унии и все происки Рима к ее облатинению, указал и средства к спасению униатского населения. Записка эта встретила сочувствие имп. Николая I, наградившего Семашко бриллиантовым крестом. Еп. Иосиф разработал общий план воссоединения униатов, состоявший в том, чтобы после надлежащей предварительной подготовки воссоединение единовременно было принято повсюду всем униатским духовенством.

Выполнение этого плана велось под его руководством со строгой постепенностью и в полном секрете от католической партии. Он был недоволен, когда местные губернаторы и православный еп. Смарагд начали проявлять рвение в этом вопросе. Имп. Николай I тоже считал, что вопрос этот должен созреть постепенно. В 1834 г. последовало секретное правительственное распоряжение действовать осторожно и неторопливо в деле присоединения униатов. Вместе с тем, униатским епископам было предписано усиленно очищать свою церковь от католических обрядов. В

1834 г. по всем униатским церквам были разосланы служебники московской печати. В начале 1837 г. заведывание делами униатской церкви было передано из министерства внутренних дел обер-прокурору Синода.

Начиная с 1834 г. архиерей Иосиф и его сотаинники Василий и Антоний совершали по своим епархиям неутомимые разъезды, стараясь лично устанавливать связь с духовенством и прививать им свои взгляды. Наибольший успех чувствовался в Литовской епархии. В Белоруссии приходилось считаться с влиянием митр. Иоасафата, продолжавшего латинствовать. Когда в 1838 г. скончались митр. Иоасафат и единомысленный с ним еп. Пинский Жарский, председателем униатской коллегии стал владыка Иосиф. Подготовка духовенства была закончена, и оно выдало подписки на воссоединение, за исключением сотни священников в Белорусской епархии. В своей записке от 1 декабря 1838 г. Иосиф писал: «Народ униатский, за малыми исключениями, ныне почти таков, какой был до обращения его в унию, и будет православным, как скоро пастыри будут православными».

В Неделю Торжества Православия 12 февраля 1839 г. собор униатских архиереев и высшего духовенства, возглавляемый епископом Иосифом, совершил торжественную литургию в Полоцком соборе, вместо папы поминая православных патриархов, митрополитов и епископов. Тогда же был составлен торжественный акт о присоединении униатской церкви к Православной и всеподданнейшее прошение о том государю с приложением 1305 подписей духовных лиц. 25 марта имп. Николай I написал на нем: «Благодарю Бога и принимаю». Сразу же к этому акту присоединились 938 литовских и 367 белорусских клириков» [17 с. 364].

За пастырями присоединилось к Православию и все полуторамиллионное население указанных епархий. Радость воссоединения выразилась торжественными богослужениями бывшего униатского духовенства с православными в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. В память воссоединения была выбита медаль с надписью на одной стороне: «Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)», с другой – под ликом Спасителя на убрусе: «Такова имамы Первосвященника». Бывшие униатские архиереи получи-

ли православные епархии западного края. Владыка Иосиф пользовался доверием и поддержкой императоров Николая I и Александра II и в 1852 г. был возведен в сан митрополита [79].

«Из всего униатского духовенства не пожелали вернуться лишь 20 священников, принадлежавших к Холмской епархии. В отрезанной от России Галиции Австрия восстановила с 1808 г. Галицкую митрополичью кафедру во Львове. С тех пор и до смерти последнего митрополита Андрея (1865–1944) там не прекращалась борьба между униатами, среди которых отличались фанатизмом вскормленные австрийским генеральным штабом и латинским духовенством враги России «украинцы-сепаратисты» [17 с. 364].

«В правление императора Николая I отношения между Петербургом и папским престолом осложняются. Наиболее радикально на положение российских католиков при Николае I повлияло Польское восстание 1830–1831 гг. Представители римского и греко-католического духовенства в той или иной степени поддерживали мятеж, что явилось причиной репрессивных мер со стороны правительства. Многие клирики и миряне католической церкви были высланы в Сибирь и внутренние губернии России, последовало упразднение монастырей, монахи которых оказали поддержку восставшим» [80].

«Несмотря на ряд ограничительных мер, последовавших после восстания 1830–1831 гг., положение римско-католической церкви на территории Российской империи начиная с 1836 г. было даже лучше, чем в ряде европейских стран, где наряду с католичеством широкое распространение получил протестантизм. Царство Польское утратило государственную самостоятельность и конституцию, став частью России, хотя и наделенной некоторой автономией. По данным на 1847 г., МВД сравнил положение католического духовенства в России с Францией. Оказалось, что при наличии 33 миллионов католиков во Франции насчитывалось 80 епархий, а в России при численности католического населения в 2 миллиона 700 тысяч человек имелось 6 епархий. В целом на одну епархию в обоих государствах приходилось по 400 тысяч душ. Примерное равенство наблюдалось также и при делении населения на приходы –

примерно по тысяче человек (во Франции их насчитывалось 31202, а в России – 2366).

До середины 40-х годов XIX в. отношения Российского государства с Ватиканом оставались крайне натянутыми, а фактически и вовсе отсутствовали. Управление католиками в империи осуществлялось по ранее принятым документам и законодательным актам, что явно не устраивало римский престол. В 1845 г. император Николай I посетил Рим. Во время беседы с папой римским Григорием XVI 13 декабря 1845 г. Николай I четко различал вопрос о католицизме с вопросом о национализме поляков в Польше, отмечая спокойную обстановку с католиками в других регионах Российской империи. Здесь Николай I впервые вводит понятие «располячивание католицизма», которое впоследствии вошло в историческую и публицистическую литературу.

В заключение император так изложил свою позицию папе римскому: «В России надо различать три разряда католиков: католики, проживающие в России, католики литовских провинций и католики царства Польского. Отношения к первым поставлены на такую почву, против которой и Вы не станете протестовать. Хуже обстоит дело в Литве и еще хуже в Польше, где религия служит только маской, за которой скрываются революционные вождедения, где само духовенство более занято земными делами, чем духовными». Разговор, продолжавшийся более часа, закончился заранее подготовленной папой циничной фразой: «Государь, подумайте о том, что Бог создал царей для блага народов, а не народы для произвола царей». *(Конечно, это была папская реакция на присоединение униатов к православию и принятие царем Уложения 1845 года о вероотступниках, препятствующего католической экспансии в России).*

В 1845 г. было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Его принятие было вызвано желанием оградить православное население от перехода в католицизм и протестантизм, т.к. к тому времени (1845 г.) не были официально узаконены отношения с Ватиканом и протестантскими центрами за рубежом. Вторая глава содержала закон «Об отступлении от веры и постановлений

церкви», где основное внимание уделялось случаям перехода из православия в иное христианское вероисповедание. Согласно статье 195-й виновный в таком преступлении приговаривался к лишению всех прав и преимуществ и ссылке в Сибирь или наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства от одного до двух лет.

После принятия Уложения о наказаниях все случаи перехода православных в католицизм подвергались тщательному расследованию. Причем дознание проводилось по распоряжениям государственных органов как православными епархиями, так и католическими. Такая строгость была вызвана участвовавшими случаями перехода в католицизм представителей высших кругов России и их приближенных, которые считали западную цивилизацию идеальной для развития государственности и отождествляли католицизм с ней. Во второй половине XIX в. нередкими были случаи перехода в католицизм целых деревень в западных губерниях Российской империи, в частности в Белоруссии. Во многом это было вызвано католическим вероисповеданием окрестных дворян, большинство из которых были поляками» [81].

«Некоторые, отпавшие от Православия, даже эмигрировали за границу (князя Гагарин и Голицын, Мартынов), сделали там иезуитами и старались вредить своей родной Церкви брошюрами в пользу католичества, совращением русских путешественников и путешественниц с помощью основанного в Париже братства Кирилла и Мефодия.

Воссоединение же униатов продолжалось. В 1840–41 гг. вместе с униатами обратилось в Православие 20 000 католиков» [79].

Все это страшно разгневало Рим. Более чем когда-либо, западная пресса стала обвинять царя и его правительство в жестокостях по отношению к униатам Польши и т.п. Кроме того, из-за враждебности Ватикана, расстроился намеченный брак вел. княж. Ольги Николаевны с австрийским эрцгерцогом. Антирусская партия в царстве Польском, а также фанатики-эмигранты, подзуживаемые пресловутым кн. Адамом Чарторыйским, вели яростную клеветническую пропаганду против Николая Павловича.

В целях возбуждения общественного мнения и Рима, в 1845 г. ими было ловко инсценировано самозванство Макрины Мечисловской. Это была простая кухарка – Винчева, служившая у сестер-бернардинок в Вильне. В Париж она приехала как «игуменья Базилианского монастыря в Минске» и как жертва царского правительства, якобы разогнавшего ее монахинь, подвергая их всевозможным истязаниям при непосредственном участии митрополита Иосифа (Семашко). Макрина была привезена и подучена неким патером Еловицким, польским революционером, доверенным кн. Чарторыйского.

Рассказанные ею ужасы быстро облетели всю Европу и вызвали настоящую сенсацию, подогреваемую антирусской прессой. Макрина путешествовала по Франции и Италии как «мученица», в Риме беседовала с кардиналами и папами Григорием XVI и Пием IX как представительница «угнетенной» Польши! Скончалась она в Риме, и чуть было не была канонизирована. О самозванстве Макрины русскими сразу же даны были Ватикану соответствующие доказательства, но опубликованы они не были, так как тогда было выгодно травить государя и Православную Церковь. Только сто лет спустя иезуит Ян Урбан, поляк, поведал об этой провокационной истории, назвав Макрину обманщицей. Так орудовали Рим и Запад, дабы дискредитировать царскую Россию [35 с. 28–36].

Всевозможные выдумки про Россию, вроде истории с Макриной, нарочито распространялись и раздувались на Западе польскими националистами и русскими нигилистами. К таковым клеветникам следует причислить и французского маркиза де-Кюстин, написавшего карикатурные мемуары о царствовании Николая Павловича.

Папа Пий IX, воцарившийся в 1846 г., был искусным политиком и в 1847 г. подписал с Россией конкордат. *(Этот самый Пий IX канонизировал позднее – в 1867 г. злейшего гонителя Православия в Витебске иезуита Иосафата Кунцевича!)* Примирившись как будто с воссоединением униатов с Русской Церковью, папа выхлопотал для латинян право на учреждение кафедры в Херсонской епархии с викарным епископом и семинарией. Это вызвало у многих опасения, и Московский митрополит Филарет

сказал: «Мы вынуждены скорее обороняться от Рима, чем на него наступать». Будущее вскоре подтвердило справедливость его мнения.

«Целью существования новой епархии объявлялось желание католической иерархии не оставлять без пастырского попечения немецкоговорящее население страны, которое было сосредоточено в Саратовской и Новороссийской губерниях. Понятно, что Херсон не совсем вписывался в эту географию. Впрочем, папский престол это не смущало. Для руководства католической церкви гораздо важнее было то, что ей удалось восстановить древнюю миссионерскую кафедру, основанную еще Иоанном XXII в 1333 году. По проекту новая епархия должна была охватить все Нижнее Поволжье, Новороссийскую область, Крым, Бессарабию и Кавказ.

Поездка ново назначенного католического епископа Головинского по Поволжью закончилась в середине осени 1849 года в Херсоне как будущей столице громадной епархии. И там же безоблачное и триумфальное шествие католиков впервые было омрачено. Святитель Иннокентий Херсонский и Таврический оказался единственным человеком, не побоявшимся выступить с жесткой критикой действий нашего правительства и папского делегата. Естественно, недовольных было очень много, но никто не стал выступать открыто, опасаясь гнева со стороны светской власти. После появления католиков в Херсоне ошеломленный святитель пишет в Сенат гневное послание. В скором времени была опубликована статья православного архиепископа, в которой он предложил свое видение возникшей проблемы.

Желание католиков иметь кафедру именно в Херсоне он объясняет не целесообразностью в деле окормления рядовых католиков, а стремлением, во-первых, вернуть утраченные позиции через возрождение когда-то разоренной миссионерской епархии, а во-вторых, получить свободный выход к морю, по соображениям политического характера. *(Прозорливость владыки вскоре подтвердилась начавшейся Крымской войной. Собственно, и открытие этой католической епархии было вынужденной уступкой императора в силу сложной политической обстановки того времени. Но, с другой стороны, царь поставил существование като-*

лических приходов в жесткие рамки и под полный государственный контроль, что не давало возможности папским агентам совращать православных или вести какую-либо подрывную противогосударственную деятельность.)

Херсонский архиепископ предлагал перенести католическую кафедру в места компактного проживания немцев или хотя бы в Ставрополь. Святителю Иннокентию ясно виделась грядущая опасность католической пропаганды среди коренного населения юга страны.

Если раньше небольшая церковная организация немецких колонистов вполне соответствовала нуждам католиков, то постепенно папскими агентами была создана громоздкая система, которой необходимо было расширение просторов поля деятельности. То, что этого не произошло, не столько свидетельство терпимости латинян, сколько показатель мощи государства, способного следить за ситуацией» (81). В итоге, православным императорам приходилось выбирать меньшее из зол, терпя скрепя сердце католиков на русских землях, но у самодержавных правителей еще хватало сил и средств, чтобы жестко контролировать их деятельность, пресекая попытки шпионажа и провокаций в пользу Ватикана.

АВСТРОСТАРООБРЯДЦЫ

25 марта 1839 года, когда Синодом было официально узаконено возвращение в Православие более полутора миллионов униатов, стало отправной датой и для новых латинских провокаций. Реакция Ватикана не замедлила, причем, как всегда, новое – это было хорошо забытое старое. Если после присоединения Малороссии к России в середине XVII века латиняне через сеть интриг спровоцировали старообрядческий раскол, то в середине XIX – тот же Ватикан через латинопослушную Австро-Венгрию организовал прецедент: для тех же русских старообрядцев за границей был создан епископат и возрожден заново фактически затухавший раскол РПЦ. Причем старообрядческие «ревнители старины» без особых возражений подчинились епископу-греку, да еще и сомнительной репутации (купившемуся

за «500 червонцев годового оклада»), хотя их предки два столетия назад за простое общение с греческим духовенством предавали анафеме «никониан».

Все это говорит об изжившем себя церковном конфликте, и если бы не заграничная моральная и материальная «подпитка», раскола в РПЦ давно бы не было. Уже летом того же 1839 года в Австро-Венгрию, под защитой которой благополучно проживала самая большая община старообрядцев, прибыл особый посланец, уроженец Волынской губернии, один из главных идеологов старообрядчества, известный под именем Павла Белокриницкого, который вплотную занялся подысканием кандидатуры епископа для своих собратий.

«В начале тридцатых годов XIX в. появляются у старообрядцев предприимчивые люди, идущие отыскивать и епископов древнего дониконовского благочестия, живущих за границей, где-то далеко на Востоке. О необходимости отыскать такого епископа затолковали прежде всего на Иргизе. Мысль эта весьма сочувственно была встречена на Рогожском кладбище в Москве, но за осуществление ее взялись петербургские старообрядцы Громы, решившие для большого успеха дела держать предприятие свое в тайне и вести его на свой счет и страх. В то же время они понимали, что русское правительство не потерпит учреждения раскольнической архиерейской кафедры, и потому обратили свои взоры на Австрию, единственную страну, где русские раскольники, жившие там в небольшом числе, пользовались признанием правительства.

Еще при царе Алексее Михайловиче, особенно же в правление царевны Софии и при Петре I, раскольники, уходившие за границу от преследований русского правительства, стали селиться в Молдавии. По соседству с Галицией молдавские раскольники жили в городе Сучаве и в нескольких близлежащих селениях. Когда в 1777 г., на основании мирного трактата между Австрией и Турцией, часть округа Сучавского вошла в состав Буковины и включена была в границы австрийских владений, в число этих владений вошли и некоторые местности населенные раскольниками-беглопоповцами. Император Иосиф II, в надежде побудить молдавских липован (под этим именем известны вообще заграничные рас-

кольники) к переселению в Австрию, издал 9 октября 1783 г. патент, в силу которого молдавским липованам дозволялось в пределах Австрии «совершенно свободное отправление религиозных действий им, всем их детям и потомкам, вместе с их духовенством» (*И это в то время, когда обычные православные христиане в этих землях подвергались неслыханным с языческих времен гонениям и даже физическим мучениям!*). Привлеченные этим патентом, многие раскольники в том же 1783 г. переселились в Буковину из Добруджи и местом своего поселения избрали урочище Варницу, где и образовались раскольнические селения: Белая Криница и Климовцы. В этом-то Белокриницком монастыре Громы и задумали учредить кафедру раскольничьего архиерея, для чего снарядили в Буковину Петра Васильева Великодворского, впоследствии стяжавшего себе в старообрядческом мире великую знаменитость под именем инока Павла Белокриницкого. Большой начетчик, искусный дипломат, он считал себя призванным свыше ко спасению «древлеправославной церкви» от оскудения священства. Павел летом 1839 г. прибыл в Белую Криницу и 14 (26) февраля 1840 г. от имени Белокриницкого монастыря и всех липованских в Буковине общин подал в уездное управление прошение, в котором, на основании патента 1783 г., ходатайствовал о разрешении привезти из-за границы в Белокриницкий монастырь своего, независимого от других религий, епископа.

В Вене, где Павел и Алимпий добились даже аудиенции у императора Фердинанда (1843), сумели, по-видимому, оценить политическую сторону дела. Возможно, что австрийское правительство прельстилось мыслью создать в Австрии центр, к которому тяготели бы русские раскольники. Как бы то ни было 6 (18) сентября 1844 г. состоялся декрет, которым разрешено было «привезти из-за границы епископа, с тем, что он может преподавать находящимся в Белой Кринице липованским инокам высшее посвящение и имеет еще поставить себе преемника...» Убедившись в успехе своего дела, Павел и Алимпий, уехали в Москву и Петербург, где запаслись необходимыми материальными средствами, а оттуда отправились на Восток.

Павел заранее условился с именитыми старообрядцами, что за не отысканием «древлеправославного» может быть

принят епископ и от еретиков, но от таких еретиков, от которых церковные правила позволяют принимать приходящих священников в сущем их сане: епископов – епископами, священников – священниками, не требуя для них повторительного рукоположения. Главным признаком подобного рода еретиков должно было служить трехпогружательное крещение. Павел и Алимпий начали свои странствия с Константинополя, были в Сирии, Иерусалиме, в Ливане и в Египте, но нигде не могли отыскать и следов «древлеправославных» епископов, зато имели утешение убедиться, что у греков повсеместно и неизменно существует трехпогружательное крещение. Тогда они вернулись в Константинополь, где всегда много безместных архиереев, влачащих самое жалкое существование. Среди них-то Павел и нашел желанного кандидата, в лице недавно лишённого кафедры Босно-Сараевского митрополита Амвросия. (В силу сложного политического положения среди греков-фанариотов, патриарх отозвал его с Босно-Сараевской кафедры, и нигде не назначил). Тут-то перед оскорбленным Амвросием и появился Павел, суливший будущность почетную и обеспеченную.

Излагая Амвросию, через посредство переводчика, старообрядческое вероучение, Павел совершенно умолчал о том, что ему придется подвергнуться известному чинопрятию, отречься от своего патриарха и родной церкви. Не имея ни малейшего представления о русском расколе, Амвросий нашел, что учение старообрядцев в отношении догматов совершенно согласно с Православной Церковью, разнится же только в обрядах.

После долгих колебаний, Амвросий пришел к убеждению, что, принимая предложение Павла, он измены Православию не совершает, тайно уехал с ним из Константинополя и 12 (24) октября 1846 прибыл в Белую Криницу. Здесь Амвросию, который, уехав без ведома своего патриарха, сжег за собой мосты, волей-неволей пришлось согласиться на «чиноприятие ереси» (под миропомазание), что и совершилось 28 октября того же года»¹⁴.

Вот что пишет об этом церковный историк: «Его заставили торжественно отречься от Никоновских ересей, перемазали и немедленно приставили к делу хиротоний. Он митрополит-

ствовал недолго: в 1848 году австрийское правительство, по представлению России, убрало его из Белой Криницы в заточение в г. Цилль, где он в 1863 г. и умер, присоединившись перед смертью снова к Православной Церкви. Но раскольническая иерархия была уже упрочена – он успел рукоположить двоих архиереев – Кирилла и Аркадия Лысого. Потом Кирилл рукоположил Онуфрия и Софрония и сам был рукоположен ими в митрополита на место Амвросия, а Аркадий Лысый с Онуфрием рукоположили еще двоих архиереев – Алипия и Аркадия Шапошникова.

Все эти архиереи получили себе в турецких и русских владениях епархии и расплодили свое раскольническое священство повсюду. Потом, лет за 12, открыт был целый десяток таких русских епархий с многочисленными паствами. Учреждение австрийской иерархии, как и следовало ожидать, повело к новому разделению в расколе: поповщина разделилась на приемлющих и не приемлющих эту иерархию. Затем первые в 1860-х годах, в свою очередь, разделились на две же партии – окружников и противокружников. Поводом к их разделению послужило Окружное послание, изданное раскольническим советом в 1862 г. с целью оправдать украденную у Православной Церкви иерархию.

Главной формой примирения раскола с Православной Церковью в течение всего XIX в. оставалось единоверие. В царствование имп. Николая единоверие было введено на Иргизе (в 1828 и 1836 гг.), на Керженце (с 1849), в Стародубье (в 1847–1848 гг.) и в самой Москве на Рогожском и Преображенском кладбищах (в 1854 г.); единоверческих церквей за это царствование было построено до 150 в разных губерниях» [64 с. 355–356].

Вся эта церковная интрига была спровоцирована латинянами для поддержания очагов нестабильности, как в самой России, так и за ее пределами. Когда русские монархи пытались брать под контроль католическую иерархию, сводя к минимуму их общение с римским престолом, латиняне создавали за границей кафедру, курирующую русское старообрядческое население. Оккультному западу нужно было не мытьем, так катаньем, но иметь свои очаги влияния на церковную политику Российской империи. Не гнушался Ватикан и спонсорской помощью различным

сектам, буквально захлестнувшим Русь во второй половине XIX века.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

«Если до сих пор Крымская война и весь «Восточный вопрос» объясняются официальной историей человеческими, политическими, межгосударственными соображениями, то нигде не найти, что душой, подстрекающей, движущей силой того позорного факта, что Франция и Англия вошли в союз с неверной Турцией против Православной России, бесспорно является Ватикан, восполняющий неимение собственных вооруженных сил изобилием влиятельных, тайных советников и агентов и целой клерикальной армией, разбросанной по всему миру. Очень тонко замечает Хомяков, что потомки тех католиков, которые некогда совершили «нравственное братоубийство», односторонне изменив Символ Веры, неизбежно должны были придти к желанию «физического братоубийства» [63].

А Достоевский прямо говорит о католическом заговоре: «Кардинал Сибур не был одиноким воином в поле. Воинствующий католицизм берет яростно против нас сторону турок. Нет столь яростных ненавистников России в настоящую минуту, как эти воинствующие клерикалы. Не то что какой-нибудь прелат, а сам папа, громко, в собраниях ватиканских, с радостью говорил о «победах турок» и предрекал России «страшную будущность». Этот умирающий старик, да еще «глава христианства», не постыдился выразить всенародно, что каждый раз с весельем выслушивает о поражении русских».

Хомяков пишет далее: «В западных вероисповеданиях, в глубине каждой души, имеется глубокая неприязнь к Восточной Церкви», что легко можно проверить, наблюдая за Крымской войной, где «один из враждующих лагерей содержит только народы, принадлежащие Православию, тогда как в противном лагере имеются римляне и протестанты, объединенные вокруг ислама» [63].

На 1848–1852 годы приходился апогей величия императора Николая I, когда он, фактически, являлся решителем

судеб Европы, да и всего мира – вступаясь и за интересы православных на Ближнем Востоке, и против засилья латинян на Западе, и даже против работорговли в Соединенных Штатах Америки. Но благополучие России – несчастье для тайных мировых правителей, как сказал один из святых: «Явление одного праведника в мире – уже есть незаживающая, кровоточащая рана на теле зла» [1 с. 133]. Мировое зло было озабочено что-то срочно противопоставить растущей силе Русского Православного Самодержавия. Поэтому творцами катаклизмов на удобренной масонами французской почве с благословения Ватикана в 1848 году совершается очередная революция и создается новая антимонархическая коалиция. Император Людовик-Филипп был свержен временным правительством, девять из одиннадцати членов которого были масонами. В 1852 году был провозглашен император Луи Бонапарт, называвший себя Наполеоном III, на которого братья-каменщики возлагали особые надежды.

Император Николай Павлович прекрасно понимал, какую угрозу для всего мира и в первую очередь, России представляют эти события. В знаменитом манифесте 14 марта 1848 года царь Николай выразил готовность бороться против врагов Церкви и государства до конца, вслед за благочестивыми предками повторяя призыв Священного Писания: «С нами Бог, разумеете языцы и покарайтесь, яко с нами Бог». Манифест этот вызвал сильное раздражение во Франции, Англии, а за ней и Австрии, и Пруссии признали Наполеона и «Третьим», и «братом»; один русский император не признавал его.

В 1848 г., считая себя еще связанным актом Священного Союза, Николай I послал фельдмаршала гр. Паскевича на помощь австрийскому императору для подавления Венгерского восстания, чем и спас империю Габсбургов. Не желая признавать законным правительства, приобретающие власть путем революции, Николай Павлович снискал неприязнь Наполеона III. Благородная преданность государя Николая I легитимному принципу настолько поражала всех в этот век оппортунизма, что современники прозвали его «жандармом Европы». Никто не хотел верить его идеализму. Кроме освобождения поработенных славянских

народов от разложения Порты, Россия не желала для себя ни малейшей выгоды, требуя того же и от союзных держав. Николай I доказал это, выступив на помощь угнетенным Турцией христианам безо всяких корыстных целей. Его же недавние союзники – Англия и Франция, завидовавшие победам царских войск, принялись интриговать против России при дворе султана! [17 с. 377]. Тогда же, в 1848 году и в самой России был раскрыт Петрашевский заговор против царской династии.

В числе малоизвестных причин развязанной вскоре англичанами русско-турецкой войны, было возникшее в Англии движение за присоединение к Православию. Уж это-то мировые масонские воротилы, засевающие в Лондоне, потерпеть не могли. «В 1830-х годах среди англиканской церкви возбудилось особенное внимание к Православию в обществе пюзеистов или англо-кафоликов. Принадлежавший к ним архидиакон Вильям Пальмер, вице-президент коллегии св. Марии Магдалины Оксфордского университета, решил посвятить свою жизнь воссоединению англиканской церкви с православной. В 1842–1853 гг. он нарочито ездил в Россию хлопотать о соединении церквей, предпринял поездку и на Восток. Он сам пожелал принять Православие. От него было потребовано Синодом отречение от ересей, содержащихся в 39 пунктах англиканского вероисповедания. Пальмер не признавал их еретическими и отказался выполнить условия. Не согласился он и с условиями Константинопольского патриарха. Огорченный безуспешностью своих стараний, он перешел в католичество» [79]. Враги Православия и Руси приложили к тому немало усилий.

Тем временем, папа Пий IX под давлением иезуитского ордена сделал в 1848 г. попытку привлечь к унии с Римом православных патриархов. Его послание, переданное через посредство митрополита Сидонского, призывало православных к признанию папского главенства над Вселенской Церковью и «филиокве». Романизм в ту пору готовился к последнему акту для укрепления папского авторитета – догматическому обожествлению римского епископа. В Италии, Франции и Австро-Венгрии лихорадочно работали «конгрегации», направляемые, главным образом, иезу-

итами, для подготовки общественного мнения к должному восприятию этого дерзновенного догмата. Следствием этих усилий явились сочинения де-Местра, Ньюмана и др. римских панегиристов. Так, кардинал Ньюман писал, что верить в Церковь – это то же, что верить в папу. Канонист Филипп договорился до того, что «не церковь дает непогрешимость папе, а она сама получает ее от него, ибо церковь покоится на папе, как на своем основании, а не папа на церкви». Софисты же, вроде гр. де-Местр, уверяли, что если бы не было пап, то Бог не смог бы сохранить единства веры, и поэтому папа представляется необходимостью во взаимных отношениях между Богом и людьми!

Патриархи, естественно, не могли оставить без ответа столь вопиющие высказывания. В «Окружном послании ко всем православным» от 6 мая 1848 г. они подчеркнули, что непогрешимость почитается единственно во Вселенской Церкви, объединенной взаимной любовью, что неизменность догмата равно, как и чистота обряда, вверены охране не одной иерархии, но всего народа церковного, который есть Тело Христово. Послание это подписали патриархи Анфимий VI Константинопольский, Иерофей Александрийский, Мефодий Антиохийский, Кирилл II Иерусалимский и тридцать один епископ. Кроме того, к папе лично обратились с увещательными посланиями многие православные иерархи и богословы, а наш великий А. С. Хомяков издал на французском языке ряд брошюр о церковном единстве и о нарушении его романизмом [35 с. 28–36].

Тем временем, появился грек-рenegат Яков Питципиос, с помощью иезуитов получивший от султана титул «бея» (князя). Он задумал основать «Христианское Восточное Общество» с целью «возродить Восток» путем соединения церквей (т.е. унии с Римом). Папа благословил его начинание, и общество это было основано в Риме в 1853 г. с помощью тех же иезуитов и под верховным покровительством Пия IX. В его состав вошли два кардинала, два римских князя, двое ученых из мирян и двое от белого духовенства, а также представители всех крупных орденов. Труд Питципиоса «Восточная церковь», изданный в 1855 г., проводит мысль, что между Римом и Востоком не существовало никаких различий, кроме «личных мнений греческого кли-

ра», т.к. Восток де признал Флорентийскую унию! Автор считает необходимым созыв Вселенского Собора для воссоединения церквей при непосредственном участии в этом деле императоров Наполеона III и Николая I.

Почин Питципиоса повис в воздухе, зато идея его была вскоре использована под иной формой: в 1856 г. в Париже был основан новый «Восточный комитет», первым директором которого стал знаменитый французский миссионер в Африке Лавижери, основатель «Белых отцов». Под покровительством пап, комитет этот собирал во всех странах огромные суммы на миссионерскую работу среди православных. Более 80 монашеских конгрегаций и орденов, а также латинские «патриархи» получают от него субсидии для устройства школ, больниц, приютов и церквей в «схизматических» странах. Под «Востоком» подразумеваются области от Дуная до Индийского океана и от Москвы до Абиссинии. Так, истощив все иные средства, Ватикан решился на открытый прозелитизм среди православных, ведомый приблизительно теми же методами, что и среди язычников Африки!

Давно таивший обиду на государя, Наполеон III был ловко вовлечен ватиканским духовенством в хитрую антиправославную акцию. Всеми средствами следовало сломить престиж царя – освободителя балканских христиан. Наполеон III, бывший революционер-карбонарий, был совершенно безразличен к религии, но интересы династии заставляли его считаться с могущественными конгрегациями, со времени Реставрации умело проводившими ватиканскую политику во Франции. По его требованию, французские агенты в Константинополе добились от султана изменения оттоманской политики в Святых местах. Дело в том, что благодаря русскому покровительству всем православным турки в XIX в. вернули грекам ключи от Вифлеемской церкви, до этого времени находившиеся в руках латинян, господствовавших при дворе султана. В 1808 г. греки выстроили новый храм, вместо сгоревшего при Гробе Господнем старого, и несметные толпы паломников получили возможность благодаря русским государям беспрепятственно молиться в Иерусалиме.

Итак, в 1853 г., уступая требованиям Франции, турки отобрали у греков ключи Вифлеемского храма и передали

их латинянам, что явилось нарушением обещаний, данных России, и ударом для всех восточных христиан. Расчет Ватикана и Франции оказался правильным: Николай I немедленно объявил протест Порте, так как в Иерусалиме начались беспорядки, жестоко усмиряемые турками. Испуганный султан склонился уже было к уступке России, когда в дело вмешались, кроме Франции, Австрия и завистница России – Англия, тайно заверившие Порту в их поддержке против Николая Павловича. Тем временем, западная пресса подняла настоящую травлю против России, более чем когда-либо оперируя клеветой. На требование царя соблюдать условия договора 1774 г. Турция, заручившись втайне поддержкой вышеназванных держав и... Сардинии, весной 1854 г. объявила войну России.

После разгрома турецкого флота в бухте Синопа союзники открыто выступили на стороне Турции. Спровоцированный Ватиканом этот конфликт заставил Николая I сражаться против почти всей Европы за то правое дело, которому он столь благородно служил с первых дней своего царствования. Отметим наличие среди союзников и неблагодарной Австрии, в 1848 г. спасенной исключительно благодаря Николаю I.

Насколько неопровержимой была в этом конфликте роль Ватикана, видно из послания, которое огласил с кафедры в момент объявления войны Францией России Мария-Доминик-Огюст, кардинал Сибур, архиепископ Парижский: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотия; укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом». Золотые признания» [17 с. 381].

Подводя итоги, можно сказать, что Крымская война, начатая Наполеоном III против России, была проявлением очередного заговора мирового правительства. «Аланские острова, – писал в 1854 году Пальмерстон видному полити-

ку Англии Джону Расселю, – и Финляндия должны быть возвращены Швеции. Некоторые из прибалтийских провинций России – Пруссии. Королевство Польское восстановлено полностью, как барьер между Германией и Россией. Валахия, Молдавия и устья Дуная отданы Австрии взамен Ломбардии и Венеции, которые должны получить или независимость, или быть присоединены к Пьемонту. Крым, Черкесия и Грузия должны быть отторгнуты от России и отданы Турции, либо сделаны независимыми, либо переданы под суверенитет султана» [77].

Русские масоны приветствовали вражеское вторжение, надеясь через это свергнуть самодержавие. Главнокомандующий князь Меншиков вел себя, как Кутузов и другие масонские военачальники в 1812 году. Предатели в погонах действовали во вред России, подчиняясь не царским, а орденским повелениям. Но, несмотря на активную деятельность пятой колонны, русский народ в лице своих лучших представителей, мужественно защищал Севастополь, отстаивая правоту своей веры, честь царя и славу Отечества.

Государь с полным самообладанием и преданностью Всевышнему Промыслу переносил скорбные вести с поля боевых действий. «Буди воля Божия, буду нести крест мой до истощения сил!» – писал он князю Горчакову. В разгар войны император заболел пневмонией, от которой скоропостижно скончался. Никто не ожидал такой развязки – Николай Павлович отличался богатырским здоровьем и легко преодолевал любые недуги. Поэтому внезапная смерть царя породила в народе убеждение, что он был отравлен – убит на Российской Голгофе распинателями Христа и христианского народа, как практически и все русские цари до и после него.

«Жертвы, принесенные царем-рыцарем, не пропали даром: освобождение Балканских государств завершено было Александром II, а Турция все же принуждена была загладить в отношении православных непристойности, содеянные ею в 1853 г., и вновь признать их права в Святых местах» [17 с. 381].

Известный масонский публицист Герцен, разделяя восторг политических эмигрантов (диссидентов) того времени, описывает в «Былом и думах» как была встречена в Лондоне весть о кончине императора: «На улицах, на бирже, в

трактирах только и речи было о смерти Николая, я не видал ни одного человека, который бы не легче дышал... В воскресенье дом мой был полон с утра: французские, польские рефюжье, немцы, итальянцы, даже английские знакомые приходили, уходили с сияющими лицами». Как говорится, смеется тот, кто смеется последним. Думается, что зная свою теперешнюю загробную участь, они бы так не веселились.

Браги торжествовали смерть царя, как ранее и убийство его отца. А Николай Павлович своей добродетельной жизнью и жертвенной любовью стяжал себе венец Небесный. Достоинно завершив свой жизненный путь он, обращаясь к родным, произнес: «Теперь иду молиться за Россию и за вас!» Державное служение перешло к Александру II, которому и вовсе пришлось омыть императорский престол своей царской кровью.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТИЕ ИСТИНЫ

На центральной площади болгарской столицы Софии возвышается величественный памятник царю-Освободителю Александру II и доблестным русским воинам. Освобождением Болгарии от мусульманского владычества, Россия отблагодарила ее за свое просвещение светом Христовой веры (болгарским духовенством во времена равноапостольного князя Владимира).

«Благодаря жертвенным выступлениям русских государей, в XIX веке воскресли несколько европейских государств, освобожденных от ига турок. Государства эти сохранили нетленным учение, преподанное им в далеком IX в. при св. патриархе Фотии, трудами святых Кирилла и Мефодия. Дух Православия восторжествовал над многовековыми преследованиями, над рабством и разрушениями святынь, над бесправным существованием этих несчастных народов. В Греции, Румынии, Болгарии и Югославии возобновилась нормальная церковная жизнь, появились академии и семинарии и завязалась прерванная исламом связь с остальным православным миром. Расцвет богословской науки в этих странах ознаменовался появлением многочисленных трудов, свиде-

тельствующих о жизненных силах, накопившихся за долгие годы духовного гнета» [17 с. 385].

Что знаменательно, даже «Соединенные Штаты Америки в значительной степени обязаны сохранением своего суверенитета Александру II. Во время предпринятой войны против работорговли, процветавшей в южных штатах, Англия приняла сторону южан. Русский император не медля вступился за правое дело и послал к берегам Америки эскадру под командой адмирала Лесовского, что заставило англичан одуматься. Благодаря России северяне смогли одержать победу, и рабство было уничтожено. Россия упразднила крепостное право в 1861 г., тогда как торговля рабами была прекращена в США лишь в 1865 г., а Англией гораздо позже, после восстания на острове Ямайка» [17 с. 381].

Реформы, предпринятые Александром II на благо России, масоны использовали, чтобы настроить дворянское сословие против царя.

«При императоре Александре II, в эпоху уничтожения крепостного права, когда вопрос о народном образовании получил особенную важность, церковно-приходские школы открывались по епархиям целыми сотнями каждый год; духовенство жертвовало на них и временем, и последними удобствами своих тесных жилищ, в которые собирало учащихся детей за неимением особых зданий для школ, и даже деньгами на покупку учебных принадлежностей и на другие школьные расходы. С 1859 до 1865 г. открыто было свыше 21 400 новых приходских школ исключительно одним духовенством» [64 с. 347].

Наряду с народным просвещением продолжалось присоединение униатов, на всех континентах раздавалась проповедь Православия. Духовенство РПЦ развернуло свою деятельность по миру воистину с русским размахом.

«В Палестине стало укрепляться прерванное Крымской войной православное влияние. В 1858 г. в Иерусалим был отправлен еп. Кирилл Мелитопольский с миссионерами. Купив у арабов участок земли, они основали там «Русскую Миссию» для призрения многочисленных паломников. Несмотря на то, что русские пришли туда позже других, вскоре им удалось приобрести значительные участки и памятные места: Мамврийский дуб, часть Гефсиманского сада,

на Елеонской горе был основан монастырь, построены храмы в Хевроне, Яффе, Вифании, Иерихоне и наконец, храм св. Александра Невского недалеко от Гроба Господня. Странноприимные дома, церкви и обители огромной исторической и земельной ценности стали имуществом «Русского Палестинского Общества», утвержденного государем в 1882 г. Много там потрудился в сложных условиях для спасения этих святынь митрополит Анастасий» [17 с. 385].

В 1870 г. святителем Николаем (Касаткиным), тогда еще простым священником миссии, было положено начало Православной Японской Церкви и основание храмов в Токио, Нагасаки, Едо и Хеого. Одновременно, в том же году основанное «Православное Миссионерское Общество», усилило проповедь в американских землях, в частности на Аляске. Новому епископу, утвержденному в Сан-Франциско, был дан титул Алеутского и Аляскинского, для окормления семи приходов с семью тысячами верующих. (Аляска была Россией продана США в 1867 г., но русские епископы продолжали православную проповедь и окормление своей паствы.) Спустя двадцать лет открылась и первая церковь в Южной Америке – в Буэнос-Айресе, куда был перевезен иконостас и утварь из польской церкви в Мадриде.

Для Туркестана в ноябре 1871 г. была отправлена особая миссия и еп. Софроний получил титул Туркестанского и Ташкентского с кафедрой в г. Верном.

«Новое усиление обращения католиков произошло после польского восстания 1863 г., во время которого так ярко проявилась тесная связь католицизма с бунтовщиками. А Указом от 14 июля 1864 г. русское правительство упразднило наконец пресловутый «церковный патронат», введенный еще при Стефане Батории! Польские паны после многовекового произвола лишились наконец права избирать в приходские священники удобных им лиц. В 1864 г. обратилось в Православие до 50 000 католиков. Еще более обращения стали усиливаться с 1870 г., после Ватиканского собора, провозгласившего догмат о непогрешимости пап, озадачившего своими определениями многих исповедников католичества.

22 мая 1875 г. Киевский митрополит Арсений и Варшавский архиепископ Иоанникий торжественно празд-

новали в Холмском соборе воссоединение в Православие 260 000 униатов Холмской епархии. В 1888–89 гг. в Волынской епархии присоединилось 6800 чехов. В 1862 г. в Париже, принят в Православие в сущем сане католический аббат француз Рене-Франсуа Гетте (1816–75), получивший имя Владимира. Он был автором обширных исторических и богословских трудов, издавал до принятия Православия свой журнал, соединившийся потом с издаваемым им первым в Париже русским журналом.

Одной из крупных новых церквей, возникших из групп латинян, не соглашавшихся с Ватиканским догматом, была организованная в 1875 г. «Старокатолическая церковь». Seriously разрабатывался вопрос о соединении старокатоликов с Православной Церковью. Частным образом в Мюнхене, Кельне, Бонне, Утрехте собирались конгрессы и конференции старокатолических и русских богословов, однако официальному воссоединению помешало тайное активное вмешательство иезуитов.

В Париже еще в 1867 г. появилось сочинение порвавшего с Римом священника Буассара «Русская Церковь», в котором он пишет: «Если древность веры может свидетельствовать в пользу истины учения, то преимущество в этом отношении принадлежит Церкви Восточной. После пережитых ею превратностей судьбы, после перенесенных ею испытаний, эта Церковь вправе дать себе свидетельство, что она осталась неизменно верной своему исповеданию, неизменно сохранившую учение Апостолов и определения Семи Вселенских Соборов. Рассеянная от берегов Адриатического моря до отдаленных берегов Восточного океана и Америки, от льдов, окружающих Соловецкий монастырь на Белом море, до знойной равнины Египта и Аравии, где возвышается Синайский монастырь, Восточная Церковь представляет для размышления историка страницы, полные интереса, высоких уроков добродетели, благородных преданий и христианского героизма».

«В 1860-х годах в англиканской церкви возобновилось, начатое еще Пальмером движение к соединению с Православием. В 1862 г. на генеральной конвенции североамериканской епископальной церкви был учрежден «греко-русский комитет» для дружественных сношений с греко-русской

церковью в Сев. Америке. С той же целью был основан комитет и в Англии в 1863 г. при кэнтерберийской конвокации. В одном направлении с ними действовала «Ассоциация восточной церкви», основанная в 1863 г. В 1864 г. Секретарь американского комитета пастор Юнг предпринял путешествие на Восток и в Россию. Он был принят в Москве митр. Филаретом и в Петербурге митр. Исидором, представлен Синоду и всюду встречал сочувствие. Ближайшими посредниками в деле ознакомления англикан с Православной Церковью были настоятели русских церквей в Лондоне прот. Е. И. Попов и в Париже прот. И. В. Васильев, приехавший в Англию. Архиеп. Кэнтерберийский Кампбелль вел по отдельным вопросам переговоры с Константинопольским патриархом Григорием VI. Но, конечно, Русская и Константинопольская Церкви, сочувственно относясь к переговорам, не допускали единения без согласия в догматах.

В переговорах с англиканами подымался вопрос о сохранении ими своих обрядов. «Одним из важных препятствий к удовлетворительному решению вопроса о присоединении англикан и вообще протестантов, — пишет Знаменский, — была открывшаяся тогда разность между Русской и Греческой Церковью в способе присоединения этих иноверцев: Русская Церковь присоединяла их чрез одно миропомазание, а Греческая требовала повторения над ними и таинства крещения». Происходили по временам частные случаи обращений, из которых произвело большое впечатление обращение в 1861 г. английского пастора Ричардсона, а в 1869 г. издателя «Православно-кафолического Обозрения» доктора богословия Овербека. Они, в особенности последний, много потрудились в пользу православной Церкви среди англикан.

С 1870 г. особенно подвинулось вперед знакомство с православной Церковью американского общества, когда, перейдя из католичества, Николай Беринг, став православным священником, открыл в своей церкви в Нью-Йорке православное богослужение на английском языке и стал читать лекции о Православии» [64 с. 314].

Представители всех этих конфессий: и старокатолики, и англикане, и часть протестантов, искренне ищущие Истины, готовы были принять православную веру и соединиться

с РПЦ. Конечно, как такое могли выдержать враги нашего спасения? Какая римская гордыня могла потерпеть это триумфальное шествие истинной Христовой веры по странам и континентам? Были сподвигнуты все адские силы на борьбу с Православной Самодержавной Русью и ее царем.

Латинствующими оккультистами из Ватикана был сотряпан экуменизм – конгломерат человеческих заблуждений, который и предложили для насыщения духовно алчущих народов. Генномодифицированный соевый эрзац вместо Хлеба Жизни. А Россия, дерзнувшая на всемирную проповедь Православия, была ввержена в вихрь мятежей, революций и войн – и вопрос о присоединении заблуждших христиан отпал сам собой, на спасительный корабль Православной веры сумели попасть только избранные.

ПАПИЗМ И НИГИЛИЗМ

«Крупнейший мыслитель XX века гр. Кейзерлинг в 1934 г. писал: «Если когда-либо возникнет новое христианское Возрождение, то оно, несомненно, возникнет в России». Мысль эта, высказанная в то время, когда Православная Русь находилась под ярмом богоборческой власти Советов, должна заставить нас призадуматься. Итальянский экономист, профессор Гиллельмо Ферреро, перед западным миром также открыто подчеркнул огромное значение Православия. Этих западных мыслителей никто не может упрекнуть в «русском шовинизме» или предвзятости, как любого из русских, который дерзнул бы утверждать что-либо подобное. Ведь сколько критики навлек на «Дневник писателя» провидец Достоевский за подобные высказывания в XIX веке!

«Католичество все равно что вера нехристианская, во-первых! – говорит устами своего героя князя Мышкина сам писатель. – А во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение! Да! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! Это мое личное и давнишнее

убеждение, и оно меня измучило... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти Церковь не устоит на земле, и кричит: «Non possumus», по-моему. Атеизм прежде всего с них самих начался: могли ли они верить себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! Атеизм!..»

Русь захлестнула новая волна жидовствующих еретиков, со старыми идеями в новых обличьях: нигилисты, анархисты, террористы, марксисты... Православные здравомыслящие люди били тревогу. «В середине XIX века, в Москве, группа европейски образованных интеллектуалов (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и другие), ощутив угрозу самому бытию России, которая таилась в ускорявшемся «расцерковлении» общественного сознания, объединилась, чтобы дать свои ответы на волновавшие общество вопросы о русском предназначении, путях дальнейшего развития российской государственности, целях России в ее внутренней и внешней жизни. Не удовлетворяясь плодами западно-европейского просвещения, славянофилы обратились в своих поисках к изучению русской истории, к вероучению Православной Церкви.

«Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, – писал Иван Киреевский, – все то препятствует развитию и благоденствию народа русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Поэтому, чем более будут проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство» [2 с. 162].

Уже в середине XIX в. трагический вопль Гоголя, предостерегавшего Россию от гибели, вызвал лишь саркастическую отповедь Виссариона Белинского, тогдашнего корифея западничества, поднявшего травлю против автора «Мертвых душ». Гоголь, взывавший в «Переписке с друзьями» к сближению общества с Православием, к возвращению Руси на ее традиционный путь, скончался с кличкой сумасшедшего в мистическом пророческом ужасе о грядущих судьбах России. Белинский же продолжал поносить

русскую культуру и глумиться над верой («довольно нам этих молебнов»), как над анахроничным и смешным явлением. Наследники его превзошли самих себя в клевете на царскую власть, в самооплевывании и лакействе в глазах европейского общества. Герцены, Кропоткины, Чернышевские и Добролюбовы сознательно служили темным силам, добивавшимся гибели Российской империи. Царевубийство 1918 г. завершило этот мрачный период русской истории, за который Россия заплатила уже миллионами трупов, а Западу, быть может, предстоит еще большая расплата.

Внутренние враги активизировались, обильно оплачиваемые из Ватиканской казны. Мало кому известны факты, что большинство русских революционеров, эмигрировавших из России и развивавших на Западе свою подпольную разрушительную деятельность, начинали с вероотступничества, а конкретнее, с перехода в католичество. «Письма» Чаадаева (*которого современники не без основания считали умалишенным*) стали настоящим манифестом западничества, и умножавшиеся последователи Чаадаева не преминули довести заложенные в них мысли до своего логического завершения. В.С. Печерин (1807–1885), поэт и филолог, профессор Московского университета – эмигрировавший, перешедший в католичество и ставший бенедиктинцем-священником, написал страшные и безысходные в своей откровенности строки: «Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать ее уничтоженья...» Они стали настоящим лозунгом западников и «отпочковавшихся» от них многочисленных антиправославных, антинациональных, антигосударственных нигилистических движений» [2 с. 160].

В то же время звучали предупреждения праведников РПЦ о пагубности западного влияния и его разрушительной латинской идеологии. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Не играйте вашим спасением, не играйте! Иначе будете вечно плакать. Займитесь чтением Нового Завета и святых отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая церковь выдает за святых!); изучите в святых отцах Православной Церкви, как правильно понимать

Писание, какое жительство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину» [82 с. 476].

Ему вторил святитель Феофан Затворник: «Верить по-латински... есть уклонение от Церкви, ересь. Была одна Церковь на земле с единою верою. Но пришло искушение, – папа со своими увлекся своемудрием и отпал от единой Церкви и веры» [83 с. 37].

Из укоренявшейся в аристократическом обществе западной разрушительной идеологии проистекают и причины следующего цареубийства. Фактически католицизм – это открытый оккультизм, для разрушения Православной Самодержавной России действовавший вкупе с мировым правительством. Именно поэтому и понадобился Ватиканский собор с его непонятным для рядовых католиков догматом о папской непогрешимости. Для достижения общих с иудеями целей по подготовке антихристового пришествия и созданию новой религии – экуменизма, нужно было всколыхнуть и припугнуть общество – поддержать страхом репутацию главы католической церкви. Если кто вздумает противиться новым изменениям в католичестве – будет объявлен еретиком, ведь папа римский по новым догматам непогрешим, не может желать плохого, значит, надо подчиняться без оглядки всему, какую бы ересь он ни говорил с кафедры.

Кстати, это уже проходили в истории – когда после распятия Христова Ветхозаветная церковь прекратила существование, фарисеи продолжали держаться за мертвую букву закона и свое безблагодатное общество объявили истинным, исказив самые основы Ветхозаветной религии, вместо веры в Истинного Бога подставив сатанизм и богоборчество. Тоже самое позднее иудеи сотворили и с католицизмом, сделав римских пап своими сообщниками. Ватикан стал вдохновителем не просто революционных, а и оккультно-мистических учений. Известно, например, что книги Елены Блаватской, составившей настоящую энциклопедию оккультизма из средневековых пособий по магии Европы, Азии и Индии, «были переизданы католическими кругами, близкими Ватикану, якобы для «научных целей» [1 с. 438].

«Писатель Владимир Соловьев, не в пример своему отцу-историку, использовал свой талант во вред Православию. В своих богословско-философских трудах, заманчи-

вых по форме, Соловьев нередко высказывал еретические мысли (в частности о Софии, Премудрости Божией), позже претворившиеся в богохульные теории о. Сергия Булгакова. Так же увлекшись идеей воссоединения христианского мира, он за границей попал под влияние латинян и стал проповедовать в своем французском труде «Россия и Вселенская Церковь» необходимость признания авторитета римского папы! Его глубокие мысли о грядущем антихристе и конце света («Три разговора») до самой его смерти в 1900 г. переплетались с подобными соблазнительными взглядами. Хотя умер Соловьев православным, писания его в пользу латинской церкви до сих пор неустанно приводятся деятелями «восточного обряда» т.е. униатами и многими римскими авторами как образец для русских, упорствующих в «схизме». Умирая же Соловьев ревностно молился... за еврейский народ!» [17 с. 390]. В свете объединения католичества с иудаизмом это не удивительно.

«Я понял французскую революцию, – писал Белинский, – понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделиться от братства с человечеством... Я теперь в новой крайности, – это идея социализма, которая стала для меня идеей новой, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и в ней. Я все более и более гражданин вселенной... Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (*чем, в принципе, постоянно и занимались римские папы*). Позже Луначарский назовет учение Маркса «пятой великой религией, сформулированной иудейством..., подаренной титаном-евреем пролетариату и человечеству» [2 с. 162].

Итак, общими усилиями врагов Руси, объединившихся под знаменами богоборчества, была объявлена война Православию, Самодержавию и Народности. «Охота за императором Александром II велась несколько лет. Смерть его была предрешена в 1876 году революционным комитетом в Лондоне. Либерман, Гольденберг и Цукерман фактически выработали план цареубийства. Гольденберг первый предложил свои услуги убить императора Александра II, но комитет решил, что ему, как еврею, не следует брать на себя цареубийство, ибо тогда для общества, а главное, для на-

рода оно не будет иметь должного значения. *(По замыслу сатанистов, русского царя следовало убить русскими руками, или хотя бы вовлечь русских представителей в сообщество цареубийц, чтобы грех лег на народ.)* Покушение в 1879 году Гартмана взорвать царский поезд под Москвой – дело рук масонов. Поддержка революционеров, нигилистическая и социалистическая пропаганда, польские восстания, террор, войны, внутриправительственные масонские интриги и, наконец, убийство царя-Освободителя – все это явления одного порядка.

Руководители европейской политики ставили своей задачей разгром России. Между дипломатами и масонами существовало полное единение: Бисмарк вырабатывал план захвата Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Австрия носилась с планом захвата Польши и Украины. Англия подталкивала Турцию вернуться на Кавказ и в Крым, а все вместе шли к одной цели – расчленению и уничтожению Великой России. 1 марта 1881 года царь, даровавший свободу миллионам своих подданных, совершивший в короткое время величайшие преобразования, о каких повествует всемирная история, пал, злодейски растерзанный убийцами, которыми руководила мировая таинственная воля» [68 с. 355].

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ИМПЕРИИ

Царствование самого Александра III было в чем-то похоже на времена правления его деда: если Николай Павлович удерживал Россию от революции, то Александр Александрович поставил своей задачей «подморозить» империю после осуществленных его отцом реформ. А главная цель его была все та же – Россия, по убеждению императора Александра III и его ближайших советников, должна была выступать удерживающей силой в мире, силой, спасающей мир от многоголовой революционной гидры. Правительство ввело ряд ограничений в отношении религиозных сект, строго пресекало их противозаконные действия. В 1882 году были утверждены ограничительные «временные положения» об иудеях.

Император Александр III всеми силами защищал русское население, особенно на национальных окраинах, способствовал усилению здесь русского элемента, что было призвано укрепить государственное единство. В Остзейском крае он положил конец засилью немецких дворян, без зазрения совести угнетавших и русских, и местных: эстонских, литовских и латышских крестьян. В Прибалтике ведь просто шла германизация населения! В Великом княжестве Финляндском и в Царстве Польском он также отстаивал права русских, которых теснили с государственной службы.

Стараниями Александра III великая и могущественная Россия обеспечила и Европе длительный и прочный мир. И не случайно в историю Александр III вошел под почетным прозвищем «Миротворец» – российская империя не воевала тринадцать лет. Крылатыми стали его слова: «Во всем свете у нас только два верных союзника, наша армия и флот. Все остальные при первой же возможности сами ополчатся против нас». К примеру, в 1885 году афганские войска, подстрекаемые англичанами, развязали с Россией пограничный военный конфликт, но были наголову разбиты войсками генерала Комарова на реке Кушке. Англия попыталась использовать этот пограничный инцидент для начала большой войны против России. Но твердая позиция императора Александра помешала провокации англичан, и за Россией закрепились земли Средней Азии [39 с. 548–563].

Но русского монарха в расцвете сил подкосила смертельная болезнь. Возможно, это было следствием колоссального напряжения сил во время железнодорожной катастрофы, произошедшей на станции Борки Харьковской губернии 17 октября 1888 года. Тогда царь держал на своих богатырских плечах крышу покореженного вагона, пока из него все не вышли. Царская семья чудом спаслась. По другой версии царь был отравлен. Так или иначе, но и он пал жертвой за свой православный народ. 20 октября 1894 года, в возрасте сорока девяти лет, император Александр скончался.

К концу царствования Александра III Россия была в зените своей славы и мощи. Достигнув после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. окончательного освобождения Балканских государств, Россия стала общепризнанным

фактором мирового равновесия. Под эгидой царей повсюду распространялось и укреплялось Православие, нравственность и культура. Небывалый всплеск литературного, музыкального, художественного и архитектурного творчества и науки был следствием духовного обновления общества и высочайшего морально-культурного уровня. Воссозданные в XIX в. монастыри и храмы свидетельствовали, как и расцвет старчества, о глубине народной веры, столь ревностно оберегаемой русскими государями. Российская империя за сто лет ни разу не обнажила меча в корыстных целях. Россия стала единственной европейской державой, чуждой каких-либо притязаний за счет других государств. Оплакивая кончину Александра III, историк Ключевский говорил в 1894 г.: «Европа признала, что царь русского народа был и государем международного мира и порядка, и этим признанием подтвердила историческое призвание России».

Эта «паксруссика» и побудила императора Николая II последовать примеру Александра I и укрепить навсегда мир среди народов. В 1898 г. государь поручил своим посланникам при западных дворах предложить свой проект созыва Мирной конференции. Главным предметом конференции было укрепление мира путем создания международного органа арбитража для решения всех спорных вопросов, могущих вызвать вооруженные конфликты между государствами. Проект был принят с известным скептицизмом и с характерным для западных наций недоверием к идеалистическим побуждениям русских государей. Как бы то ни было, в 1899 г. в Гааге представители 28 государств одобрили предложение Николая II и создали Международный Трибунал. Государства эти (за исключением Англии и Германии!) обещали воздерживаться от увеличения своих войск и прибегать к Гаагскому Трибуналу во всех случаях, угрожающих нарушению мира [11 с. 146].

В страданиях и лишениях совершался рост России. Для Премудрого это не парадокс: «Его же любит Господь наказует, биет же всякого сына, его же приемлет» (Притч. 3:12). Причина роста, его база, глубже вторичных условий политических режимов. Эта база биологическая, способность роста даже вопреки неблагоприятным экономическим и

политическим условиям. По сравнению с предыдущим патриаршим периодом, Русская Церковь почти десятикратно возросла количественно за время синодального периода. На 21 миллион всего населения России при Петре Великом, с приблизительно 15-ю миллионами православных, Россия времени Николая II, по последней переписи 1915 г., числила в себе 182 миллиона, из них 115 миллионов православных. В патриаршем периоде Россия имела 20 епархий с двадцатью епископами. Кончила свой императорский период Русская Церковь при 64 епархиях и приблизительно 40 викариатствах, возглавляемая более чем 100 епископами. Числилось в ней свыше 50 тысяч церквей, 100.000 духовенства, до 1.000 монастырей с 50.000 монашествующих. Она обладала 4-мя Духовными Академиями, 55 Семинариями, 100 Духовными Училищами, 100 Епархиальными училищами, с 75.000 ежегодно учащихся.

Миссионерские приобретения Русской Церкви, вне наследственного прироста православного русского населения, должны быть исчисляемы в несколько миллионов. Традиционная веротерпимость по отношению ко всем религиям, национальностям и племенам, входящим в состав России, исключала быстрый темп внешней миссии русского Православия. Но в краях и областях, вновь присоединявшихся к России, миссионерское наступление было более активным. В процессе трех разделов Польши и воссоединения с Россией, русское население, в свое время искусственно завлеченное в унию в количестве около 5 миллионов, возвращено к Православию.

С постепенным завоеванием Кавказа началось восстановление бывшего там в древности христианства. В Казанском крае крещено-татарская миссия перешла, по системе профессора Ильминского, на практику переводов православного богослужения на инородческие языки, что уже само собой принято как бесспорное правило при добровольных массовых переходах в Православие в половине XIX в. из лютеранства латышей, эстов и финнов (карелов). Перешагнула русская православная миссия и через границы России: в Японию, в Сев. Америку и даже в Персию (Урмия)» [67 с. 200].

«В 1898 г. часть Восточно-Сирийской церкви, в лице урмийских несториан, присоединилась к Русской церкви,

в результате чего Святейшим Синодом в Урмию была отправлена русская православная миссия, открывшая в этом городе духовную семинарию для подготовки священников ассиро-халдейского языка. Жестоко преследуемые турками в период Первой мировой войны за их симпатии к России, несториане Урмии принуждены были, по окончании войны, поголовно выселиться в Россию и в США. У последних ассиро-халдейская колония возглавлялась епископом Иоанном Урмийским и Самайским, проживавшим в Чикаго, впоследствии в Ново-Дивеевском женском монастыре. Преосвященный Иоанн, родом из Урмии, работал в молодости переводчиком русской миссии где и окончил семинарию, был посвящен в епископы в Белграде митрополитом Антонием и стал членом Архиерейского Синода за границей.

Присоединение урмийских несториан к Вселенской Церкви побудило православное население Малабара в Индии обратиться к Святейшему Синоду с просьбой о воссоединении; однако по причине остатков несторианства, которых продолжали еще придерживатья христиане Индии, вопрос был отложен.

Тем временем Земля Русская украшалась новыми святыми, в ней просиявшими. В их прославлении так же деятельно участвовал государь Николай II. Среди таких святых, как прп. Серафим Саровский и сщмч. Гермоген, было установлено местное празднование пресвитеру священномученику Исидору и 72 мученикам, с ним в Юрьеве в 1472 г. от латинян смерть принявшим, а также прп. Евфросинии Полоцкой, прославления которой Белая Русь, томившаяся под гнетом католиков, ждала восемь веков!

Для успешного завершения миссии, выпавшей на долю России, – одновременно обеспечить «мир всего мира» и охранять Православие, необходимо было восстановить патриаршество и симфонию властей, немислимую без патриарха. Об этом уже давно толковали в Восточных Церквях. Но не все было так просто и в Церкви. Где-то в 1906 году император Николай II, когда уже всю обсуждалась тема восстановления патриаршества, опасаясь за судьбы Церкви и государства, предложил свою кандидатуру на патриарший престол. По примеру родоначальника династии патриарха Филарета, он хотел принять монашеский постриг и сложить

с себя царские полномочия в пользу наследника царевича Алексея. Видя реформационно-обновленческие брожения и в церковной среде, император готов был пожертвовать собой ради спасения Церкви и Отечества. Но члены Синода молчаливо обошли такую перспективу, а затем и вовсе преступили присягу, присягнув масонскому временному правительству, за что и попущены были последующие гонения на духовенство. Царю был уготован другой подвиг, а России предстояло на этот раз не пригубить, а испить до дна горькую чашу страданий, поскольку в дни новой Смуты не было покаяния в народе.

НИКОЛАЙ II И РУССКАЯ ГОЛГОФА

Как и подобает апостолам, большинство русских православных царей увенчали свое миссионерское служение мученическим венцом – были убиты или отравлены. Мученическая кончина всей царской семьи в 1918 году явилась логическим завершением истории царской православной государственности. Русская Православная Церковь оправдала свое предназначение, явив миру величайший сонм святых праведников и преподобных, а затем и множество новомучеников, ведомых и неведомых, по количеству не уступающих первохристианским временам.

Последующие события показали, что врагам Церкви и нашего спасения надо было разрушить внешнюю оболочку – Русское государство, уничтожить гарантов мира во всем мире – русских царей, чтобы безнаказанно разрушать Православие во всей вселенной.

Папе римскому, чтобы начать давно запланированный экуменический процесс объединения Европы под своей властью и воздействовать на православных христиан с целью их окатоличивания, надо было лишить их многовековой поддержки со стороны самодержавной России.

Определенным структурам для того, чтобы создать государство Израиль, надо было уничтожить Российскую империю с православным царем во главе, которые через Палестинское общество контролировали всю ситуацию на Ближнем Востоке, защищая интересы православных. К

слову сказать, инициатор создания и первый руководитель Палестинского Общества Великий Князь Сергей Александрович мученически погиб от руки террориста в 1905 году: уж больно досадил князь на этом посту деятелям революции и их собратям с исторической родины. Так опять в одной точке сходились интересы латинян и иудеев, стремившихся к мировому господству. За подтверждением этой версии далеко ходить не надо.

Организация Православной Японской Церкви – плод трудов святителя Николая (Касаткина) и воспитавшей его РПЦ, послужила последней каплей в чаше папского долготерпения. В свое время папы римские не могли пережить успехи Византийских проповедников, обративших в христианство Болгарское царство при патриархе Фотии. Насколько сильно проповедь учеников и сподвижников патриарха Фотия среди славян ударила по папской гордыне, можно судить по тому, что до сего дня католики называют православных последователями Фотиевской схизмы. Что же говорить об успехах русской проповеди среди японцев – в воспоминаниях самого свт. Николая проскальзывают сведения про иезуитов, во множестве заполонивших Японию, но так и не поимевших успеха на миссионерском поприще. Впрочем, отцам-иезуитам было особо и не до проповеди, перед ними стояла другая задача, с которой они прекрасно справились, послужив связующим звеном между японцами и иудеями, уйдя потом незаметно в тень и предоставив японцам возможность воевать с Россией на еврейские деньги.

«Сионистско-масонские круги сыграли немалую роль в трагическом исходе русско-японской войны 1904–1905 годов. «Чтобы столкнуть Японию с Россией, – писал другой автор того времени, – необходимо было устроить для Японии не только военные займы, но и горячее сочувствие в Америке и Англии. Сочувствие это, как теперь бесспорно установлено, было раздуто американской печатью, которая почти вся в еврейских руках. В течение целого ряда лет целая армия этих писаек клеветала на Россию, лила на нее помой, возбуждала ненависть и презрение ко всему русскому. В результате общественное мнение не одной Америки было сбито с толку».

Касэ Хидзаки писал в 1938 году: «К концу 20-х годов некоторые японские пацифисты даже стали заявлять, что их

страну заставили воевать с Россией в результате происков евреев. Один японский журнал объясняет это так: «Япония невольно зашла слишком далеко из-за предоставления неожиданного займа и, став жертвой неуместного покровительства, продолжала войну почти два года. Если бы этот насильно навязанный внешний заем был отвергнут, Япония не лишилась бы многих своих солдат».

На займы Джейкоба Шиффа «было построено более половины японских военно-морских кораблей, которые сыграли решающую роль в поражении русского флота», Шифф появился и в Портсмуте, где проходили мирные переговоры между Японией и Россией; вместе с президентом Теодором Рузвельтом он встретился с главой русской делегации Витте и обратился к нему с призывом прекратить преследования евреев в России. Шифф до сих пор считается верным другом Японии и о нем говорят с почтением»¹⁵.

Хоть и изрядно пострадала Россия в этой, искусственно спровоцированной со стороны всех мировых сил, да и внутренних врагов, войне, однако подорвать авторитет православного христианства у японцев латинянам не удалось, основание потому что было заложено не на песке папизма, а на камне истины. Война послужила для России испытанием после сделанного доброго дела. В том, что Японская Православная Церковь сохранилась и существует до сего дня, сыграло большую роль и мудрое поведение свт. Николая (который не покинул Японию и умело назидал православных японцев, избежав лишнего кровопролития), и политика самого императора Николая. Получивший еще в юности ранение от японского самурая, он не озлобился на японский народ, понимая, что простодушные японцы – только пешки в руках мировой закулисы.

Царь Николай II как-то в порыве откровенности сказал Столыпину про себя, что ему уготована такая же судьба, как Иову Многострадальному, в день памяти которого он родился. Царь оказался пророчески прав – погиб он, погибла вся его семья, разрушилась и «храмина» – Россия, но ее душа была жива, душа – Русская Православная Церковь, которая вынесла все невзгоды вместе с русским народом и прославилась в лике святых своего многострадального царя. Еще 6 мая 1902 г., в день рождения государя Николая II, о.

Иоанн Кронштадтский пророчески говорил: «Через посредство державных лиц Господь блюдет благо мира Церкви Своей, не допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее, и величайший злодей мира, который явится в последнее время – антихрист, не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей беззаконное шатание и нелепое учение безбожников. Апостол говорит, что дотоле не явится на земле антихрист, доколе будет существовать самодержавная власть. Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды, удерживающий теперь (2 Сол. 2, 7). И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего... (2 Сол. 2,8)».

Как по пророчеству св. Иоанна, с исчезновением «удерживающего» для России настали худшие испытания, так и во всем мире, с гибелью России сразу же ощутилось нарушение всеобщего равновесия. Войны, революции, невиданные доселе экономические кризисы и катаклизмы, а вместе с этим упадок всякой общественной и политической морали, озверение и человеконенавистничество привели сегодняшний мир к апокалиптическим временам. Люди изверились и готовы стать жертвой любого политического обмана.

Особенно красноречиво выразил это состояние растерянности итальянский профессор Гилюильмо Ферреро, написавший в 1933 г. в статье «Прежняя Россия и мировое равновесие» следующее: «Мы слишком забыли, что Россия с 1815 до 1914 г., в течение ста лет была великой силой Европейского равновесия. Никто больше не думает об империи царей, как если бы она исчезла совершенно наподобие Римской и Византийской. Однако следствие ее крушения едва только еще начинает чувствоваться. То, что важно для мира, это не то, что в Кремле засели Советы, а то, что там нет больше царей. Чтобы в основе переделать дух и установления современной цивилизации, надо что-то другое, а не их законы, их полиция и их экзегезы в марксизме. Но уже в течение пятнадцати лет, как цари не дают Европе и Азии в дар ежедневно мир и порядок, страх войны и беспорядок только растут. Европа и Америка ничего не находят, чем заменить политику равновесия, которая в течение столе-

тия 1814–1914 регулировала жизнь Европы. Я повторяю: дезориентация всего Запада, вызванная крушением империи царей, есть событие тем более важное, что оно проходит почти совершенно незамеченным»¹⁶.

«Сокрушив престол последнего на земле помазанника Божьего, православного царя, силы зла облегчили тем самым путь к расшатыванию и других христианских государств. Подлинно, как говорил св. прав. Иоанн Кронштадтский, государи наши были «удерживающими». Удары тайных сил были направлены на Россию, как на крупнейшую преграду к проводимой ими мировой революции» [17 с. 398].

«Около двух веков велась борьба между двумя лагерями русской интеллигенции – и в политике, и в литературе, и в искусстве. Наконец антинародная русская интеллигенция с земными умом и сердцем возобладала над народной интеллигенцией с небесными сердцем и умом. Попущением сил небесных возобладали и пришли к власти иудействующие, они и поныне властвуют над Россией – Русской землей, но не русской совестью. Подобно слову, которое сказал Господь сатане об искушении праведного Иова: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги (Иов. 2, 6)» [84].

В XX веке «зверь вырвался из бездны» – наступали ужасы предантихристовых времен. Все было готово к его воцарению, но, по свидетельствам праведников, Господь умилосердился за ходатайства пострадавших за веру и положивших души за други своя – царскую семью и целый сонм новомучеников Российских, и конец света был снова отсрочен, по крайней мере, лет на сто...

Царствование императора Николая было заключительным аккордом всего периода правления русских царей. Россия достигла апогея своего совершенства и была величайшим государством мира по богатству земных недр, благоустройству жизни и справедливости законодательства. На исходящий от Руси свет Православия стекались все племена и народы, прося подданства и защиты под крепкой рукой самодержавных государей. На ней исполнились слова Евангелия: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6, 33).

Какое вражье сердце могло спокойно смотреть, как благоденствуют и спасаются миллионы православных хри-

стиан? Маховик мировой гильотины был запущен. И напрашивается интересный вопрос: почему все враги Христа оказываются пешками, движущей силой папизма, этого латинского идола – языческого императора вселенной, превозносящегося паче всякия видимыя твари? Так и Первая мировая война – это месть России за оправославливание древнего Галицкого края, попавшего в католическо-иудейскую кабалу со стороны Австро-Венгрии.

«Говоря о заговоре, созревшем против государя, не стоит этот заговор делать главной и единственной причиной крушения русской монархии. Заговор стал возможным только из-за духовного оскудения русского народа, от духовной деградации его элиты. Идеалы Православного царства, самодержавия перестали восприниматься большей частью русского народа как естественные и органичные свойства души самого народа. Государь Николай II, верный Христу, долгу царского служения, самозабвенно любящий Россию, благородный, чистый и милостивый стал чужд и не понятен для большей части народа. Поэтому с такой видимой лёгкостью произошёл Февральский переворот, именно поэтому столь велико число предавших и малодушных. Именно поэтому народ так легко купился, сначала на «пьяную радость» Февраля, а затем на разбойничьи посулы Октября.

Насильственное свержение императора Николая II с престола, подделка «манифеста», подделка других документов заговорщиками, упорное сопротивление им со стороны государя, не означают того, что император Николай II собирался бороться за возвращение к власти. Он действительно отказался от неё, постигнув промысел Божий. Не от престола отрекался Государь в марте 1917 года, а от сатаны и его соблазнов. Государь сделал всё, чтобы сохранить свою власть земную. Осознав невозможность этого, он смиренно передал эту власть Богу. Явление Пресвятой Богородицы в Ее иконе Державной знаменовало, что Господь эту передачу принял. Император Николай II вступил на свой скорбный путь мученичества и обрёл на этом пути венец Небесный» [85].

«Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно – клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные люди отказали в послушании и верности царю еще

до его отречения, вынудив последнее от царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. В грехе царубийства повинны не одни лишь физические исполнители его, а весь народ, ликовавший по случаю свержения царя и допустивший его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитных в руках преступников, что само собой предопределило конец. Таким образом нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов, и возрождение ее возможно лишь после очищения от них... Не высказывая прямого осуждения февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе царубийства...» [86].

«Время Николая II – это не только период национального подъема, но и время энергичной организации антирусских сил, проникновения их во многие жизненно важные центры России. Воспользовавшись навязанной России войной и связанными с ней трудностями, враги России совершили государственный переворот. Царь был принужден отречься от престола и попал в заточение. Содержался сначала в Царском Селе, затем в Тобольске и Екатеринбурге, где был вместе с семьей злодейски убит еврейскими большевиками. Как видно из материалов следствия, проведенного по указанию А. В. Колчака следователем Н. А. Соколовым, убийство последнего русского царя носило ритуальный характер и имело для его организаторов мистический смысл как особое действие в акте разрушения Русского Православного государства» [4].

Этот христианский жертвенный подвиг царской семьи – победный венец тысячелетнего русского христианства. И это – ответ на притязания историков, высчитывающих процент русской крови в Романовых или оспаривающих их легитимность на русском престоле. Нигде в истории человечества среди правителей и героев мы не найдем подобных примеров непоколебимой веры и несокрушимости духа.

НАЧАЛО КОНЦА

Подготовка к революционному перевороту заняла почти столетие. Интеллигенцию вовлекли в мистицизм и спиритизм – в большей части поэзия так называемого Серебряного века пронизана духом оккультизма, а то и вовсе сатанизирована. В сфере искусств творилось то же самое, зарождающийся авангардизм, начало кинематографа, женская эмансипация, брожение умов – все работало на вовлечение человека в грех – не мытьем, так катаньем, а за нераскаянными грехами следовала потеря благодати Божией. И, таким образом, незащищенная Россия становилась легкой добычей сатанинских сил. Если во времена декабристов революционные настроения были достоянием только высшего общества, то к началу XX века масонам удалось произвести революцию умов и вовлечь во грех практически всю среднюю прослойку общества. Оставался более-менее нетронутым простой народ, но и там, особенно в рабочей среде и среди военных, умело работали иудейские агитаторы, многих сбивая с толку, спаивая и обманывая простаков.

В среде духовенства также шло внутреннее разложение, начинавшееся еще в стенах духовных училищ и семинарий, куда проникали тайные католики и иллюминаты, вместо Божественных истин умело влагая в юные головы еретические плевелы нигилизма и вольнодумства, породившие позднее неоересь жидовствующих – обновленчество. Однако в большинстве своем русский народ оставался православным и представлял собой нерушимую силу, поэтому по заговору темных сил он подлежал тотальному уничтожению.

В свое время еще германский канцлер Отто фон Бисмарк говорил: «Никогда ничего не замышляйте против России... Славян невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Это нерушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей. Даже самый благоприятный исход открытой войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Но славянам можно привить лживые, низкие ценности, и тогда они победят сами себя». Эту методику и

взяли на вооружение враги. Революция, подготовленная масонскими заговорщиками в угоду международным темным силам, был предпринята задолго до 1917 г.

Однако Всемилостивый Господь не истребил Россию с лица земли, но дал возможность на спасение и исправление. Не стало царей – и снова эстафета хранения Руси и веры перешла к святителям РПЦ. Во все скорбные моменты Русской истории, когда не было сильной государственной власти, Господь вверял кормило управления церковным деятелям – епископам и патриархам. Еще с начала XX века началась подготовка к созыву Всероссийского Церковного Собора, который был спешно собран только после Февральской революции – в 1917 году. Крупнейшим его деянием было восстановление Патриаршего управления Русской Церковью. Жребием у Владимирской иконы Божией Матери был избран новый русский патриарх святитель Тихон.

Белое движение было следствием продолжающейся войны на разрушение России. Патриарх Тихон отказался благословить лидеров «белых», тем более что после Февральской революции практически все военачальники оказались клятвопреступниками, «переприсягнув» временному правительству. Русские на еврейские деньги истребляли сами себя. Одни из белых вождей были масонами, активными участниками свержения своего царя, другие – пассивными соучастниками, третьи, хоть и оставались монархистами и не изменяли присяге, но были вовлечены в общую междоусобицу. Клятвопреступники и предатели не имели харизмы на власть. Восстановление России «союзниками», приложившими свою руку к свержению русской монархии, не входило в расчеты политиков, уже расчленивших Россию на зоны влияния, как новую колонию третьего мира.

Русских масонов, эмигрировавших из России после революции, гибель страны и все последующие ужасы не отрезвили. За рубежом они продолжили свою сатанинскую деятельность – духовенству Зарубежной Церкви пришлось даже издать указ, запрещающий священникам причащать нераскаянных масонов. Из этого становится понятно, насколько велико было отступление от Бога русской интеллигенции.

В 1917 году власть от февралистов-демократов, представляющих так называемое голубое масонство, плавно перешла к самому злобному и разрушительному – красному – во главе с масонами высокого посвящения – Лениным, Троцким, а также их приспешниками более низкого градуса: Розенфельдом, Зиновьевым, Парвусом, Радеком, Литвиновым и прочими. Свергнув с себя благое иго Христово, русский народ оказался под другим, прореченным старцем Авелем игом, и начались апокалиптические ужасы. Красный террор, искусственный голод, зверское уничтожение святынь, духовенства и простых верующих. «Разрушалась Россия сознательно, – говорит князь Жевахов, – и ее развал явился не результатом теоретических ошибок и заблуждений идейных борцов революции, желавших взамен дурного старого создать что-то лучшее и новое, как думали и продолжают даже теперь думать незрелые люди, а выполнением давно задуманных, гениально разработанных программ, обрекавших Россию на вымирание».

В том же девятнадцатом году в качестве одного из главных итогов войны и символа грядущего политического объединения Европы была учреждена Лига Наций, впервые в истории открыто провозгласившая своей целью создание всеобъемлющих надгосударственных, интернациональных «механизмов взаимодействия». Вторая тенденция ознаменовалась формированием идеологии и политической практики, известными сегодня под общим названием «фашизм». Получив официальное рождение в Италии все в том же 1919 году и наиболее полное развитие в Германии, он начал свое существование как идеология народного единства и христианского консерватизма, но выродился в мировоззрение откровенного расизма в его худших, языческих формах.

Дальнейшие события, оставившие в идеологической, политической и военной истории XX века столь страшный, кровавый след, подтвердили худшие предположения. Рухнула историческая Россия, исчез «удерживающий» мировое зло, и результаты не замедлили сказаться – дьявольская машина разрушения, «расхристианивания» Европы заработала на полную мощность [2].

КАТОЛИКИ И БОЛЬШЕВИКИ

Начало революционной деятельности в России было озаглавлено... бурной активностью со стороны католической церкви. Впрочем, это наблюдалось во все смутные времена на Руси: Рим и специально провоцировал заинтересованных лиц на борьбу против Русского государства, чтобы его ослабить и подчинить папскому престолу, и использовал любые благоприятные Ватикану обстоятельства. Только уж подозрительно часто совпадали интересы папистов, именующих себя христианами, и оккультистов всех мастей.

«Если до 1917 г. все мечты Рима об обращении России в католичество оставались бесплодными ввиду величия и значения Православной Церкви в России, верности Церкви православного народа, наличия русской культуры и склада русской души, то после революционного большевистского погрома «из хаоса и кровавого тумана пред взором Рима, устремленным на Восток, подымалось видение новой России, России католической» [87].

«Только революция способна помочь церкви», – таков был вывод папского нунция Меглия в 1868 году. Немедленно Рим сумел извлечь и использовать все выгоды, вытекающие для его целей из императорского Манифеста терпимости от 17 апреля 1905 года, предоставляющего полную свободу совести всем русским подданным. Тем не менее, канонизированный в 1954 году папа Пий X, накануне войны в 1913 году, вопил: «Россия – самый большой враг церкви». *(Как это перекликается с позднейшим высказыванием в начале 1990-х Збигнева Бжезинского: «После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское Православие». Такое полное единодушие наводит на определенные выводы – перефразируя поговорку – скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты. «Иже не со Мною – на Мя есть», – предупреждал Спаситель.)*

Поэтому нет ничего удивительного в том, что католический мир с радостью встретил большевистскую революцию: «После евреев, католиков, вероятно, больше кого-либо устраивало свержение царской власти; по крайней мере, не причиняло оно им скорби». Бесстыдно, но с большой

откровенностью также писалось в католических кругах о том, что «не скрытое удовольствие испытал римский престол от падения царской власти и не замедлил вступить в переговоры с советским правительством», как только победа большевиков стала очевидной.

А когда спросили одного высокого ватиканского сановника, почему Ватикан был против Франции во время Первой мировой войны, то он воскликнул: «Победа Антанты с союзной Россией была бы столь же великой катастрофой церкви, как некогда Реформа». Со свойственной ему прямолинейностью, папа Пий X выражал это чувство следующей формулой: «Если победит Россия, то победит схизма». Для Ватикана, как мы видим, мировая война – все тот же крестовый поход... » [63].

«Недружелюбные высказывания видных католических деятелей по отношению к исторической России столь явны и многочисленны, что думается, никто не станет их отрицать. Православная царская власть была тем оплотом, о который разбивались все мечтания и поползновения Ватикана окатоличить русские души. Из Рима с напряжением следили за каждым поворотом, за малейшим сотрясением в политической и общественной жизни России. Энр. Пуччи в статье «Святой престол и Россия» писал: «Для будущности католичества большевистский режим несравненно менее вредный, чем царский. Не потому, что есть возможность надеяться от большевиков чего-нибудь доброго, но по той причине, что они не смогут бесконечное время держать государство под своим террором и однажды будут вынуждены оставить свободное поле... » [88]

«К началу XX в. восточная политика папского престола также претерпевает изменения. Энциклика папы Льва XIII положила начало новому отношению папской курии к униатским церквам. Если прежде на униатов смотрели как на католиков второго сорта и стремились постепенно латинизировать униатские сообщества, входившие в структуру католической церкви, то отныне они получили более самостоятельное значение. Эта перемена была обусловлена стремлением использовать униатов в видах дальнейшего вовлечения христианского востока в католицизм.

Несмотря на происшедшие в начале XX в. перемены в положении российских католиков, римская курия требовала для них от властей Российской империи еще больших свобод. К Февральской революции 1917 г. католическая церковь отнеслась весьма благожелательно, надеясь на значительное расширение своих свобод в новых условиях. Надежды эти в значительной степени оправдались. Свободой, предоставленной Временным правительством, помимо римо-католиков воспользовались и католики восточного обряда – т.е. униаты.

После Февраля был освобожден униатский митрополит Андрей Шептицкий (арестованный и высланный вглубь России при вступлении царской армии в Галицию еще в 1914 г.), который сразу принялся активно участвовать в возрождении российских католических структур восточного обряда. В мае 1917 г. под председательством Шептицкого в Петрограде прошел собор русских греко-католиков, на котором было решено образовать на территории России подчиняющийся Галицкому митрополиту униатский экзархат во главе с католическим священником восточного обряда Леонидом Федоровым. Обращение тогда в католичество восточного обряда нескольких православных священников в России дало Ватикану надежду на возможность распространения унии с помощью греко-католической церкви.

Ватикан первоначально также встретил с энтузиазмом и Октябрьскую революцию, и приход к власти большевиков в надежде, что репрессивные меры советской власти ослабят Православную Церковь и создадут благоприятные условия для католической миссии в России. Однако развернутая большевиками атеистическая кампания, в дальнейшем переросшая в широкомасштабные гонения, существенно затронула и католическую церковь. После принятия в 1918 г. декрета об отделении церкви от государства католические структуры, как и другие религиозные объединения России, были лишены права юридического лица, а их имущество национализировано. В дальнейшем многие католические приходы, наряду с православными, подверглись разграблению под предлогом изъятия церковных ценностей на нужды голодающих. Однако в целом репрессии против католических священнослужителей были значительно ме-

нее жестокими, чем гонения на православное духовенство. Если представителей последнего подвергали расстрелам, арестам и ссылкам, то католических клириков чаще всего лишь высылали из России.

Ватикан понял необходимость найти совершенно новый прием борьбы с Православием, могущий безболезненно, не возбуждая ни малейшего подозрения опутать русский народ и подчинить его римскому папе. Именно этому макиавеллевскому замыслу и отвечает появление «восточного обряда», являющегося в представлении зачинщиков этого движения, «тем мостом, по которому Рим войдет в Россию». Этот мошеннический прием, уподобляющийся плаванию под чужим флагом, имел в первые годы становления советской власти очень быстрый успех как в окрестностях России, так и за границей, где греко-католики развивали бурную деятельность среди обездоленных эмигрантов, устраивая их на работу, оформляя их бумаги, открывая для них и для детей русскоязычные школы. Нельзя отрицать, что могли быть случаи бескорыстной помощи, но в подавляющем большинстве эта благотворительная деятельность преследовала узко конфессиональную цель – разными льготами заманивать несчастных беженцев в свои, на первый взгляд, стопроцентно православные церкви, но ... поминающие папу Римского. Кто скажет, сколько следов, какой неизгладимый отпечаток остался на душах, на мышлении, на поведении всех тех, кто когда-либо прикасался к этому явлению...

За границей ещё можно встретить несколько таких католических «восточных очагов», среди них – Шевтоньский бенедиктинский монастырь в Бельгии [63].

«Католическая церковь и в условиях советской власти не оставляла попыток прозелитизма. В 1923 г. Патриарх Тихон отмечал, что, пользуясь происходящей в Православной Церкви неурядицей, папа всяческими путями стремится насаждать в России католицизм. Для активизации такого рода деятельности в 1925 г. в Риме при Конгрегации Восточных Церквей была образована комиссия «Pro Russia», которую возглавил иезуит Мишель д'Эрбиньи. Комиссия занималась не только помощью католической миссии в России, но и миссионерской работой среди рус-

ской эмиграции в Европе. В 1926 году рукоположенный в епископский сан д'Эрбиньи приехал в СССР, где совершил несколько тайных епископских хиротоний и произвел реорганизацию католических епархиальных структур» [89].

«Прислушаемся, до каких вершин сплошной аморальности могло доходить католическое духовенство: «Большевизм умерщвляет священников, оскверняет храмы и святыни, разрушает монастыри. Но не в этом ли как раз заключается религиозная миссия безрелигиозного большевизма, что он обрекает на исчезновение носителей схизматической мысли, делает, так сказать, «чистый стол» («*tabula rasa*») и этим дает возможность к духовному воссозданию». А для тех, кому не ясно, о каких возможностях духовного воссоздания говорит бенедиктинец Хризостом Бауер, можно привести уточнение венского католического органа печати: «Большевизм создает возможность обращения в католичество неподвижной России».

«Никто иной, как экзарх русских католиков Леонид Федоров в марте 1923 года, привлеченный к суду вместе с 14-ю другими духовными лицами и одним мирянином, плачевно свидетельствовал перед Ревтрибуналом об искренности своих чувств по отношению к советской власти, которая, думалось Федорову, не поняла всего того, что могла она ожидать и добиться от католичества: «С тех пор, как отдал я себя католической церкви, моей заветной мыслью было примирить родину мою с этой церковью, для меня единственно истинной. Но мы были непоняты правительством. Все латинские католики вздохнули, когда произошла октябрьская революция. Я сам приветствовал с энтузиазмом декрет об отделении церкви от государства. Только под советским правительством, когда церковь и государство были отделены, мы могли вздохнуть свободно как религиозно-верующий, я в этом отношении видел действие Промысла».

Об этом же Федоров писал униатскому митрополиту Андрею Шептицкому от 6 апреля 1922 г.: «На спасение 120-миллионного, почти католического народа (*т.е. русских*) не может быть жалко никаких денег» [90 с. 54]. За несколько недель до своей мученической кончины свщмч. митрополит Петроградский Вениамин говорил в июле 1922 года Леониду Федорову: «Предлагаете Вы нам объеди-

нение, а тем временем ваши латинские священники за нашей спиной сеют опустошение среди паствы нашей».

По сути дела, Православие оказалось жертвой двух враждебных ему принципов: католичества и безбожного коммунизма, которых в этом сближало совпадение интересов. Москва понимала, что желание искоренить веру из русского народа – непосильная задача. Советские руководители готовы были, хотя бы по двум причинам, благосклонно изучить любезно предложенный им вариант католичества, чтобы направить в нужное русло эту потребность религиозности, присущую русской душе.

Первая причина – безукоризненная, много раз повторяемая, лояльность католичества к новому строю как внутри СССР, так и за границей, а вторая – выгодно было Кремлю (или просто забавно), чтобы эта религиозная потребность утолялась вековым врагом Православия. Со своей стороны, католики готовы были закрывать глаза на все зверства большевиков, в том числе и расстрел в апреле 1923 года католического епископа Буткевича, и заключение епископов Цепляка, Мапецкого и Федорова; зато шесть недель спустя Ватикан выразил свое сочувствие по поводу покушения в Лозанне (Швейцария) на советского агента Воровского. Германский посол в Москве сообщил сказанное ему народным комиссаром иностранных дел Чичериным: «Пий XI, в Генуе, был любезен со мной, в надежде, что мы сломим монополию Православной Церкви в России и тем самым расчистим ему путь».

В 1922 году ради проникновения в Россию, Рим, католический Рим, на Генуэзской конференции первый оказал дипломатическую поддержку безбожному советскому государству, никем еще на Западе не признанному! Г. Чичерин в письме зампреду ГПУ Уншлихту в ноябре 1922 года сообщал: «Новый папа Пий XI вначале занял очень благоприятную для нас позицию, т.к. он надеется, что ослабленная Православная Церковь легче соединится с католической» [91].

После чего (1925–1927) последовали тайные переговоры в Берлине между Чичериным, советским комиссаром иностранных дел, и папским нунцием, кардиналом Пачелли, будущим папой Пием XII. Обе стороны надеялись перехитрить друг друга. Чичерину нужна была временная

дипломатическая поддержка, Пачелли – более постоянное открытие границ. Он тайно и посвятил в епископы иезуита д’Эрбиньи, а тот, в свою очередь, в Москве тайно посвятил епископа Невэ, поручив ему попечение о католиках и осуществление планов Рима. «П. – Э. Невэ получил от папы и д’Эрбиньи чрезвычайные полномочия, касавшиеся постановления священников и епископов, разного рода назначений, совершения таинств и обрядов, перехода из православия в католичество. Последнему д’Эрбиньи придавал особое значение, в частности, разрешив обращенным сохранять в тайне свою новую конфессиональную принадлежность. Вообще католическим священникам в СССР были предоставлены особые права совершения мессы в любом месте в любое время без литургической одежды, причащения обычным хлебом (причем передавать причастие могли и миряне), отпущения всех грехов, в том числе тех, которые требуют обращения к папе, но за исключением тайного брака священника латинского обряда. О. Невэ в начале 30-х годов фактически стал «епископом всея Руси»¹⁷.

В архивах французского министерства иностранных дел сохранилась секретная телеграмма № 266 от 6 февраля 1925 года из Берлина. В ней сообщается, что советский посол в Берлине Крестинский заявил кардиналу Пачелли (будущему Пию XII), что Москва не будет сопротивляться устройству на русской территории католических епископов (во множественном числе) и митрополита, и что католическому духовенству будут вообще предоставлены самые благоприятные условия. Шесть дней спустя, в секретной телеграмме № 284 говорится также о разрешении открытия католической семинарии.

Священномученик Петр, митрополит Крутицкий, в своем послании от 25 июня 1925 года писал: «Много врагов у Православной Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против Православия. Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных, областях, верующий народ в унию и, тем самым, отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием» [92].

Таким образом, в то время как с неимоверной жестокостью истреблялись наши новомученики, Ватикан тайным

порядком вел переговоры с Москвой, официально добивался назначения нужных епископов и даже разрешения открыть семинарию, хотя этот вопрос ещё поднимался на высшем уровне – значит не был решен – осенью 1926 года. Можно назвать это время кульминационным в противоестественном сближении между Ватиканом и красной Москвой.

29 июля 1927 года митрополит Сергей (Страгородский) подписал от имени Церкви известную декларацию. В результате чего Москва положила конец переговорам и вниманию, уделяемому ватиканским предложениям. Возвращение традиционной Русской Церкви, отныне «обезвреженной», представляло для советской власти неизмеримо большую выгоду по сравнению с той, какую мог ей принести Ватикан, и оттого-то и потеряла она к нему всякий интерес.

К тому же, начиная с 1924 г., западные державы стали одна за другой признавать Советский Союз; поддержка Ватикана постепенно стала для Москвы не столь необходимой, и д'Эрбиньи попросили покинуть Россию. Только в конце 1929 года и в начале 1930-го Ватикан окончательно признал, что потерпел политическое поражение, и стал громко выступать против большевистских преступлений, которых он до сих пор как будто бы не замечал. Хотя и продолжали раздаваться высказывания по типу заявления ученого иезуита доктора-ксендза Швайгеля в «Папском Восточном Институте» в 1936 г.: «Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам, а духовное состояние русского народа, его благочестие и страдания служат залогом успеха проповеди унии на просторах России» [93]. А незадолго перед этим Венский католический орган «*Schonere Zukunft*», 15 ноября 1931 г. писал: «Большевизм создает возможность обращения в католичество неподвижной России».

Но уже в 1937 году (во время тотальной чистки пятой колонны в России, под которую подпали и тайные агенты католицизма), спустя 20 лет после революции, Пий XI выпустил знаменитую энциклику «Божественный Искупитель», обличающую коммунизм.

«Сколько раз за последние годы, – признается И. А. Ильин, – католические прелаты принимались объ-

яснять мне лично, что «Господь выметает железной метлой православный восток для того, чтобы воцарилась единая католическая церковь»... Сколько раз я содрогался от того ожесточения, которым дышали их речи и сверкали их глаза. И внимая этим речам, я начинал понимать, как мог прелат Мишель д'Эрбиньи (заведующий восточно-католической пропагандой), дважды ездить в Москву, чтобы налаживать унию с «обновленческой церковью» и «конкордат» с марксовым Интернационалом. И как мог он, возвращаясь оттуда, перепечатывать без оговорок гнусные статьи (Ярославского-Губельмана), именующие мученическую Православную патриаршую Церковь (дословно) «сифилитической» и «развратной»... И я понял тогда же, что «конкордат» Ватикана с третьим Интернационалом не осуществился не потому, что Ватикан «отверг» и «осудил» такое соглашение, а потому что его не захотели сами коммунисты. Я понял разгром православных соборов, церквей и приходов в Польше, творившийся католиками в тридцатых годах текущего века. Я понял, наконец, истинный смысл католических «молитв о спасении России»: как первоначальной, краткой, так и той, которая была составлена в 1920 году папой Бенедиктом XV и за чтение которой у них даруется (по объявлению) «триста дней индульгенции»... Ватикан годами снаряжается в поход на Россию»...

Ватикан понял, что первую партию он проиграл, и перешел к новому проекту. Этот план как раз и подготавливался в Риме в конце 20-х годов. Каков же он был? Поворот на 180 градусов. Прямая противоположность первому. После поддержки – осуждение злых безбожников, торжественное моление в Риме. Менее заметной стороной было создание «Руссикума» – главного центра, «гнезда» восточного обряда, где решили обучать будущих священников-миссионеров для России. Фактически, это была возрожденная греческая коллегия св. Афанасия в Риме, в которой иезуиты и в XVII веке, и в XX выращивали униатов.

Студенты должны были, оставаясь католиками, не только обучаться русскому языку, истории, литературе и, конечно же, богослужению Православной Церкви, но и придать себе совершенно православный облик: носить бороду и длинные волосы, привыкнуть к медленным движе-

ниям, поклонам, с тем, чтобы никак и ничем не отличаться от православного духовенства. Словом, подражать ему и подделываться под него. После обучения в Руссикуме будущие миссионеры должны были проходить практику в восточных областях Польши, где было значительное православное население. Все это делалось для того, чтобы быть наготове в ожидании того благословенного, долгожданного дня, когда наконец откроются границы России.

«Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам, а одухотворенное состояние русского народа, его благочестие и страдания служат залогом успеха проповеди унии на просторах России», – декларировал ученый иезуит д-р Швайгель в «Папском Восточном Институте» в 1936 году.

5-го февраля 1931 г. епископ д'Эрбиньи писал епископу Невэ в Москву о своем проекте «избрания» для России в патриархи владыки Варфоломея, тайно перешедшего в католичество. Это «избрание» состоялось бы при содействии Рима в сборе отдельных подписей православных епископов. Благодарный «избранный» кандидат подписал бы унию, и Россия ее приняла бы в ответ на щедрый жест Рима: дар России мощей святителя Николая Угодника!!!...

Монсиньор д'Эрбиньи сообщал епископу Невэ о только что завершенной в соавторстве с о. Александром Дэбнером книге, посвященной русским епископам, находящимся в изгнании. Эта книга должна была открыть Невэ немало новых деталей относительно положения эмигрировавших иерархов, а также о конфликтах их как с Тихоном и Сергием, так и непосредственно между самими эмигрировавшими епископами. Затем д'Эрбиньи переходит к изложению своего проекта: «Завершая этот уже давно начатый труд и не пренебрегая молитвой, я замыслил идею, реализация которой, несмотря на всю ее сложность и дерзновенность, возможно, не покажется Вам неосуществимой. Вкратце мой проект сводится к следующему: подготовить почву для избрания нового русского Патриарха, который, находясь в данный момент в России, приехал бы до его интронизации на Запад и, возможно, заключил бы унию со священным престолом.

Постепенно, меняя поэтапно те или иные детали в зависимости от обстоятельств, следовало бы найти способ

избрать с помощью наилучших епископов, находящихся в России, кандидата на Патриарший трон, и я подумал, что, возможно, подходящей кандидатурой мог бы быть владыка Варфоломей? Прежде всего необходимо раздобыть подписи (выборы по подписке) первостепенной важности от находящихся в заключении епископов (даже если им пришлось бы, как в случае с Готтлибовичем Филиппом, подписываться на рубашках), а затем и от других из числа наиболее достойных. Некоторые подписи могли бы быть переданы Вам и переправлены с Вашими письмами; другие можно было бы отправить простой почтой в Берлин, например, на адрес Михаила Раутеркуса: Кениггрэтцерштр, 106.

После прибытия всех этих документов в Ватикан избранный должен будет приехать либо один, либо (что было бы лучше) с одним или двумя наиболее достойными иерархами, по возможности, из числа отбывших заключение. Кажется, существует возможность переправки через Чудское озеро. В любом случае дело заслуживает самых серьезных усилий. Кто знает, может быть Советы захотят отделаться от человека, изрядно им надоевшего, и предоставят визу? Возможно также, что они таким образом захотели бы избавиться и от Вас? А может быть, каким-то иным способом? Например, с Вами в качестве слуги? Или двойника? Или дипломатическим багажом?

Если же все это не представляется возможным, – разве провозглашение Ватиканом (или благодаря Ватикану) русского Патриарха не получило бы в нынешних обстоятельствах самого великолепного резонанса? Даже если он не провозгласит унию, христианскому миру будет оказана огромная услуга уже одним тем, что спасенной окажется христианская вера многих православных за счет предотвращения их бесконечных расколов.

Ни один из находящихся за пределами России епископов не может быть Патриархом после всех их бесконечных конфликтов и взаимных отлучений; с другой стороны, внутри России патриарх сегодня невозможен и опасен, в то время как избранный гонимыми епископами и выехавший из России до своей интронизации Патриарх мог бы пользоваться огромным влиянием как в самой России, так и за ее пределами. После его (подготовленной, поддержанной или

осуществленной Ватиканом) интронизации на хорошо организованном съезде или, как они выражаются, соборе он станет по-новому подходить к вопросу о должном признании папы Римского и будет предпринимать соответствующие меры для заключения прочной унии... Тогда, дорогой владыко, успешным мог бы оказаться и проект предоставления права этому Патриарху подготовить торжественное перенесение мощей святителя Николая.

Кто знает (как видите, моя мысль несется значительно быстрее поезда, который с трудом пробирается сквозь Апеннины), может быть, мощи святителя Николая в нужный момент могли бы совершить свое «триумфальное шествие», в почетном сопровождении которого находилась бы фигура ... самого преемника Петра... Таким образом, уния оказалась бы как бы скрепленной крепкой печатью. Естественно, будет при этом немало противников, прежде всего в Риме, а затем и в храмах Москвы, Петербурга, Киевском Софийском Соборе... (можно проехать через Бесарабию). Подумайте о том, что Вы могли бы счесть своевременным и необходимым для начала этого предприятия, даже если конечный результат и покажется Вам далеким, далеким... В случае если понадобятся необходимые субсидии, дайте мне знать» [63].

О том, что все это не бред больной католической фантазии говорит уже тот факт, что в то же время – в 1923 году, такой проект католики осуществили на деле с греческим патриархом, проведя через своего ставленника церковную реформу по введению нового стиля – основной шаг к заключению унии. Тогда же и на Руси в храме Христа Спасителя состоялся знаменитый обновленческий собор, после которого, кстати, оскверненный собранием нечестивых, этот храм был разрушен. Интересно историческое совпадение: незадолго до взрыва собора дежурившему ночью на посту участковому было видение, как в луче света из храма на небо поднимался сонм святых – так перед падением Константинополя с купола собора святой Софии взмыли ввысь ангелы.

Таким образом, у католиков были далеко идущие планы. И разрушились они не случайно, а целенаправленно. Множество исследований о состоянии РПЦ в Советской России написаны субъективно, взглядом из-за рубежа. А на деле обстановка складывалась необычным образом: к

власти взамен Ленинско-Троцкистскому масонскому правительству незаметно пришел Сталин. О его правлении речь пойдет позднее, но это был единственный человек, который реально мог возродить распадавшееся государство, хоть и под прикрытием пятиконечной звезды (летал же, по преданию, свт. Иоанн Новгородский на бесе в Иерусалим).

В 638 г., когда мусульманские войска захватили Иерусалим, то патриарх выхлопотал у полководца Омара снисхождение для христиан. «Св. патриарх Софроний возглавлял оборону города до тех пор, пока была надежда на избавление. В конце концов было принято тяжелое решение о капитуляции: патриарх знал, что сопротивление штурму означало право войска при входе в город на всеобщую резню и разорение. Добровольная сдача, напротив, означала выживание и относительную религиозную терпимость. Свт. Софроний объявил, что сдаст город лишь самому Омару. Тот прибыл на встречу с иерархом. На этой встрече были обговорены условия сдачи Иерусалима. Чтобы отметить роль Софрония в сдаче города, Омар выпустил специальный документ, гарантирующий христианам право на существование. Эти принципы останутся на века образцом для выживания христианских общин под властью ислама» [12 с. 351–352].

Так же поступил в 1453 году и Геннадий Схоларий. Будучи поставлен на патриаршество в захваченном турками Константинополе, он, по поручению мусульманского султана составил документ, легитимирующий жизнь православных под магометанским владычеством. «Геннадий и султан вместе разработали новые правила существования православных в Оттоманской империи» [12 с. 600]. Хоть православные греки и стали в собственном государстве гражданами второго сорта, но это позволило, утеснив тело, спасти душу – сохранить веру. Так же поступили в середине XIII века митрополит Кирилл и благоверный князь Александр Невский, покорившись языческим правителям Орды, чтобы избежать покорения католичеством. В Советском Союзе Патриарх (тогда еще митрополит Сергей) поступил аналогичным образом. Те, кто его осуждал, действовали или по неведению (кто тогда знал Сталина и чем он, кроме национальности, отличается от Троцкого?), или по указке тайных и явных врагов Руси.

Но фактически, союз с безбожниками и открытыми сатанистами-большевиками 1918–20-х годов был и невозможен, они сами не шли на этот союз. Троцкистам по духу ближе были католики-крестоносцы, разорявшие святыни Константинополя ради надругания над верой, а не мусульмане, грабившие Константинополь ради наживы и своих благ. Везде была своя идеологическая подоплека, и святитель Сергей чутко уловил это веяние эпохи. Благодаря его мудрой политике удалось легализовать Церковь, своим поступком он нейтрализовал возможность дальнейшего разложения Церкви изнутри и положил предел католической агрессии извне. Опять Русь была поставлена в жесткие рамки – выбирать меньшее из зол, а Православная Церковь доказала свою живительную силу в любых обстоятельствах.

«К середине 1930-х гг. практически все католические структуры на территории Советского Союза были разгромлены, а священнослужители высланы (иностранцы) или арестованы (граждане СССР). К концу 1930-х гг. в Советском Союзе действовали лишь два католических прихода (в Москве и Ленинграде)» [63].

В то же время паписты не упускали возможности прозелитизма и ловили рыбку в мутной воде русской эмиграции. Как учат святые отцы, что бесы имеют обыкновение нападать в тесных обстоятельствах, так это высказывание можно приложить и к иезуитам. «Уже в 1925–1926 гг. Рим учредил миссию с прицелом на Владивосток и Сибирь. В 1928 г. в Харбине была открыта епархия «восточного обряда» и «лицей Св. Николая». Верховодил «... апостолический администратор, по внешнему виду православный архимандрит, Фабиан Абрантович». С 1931 г. в Харбине издавались католическая газета и брошюры на русском языке. Миссией в Шанхае руководили иезуиты: словаки и англичане. Ордена урсулинок и францисканок открыли свои школы для русских девочек, русский мужской лицей «Св. Николай» подчинялся ордену марианов. Часть предметов преподавалась на английском, часть – на русском языке. Но все получали приказы из иезуитской школы «Руссикум» в Риме. Русское духовенство в Харбине решительно боролось с папской миссией Абрантовича.

25 января 1948 г. Владыка Нестор (Анисимов), тогдашний Патриарший Экзарх Восточной Азии, сообщал: «В городе Харбине существует католический лицей св. Николая, в котором под видом «благотворительности» воспитываются наши советские дети, с безусловно враждебным по отношению к СССР влиянием». По указу Патриарха Алексия I и Св. Синода от 17 января 1946 г., «в противовес этому католическому лицее» митрополит Нестор открыл православное учебное заведение – лицей св. Александра Невского» [94].

РИМО-ОБНОВЛЕНЧЕСТВО

Для большевиков, пришедших к власти в 1917 году, Русская Православная Церковь априори была идеологическим противником. Именно поэтому многие епископы, тысячи священников, монахов, монахинь и мирян были подвергнуты репрессиям вплоть до расстрела и потрясающих своей жестокостью убийств.

Когда в 1921–22 годах советское правительство потребовало выдачи ценных священных предметов, дело дошло до рокового конфликта между Церковью и новой властью, решившей использовать ситуацию для полного и окончательного ее уничтожения. В мае 1922 г. Патриарх Тихон (Белавин) был арестован и под контролем власти возник т.н. «обновленческий раскол», провозгласивший полную солидарность с целями революции. В раскол ушла значительная часть духовенства, однако массовой поддержки в народе он не получил. В июне 1924 г. Патриарх был освобожден и обновленческое движение пошло на убыль.

Еще до своего ареста Патриарх Тихон подчинил все зарубежные русские приходы митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и объявил недействительными решения т.н. «Карловацкого Собора», создавшего собственное Церковное Управление. Непризнание этого Указа Патриарха положило начало самостоятельной «Русской Православной Церкви заграницей» (РПЦЗ). После смерти Патриарха Тихона развернулась сложная, направляемая властью, борьба за иерархическое руководство Церковью. В конечном счете

во главе церковного управления встал митрополит Сергей (Страгородский). Обязательства перед властью, которые он был вынужден при этом принять, вызвали протест некоторой части духовенства и народа, ушедших в т.н. «правый раскол» и создавших «катакомбную церковь».

К началу Второй мировой войны церковная структура по всей стране была почти полностью ликвидирована. На свободе оставались считанные епископы, которые могли исполнять свои обязанности. Во всем Советском Союзе было открыто для богослужений лишь несколько сотен храмов. Большая часть духовенства находилась в лагерях, где многие были убиты или умерли от болезней и лишений.

Что касается обновленчества, то это была все та же древняя ересь жидовствующих в новой упаковке, причем она насаждалась с запада и, как показал пример Греции, являлась переходной стадией к соединению с католичеством. Опять все дороги ведут в Рим...

«Это был созревший плод от дерева, прозябшего еще в начале столетия. Нигилистическое пренебрежение церковной традицией, стремление к радикальной модернизации и богослужебного чина, и всего исторически сложившегося уклада церковной жизни под демагогическим лозунгом возвращения к нормам Апостольского века, попрание канонов, политическая ангажированность – все эти родовые черты обновленчества обнаруживались в деятельности одной влиятельной церковной группировки уже в 1905 г. Речь идет о «группе 32-х» петербургских священников, шумно выступавшей тогда и на страницах церковной печати, и в Предсоборном Присутствии и на иных церковно-общественных форумах. Впоследствии эта группа назвалась «Союзом церковного обновления».

Хорошо известна двусмысленная, с провокационным оттенком, активность Георгия Гапона, лишенного сана за вовлеченность в революционные события, а потом убитого революционерами. Архимандрит Михаил (Семенов) напечатал тогда брошюру «Христианская свобода», в которой утверждал совместимость теории Карла Маркса с христианством. Профессор Киевской Духовной Академии В. И. Экземплярский в статье «Нравственное учение Иоанна Златоуста» находил, что в учении революционеров, социальных

реформаторов и Льва Толстого есть элементы, которые можно найти в творениях святого Иоанна Златоуста и других отцов церкви.

Болезненное брожение распространяется и на российскую провинцию. В 1918 г. в Пензе изверженный из сана за крайне соблазнительную личную жизнь и откровенное, на виду всего города, распутство, бывший епископ Владимир Путята объединил вокруг себя откровенно раскольническое собрание под названием «Народная церковь», после чего Собор во второй раз рассматривал дело Владимира Путяты и постановил отлучить его от Церкви «за неподчинение и презрение канонических правил».

В Царицыне бывший иеромонах Илиодор (Труфанов), сложивший с себя монашество и духовный сан, бежавший за границу, а после революции вернувшийся в Россию, объявил себя основателем «новой живой церкви» и «Всероссийским Патриархом».

В 1921 году священник Александр Введенский сколотил «Петербургскую группу прогрессивного духовенства». В среде епископата обновленцы нашли себе опору в лице заштатного епископа Антонина (Грановского), который совершал богослужения в московских храмах с соблазнительными новшествами, произвольно изменял чинопоследования, переделывал тексты молитв, за что был подвергнут Святейшим Патриархом запрещению в священнослужении. Давая отпор антиканоническим модернистским посягательствам, Патриарх Тихон 4 ноября 1921 года обратился к пастве с особым посланием, в котором подчеркивал недопустимость богослужебных нововведений.

О том, кто стоял за спиной подобных авантюристов, весьма красноречиво сообщается зав. отделом ВЧК Самсоновым в письме Дзержинскому: «Линия, принятая ВЧК по разрушению религии, с практической стороны в принципе верна, за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии. Прделанный ВЧК опыт в этом отношении потерпел фиаско. Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Илиодор Труфанов, даже он в паутине церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб.

Исходя из этих соображений, а также приняв во внимание и то, что низшее молодое белое духовенство, правда, в незначительной своей части, безусловно, прогрессивно, реформистски и даже революционно настроено по отношению к перестройке церкви, секретный отдел ВЧК за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредотачивает все свое внимание именно на поповскую массу, и что только через нее мы сможем путем долгой напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить церковь до конца. Некоторые успехи в этом отношении уже отмечаются, правда, пока что не в большом масштабе».

Не следует упускать из виду, что Дзержинский был польским католиком и воспитанником иезуитов. Так что за обновленческой ересью опять стояла папская тень, поэтому католическая верхушка так настойчиво и добивалась соглашений с большевиками – паписты рассчитывали на реальную поддержку своих людей в большевистском аппарате. Интересную мысль высказывает и Джон Колеман в своей книге «Комитет 300»: «По-видимому, многие из важных решений Комитета в отношении человечества вырабатываются на основе философии польского аристократа Феликса Дзержинского, который считал, что люди по развитию стоят чуть выше скота. Будучи близким другом британского разведчика Сиднея Рейли (фактически Рейли контролировал действия Дзержинского в период развития большевистской революции), он часто откровенничал с ним во время запоев».

В России, когда в апреле 1922 года в связи с так называемым «процессом церковников» (по изъятию ценностей из храмов) был арестован и предан суду святейший патриарх Тихон, часть духовенства реформаторского толка, воспользовавшись ситуацией, попыталась захватить управление Церковью, организовав «прогрессивную» инициативную группу «Живая церковь».

Название «Живая церковь» было выбрано обновленцами как символ развития догматического учения. «Догматы вечны и неисчерпаемы, – говорили они, – постепенное их раскрытие в сознании и истории Церкви не есть могильные плиты, приваленные к дверям запечатанного гроба навеки закристаллизованной и окаменелой истины. Наоборот, это указатели живой христианской мысли» –

это-то как раз самый настоящий католический подход. По учению же Православной Церкви догматы изначально во всей полноте были открыты Церкви Господом нашим Иисусом Христом и изложены святыми отцами Семи Вселенских Соборов.

Большевики поддерживали обновленцев-живоцерковников, прекрасно понимая, что это «гидра, могущая уничтожить Церковь изнутри». «Обновленчество – это был предательский удар по церкви изнутри, нанесенный в пору тяжких испытаний для нее, когда в разгар кампании по изъятию церковных ценностей она подверглась особенно жестоким гонениям со стороны своих внешних врагов. Церковь не дрогнула перед натиском предателей. Большая часть духовенства за ними не пошла. Храмы, захваченные раскольниками, стояли пустыми, а в православных приходах, сохранивших верность Патриарху, за богослужением продолжали возносить имена изгнанных архиереев» [95]. Обновленческий раскол просуществовал до Второй мировой войны, когда изменилось отношение государства к Православной Церкви. Большинство обновленцев покаяться и вернулись в лоно Церкви за исключением А. Введенского, умершего в расколе, и некоторых других.

Вызывает определенные ассоциации тот факт, что митрополит Сергей, который фактически свел на нет все обновленческое течение в России, оказался объектом самых больших нападков как со стороны советских «катакомбников», так и эмигрировавших «зарубежников». В царское время за граница (подразумевается масонское сообщество под руководством Ватикана и иезуитов) поддерживала политически и материально не только расплодившиеся секты различных толков, но и старообрядческий раскол в РПЦ. Следовательно, те, кто клеветает на митрополита Сергея, делают это или сознательно, как враги Православной России, или по неведению, которое легко устранить, ознакомившись с историческими документами.

ГРЕЦИЯ И КАЛЕНДАРНАЯ РЕФОРМА

Одновременно в России и Греции сразу после падения русского самодержавия активизировались так называемые обновленческие общины: их целью была «модернизация» церкви, переход на григорианский (католический) календарь и экуменическая уния с еретиками-папистами. Четкой отличительной особенностью обновленцев была их поддержка и лоббирование со стороны богоборческого правительства: в России правительства Ленина-Троцкого, в Греции – масонов. Хоть по виду эти правительства и отличались, но по рождению были исчадиями дна ада. Только одного не просчитал Ватикан в своей иезуитски хитрой программе – того, что Господь Сам хранит Православие, впрочем, про Бога-то папы римские думают меньше всего, они сами себе – боги своего олимпа.

«Немногие люди знают, что Единое Мировое Правительство начало создавать свою «церковь» в 1920–30 годах, ибо оно осознает необходимость дать отдушину для естественной потребности человечества в религиозной вере, и поэтому оно учредило «церковную» организацию, чтобы направить эту веру в желательное для себя русло» [96]. Таким образом, все процессы церковного «обновления» проходили по плану и под чутким руководством «Комитета 300».

Но то, что удалось в Греции, на которой сказала старая Флорентийская «порча», не прошло в России: русские иерархи, водимые Промыслом Божиим, успели избрать из своей среды Патриарха, а простой народ не принял никаких церковных новшеств, в том числе и нового календаря, хоть и пытались его навязать церкви через давление на свт. Тихона. Паписты и масоны пытались внести смуту и вражду в среду православного духовенства и в России, и за рубежом – но в конечном итоге РПЦ с честью вынесла все искушения, сохранив и веру, и иерархию, и паству, и старый стиль, и славянский язык. Благодаря соборности русского церковного организма и ревности о Славе Божией воцерковленной части русского общества, и в самые лютые дни гонений русским святителям удалось сберечь неповрежденное Православие.

Греческие обновленцы и экуменисты, придя к власти в 1920-е годы, сразу начали активную деятельность по разва-

лу РПЦ и захвату ее канонических территорий. (В 1923 г., пока свт. Тихон был в заключении, в юрисдикцию Константинополя были незаконно приняты Финская и Эстонская епархии, а в 1924 г. была неканонически предоставлена автокефалия русским епархиям в Польше, что ослабило целостность РПЦ.)

Прелюдией к обновленческим папистским реформам в Константинопольской патриархии стал приход к власти в Греции масонского правительства – Хунты. В разгар турецкого наступления в сентябре 1922 года тайная организация сторонников бывшего премьер-министра Венизелоса развалила греческий фронт. Офицеры-масоны захватили Афины. Хунта, за которой стоял Венизелос, в марте 1923 года поставила первоиерархом Хризостома (Пападопулоса) с титулом – архиепископ Афинский.

Явные отступления Константинопольского Патриарха от Православия и истины начались еще в январе 1920 года, когда местоблюститель Константинопольского Патриаршего престола Брусский митрополит Дорофей (1919–1921) публикует послание-энциклику «К Христовым Церквам всего мира». В этом экуменическом послании прозвучал призыв к объединению всех христианских церквей независимо от их догматических различий. Написано оно в духе папизма, как бы от лица всей церковной полноты, что канонически не выдерживает никакой критики.

В качестве первого шага к сближению энциклика предлагает «принятие единого календаря для одновременного празднования главных христианских праздников». Именно в это время при помощи подкупов и интриг на Константинопольский престол незаконно восходит Мелетий (Метаксакис) (с 1909 года состоявший в Константинопольской масонской ложе «Гармония» под № 44). Его цель состояла в объединении Востока и Запада, причем не на догматической основе Православия, а на разрушительном экуменизме.

Еще будучи Афинским архиепископом, 20 мая 1919 года на заседании Элладской Церкви, поднимая вопрос о России, Мелетий сказал: «Положение Православной Церкви в России сейчас изменилось, и есть более благоприятные перспективы сближения ее с Западом». Возлагая надежду

на обновленцев, могущих сделать в Русской Церкви поворот к соединению ее с католиками, Мелетий открыто выступал против Патриарха Тихона. «Ни у меня, ни у моих епископов не только не было разговора о каком бы то ни было примирении с католичеством, но и не возникало этого в мыслях, – говорил святитель Тихон. – Примирения с Ватиканом нет и быть не может. Этот план противоречил бы всему мировоззрению Православной Церкви». Патриарх Мелетий, известный своей экуменической деятельностью на Востоке, одобрял действия обновленцев и требовал, чтобы Патриарх Тихон передал управление Русской Церковью живоцерковникам, с которыми Мелетий поддерживал общение, имея единую цель – реформировать Православие.

Синодом Элладской Церкви «за сослужение с англиканами в 1921 году в США, Мелетий был лишен сана. Но благодаря масонской поддержке вдруг оказался на константинопольском престоле вопреки воле остальных архиереев. В 1922 году Мелетий уже от лица Константинопольской Церкви признает благодатность и законность англиканской иерархии, которую не признавали даже латиняне. А 10 мая-8 июня 1923 г. в Константинополе созывает совещание, лживо назвав его «Всеpravославным». *На нем присутствовали всего девять человек: шесть епископов, один архимандрит и двое мирян. Однако в документах комиссии совещания Мелетий самоуверенно записал: «Мы работаем как комиссия всей Церкви».*

Целью совещания была разработка радикальной модернизации всего Православного церковного строя. Было решено ввести новоюлианский календарь, составленный присутствовавшим на совещании сербским профессором М. Миланковичем, целью которого было не достижение точности счисления, а то, чтобы календарь совпадал с григорианским и был как бы переходным от юлианского к еще более новому, составленному масонами для объединившихся религий.

Следующим этапом стала утвержденная на «конгрессе» новая пасхалия, также совпадающая с римской. Все эти обновленческие реформы, немислимые ранее, были началом вторжения модернистской ереси экуменизма в Православное учение. Патриархи Александрийский, Антиохийский

и Иерусалимский отказались принять участие в «конгрессе», осудив незаконные действия Мелетия. Его поддержали лишь со стороны греческих церквей-сателлитов, уже давно входивших в орбиту Фанара и Румынской Церкви. Румынские новостильники в награду за отступничество получили статус Патриархата.

Во время работы «конгресса» духовенство и миряне собрались на митинг, который закончился нападением на Патриархию и изгнанием Мелетия из Константинополя. Но Мелетий, продолжая свою бурную экуменическую деятельность, посредством денег и интриг избрался на Александрийский престол и там ценой разделений тоже насадил новый стиль. Затем решился выдвинуть свою кандидатуру и на Иерусалимский престол. Однако на этот раз власть денег оказалась бессильной – Иерусалимские иерархи его отвергли.

В 1935 году Мелетий умер от мучительной болезни. Говорят, что он лишился рассудка и через шесть дней испустил дух, скрежеща зубами и ломая себе руки. В предсмертной агонии он стонал: «Я мучаюсь, потому что разделил Церковь!» Но Церковь разделить никто не в силах, потому что, по обетованию Спасителя, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). Он отделил лишь себя и всех тех, кто уклонился от богослужебного порядка Апостольской Церкви [97 с. 128–132].

Тем временем в марте 1924 года хунта отменила монархию, а «прогрессивный» первоиерарх Хризостом, ссылаясь на решения вышеописанного «всеправославного конгресса», ввел новый стиль. То же сделал и в Константинополе заступивший после Мелетия новый патриарх Григорий VII, вызвав огромный церковный раскол, продолжающийся до сегодняшнего дня.

Григорий VII втайне от Константинопольского Патриархата имел в ряде банков, у частных лиц крупные суммы в различной ценной валюте и драгоценностях. (*Сайт Константинопольского Патриархата указывает две фамилии и три даты рождения Григория VII – так бывает только у спецантентов.*) До своего патриаршества он десятилетиями не привлекал внимания – обычный епархиальный митрополит. Ватикан, видимо, заранее готовил

агентуру для заброса в православные страны на задание в нужный момент. Папским ставленником был, судя по всему, и архиепископ Евдоким (Мещерский), живший в США в 1914–1917 годах, а в 1923–1925 годах в Советской России вдруг возглавивший обновленческий синод с титулом Одесского митрополита, с которым Григорий VII состоял в оживлённой переписке.

В 1920-е годы, когда Русская Церковь оказалась в тяжелейшем положении и Святейший патриарх Тихон находился под арестом и был лишен возможности управлять паствой, Константинопольский патриархат активно поддерживал обновленческое движение в Москве, а его представители участвовали в обновленческих лжесоборах. Константинопольский патриарх Григорий VII настаивал, чтобы патриарх Тихон сложил с себя управление Церковью, и чтобы Патриаршество в Русской Церкви было упразднено. Свт. Тихон в ответном послании 1924 г. писал Григорию VII: «Мы немало смутились и удивились, что... Глава Константинопольской Церкви без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и Главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы (см. 2-е и 3-е правила II Вселенского Собора и др.) за епископом Константинопольским признавали всегда только первенство чести, но не признавали и не признают за ним первенство власти» [98].

В августе 1923 года в Москву приезжает греческий сакеллион Василий с посланием от Антиохийского Патриарха Григория VII, в котором говорилось о том, что на основании решения «Всеправославного собора» все Восточные Поместные Церкви признали новый стиль канонически возможным и перешли на новый календарь и новую пасхалию. Под давлением властей свт. Тихон издал было распоряжение о переходе РПЦ на новый стиль (*перед этим он предварительно созвал собор из пяти иерархов, бывших на свободе, и с ними разослал во все епархии тайное распоряжение оставаться всем на юлианском календаре*). Но не прошло и месяца, как благодаря народной стойкости во истине святителю Тихону удалось отстоять перед боготорческими властями издание официального документа о

возврате на старый стиль, т.к. никто из верующих многомиллионной России не соглашался ходить в храмы, празднующие церковные праздники по латинскому календарю, да, в принципе, никто и не собирался переходить на новый стиль – исполняли тайное патриаршее распоряжение. Так некогда не приняли на Руси и исходящей от окатоличенных греков Флорентийской унии.

В своем Послании, напечатанном большим тиражом и распространявшемся по всем приходам России, святитель Тихон писал: «Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев...» Патриарх горячо любил свой народ и верил, что даже если придет время, когда гонители от требований перейдут к жестким мерам, навязывая экуменизм, как это произошло в 60-х годах XX века, народ все равно не даст им нарушить священное Предание Церкви. На одном из экземпляров своего послания святитель написал: «Готов на всякие страдания, даже на смерть во имя веры Христовой».

Вскоре живоцерковники собирают «поместный собор», на котором незаконно лишают Патриарха Тихона сана и даже монашества. Они пишут послание Григорию VII, который на совещании 3 мая 1924 года удовлетворил просьбу российских обновленцев «о лишении Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси, сана и монашества». Это было абсолютно неканоничным действием. На этом же совещании было принято решение ввести новоюлианский месяцеслов, разработанный Мелетием на «Всеpravославном конгрессе». Решение о принятии на Руси римской пасхалии, ввиду явного сопротивления народа, патриарх Григорий оставил до «восьмого вселенского собора» [99].

Конечно, и среди греческих иерархов были противники обновленческой реформы, но как только трое митрополитов в 1935 году перешли на старый стиль, сразу же попали под запрет патриарха-новостильника: «В мае 1935 года подвижник-митрополит Хризостом (Кавуридис) вместе с двумя митрополитами присоединился к миллиону старостильников и рукоположил четырёх епископов, чей сан признавал Патриарх Алексей I (Симанский). Правительство Греции

из «народной партии», игравшей в патриотизм, немедленно заявило, что возврат к церковной старине – неприемлем. Почему? Хризостом (Кавуридис) обличал масонство, «забившее ржавчиной... все колёса государственного и церковного механизма» [100].

Все греческие епископы и большинство священнослужителей покорились нововведению. Такое предательство греческого епископата, предсказанное некогда святителем Нектарием Эгинским, явилось основной причиной возникшего разделения. Желая спастись покидали Грецию и уезжали в Болгарию, Сербию, Россию. С этого времени для всех, не принявших новый стиль, начался путь исповедничества. Народ выходил с крестными ходами на площади городов, призывая Патриарха и Синод отменить римское нововведение, за что многих арестовывали, подвергали избиениям и пыткам. Иногда люди шли на верную смерть, но не соглашались принимать папского нововведения. Тюремны были переполнены. Несколько исповедников были публично убиты.

14 сентября 1925 года в день празднования Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня более четырех тысяч старостильников собрались около церкви святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Афинах. Вскоре сюда прибыл отряд местной полиции, чтобы арестовать священника. Но ревнители Православия стояли стеной, не желая пропустить полицейских в храм. В этот момент высоко в небе засиял огромный белый восьмиконечный Крест, который как лучом прожектора осветил церковь и стоящий вокруг народ. Увидев знамение Креста, люди, падая на колени, взывали: «Господи, помилуй!» Объятые страхом, пали ниц и бывшие там полицейские, которые вразумились видением и перешли на сторону старостильников. Трое из них впоследствии приняли монашество. Крест был виден со всех концов Афин. Многие говорили, что знамение Креста явилось свидетельством Божиего благоволения к православным, не нарушившим древнее Предание Церкви и праздновавшим Воздвижение Креста Господня по старому стилю.

Греческий народ разделился на новостильников и старостильников, пошли большие нестроения и скорби. По-

том начались разделения и между старостильников, что особенно радовало обновленцев, которые могли оправдать свое отступление, мотивируя это желанием сохранить церковное единство. Греческие власти неоднократно пытались склонить к переходу на новый календарь и монастыри Святой Горы Афон. Но все эти попытки были безуспешны. Как твердый адамант веры и истинный хранитель Православия, Афон в лице лучших своих представителей отверг это противочерковное новшество и непоколебимо сохраняет веками освященный юлианский календарь.

Афонский старец иеросхимонах Феодосий Карульский писал к митрополиту Антонию (Храповицкому), увещывая его не вступать в общение с обновленцами-новостильниками. Блаженный старец напомнил митрополиту, что и пасхалия, и календарь составлены и утверждены святыми отцами на Первом Вселенском Соборе, и они неразделимы. А в догматическом определении Седьмого Вселенского Собора говорится: «Храним ненововводно все, писанием или без писания установленныя для нас Церковныя Предания». Поэтому новый календарь и был осужден на трех Соборах 1583, 1756, 1848 гг. Введение его на практике является грубейшим нарушением Церковного Предания и догматического учения о Церкви, а следовательно, необходимо удаляться от общения с такими епископами не для разделения Церкви, а ради сохранения истины [97].

В своем завещании Патриарх Московский и всея Руси Пимен, чтобы оградить верующих от новых соблазнов церковного модернизма, писал: «1). Русская Православная Церковь неукоснительно должна сохранять старый стиль – юлианский календарь, по которому преемственно молилась в течение тысячелетия Русская Церковь. 2). Россия как зеницу ока призвана хранить во всей чистоте святое Православие, завещанное нам святыми нашими предками. 3). Свято хранить церковнославянский язык – святой язык молитвенного обращения к Богу. 4). Церковь зиждется на семи столпах – семи Вселенских Соборах. Грядущий восьмой собор страшит многих... Да не смущаемся этим, а только спокойно веруем в Бога. Ибо, если будет в нем что-либо несогласное с семью предшествующими Вселенскими Соборами, мы вправе его постановления не принять».

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Отдельно следует упомянуть о таком злободневном вопросе как русификация богослужебного языка. Вот что об этом писал сам митрополит Сергей (Страгородский), еще по поручению Св. Синода занимавшийся переводом части богослужебных текстов на более упрощенный славянский язык (кстати сказать, эти переводы так и не прижились в богослужебном употреблении, не будучи приняты простым народом и духовенством): «Да не подумает кто-либо, что мы желали бы молиться на русском языке. Боже сохрани! Херувимская, Свете Тихий, Волною морскою, даже Отче наш и проч. и проч. на русском языке – это нечто такое, что при первых же звуках заставило бы нас бежать из храма; даже замена привычного нашему уху «живота» словом «жизнь» производит на нас самое неприятное впечатление. Мы настаиваем на том, что русский православный человек должен читать молитвы дома и слушать богослужение в храме непременно на родном нам высоком, прекрасном церковно-славянском языке» [101].

«Модернисты, требующие изменения обрядов, или видят в них не божественное установление, а человеческое творчество, или, что так же похоже на реформаторов, считают себя носителями благодати Святаго Духа и пророческого вдохновения, способными усовершенствовать и уточнить то, что сделано Апостолами и святыми отцами. *(В принципе, впавшие в бесовскую прелесть католики так себя и возомнили, исказив до неузнаваемости Христово учение и догматы веры. На это же теперь они провоцируют и православных.)*

Религия относится к области духа, человеческая культура – к области души. Творчество, ориентированное на культуру и вкусы современников, неизбежно совершит фальсификацию – подмену духовного душевным. Модернизм есть «мини-революция». В основном, модернисты требуют реформы языка, календаря, иконописи и церковного пения. Более крайние считают, что надо пересмотреть христианскую догматику и христианскую мораль с целью их либерализации.

Модернисты утверждают, что древний церковный язык мало понятен для современного человека, то есть они сводят язык к его семантике, игнорируя значение духовное и эмоциональное. Но литургия – это тайна, никакой язык не сможет сделать ее понятной на рассудочном уровне; она открывается душе по мере ее внутреннего очищения. Ни одно словесное объяснение обряда не может исчерпать его внутреннего смысла. Обряд и молитвы – это не столько средство информации, сколько коммуникации – включенности человека в духовную реальность.

В Библии написано, что долг иерея отделять священное от несвященного. В Церкви должен быть особый священный язык, отличный, то есть отличающийся, от обычного языка улицы и рынка или от языка философских абстракций и лирических переживаний. Сам язык Нового Завета представляет собой не простонародный и не литературный греческий язык, а идиому, не имеющую аналогии с произведениями того периода. Богослужебный язык таких народов, как грузины, славяне, сирийцы, представляет собой не язык определенной эпохи, а неповторимую идиому языка. Святые Кирилл и Мефодий на основе македонского наречия болгарского языка создали языковую идиому, которая стала священной речью славянских Церквей. Древний язык по своей динамике и богатству глагольных форм лучше выражает молитвенные переживания и чувства человека; его корневые основы более онтологичны, чем у современных языков, слово более объемно и многогранно. Древний язык соответствует типу религиозного мышления-созерцания, новый язык – научным описаниям и рассудочным суждениям. Древний язык проникает в суть предметов и вещей (ноуменов), новые языки приспособлены к описанию свойств и явлений (атрибутов и феноменов), что означает материализацию стиля языка. Если в древнем языке доминировали глагольные формы, то в современном – прилагательные всех видов, указывающие не на действие, а на качество. Новые языки имеют центробежное направление – от сердца к рассудку, поэтому молитва на новом языке, несмотря на кажущуюся семантическую ясность, оставляет сердце сухим и неудовлетворенным.

Слова древних языков часто не имеют адекватных переводов на языки новые, поскольку в их основе лежит другое мирозерцание, другое видение вещей. Если мы попытаемся перевести слово древнего языка на новый язык также одним словом, наиболее близким ему по смыслу, то обедним содержание, сделаем его узким и односторонним, нам потребуется для перевода целый ряд синонимов, а это значит, что мы потеряем ритм речи, сделаем ее складом имен. Богослужение имеет свой ритм, свое дыхание. Растянуть богослужебный стих – это значит превратить его в комментарий, а перевести на новый язык, сохранив ритм, – значит, картину в красках перерисовать одноцветным карандашом. Церковный язык ближе к внутреннему логосу – языку духа, языку религиозной интуиции и молитвенных созерцаний, чем языки современные. Это язык не рассудка, а сердца, язык непосредственных проникновений, язык напряженной духовной энергии и особой динамики. Древние языки вызывают в человеческой душе нечто вроде «припоминания» о потерянной человеком способности непосредственной внутренней передачи своих мыслей, восприятия содержания другой души и озарения от Бога.

Древний язык имеет сильнейшее воздействие на человеческое сердце. Странное явление: иногда фраза на славянском языке, минуя аналитический рассудок человека, потоком горячего света озаряет, как будто открывает его сердце, и оно трепещет, как душа странника, который после долгого пути увидел огни отеческого дома. Человек вспоминает о потерянном рае и о том языке, которому повиновались все живые существа, языке, на котором он беседовал с Ангелами. Здесь – мистика языка. Древний священный язык трогает сердце человека, заставляет звучать сокровенные струны души» [1 с. 356, 362–363].

Святитель Тихон, патриарх Московский в свое время издал документ «О недопустимости нововведений в церковно-богослужебной практике». Он писал: «Совершая богослужение по чину, который ведет начало от лет древних и соблюдается по всей Православной Церкви, мы имеем единение с Церковью всех времен и живем жизнью всей Церкви... Божественная красота нашего истинно-назидательного в своем содержании и благодатно-действенного церковного

богослужения, как оно создано веками Апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах, уставе, должна сохраниться в святой Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее ее достояние...» [99].

ИОСИФ СТАЛИН

Когда внутренние и внешние враги готовы были торжествовать полную победу, Господь выбрал И. В. Сталина, которому суждено было отсрочить гибель России. Это был бич Божий, своего рода Атиллы, попущенный на уничтожение зарвавшихся творцов революции, кормчий, повернувший корабль русской государственности на путь национального самосознания. Конечно, он не мог возродить царскую Россию, которой народ оказался недостойным, но укрепил и отремонтировал здание Русского государства, разваленное к тому времени иудейскими троцкистами практически до основания.

Как в свое время было попущено жесткое правление Петра I, который со своими перегибами послужил к полному очищению Церкви от жидовствующих: в стесненных условиях XVIII века еретикам было сложно оставаться в церковной ограде, они предпочли другую деятельность, более комфортабельную, зато и стали более узнаваемы. Так и в XX веке в жестоких условиях гонений на Церковь, она очистилась от внутренних нестроений – прорвала наружу и вытекла гноем опухоль жидовствующего обновленчества, отравлявшая в предреволюционные годы церковный организм, а истинные подвижники стяжали себе венцы мучеников и исповедников.

Никто из историков не может понять – как Сталин оказался у кормила государственной власти погибавшей страны. Есть сведения, что он был благословлен грузинским старцем на подвиг спасения Руси – так это или иначе, но плоды его деятельности налицо. Сталин в свое время окончил и гимназию, и семинарию, был церковно-образованным человеком, сумел уничтожить или частично нейтрализо-

вать и внешних, и внутренних врагов государства, вывести Россию к победе во Второй мировой войне и возродить РПЦ и патриаршество. Именно благодаря Сталину были возвращены все исконные, потерянные Россией в Японскую и Первую мировую войны, территории, и даже более того (не считая чуждых по духу и полуавтономных Польши и Финляндии), закрыты последние униатские приходы на Украине, до конца уничтожено обновленчество.

Методически и целенаправленно Сталин воплощал в жизнь царские замыслы. Еще до революции были начаты разработки проектов строительства железных дорог, электростанций и плотин, металлургических комбинатов и даже московского метро – Сталин продолжил и довершил. Учитывая опыт ведения войн предыдущего столетия, и ту роль, которую частенько играла продажная интеллигенция, Сталин в преддверии ВОВ уничтожил под корень пятую колонну и через то выиграл войну. Даже союз славянских государств-спутников Советского Союза – разве это не продолжение Балканского проекта Николая I? Какие потомки декабристов будут на это благосклонно смотреть?

До сего дня не прекращается поток грязи и клеветы, изливаемой на Сталина. Только у Господа мера другая и по ней Он будет судить каждого. Несмотря на присущие любому человеку ошибки, Сталин искренне стремился к благу России, направляя все свои гениальные способности великого государственного деятеля на ее процветание и благоустройство. Причем в обилии жертв «сталинского террора» виноват не Сталин, если бы не он – жертв было бы намного больше, вернее, в жертву было бы принесено все государство и весь народ. Самое главное его достижение – это возрождение РПЦ, максимально возможное в тех стесненных условиях, в которых тогда находилось наше Отечество. «За период с 1939 по 1952 год не было созвано ни одного съезда партии. Но за этот же период была восстановлена в своих правах патриархия, проведено три (!) Поместных церковных собора с важнейшими вопросами, в числе которых – отказ от участия славянских поместных церквей в экуменизме»¹⁸.

Сам Сталин в беседе с одним военным деятелем говорил о том, что после его смерти на его могилу вывалят кучу му-

сора, но ветер истории все развеет. Чтобы точнее обозначить роль Сталина в судьбе России, необходимо вспомнить, какая перспектива планировалась внешними силами в ее отношении. Парвус, известный деятель мировой закулисы, в 1915 году предложил немцам свой план расчленения России, который и был принят, а до него эта идея бурно обсуждалась в масонских кругах Франции. Вопрос о расчленении Российской Империи стал главным предметом Версальского мирного соглашения, подписанного 28 июня 1919 года – западные страны были полностью уверены, что с Российской Империей покончено и она ушла в прошлое. Керенский в интервью французскому журналисту Ретинью говорил о планах Временного правительства, связанных с предоставлением независимости не только Финляндии и Польше, но также Украине, народам Кавказа и Средней Азии. По существу – о ликвидации Российской Державы.

В этих условиях свершились две революции – Февральская и Октябрьская. Февральская революция для судеб исторической России имела явно отрицательный знак. Октябрьская революция повернула события в другую сторону. В очень короткое время, на протяжении всего нескольких лет, была в основном восстановлена территориальная целостность Российской Империи. Дальнейшее развитие шло в двух направлениях. Одно направление этой линии представлял Троцкий и его единомышленники. Другое направление возглавлял Сталин. По планам Троцкого и иже с ним, Россия должна была послужить горючим материалом для того, чтобы разжечь мировой революционный пожар. В этом пожаре, конечно, сгорела бы и она сама.

Победил Сталин с соратниками, поступив по-другому. Он национализировал Октябрьскую революцию, провозгласив лозунг «Построение социализма в отдельной стране», чем и спас ее от уничтожения. Конечно, Сталин не мог в этом случае игнорировать национальные традиции России и русского народа. На протяжении 30-х годов происходит поворот руководства, его политики к национальным истокам. Это прежде всего коллективизм и общинность, умение жертвовать собой – все, что русский народ доказал на протяжении многих веков. Перед Сталиным в 30-е годы стояла задача построения мобилизационного общества.

Удержаться во враждебном окружении иначе было нельзя. Необходимо было все сосредоточить в одних руках. Сталин с этой задачей справился, но построение мобилизационного общества, конечно, было связано с большими издержками. Сталин в победе над Троцким и его сторонниками удержал историческую Россию. Победа СССР, России над Германией означала второе спасение России, в котором выдающуюся роль сыграл Иосиф Сталин.

Сталину в результате победы над Германией удалось вернуть утраченные территории, принадлежавшие некогда России и сделать то, о чем в свое время мечтал Данилевский (о создании всеславянского союза во главе с Россией). Сталин создал этот союз в своеобразной форме стран социалистического содружества. Это сразу резко изменило геополитическое положение России, СССР и сделало Россию более неуязвимой, если говорить о внешней опасности. Таким образом, по итогам ВОВ, Сталин снова спас Россию. Именно при Сталине была создана мощная научно-техническая база, связанная с разработкой новых видов оружия, ядерного оружия. До сих пор в этом смысле наследие Сталина не исчерпано. Фундамент этой мощной обороны, сделавшей Россию неприступной, еще цел, и до настоящего дня он служит России. Сталин в третий раз в значительной мере способствовал спасению России перед лицом внешних угроз. К сожалению, события последующих десятилетий пошли в таком направлении, которое он, конечно, не мог предугадать и предвидеть. Мы сейчас находимся в состоянии близком к гибели. Но все это было сделано не Сталиным и даже не его наследниками, а людьми другой политической генерации. Было сделано вопреки тому, на что положил свою жизнь Сталин.

Святейший Патриарх Алексий I в своей речи перед панихидой по Иосифу Сталину в Патриаршем Соборе сказал: «Упразднилась сила великая, нравственная, общественная, сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которую он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которую он утешался в течении многих лет».

Конечно, при том, что Сталин держал в руках огромную власть, у него было окружение, с которым он не мог не считаться, и среди этого окружения были очень рьяные противники Русской Православной Церкви. Это обнаружилось

сразу же после смерти Сталина в деятельности Хрущева и его помощников.

Если исходить из того, что Сталин внес огромный вклад в спасение России и если в России видеть богоизбранную страну, носительницу Христовой веры в ее чистоте и полноте, то с этой точки зрения его можно считать православным человеком. Не секрет, что наступление на Россию, разработка тайных операций против России, позиции разного рода тайных организаций на Западе были нацелены на ее уничтожение. Космополитизм – это гражданство мира, неотъемлемый признак масонского мышления. Сталин знал, что масонские организации нацелены на уничтожение России. С давних пор они упорно шли к этому. В начале XX века была поставлена уже конкретная историческая задача уничтожения России через ее расчленение. Поэтому борьба с космополитизмом была своеобразной формой самообороны, была борьбой за Россию¹⁹.

ДУХОВНАЯ ПОДОПЛЕКА ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Господь еще раз проверил на верность русский народ: при переписи населения 1938–1939 гг. один из вопросов был относительно вероисповедания. Многие тогда «страха ради иудейска» записали себя и своих родных в атеисты. Это малодушие дорого обошлось Руси – грехи искупаются кровью. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Война, которая послужила к очищению и перерождению народа. Война, как жертва умилоствления: никто так не пострадал, как русский народ и ни от кого Господь не принял такой обильной жертвы, как от Своих заблудших православных чад. Чтобы там ни говорили о холокосте, мера страданий Руси неизмерима человеческими мерками и не идет ни в какое сравнение с иными народами.

Это была очередная попытка тотального уничтожения носителей истинной веры. И опять-таки папа римский и его гвардейцы-иезуиты играли ведущую роль в идеологической политике завоевателей, умело оставаясь в тени происходящих событий. Это был новый крестовый поход, в котором по мановению скрывавшегося за арийской идеей

римского понтифика послушно участвовала вся латинская Европа. Все войны и революции подготавливаются и ведутся творцами катаклизмов, слугами дьявола – высшими масонскими руководителями, возводящими новую Вавилонскую башню, строительным материалом и фундаментом для которой служат обломки и развалины христианских государств. Во главе этого глобализационного мира должен стоять соответствующий по духу церковный лидер, на роль которого с древности примеряется римский первосвященник. Несомненно, что и в XX веке обе русские революции, Японская, Первая и Вторая мировые войны, а затем и бесконечные вооруженные конфликты и «горячие точки» были организованы теми же структурами.

«Первая фашистская организация была создана итальянскими антикоммунистами в марте 1919 года. Вскоре аналогичные движения, каждое по-своему развивавшее идеи итальянских коллег, возникли по всей Европе, апеллируя к национальной гордости и традиционным ценностям народов континента. Как бы то ни было, начиная с этого момента, немецкое национальное движение постепенно отвергло христианство в качестве своего духовного фундамента, скатившись, в конце концов, к худшим формам оккультизма, восточной мистики и неприкрытого язычества. С этого же времени начало активно формироваться то явление, которое сегодня известно миру под названиями «национал-социализм», или «немецкий фашизм». *(Доподлинно известно, что главный идеолог немецкого фашизма – Розенберг состоял в ордене иезуитов! Отсюда и проистекает дальнейшая доктрина нацистов, создавших новый орден меченосцев для очередного крестового похода на Русь).*

Еще живя в России, Розенберг вел богемный образ жизни, был вхож в религиозно-философское общество и социал-демократические круги, знал Блока, Мережковского, Троцкого. Видимо, с той поры он и унаследовал в качестве мировоззрения едкую смесь экономической демагогии социал-демократов, смутные религиозно-философские понятия и тягу к нездоровой мистике, на которой были буквально помешаны столичные «декадентские» литературные салоны. Приверженность верхушки Третьего Рейха к оккультным, мистическим учениям хорошо известна. Эзо-

терические культы всегда привлекали к себе тех, кто неспособен к внутреннему напряженному духовному труду и желает постигнуть религиозные истины рационалистическим путем в готовом виде. Любопытно, что Гитлер, упоминаемая в своих речах о Боге, никогда не уточнял, какого именно «бога» он имеет в виду.

Любая война против Русского государства в конечном итоге имела под собой духовную подоплеку, и формально атеистическая Советская Россия не была исключением. Анализируя религиозные корни немецкого фашизма, протоиерей Сергей Булгаков писал: «Розенберговский расизм ... представляет собой не что иное, как... повторение, или, по крайней мере, вариант иудейского мессианизма... Еще раз повторяем: германский расизм воспроизводит собою иудейский мессианизм, который является противником и соперником христианства уже при самом его возникновении...». В этом случае, избегая прямых богоборческих выпадов, тайные враги с еще большей ловкостью скрывают свою губительную сущность под слоем социальной и философской демагогии, освящая «свыше» путь, «иже мнится человеком прав быти», – по слову Священного Писания (Притч. 14:12), но, – «последняя же его приходят во дно ада». И люди творят зло, сеют ненависть и беспощадно уничтожают ближних, в полной уверенности, что «с нами Бог». Такая надпись была выбита на пряжках ремней у гитлеровских солдат» [2].

«После подписания руководством католической церкви в 1929 году конкордата с Италией (восстановившего государство Ватикан), а в 1933 – с Германией (со стороны Ватикана его подписал Пий XII, который был тогда еще только кардиналом Пачелли, а со стороны Германии – вице-канцлер Франц фон Папен), оно активно сотрудничало с фашистским и нацистским режимами, большинство лидеров которых были католиками.

На Гитлера, Гимmlера, Геббельса, Шелленберга и др. сильное влияние оказали иезуиты. В. Шелленберг, глава службы безопасности СС, в своих мемуарах, например, указывал: «У Гимmlера было лучшее и крупнейшее собрание книг об орденах иезуитов. Годами он изучал по ночам эту обширную литературу. Поэтому организацию СС он

построил по принципам ордена иезуитов: высшим законом было абсолютное послушание, беспрекословное выполнение любого приказа. Сам Гиммлер как рейхсфюрер СС был генералом ордена. Структура руководства походила на иерархическую систему католической церкви». Не случайно Гитлер говорил о Гиммлере: «Я вижу в нем нашего Игнатия Лойолу». Что же касается Франца фон Папена, называвшего себя ревностным католиком и являвшегося рыцарем Мальтийского ордена, то именно ему принадлежат слова: «Третий рейх – это первая держава в мире, которая воплощает в жизнь принципы папства» [102].

Одним из наставников Гитлера был знаменитый маг Карл Хаусхофер, который кроме принадлежности к английскому тайному обществу был связан и с «Золотыми шапками» – одним из самых влиятельных секретных обществ в Азии. Вся нечеловеческая жестокость и зверства фашистов объясняются открытым сатанизмом руководителей Третьего рейха. «Гитлер оставался в постоянном контакте с неким тибетским монахом, носившим зеленые перчатки, которого называли «Хранителем ключа». 25 апреля 1945 года русские нашли в одном из берлинских подвалов шесть мертвых тибетцев, лежавших в виде круга, в середине которого находился кто-то, на ком были одеты зеленые перчатки. Представляется, что там перед этим было совершено коллективное самоубийство. 2 мая 1945 года, при вступлении русских в Берлин было обнаружено более 1000 трупов людей, совершенно однозначно происходивших из региона Гималаев и также сражавшихся на стороне немцев» [34 с. 73]. На всем протяжении истории папский Рим не гнушался брать себе в союзники оккультистов всех мастей.

Гитлер, как и Наполеон в свое время, был лишь исполнителем адского плана. Готовили войну мировые банкиры, которым она должна была принести огромную прибыль – деньги нужны были для создания Израиля и последующей постройки Соломонова храма грядущему антихристу. «Вот один из лучших примеров систем Макиавелли. С одной стороны, банкиры поддерживают стороны, участвующие в войне, а с другой, опять-таки получают доход от денег, получаемых по репарациям от Германии. Безразлично, как бы

и что бы ни сделала Германия, с самого начала было ясно, откуда придут или должны придти деньги. Это была все та же группа, которая спланировала Первую мировую войну, финансировала ее, руководила ею и питалась за ее счет» [34 с. 68]. Система очень напоминает эпоху крестовых походов: независимо от того, победят крестоносцы или нет, но и еврейские банкиры, и папа римский и орден тамплиеров получают прибыль – гибнут лишь пешки и простой народ.

Свои расчеты были у Ватикана в отношении Советского Союза. По замыслам понтифика, католические миссии должны были направляться в Россию вслед за вермахтом, чтобы внедрять священников в контролируемые им зоны. Как заявил все тот же фон Папен в ходе допроса в Нюрнберге в октябре 1945-го: «Четвероевангелия Советского Союза была задумана в Ватикане и осуществлялась либо через его миссионерский отдел, либо через его секретные службы.

Разведывательные службы Ватикана представлены двумя структурами – Священным Альянсом (АС) и департаментом папской контрразведки Modality Pianism («Стипендия Сия» – SP). По признанию некоторых исследователей, они представляют собой одну из лучших и самых эффективных спецслужб в мире. Именно АС воплощал в жизнь схему особой агентурной операции на советской территории под названием «План Диссертанта», заключающийся в вербовке священников для сопровождения немецких частей, сражавшихся на Восточном фронте, и сбора информации на предмет восстановления католицизма. Операция эта, однако, не имела особого успеха, поскольку не соответствовала немецким планам германизации восточных областей России, за реализацию которых отвечал Альфред Гейзенберг.

Полностью одобряя действия Германии и ее сателлитов, папа, вместе с тем, не забывал и о другом, атлантическом направлении своей политики. На протяжении всей войны он поддерживал неофициальные дипломатические отношения с США, большую роль в которых играли его личные связи с президентом Ф. Рузвельтом. Еще будучи госсекретарем Ватикана, Пий XII пользовался определенным влиянием в США, куда он был послан римским престолом в 1936 году, имея возможность объехать всю страну. Это была вообще первая поездка такого рода в истории Вати-

кана. Здесь он получил докторскую степень от трех университетов, встретился с президентом Рузвельтом, договорившись о восстановлении представительства США при св. престоле, существовавшем до 1867 г., общался с крупными промышленниками и банкирами, гостил у президента «Юнайтед Стейтс стил» М. Тейлора, рыцаря Мальтийского ордена, назначенного в начале войны личным представителем Рузвельта при папе.

Важным фактором американско-ватиканского сближения стало то, что в 1936–1937 гг. именно США превратились в главный источник финансирования св. престола, а в 1940 г. в американское хранилище Форт Нокс Ватикан переместил свой золотой запас, который до этого хранился в Лондоне. Федеральная резервная система США являлась главным международным банком Ватикана в течение всей войны, свидетельствуя о месте, занимаемом им, в американской стратегии. Что же касается причин особого интереса Вашингтона к римскому престолу, то одна из главных заключалась в наличии у Ватикана разветвленной информационно-разведывательной сети, возможности которой создали условия для сотрудничества секретных служб обоих государств в конце войны [102].

Таким образом, Вторая мировая война явилась самой настоящей духовной битвой и главный удар был рассчитан именно против России – носительницы православной веры. Было явлено множество откровений и чудес, указывающих на помощь Свыше и Божественное покровительство. Самое известное – явление Божией Матери митрополиту гор Ливанских Илии после его молитвенного подвига. Богородица запретила сдавать немцам города Москву, Ленинград и Сталинград, а чтобы враг их не взял, повелела обнести крестным ходом с иконой и сказала, что Господь помилует Россию, если откроются храмы и семинарии, народ станет каяться и молиться о победе. Так оно и произошло.

Противопоставить оккультному Ватиканскому Рейху можно было только Истину Божию – и Сила Божия в немощи совершилась. Катастрофический для страны ход боевых действий в начале II мировой войны заставил Сталина мобилизовать для обороны все национальные резервы и РПЦ в качестве народной моральной силы. Для богослуж-

жений открылись храмы. Священнослужители, включая епископов, были выпущены из лагерей. Русская Церковь не ограничилась только духовной поддержкой для защиты находящегося в опасности Отечества: она оказала и материальную помощь, вплоть до обмундирования армии, финансирования танковой колонны имени Димитрия Донского и эскадрильи имени Александра Невского.

Кульминацией этого процесса, который можно охарактеризовать как сближение государства и Церкви в «патриотическом единении», был прием Сталиным 4 сентября 1943 года высших церковных руководителей РПЦ. «4 сентября 1943 года на совещании, проходившем в одной из загородных резиденций Сталина, было решено пересмотреть государственную политику в области религии. В тот же день в Кремле он принял специально доставленных по такому случаю из разных концов страны виднейших православных иерархов: патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), ленинградского архиерея митрополита Алексия (Симанского) и экзарха Украины митрополита Николая (Ярушевича). Результаты этой беседы превзошли всякие ожидания. Все до единого вопросы, которые были поставлены иерархами, говорившими о насущных нуждах клира и паствы, были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение Православия в СССР. Было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха. Договорились о возобновлении деятельности Священного Синода. В целях подготовки кадров священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения – академии и семинарии. Церковь получила возможность издания необходимой религиозной литературы.

Итоги внезапной «перемены курса» стали поистине ошеломляющими. В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч! Значительная часть репрессированного духовенства была возвращена на свободу. Прекратились прямые гонения на верующих и дикие шашаши «Союза воинствующих безбожников», сопровождавши-

еся святотатственным пропагандистским разгулом. Русь оживала. Церковь выстояла [2 с. 221].

Война окончилась блестящей победой русских войск. Война отрезвила от безбожия русский народ. Храмы и монастыри наполнились священниками и монашествующими, в большинстве своем – бывшими фронтовиками, Церковь преумножилась верующими – Русь оставалась неодолимой и Богом хранимой. Хотя, конечно, явно (официально) не выраженная народом благодарность Богу за одержанную победу, обернулась потом новыми гонениями и скорбями – начиналась холодная война и последующее правление богоборца Хрущева.

В физических войнах покорить Россию было невозможно: простой и могучий, словно ветхозаветный Сампсон, русский народ черпал неистожимые силы от Бога. *(Когда во время ВОВ немецкие врачи обследовали русских девушек, угнанных на работу в Германию, то были поражены: более 90% были девственницами! «Фюрер, мы проиграем войну! Нация с такими моральными устоями и целомудрием непобедима!» – заявили они.)* Победить русских можно было только хитростью и обманом – лишив божественной благодати, ослепив духовно. Только враги не назидаются на опыте Священного Писания – уничтожая русский народ, как носителя истинной веры, они копают и под себя. Погибнет Россия – погибнет и весь мир, как Сампсон погиб под развалинами дома, погребя с собой и своих поработителей.

«С началом Второй мировой войны вновь предприняли попытку миссии в СССР греко-католики Галиции, которая в 1939 г., после оккупации Польши Германией, в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа вошла в состав Украинской ССР. В предшествующие началу ВОВ два года, антицерковные репрессии затронули этот регион в меньшей степени, чем другие области СССР (на Западной Украине были закрыты только монастыри и духовные школы). Униатский митрополит Андрей Шептицкий вновь попытался организовать деятельность греко-католических миссионеров на Востоке и даже создал 4 униатских экзархата на территории Советского Союза, но реализации его миссионерских планов воспрепятствовали советские власти.

Греко-католическая церковь активно сотрудничала с оккупировавшими Западную Украину германскими нацистами и покровительствовала местным националистическим движениям (т.н. «бандеровцам» и проч.). Эти обстоятельства обусловили резко негативное отношение к униатам со стороны И. В. Сталина и желание советских властей как можно скорее ликвидировать греко-католическую церковь на территории СССР. С этой целью было использовано давно существовавшее среди части униатского духовенства стремление возвратиться в лоно Православной Церкви. Лидером этого движения стал протопресвитер Гавриил Костельник, погибший от рук украинских националистов в 1948 г. В 1944–1946 гг. были арестованы все униатские епископы. Львовский собор 1946 г. объявил об упразднении Брестской унии. Правда, это не привело к полному уничтожению униатства: греко-католические структуры сохранились среди западно-украинской диаспоры в эмиграции, а на территории СССР существовали нелегальные униатские приходы. В то же время римско-католические приходы на территории Украины и Белоруссии открыто продолжали свою деятельность. В этот период их число в СССР значительно увеличивается за счет вхождения прибалтийских республик в состав Советского Союза. В Литве и Латвии при этом была сохранена существовавшая здесь ранее епархиальная структура, действовали духовные школы» [89].

Итак, на Соборе епископов 1943 г. митр. Сергей был избран Патриархом, а вскоре после его кончины, решением поместного Собора 1945 г. следующим патриархом стал митр. Алексей. После этого большая часть т.н. «катакомбной церкви» по призыву еп. Афанасия (Сахарова), которого многие катакомбники считали своим духовным лидером, воссоединилась с Московской Патриархией.

В 1948 г. в Москве было созвано масштабное Всеправославное совещание, после чего Русская Церковь была привлечена к активному участию в развернутом по инициативе Сталина международном движении «борьбы за мир и разоружение» – как уже говорилось, это было продолжение курса российских императоров. Какой папа римский мог это потерпеть! «В 1949 г., с завершением формирования двух мировых систем и с образованием НАТО, папа откры-

то выступил в поддержку военного блока, объявив в февральской речи «освободительную войну» против социалистических стран справедливым деянием. Пиком политики «холодной войны», проводимой католической церковью, явилось принятие Конгрегацией Священной канцелярии в июле 1949 г. декрета, осуждающего коммунизм. Под угрозой отлучения от Церкви запрещалось: вступать в коммунистическую партию и симпатизировать ей, распространять, читать или публиковать книги, газеты, журналы или листовки, излагающие теорию и практику коммунизма.

Папа в ответе президенту Г. Трумэну, воздав должное сплочению в мировом масштабе под главенством США сил, борющихся против «несправедливости и лжи», пообещал всю возможную помощь, заявив, что президент найдет «в Божьей церкви полного радости, искреннего, готового к сотрудничеству партнера». Призвав открыто к новому «крестовому походу» против коммунизма, папа четко сформулировал свою позицию в международных делах, заявив, что он против деления мира на фашистов и антифашистов, противопоставив этому делению свою формулу: «За или против Христа». Еще в своем рождественском послании 1947 г. он объявил «дезертиром и предателем любого, кто окажет материальную поддержку, предоставит свои услуги и способности, помощь и голос партиям или властям, не признающим Бога. Коммунистические руководители, даже если они не возражали против религии, и теоретически, и практически оказывались врагами католической церкви и попадали под папскую «статью». Пий XII активно поддерживал католические церкви в Восточной Европе, а в 1952 г. опубликовал апостолическое послание к народам России, в котором призывал их отречься от коммунизма и обратиться в католическую веру [102].

Конечно, сразу после смерти Сталина политика римской курии, проводимая ее агентом Хрущевым, была направлена на усиление активности униатов и обособление Украины как «законной папской территории» незаконно захваченной русскими князьями, царями, императорами и ... Сталиным. Кроме того, в противовес предложенному советским правительством курсу за мир и разоружение, последовала разжигаемая и благословляемая Ватиканом

война против Руси и других православных стран, русскому государству мировой закулисой было предложено разоружаться в одностороннем порядке, был созван Ватиканский собор и РПЦ втянута в экуменизм.

«Стремясь создать противовес социалистическим странам и обеспечить свое духовное лидерство в Западной Европе, Ватикан активно содействовал европейской интеграции, прекрасно понимая, какие возможности предоставляет «историческое примирение» Франции и Германии и объединение европейских государств на основе франко-германского католического ядра.

В 1948 г. папа принял в Риме второй конгресс Европейского союза федералистов, созданного при содействии американского Совета по международным отношениям и лично А. Даллеса (работавшего в ЦРУ, которое он возглавит в 1953 г.). Те общественные и политические деятели, которые стояли у его истоков, являлись убежденными католиками, были тесно связаны с Ватиканом и одновременно придерживались четко проатлантической линии. Жан Монне, Поль-Анри Спаак, Робер Шуман и Конрад Аденауэр, сыгравшие главную роль в подготовке договора о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) 1951 г., были ревностными католиками, и их проект был созвучен идее «католического интернационала». К. Аденауэр, как и Р. Шуман, был близок к «Опус Деи», дружен с папой еще с довоенных времен и фактически представлял интересы Ватикана в Европе. Показательно, что и договор о Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и Европейском сообществе атомной энергии (ЕСАЭ) 1957 г. были подписаны в Риме» [102].

НОВОМУЧЕНИКИ СЕРБСКИЕ

Заканчивая тему периода Второй мировой войны нельзя обойти молчанием нашу единовенную Сербию. Начиная с эпохи крестовых походов, папство огнем и мечом насаждало латинскую ересь среди славянских народов.

«С началом войны папа Пий XII отказался объявить Германию агрессором и, провозгласив нейтралитет, до самого окончания военных действий не сделал никакого заявле-

ния в пользу той или иной стороны. При этом, как пишет исследователь Карло Фалькони, изучивший многочисленные архивные документы Польши и Югославии, Ватикан, представляя собой самое значительное разведывательное агентство в мире, был в курсе малейших деталей, связанных с военными событиями, так что Пий XII был прекрасно информирован о тех методах, которые применяли нацисты в отношении своих жертв как в Центральной и Восточной Европе, так и в Советском Союзе. Однако католические иерархи не только не выступали в защиту преследуемых, но и запрещали это делать.

С экспансией нацистской Германии римский престол связывал большие надежды на осуществление окатоличивания восточных славян и восстановление своих позиций на западной территории Советской России. Св. престол открыто поддерживал профашистские режимы, установленные в Восточной Европе» [102].

«Во время Второй мировой войны Гитлер выкроил из Югославии «Независимое Хорватское Государство», во главе которого был поставлен присланный из Рима хорватский католический агент Павелич. Глава римо-католической церкви в Хорватии архиепископ Загребский Степинац немедленно признал Павелича и его государство, объявленное римо-католическим, в котором не должно быть места для православных. В убийствах и всякого рода зверствах над православными участвовали сотни римо-католических духовных лиц.

В Москве с 8 по 19 июля 1948 года по случаю празднования 500-летнего юбилея автокефалии РПЦ проходил Съезд представителей Православных автокефальных Церквей... Иерархи из балканских стран со слезами на глазах докладывали высокому Собранию о тех ужасах, какие претерпели православные Сербии, Хорватии, Боснии, Герцеговины от Римской курии. В период ВОВ по указаниям из Ватикана было открыто дикое гонение на православных в Хорватии, которых насчитывалось около 2 300 000. Ксендзы с церковных амвонов призывали к их избиению, оккупанты поголовно истребляли сербское население. Под влиянием такой проповеди разъяренные женщины-католички ворвались в квартиру епископа Саввы, убили его и тело бросили в реку.

Были убиты Сараевский митрополит Петр, епископ Платон и в г. Загребе митрополит Ерофей.

В журнале Московской Патриархии за 1949 год (№ 2) опубликован отзыв на книгу профессора Белградского университета Виктора Новака «Полвека католицизма в Хорватии». В нем говорилось: «Зверская природа хорватского воинствующего клирофашизма сказалась в таких проявлениях, что они превзошли ужасы средневековой инквизиции. Клирофашисты, объединившись с антиславянскими организациями усташей и крижаров и руководимые католическими митрополитами Загребским Степинацем и Саровским Шаричем, приступили к самому варварскому искоренению православных сербов. Около полумиллиона их было невероятно жестоким образом перебито, до 300 000 насильями и угрозами обращены в католичество, сотни тысяч были ограблены и изгнаны в Сербию, оставшиеся должны были носить на руке голубую ленту с буквой «П», т.е. «Православный», или делать на окнах своих жилищ надпись: «Грековосточный» и быть в положении бесправных рабов, которых всякий мог незаконно убить или ограбить.

Почти все православные храмы были разрушены, сожжены, или обращены в католические. Вот только два свидетельства из громадной массы фактов. Летом 1941 г. в Ливанийском округе францисканец д-р Сречко Перич обратился к хорватам с речью: «Братья хорваты, идите и перережьте всех сербов, а для начала зарежьте мою сестру, вышедшую замуж за серба, а потом и всех сербов по порядку. Когда с этим покончите, приходите ко мне в церковь, я вас поисповедую, и все грехи вам простятся». В этом округе были перебиты все сербы в количестве 5600 человек. В селах около Мостара католические священники в своих проповедях внушали народу, что серба убить не грех.

В Столачком округе, где было перебито около 4000 невинных сербов, убийцами руководили два католических священника – Марко Зовко и Томас Илья. Последний в селе Клепец заставил многих православных перейти в католичество, причастил их и затем отправил в школу, где их всех до одного перебили усташаи. Нужно заметить, что такова была и обычная практика клирофашистов: перешедшие в католичество православные часто убивались вскоре после пе-

рехода, обеспечивающего им, по воззрению католических «миссионеров», спасение души...

Пий XII, приветствовавший в своей речи 29 июня 1941 г. нападение Гитлера на СССР и видевший в искоренении Православия в Хорватии один из этапов на пути покорения православного Востока, своими заявлениями представителям Хорватии не раз одобрял деятельность усташей и крижаров... В «Независимой Хорватии» католичество получило возможность, сбросив все невольные надеваемые маски, беспрепятственно в чистом виде проявить свою истинную сущность. Папизм прибавил религиозный коэффициент бесконечности к усвоенному им политическому властолюбию древнего Рима, и во имя его, не останавливаясь ни перед чем, попирает, где только может, все мешающее его планам, и с особенной яростью обрушивается на Православную Церковь, являющуюся постоянным обличением его неправды» [26].

«Так и не осудив нацистский режим, Ватикан стал «самой большой организацией, причастной к нелегальным перевозкам эмигрирующих преступников» (так было сказано в докладе Винсента Ля Виста, спецагента спецслужбы американских вооруженных сил СИС). Осуществлялось это в ходе операции «Ватиканский коридор» или «Монастырь», в проведении которой, в частности, принимал участие кардинал Монтини, будущий папа Павел VI (показательно, что с началом его понтификата архивы Ватикана, касающиеся Независимого Государства Хорватии о зверствах усташей, были закрыты).

При этом каналы, через которые уходили нацисты, были связаны со структурой шпионажа США и прикрывались англо-американской разведкой – кодовым названием их было «крысиные тропы» («Rat Lines»). Создавались они заранее, еще в 1943–1944 гг. помощником Монтини, представителем Австрии при папском престоле епископом Алоизом Гудалем и немцем Вальтером Рауффом, изобретателем передвижных автомобильных газовых камер для карательных подразделений СД и полиции безопасности рейха. Вместе с Карлом Вольфом Рауфф вел известные сепаратные переговоры с Алленом Даллесом в марте-апреле 1945 г.

Финансировалась данная операция и за счет нацистских средств, отмываемых на черном рынке, и за счет средств Вашингтона, передаваемых через его представителя в Риме Тейлора, а осуществлялась – под видом деятельности Понтификальной комиссии содействия военнопленным. Нацисты часто прятались в католических монастырях Италии и выезжали переодетыми католическими священниками. В итоге Ватикан помог уйти от наказания многим немецким, хорватским, австрийским, венгерским и пр. военным преступникам, бежавшим в Испанию, Португалию, Южную Америку, Австралию и Канаду. Считается, что по ватиканским паспортам Европу покинуло около 30 тысяч нацистов. По тем же каналам осуществлялся и «трансфер» нацистского золота, который также курировал Алоиз Гудаль.

После переброски нацисты и дальше продолжали пользоваться услугами католических организаций, как например, бывший министр иностранных дел НГХ А. Артукович, прозванный «министром смерти», которого прикрывало второе по величине католическое общество США «Рыцари Колумба». Удалось бежать также и самому Анте Павеличу, первое убежище которому было предоставлено в Ватикане» [102].

«И вот в конце XX века вновь полилась кровь православных сербов. В 1991 году в Вуковаре, накануне освобождения его Сербской Народной Армией, были замучены сорок детей-мучеников» [26]. А затем последовала бомбежка православного Косово и все ужасы натовской оккупации. Где также не обошлось без сугубого благословения папских агентов, так ярко проявивших себя в уничтожении православных святынь – одни бомбы с «пасхальным поздравлением» чего стоят! Ведь не случайно американцы, с подсказки папских сообщников, в 1946 году подвергли атомной бомбардировке именно Хиросиму и Нагасаки: в этом районе проживало большое количество православных японцев и еще в XIX веке при свт. Николае (Касаткине) был открыт православный храм.

Поэтому можно представить ту адскую злобу, которую испытывали к России и Сталину силы зла, материализовавшиеся в католическом западе, когда под защитой СССР одно за другим вырастали государства-спутники, воплощая в жизнь идею византийских, а затем и российских импера-

торов о православном содружестве. «Могущество СССР как геополитического преемника Российской Империи после Второй мировой войны безусловно возросло до невиданных размеров. Внутри же его правящей элиты по-прежнему шла смертельная борьба «националистов» и «космополитов». Фракцию внутрипартийных «славянофилов» к этому времени возглавил Жданов» [2]. Вскоре Жданов был убит и к власти неуклонно стали стремиться враги Руси.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ИЕЗУИТЫ

«Посеяв в России хаос, – говорил в 1945 году американский генерал Ален Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, – мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа; окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь не-

многие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Годом позже – 5 марта 1946 года – в Фултоне со своей знаменитой антисоветской речью, положившей начало «холодной войне», выступил Уинстон Черчилль. Размах начавшейся вслед за тем антироссийской пропагандистской кампании поразил даже видавших виды русских эмигрантов.

«Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви, – писал Иван Ильин, раньше и яснее других почувствовавший, в чем дело. – Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе, что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов...

Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчлениить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-не состоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии». Господи, все повторяется в этом мире! Вспомним же XIX век: «Попробуйте вразумить просвещенную Западную Европу насчет России... Не вразумите! У нее нет даже органа для понимания России» (И. С. Аксаков) [2].

План Даллеса начал воплощаться в жизнь задолго до его обнародования. На международном уровне война принесла успехи иллюминатам. Они добились создания ООН в 1945 году и Израильского государства в 1948 году, что яв-

лялось важным этапом на пути к установлению «Нового мирового порядка».

«Сталину помогли уйти на тот свет будущие творцы оттепели, так как они понимали, что традиционалистский проект, задуманный генералиссимусом, не оставляет места коммунистической партии и ее руководителям. Поскольку основой русского традиционализма объективно является Православная Церковь, Никита Хрущев и обрушил на нее свой главный идеологический и политический удар. Здесь мы видим месть Сталину за его церковную политику.

Хрущев выбрал наихудший, троцкистский вариант модернизации. Следует говорить именно о двух проектах послевоенного развития страны: о сталинско-державном, который был объективно направлен на возрождение русского традиционализма, и о хрущевско-троцкистском антидержавном, который объективно вел к гибели государственности и традиционализма. Брежневский неосталинский курс оказался половинчатым, непоследовательным и не смог до конца преодолеть хрущевизм-троцкизм, который снова выпрыгнул, как кое-кто из табакерки, в период горбачевско-ельцинской перестройки»²⁰.

Новая волна агрессии против России и Православия вновь тайно и умело направлялась из Ватикана. Ее проводником стал «крестьянский сын» Никита Сергеевич Хрущёв. «Сын крестьянина, ненавидевший Православие и влюблённый в Ватикан, реабилитировавший западнцев-бандеровцев и равнодушный к бедствиям русской деревни? При Сталине существовали материалы о галицийском (польско-язычном) происхождении Хрущёва. Тот на жарком пленуме 1957 г. проговорился: «Да меня самого обзывали польским шпионом!». Не означают ли связи с троцкистами, что Хрущёв, как и Троцкий, мог заимствовать чужие документы, взять «революционный псевдоним»? В Барселоне недавно вышла Enciclopedia Universal Sopena. В заметке о Хрущёве говорится: «Его настоящее имя – Никита Соломон Перлмуттер» [94]. Скорее всего, Хрущев был из австрофилов, униатов-западнцев. Это подтверждает и его присутствие в 1944 году на похоронах униатского митрополита Андрея Шептицкого, известного пособника Австро-Венгрии, затем и «третьего рейха».

Единственным на Западе, кто предрёк приход к власти Хрущёва, был К. Мельник, работавший в 1949 г. у иезуитов в «русском отделе ватиканской разведки» при кардинале Тиссеране, а при президенте де Голле в 1959–1962 гг. ставший куратором французских спецслужб. То есть Хрущев был агент Ватикана, заранее внедренный в руководство СССР с целью последующего захвата власти. Ведь при всей ненависти к Православию, гонений на католиков и униатов он не устраивал, даже наоборот, его дочь с зятем ездили за благословением к папе римскому. В этом отношении можно вспомнить и дезертировавшего в ВОВ к немцам при первой же возможности сына Хрущева, выловленного потом в немецком тылу и расстрелянного нашей контрразведкой. А также смерть генерала Ватутина, который вместе с Хрущевым выехал прямо на бендеровскую засаду и был смертельно ранен при невыясненных обстоятельствах.

В апреле 1955 г., едва прийдя к власти, Хрущев встретился с первым иностранным политиком – это был австрийский канцлер Юлиус Рааб, получивший в свое время католическое образование у монахов-бенедиктинцев и возглавлявший после войны католическую, так называемую «народную» партию. Рааб в свое время воевал против России в Первую мировую офицером-сапёром в Галиции, во время Второй занимался «дорожным строительством» и дружил с гауляйтером Австрии. В итоге договоренности с Хрущевым к сентябрю 1955 г. были выведены советские войска из Австрии.

Кроме того, «Хрущёв передал австрийцам даже права на нефтяные промыслы и нефтеперерабатывающие заводы советской оккупационной зоны в обмен на разовую поставку 10 млн. тонн сырой нефти, но в 1958 г. сократил и этот объём наполовину, к радости Рааба. Согласился даже не требовать с австрийцев репараций. Отдав им 419 заводов (наша доля трофейной германской собственности), он оценил их всего в 150 млн. долларов. Но и этих денег СССР не получил. Хрущёв согласился на «оплату» австрийским ширпотребом, скорее всего, завезённым из США по плану помощи – «плану Маршалла». Это была сделка с Западом при сознательном попрании интересов СССР ради австрий-

ского католицизма. Политика Хрущёва была тщательно продуманной, и его присутствие на похоронах Шептицкого – не случайно [94].

Хрущёв открыто общался с папами Иоанном XXIII и Павлом VI, замешанными во всех преступлениях рейха, а затем и с Пием XII (Пачелли) (1939–1958), союзником Гитлера, Муссолини и США. Ещё до своего первого (в 1959 г.) приезда в США, 1 декабря 1958 г., Хрущёв принял в Кремле американского сенатора Хэмфри, после встречи сказавшего о Хрущёве: «Этот человек нам подходит...»

Для того, чтобы начать выгодную американцам программу по разоружению СССР, Хрущёв избавился от Жукова. Мешал верующий маршал и готовящимся гонениям на Церковь. «Ещё в конце 1940-х гг., командуя Уральским военным округом, Жуков публично ответил Ермакову, одному из царевийц: «Палачам руки не подаю». Пока решительный и всегда независимый Жуков был в правительстве, Хрущёв скрывал свои цели».

Гонения на русских православных сочетались у Хрущёва с подлинной «оттепелью» к врагам СССР. Хрущёв настоял на издании указов от 13 и 23 декабря 1956 г. о досрочном освобождении японских военнопленных, отбывавших срок за военные и уголовные преступления. Генерал Ямада, осужденный при Сталине за военные преступления на 25 лет, был отпущен в Японию ещё в феврале 1956 г. *(Ямада утвердил планы применения бактериологического оружия против СССР – распылением с самолётов и с помощью отрядов диверсантов. Ему подчинялись концлагеря, известные как «отряд 731» и «отряд 100», где японцы проводили опыты на живых людях.)* Как нужно ненавидеть Россию, чтобы Ямаду выпустить на свободу?

«Учитывая интересы японского государства», Хрущёв, Булганин и Шепилов обещали отдать японцам часть Курильских островов и отказались от репараций с Японии. Сталин держал Японию вне ООН. Хрущёв позволил Японии в декабре 1956 г. стать членом ООН. Японцы «отблагодарили» СССР, начав перевооружение с помощью США. Япония была и остаётся в тесном военно-финансовом союзе с США. Католические, в том числе и иезуитские миссии в Японии имеют давнюю историю, уживаясь с местным язычеством.

И хрущёвский разворот «на восток», к Японии, был частью его заискивания перед Западом и Ватиканом.

Одновременно Хрущёв ослаблял СССР. В Прибалтику, на Кавказ и в Среднюю Азию из РСФСР уходили огромные деньги, на них открывались университеты и академии наук, а напоминания о частичных депортациях при Сталине (без пояснения – за пособничество оккупантам) питали сепаратизм. Насаждалось планирование по республикам, а не по отраслям. В феврале 1957 г. Верховный Совет СССР принял законы о расширении прав союзных республик. Подобная политика проводилась и при «перестройке», поэтому ещё за год до распада СССР Польша признала Украину независимым государством и установила с ней консульские отношения.

Передача Крыма Украине также была частью плана развалить СССР. 11 марта 1961 г. Патриарх Алексий I писал Куроедову, председателю Совета по делам РПЦ: «Из беседы с Вами выяснилось, что назначения на украинские Епархии следует, при перемещениях, делать из состава украинских епископов. Таким образом, в Харьков пройти не может Курский епископ». Значит, Хрущёв шёл к «ридной церкви» на «незалежной Украине». Разве не это было мечтой иезуита-униата графа Шептицкого? Не случайно политика внутри СССР совпала со сближением с Римом.

Пресловутый «план Даллеса» был инициирован ещё Отто фон Бисмарком: «Могущество России, – писал Бисмарк, – может быть подорвано только отделением от неё Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, стравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени»...

СОВЕТСКИЙ ЮЛИАН ОТСТУПНИК

«Датой официального начала гонения можно считать 16 октября 1958 года, когда Совет министров СССР принял постановления о положении монастырей и о налоговом обложении доходов Церкви. За 12 дней до того ЦК КПСС издал секретное постановление «О недостатках научно-атеистической пропаганды», предписывавшее всем партийным и советским органам развернуть наступление на «религиозные пережитки». За время гонения в два раза уменьшилось число храмов и в три – монастырей. Более 1200 человек оказалось в тюрьме, в том числе несколько епископов».

Многие монастыри и храмы сохранились только благодаря личному мужеству их настоятелей. Так, например, наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов), участник ВОВ, «сжег бумагу с личной подписью Н.С. Хрущева о закрытии Псково-Печерского монастыря на глазах «государевых посланцев» и сказал: «Лучше я приму мученическую смерть, но монастыря не закрою».

Житие недавно прославленного прп. Амфилохия Почаевского рассказывает, как он воодушевил богомольцев прогнать из лавры милиционеров, приехавших закрывать Троицкий собор монастыря» [103]. Стойко стояла против закрытия обители и игуменья Корецкого монастыря Людмила (Вельсовская) – сестра милосердия Первой мировой и Великой Отечественной войн. Она писала юридически и исторически грамотные жалобы во все инстанции, умела постоять за себя и за монахинь, тайно перепечатывала и распространяла дореволюционные церковные книги. Обитель приняла 53 насельницы из разгромленного Кременецкого монастыря и ещё 50 – из Дерманского. Всего 179 монахинь оказались как в осаждённой крепости. Милиция отобрала у них монастырские парники, пасеку, сарай, огород в 2,5 гектара. Игуменью Людмилу шантажировали местный прокурор, начальник милиции и глава райисполкома, вломившись к ней 22 октября 1962 г., когда она лежала с тяжёлым воспалением лёгких. Но Патриарх Алексей I (Симанский) встал на её защиту, отбив все атаки.

Погромы церквей носили явно заказной иезуитский характер: «налёты на Почаевскую Лавру и Корецкий монастырь в один день – 22 октября 1962 г. – вряд ли совпадение. Как известно, в 1955 г. Хрущёв реабилитировал бандеровцев-униатов. Униатов всегда направлял орден иезуитов. У них свой календарь, отличный от общекатолического. И день 22 октября для иезуитов очень важен: «22 октября 1552 г. утверждение папой Юлием III «Привилегий» Ордена». Вполне вероятно, что многие хрущёвцы-западенцы вели двойную жизнь: официально они – «строители коммунизма к 1980 году», а тайно – пособники Рима. Все же помнят, как многие активисты КПСС на Западе Украины уже в конце «перестройки» сколачивали «Рух», силой «возвращали храмы» униатам».

По всей стране проводились антирелигиозные митинги и демонстрации, молодежь усиленно вовлекалась в осквернение национальных святынь и кощунственные мероприятия – танцы на кладбищах, сжигание икон, устраивались молодежные заградотряды перед храмами на Пасху и другие праздники. Весной 1960 г. в Харькове закрыли и взорвали собор в честь кн. Александра Невского. А в одном из городов Западной Украины обнаглевшие молодчики – сыновья реабилитированных Хрущевым бандеровцев, занесли в храм обнажённую девицу и пытались пронести её в алтарь, но верующие их поколотили. Акты вандализма в СССР при Хрущёве напоминают выходки французских мажон-революционеров конца XVIII века.

Мало кто знает, что и на патриарха несколько раз готовилось покушение. «1 апреля 1961 г., за всенощной во время праздника Вербного Воскресенья, в Богоявленском кафедральном соборе в 8 часов 35 минут вечера произошло покушение на Патриарха Алексия. Сам Патриарх в записке Куроедову от 3 апреля описывал это так: «... во время моего возвращения в алтарь, на ступенях к алтарю произошло нападение на меня неизвестного злоумышленника, который с диким криком «ах, Патриарх» бросился на меня с поднятыми руками, чтобы нанести мне удар, но лишь благодаря тому, что в моей левой руке был высокий посох, удар был нанесен не в голову, а в плечо». Нападавшего доставили в 92-е отделение милиции. Он назвался И. Н. Таршиловым, о чём

был составлен протокол. Формально на Патриарха напал «одиночка». Но не секрет, что при постоянном сыске и оцеплении храмов силами КГБ и МВД, никакой «одиночка» не смог бы подойти к Патриарху во время богослужения. Надо восхититься мужеству и выдержке Алексия I (Симанского), умевшего хладнокровно вести переговоры с либерально-разбойным хрущёвским режимом, да ещё и в 84 года отбить по сохому нападение молодчика в кафедральном соборе.

При встрече 18 апреля Куроедов и его подчинённые не выразили Патриарху даже показного возмущения покусением на его жизнь и продолжали навязывать изменение порядка управления храмами и епархиями. Духовенство должно было стать, как они говорили, «наёмным персоналом», а все финансово-хозяйственные дела перейти к «исполнительным органам общин» (так называемым «двадцаткам» и старостам). Власть навязала однодневный Архиерейский Собор 18 июля 1961 г., где всё, ей нужное, было проштамповано, в том числе и вступление Московской Патриархии во Всемирный Совет Церквей.

Хрущёв неуклонно обособлял Украину. Митрополит Киевский Иоанн (Соколов) (+1968), человек старого образования, резко отвергал экуменизм. Ныне Денисенко, мягко говоря, преувеличивает, уверяя, что владыка Иоанн хотел-де видеть его своим помощником. На один незамеченный след нужно обратить внимание. В 1970 году Денисенко был в Риме и 15 февраля «... совершил Божественную литургию в русском домовом храме при Понтификальном коллегииуме «Руссикум» («ЖМП», 1970, № 8, с. 19). По кодексу католического канонического права, совместное служение католиков с другими конфессиями строго запрещено. Наказание – извержение из сана. Но иезуиты пустили Филарета служить в храм «Руссикума», – значит, Филарет был для них свой, «собрат». Вот где разгадка непотопляемости Денисенко при смене режимов на Украине. Его «киевский патриархат» – живое наследие хрущёвской политики обособления Украины и унии с Римом.

Униаты, называющие себя «греко-католиками», будучи на нелегальном положении в СССР, находили покровителей среди лиц, близких к Никодиму. Недаром недавно, на очередном собрании «автокефалистов» (униа-

тов-западенцев) в Харькове звучали признания: без «катакомб» 1960-х-1980-х гг. не было бы украинской «автокефальной церкви». Канадский экуменист Д. Поспеловский писал: «... одним из главных «поставщиков» нового поколения «катакомбных» священников в 60-е гг. был митрополит Никодим, глава Отдела внешних церковных сношений РПЦ...». Никодим (Ротов) и митрополит Иоанн (Вендланд) «... рукоположили несколько сот тайных священников».

Можно предположить, что Хрущёв, борясь с Православной Церковью, хотел создать несколько «церквей» – что-то наподобие обновленческой «Живой церкви». «Тайные рукоположения» начала 1960-х годов, скорее всего, были согласованы с Ватиканом. Конечно, не сам Хрущёв додумался до «катакомбных» рукоположений, но с присущим ему коварством оценил западные советы, возможно, переданные через посредников. *(И эти пресловутые катакомбники вкупе с диссидентами, слушавшими по ночам «Голос Америки» и ратовавшими якобы за освобождение России от пут коммунизма, позднее показали свое истинное лицо, став при первой же возможности униатами, раскольниками или вообще так называемой Свободной церковью, финансируемой через американских посредников все тем же Ватиканом).* Хрущёвские «катакомбные» кадры пригодились в 1990-е годы – «дети подземелья» составили контингент и филаретовцев, и униатов, и других всевозможных «самостийников».

Католические активисты, направляемые Ватиканом, сыграли активную роль в «пражской весне», нападая на православных, о чём публично заявил в мае 1969 года в Софии в Болгарии митрополит Пражский и всея Чехословакии Дорофей. О речи митрополита Дорофея папский журналист О. Клеман не писал, зато оправдывал захваты униатами православных храмов. «Православный» Клеман проговорился, что в Париже ходил в католический «маленький франкоязычный приход византийского обряда» [94].

Одновременно с ликвидацией храмов и монастырей, с гонениями на верующих и духовенство, Хрущев налаживал отношения с папским Римом и втягивал РПЦ в экуменическую западню, навязывая дружбу с Ватиканом.

ИСТОКИ ЭКУМЕНИЗМА²¹

До Хрущева Русская Православная Церковь не участвовала в экуменизме, оставаясь верной решениям Московского Всеправославного Совецания 1948 г. Под зарубежными связями понимались межправославные. Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС) Московской Патриархии возглавлял митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич). В 1958 г. Гос. Совет по делам РПЦ потребовал заменить «неспособных» работников ОВЦС «более подготовленными молодыми кадрами, в том числе из числа верующих гражданских лиц и преподавателей Духовных Академий и Семинарий» и создать «специальный факультет» по иностранным делам. Карпов, глава Совета, 4 июня 1959 г. записал: «Патриарх сказал мне, что он сегодня подписал указ о назначении архимандрита Никодима Ротова заместителем председателя отдела внешних сношений, как этого хотел Совет».

Поставив Никодима заместителем председателя ОВЦС в июне 1959 г., Совет перешел к открытой войне с Патриархией. Хрущёвский террор был в разгаре. Сам митрополит Николай (Ярушевич) говорил 18 июля 1960 г. Владыке Василию (Кривошеину) Бельгийскому: «Да... меня уволили так и так!» И при этих словах он сделал два энергичных жеста правой рукой со сжатым кулаком, сверху вниз, как бы наискось перед собою, будто бы рубил сплеча. Вероятно, что его добивали со всех сторон». Никодим (Ротов) стал чернить ещё живого митрополита Николая (Ярушевича), обвинив его, по хрущёвскому стереотипу, в... «культе личности», назвав «одиозной, неприемлемой фигурой» [104]. Власти быстро превратили ещё вчера крошечный ОВЦС в экуменический «спецфакультет». И ОВЦС начал расти, как на дрожжах, в противовес Патриарху Алексею I.

Однако Хрущёву надо было полностью заменить руководство Патриархии. 9–10 июня 1961 г. Фуров, чиновник Совета, и заместитель уполномоченного по Украине Гладаревский нагрянули в Успенский монастырь в Одессе, где отдыхал Патриарх Алексей. Посланцы Хрущева потребовали от Патриарха согласиться на закрытие четырёх монастырей и перемещение Одесской Духовной Семинарии

на окраину города. Кроме того – увольнение «одиозных фигур» – нескольких почтенных архиереев. И одновременно – повысить 32-летнего Никодима (Ротова) из епископов в архиепископы. Против этого категорически возражал верный секретарь Патриарха – Даниил Андреевич Остапов: «Это будет беспрецедентный случай в РПЦ; Никодим ещё молод, и в таком возрасте архиепископов ещё не было; Никодиму звание епископа присвоено совсем недавно, и давать ему архиепископа ещё рано». На Остапова чиновниками был составлен рапорт, что он «... вмешивается в дело подбора кадров, выдвигая каждый раз наиболее реакционных представителей духовенства..., стремится окружить патриарха мракобесами и помешать продвижению людей, лояльных к мероприятиям государства. Остапов всячески поддерживает политически сомнительных лиц». Эти характеристики религиоведы обычно опускают, иначе обнаружится, что мнимый «борец за сохранение церкви в нелёгкие годы гонений» – Никодим (Ротов) – был лишь «лояльным» лицом к этим самым гонениям. Итогом ультимативного нажима на Патриарха Алексия I (Симанского) и его секретаря Д. А. Остапова стало немедленное производство Никодима (Ротова) в архиепископы уже 10 июня 1961 г.

В дополнение ко всему еще с 1 января 1961 г. власти собирались ввести «всемирный календарь», одобренный сессиями Экономического и Социального Совета ООН в 1954 и 1956 гг. В 1962 г. Лениздат даже выпустил 100-тысячным тиражом книжку Селешникова «История календаря и его предстоящая реформа», а в ней – восхваление антихристианского календаря и летоисчисления французских революционеров, разглагольствования о «вреде» празднования Святой Пасхи, похвалы американским поборникам «всемирного календаря» во главе с Э. Ахелис и т. п.

10 октября 1962 г. хрущёвский Президиум ЦК КПСС решил послать наблюдателей от МП в Ватикан. На следующий день Иоанн XXIII открыл 2-й Ватиканский «собор». А ведь ещё 2 апреля 1959 г. Патриарх Алексий I в присутствии митрополита Николая (Ярушевича) заявил властям: «... по существующим каноническим законам Православная Церковь не имеет права участвовать в этом (Ватикан-

ском) соборе, а также направлять своих представителей в качестве гостей или наблюдателей. Кроме того, у Патриарха, как и у всей Русской Православной Церкви, нет стремления к участию в соборе, возглавляемом католиками».

«Братская» встреча Никодима с Тиссераном – часть экуменического плана. По данным современного испанского иезуита Э. Фраттини, Тиссеран был членом масонской ложи «Великий Восток Франции», и именно он, с согласия папы Пия XII, руководил во время Второй мировой войны заброской папских миссионеров из иезуитского «Руссикума» и других центров на временно оккупированные немцами территории СССР. 217 таких «миссионеров» были казнены нашими партизанами или пропали в лагерях в Сибири.

Тиссеран был «великим мастером всаднического ордена Св. Гроба Господня» – таинственной «рыцарской» организации. Он ведал архивами и папской библиотекой, знал ближневосточные языки. Рядом с ним был немецкий иезуит-кардинал Беа, ответственный за связи с Хрущёвым. Освобождение Хрущёвым гитлеровского пособника униата Слипого, подручного умершего Шептицкого, было тем более омерзительным, что 1963–1964 гг. стали кульминацией одностороннего разоружения СССР, подчёркнутого презрения к нашим военным. Слипой прибыл в Ватикан 9 февраля 1963 г. к Иоанну XXIII. Его преемник папа Павел VI (он же бывший кардинал Монтини, пособник нацистов) назначил Слипого кардиналом в 1965 г. С Павлом VI (1963–1978) не раз встречался в Риме митрополит Никодим (Ротов).

Запад только принял ФРГ в члены НАТО, как Хрущёв сентябре 1955 г. тоже признал Западную Германию, и туда сразу же отпустили нацистов, отбывавших наказание в советских тюрьмах и лагерях. Хрущёв пригласил в Москву немецкого канцлера иезуита Аденауэра, с которым сразу договорился об установлении дипломатических отношений. Пользуясь хрущёвскими уступками, Аденауэр уже в июле 1956 г. восстановил всеобщую воинскую повинность, как и Гитлер в 1935 г. В декабре 1955 г. членами ООН стали профашистские католические страны – Испания Франко и Португалия Салазара. Это было возможно только в случае, если СССР, как один из учредителей и постоянных членов

Совета Безопасности ООН, не применил права вето. Вероятно, Хрущёв хотел пересмотреть отношение к нацизму. Поставив в папы именно Монтини, покровителя усташей, США знали, что он не пойдёт на уступки «Востоку». Монтини избрал себе имя Павел, не выбиравшееся папами в Риме уже свыше трёхсот лет. Последним, кто носил это имя, был папа Павел V Боргезе (1605–1621), разжигавший в России Смутное время.

По официальным греческим экуменическим хроникам, представители Московской Патриархии были на похоронах папы Иоанна XXIII, а Павел VI прислал своих гонцов к Хрущеву в Москву несколько позже, но в том же 1963 г.

Вторая задача хрущёвской церковной политики – умножать в Патриархии число филокатоликов и не пускать туда православных – оказалась более сложной. Приходилось действовать через третьих лиц, сея раздоры внутри Московской Патриархии. А Патриарх Алексей I незаметно искал себе преемника, способного противостоять хрущёвским выдвиженцам.

К чему привела церковная политика Хрущёва? Множество памятников старины, икон, книг были варварски уничтожены. Внутрь Патриархии были внедрены «западники». Но «оттепель» не растворила национально-православного сознания, не превратила русский народ в толпу. К 1980 году вавилонская башня коммунизма так и не была построена, а ненавистные Хрущёву «русские попы» его пережили. Но ведь ни Рим, ни «западники» не успокаиваются. Вместо «мирового коммунизма» навязывают «мировой экуменизм». Папство называют «традиционным христианством» и идут походом на «наследие сталинизма», искореняя память о Великой Отечественной войне. Что покажет будущее?..» [94].

Еще одним величайшим злом и надругательством стало возжжение в каждом городе вечно огня – языческого или иудейского жертвенника, которому воздается честь, возлагаются венки, ставится почетный караул. Мало кто задумывается о жуткой мистической подоплеке этого осквернения Руси – кому она приносится в жертву?

Говорят, когда хоронили Хрущева, под гробом разверзлась бездна, и долгих усилий стоило, чтоб заполнить эту

пустоту – на яму положили стальную сетку, на нее доски, а сверху насыпали надгробие... к своим сотрапам он прошел транзитом.

ДИССИДЕНТЫ, УНИАТЫ И ООР

«В свете вышеизложенного наступившая после эпохи «застоя» перестройка русского государства в 1980-х годах была всецело направлена на разрушение не только и не столько СССР, как РПЦ. Причем в разрушители был определен очередной тайный иезуит, а затем и явный масон и экуменист Михаил Горбачев. Горбачёв имел связь с Синдикатом, Рокфеллерами, группой Бельдерберг и с французской масонской ложей «Великий Восток». Он действовал в духе русских и французских революционеров и разделял их утопические мечты. Как и американцы, Горбачёв являлся интернационалистом и масоном. Он расколол советскую империю, разрушил СССР и передал его в руки Синдиката, который продолжал работу по ослаблению России»²².

Относительно вероисповедания первого президента СССР можно привести следующее сообщение. «Михаил Горбачев, последний коммунистический лидер Советского Союза, впервые подтвердил свою христианскую веру, во время своего неожиданного визита для молитвы у гробницы св. Франциска в Ассизи. В сопровождении своей дочери Ирины, г-н Горбачев провел полчаса на коленях в тихой молитве у гробницы. Его поездку в Ассизи итальянская газета La Stampa назвала «духовной перестройкой».

«Св. Франциск является для меня alter Christus, вторым Христом, – сказал г-н Горбачев. – Его история очаровывает меня, и она сыграла фундаментальную роль в моей жизни. Именно через св. Франциска я пришел в церковь», – добавил он. Эти неожиданные признания Горбачева проливают новый свет на его встречу с Папой Иоанном Павлом II в 1989 году»²³.

Только благодаря предательской деятельности Горбачева, ставшего продолжателем хрущевских начинаний в прокатолической политике, была возрождена униатская церковь. Как ни странно, ее яркими заступниками оказа-

лись бывшие советские диссиденты, борцы за возрождение «свободной России», показавшие этим свою продажную Западу сущность. «В связи с «апрельским ветром» Михаила Горбачева, власти освободили украинских политзаключенных. Иосиф Тереля был выпущен в Канаду. Во Львове был создан комитет защиты Украинской католической церкви во главе с диссидентом Иваном Гелем.

В начале августа 1987 года группа духовенства во главе с епископом Павлом Васылыком заявила о своем выходе из подполья и оповестила об этом Москву и Ватикан. Вскоре об открытом существовании греко-католической церкви заявили епископ Софроний Дмытерко, архиепископ Владимир Стернюк, епископ Филимон Курчаба и епископ из Закарпаття Иоанн Маргытыч. В июне 1989 года на I Съезде народных депутатов СССР в защиту украинской греко-католической церкви выступил академик Сахаров, в газете «Советская культура» его поддержал филолог Сергей Аверинцев.

17 сентября 1989 года во Львове состоялась многотысячная демонстрация с требованием легализации греко-католической церкви и возвращения ей конфискованного имущества, Украину захлестнула униатская волна. Священники двойной юрисдикции заявляли о своей принадлежности к греко-католицизму.

1 декабря 1989 года Михаил Горбачев встретился с Иоанном Павлом II, после чего власти дали разрешение на регистрацию греко-католических приходов. В январе 1990 года по проблеме греко-католиков произошла встреча делегаций Ватикана и Московской патриархии, последняя сторона доказывала, что основная масса галичан – православные, которых воинственные националисты силой загоняют в унию. Патриарх Пимен послал телеграмму Горбачеву с просьбой защитить верное Родине Православие. Председатель ОВЦС владыка Кирилл Гундяев заявил по телевидению об убийстве нескольких православных священников в Галиции, что позже было опровергнуто информационными агентствами как непроверенные слухи. В то же время папа Иоанн Павел II официально признал каноническую правосильность 10 украинских епископов, посвященных в подполье»²⁴.

Предав Православную Церковь на Украине и бросив Россию на растерзание, Горбачев продолжил свою сатанинскую деятельность в параллельном русле. «В Сан-Франциско, на территории бывшей военной базы США Пресидио, с 1992 года обосновалась резиденция Gorbachev-Foundation, она же «Всемирный Форум». Именно Фондом Горбачева было принято решение о создании международной организации, которая взяла бы под свой контроль все религии мира – Организации Объединенных Религий (ООР), в основу которой легли масонские идеи Нового Мирового Порядка. С 2005 года она окончательно вступила в силу. В мире идет активная подготовка к принятию антихриста. ООР, по аналогии с ООН и другими межнациональными организациями, фактически сможет рекомендовать применение международных санкций против религий, которые откажутся сотрудничать с церковью антихриста» [105].

«Планы св. престола амбициозны. Совершив в результате II Ватиканского собора отступничество уже в отношении основополагающих положений христианского учения, он «открыл» себя для активного экуменического общения с представителями различных религиозно-мировоззренческих систем, сохранив при этом в полной неприкосновенности положение о папском примате. Это, в свою очередь, позволило ему претендовать на духовное лидерство уже в общемировом масштабе. Папство само в реальности является лишь орудием в руках более мощных транснациональных структур, внедряющих универсальную мировую религию и глобальную этику для всего человечества»²⁵. «Идея экуменизма в ее ватиканской трактовке возвращает ситуацию первых веков христианства. Ты можешь верить во что угодно, только поклонись римскому первосвященнику» [102].

«КОМИТЕТ 300»

«Не плоть, а дух растлился в наши дни. Меня удивляет одно в людях мыслящих, что они еще недовольно вообще поражены апокалипсическими признаками приближающихся времен. Этот таинственный мир, быть может, целый

мир ужаса, в котором мы вдруг очутимся, даже и не приметив этого перехода», – писал в середине XIX века великий русский поэт Тютчев» [77]. Что же говорить про наши времена.

«В начале двадцатого столетия древняя религиозная идея о мировом господстве избранной «свыше» элиты, наиболее ясно выраженная в талмудических мессианских чаяниях, вплотную подошла к своему политическому воплощению. Устранение с международной арены русской православной государственности, развал внутриевропейского политического баланса и невиданный рост технических возможностей управления обществом позволили приступить к практической деятельности по созданию интернациональных политических, экономических, юридических и иных механизмов реализации этого глобального замысла.

Решительным шагом на таком пути стало образование Лиги Наций – всемирной организации, имевшей, согласно уставу, своей целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». Официальное утверждение Лиги состоялось на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. (*когда Европа предвкушала разделение России*). Ее устав явился частью Версальского мирного договора, закреплявшего результаты Первой мировой войны. Первоначально членами организации объявили себя 44 государства, и еще 20 были приняты впоследствии, по мере того, как расширялись масштабы деятельности Лиги.

«Власть над человечеством, мировая гегемония... такая определенная цель, к которой со зловещим упорством стремится темная сила» религиозного богоборчества и тайного политического диктата, – писал один из виднейших русских эмигрантов, бывший депутат Государственной Думы Н. Е. Марков. – Создание мировой антихристианской диктатуры объявлялось в одной из резолюций конгресса «конечной целью, к которой в течение столетий веков стремилось масонство», и «освобождением человечества от всякого морального, религиозного, политического и экономического порабощения». Это напоминает Организацию Объединенных Наций! Могучая современная наследница

старой Лиги и сегодня ускоренными темпами осуществляет реализацию ее масонских положений во всех уголках земного шара. В них ничего не изменилось. Снова – «объединенная Европа» («от Атлантики до Урала», или иначе как – не имеет значения), снова – разговоры о «международном правовом пространстве». Есть даже новые достижения, например, действия «миротворческих сил», карающих ослушников...

Силы зла обретают в современном мире все большую власть. Но происходит это не из-за того, что их носители как-то по-особому умны и предусмотрительны. Нет, зло возрастает по мере того, как мы сами (!) отступаем от Заповедей Божиих, добровольно отсекая себя от животворного Источника добра и правды, справедливости и любви. Это не есть результат «заговора», но печальное следствие всемирной апостасии и может быть правильно понято и оценено лишь в рамках христианской эсхатологии, но не примитивных поисков виноватых во всем «заговорщиков». Впрочем, сие не отменяет наших обязанностей по мере сил бороться со злом во всех его формах, в том числе и социально-организованной – политической, экономической или религиозной...» [2 с. 195].

Кроме официальной формы есть еще и неофициальное аналогичное объединение. «Открытый заговор против Бога и человека, который включает в себя порабощение большинства людей, оставшихся на этой земле после войн, бедствий и массовых убийств, действует особо не скрываясь. Неизбежным следствием этого становится подрыв основ христианства; медленное, но неуклонное разрушение индустриальных национальных государств; уничтожение сотен миллионов людей, рассматриваемых Комитетом 300 как «излишнее население», а также устранение любого лидера, который осмелился бы стать на пути глобального планирования Комитетом 300 достижения своих целей. Члены этой элитной группы, которые также называют себя «олимпийцами», твердо верят в то, что они по божественному праву призваны осуществить следующее:

1. Установить правление Единого Мирового Правительства – Новый Мировой Порядок с объединенной церковью и денежной системой под их управлением. Немногие люди

знают, что Единое Мировое Правительство начало создавать свою «церковь» в 1920–30 годах, ибо оно осознает необходимость дать отдушину для естественной потребности человечества в религиозной вере, и поэтому учредило «церковную» организацию, чтобы направить эту веру в желательное для себя русло.

2. Полное разрушение национального самосознания и национального достоинства.

3. Разрушение религий и в особенности, христианства, за единственным исключением своей созданной религии, упомянутой выше.

4. Контроль за каждым человеком без исключения путем использования средств управления сознанием, а также посредством того, что Бжезинский назвал «технотроникой» (*т.е. путем чипирования людей, нанесения лазерных меток на людей – то, от чего предостерегает нас Священное Писание, что в Апокалипсисе названо печатью антихриста*). Это создаст человекоподобных роботов и такую систему террора, по сравнению с которой красный террор Феликса Дзержинского будет выглядеть как детская игра.

Советник президента США Картера по национальной безопасности, ведущий член «Римского клуба», член Комитета 300, Совета по международным отношениям, а также член старинной польской «Черной аристократии» З. Бжезинский в своей книге «Технотронная эра» объясняет, каким образом Америка сможет вступить в «совершенно новую историческую эру»: «Скоро станет возможно осуществлять почти непрерывный контроль за каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, содержащие помимо обычной информации самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека.

Соответствующие государственные органы будут иметь мгновенный доступ к этим файлам. Власть будет сосредоточена в руках тех, кто контролирует информацию. Существующие органы власти будут заменены учреждениями по управлению предкризисными ситуациями. Это породит тенденции на несколько последующих десятилетий, которые приведут к технотронной эре – диктатуре, при которой почти полностью будут упразднены существующие ныне

политические процедуры. Наконец, если заглянуть вперед до конца века, то возможность биохимического контроля за сознанием и генетические манипуляции с людьми, может вызвать ряд серьезных вопросов».

Для одурачивания «плебса» осуществляется древнеримский принцип – хлеба и зрелищ. Пропаганда разнuzданного секса и эпидемия наркомании преследуют цель отвлечь людей от происходящего вокруг. В одной из глав «Технотронной эры» объясняется, как развитие новых технологий повлечет за собой интенсивную конфронтацию, а также нагнетание социальной и международной напряженности. Один из центров такого наблюдения – это штаб-квартира НАТО в Брюсселе в Бельгии, где установлен гигантский компьютер под кодовым номером «666», который может хранить все типы данных, упомянутые в книге Бжезинского.

Использовать такую базу данных в США будет очень просто – достаточно лишь ввести в компьютер «666» номер водительского удостоверения или социального страхования, и наблюдение, о котором говорят Бжезинский и его коллеги из Комитета 300, будет обеспечено. Комитет еще в 1981 году предупредил все правительства, включая правительство СССР, о том, что «наступит хаос, если Комитет 300 не возьмет на себя полный контроль за подготовкой к установлению Нового Мирового Порядка. Контроль будет осуществляться через комитет, а также посредством глобального планирования и управления кризисами». Россия была приглашена принять участие в приготовлениях к установлению единого мирового правительства» [96].

Впрочем, о многом было известно еще раньше благодаря изданным в начале XX века С. Нилусом «Протоколам сионских мудрецов». Некоторые планы были обнародованы и в работах основателя «Римского клуба» Аурелио Печчеи (его книге «Перед бездной»). Джон Колеман извещал мир о преступных планах и замыслах «Комитета 300» еще в начале 90-х, когда многое воспринималось, как фантастика. Но сегодня все это начинает реализовываться. Очевидно, что мир близится к катастрофе, которая положит конец его существованию. Глобализация и экуменизм, охватывающие вселенную, служат мощнейшим рычагом, толкающим всех

в бездну. Расчищая путь антихристу, Ватикан призывает создать всемирный Центробанк как единственное средство спасения от экономического кризиса.

«Глобализация (построение управляемой однополярной модели мира с целью его тотальной колонизации «золотым миллиардом») – сложный и многомерный процесс. Россия всегда была и продолжает оставаться для мировой закулисы не только загадкой, но и непреодолимым препятствием на пути к полному мировому господству. Давно осознав это, глобализаторы разнообразили свой арсенал, применяя различные методы, цель которых – разрушить самосознание русского народа и организовать системный обвал всех систем управления страной. Для этого ставится задача собрать и централизовать информацию обо всех гражданах России, превратить Россию в слепой, но легко управляемый из любой точки планеты электронный муравейник. Затем обрушить её, завершив план А. Даллеса по уничтожению нашей Родины. Прикрываясь лицемерными лозунгами «борьбы с международным терроризмом», сильные мира сего выстраивают систему тотального контроля и глобального управления человеческим сообществом в масштабах планеты.

С этой точки зрения, находящийся на рассмотрении в Госдуме пакет законопроектов об электронной идентификации граждан – очередное звено в цепи, на которую глобализаторы стремятся заковать планету. Против России воюет мировое правительство – структура, сконцентрировавшая колоссальную финансовую мощь, и стремящаяся завоевать также и полное политическое господство.

Вводится обязательный для каждого человека «идентификатор персональных данных» – личный код, заменяющий имя человека. Носитель этой информации может технически совершенствоваться, вплоть до вживлённых в тело человека электронных чипов, как это уже делается в США, пока ещё на добровольной основе. На каждого гражданина заводится «электронное досье», где будут храниться самые разнообразные данные о человеке, включая биометрические (отпечатки пальцев, структура сетчатки или радужной оболочки глаза, голос, походка, запах тела, структура ДНК и т. д.) Причём доступ самого человека к персональным данным о себе будет ограничен, а лица, не прошедшие обя-

зательную «электронизацию», будут дискриминироваться: им, например, могут отказать в приёме на работу – то есть фактически будет организован своего рода «электронный апартеид».

Для хранения этой информации и дальнейшего распоряжения ею создаётся некий «государственный регистр населения РФ» – вопреки своему названию, совершенно надгосударственный орган тотального контроля над людьми и управления ими посредством воздействия на их здоровье и сознание, абсолютно не предусмотренный Конституцией РФ. Фактически будут подорваны основы российской государственности, и прежде всего – Конституции РФ, т.к. сбор информации о людях грубо нарушает конституционные нормы: право на свободу, неприкосновенность личности и частной жизни, личную и семейную тайну и т.д. Продолжится разрушение системы международного права, т.к. будет попирается один из основных его принципов – презумпция невиновности (добропорядочные граждане автоматически приравниваются к уголовным преступникам), ведь подобный сбор данных о человеке, в том числе биометрических, применялся ранее только к узникам фашистских концентрационных лагерей. Авторов законопроекта не смущает, что присвоение людям номеров было квалифицировано Нюрнбергским трибуналом как преступление против человечества» [106].

Господь предупредил обо всем в Апокалипсисе (в 13 и 14 главах все разъяснено), что антихрист будет клеймить своих рабов, и это клеймо потом не выведешь: оно запечатлевается и на душе, продавшейся за чечевичную похлебку. Людям присваиваются личные номера – кодировка антихристовой печати. Сегодня на бумаге, завтра на микрочипе в карточке, а послезавтра – чип в теле человека. Нынешняя мода на татуировку и пирсинг – это как раз и есть моральная подготовка людских масс на вживление в тело микрочипов и нанесение лазерной печати на лоб и руку. Недаром в народе издревле сложилась пословица – на лбу написано. Лет двадцать назад татуировка была отличительным знаком заключенных за уголовные преступления и никто из нормальных людей не дал бы себе вставить кольцо в нос или наколоть лилию на левом плече... а сейчас это в поряд-

ке вещей: и вживление чипов, и светящийся на лбу штрих-код одураченные массы будут воспринимать как очередной «прикол». До поры до времени, конечно. Только принявшие печать уже ничего не смогут исправить, поэтому так важно читать Апокалипсис: предупрежден – значит, вооружен.

А сейчас люди соглашаются на эвтаназию, на искусственное оплодотворение, меняют пол, внешность, трансплантируют органы, убивая рожденных и нерожденных младенцев для разбора на запчасти. Человечество подошло к финишу своего бытия на земле, практически исчерпав ее потенциальные ресурсы. Грех настолько разлился в земной атмосфере, что мы порой не замечаем его смрадного дыхания, зато с трудом воспринимаем чистый воздух жизни по вере. Творцами катаклизмов мир переворачивается с ног на голову.

Все, что веками считалось безнравственным, преступным, подлым, сегодня возведено в ранг добродетели. Как древнее человечество из-за общения с бесами было погублено в водах потопа, так последнее за подобные грехи будет предано огню, за которым последует вечность, для каждого своя. Никогда еще будущее всего мира так не зависело от нашего нравственного выбора, как сегодня. Если мы устоим в Православии и сохраним свою веру – Господь услышит наши молитвы, помилует и спасет, а если мы, через общение и соединение с оккультистами-еретиками утратим разумение Истины, то не сумеем настроиться на ту волну, на которой слышит нас Бог.

ВАТИКАН И ЭКУМЕНИЗМ

По церковному преданию, до последнего дня будет совершаться бескровная жертва и последние христиане антихристовых времен встретят Второе Пришествие Господне во Славе, как сказано апостолом: «Не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15, 51).

Поскольку Истина в Православии и больше нигде – не может быть много истин, то вся сатанинская экуменическая кампания направлена на уничтожение православной

веры, и, в частности, именно Русского Православия как максимально сохранившего догматы и обряды веры в перевозданной чистоте. Только у богоборцев отнят разум, они сами рубят сук, на котором сидят: если прекратится служение Божественной литургии по православному чину, Господь не станет терпеть грехи мира ни одного дня, человечество потеряет свою рентабельность в очах Божиих, наступит Страшный Суд и полетят творцы катаклизмов в свои запатентованные заранее адские тартары.

Нашим праотцам не надо было академических богословских знаний, чтоб убедиться в правильности веры, им хватало того искреннего чувства горячей любви к Богу, которая проистекала из их глубокого прирожденного благочестия, впитанного с молоком матери. Священное Писание, слышимое с детства дома и в храме, являлось главным назиданием для народа, стремление к высшему – святости, было отличительной чертой, возвышающей Святую Русь над другими государствами. Потому-то так ненавистна она врагам человеческого спасения, что, перефразируя Тертуллиана, каждый русский – потенциально православный ...

«Не удивительно и официальное рождение экуменизма из лона папизма по заказу иудействующего мирового правительства. Отпав от Вселенской Православной Церкви, католичество с каждым веком все более и более отдалялось от христианства, чтобы прийти к тому состоянию, в котором пребывает последнее время, когда уже отчетливо можно рассмотреть его сатанинскую сущность. Маска лицемерного христианства была снята на II Ватиканском Соборе, когда католическая церковь обнажила свое явное богоотступничество.

Поэтому католичество для всего христианского мира и, особенно, Православия, гораздо опаснее, нежели другие нехристианские религии и атеизм. Рим – католичество является антихристианской, находящейся под контролем сатаны, религией, ведущей активную, прикрываемую христианской фразеологией, скрытую борьбу против Бога (Пресвятой Троицы и Христа) и Его Откровения (Нового Завета), закладывающей основы для создания Вселенской Универсальной религии и Церкви. С официальным провозглашением римо-католиками нехристианского экуменизма, в качестве главной доктрины их деятельности маска

Святого Духа, под которой скрывался организатор экуменизма, была с него сорвана, явственно показав всему миру, кому служит Ватикан» [107 с. 19–21].

Веками трудились враги Православия, сея заблуждения и ереси, чтобы ввергнуть человечество в бездну безбожия, но экуменизм – это вершина сатанинской разрушительной изобретательности. Это итог опыта борьбы против Бога. С начала XX века наблюдается тенденция подчинения всех поместных Православных Церквей Константинопольской Патриархии, ставшей на путь обновленчества и экуменизма, о чем говорит ее постоянное участие в экуменическом общении со всевозможными еретиками: католиками, протестантами, монофизитами и проч.

«Подобная идея главенства Константинополя над всеми Православными Церквями имеет безоговорочную поддержку Ватикана, оно и понятно – в этом случае значительно облегчается процесс унии с Православием в целом – через игнорирование всех вероучительных и догматических расхождений достичь «политического» объединения Рима и Константинополя. Важный шаг в этом направлении был сделан так называемым «баламандским соглашением» – в июне 1993 года в Баламанде (Ливан) состоялся диалог между католиками и Православной Церковью. Был выработан документ, согласно которому представители пяти Православных Церквей признают католическую конфессию «церковью-сестрой», причем полностью забываются важнейшие богословские расхождения с папистами (*filioque*, первенство и непогрешимость папы и др.) и создается уния по плану, намеченному Ватиканом. «Баламандское соглашение» знаменует начало неслыханной ранее экклезиологии, в которой «церкви-сестры» существуют в отсутствии «полного общения». К сожалению, это более чем сомнительное соглашение подписал и представитель ОВЦС РПЦ» [98 с. 215–218] (хотя позднее экуменическая «теория ветвей» была осуждена на Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 году).

Итак, папистические, гегемонистские устремления Константинополя тесно связаны с его униатскими тенденциями, в первую очередь, с Римом. Для этого постоянно делаются заявления о «сближении богословских позиций церквей-сестер», перетолковываются серьезные догма-

тические различия с латинянами, проводятся антиканонические сослужения Константинопольских Патриархов с римскими папами (на которых, в целях демонстрации «единства веры», даже совместно прочитывается «Символ веры», но только на греческом языке), в чем проявляется настоящее отступничество Константинопольских Патриархов последних десятилетий.

Переход на новый стиль Элладской и Румынской церковей привел к нестроениям из-за разделения верующих и большим скорбям для оставшихся верными Православию. Известный старец Паисий (Эзнепидис) Святогорец (1924–1994), будучи сам старостильником, и многие другие подвижники благочестия были верными хранителями церковного календаря и святоотеческих канонов. Игумен Лангобардского монастыря, находящегося на острове Парос, старец высокой духовной жизни Филофей (Зервакос) (1884–1980) в 1968 году писал в письме к новостильному епископу Августину Флоринскому: «Поскольку старый стиль – это письменное Предание, а новый – новшество папистского и масонского происхождения, то всякий, отмечающий старый календарь и следующий новому, подлежит анафеме. Не думайте, что следование папистскому календарю – это что-то несущественное. Православный юлианский календарь – это Предание, и как таковое мы должны хранить его, иначе мы подпадем под анафему. Сейчас не время продолжать хранить молчание, не медлите же, спешите».

В конце 80-х годов греческими старостильниками было обнародовано обширное досье масонской программы, названной по имени Иоанна Векка – известного константинопольского патриарха-отступника, некогда вторгнувшегося на Афон и умертвившего там множество святых подвижников. Это досье содержало документы, раскрывающие тайны масонов и темных сил относительно Святой горы Афон и горы Синай [97].

По масонскому плану монастыри Святой Горы должны быть превращены в музеи, гостиницы – в туристический комплекс. Но на пути экуменического порабощения Афона встали монастыри, принадлежащие другим православным государствам.

Планы масонов не исполнились в срок, продлил Господь миру время на покаяние. Однако постепенно экуменизм вошел в иерархические структуры Константинопольской, Элладской, Александрийской и других восточных Церквей, представляя собой уже некую традицию. Особенно это проявилось в 60-х годах, когда папой Иоанном XXIII были приглашены православные представители на второй Ватиканский собор, проходивший с 1962 по 1965 год. Позже папа Павел VI демонстративно снял анафему, наложенную в 1054 году его давним предшественником на Константинопольского Патриарха Михаила Керулария и на всю Восточную Церковь. В ответ на это Патриарх Афинагор, как восточный папа, тоже демонстративно «снял» анафему с папистов.

Экуменизм всегда рассматривался католиками как присоединение всех церквей к римскому престолу, а не к единству истины. Преемник Афинагора, Константинопольский Патриарх Димитрий продолжил вероотступническую традицию. Он публично признал папскую власть как вышестоящую над Константинопольской Церковью и другими Церквами Востока. Такое экуменическое падение на Востоке произошло вследствие календарной реформы. При этом везде введению нового календаря предшествовало признание его догматической невинности. Почти все, кто признавал новый календарь допустимым новшеством и не обращал особого внимания на соборные проклятия Восточных Патриархов 1583, 1756, 1848 гг., в конце концов приняли это заблуждение.

Введение нового календаря – это этап на пути к антихристианскому объединению. В тайных планах масонов, внедрившихся в Православие, говорится о поэтапном уклонении от истины. Сначала им необходимо, чтобы все Поместные Церкви перешли на новый календарь. При этом они будут создавать видимость, что ратуют за истину и говорить: «Новая пасхалия – это каноническое нарушение, а календарь – нет. Только невежды в догматах могут осуждать исправленный календарь». Когда же все Поместные Церкви перейдут на новый, по сути дела, григорианский календарь, тогда должен вступить в силу следующий этап – римская пасхалия. Совершенно понятно, что у новостильных право-

славных церквей два пути: либо они возвратятся к старому стилю и обретут единство с традиционным Православием, либо перейдут на григорианскую пасхалию, соединившись с еретиками-католиками, и полностью отпадут от истины. Опыт принудительного введения нового календаря у экуменистов уже есть, так что ради единства с папским престолом они не пожалеют никаких средств» [97].

Еще одной отягощающей стороной латинства является его связь с иудаизмом, в последние времена все более откровенно обнажающая свою наготу. «Уже много лет Ватикан, исходя из позиций экуменизма, энергично проводит политику сближения двух принципиально разных религиозных воззрений и этических норм: мира христианского с миром иудейским.

В ходе этого процесса Ватикан старается изгладить всякие воспоминания того, что может не понравиться евреям, отвергающим Христа. Практически это означает одностороннюю ревизию Нового Завета и истории христианства в угоду представителям ортодоксального еврейства, для которых единственно приемлемое христианство – христианство без Христа. Им не нужен Христос, посланный Отцом Его Небесным возвестить миру Новое Учение, несущее Свет. Ссылаясь на Декларацию II Ватиканского Собора, французский епископат опубликовал в 1973 г. по случаю иудейской пасхи специальную декларацию, содержащую «Пастырские наставления касательно отношения христиан к иудаизму».

Утверждая «неизменное призвание еврейского народа», несмотря на его неверие в Иисуса Христа, декларация заявляет, что якобы «нельзя вывести из Нового Завета заключение, что еврейский народ лишился своего избранничества». Однако, в конце притчи о злых виноградарях, обращаясь к первосвященникам и фарисеям, Господь Сам делает следующий вывод: «Потому сказываю вам, что отнимется от вас царство Божие, и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21,43).

Декларация французского епископата заканчивается лукавым намеком, объединяющим христиан и иудеев, в форме риторического вопроса: «Их общая забота не касается ли мессианских времен?» Иначе говоря, здесь прово-

дится мысль, будто «мессианское» ожидание иудеев совпадает с истинным мессианством христиан! Это напоминает кощунственный намек кардинала Етчегарая – архиепископа г. Марселя. В интервью под заглавием «Двойная миссия Церкви в отношении евреев» Етчегарай устанавливает странное «соревнование между теми, кто ожидает грядущего мессию, и теми, кто ожидает его возвращения». Таким образом, посредством ложного смешения понятий Истинный Мессия, Который уже пришел – Господь наш Иисус Христос, оказывается отождествленным в Своем Втором Пришествии с лжемессией, пришествие которого подготавливается иудаизмом!

Впрочем, Великий раввинат Франции точно оценил предательский характер декларации Французского епископата и потому в хвалебном комментарии, опубликованном непосредственно после декларации, спешит подчеркнуть, что «Пастырские наставления» французского епископата совпадают с учением величайших еврейских богословов, согласно которым происшедшие из иудаизма религии имеют миссию подготовить человечество к наступлению мессианской эры, возвещенной Библией»!

После такого полного предательства со стороны французского епископата, которое равносильно отречению от Христа в пользу антихриста, нет ничего удивительного, что французские епископы заслуженно получили возглавление в лице польского еврея Люстиже, назначенного Парижским архиепископом в 1981 г. и произведенного в кардиналы в 1983 г. В связи с его неожиданным назначением израильское радио сделало следующий комментарий: «Новый Парижский архиепископ, который не скрывает своего еврейского происхождения, является иудаистом, который будет осуществлять иудаизм в христианстве»! Вот почему его французские пасомые, отнесясь с недоверием к своему «архиепископу кардиналу», иронически меняют его имя Люстиже на Люцифер! (Lustiger -Lucifer).

Впрочем и Иоанн Павел II ответствен за назначение кардинала Люстиже. Но в этом ничего удивительного нет: ведь сам папа масон. Еще в октябре 1983 г. итальянский журнал «Oggi» («Сегодня») напечатал в номере, который чуть не подвергся конфискации, скандальную фотографию, на кото-

рой виден папа Иоанн Павел II между участвующими в масонском банкете. Папа одет в черное, согласно строгому этикету масонских лож. Он включен со скрещенными руками в «братскую цепь», образуемую гостями – масонами вокруг банкетного стола. Немного дальше виден викарий Рима – кардинал Уго Полети, тоже известный масон из Ватикана.

Итак, папа, претендующий на главенство над всеми христианами, вдруг странно смиряется перед... раввинами, не признающими Господа Иисуса Христа и ожидающими своего собственного «мессию», который будет антихрист. Вот что совершает «наместник Христов»!

Заканчивая наш краткий очерк об отношениях папства с иудаизмом, мы хотим подчеркнуть также его актуальное апокалиптическое содержание, выраженное американским евреем Вениамином Кремом в его недавно вышедшей книге «Новое явление Христа и учителя мудрости», которую цитирует греческий архимандрит Арсений (Компугиа) в своей статье «Связь папы с антихристом» [108]. Согласно этой книге, опубликованной духовенством будущего «мессии», т.е. антихриста, он должен появиться очень скоро в качестве главы всемирного правительства. Один из планов, который он будет осуществлять, есть уничтожение христианской веры и установление новой всемирной религии посредством масонских лож. Автор подчеркивает решающую роль, которую будет играть при этом преемник настоящего папы для предательства христианства. После этого становится ясным, почему папа Иоанн Павел II отправил в марте 1986 г. призыв к иудеям, магометанам и христианам «объединиться под одним богом», а 27 октября того же года созвал 150 представителей разных религий (в том числе и православных) под своей эгидой в г. Ассизи (Италия). При этом некоторые из католиков основательно обвинили папу, что он создает новую религию, в которой он самого себя провозглашает главой.

Подобно «малому рогу», о котором говорит пророк Даниил (гл. 7, 8), Ватикан начинает уже играть среди европейских государств особую, преобладающую роль, этим предзнаменуя «объединенную Европу», которой папа считается уже «главным архитектором» (известный масонский термин!). Он напоминает также второго апокалиптического

зверя с двумя рогами, подобными агнчим, который, однако, говорит «как дракон» и «заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю» (Откр. 13, 11–12). Хотя и не дерзаем предвосхищать будущие события, мы однако можем задать себе вопрос: не является ли папа предтечей грядущего антихриста?!..» [63].

Продолжая тему католическо-экуменической мировой экспансии, следует упомянуть о нашумевшем скандале по поводу нового римского папы, «подсидевшего» своего предшественника. «Иезуитизм содержит в себе и индифферентизм, и фарисейство, и фанатизм, а потому он есть величайшее нравственное зло... Отречение Бенедикта XVI от власти произошло после беспрецедентного давления на него со стороны наднациональных финансовых кланов, давно замысливших перестройку Ватикана. 13 марта новым понтификом был избран архиепископ Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциска. Судя по рекордно коротким срокам работы конклава, вопрос о новом папе был решён уже заранее.

Бергольо стал первым понтификом-латиноамериканцем и первым папой-иезуитом. В условиях резкого упадка значения католицизма в Европе возрастает роль латиноамериканской церкви. Однако не стоит впадать в иллюзии. Аргентина, в которой провозглашена полная свобода вероисповедания, – единственная страна Латинской Америки, где узаконены однополые браки (с 2010 г.). Так что избрание папой латиноамериканца не столько свидетельствует о силе латиноамериканского католицизма, сколько, напротив, призвано укрепить ослабевший авторитет св. престола на континенте. Особенно символично, что произошло это одновременно с уходом из жизни Уго Чавеса, который воплощал собой антиглобалистскую Латинскую Америку.

Главная же задача нового руководства – ускоренная «новая евангелизация». Под красивой формулой скрывается старое содержание, суть его – в экуменической открытости и межрелигиозном диалоге, целью которого является дальнейшее размывание и христианской этики, и христианской догматики в «единой мировой религии» под началом римского папы, который сам пребывает под контролем «старшего брата».

В этом плане показательны, как тепло поприветствовал нового папу Всемирный еврейский конгресс (ВЕК), президент которого заявил, что они знают Франциска, который неоднократно посещал межконфессиональные встречи, организованные ВЕК и латиноамериканским отделением конгресса. Он также подчеркнул, что новый папа всегда открыт для диалога и способен навести мосты между католичеством и другими религиями, что, как они надеются, понтифик примет меры в отношении тех священнослужителей, которые отрицают существование Холокоста и что он укрепит связи между Ватиканом и Израилем.

Нельзя забывать, что суть иезуитизма – в его фарисействе, в его приспособительной морали, приучающей верующих под видом исполнения нравственного закона, в сущности, нарушать его, не подозревая этого. Если Православие стремится к сохранению вечного в нашем суетном мире, то иезуитизм это вечное приспособляет к миру и, извращая его, встраивает в современность. Как писал Ю. Ф. Самарин, иезуитский орден совершил великую «мировую сделку», заключив «унию между истиною и ложью, добром и злом, Божьею правдою и человеческою неправдою».

Показательна позиция нынешнего «чёрного папы» иезуитов испанца Адольфо Николаса (высказанная в студии сибирского католического телевидения «Кана») о сути служения иезуитов в современном светском обществе. По его словам, мир нуждается в такой системе управления, которая будет эффективна в глобализованном, многообразном и взаимосвязанном мире. Надо сказать, что такая гибкая позиция иезуитов осложняла их отношения с Бенедиктом XVI, который предпочитал опираться на консервативную конгрегацию «Легионеры Христа» и «Опус Деи». Иезуиты же оставались на втором плане. С избранием Франциска орден не просто взял реванш, он добился полной победы. Новый папа, гибкий иезуит, подходит к выполнению экуменической миссии идеально.

Свою «открытость» к диалогу со всеми новый папа ясно продемонстрировал в ходе торжеств по случаю инаугурации. Он постоянно вспоминал наследие Второго Ватиканского собора, неоднократно цитировал модернистского папу Иоанна XXIII, расхваливая решения понтификаль-

ных советов, направленных на углубление межрелигиозного диалога. Как выразился Ломбарди, речь идёт о «подтверждении продвижения диалога на всех направлениях, как в отношении других христианских церквей, так и в отношении иудеев, мусульман и всех мужчин и женщин, пребывающих в поисках добра, красоты и истины». Среди гостей папы были представители различных иудейских организаций, мусульманских сообществ и буддистов (известно о финансовой поддержке со стороны иезуитов тибетских лам).

Однако особое внимание было уделено Православным церквям. И неспроста впервые в истории христианства на инаугурации папы присутствовал известный экуменист Константинопольский патриарх Варфоломей (такого не было не только после, но и до 1054 г.), который восседал по правую руку от понтифика в таком же, как и тот, кресле. Недаром папа так много времени уделил беседе с главой ОВЦС РПЦ митрополитом Иларионом, который считает, что главным препятствием для встречи папы и Патриарха Московского и всея Руси являются нерешенные проблемы с украинскими униатами. Но опять-таки недаром новый папа ещё будучи архиепископом Буэнос-Айреса был ординарием восточных католиков, в частности тех, кто не имел своей иерархии, и, очень хорошо зная восточный обряд, имеет прекрасные отношения с главой УГКЦ Шевчуком.

В условиях повсеместного назревания социального взрыва сильным мира сего очень нужен «бедный папа», усыпляющий нравственную бдительность верующих. Главная же задача иезуитов – обеспечить укрепление власти транснационального класса собственников путём создания иллюзий его чудесного перерождения в спасителя человечества. И пока папа будет создавать «бедную церковь», богатые будут завершать ограбление народов в целях установления своего тотального господства над миром. Франциск на св. престоле – это и есть soft power («мягкая сила») по-иезуитски»²⁶.

Анализируя русскую историю – ничего хорошего избрание иезуита на папский престол Православию не сулит. Если брать только по-крупному – Смутное время, гонения на православных в западно-русских землях, старообрядческий рас-

кол в РПЦ, придворные интриги XVIII века, нашествие Наполеона, польские агрессии и восстания, Японская, Первая и Вторая мировая войны, все русские революции, насаждение унии и экуменизма не обошлись без помощи сподвижников Игнатия Лойолы. Продолжают они, судя по вышеизложенному, в том же духе. Так что расслабляться некогда.

ЦЕРКОВЬ И МОДЕРНИЗМ

Сегодня вопрос «быть или не быть» Православной Церкви, русскому народу и всему миру поставлен перед каждым из нас. Мы очевидцы исполнения тех событий, о которых писал боговдохновенный ап. Иоанн Богослов в «Откровении». Строители Нового Мирового Порядка близки к осуществлению своей мечты. Осталось преодолеть последний рубеж – слияние всех вер в одну (сатанинскую) и подчинение всех людей власти зверя через принятие его печати.

«Новомученик архиепископ Иларион (Троицкий) еще в начале XX века писал: «Наше время – время всяких подделок и фальсификаций, Церковь подменена христианством; живая жизнь – отвлеченным учением. Стираются в сознании многих границы между Православием и ересью, между истиной и заблуждением. Выплыло в современном религиозном сознании какое-то неведомое Церкви всехристианство. Православие и католичество поставлены на одну ступень. Появилось несколько церквей – православная и католическая, даже протестантская, англиканская и т.д., хотя казалось бы, должно быть ясно, что у Одного Главы может быть лишь одно тело».

«Создать внутри Русской Православной Церкви прослойку архиереев и священников, симпатизирующих католическому вероучению и служащих делу заключения новой унии – вот основная задача Ватикана на современном этапе борьбы с Православием. Ради этой цели – поглощения Православия – Ватикан и использует метод проникновения в православную иерархию тайных униатов (или, что то же, «тайных католиков»), которые, формально оставаясь в лоне Православия, вели бы среди своей паствы прокатолическую пропаганду. Из уст этих, так сказать, пра-

вославных клириков часто звучит защита догматических лжеучений католицизма, апология латинских святых, униатское толкование многих церковных канонов и просто сомнительные высказывания, не имеющие ничего общего с вероучением Православной Церкви» [26].

«Каждый православный христианин должен выбрать, чьему учению он будет следовать – кардинала Виллеббрандса, митрополита Никодима (Ротова), о. Георгия Кочеткова и подобных им «харизматических» и «уникальных» личностей, или святых отцов церкви. Модернисты подменяют тесный, духовный путь ко спасению, указанный Спасителем и Духом Святым и явленный нам в опыте и творениях святых отцов, – на широкий, душевный путь «усовершенствования» Православия учениями и опытом еретиков» [20 с. 151–154].

Наше время – время нравственного выбора. Когда на Ферраро-Флорентийском соборе греческие иерархи просили святителя Марка Ефесского (†1457): «Найди нам выход – икономию», святитель-исповедник им ответил: «Дела веры не допускают икономии. И хотя между светом и тьмою есть нечто среднее, именуемое сумерками, однако, между истинной и ложью среднего нет ничего», – и один из всех не подписал унию.

«Рана, нанесенная Церкви отступничеством во Флоренции, не зажила до сих пор. Мало изменились и вечно воинствующие «дети Агари» (Быт. 16:11, 12). Всё так же и латиняне призывают к объединению на их условиях. Вводятся такие термины и методы как «богословие моста», «макета для единения», «богословие двух легких», «сестрическое богословие». Латиняне, спекулируя на словах апостола (Евр. 13:8), говорят, что Церковь не должна разделяться. С этим никто не спорит. Однако Церковь и не разделялась. Латиняне просто отпали от Истины. Не отменено 7 правило III Вселенского Собора, постановления Московского Собора 1441 г. также действуют. Как во времена св. Марка Эфесского в 1997 г., Архиерейский Собор Русской Православной Церкви указывает на «глубокую озабоченность нашей Церкви продолжающейся экспансией унии...».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Еще на заре христианства один из древних подвижников – авва Исхирион – говорил ученикам, что они соблюдают по возможности все, заповеданное Спасителем. Спустя некоторое время после них христианские подвижники будут исполнять половину их делания, а в последние времена люди станут настолько немощны духовно, монашество оскудеет, что практически не смогут нести никаких трудов, какие были под силу древним отцам, но главным подвигом последних монахов будет стояние во Истине. И если они сохранят неповрежденной христианскую веру, то будут выше первых. И этой верой сегодня является Православие.

Преподобный Оптинский старец Варсонофий в 1911 году писал: «С тайной монашества Восточного неразрывно связаны и конечные судьбы христианского человечества, судьбы всего мира... в нем сокрыта тайна «конца». С исчезновением монашества исчезнет и христианство. С исчезновением христианства исчезнет и внешний мир: придет конец его. Кто не понимает монашества, тот не понимает христианства, кто ненавидит монашество, тот ненавидит Господа Христа, хотя бы он и верил во Христа. Такая вера не спасительная, она не вера отцов, она не православная: это вера еретическая, сектантская, антихристианская и в последних временах весь мир и так называемый «духовный» будет охвачен этой верой...

Выявившаяся ненависть к монашеству в наше время, не всеми еще примечаемая, служит таинственным знаком окончательно завершившегося богоотступления и неопровержимо свидетельствует, что наступила для христианства, как носителя тайны Христовой – наступила ночь Реформации. Как ни странно, а в историческом движении носителями этой ненависти к монашеству, а потому к христианству, было духовенство, предстоятели святых престолов. Современное духовенство и мир смотрят ныне на монашество, как на своего злейшего врага. И эта ненависть

богоотступного мира и богоотступного духовенства не является случайной... в ней сокрыта тайна конца, или, выражаясь языком Евангелия, – тайна жатвы».

Латинский рейх продолжает свое разрушительное шествие по планете. Его цель – не столько тела, сколько души православных христиан. При самом зарождении христианства в Риме в его среду проникло латинство – этот конгломерат иудейства и сатанизма, с человеческими жертвоприношениями и культом разврата, который, как раковая опухоль, изнутри разъел всю западную церковь. Теперь же это латинство прорвалось наружу гноем экуменизма и творит свой смертоносный путь на Восток, пытаясь осквернить своей заразой и русское Православие. Много раз Русь за свое тысячелетнее существование подвергалась величайшим бедствиям из-за внешних и внутренних врагов, и когда казалось, что невозможно ей уже восстать, с Божией помощью она поднималась из пепла унижений и бед и расцветала более прежнего. Господь даровал России изобилие земных богатств, она занимает самую обширную в мире территорию, но самое главное богатство ее народа – это Православие. Имея его, русский народ неизмеримо богаче всех остальных вместе взятых неправославных народов, ибо обладает через истинную веру надеждой на вечное блаженство в Небесных чертогах.

Мир стоит у последней черты. Творцы катаклизмов готовят приход антихриста. Католицизм, иудаизм, экуменизм, мусульманство со всех сторон нападают на Истину – Святое Православие, главный и самый многочисленный носитель которого – русский народ, славяне. Против них ведется война – особенно Украину и Беларусь пытаются отторгнуть от отеческой веры. Сохраним неповрежденное Православие – сохраним себя и весь мир, питающийся крохами благодати от православного стола. Господь оставил нам обетование: «Не бойся, малое стадо! Яко благоизволи Отец ваш дати вам царство» (Лк. 12, 32).

-
1. Здесь и далее курсивом отмечены вставки и примечания составителей сборника по ходу цитируемого текста.
  2. Хронология Вселенских Соборов приводится по работе П. Смирнова «История Христианской Церкви».
  3. Статья составлена на основе религиозного справочника и книги «Папство и его борьба с Православием»
  4. <http://www.newsru.com/religy/16jan2013/cath-jewish.html>
  5. Русская историческая библиотека <http://rushist.com/index.php/west/470-alcuin>
  6. Статья по книге Бутми Н. Л. «Каббала, ереси и тайные общества», Санкт-Петербург, 1914 г.
  7. Статья по книге Бутми Н. Л. «Каббала, ереси и тайные общества», Санкт-Петербург, 1914 г.
  8. «Повесть временных лет» под 1054 годом, перевод Д. С. Лихачёва
  9. Выдержка из работы Б.Я. Рамма, в советской историографии исследовавшего тему католической агрессии на Востоке.
  10. Святой царь Иоанн Грозный. <http://www.srnrem.info/2009/05/29/yoann-grozniy/>
  11. Календарь «Святая Русь»: <http://www.rusidea.org/@=25062502>
  12. Календарь «Святая Русь»: <http://www.rusidea.org/@=25062502>
  13. «The English Review», июнь, 1925
  14. Белокриницкая или австрийская иерархия. <http://www.vehi.net/brokgauz/all/010/10307.shtml>
  15. Климов А. «Ядовитые рыбы. Сионисты и масоны в Японии». Электронная библиотека «Грамотей»
  16. «Illustration», 21. 1.1933
  17. «Рим и Москва, 1900-1950»
  18. Шкляев В. «Да исправится молитва моя» <http://yarcenter.ru>
  19. Фроянов И. Я. «Сталину удалось сделать то, о чем мечтал Данилевский» <http://zvezda.ru>
  20. Иерей Александр Шумский «Хрущевизм – беда России»
  21. По материалам статьи Н. Селищева «Хрущёв и его церковная политика», «Русский вестник», 10.04.2010
  22. <http://konec-sveta.org/analitika/conspiracy-theory/gorbachev.html>
  23. Михаил Горбачев посетил гробницу св. Франциска Ассизского. Posted март 21st, 2008 by admin 19/03/2008, Telegraph.
  24. «Легализация»
  25. Четверикова О. «Как «уходили» папу Бенедикта XVI», oko-planet.su
  26. Четверикова О. «Как «уходили» папу Бенедикта XVI», oko-planet.su

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. (Карелин), Архимандрит Рафаил. *Христианство и модернизм*. Москва : Московское Подворье Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры, 2010.
2. (Снычев), Митрополит Иоанн. *Самодержавие духа*. Санкт-Петербург : Царское Дело, 1994.
3. Нилус, С. А. *Близ есть при дверех*. Сергиев Посад : 1917.
4. Платонов, О. А. *Терновый венец России*. Москва : 1998.
5. (Буткевич), Священник Тимофей. *Язычество и иудейство*. 1914 : Санкт-Петербург.
6. Большаков, В. И. *По закону исторического возмездия*. Москва : 1998.
7. Кулибина, О. *Путь змия*. Нью-Йорк : 1962.
8. Гумилев, Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь*. Москва : 2008.
9. Де-Скороховский, К. О. *От мрака к свету*. Санкт-Петербург : 1997.
10. (Сахаров), Протоиерей Николай. *Православие и католичество*.
11. (Смирнов), Протоиерей Петр. *История христианской Православной Церкви*. Санкт-Петербург : 1903.
12. Дворкин, А. Л. *Очерки по истории Вселенской Православной Церкви*. Нижний Новгород : 2006.
13. (Зноско-Боровский), Протоиерей Митрофан. *Православие, римо-католичество, протестантизм, сектантство. Сравнительное богословие*. Москва : 1998.
14. Карташев, А. В. *Вселенские соборы*.
15. (Карелин), Архимандрит Рафаил. *О языке православной иконы*. Санкт-Петербург : Сатис, 1997.
16. Достоевский, Ф. М. *Избранное*. Москва : Сретенский монастырь, 2000.
17. Воейков, Н. Н. *Церковь, Русь и Рим*. б.м. : Лучи Софии, 2000.
18. *Дух христианина*. 2005 г.
19. Шамбаров, В. Е. *От Киева до Москвы*. Москва.
20. (Михайлов), Дьякон Андрей. *Церковь и модернизм. Сети обновленного Православия*. М. : 1995
21. Аристидис Пападакис, прот. Иоанн Мейендорф. *Христианский восток и возвышение папства*. Москва : ПСТГУ, 2010.
22. (Соколов), Протоиерей Серафим. *История восточного и западного христианства*. Москва : Издательство московского института духовной культуры святого равноапостольных Кирилла и Мефодия. Издательский дом «Миръ». 2008.
23. Горичева, Т. *Только в России есть весна. О трагедии современного Запада*. Москва : Русский хронограф, 2006.
24. Бутми, Н.Л. *Каббала, ереси и тайные общества*. Санкт-Петербург : 1914.
25. (Коцонис), Архимандрит Иоанникий. *Афонский Отечник*. Саратов : 2011.
26. *Ересь папизма*.
27. Ульянов, А. В. *Русская символика*. Москва : Астрель, 2009.
28. *Каббала - заговор против Бога*. б.м. : Сибирская благовозвница, 2008.
29. Заборовский, Эдуард. № 5 (2800), журнал : Вокруг света, май 2007 г. Рубрика «Загадки истории». Статья «Тайна казны тамплиеров»
30. (Погодин), Архимандрит Амвросий. *Святой Марк Ефесский и Флорен-*

- тийская уния*. М. : Посад, 1994 г.
31. *Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века*. Лебедев, А. П. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2013 г.
  32. (Зыкунов), Диакон Борис. Дипломная работа. *Ферраро-Флорентийская Уния и гибель Византийской империи*. Москва : Издание Перервинской Духовной Семинарии, zykunov.narod.ru 2004.
  33. Эпштейн, А. Д. *Орден иезуитов*, 1970. www.gumer.info
  34. Боголюбов, Н. *Тайные общества XX века*. Санкт-Петербург : 1996.
  35. Николаев, К. Н. *Восточный обряд*. 1948. Экспансия Рима в Россию М. : 2005 г.
  36. Марков, Н. Е. *Войны темных сил*. Париж : 1928-1930.
  37. (Витовницкий), Старец Фаддей. *Мир и радость в Духе Святом: поучения, беседы*. М. : Новоспасский монастырь, 2008 г.
  38. (Сербский), Свяtitель Николай. *Душа Сербии*. Москва : 2006.
  39. Перевезенцев, С. В. *Россия. Великая судьба*. Москва : Белый город, 2007.
  40. Карташев, А. В. *Очерки по истории русской Церкви. Том 1*. Париж : YMCA-PRESS 1959.
  41. Карташев А.В. *Православная мысль*. Труды Православного богословского института в Париже, 1928 г.
  42. Татищев, В. Н. *История России т.2*. Москва : 1962.
  43. Шамбаров, В. Е. *Тайна воцарения Романовых*. Москва : 2007.
  44. Ключевский В. О. *Благодатный воспитатель русского народного духа. Речь в Московской Духовной Академии*. 26 09 1892 г.
  45. Алексеев, А. И. *Ересь стригольников: вольнодумцы или колдуны. Сборник статей Удмуртского Гос. Университета*. Санкт-Петербург-Ижевск, 2001 г.
  46. *Религиозный справочник*.
  47. (Снычев), Митрополит Иоанн. *Плач по Руси великой*. Санкт-Петербург : Царское дело, 1994.
  48. Куклев, Ю. М. *Уроки Флорентийской унии*. www.donskoi.org/166 опубликовано 12.08.2010 г.
  49. Беляков, К. В. *Ересь «жидовствующих» и ее взаимосвязь с эсхатологическими ожиданиями конца XV века*. www.biblicalstudies.ru/НСМ3.html
  50. Манягин, В. Г. *Вождь воинствующей Церкви*. Москва : Вождь Воинствующей церкви: Царь Иоанн Грозный в иконографии XVI–XVII веков. М. : «Библиотека Сербского Креста», 2003.
  51. Фомин, С. В. *Правда о первом русском царе*. М. : Русский издательский центр. 2010 г.
  52. Шахмагонов, Н. *Иоанн Грозный не убивал своего сына!* б.м. : Академия Российской истории, 2008.
  53. *Что есть дьякон “всяя Руси” против Царственного игумена Земли Русской*. Болотин, Л. Москва : 19-20 декабря 2002. www.zaistinu.ru/news/materials/bolotin.shtml
  54. (Сарашевич), Епископ Савва. *Летопись почитания архиепископа Иоанна (Максимовича)*. Москва : Российское отделение Валаамского общества Америки, 1998.

55. *Уроки Смутного времени. Большаков, В. И.* Екатеринбург : Доклад на VII Международных Ильинских научно-богословских чтениях, 27-28 апреля 2009 года.
56. (Салтыков), Протоиерей Александр. *Брестская уния 1596 года и подвиг экзарха Никифора.*
57. (Снычев), Митрополит Иоанн. *Тайна беззакония.* Санкт-Петербург : Царское дело, 1995.
58. Шамбаров, В. Е. *Правда варварской Руси.* Москва : б.н.
59. (Снычев), митрополит Иоанн. *Русь Соборная.* Санкт-Петербург : Царское дело, 1995.
60. Успенский, Ф. И. *История Византийской империи. Восточный вопрос.* Москва : 1997.
61. Селищев, Н.С. Свои и чужие в Смутное время. *Русский вестник*, 13.11.2010.
62. Бычков, А. Ф. *Описание славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки.* Санкт-Петербург : 1878. Т. 1.
63. Носов, С. *Папство и его борьба с Православием.* Москва : 1993.
64. Знаменский, П. В. *Руководство к русской церковной истории.* Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2006.
65. Соловьёв, С. *История русского государства т. 10 гл. 3.*
66. *Церковный раскол. Мифы и реалии. Боголюбцы во главе раскола.* Москва : Альманах Державное слово, выпуск 3. 2009 г.
67. Карташев, А. В. *Очерки по истории русской Церкви, т. 2.* Париж : 1959.
68. Иванов, В. Ф. *Русская интеллигенция и масонство.* Москва : 1997.
69. Острецов, В. М. *Масонство, культура и русская история.* Москва : 2004.
70. Кустарев, А. *Монархия и революция. Павел I и иезуиты.* // «Космополис», 2008 № 2
71. Тихонов, А. К. *Католики, мусульмане и иудеи в Российской империи в последней четверти XVIII и начале XX вв.* 2008 г. Изд-во СПбГУ
72. Веремеев, Ю. *В защиту императора Павла.* www.army.armor.kiev.ua/hist/pavel_1.shtml
73. *Житие преподобного Авеля-прорицателя.* Коломна : Ново-Голутвин женский монастырь, 1995.
74. Мержеевский, В. *Оклеветанный император.* www.pravoslavie.ru/archiv/oklevet-imper.htm
75. Селищев, Н.С. Война 1812 года. *Русский вестник.* 2012 г.
76. Гоголь, Н. В. *Избранные места из переписки с друзьями.* Санкт-Петербург : б.н.
77. Башилов, Б. *История русского масонства.* Москва : Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации». 2003.
78. Тютчева, А. Ф. *При дворе двух императоров.*
79. Тальберг, Н. Д. *История Русской Церкви 1801 - 1908.*
80. Петрушко, В. *Краткий очерк истории католической церкви в России.* www.sedmitza.ru/text/413945.html
81. Священник Сергей Штурбабин, кандидат богословия. *История Церкви. Конкордат 1847 года.*
82. (Брянчанинов), Свт. Игнатий. *Собрание сочинений в семи томах, т. 4.* Санкт-Петербург : Оранта, 2011.

83. (Затворник), Свт. **Феофан**. *Письма о христианской жизни*. М. : Отчий дом, 2009.
84. (Сербский), Святитель **Николай**. *Миссионерские письма*. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2011
85. **Мультагули П.В.** *Господь да благословит решение мое. Имп. Николай II во главе армии и заговор генералов*. 2008 г. НТЦ Форум
86. **Смирнов, А. В.** *Россия в годы правления Николая II*. Минск : 2010.
87. *Современное обновленчество - протестантизм "Восточного обряда"*.
88. *Ватикан против Православия / Современное обновленчество / www.blagogon.ru/biblio/49/ «Еки и Коменти», март 1921 г.*
89. *Краткий очерк истории католической церкви в России*.
90. *Истина и жизнь*. 1993 г., 10.
91. *Истина и жизнь*. 1996 г., 1.
92. *Церковные ведомости*. Югославия Ср. Карловцы, 1925 г., 21-22.
93. *Русское слово*. Варшава, 1936 г., 101.
94. **Селищев, Н. С.** Хрущев и его церковная политика. *Русский вестник*. 10. 04. 2010 г.
95. (Цыпин), Протоиерей **Владислав**. Обновленчество. Раскол и его предыстория. *Сети обновленного Православия*. Москва : Русский вестник, 1995.
96. **Колеман, Джон**. *Комитет 300*.
97. (Успенский), Священник **Дмитрий**. Знамена над Афинами. *Старый стиль лучше новых двух*, 2004.
98. **Каверин, Н.** Восточный папизм Константинополя. *Современное обновленчество – протестантизм «восточного обряда»*. Москва : 1996.
99. **Губонин, М. Е.** *Акты Святейшего Патриарха Тихона*. Москва : Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994.
100. **Селищев, Н. С.** Греческий митрополит - борец с масонством. *Русский вестник*. 18. 10. 2010 г.
101. (Буфеев), Протоиерей **Константин**. Патриарх Сергей, обновленчество и несостоявшаяся реформация Русской Церкви XX века. 20.12.2011 г. www.ortedu.ru
102. **Чеверикина, О. Н.** *Измена в Ватикане, или заговор пап против христианства*. Москва : Эксмо-Алгоритм, 2011.
103. Гонения на Церковь при Хрущеве. *Нескучный сад*. Москва, октябрь 2012 г.
104. (Кривошеин), Архиепископ **Василий**. *Две встречи*. Санкт-Петербург : 2003.
105. **Мандалян, Элеонора**. Горбачев-Фонд и новый мировой порядок. *В мире*. 25 (687).
106. **Кашин, В. И.** *Обращение зам. председателя Комитета Госдумы РФ по природным ресурсам и природопользованию*.
107. **Алексеев, Г.** *Римо-католичество и экуменизм*. Москва : 1996.
108. (Компугна), Архимандрит **Арсений**. Связь папы с антихристом. *Ортодок-сос Типос*. 12. 11. 1986 г., 723.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Часть I

Избранный народ и сыны погибели	7
Римское государство и Римская курия	15
Христианство покоряет империю.	23
Вселенские Соборы и тыльная сторона ересей	29
Главные заблуждения в Римо-католичестве	40
История отпадения Запада	65
Папство и поддельные документы	74
«Как далеко восток от запада...» (Пс. 102,12)	80
Эпоха Ключийских реформаторов	86
Отпадение римской церкви	94
Предыстория тайных обществ	98
Магомет и тайные общества ислама	105
Крестовые походы	110
Тамплиеры или инкассаторы?	117
Уния – это толерантность?.	125
Падение Константинополя	132
Ренессанс	138
Индульгенции и инквизиция	142
Протестантизм	144
Иезуиты – эвиониты (иудеохристиане?)	149
Масонство	162

Часть II

Три крещения Руси.	169
Борьба с Хазарией	173
Рождение в купели	178
Ярослав Мудрый	185
Воины Христовы	193
Погром пятой колонны Киева.	200

Юрий Долгорукий	206
Андрей Боголюбский	209
Зловещая тень Ватикана	214
Монголо-татары – кара или благо?	222
Тверь и Лионская уния	225
Литва, Орда и Русь	228
Ересь стригольников	240
Флорентийская провокация и Автокефалия РПЦ	243
Государь Иван III и его эпоха	248
Ересь жидовствующих	253
Москва – Третий Рим	262
Иезуитский плацдарм	271
Установление патриаршества на Руси	276
Брестская уния	281
Смутное время	286
Покаяние Руси	294
Новые диверсанты Ватикана	296
Патриарх Филарет	303
Россия, Малороссия и РПЦ	308
Патриарх Никон	312
Истоки старообрядчества	315
Латинские корни русского раскола	319
Симеон Полоцкий и латинизация общества	329
Борцы за веру или изуверы?	332
Время Софии и... иезуитов	336
Царь Петр	342
Век дворцовых переворотов	350
Анна Иоанновна	354
Елизавета Петровна	359
Масонство в России	365
Петр III и сценарий 1917-го	372
Екатерина II и польский вопрос	375
Беды и победы империи	381
Император Павел I	387
Император Александр I	393
Отечественная война 1812 года	397

Борьба за души	407
Заговор декабристов	410
Царственное миссионерство	413
«Отторженные насилием воссоединены любовью»	421
Австростарообрядцы	428
Священная война	433
Победное шествие Истины	440
Папизм и нигилизм	445
Золотая осень империи	450
Николай II и русская Голгофа	455
Начало конца	462
Католики и большевики	465
Римо-обновленчество	479
Греция и календарная реформа	484
Церковно-славянский язык	492
Иосиф Сталин	495
Духовная подоплека Второй мировой	499
Новомученики сербские	509
Холодная война и иезуиты	514
Советский Юлиан Отступник	520
Истоки экуменизма	524
Диссиденты, униаты и ООР	528
«Комитет 300»	530
Ватикан и экуменизм	537
Церковь и модернизм	548
Послесловие	550
Список литературы	553

ЛАТИНСКИЙ РЕЙХ

ИСТОРИКО-БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК